

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОНЧАРОВЪ.

ИСТОРІЯ ОДНОГО УБІЙСТВА.

(Романъ [1]).

XIX.

Когда Гринштейнъ вернулся, Соня стояла по серединѣ зала. Онъ не узналъ ея. Блѣдная, какъ стѣна, съ огромными, какъ уголь, горящими глазами, она смотрѣла на него съ выраженіемъ ужаса и ненависти, и губы ея дрожали.

— Шпіонъ!... Шпіонъ!—шептала она... Предатель!—говорила она, ломая руки.

Онъ не выдержалъ ея взгляда и опустилъ глаза. Онъ вновь закурилъ погасшую сигару и проговорилъ:

— Не тебѣ разыгрывать возмущенную добродѣтель...

Она подняла на него глаза, не понимая.

— Да, не тебѣ... Мнѣ ничего не нужно... Я жилъ на свое жалованье... И былъ честенъ... Все изъ-за тебя...

Разъяренная, она пошла на него:

— Негодяй!

— Ну, да, теперь еще дерись... Деликатная особа!...

— Слушай... Если ты предалъ Задонскаго...

Она не кончила. Но глаза ея метали искры. И въ этомъ видѣ она была страшна.

При этомъ имени онъ поднялъ голову и язвительно улыбнулся.

— Вотъ о комъ ты безпокоишься!... Значитъ, въ немъ все дѣло?... Не вообще.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXVIII, стр. 353.

— Ты не посмѣешь тронуть его... Слышишь? Не посмѣешь...

— Это мое дѣло.

— Нѣтъ... Не посмѣешь. Иначе...

— Что «иначе»? Кончай.

— Я тебя убью,—прошептала она. Губы ея дрожали. Въ ея жестѣ, выраженіи глазъ, во всей ея фигурѣ было столько рѣшимости, ненависти, угрозы, что онъ вдругъ перемѣнилъ топъ.

— Не знаю,—сказалъ онъ:—съ чего ты взяла, что дѣло идетъ о Задонскомъ. Онъ совсѣмъ въ сторонѣ. Увѣряю тебя. Рѣчь идетъ о другихъ, объ его врагахъ...

— Замолчи, замолчи, несчастный...Я не хочу знать... Но помни... что я сказала... Ты меня не знаешь... Ты меня никогда не понималъ...

Она задыхалась. Не отдавая себѣ отчета, она мяла въ рукахъ ленту отъ платья, кусала себѣ губы до крови, глаза ея блуждали, ничего не видя, и она повторяла:

— Не знаешь... не зналъ никогда...

Теперь Гринштейнъ упалъ въ кресло и, закрывши пальцами глаза, рыдалъ.

— Я знаю... знаю, почему ты безпокоишься о немъ... Ты его любишь.. Я давно видѣлъ. И за то я ненавижу его... Ненавижу.

— Но ты его не тронешь... Клянись, что не тронешь.

Онъ молчалъ, продолжая плакать, понимая, что всѣ его планы были ни къ чему, что всѣ его жертвы были принесены втуне и что онъ погибшій человѣкъ—подлый, опозоренный, одинокій. Бѣшенство овладѣло имъ. Онъ ненавидѣлъ теперь всѣхъ и все, и самое Соню, счастье которой, онъ думалъ, что устраиваетъ цѣною своего паденія.

А она продолжала:

— Я не люблю его... Я просто преклоняюсь передъ нимъ, какъ передъ нравственной силой... Онъ на меня и вниманія не обратитъ... Я уйду... Но я не позволю его тронуть... Я за него отомщу... Онъ лучшій изъ людей, которыхъ я видѣла... Его надо оставить... Если Задонскій исчезнетъ, свѣтъ померкнетъ... Исчезнетъ доброта, благородство... Міръ опустѣетъ... Другіе пусть... Но не онъ... Не онъ... Ты обѣщаешь?

— Отстань.

— Подумай. Я предлагаю тебѣ сдѣлку: оставь его. Я ничего не скажу... Я останусь съ тобою... Мы уѣдемъ...

— Но мысли твои будутъ съ нимъ...

— Пока онъ будетъ въ опасности изъ-за тебя, да... Ты не говорилъ о немъ? Нѣтъ?..

Она дотронулась рукою его головы и тотчасъ отдернула ее, какъ будто коснулась лягушки.

— Я тебѣ ужъ сказалъ.

Она стояла надъ нимъ и глядѣла на его затылокъ, чистенькій и коротко стриженный, и ненавидѣла и презирала его. Ей вспомнился первый вечеръ ея знакомства съ нимъ, когда онъ говорилъ о большихъ людяхъ, о людяхъ-факелахъ, и потомъ другой вечеръ, въ Эрмитажѣ, гдѣ она въ первый разъ увидала Задонскаго. И она подумала: въ самомъ дѣлѣ онъ любилъ его тогда, или только рисовался знакомствомъ съ такимъ важнымъ человѣкомъ? «Конечно, рисовался,—рѣшила она.—Блудливый и мелкій человѣкъ, развѣ онъ могъ бы заинтересовать ее, если бъ не окружилъ себя ореоломъ дружбы съ большимъ дѣятелемъ? И она очень хорошо помнила, что именно эта его дружба расположила ее къ нему, хотя онъ произвелъ впечатлѣніе мальчишки, который любитъ конфеты. Никогда она не принимала его въ серьезъ. Ничтожный и лгунишка. Un être vicieux изъ тѣхъ, которые ради своихъ удовольствій обворовываютъ хозяйскія кассы, попадаютъ на скамью подсудимыхъ и плачутъ на судѣ. Какая дрянь! Какъ я могла съ нимъ спать, показывать ему свое тѣло, вѣрить ему, рисковать имѣть отъ него ребенка, такого же уродца, какъ онъ самъ! Онъ все вралъ, и теперь вретъ. Если не предалъ, то предастъ, гадина... Только бы дожить до утра...»

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, она сказала:

— Сказалъ! Мало ли что ты говорилъ!.. Ты долженъ былъ довѣриться мнѣ... Если правда, что любишь, что сдѣлалъ это ради меня... Подумай, если ты попадешься, если они узнаютъ,— вѣдь они тебя убьютъ, какъ... кролика... Выдай Задонскаго, и сейчасъ всѣ узнаютъ, что это ты сдѣлалъ. Узнаютъ и пришибутъ... или изуродуютъ, какъ того, что ты разсказывалъ, котораго облили сѣрной кислотой...

— Я не такъ виноватъ, какъ ты думаешь... Это не было такъ просто... Тутъ было сцѣпленіе обстоятельствъ... Этотъ старикъ— ужасный человѣкъ... У меня не было выхода... И я боялся тебя потерять...

— Это не резонъ... Но ты не одинъ... Я съ тобою... Не забывай, что этотъ старый волкъ и тебя надуетъ. Наобѣщаетъ что угодно, и обманетъ. Ты ничего не получишь. Задаромъ загубишь и себя и другихъ. Ты себя отдалъ цѣликомъ въ его руки... Онъ сдѣлаетъ съ тобою, что захочетъ... Онъ тебя звалъ къ себѣ завтра утромъ?

— Вечеромъ.

Радостная улыбка мелькнула на ея лицѣ. Какъ ни въ чемъ не бывало, она возразила:

— Все равно... Онъ звалъ, чтобы допрашивать. Онъ куетъ желѣзо, пока горячо. Помни, не говори ничего, пока не выдастъ обѣщанной суммы, которая дастъ намъ возможность уѣхать...

— Ты не уѣдешь...

— Уѣду... При одномъ условіи: если не тронешь Задонскаго.

— Ты все твердишь: Задонскаго... Это даже не хитро. Шито бѣлыми нитками...

— Не думаешь ли ты, что я тебя боюсь, что мнѣ приходится съ тобою хитрить?

— А вотъ же хитришь, потому что боишься...

— Увидишь, подожди, боюсь ли я тебя.

Она уже знала, что ей нужно было, и не хотѣла ссориться. Она ушла въ комнату, наскоро раздѣлась и легла. «Лишь бы поскорѣе утро», думала она, закутываясь въ одѣяло и не обращая вниманія на Гринштейна, который, раздѣвшись, тоже легъ рядомъ. Но ихъ тѣла не соприкасались. Соня закутала одѣяломъ все тѣло, какъ въ пальто, и лихорадочно обдумывала то, на что теперь она безповоротно рѣшилась...

Задонскій сидѣлъ, вымытый и одѣтый, но безъ пиджака, за круглымъ столомъ, на которомъ были наложены книги и бумаги, и что-то писалъ, когда дверь отворилась, и на порогѣ, взволнованная и блѣдная, показалась Соня. Онъ вскочилъ ей навстрѣчу, надѣвая пиджакъ, и протянулъ ей обѣ руки.

— Вы здѣсь? Такъ рано? Я бы подумалъ, что вы еще въ постели.

Она улыбнулась, поднимая на него кроткій взглядъ.

— Васъ это удивляетъ?

— Немного.

— Мнѣ нужно съ вами говорить.

— Я къ вашимъ услугамъ,—сказалъ онъ, придвигая кресло и вопросительно глядя.

— О, не такъ скоро... Дайте передохнуть... Я такъ бѣжала... Какъ у васъ хорошо, чисто, уютно,—сказала она, обводя взглядомъ его комнату.—И не подумаешь, по вашей обстановкѣ, что здѣсь живетъ человѣкъ, за которымъ гоняется полиція.

Онъ улыбнулся.

— Я люблю чистоту и порядокъ. Но я это дѣлаю тоже изъ-за полиціи. Она бѣгаетъ главнымъ образомъ за студентами, а также за рабочими. Меня она ищетъ между ними. Ей въ голову не приходитъ, что подъ такимъ спокойнымъ жильцомъ, прилично одѣтымъ, скрывается такой революціонеръ, какъ я.

Она сомнительно покачала головою.

— Боюсь, вы ошибаетесь. Въ послѣднее время вы такъ неосторожно ведете себя, вездѣ показываетесь. Васъ всѣ знаютъ. На грѣхъ мастера нѣтъ. Вы бы должны были беречь себя.

— Я и берегусь. Это очень мило, что вы заботитесь обо мнѣ.

— Потому что я васъ люблю,—сказала она просто, но съ такой искренностью, съ такой грустью и съ такой усталостью въ голосѣ, что ему стало ея жалко. Двѣ слезинки показались въ ея глазахъ и покатились по щекамъ.—Я васъ люблю, и боюсь за васъ,—добавила

она.—Ахъ, не говорите ничего. Все, что вы можете сказать, я уже себѣ говорила много разъ... Я васъ люблю, какъ не считала себя способной любить... Я скверная, эгоистка, пустая, необразованная. Мнѣ никогда никого не было жалко. Я люблю богатство, наряды, я самолюбива и тщеславна. Но я все отдамъ, и самую жизнь, съ наслажденіемъ, съ восторгомъ, чтобы васъ спасти... Подождите... Не говорите... Мнѣ ничего отъ васъ не надо. Ничего, только немного жалости, потому что я очень несчастна... Я презираю Гринштейна... Онъ мнѣ противенъ съ тѣхъ поръ, какъ я васъ узнала...

— Но онъ васъ такъ любитъ, бѣдный мальчикъ...

— Онъ совершенно ничтоженъ и гадокъ... Повѣрьте... Но не надо говорить о немъ. Я пришла говорить о васъ... Знаю, вы слишкомъ честный человѣкъ, чтобы желать отнять жену у того, кого считаете другомъ...

— Да онъ и есть мой другъ, несмотря ни на что... Онъ немного безхарактеренъ. Но у него хорошее сердце. Я въ этомъ убѣдился много разъ.

Она съ досадой повела плечами и продолжала:

— Все равно. Но опасности, которыя васъ окружаютъ, не вымышлены, не плодъ моего воображенія. Повѣрьте. О, мой другъ, вѣрьте мнѣ... Я видѣла... Я поняла... Я женщина; а любящая женщина, говорятъ, бываетъ ясновидяща...

Она заплакала, и не удерживалась.

Взволнованный, онъ взялъ ее за руку, стараясь ее успокоить.

— Послушайте, перестаньте, будьте сильны. Я считалъ васъ болѣе мужественной. Въ самомъ дѣлѣ, что случилось? Изъ симпатіи ко мнѣ вы преувеличиваете... Это неразумно.

— Что же вамъ нужно?.. Нужно, чтобы васъ арестовали, чтобы вы мнѣ повѣрили?!.

— Что же мнѣ нужно дѣлать, по-вашему?

— Нужно, чтобы вы на время исчезли. Такъ исчезли, чтобы никто, рѣшительно никто не зналъ, куда вы дѣлись. Лучше всего уѣхать за границу, чтобы всѣ затеряли вашъ слѣдъ на нѣкоторое время...

— Это невозможно. У меня дѣла. Уѣхать теперь было бы съ моей стороны нечестно.

— Въ послѣднее время столько народа арестовали. Если кто-нибудь изъ нихъ начнетъ болтать.

— Я этого не боюсь. Никто не знаетъ, гдѣ и подъ какимъ именемъ я живу, кромѣ Гринштейна и еще двухъ-трехъ лицъ, въ которыхъ я увѣренъ, какъ въ себѣ самомъ.

— И я не знала. Но вотъ же узнала, когда понадобилось.

— Вы—другое дѣло.

— Нѣтъ, онъ и мнѣ не долженъ былъ сказать вашей тайны. Вѣдь въ концѣ концовъ я не революціонерка...

— Тѣмъ не менѣе вы пришли меня предупредить... Онъ зналъ, кому говорить. Вы не можете его осуждать за то...

Это его упорное нежеланіе понять привело ее въ отчаяніе. Она хотѣла ему крикнуть: «Несчастный! Гринштейнъ, не другъ, а сыщикъ, на жалованьи у Третьяго Отдѣленія!»

Но она не рѣшилась. Онъ захочетъ спасать другихъ прежде, чѣмъ спасать себя самого. Онъ скажетъ, что она сама виновата, что она довела мужа до паденія и что онъ, Задонскій, былъ всегда противъ брака Гринштейна съ нею, что она молчала, подозрѣвая, откуда онъ беретъ средства къ жизни, и теперь заговорила только потому, что влюблена. Теперь она ясно видѣла свою вину. Она упала головою на облокоченную о столъ руку и вновь горько заплакала, потрясаемая рыданіями.

Но ея искреннее отчаяніе уже сообщилось ему. Онъ взволновался.

— Не плачьте, другъ мой,—сказалъ онъ.—Можетъ быть, вы правы. Я подумаю. А пока, и чтобы доказать вамъ, какъ я склоненъ слѣдовать вашему совѣту, я сегодня же перемѣню квартиру. Я приму всѣ мѣры къ моей безопасности. Довольно?

Она подняла голову. Лучъ радости и надежды мелькнулъ на ея лицѣ. Но она отвѣтила почти съ нѣжностью:

— Этого мало, мой другъ. Вы должны исчезнуть на нѣкоторое время. Васъ ищутъ. Быть можетъ, черезъ часъ уже будетъ поздно. Это эгоистично, но знайте: если съ вами произойдетъ несчастье, я умру, я не захочу жить. Сдѣлайте, умоляю васъ, какъ я говорю. Скройтесь на мѣсяцъ-другой. Потомъ вы вынырнете, и вы будете еще болѣе сильны, еще болѣе неумолимы для вашихъ враговъ...

— Для нашихъ, скажите.

— Они мои враги, потому что они ваши. Но я бы сказала неправду, сказавши, что они мои враги по другой причинѣ. Потомъ, да. Но вамъ я не могу врать... Я была такая гадкая, такая безсердечная... Вы измѣнили меня, потому что я васъ люблю, вы мой богъ, моя мысль, вся цѣль моей жизни. Скажите, да? Хотите? У меня есть планъ!..

— Говорите, говорите, посмотримъ...

— Вотъ. Только, ради Бога, вѣрьте моей искренности. Не думайте, что я сочинила все это, чтобы увлечь васъ съ собою. Вѣрьте, что это дѣлается только для того, чтобы спасти васъ отъ опасности, васъ, только васъ, безъ заднихъ цѣлей...

— Я слушаю.

— Я имѣю возможность достать паспортъ, для васъ и для меня. Я найду деньги. Я увѣрена, что въ первомъ классѣ, съ паспортомъ на имя человѣка съ положеніемъ, въ сообществѣ съ молодой, кокетливой женщиной вамъ удастся безъ всякаго риска переѣхать границу...

— А Гринштейнъ какъ отнесется къ этому?

— Ни онъ и никто другой ничего не должны знать.

Все это показалось Задонскому страннымъ, запутаннымъ и романтическимъ. Онъ видѣлъ одно: Соня любитъ его и хочетъ его изолировать, заставить дѣйствовать въ ея цѣляхъ. Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, какъ въ немъ проснулось новое, еще не испытанное чувство къ этой странной женщинѣ. Но онъ не хотѣлъ поддаться этому чувству. Совѣсть запрещала ему строить свое благополучіе на несчастьи другого человѣка. Онъ молча прошелся по комнатѣ. Выпилъ стаканъ воды, потомъ сказалъ:

— Идите домой. Я подумаю, а вечеромъ дамъ отвѣтъ.

— Только не приходите къ намъ. Извѣстите городской депешей. А до тѣхъ поръ уходите отсюда. Помните, что минуты терять нельзя.

— Я такъ сдѣлаю. Даю вамъ слово.

Она успокоилась. Лицо ея прояснилось. Она крѣпко пожала ему руки, бросила на него счастливый взглядъ и легкой поступью вышла.

Тогда Задонскій наскоро одѣлся. Запихалъ въ карманы нужныя бумаги, положилъ въ сакъ перемѣну бѣлья и, въ свою очередь, вышелъ изъ дома.

Онъ направился на Курскій вокзалъ, сдалъ свой сакъ на храненіе, пошелъ назадъ, по направленію къ фабрикѣ, гдѣ работалъ Гринштейнъ, и вызвалъ его.

— Послушай,—сказалъ онъ:—мнѣ нужны деньги, которыя я тебѣ довѣрилъ. Непредвидѣнныя обстоятельства заставляютъ меня уѣхать на нѣкоторое время. Пойди, принеси ихъ. Я тебя буду ждать черезъ часъ,—онъ подумалъ нѣсколько мгновеній,—у памятника Пушкину.

Очень блѣдный, тотъ спросилъ:

— Куда жъ ты собираешься? Надолго?

— Иди скорѣе. Я тебѣ скажу послѣ, когда вернусь... Меня ищутъ. Говорятъ, полиція напала на мой слѣдъ...

— А-а!..

— Да. А потомъ, какъ только сможешь, пойди ко мнѣ на квартиру, заплати, что я долженъ, и перенеси мои вещи и книги къ себѣ.

— Хорошо. До скораго свиданія...

Онъ повернулся, чтобы уйти. Задонскій крикнулъ ему:

— Кланяйся женѣ, потомъ, когда увидишь ее.

И они разстались.

Часъ спустя, когда Задонскій подходилъ къ памятнику Пушкина, четыре руки схватили его сзади. Онъ былъ арестованъ.

XX.

Соня напрасно прождала весь вечеръ обѣщанной депеши Задонскаго. Часовъ въ десять, не будучи въ силахъ оставаться дольше въ неизвѣстности, она одѣлась и пошла къ Задонскому. Домъ былъ окруженъ полиціей. Окна комнаты, въ которой онъ жилъ, были ярко освѣщены. Съ другого тротуара она увидѣла силуэты людей, которые тамъ ходили. Она окаменѣла отъ ужаса. Ноги подкашивались подъ нею. Она прислонилась къ стѣнѣ. Но какой-то человѣкъ въ чуйкѣ, подозрительно всматриваясь въ нее, прошелся разъ и другой. Тогда она поправила платокъ на головѣ и поплелась назадъ. Зубы ея стучали. Ей было холодно, какъ будто морозъ стоялъ на улицѣ. И одна мысль была у нея въ головѣ: Задонскій погибъ, благодаря ей, и теперь все кончено.

Гринштейна дома не было. Она прошла къ себѣ, раздѣлась, погасила лампу и легла. Голова ея горѣла. Все происшедшее казалось ей тяжелымъ сномъ. На минуту она забывалась, и просыпалась тотчасъ, вздрагивая, какъ будто отъ электрическаго удара. И тогда вновь съ необычайной силой передъ ней возставала мысль, что случилось огромное несчастіе, что вся жизнь ея разбита, что когда настанетъ утро, оно освѣтитъ опустѣвшій міръ, ненужный, холодный, и что она одна, безъ цѣли, и не будетъ знать, куда дѣться и что съ собою дѣлать. Впросонкахъ она слышала, что Гринштейнъ вернулся, ходилъ по комнатѣ и что-то бормоталъ. Ей показалось, что онъ поетъ. Она прислушалась,—это онъ плакалъ. Потомъ онъ всталъ, передвигалъ кресло, выдвигалъ ящики стола, опять ходилъ и наконецъ рухнулся на диванъ. Черезъ мгновеніе онъ захрапѣлъ.

Онъ казался ей теперь такимъ далекимъ, чужимъ и омерзительнымъ...

Когда она проснулась, Гринштейна не было. Это ее обрадовало. Тогда она стала медленно и тщательно одѣваться передъ зеркаломъ, какъ будто собиралась въ гости. Лицо ея было помято и некрасиво. Она напудрилась, подвела глаза, подрумянила губы. Потомъ она надѣла свое черное платье и новую шляпку, надушилась, надѣла перчатки. Еще разъ повернулась передъ зеркаломъ и, удовлетворившись этимъ обзоромъ, накинула мантилью и вышла. На улицѣ она позвала извозчика и велѣла везти себя въ зданіе градоначальства.

Иванъ Егорычъ былъ очень занятъ операціями предшествующей ночи. Въ его пріемной шмыгали агенты въ штатскомъ, звенѣли шпоры жандармовъ. Тѣмъ не менѣе, когда ему доложили о приходѣ Гринштейнъ, онъ тотчасъ принялъ ее. Онъ сдѣлалъ два шага ей навстрѣчу, поцѣловалъ ручку, усадилъ въ кресло и, стараясь сохранять свое выраженіе влюбленнаго кота, спросилъ:

— Чѣмъ обязанъ чести видѣть васъ?

— Иванъ Егорычъ,—сказала она:—боюсь, что мы сдѣлали глупость... Мы слишкомъ поторопились... Я въ ужасѣ... Всю ночь я не сомкнула глазъ... Я дрожу отъ страха...

Онъ бросилъ на нее недоумѣвающій взглядъ.

— Ну, да... Мой мужъ не хотѣлъ послѣдовать моему совѣту. Онъ поступилъ, какъ мальчишка... Не надо было трогать Задонскаго...

Иванъ Егорычъ наморщилъ брови и насторожился.

— Почему?—спросилъ онъ, подозрительно оглядывая ее.—Я смотрю на дѣло иначе.

— И вы ошибаетесь... Мой мужъ поступилъ неосторожно. Онъ слишкомъ выдвинулся впередъ. Мы попадемся. Нигилисты узнаютъ, такъ или иначе, чьихъ рукъ это дѣло. И тогда мы погибли... Я теряю голову отъ ужаса...

По его лицу она видѣла, что ея страхи не производятъ на него никакого дѣйствія. Она приложила платочекъ къ глазамъ и добавила:

— Они его убьютъ, несчастнаго!.. Ахъ, не говорите!.. Вы сами знаете, что я говорю правду.

— Хотите охрану?—спросилъ онъ.

Она съ досадой повела плечами.

— Но какъ они узнаютъ, помилуйте? Задонскій подъ замкомъ, и ручаюсь вамъ, что мы его не выпустимъ... Мы слишкомъ давно гонялись за нимъ. Всѣ мѣры приняты, чтобы онъ не могъ сообщаться ни съ кѣмъ...

— Но онъ не все будетъ здѣсь. Вамъ придется перевезти его въ тюрьму, гдѣ, несмотря на всѣ мѣры, политическіе преступники сообщаются между собою посредствомъ стѣнного телеграфа, а черезъ другихъ, имѣющихъ свиданіе съ волей, или подкупая сторожей, сообщаются съ внѣшнимъ міромъ... Вы это знаете лучше меня.

— Это возможно. Но я не вижу, какимъ образомъ они узнаютъ, что именно вы и вашъ мужъ предали его властямъ?..

— Очень просто. Мой мужъ былъ одинъ изъ двухъ-трехъ людей, которые знали, гдѣ онъ скрывается.

— Мы его взяли на улицѣ... въ то время, какъ онъ собирался на вокзалъ, чтобы убѣжать...

— Это ничего не значитъ... Знаете вы, что вчера утромъ я была у него?

— А-а,—произнесъ онъ, игриво прищуривая глаза.

— Да. Я была у него. И могу васъ увѣрить, что онъ никуда не собирался.

— Однако при его арестѣ мы забрали у него всѣ его бумаги. Намъ извѣстно, кромѣ того, что онъ вышелъ изъ дому съ саквояжемъ, который оставилъ, вѣроятно, на какомъ-нибудь вокзалѣ...

Вашему мужу онъ сказалъ, что уѣзжаетъ... И взялъ у него свои деньги...

— Онъ только хотѣлъ перемѣнить квартиру...

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы потомъ уѣхать вмѣстѣ со мною...

И, видя изумленіе въ глазахъ старика, она добавила:

— Онъ надѣялся, по крайней мѣрѣ. И въ этомъ планѣ я его поддерживала... Надо вамъ сказать, что я была противъ ареста Задонскаго... Помните нашъ разговоръ о центральномъ комитетѣ? Я надѣялась все разузнать о немъ при посредствѣ Задонскаго. Мой мужъ для этого не годился. Онъ слишкомъ афишировалъ свои средства. Онъ становился подозрительнымъ. Про него ужъ стали ходить неблагопріятные слухи... Вотъ почему я хотѣла сама познакомиться съ вами. И заставила мужа пригласить васъ къ намъ. Я могу сдѣлать то, чего онъ не можетъ. И это, благодаря дружбѣ моей съ Задонскимъ.

— Только дружбѣ?—спросилъ онъ съ тонкой усмѣшкой.

— Только дружбѣ. Онъ, можетъ быть, надѣялся на другое. Даже навѣрно надѣялся, потому что въ послѣднее время онъ вдругъ началъ очень усиленно ухаживать за мною, старался сдѣлать изъ меня революціонерку...

— Да,—сказалъ Иванъ Егорычъ серьезно:—какъ революціонерка, вы были бы хорошимъ пріобрѣтеніемъ.

— Онъ даже проектировалъ сдѣлать со мною поѣздку за границу.

— Въ вашемъ сообществѣ кто бы не захотѣлъ это сдѣлать, Софья Андреевна...

— Вы очень любезны,—отвѣтила она, бросая на него кокетливый взглядъ.—Но я продолжаю....Во мнѣ недаромъ течетъ полицейская кровь... Я бы согласилась. И тогда вся революціонная организація за границей и въ Россіи была бы въ моихъ рукахъ.

— Да,—сказалъ Иванъ Егорычъ,—въ этомъ есть мысль.

— Еще бы! Я за смѣлость и за широкіе планы. Если бъ правительство согласилось дать Задонскому возможность бѣжать, я и теперь готова осуществить этотъ планъ. Что вы думаете объ этомъ? Правительство могло бы даже дать необходимыя средства на такое путешествіе?

Онъ молчалъ. Ея сердце замирало въ ожиданіи его отвѣта.

— Очень смѣлый планъ, многоуважаемая Софья Андреевна. Хорошо задумано. Это дѣлаетъ честь вашему воображенію.

— Такъ въ чемъ же остановка?

— Но... есть «но». Пойманную птицу полезно держать въ клѣткѣ. Мы слишкомъ долго гонялись за нею...

— Я бы ее вернула въ клѣтку.

— Да, да. Вы такъ думаете. Но Задонскій красивый малый и опасенъ даже для такой умной дамы, какъ вы. Оставшись съ нимъ

въ столь долгомъ tête-à-tête, кто можетъ поручиться, что вы устоите противъ его чаръ и не раскроете ему все? Сердце имѣетъ свои тайны, сударыня, а вы, несмотря на вашъ умъ, еще слишкомъ молоды, чтобы знать ихъ всѣ. Затѣмъ это доставило бы слишкомъ много огорченія бѣдному Гринштейну...

Она поняла и не настаивала.

— Все равно. Мой мужъ и я можемъ еще оказать вамъ много услугъ. И вы, въ собственныхъ интересахъ, должны насъ беречь.

— Разумѣется. И мы готовы все сдѣлать...

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ свиданіе съ Задонскимъ.

— Зачѣмъ?—холодно спросилъ онъ.

— Мой мужъ и я считались лучшими его друзьями и послѣдними, которыхъ онъ видѣлъ въ день его ареста. Я еще вчера утромъ умоляла его беречься «въ интересахъ дѣла». Я спорила съ мужемъ, который хотѣлъ, чтобы его арестовали теперь же. И пошла къ нему, чтобы на всякій случай отвлечь его подозрѣнія, если мнѣ не удалось бы убѣдить Гринштейна.

— Все это вышло очень хорошо. Намъ удалось забрать его на улицѣ, не возбудивъ его подозрѣній... Это лучше, чѣмъ дома, гдѣ онъ вздумалъ бы еще, пожалуй, защищаться...

— Да, конечно. Но это вышло помимо моей воли. Гринштейнъ хотѣлъ отличиться. Задонскаго надо было пока не трогать. Онъ все равно былъ въ вашихъ рукахъ. А при его помощи мы бы могли захватить всю организацію террористовъ. Но оставимъ это. Объ этомъ теперь поздно говорить. Я согласна. Теперь надо думать о другомъ. Я бы хотѣла видѣть его... въ качествѣ друга, который, узнавъ объ его арестѣ, пришелъ предложить ему маленькія услуги, утѣшить его, принести ему книги, провизію... Такимъ образомъ, онъ насъ не будетъ подозрѣвать...

— Да, разумѣется. Недурно придумано. Очень недурно! Но вотъ въ чемъ заминка... Теперь онъ подъ секретомъ. Послѣ,—не говорю. Но теперь невозможно.

Она понимала опасность такой отсрочки и уцѣпилась за свою мысль, какъ за послѣдній якорь спасенія.

— Очень хорошо. Я вижу, что не вамъ, а намъ угрожаетъ опасность. А если такъ, намъ остается только одно: бѣжать, скрыться, пока еще не поздно... Очень хорошо оказывать услуги правительству...

— И получать за это соотвѣтственное вознагражденіе, добавьте,— сказалъ онъ съ ехидствомъ.

— На кой чортъ намъ деньги, если намъ нельзя будетъ даже ими воспользоваться!.. Мы лучше васъ знаемъ революціонеровъ и то, чего намъ ждать отъ нихъ, когда они узнаютъ, что мы имъ измѣняемъ... Умоляю васъ, дайте мнѣ свиданіе съ нимъ. Вы не пожалѣете...

— Будь по-вашему,—сказалъ Иванъ Егорычъ, увидѣвши, съ какимъ раздраженіемъ она говорила.—Вы его увидите. Но только на нѣсколько минутъ и въ присутствіи свидѣтеля.

— На нѣсколько минутъ, согласна. Но безъ свидѣтелей.

— Но это исключеніе противъ всѣхъ правилъ само по себѣ способно возбудить его подозрѣніе. Подумайте.

— Онъ слишкомъ хорошо знаетъ мой интриганскій характеръ, чтобы ничему не удивляться съ моей стороны. Я могу, въ случаѣ чего, увѣрить его, что вы ни въ чемъ не можете мнѣ отказать. Я защищаю свою жизнь, мое спокойствіе, жизнь моего мужа. Я найду доводы, не безпокойтесь.

Онъ тихо засмѣялся.

— Вы недалеки отъ истины, сказавъ, что я ничего не могу вамъ отказать. Вы прелестны, очаровательны, какъ сирена.—Онъ взялъ ея руку и нѣсколько разъ приложилъ къ ней свои толстыя, влажныя губы.—Ничего,—добавилъ онъ, глядя на нее влюбленнымъ взглядомъ.

Онъ позвонилъ. Побрякивая шпорами, вошелъ красивый жандармскій офицеръ.

— Проводите эту даму въ залу въ глубинѣ. Вы приведете туда арестанта Задонскаго и оставите его съ нею въ теченіе пяти минутъ. Довольно?

— Я думаю, да. Но, положимъ, на всякій случай, десять минутъ.

— Хорошо, десять. Вы оставите его десять минутъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ офицеру, который поклонился.

Она простилась съ Иваномъ Егорычемъ и вышла, предшествуемая молодымъ жандармомъ, отъ котораго несло духами и свѣжимъ бѣльемъ.

XXI.

Шпоры звонко гремѣли по узкому, сильно навощенному и полутемному коридору, который освѣщался только однимъ окномъ въ глубинѣ. Офицеръ шелъ быстро, Соня едва поспѣвала за нимъ. У окна офицеръ остановился, широкимъ жестомъ раскрылъ стеклянную матовую дверь, пропустилъ Соню, поклонился и, ничего не говоря, захлопнулъ дверь. Долго потомъ еще она слышала звонъ его удаляющихся шпоръ.

Она находилась теперь въ большой комнатѣ въ два окна, которыя выходили на мощеный дворъ, окруженный корпусами зданій, всѣ окна которыхъ были замазаны мѣломъ. Это были келіи арестованныхъ. Въ одной изъ нихъ, подумала она, находится Задонскій. Она долго разсматривала расположеніе этихъ зданій и поняла, что бѣжать отсюда нѣтъ возможности. Внутри и, можетъ быть, передъ самой дверью заключеннаго, въ узенькомъ коридорѣ, навѣрно, стоитъ часовой, который не спускаетъ съ

него глазъ. Въ глубинѣ, во дворѣ, большія желѣзныя ворота. За ними, навѣрно, еще часовой, съ ружьемъ на плечѣ.

Комната, гдѣ она находилась, была меблирована съ извѣстной банальной роскошью отеля второго разряда—съ диваномъ и креслами изъ краснаго дерева, обитыми зеленымъ бархатомъ. Большой столъ по серединѣ, покрытый зеленымъ сукномъ. Въ углу икона съ горящей лампадой. Соня нарочно осталась у окна, чтобы заставить Задонскаго пойти въ глубину комнаты, на случай, если бъ подслушивали у двери. Сердце ея усиленно билось, руки и ноги дрожали. Ей казалось, что все это сонъ. Вчера въ этотъ часъ она была у него, полная смутныхъ надеждъ на счастье. Все рухнуло теперь...

Вдругъ вдали, по лѣстницѣ, она услышала топотъ ногъ и звукъ шпоръ. Дверь отворилась, и въ то же время она услышала вновь звонъ удалявшихся шпоръ. Передъ нею, на порогѣ, стоялъ Задонскій. Онъ былъ въ пиджакѣ, безъ галстука и безъ воротничка, но вымытый и причесанный, очень спокойный; только прищуренные глаза его горѣли лихорадочно. При видѣ ея онъ отшатнулся, пораженный.

— Вы?

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ нему и воскликнула:

— О, мой бѣдный, дорогой!..

И, схвативши его руки, она припала къ нимъ, обмочивши слезами.

— Но какъ, какъ вы здѣсь?—говорилъ онъ, выдергивая руки.

— Послушайте,—сказала она, смахивая слезы.—Мы не можемъ терять ни одной минуты. Вы должны знать, что погибли изъ-за меня.

— А-а!—сказалъ онъ, широко раскрывая глаза.

— Да,—продолжала она.—Если бъ я имѣла смѣлость сказать вамъ раньше то, что скажу сейчасъ, вы бы не были здѣсь... Но я васъ такъ люблю... Это было ужасно... Вы бы не повѣрили... Васъ предалъ Гринштейнъ... Онъ шпіонъ, на жалованьи у полиціи... Я это подозрѣвала давно. Да, я была увѣрена, что онъ негодяй. Но только позавчера вечеромъ я убѣдилась, и мнѣ стало страшно за васъ. И я побѣжала къ вамъ, чтобы все разсказать. Но у меня не хватило храбрости. Я боялась, что вы не повѣрите. Тогда я рѣшилась спасти васъ, только васъ. Вотъ почему я предложила бѣжать вмѣстѣ за границу. Но зачѣмъ говорить теперь о моей любви! Я хочу отмстить за васъ. Въ настоящую минуту это цѣль моей жизни. Я познакомилась съ начальникомъ полиціи, позавчера онъ у насъ обѣдалъ. Сегодня утромъ я прибѣжала сюда, чтобы просить свиданія съ вами. Я выставила предлогомъ желаніе отклонить ваши подозрѣнія отъ Гринштейна, чтобы ваши

друзья не мстили намъ. Но дѣйствительная причина была желаніе предупредить дальнѣйшія несчастія и наказать измѣнника...

Онъ слушалъ, качая головою:

— Несчастная, несчастная!—проговорилъ онъ.

— Имѣете вы какой-нибудь способъ предупредить вашихъ друзей?—спросила она лихорадочно.—Мнѣ не повѣрятъ. Но нужно, чтобы повѣрили и чтобъ Гринштейнъ больше не могъ вредить.

— Какъ я могу это сдѣлать теперь?

— Въ такомъ случаѣ, скажите, что я должна дѣлать? Правда, вы можете мнѣ не довѣрять. Вы не должны довѣрять. Но подумайте,—можетъ быть, вы придумаете что-нибудь...

— Слушайте,—сказалъ онъ рѣшительно.—Я вамъ вѣрю. Вчера вы мнѣ сказали о вашемъ мужѣ достаточно, чтобы я пересталъ вѣрить въ него, если бъ я не былъ ослѣпленъ моей привязанностью къ нему. Если онъ—измѣнникъ, нужно отнять у него возможность вредить...

— Да, мой другъ, да. Я ничего другого не желаю.

— Такъ вотъ что. Между бумагами, отобранными у меня при арестѣ, есть записная книжка съ именами и адресами. Имена онъ, навѣрно, выдалъ. Но адреса онъ знаетъ не всѣ. Они записаны шифромъ, ключъ къ которому знаю только я. Полиція употребитъ нѣкоторое время, чтобы его открыть. Если вы искренни, какъ я надѣюсь и хочу думать, выйдя отсюда, отправьтесь,—онъ съ мгновеніе колебался,—отправьтесь къ Ивану-слесарю. Вотъ его адресъ, запомните (онъ назвалъ улицу и нумеръ дома, гдѣ помѣщалась мастерская Ивана). И разскажите ему то, что разсказали мнѣ.

— Никакого пароля нѣтъ?

— Есть. Но я не могу его дать вамъ въ настоящую минуту. Онъ вамъ повѣритъ и такъ. И сдѣлайте то, что онъ вамъ скажетъ.

— Я сдѣлаю.

— Это не все. Когда вы переговорите съ Иваномъ, пойдите за Гринштейномъ. Уведите его куда-нибудь до вечера. Не давайте ему шагу сдѣлать безъ васъ, ни съ кѣмъ слова сказать. Онъ способенъ оповѣстить полицію. Вѣдь онъ думаетъ, что вы не знаете о моемъ арестѣ?

— Конечно.

— Не покажите ему ничѣмъ, что знаете... И когда все будетъ сдѣлано, какъ я говорю, считайте меня своимъ другомъ навсегда.

— Все будетъ сдѣлано, какъ вы говорите. А теперь дайте мнѣ васъ обнять. И если мнѣ не дано будетъ больше никогда увидѣть васъ, возьмите вмѣстѣ съ моимъ поцѣлуемъ всю мою любовь, всю мою нѣжность и все мое обожаніе къ вамъ. Знайте, что любовь къ вамъ подняла меня и очистила, и что до послѣдней ми-

нуты жизни моя мысль будетъ принадлежать вамъ. Я всегда буду гордиться, что встрѣтила васъ на моемъ пути. А если я останусь жива и свободна, всѣ мгновенія моего существованія будутъ посвящены вамъ.

— Хорошо, поцѣлуемся... Жалко, что я раньше не зналъ васъ такой, какой знаю теперь.

Они обнялись и трижды крѣпко поцѣловались.

Звонъ шпоръ жандармскаго офицера послышался въ отдаленіи и быстро приближался. Соня оправилась, и сказала громко:

— Итакъ, бѣлья, четвертый томъ Толстого, что еще?

— Это все, Софья Андреевна, и повѣрьте, что я вамъ очень благодаренъ за всю вашу доброту.

— Мужайтесь. Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Эти господа очень любезны. Можетъ быть, они позволятъ мнѣ и моему мужу видать васъ отъ времени до времени.

Дверь отворилась. Жандармскій офицеръ, просунувши голову, заявилъ, что свиданіе окончено. Въ коридорѣ, гдѣ, кромѣ офицера, находился еще унтеръ, офицеръ сказалъ Сонѣ шепотомъ:

— Его превосходительство очень жалѣетъ, что не можетъ съ вами проститься въ настоящую минуту. Онъ надѣется увидѣть васъ сегодня вечеромъ.

— Мой мужъ не у него?

— Нѣтъ, но я думаю, что г. Гринштейнъ вызывается вечеромъ. Вы, навѣрно, въ курсѣ дѣла...

— Да, да, знаю,—отвѣтила она небрежно.

Офицеръ поклонился и сказалъ унтеру: «Проводи».

XXII.

Не теряя ни минуты, Соня отправилась домой. Тамъ она нашла письмо къ мужу, принесенное неизвѣстнымъ. Она догадалась, кто его авторъ, и распечатала его. Письмо было отъ Ивана Егорыча. «Приходите, дорогой, въ 8 часовъ,—писалъ онъ фамильярно:— помогите разобраться въ отобранныхъ у З. бумагахъ. Къ тому времени надѣюсь доставить вамъ пріятный сюрпризъ. Я доложилъ шефу о помощи, которую вы намъ оказали. Это произвело наилучшее впечатлѣніе. Ваши условія будутъ приняты, я увѣренъ. Цѣлую ручки С. А. Вашъ доброжелатель и другъ И. К.».

Она спрятала письмо въ корсажъ и прошла въ салонъ. Къ ея досадѣ, ящики его стола были заперты на ключъ. Тогда она сѣла за столъ, написала нѣсколько строкъ, затѣмъ позвала Глашу и сказала: «Отнесите это барину. Потомъ зайдите, купите къ чаю булокъ и пирожнаго у Филиппова да вина и возвращайтесь домой».

Какъ только она увидала изъ окна, что Глаша свернула въ переулокъ, Соня вышла, въ свою очередь. Она вернулась полчаса спустя, очень ажитированная, и, не раздѣваясь, стала прислушиваться и ждать у дверей. Раздался звонокъ, и она тотчасъ открыла. Вошелъ рабочій съ котомкой слесаря. Это былъ Иванъ. Онъ недовѣрчиво оглянулся, какъ будто ожидалъ, что на него набросятся изъ угловъ, и громко спросилъ:

— Чего угодно, барыня?

Но она схватила его за рукавъ и потащила въ залъ.

— Не теряйте времени. Откройте скорѣе и уходите.

Съ помощью длиннаго стержня онъ открылъ одинъ ящикъ, потомъ другой. Она лихорадочно хватала все, что тамъ находилось, и клала въ его котомку. Когда всѣ ящики были опорожнены, она скомандовала, блѣдная, съ трясущимися руками:

— Теперь закройте и уходите. Всѣ доказательства здѣсь. И если, по прочтеніи, вы убѣдитесь,—до вечера, въ 7 часовъ, на углу нашей улицы. Онъ за вами пойдетъ, я ручаюсь. А меня потомъ извѣстите, куда итти. Я приду.

Она толкала его къ выходу. Но прежде, чѣмъ выпустить его, она выглянула на лѣстницу и прислушалась.

— Никого нѣтъ, идите! До вечера!..

Оставшись одна, она подошла къ зеркалу, чтобы оправиться, и была поражена, увидѣвши свое блѣдное лицо съ горѣвшими глазами, въ которыхъ отражалась вся ея рѣшимость.

Спустя довольно долгое время, вернулась Глаша.

— Баринъ сказали, чтобы вы пришли за ними, и что они хотятъ обѣдать съ вами въ ресторанѣ. Коли обѣдъ дѣлать не надо, можетъ, барыня, позволите мнѣ сходить къ сестрѣ на Пречистенку? Я вернусь, когда прикажете...

— Хорошо, Глаша, идите. Мы, должно быть, пойдемъ потомъ въ театръ. Будьте дома къ нашему возвращенію. Можетъ быть, баринъ захочетъ чай пить, вернувшись.

Получивши записку жены, Гринштейнъ, который и безъ того былъ въ лихорадкѣ, очень взволновался. Въ запискѣ было: «Не возвращайся домой. Подожди меня около Эрмитажа. Я предпочитаю не обѣдать дома сегодня. Скажи Глашѣ, что мы обѣдаемъ въ ресторанѣ».

— Что случилось?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ, когда встрѣтился съ нею.

— Ничего. Но я боюсь,—отвѣтила она, избѣгая его взгляда.

— Чего?—сказалъ онъ, чувствуя какъ по его спинѣ пробѣжалъ морозъ.

— Чего? Ты самъ знаешь.

— Но все-таки?

— Мы объ этомъ поговоримъ послѣ... Теперь пойдемъ куда-нибудь. Не будемъ оставаться на улицѣ.

— Сейчасъ я не могу... У меня есть дѣло... Для меня дома ничего нѣтъ?

— Дома ничего не было. Но сегодня утромъ я встрѣтила на Тверской Ивана Егорыча. Онъ просилъ сказать тебѣ, что ждетъ тебя вечеромъ, въ 11 часовъ, въ канцеляріи. Очень нужно, говоритъ.

— Въ 11? Это странно.

— Можетъ быть. Я встрѣтила также сейчасъ, выходя изъ дома, одного рабочаго...

— Какого рабочаго?

— Онъ назвался Иваномъ-слесаремъ. Ты, говоритъ, его знаешь. Спрашивалъ, не приходилъ ли къ намъ Задонскій. Онъ нуженъ по какому-то важному дѣлу.

— Задонскій вчера уѣхалъ въ Петербургъ.

— Зачѣмъ?

— Онъ боялся, говоритъ, что его хотятъ арестовать.

Гринштейнъ сказалъ это, глядя прямо въ глаза Сонѣ, стараясь отгадать, знаетъ она или не знаетъ. Но она, какъ ни въ чемъ не бывало, спросила:

— Надолго?

Онъ пожалъ плечами.

— Почемъ я знаю!

Потомъ, послѣ молчанія, онъ просилъ:

— А Иванъ-слесарь не сказалъ, зачѣмъ ему Задонскій?

— Сказалъ, да. Какой-то товарищъ пріѣхалъ съ юга. И хочетъ видѣть васъ обоихъ.

— Не Желѣзновъ?

— Кажется. Онъ сказалъ, да я не помню.

— Въ такомъ случаѣ, до вечера я свободенъ. Идемъ. Но куда?

— Все равно. Погуляемъ, а потомъ пойдемъ обѣдать.

Они сѣли на конку и поѣхали по направленію къ Петровскому парку. Молча вышли они и пошли по пустыннымъ аллеямъ съ еще голыми деревьями. Здѣсь было сыро, и по мѣстамъ лежалъ еще подмоченный и почернѣвшій снѣгъ. Мрачно и медленно шли они рядомъ, занятые каждый своими мыслями. Она горѣла въ лихорадкѣ, съ чувствомъ ненависти и гадливости къ нему, котораго она вела куда-то, чтобы отдѣлаться отъ него навсегда. Она не хотѣла думать объ этомъ. Когда мысль о томъ, что должно произойти черезъ нѣсколько часовъ, прорѣзывала ея мозгъ, ей становилось холодно, и сердце конвульсивно сжималось. Она боялась, что у нея не хватитъ силы. Но она понимала, что итти назадъ невозможно, что волей-неволей придется итти до конца. И

она ненавидѣла его еще больше за то, что, по ея мнѣнію, онъ былъ причиной того, что ей придется сдѣлать. Развѣ она не предупредила его, чтобъ онъ не трогалъ Задонскаго? Онъ ей сдѣлалъ столько зла!.. И тѣмъ не менѣе, когда она подумала, что этотъ молодой человѣкъ, такой гибкій, который зябко поднялъ воротникъ своего пальто, боясь простудиться, не подозрѣваетъ, какая туча нависла надъ его головою, она внутренно содрогалась. Что-то похожее на жалость шевельнулось въ ея душѣ. Скорѣй бы, скорѣй все это кончилось!..

Вдругъ она почувствовала, что онъ взялъ ее за руку и, весь дрожа, прижался къ ней. Она тихо высвободила руку, отошла и сѣла на скамейку, которая находилась на другой сторонѣ аллеи. Они находились около пруда, въ которомъ Карамзинъ утопилъ свою «бѣдную Лизу», и около котораго совершилось лѣтъ десять назадъ извѣстное преступленіе.

Гринштейнъ стоялъ около нея, задумчиво глядя передъ собою.

— Видишь этотъ гротъ тамъ, на другой сторонѣ?—спросилъ онъ вдругъ съ горькой усмѣшкой.

Она поняла его мысли и сказала:

Вижу. Такъ что?

— Это тамъ Нечаевъ со своими друзьями убили студента Иванова и потомъ бросили его въ прудъ. Они боялись, чтобы онъ ихъ не выдалъ, потому что не раздѣлялъ ихъ убѣжденій...

— Это старая исторія,—сказала она.

Произошло долгое молчаніе. Онъ, склонивши голову на бокъ, смотрѣлъ вдаль на воду и не двигался. Она искоса взглядывала на него по временамъ. И ей стало невыносимо.

— Уйдемъ,—сказала она.—Здѣсь сыро... мнѣ холодно.

Она встала и быстрыми шагами пошла назадъ. Онъ поплелся за нею.

Она была рада, когда въ конкѣ вновь очутилась между людьми. Грохотъ каретъ, крики разносчиковъ, шумъ звонковъ показались ей пріятной музыкой. Когда они вышли и направились въ Эрмитажъ, мысль очутиться опять съ глазу на глазъ съ Гринштейномъ показалась ей несносной, и она сказала, что хочетъ обѣдать въ общемъ залѣ. Но Гринштейнъ потребовалъ отдѣльный кабинетъ и умолялъ ее согласиться. Ему не хотѣлось, говорилъ онъ, никого встрѣчать. Она исполнила его желаніе. Гринштейнъ заказалъ обѣдъ и закуски и сталъ шагать по комнатѣ, привычнымъ жестомъ ероша свои вьющіеся волосы, нервно крутилъ усики, неопредѣленно глядя передъ собою.

Принесли закуски. Гринштейнъ жадно бросился на нихъ. Разъ за разомъ онъ проглотилъ три рюмки водки и вновь принялся шагать по комнатѣ. Это становилось невыносимымъ. Соня задыхалась.

— О,—простоналъ онъ вдругъ,—я самъ себѣ противенъ. Не знаю, куда себя дѣть! Если бъ кто предсказалъ мнѣ это три мѣсяца назадъ, я бы его принялъ за сумасшедшаго. Теперь я схожу съ ума... Уѣхать, уѣхать, далеко, куда-нибудь, въ Америку, гдѣ насъ никто не знаетъ, гдѣ можно начать жить сначала... Здѣсь невозможно... Это мертвая петля...

Она мрачно молчала. Лакей принесъ супъ, разлилъ по тарелкамъ, откупорилъ бутылку и вышелъ.

Никто не ѣлъ.

Гринштейнъ вновь зашагалъ по комнатѣ.

— Я безхарактерный, слабый человѣкъ, гораздо болѣе слабый, чѣмъ самъ думалъ, потому что ты сильная. Вотъ моя главная ошибка. Ты не можешь любить такого человѣка, какъ я. Теперь я это понимаю ясно...

Онъ остановился, ожидая упрековъ, возраженій, отрицаній.

Она ничего не говорила и сидѣла, точно окаменѣвшая, повернувши голову къ окну.

— Я знаю все это,—продолжалъ онъ, зашагавъ вновь.—Но у меня есть извиненіе,—я тебя любилъ и теперь люблю больше всего на свѣтѣ. Для тебя я выстрадалъ пытки, которыя хуже смерти. Меня никто не проститъ. Никто меня не пожалѣетъ... Но ты, за мою любовь, за то, что я пережилъ ради тебя, ты должна по крайней мѣрѣ понять меня... Пойми и пожалѣй меня, Соня!—сказалъ онъ съ рыданіями въ голосѣ.

— Нѣтъ,—крикнула она съ ожесточеніемъ, сверкнувши на него глазами.—Ты не былъ откровененъ со мною. Ты все отъ меня скрылъ, я ничего не знала изъ твоихъ дѣлъ. Ты велъ себя, какъ трусъ и лицемѣръ. Прежде, чѣмъ вовлечь меня въ это гнусное дѣло, ты долженъ былъ узнать мое мнѣніе. Кто тебѣ далъ право думать, что я пойду на это? Я любила жизнь, туалеты, театры, обстановку, прогулку на тройкахъ. Я думаю! Мнѣ двадцать два года. Вся моя жизнь прошла въ лишеніяхъ всякаго рода,—порванные ботинки, голодь, стыдъ передъ подругами, которыя меня не стоятъ. Я была озлоблена, но я не была ни подлая, ни злая отъ природы. Развѣ ты сдѣлалъ что-нибудь, чтобы сдѣлать меня лучше, благороднѣе? Ты меня «любилъ»? Нѣтъ, мой другъ, не такъ любятъ, когда любятъ въ самомъ дѣлѣ. Ты велъ себя со мною, какъ съ любовницей, для которой растрачиваютъ чужія деньги. Это льстило твоему самолюбію, твоей похотливости, видѣть меня хорошо одѣтой, быть довольной удовольствіями, которыя ты мнѣ доставлялъ... Чтобы наслаждаться, ты сдѣлался измѣнникомъ, и меня запуталъ, не спросивши даже, желаю ли я...

Эти слова не обижали его. Напротивъ, онъ ухватился за нихъ, чтобы имѣть возможность спорить, защищаться, отстаивать свои взгляды.

— Это правда. Я самъ это сказалъ сейчасъ. Я понимаю, что съ моей стороны это была главная ошибка. Ты умна и честолюбива. При твоей помощи мы могли бы, оставаясь честными людьми, составить себѣ положеніе... Но это не поздно и теперь... Мы молоды. Я умѣю работать, и страстное желаніе работать. Уѣдемъ, эмигрируемъ въ Америку. Тамъ никто насъ не знаетъ. Мы устроимся, будемъ богаты, насъ будутъ уважать. Когда-нибудь и мы будемъ въ состояніи дѣлать добро. Мы будемъ счастливы.

— И ты сможешь быть счастливъ послѣ того, что сдѣлалъ?

— Самъ Христосъ сказалъ: легче грѣшному войти въ царство небесное, чѣмъ тому, кто никогда не согрѣшилъ. Ихъ выпустятъ— тѣхъ, кому я сдѣлалъ зло...

— Говоря это, ты лжешь, ты все лжешь, гадкій человѣкъ. Выпустятъ! А Задонскаго?

При этомъ имени онъ измѣнился въ лицѣ.

— А-а!.. Ты и это знаешь!.. Уже!.. Тѣмъ лучше. Я тебѣ скажу... Да, я тебѣ теперь все скажу. Никогда, никогда у меня въ мысляхъ не было выдать его, никогда, клянусь... Но съ нѣкотораго времени ревность къ нему помутила мнѣ голову! Онъ, герой, великодушный, сильный, мужественный, онъ не могъ тебѣ не нравиться... Но я разсчитывалъ на его холодность къ женщинамъ, на его дружбу ко мнѣ. Я слѣдилъ за всѣми фазами возраставшей любви твоей къ нему, и это доставляло мнѣ невыносимыя страданія. Съ каждымъ днемъ ты дѣлалась ко мнѣ все холоднѣе, все больше и больше чужой. И это началось еще тогда, когда ты еще не была съ нимъ знакома. Но ужаснѣе всего было мое отчаяніе, когда я замѣтилъ, что его ледъ вдругъ началъ таять въ твоемъ присутствіи... Тогда я испугался.

— Подлецъ, подлецъ!.. Между нами ничего не было, ничего... Я сказала, и повторяю, потому что это правда. Если бъ было, я бы сказала. Я тебя не боюсь...

— Подожди, не сердись, дай мнѣ все сказать... Потомъ суди меня... Несмотря на всѣ мои муки, я бы не предалъ его. Какъ я ни слабъ, я бы нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы этого не сдѣлать... Я бы объяснился съ нимъ, я бы умолилъ его не отнимать у меня мое единственное счастье, единственную надежду. Онъ добрый, великодушный, онъ бы исполнилъ мою просьбу. Но здѣсь... О, это ужасно. Здѣсь начинается шестерня, которая меня зацѣпила, о которой я сейчасъ намекнулъ... Вѣрь, если хочешь, или не вѣрь, но это правда: когда я вошелъ въ сношенія съ Третьимъ Отдѣленіемъ, я не имѣлъ намѣренія сдѣлаться его агентомъ. Напротивъ. Я хотѣлъ ихъ одурачить, надуть... Я хотѣлъ брать ихъ деньги, давать имъ свѣдѣнія, не имѣвшія никакого значенія, но узнавать отъ нихъ вещи первостатейной важности для моихъ друзей. Разъ это удалось бы, я бы посвятилъ въ мою тайну моихъ друзей, Задонскаго прежде другихъ. Но я не сумѣлъ этого сдѣлать. Они, жандармы, оказа-

лись хитрѣе меня. Они были на сторожѣ. Они требовали отъ меня вначалѣ самыя пустыя указанія, за которыя платили щедро. Но, заручившись уликами противъ меня, они дали мнѣ понять, что или я пойду до конца и буду получать за это деньги, или прекращу всякія сношенія, и тогда мои друзья не замедлятъ узнать о моихъ дѣяніяхъ. Тогда я потерялъ голову. Мало-по-малу я влѣзъ по горло... Обманывать ихъ было матеріально невозможно... Самъ шпіонъ, я былъ окруженъ шпіонами. За мной слѣдили днемъ и ночью; я долженъ былъ давать отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ.. Я долженъ былъ давать отчеты о каждомъ человѣкѣ, съ которымъ встрѣчался, котораго мы принимали у себя, или у котораго бывали, давать ихъ адресы, адресы и біографіи ихъ знакомыхъ. Вотъ это именно я и дѣлалъ по ночамъ... Я тебѣ все это покажу. Ты увидишь собственными глазами... А если я что-нибудь пропускалъ, если лгалъ или нарочито старался избѣгнуть отвѣта, мнѣ это выставлялось на видъ, меня уличали въ неискренности. Ахъ, это было ужасно, ужасно!.. Ты знаешь, я хотѣлъ убить себя!.. Сколько разъ потомъ я хотѣлъ посредствомъ смерти бѣжать изъ этого ада. Но у меня не было силы. Первое покушеніе деморализовало меня въ конецъ... И я утѣшался, что моя подлость, по крайней мѣрѣ, полезна для тебя... Иванъ Егорычъ—чудовище хитрости, безсердечія и лукавства. Онъ видѣлъ меня насквозь. Онъ игралъ на струнахъ моей души, какъ на инструментѣ... То онъ терроризовалъ меня перспективой ареста, выдачи меня революціонерамъ, то есть гибелью, то рисовалъ перспективу обогащенія, сулилъ золотыя горы... Я погибалъ. И тогда у меня осталось одно спасеніе: бѣжать, какъ только въ моемъ распоряженіи окажется крупная сумма, которую онъ мнѣ обѣщалъ...

— За выдачу Задонскаго?

— Нѣтъ, за другихъ. Именно о Задонскомъ онъ ничего не зналъ. Задонскаго я выдалъ по собственной волѣ послѣ того, какъ заподозрѣлъ, что онъ хочетъ бѣжать вмѣстѣ съ тобою. Я боялся, что какъ только онъ окажется внѣ сферы моихъ наблюденій, онъ тебя позоветъ, и ты пойдешь за нимъ...

— Никогда бы онъ этого не сдѣлалъ.

— Возможно,—сказалъ онъ,примирительнымъ тономъ, выпивши стаканъ краснаго вина.—Я такъ думалъ. Этого я боялся больше всего. Но разъ его нѣтъ, ты должна пойти за мною...

— Ты такъ увѣренъ?

— Это не можетъ быть иначе. Это столько же въ моихъ интересахъ, какъ въ твоихъ собственныхъ. Если я бѣгу одинъ, а ты останешься, Иванъ Егорычъ или заставитъ тебя дѣйствовать въ его видахъ, или натравитъ на тебя революціонеровъ. Тебѣ не сдобровать... Но одинъ я не уйду. Въ этомъ случаѣ я себя убью. Это рѣшено окончательно... Ты спрятала мой револьверъ. Но у меня есть другой... вотъ... совсѣмъ новенькій.

Онъ вынулъ изъ кармана маленькій револьверъ и подержалъ его на свѣтѣ.

— Покажи!—приказала она.

— Изволь,—сказалъ онъ.—Но, знаешь, если ты не захочешь его вернуть, я пріобрѣту другой. Это дѣла не измѣнитъ.

Съ этими словами онъ подалъ ей револьверъ.

— Осторожно. Онъ заряженъ,—прибавилъ онъ.

Мысль быстрѣе молніи сверкнула у нея въ головѣ: выстрѣлить, убить его и поднять крикъ,—сказать, что онъ убитъ себя самъ.

Но она удержалась. Она хотѣла въ точности исполнить инструкціи Задонскаго. И, главное, она хотѣла отомстить. А смерть внезапная, казалось ей, не была бы для него достаточной казнью.

Она опустила револьверъ въ карманъ.

— Ты все-таки немного любишь меня,—сказалъ онъ, тронутый и ошибаясь насчетъ значенія ея жеста.

Онъ присѣлъ на диванъ около нея и, робко касаясь ея плеча и стараясь заглянуть ей въ глаза, сказалъ:

— Люби меня немного... чуточку, дорогая моя... Я такъ несчастливъ, такъ одинокъ... Никого у меня нѣтъ, кто могъ бы сочувствовать мнѣ... Я заслужу, дай время, заслужу твое уваженіе... Я буду любить тебя такъ, что зажгу твое сердце любовью... Увидишь!

Она не шелохнулась.

—Ты молчишь!.. Ты все-таки жестокая... Мнѣ нужно только одно слово, даже не ласки, только надежды. И я прошу его какъ милостыню... Не отнимай у меня послѣдней надежды... Прости!

Онъ опустился передъ нею на колѣни, взялъ ея руки и цѣловалъ, орошая слезами, и плакалъ, потрясаемый рыданіями, какъ мальчикъ.

— Соня! Соня!—говорилъ онъ.—Если бъ ты знала, какъ я страдаю!

Она смотрѣла на него сверху, холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ, и въ душѣ ея не шелохнулось ни малѣйшее чувство состраданія къ этому человѣку, который думалъ только о себѣ, о своей любви, онъ, который разбилъ ея жизнь, жизнь такого человѣка, какъ Задонскій!

— Значитъ,—проговорила она:—если бъ я теперь подняла тебя, обвила твою шею и покрыла тебя поцѣлуями, ты бы все забылъ, презрѣнный человѣкъ?! Нѣтъ, ты не заслуживаешь ни малѣйшаго состраданія, для тебя нѣтъ извиненія... Уходи, уходи!.. Оставь меня!...

Грубымъ движеніемъ она оттолкнула его голову со своихъ колѣнъ и встала.

Онъ также всталъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Теперь я вижу, что для меня нѣтъ спасенія... Я погибъ... И всему виною Задонскій, котораго я когда-

то любилъ. Такъ знай же, что я не жалѣю, что предалъ его. Онъ тебя не будетъ имѣть.... Не мнѣ, но и не ему. За это я тебѣ ручаюсь.

— Я предпочитаю твои угрозы твоимъ ласкамъ. Ты больше способенъ дѣлать зло, чѣмъ что-нибудь другое.

Она подошла къ окну. На улицѣ было уже совсѣмъ темно, уже были зажжены фонари. Ничего не говоря, Соня стала надѣвать шляпку. Онъ позвонилъ лакея, заплатилъ по счету, и они вышли.

Эта дорога отъ гостиницы до дома показалась ей безконечной. Теперь она боялась только одного: что если онъ откажется итти за слесаремъ? Что если слесаря не будетъ на назначенномъ мѣстѣ? Если они войдутъ въ домъ, Гринштейнъ будетъ спасенъ, потому что туда слесарь за нимъ не пойдетъ, изъ опасенія засады...

Но въ то время, какъ они завернули въ переулокъ, Соня уже издали замѣтила тѣнь у стѣны, которая при ихъ появленіи направилась къ нимъ навстрѣчу. Сердце ея забилось, въ вискахъ стучало. Только бы ничего не случилось непредвидѣннаго. Если Гринштейнъ догадается,—вмѣсто того, чтобы итти за слесаремъ, онъ можетъ его арестовать. А вдругъ эта тѣнь не слесарь, а посланный отъ Ивана Егорыча?!..

Тѣнь все приближалась, и вдругъ Иванъ-слесарь предсталъ передъ ними.

— А, Гринштейнъ,—сказалъ онъ:—это вы. Я васъ ищу вездѣ, мнѣ нужно вамъ что-то сказать.

Они отошли въ сторону и начали перешептываться. Соня ждала въ сторонѣ.

— Иди домой,—сказалъ Гринштейнъ Сонѣ,—и не жди меня...

— Хорошо,—отвѣтила она.

Гринштейнъ и слесарь удалились, разговаривая вполголоса. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по тротуару, нетерпѣливо оглядываясь во всѣ стороны и никого не видя. Вдругъ изъ табачнаго магазина показался молодой человѣкъ съ папироской въ зубахъ. Онъ перешелъ черезъ тротуаръ, направляясь къ ней.

— Вы не раздумали?—спросилъ онъ, вглядываясь ей въ лицо.

— Нѣтъ, я жду васъ.

— Возьмите мою руку.

Они пошли медленно, какъ будто прогуливаясь, по темнымъ переулкамъ. Человѣкъ этотъ былъ ей совершенно неизвѣстенъ. Онъ былъ высокъ и крѣпокъ, хорошо одѣтъ и шелъ увѣренно, изящной походкой. Отъ времени до времени онъ останавливался и оглядывался во всѣ стороны, чтобы убѣдиться, что за ними никто не идетъ. Тогда она сказала:

— Если за вами лично никто не слѣдитъ, нѣтъ никакой опасности. Онъ никого не видѣлъ и ни съ кѣмъ не говорилъ съ тѣхъ

поръ, какъ я съ нимъ. Я, однако, знаю, что его ищутъ съ утра... За нимъ присылали... Далеко еще?

— Нѣтъ, нѣтъ.

И они молча продолжали путь.

Вдругъ незнакомецъ повернулся и пошелъ назадъ.

— Это здѣсь,—сказалъ онъ, останавливаясь у воротъ, настежь открытыхъ, сквозь которыя былъ виденъ дворъ, заставленный телѣгами и темный, какъ пропасть.

— Идите въ глубину, туда, гдѣ видите огонекъ фонаря. Тамъ васъ ждутъ и укажутъ, куда войти. Засимъ имѣю честь кланяться.

И онъ исчезъ въ темнотѣ.

Лѣстница, куда она вошла, была темная, съ скользкой рампой. Она стала подниматься, придерживаясь за перила. Взобралась на первый этажъ,—никого. Ощупью она нашла лѣстницу и поднялась еще этажъ. Ничего не было слышно. Наконецъ, запыхавшись, она добралась совсѣмъ наверхъ.

— Сюда,—послышался шопотъ. Кто-то взялъ ее за руку.

— Ступайте на цыпочкахъ.

Дверь была открыта. Вошли въ темный коридоръ. Тамъ дверь отворилась, и ее втолкнули въ комнату, слабо освѣщенную одной свѣчкой и совершенно пустую. За дверью слышались голоса. Среди нихъ она услыхала голосъ мужа.

XXIII.

Когда Гринштейнъ встрѣтился съ Иваномъ-слесаремъ, тотъ сказалъ ему:

— Я исполнилъ ваше желаніе, которое вы выразили мнѣ при нашей послѣдней встрѣчѣ на Тверскомъ бульварѣ. Я передалъ порученіе комитету. Теперь Смирницкій здѣсь и хочетъ васъ видѣть.

— Гдѣ же онъ?

— Если у васъ есть время, пойдемте. Онъ насъ ждетъ.

— Сейчасъ я занятъ,—отвѣтилъ Гринштейнъ.—У меня есть свиданіе. Но скажите гдѣ, и черезъ часъ я приду.

— Черезъ часъ будетъ поздно. Смирницкій сегодня же уѣзжаетъ. У него всѣ минуты разсчитаны. Не можете,—прощайте. Или вы, можетъ быть, раздумали насчетъ вашего плана?—хихикнулъ задорно Иванъ.

Гринштейнъ колебался. И вдругъ онъ рѣшительно сказалъ:

— Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, я хочу убить эту гадину. Идемте.

Ему представилось теперь, что, если бъ онъ могъ привести въ исполненіе недавній планъ насчетъ Ивана Егорыча, это было бы искупленіемъ всего зла, которое онъ сдѣлалъ, и что всѣ недоразу-

мѣнія съ Соней были бы покончены, если бъ онъ могъ прійти къ ней и сказать: я убилъ хитраго старика, я отомстилъ за Задонскаго и за всѣхъ.

— Это ваше дѣло,—отвѣтилъ Иванъ.—Я исполняю только роль маклера. Остальное меня не касается. Значитъ, вы готовы?

— Идемъ,—повторилъ Гринштейнъ.

По дорогѣ онъ думалъ только о томъ, что это неожиданное событіе выводитъ его изъ всѣхъ затрудненій, потому что въ успѣхѣ дѣла, за которое возьмется Смирницкій, онъ ни на одно мгновеніе не сомнѣвался. Затрудненіе онъ видѣлъ только въ томъ, какъ объяснить шефу террористовъ о своихъ сношеніяхъ съ начальникомъ Третьяго Отдѣленія. Но въ виду того, что мораль террористовъ была не такъ узка и абсолютна, какъ мораль Задонскаго, онъ надѣялся изложить дѣло такъ, что Смирницкій одобритъ его образъ дѣйствій,— по принципу: цѣль оправдываетъ средства...

Его нисколько не удивляли конспираторскія предосторожности Ивана, ни его молчаніе въ теченіе того времени, что они шли вмѣстѣ.

Но когда онъ вошелъ въ комнату, куда его привелъ Иванъ, Смирницкаго тамъ не было. Вмѣсто него онъ нашелъ тамъ двухъ молодыхъ людей интеллигентнаго типа, которыхъ не зналъ. Ему стало непріятно отъ страннаго взгляда, съ которымъ они его встрѣтили и въ которомъ читались и любопытство, и злорадство. Введя его въ комнату, Иванъ вышелъ, и Гринштейнъ услыхалъ за стѣною шопотъ. Молодые люди молча пили пиво, курили и не сводили съ него глазъ. Онъ тоже закурилъ, чтобы придать себѣ контенансу, и спросилъ, взглянувши на часы:

— Что жъ это онъ?

— Вы торопитесь?—спросилъ одинъ изъ присутствующихъ, тощій человѣкъ съ длинными волосами, длинной шеей и съ большими черными глазами на выкатѣ.

— Да, у меня есть дѣло... Долго ждать не могу.

Въ это время вернулся Иванъ. И опять Гринштейнъ почувствовалъ на себѣ холодный, изучавшій его взглядъ. Онъ понялъ, что что-то творилось, и сомнѣніе закралось ему въ душу. Ему стало страшно. Но онъ не хотѣлъ показать этого и съ блѣдными губами развязно заговорилъ о вещахъ, не имѣвшихъ отношенія къ его настоящему положенію.

— Помните, Иванъ,—сказалъ онъ:—наше первое свиданіе съ Смирницкимъ и Желѣзновымъ? Какъ мы спорили противъ нихъ!

Иванъ хихикнулъ.

— Какъ же, какъ же! Особенно вы-съ въ ударѣ были-съ. Очень хорошо вышло. Вы хорошо умѣете говорить...

— Вовсе нѣтъ... Я такъ думалъ... Но теперь, сознаюсь, всѣ мы трое были неправы...

— Измѣнили свои взгляды? — голосомъ, въ которомъ чувствовалась иронія, спросилъ Иванъ.

— Такъ же, какъ и вы, впрочемъ,—парировалъ Гринштейнъ. Онъ вновь посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Однако я его не дождусь, кажется.

— Надо дождаться,—твердо сказалъ Иванъ. Гринштейнъ замѣтилъ, что кончикъ носа у Ивана побѣлѣлъ и въ глазахъ сверкнула ненависть.

— Почему надо?

— Отсюда не выходятъ,—добавилъ человѣкъ съ тощей шеей.

Гринштейнъ хотѣлъ пошутить:

— Здѣсь не пугачевская башня, однако!..

— Довольно, Гринштейнъ! Экивоки въ сторону...—крикнулъ Иванъ.

Голосъ его звучалъ твердо и металлически въ наступившемъ молчаніи, хотя онъ старался быть спокойнымъ. Въ его обыкновенно лукавыхъ глазкахъ сверкнулъ злобный огонекъ.

— Дѣло не въ томъ... До свѣдѣнія нашего дошло, что вы измѣнникъ и шпіонъ. У насъ есть несомнѣнныя доказательства.

Вся кровь отхлынула отъ головы Гринштейна. Страхъ, страхъ звѣря, пойманнаго въ ловушку, охватилъ его.

— Какія доказательства?—пролепеталъ онъ.

— Несомнѣнныя доказательства, говорю вамъ. Вы предали большое количество нашихъ друзей. Всѣ аресты послѣдняго времени ваше дѣло. Вчера еще вы предали Задонскаго...

— Но это ложь, ложь,—закричалъ Гринштейнъ:—это ужасно!

— Вся наша организація погибла изъ-за васъ... Въ настоящую минуту васъ ожидаютъ въ Третьемъ Отдѣленіи для новыхъ доносовъ. Что вы еще приготовили для нашей гибели? Сознайтесь!

— Мнѣ не въ чемъ сознаваться... Вы завлекли меня въ ловушку...

— Ваша роль и безъ того подла, не ухудшайте ея... Вотъ, развѣ не вы это писали?

Иванъ протянулъ ему листки бумаги, исписанные гіероглифами, рядомъ съ адресами, и именами.

Гринштейнъ облегченно вздохнулъ.

— Да, я.

— Это проекты вашихъ доносовъ въ Третье Отдѣленіе.

— Неправда, вовсе нѣтъ.

— Это, можетъ быть, замѣтки для вашихъ будущихъ мемуаровъ о революціонной партіи?—спросилъ тощій человѣкъ съ длинной шеей?

— Вы взломали ящикъ моего рабочаго стола въ мое отсутствіе. Вотъ это подло, дѣйствительно.

— Слушайте и поймите хорошенько: вы здѣсь не для праздныхъ споровъ и разговоровъ... Все, что намъ надо знать о васъ,

мы теперь знаемъ. Вы здѣсь въ качествѣ обвиняемаго. Облегчите свою совѣсть. Искупите, по крайней мѣрѣ, часть вашего преступленія,—разскажите откровенно все, что вы сдѣлали, назовите всѣхъ, кого вы предали, и особенно тѣхъ, кого еще не имѣли времени предать, чтобы мы могли принять мѣры для ихъ спасенія, если еще есть время... Благодаря непростительной слабости къ вамъ Задонскаго, вы знаете слишкомъ много вещей не только здѣсь, но и въ Петербургѣ, и въ провинціи. Вы знаете адресы, клички, шифръ, мѣсто складовъ книгъ.

— Оставьте меня, оставьте!—закричалъ Гринштейнъ громко, чтобы быть услышаннымъ со двора, вскакивая и бросаясь къ окну. Ему перегородили дорогу. Въ ту же минуту изъ сосѣдней комнаты послышались звуки піанино, сопровождаемые хоромъ въ нѣсколько голосовъ.

— Безполезно кричать,—шепталъ ему въ лицо Иванъ:—вы видите. Васъ никто не услышитъ... Всѣ мѣры приняты... Сознайтесь... говорите, несчастный... Зачѣмъ вы собирались сейчасъ въ полицію? Говорите, облегчите свою участь...

Такъ какъ онъ рвался и бился, его усадили на стулъ насильно...

— Я протестую,—хрипѣлъ Гринштейнъ.—Вы всегда ненавидѣли меня... Но это неправда... Я никого не выдавалъ...

Въ это время дверь отворилась, и на порогѣ, въ полутьмѣ, онъ увидѣлъ жену. Передъ этимъ видѣніемъ онъ остался нѣмой, съ открытымъ ртомъ, откинувшись назадъ на спинку стула. А она стояла неподвижно, какъ статуя, и смотрѣла на него.

— Соня, Сонечка,—проговорилъ онъ:—чего они отъ насъ хотятъ?... Что случилось?.. Скажи имъ, что насъ оклеветали!

— Я имъ все сказала, несчастный, все!.. И я могу прибавить еще вотъ что...

Она вынула изъ корсажа письмо и протянула его Ивану-слесарю.

— Онъ получилъ это сегодня утромъ. Это отъ начальника жандармовъ... Чтобы помѣшать ему туда итти, я таскала его съ собою цѣлый день, несмотря на отвращеніе, которое испытывала оставаться съ нимъ съ глаза на глазъ... Пусть объяснитъ, что это значитъ?

Когда она заговорила, онъ закрылъ глаза руками, Потомъ онъ отнялъ ихъ и упавшимъ голосомъ человѣка, который покорился неизбѣжному, онъ сказалъ:

— А, теперь я все понимаю!.. Это ты единственная причина моего несчастія, это ты все сдѣлала!.. Ты знала всю мою душу, всѣ мои муки, всю исторію моего паденія и мое раскаяніе... Сейчасъ я валялся у тебя въ ногахъ и все сказалъ тебѣ... Камень сжалился бы!.. А ты спокойно приготовляла мою гибель!.. Я сталъ у нея поперекъ дороги... Она мнѣ всѣмъ обязана... Она причина всего... И она меня предала!

— Безъ фразъ, Гринштейнъ... Говорите, что отъ васъ требуютъ...

— Нѣтъ!.. Ничего не скажу вамъ, палачи!.. Теперь мнѣ все равно...

— Подумайте...

— Все обдумано... Если вы меня отпустите, я самъ себя убью. Но прежде я постараюсь сдѣлать вамъ все зло, какое только буду въ состояніи сдѣлать... вамъ, ей и особенно Задонскому, который все у меня отнялъ. Я васъ ненавижу всѣхъ, всѣхъ, сколько васъ есть!...

Музыка и пѣніе за стѣною вновь грянули съ новой, безпорядочной и пьяной силою.

Соня вынула револьверъ и выстрѣлила. Гринштейнъ широко раскрылъ глаза, схватился руками за сердце, лепеча безсвязныя слова, и инертной массой повалился на полъ.

Все было кончено.

И. Я. Павловскій.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ[1].

1905—1906 г.

VI.

Положеніе цензуры въ періодъ революціоннаго броженія въ Одессѣ.—Редакторская демонстрація—Генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ.—Генералъ Карангозовъ и «Лоэнгринъ».—Газета «Южное Обозрѣніе».—Затруднительность моего положенія.—Циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 19-го октября 1905 г. и его значеніе.—Одурное дѣйствіе его на одесскую печать и попустительство со стороны чиновъ южной цензуры.—Неопредѣленное положеніе иностранной цензуры. Циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 17-го октября 1906 г.—Кончина Адикаевскаго и характеристика его личности.—Цензоръ, а впослѣдствіи инспекторъ по дѣламъ печати въ Одессѣ Ф—ъ.—Двадцатипятилѣтіе моего предсѣдательствованія въ одесскихъ цензурныхъ учрежденіяхъ и моя отставка.

ВОЗВРАЩАЯСЬ къ цензурѣ, я долженъ напомнить, что, говоря о ней въ предыдущихъ главахъ, я остановился на томъ мѣстѣ, когда въ Одессу былъ назначенъ по моему ходатайству г. Ф—ъ изъ Томска.

Прошло, однако, не мало времени съ опубликованія приказа о назначеніи его отдѣльнымъ цензоромъ въ Одессу до дня прибытія его, а это время, надо сказать, было одно изъ самыхъ непріятныхъ для меня въ служебномъ отношеніи, такъ какъ оно какъ разъ совпало съ наивысшимъ періодомъ революціоннаго броженія въ Одессѣ и хаотической растерянности власти. Положеніе это становилось все болѣе затруднительнымъ, а объявленная манифестомъ 17-го октября въ числѣ прочихъ свободъ «свобода слова» окончательно взбудоражила всю пишущую корпорацію. Меня стали осаждать, не давая мнѣ прохода даже на улицѣ, съ разными неисполнимыми тре-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXVIII, стр. 388.

бованіями, ссылаясь на выраженную въ указанномъ манифестѣ волю государя о свободѣ слова, и не скрывали своего удивленія, что цензура вообще еще функціонируетъ и не похерена. Настойчивость этихъ требованій дошла наконецъ до того, что въ одно прекрасное утро явились ко мнѣ in corpore въ комитетъ всѣ редакторы и главные сотрудники мѣстныхъ газетъ, требуя отъ меня объясненій по поводу образа моихъ дѣйствій. Небезынтересно будетъ здѣсь отмѣтить, что во главѣ этого «корпоративнаго комплота» противъ меня сталъ не разъ выручавшійся мною изъ бѣды редакторъ-издатель «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкій и что между «заговорщиками» фигурировалъ также и главный сотрудникъ его газеты, въ обыкновенное время безобиднѣйшій и корректнѣйшій, теперь уже покойный, А. С. Папандопуло.

Но что могъ я сказать этимъ непомѣрно возбужденнымъ господамъ, какъ только то, что посовѣтовалъ мнѣ находившійся въ то время въ Одессѣ по высочайшему повелѣнію генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ (впослѣдствіи убитый анархистомъ-максималистомъ въ городѣ Торжкѣ), къ которому я, не получая никакихъ директивъ отъ своего прямого начальства, обратился за указаніями.

— Законъ,—сказалъ онъ мнѣ,—долженъ дѣйствовать даже въ томъ случаѣ, если онъ болѣе не нуженъ, пока онъ не замѣненъ другимъ. Ждите обѣщанной манифестомъ отмѣны устава о цензурѣ и печати.

Я такъ и поступилъ.

— Потерпите и обождите,—сказалъ я моимъ интерпеллянтамъ:— получу указаніе изъ Петербурга и тогда, согласуясь съ нимъ, и буду дѣйствовать.

Въ отвѣтъ на это они мнѣ заявили, что они довольно уже ждали и достаточно натерпѣлись, а такъ какъ самъ государь далъ теперь свободу слова, то и ждать имъ больше незачѣмъ. Но они позабыли о военномъ положеніи въ городѣ и о генералѣ Карангозовѣ, и одинъ изъ нихъ, наиболѣе рьяный и нетерпѣливый, а именно сотрудникъ той самой газеты «Южное Обозрѣніе», изъ конторы которой послѣдовали смертоносные выстрѣлы 19-го октября въ русскую патріотическую процессію, провоцировавшіе еврейскій погромъ, пишущій подъ псевдонимомъ «Лоэнгринъ», жестоко поплатился за это. Онъ помѣстилъ весьма хлесткую статью въ одной изъ столичныхъ газетъ крайняго лѣваго направленія, въ которой съ большой развязностью трактовалъ о невозможномъ положеніи печати въ Одессѣ, при чемъ указывалъ на меня и на двухъ моихъ сотрудниковъ, какъ на душителей ея, и жаловался, что при такой невозможной атмосферѣ онъ работать не можетъ и совсѣмъ въ ней задыхается. Узнавъ объ этой статьѣ, генералъ Карангозовъ приказалъ препроводить къ нему всѣ забракованныя цензурою статьи этого журналиста, по ознакомленіи съ которыми сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ его въ Вологодскую губернію, гдѣ, по выраженію этого непреклоннаго

генерала, «г. Лоэнгрину будетъ дышаться легче, чѣмъ въ душной для него одесской атмосферѣ».

Здѣсь къ мѣсту будетъ указать, что газета «Южное Обозрѣніе» была по времени возникновенія своего младшею сестрою среди остальныхъ періодическихъ изданій, выходившихъ въ Одессѣ. Она была разрѣшена профессору Чижову въ 1896 г. Отъ него она перешла въ 1897 г. сначала къ Новосельцеву, а потомъ къ Лазарису и Маракуеву. Съ 1900 г. она попала въ еврейскія руки къ Бейлейсону и въ концѣ концовъ къ Исаковичу.

Въ началѣ своего существованія газета эта держала себя въ границахъ цензурныхъ требованій, но съ переходомъ въ вѣдѣніе еврейской редакціи окраска ея сразу измѣнилась, и съ тѣхъ поръ она вела свою линію въ ложно-прогрессивномъ направленіи вплоть до годовъ «освобожденія», когда была закрыта на все время военнаго положенія въ Одессѣ, какъ сказано было о ней: «въ виду не прекращающагося, несмотря на неоднократныя предупрежденія, вреднаго направленія, выражающагося въ помѣщеніи ложныхъ свѣдѣній тревожнаго характера, въ умышленномъ искаженіи фактовъ и крайне тенденціозномъ освѣщеніи ихъ и всѣхъ распоряженій правительства».

Деморализація одесской прессы, допущенная еще цензоромъ Б., который, по словамъ одного мѣстнаго журналиста, «въ противоположность бывшему отдѣльному цензору Ѳедорову, протежировавшему своимъ пріятелямъ, протежировалъ себѣ самому, присылая въ редакціи свои статьи, которыя неукоснительно печатались, причемъ на условіяхъ гонорара, о которомъ другіе мѣстные журналисты и думать не могли», отразилась не только на самомъ направленіи названной прессы, но и на спошеніяхъ съ цензурою редакторовъ и газетныхъ сотрудниковъ, продолжавшихъ находиться подъ впечатлѣніемъ образа дѣйствій невмѣняемаго Б. и полагавшихъ, что иныхъ принциповъ и взглядовъ на служебный долгъ нельзя и ожидать отъ «гасителей печатнаго слова».

Это обстоятельство, въ связи съ переживаемымъ въ ту пору острымъ революціоннымъ броженіемъ, усугубляло трудность моей задачи, и я съ нетерпѣніемъ поджидалъ прибытія изъ Сибири вновь назначеннаго отдѣльнаго цензора, чтобы сбыть ему навязанную мнѣ обузу внутренней цензуры, къ которой никогда не питалъ ни малѣйшаго влеченія. Особенно поражалъ и непріятно дѣйствовалъ на меня усвоенный въ послѣднее время редакціями мѣстныхъ газетъ способъ обжалованія дѣйствій цензуры по телеграфу, а не обыкновеннымъ порядкомъ, т. е. подачей прошеній съ уплатой гербоваго сбора. Никакими спѣшными и экстренными мотивами не вызываемый, новый способъ этотъ нельзя было иначе объяснить, какъ только умышленнымъ и демонстративнымъ преувеличеніемъ значенія обжалуемаго факта и стремленіемъ выставить себя жертвой небывалыхъ еще

стѣсненій со стороны цензуры, на самомъ дѣлѣ ограничивавшейся лишь заурядным предъявленіемъ необходимыхъ требованій по существующему и пока еще не отмѣненному закону. По совѣсти скажу, что вообще въ образъ дѣйствій моихъ никогда не входили ни въ ту пору, ни прежде мелочная придирчивость, зачеркиваніе ради зачеркиванія и вообще злоупотребленіе цензорскою властью, а потому такой способъ обжалованія моихъ рѣшеній, перенесенный съ г. Б. на меня, казался мнѣ несправедливымъ и не заслуженнымъ. Какъ бы то ни было, но дѣло стояло въ то критическое время ужъ очень неладно, чему могутъ служить доказательствомъ посланныя мною начальнику главнаго управленія печати Бельгарду еще въ «потемкинскіе дни» двѣ нижеслѣдующія телеграммы:

Первая отъ 18-го іюня 1905 года: «Доношу вашему превосходительству, что комитетъ продолжаетъ свои дѣйствія, газеты же выходятъ съ перерывами».

И въ дополненіе—вторая: «Періодическія изданія возобновили правильный выходъ свой съ воскресенья 19-го іюня. Всѣ статьи, относящіяся до послѣднихъ событій, въ которыхъ участвовали мятежные броненосцы, должны быть направляемы на просмотръ спеціальной цензуры, учрежденной временнымъ генералъ-губернаторомъ».

Еще горше было положеніе въ «октябрьскіе дни».

Я уже указалъ, при какой обстановкѣ пришлось цензировать повременныя изданія въ ужасныя двѣ ночи—«красную» и «черную», но и потомъ было не лучше. Подъ конецъ дошло до того, что приходилось держать на запорѣ двери цензурнаго комитета изъ боязни, чтобы въ него не ворвались буйныя уличныя шайки и не расхитили все находившееся въ нея, особенно задержанныя книги и разнаго рода изданія, составлявшія собственность книгопродавческихъ и издательскихъ фирмъ.

Такова была неприглядная картина внѣшней обстановки дѣла, при которой приходилось выполнять цензорскую обязанность ея исполнителямъ. Не лучше было и внутренняя сторона этого дѣла.

Съ опубликованіемъ манифеста 17-го октября 1905 г. вся доконституціонная эпоха со всѣмъ ея законодательствомъ, благодаря провозглашенію упомянутыхъ въ немъ свободъ, должна была итти на смарку. Та же участь должна была постигнуть и цензурный уставъ со всѣми его приложеніями и циркулярами, о также съ существующей предварительной цензурой, такъ такъ все это не вязалось и противорѣчило съ провозглашеніемъ «дѣйствительной свободы слова», подтвержденной авторомъ манифеста, котораго называли графомъ Витте, и который разъяснилъ, что «отнынѣ печатное слово не знаетъ надъ собой прежняго законнаго запрета».

Никто, однако, ни даже само центральное правительство не могло опредѣленно сказать, что надлежитъ считать законнымъ, что

незаконнымъ, а ужъ отъ насъ, цензоровъ, а также и отъ дѣятелей печати и подавно нельзя было требовать уловленія границъ между дозволеннымъ и запретнымъ, и былъ такой моментъ, когда ни тѣ, ни другіе не знали, какъ быть, и, махнувъ рукой, предоставили все на волю того же «русскаго Бога», который не разъ выводилъ святую Русь изъ бѣды! А тутъ еще возникъ, тотчасъ послѣ провозглашенія манифеста 17-го октября, столичный «союзъ въ защиту свободнаго слова», къ которому примкнули даже такіе консервативные органы печати, какъ «Новое Время», «Свѣтъ» и проч., на заглавныхъ листахъ которыхъ значилось, что они входятъ въ составъ названнаго союза, и на ряду съ этимъ министерство юстиціи распорядилось о повсемѣстномъ въ судахъ прекращеніи «старыхъ, несерьезныхъ дѣлъ по дѣламъ печати»... Было, признаться, надъ чѣмъ призадуматься всѣмъ прикосновеннымъ къ цензурному дѣлу лицамъ, дѣйствующимъ вдали отъ Петербурга!

Но вотъ откликнулось наконецъ и высшее управленіе нашимъ вѣдомствомъ, и въ двадцатыхъ числахъ октября нами было получено долго жданное его циркулярное указаніе, которое привожу здѣсь цѣликомъ:

«Циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 19-го октября 1905 г., № 11723.

«Высочайшимъ манифестомъ, обнародованнымъ въ 17-й день октября сего года, на обязанность правительства возложено выполненіе непреклонной Его Императорскаго Величества воли даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

«Вслѣдствіе сего и въ виду обращаемыхъ въ главное управленіе по дѣламъ печати запросовъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ можетъ быть нынѣ же осуществляема дарованная населенію свобода печатнаго слова, главное управленіе по дѣламъ печати, по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ, считаетъ необходимымъ преподать цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ по внутренней и иностранной цензурѣ, а также и лицамъ, цензирующимъ повременныя изданія, нижеслѣдующія указанія:

«Приведенныя выше слова высочайшаго манифеста вызовутъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ изданіе новаго закона въ измѣненіе дѣйствующаго нынѣ устава о цензурѣ. Впередь до изданія этого закона всѣ законоположенія, опредѣляющія дѣятельность учрежденій и лицъ цензурнаго вѣдомства, остаются въ полной силѣ; самое же отношеніе цензуры къ произведеніямъ печати должно кореннымъ образомъ измѣниться, сообразуясь съ ясно и опредѣленно выраженною въ манифестѣ волею Государя Императора.

«Такъ какъ ни въ одномъ государствѣ не существуетъ такой свободы печатнаго слова, которая не была бы ограничена опредѣ-

ленными карательными законами, а потому и у насъ эти законы будутъ всегда ограничивать свободу печати ,то цензурному вѣдомству въ настоящее время надлежитъ прежде всего принять въ основѣ своей дѣятельности къ руководству наше уголовное законодательство, предусматривающее цѣлый рядъ преступленій, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати, а также согласованныя съ уголовными законами статьи цензурнаго устава.

«Въ отношеніи преступленій государственныхъ, въ числѣ коихъ имѣется цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати, въ настоящее время дѣйствуетъ уже уголовное уложеніе 1903 года, о именно статьи 103, 104, 106, 107, 111, 128, 129, 132 и 133; прочія же преступленія печати предусмотрѣны въ соотвѣтствующихъ статьяхъ уложенія о наказаніяхъ.

«Руководствуясь, впредь до измѣненія цензурнаго устава, изложенными въ этомъ уставѣ правилами для цензуры (ст. 93 и посл.), цензура должна сообразоваться съ новыми условіями, въ которыя поставлена печать, и личнымъ тактомъ и полнымъ устраненіемъ какихъ-либо требованій, не основанныхъ на законѣ, избѣгать возможности всякаго рода справедливыхъ нареканій.

«Въ случаѣ появленія въ повременныхъ изданіяхъ, выходящихъ безъ предварительной цензуры, такихъ статей, которыя заключаютъ въ себѣ признаки преступленій, а также въ случаѣ помѣщенія такихъ статей въ подцензурныхъ изданіяхъ безъ разрѣшенія или вопреки запрещенію цензуры, отдѣльные цензора и другія лица, цензирующія повременныя изданія, независимо отъ сообщенія о семъ въ порядкѣ 1213§ ст. уст. уг. суд. главному управленію по дѣламъ печати, имѣютъ безотлагательно доводить о томъ же до свѣдѣнія мѣстнаго прокурорскаго надзора, отъ котораго будетъ зависѣть возбужденіе противъ виновныхъ уголовнаго преслѣдованія на точномъ основаніи 297 ст. уст. уг. суд. и разъясненія правительствующаго сената, послѣдовавшаго 21-го декабря 1867 г. по дѣлу Арапьева и Звенигородскаго.

«Независимо отъ сего, г. министромъ внутреннихъ дѣлъ признано возможнымъ, въ виду воспослѣдовавшаго высочайшаго манифеста, нынѣ же отмѣнить всѣ цензурныя распоряженія, изданныя на основаніи 140 ст. уст. о цензурѣ и печати.

«О вышеизложенномъ главное управленіе по дѣламъ печати, по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ, увѣдомляетъ васъ, милостивый государь, для зависящаго распоряженія».

«Подписалъ: начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Бельгардъ.

«Скрѣпилъ: правитель дѣлъ главнаго управленія по дѣламъ печати, членъ совѣта В. Адикаевскій.

Со времени циркуляра 29 сентября 1865 г., въ которомъ было преподано подвѣдомственнымъ цензурнымъ учрежденіямъ и лицамъ надлежащее разъясненіе высочайшаго указа 6-го апрѣля 1865 г., внесшаго значительное улучшеніе въ положеніе отечественной печати, до того порабощенной капризной волѣ сумасбродныхъ цѣнителей ея вродѣ жандармскаго генерала Дубельта, который объявилъ однажды редактору-издателю «Сѣверной Пчелы» небезызвѣстному Булгарину, что «только выставки, Гостиный дворъ, толкучка, трактиры, кондитерскія—вотъ твоя область, а дальше ея не моги ни шагу!»—приведенный выше циркуляръ отъ 19-го октября 1905 г. составляетъ безусловно новую и важную эру въ положеніи русской прессы и вмѣстѣ съ тѣмъ кореннымъ образомъ измѣняетъ отношеніе къ ней цензуры.

Отнынѣ нѣтъ болѣе разницы между освобожденными въ обѣихъ столицахъ отъ предварительной цензуры повременными изданіями и таковыми въ провинціи, которыя, какъ и первыя, выходятъ уже безъ предварительнаго просмотра цензуры, что тоже относится къ изданіямъ неповременнымъ, и какъ тѣ, такъ и другія караются уже post factum за совершенныя ими дѣянія преступнаго характера уголовными законами и соотвѣтствующими статьями о наказаніяхъ. Такимъ образомъ, Сизифовъ трудъ цензоровъ, обязывавшій ихъ до того не допускать къ печати ни единой строки безъ просмотра и одобренія, замѣненъ провѣркою уже отпечатаннаго матеріала, съ возбужденіемъ, въ случаяхъ усмотрѣнія въ немъ дѣяній «преступнаго характера», закономъ указаннымъ способомъ преслѣдованія судебнымъ порядкомъ.

Понадобилось, такимъ образомъ, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ съ введенія устава о цензурѣ и печати 1865 г., чтобы додуматься до замѣны его тѣмъ, что тогда же могло быть сдѣлано съ успѣхомъ къ взаимному удовольствію печати и правительства и что съ давняго времени осуществлено и практикуется во всѣхъ западныхъ государствахъ!

Само собой разумѣется, что мы, цензора, съ большимъ интересомъ стали слѣдить за тѣмъ, какъ воспользуется на первыхъ порахъ своею самостоятельностью освобожденная отъ нашихъ путъ мѣстная пресса. Долженъ признать, что я лично былъ разочарованъ въ своихъ оптимистическихъ ожиданіяхъ на этотъ счетъ и мнѣ невольно припомнились гдѣ-то сказанныя слова знаменитымъ стратегомъ нашимъ Драгомировымъ: «свобода печати, говорилъ онъ, конечно, дѣло хорошее, но свобода отъ здраваго смысла обращаетъ свободу печати въ распущенность печати». Вырвавшись изъ-подъ цензурнаго ига, тяготѣвшаго надъ нею столько лѣтъ, она, какъ разузданный конь, рванулась впередъ, неразборчиво попирая все попадавшееся ей по пути, и тогда только очнулась, когда передъ нею выросла новая преграда въ образѣ военной и гражданской власти, облеченной особыми карательными правами.

Собственно говоря, одесская пресса, какъ я уже упоминалъ, закусила удила еще ранѣе и стала явно на сторонѣ революціоннаго броженія. Все, что мѣшало его развитію, подхватывалось ею съ особенною энергіей, а все то, что касалось мятежа, пропускалось мимо ушей. Такъ, напримѣръ, «Одесскія Новости» открыто называли, съ разрѣшенія все того же цензора Б—ча, вожака бунта черноморскихъ моряковъ Шмидта не иначе, какъ «доблестный лейтенантъ Шмидтъ», а такъ называемая «Коммерческая Газета», издаваемая евреемъ Соколовскимъ, въ которой о коммерціи и помину не было, народившаяся какъ разъ передъ «освободительнымъ движеніемъ», пропагандировала, нимало не смущаясь, съ вѣдома того же цензора, «Коммунистическій манифестъ»» Маркса и Энгеля и на заглавномъ листѣ своего чахлаго изданьица ежедневно крупнымъ шрифтомъ грозно печатала извѣстный призывъ этого «манифеста»: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» Не отставалъ отъ нихъ и «Одесскій Листокъ», не разъ уже переодѣвавшійся на своемъ вѣку въ хламиды разныхъ цвѣтовъ и фасоновъ, а также и остальныя мелкія газеты, и только одна «Русская Рѣчь» пребывала безъ измѣненій и твердой въ своемъ крайнемъ правомъ направленіи. Газета эта появилась какъ-то внезапно, по иниціативѣ перваго издателя своего, начальника юнкерскаго училища, полковника генеральнаго штаба Г. А. Микулина, въ самый разгаръ одесской революціонной мути въ іюнѣ 1905 г. Первымъ редакторомъ ея былъ М. В. Лебедевъ, вторымъ П. И Слюсаревскій, затѣмъ Дашкевичъ-Чайковскій и, наконецъ, Н. В. Азаровъ, къ которому вмѣстѣ съ тѣмъ перешло и издательство этой газеты отъ полковника Микулина.

Возникновенію своему «Русская Рѣчь» обязана всецѣло денежной поддержкѣ многихъ частныхъ лицъ, членовъ «союза русскаго народа», и главнымъ образомъ взносу въ 10,000 рублей херсонскаго земскаго банка, отпустившаго эту крупную сумму на ея изданіе по предложенію члена этого банка Якунина, впослѣдствіи самарскаго и екатеринославскаго губернатора.

Рѣзко диссонируя по направленію своему съ остальными мѣстными органами печати, газета эта была встрѣчена ими и всѣмъ одесскимъ революціоннымъ бундомъ съ злобнымъ шипѣніемъ, и первый нумеръ ея съ портретомъ Государя былъ весь перехваченъ ими у разносчиковъ и разбросанъ въ разорванномъ видѣ по панелямъ Дерибасовской улицы. Такая выходка злобной нетерпимости вызвала со стороны администраціи должныя мѣры къ обузданію дикихъ уличныхъ манифестантовъ, и вскорѣ вся негодующая противъ «Русской Рѣчи» клика вынуждена была не только смириться, но и считаться съ ея обличительными статьями, не въ бровь, а въ глазъ, не пропускавшими изобличеніями своими выводить на свѣжую воду всякія несуразныя, нелѣпыя и лживыя выходки собратій своихъ по перу въ очумѣвшихъ отъ революціоннаго угара одесскихъ газетахъ.

Газета «Русская Рѣчь», надо отдать ей справедливость, оказала въ бурное время, какъ и «союзъ русскаго народа», несомнѣнную пользу къ обузданію и отрезвленію взбаламученной революціонной накипи, давъ ей твердый отпоръ; но, къ сожалѣнію, она, какъ и названный «союзъ», что называется, переборщила и во-время не сумѣла обуздать самое себя въ своемъ патріотическомъ рвеніи. Она, какъ и блаженной памяти «Новороссійскій Телеграфъ», не сумѣла удержаться на безпристрастной высотѣ и, какъ и та газета, пошла по невѣрному фарватеру, принявъ то, что называютъ французы, un mauvais pli... Ударившись въ крайность и браня непотребными словами всѣхъ противниковъ своихъ, она въ то же время стала plus royliste, que le roi, отрицая необходимость обновленія Россіи на новыхъ началахъ гражданскаго строя, и, уклонившись, такимъ образомъ, отъ призванія своего—быть представительницей взглядовъ «образованной и здравомыслящей части русскаго общества», не сумѣла и не смогла послужить ему руководительнымъ знаменемъ.

Подъ стать къ крайней лѣвой періодической печати дѣйствовала въ томъ же задорномъ духѣ и революціонномъ направленіи также и неперіодическая.

Какъ грибы послѣ дождя, народились внезапно на свѣтъ Божій до сего неизвѣстныя въ Одессѣ книгоиздательства, изъ коихъ наиболѣе выдѣлились въ насажденіи революціонной растительности слѣдующія: «Буревѣстникъ», издававшійся Сеганомъ, «Набатъ» Лазаревичемъ, «Трибуна» Гурляндомъ, «Молотъ» обществомъ еврейскаго бунда, заправилой котораго былъ убитый на баррикадахъ учитель еврейскаго училища Высоцкій, «Демосъ» Розинеромъ, «Освобожденіе труда» книгоиздательствомъ Кипера, «Новая Заря» и прочія.

Всѣ поименованные «трудовики съ плоскими анархическими мозгами» работали, не покладая рукъ, во славу «огня и меча» и своего кармана не только до, но и послѣ обѣтованнаго манифеста 17-го октября, не замѣчая въ пылу своей ретивой дѣятельности, что народное представительство на Руси уже осуществлено и что незачѣмъ уже безъ толку размахивать краснымъ флагомъ. Но l'appetit vient en mangeant, говорятъ французы, и эти рыцари безъ страха и упрека никакъ не хотѣли забастовать съ пропагандой своихъ дешевыхъ брошюрокъ и книгъ въ красныхъ обложкахъ, находящихъ себѣ сбытъ въ незрѣлыхъ умахъ, преимущественно среди учащейся, недоучившейся и «прихлопнутой школьной книгой» молодежи, съ жадностью закупавшей и зачитывавшейся этими плодами «декадентствующей мысли и заглохшей совѣсти». Невѣроятнымъ покажется, если я скажу, что прямымъ пособникомъ этимъ наносимъ элементамъ въ ихъ похвальной издательской пропагандѣ оказалось, mirabile dictu, само цензурное вѣдомство въ лицѣ двухъ

своихъ представителей—одного въ Ростовѣ на Дону, другого въ Одессѣ.

Безнадежный алкоголикъ, тогдашній ростовскій отдѣльный цензоръ, назначенный туда съ счастливой руки того же благодушнаго поставщика этихъ немощныхъ субъектовъ, сенатора З—ва, и цензоръ ввѣреннаго мнѣ комитета иностранной цензуры, временно, за отсутствіемъ въ Одессѣ отдѣльнаго цензора по внутренней цензурѣ, откомандированный главнымъ управленіемъ для занятій по этой цензурѣ, В—скій, словно по взаимному между собой уговору, щедро подмахивали своею подписью всѣ представляемыя имъ вышеуказанными издательствами продукты ихъ отборной литературы, пока наконецъ главное управленіе по дѣламъ печати не спохватилось и не махнуло ихъ самихъ съ занимаемыхъ ими мѣстъ. Но слѣдъ дѣятельности этихъ двухъ цензоровъ еще надолго оставался неизгладимымъ, и названному управленію стоило немало труда, чтобы начисто замести его. Такъ, съ разрѣшенія послѣдняго изъ нихъ были изданы книгоиздательствомъ «Буревѣстникъ» и книжнымъ магазиномъ Алексѣева въ Одессѣ брошюра «О сущности конституціи» Ф. Лассаля, съ предисловіемъ Э. Бернштейна, сочиненіе, внесенное въ алфавитный каталогъ изданій на русскомъ языкѣ, запрещенныхъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи. Имъ же были разрѣшены такія брошюры, какъ «Нищета философіи» Карла Маркса и «Воспоминанія Карла Каутскаго», впослѣдствіи уничтоженныя по постановленіямъ одесской судебной палаты, и много иныхъ, которыми былъ наводненъ книжный рынокъ того бурнаго времени и которыхъ потомъ пришлось мѣстной инспекціи по дѣламъ печати извлекать изъ обращенія и предавать уничтоженію.

Къ мѣсту будетъ сказать, что съ дарованіемъ свободы слова манифестомъ 17-го октября и въ связи съ измѣнившимся отъ этого положеніемъ отечественной печати, была произведена и нѣкоторая реорганизація въ служебномъ положеніи чиновъ цензурнаго вѣдомства, съ тѣхъ поръ переименованныхъ изъ цензоровъ въ инспекторовъ по дѣламъ печати.

Но все сказанное относилось только къ внутренней цензурѣ и не касалось иностранной.

Что касается послѣдней, то она продолжала функціонировать по старому порядку, словно до нея не дошла вѣсть о дарованной «свободѣ слова». Ею попрежнему запрещалось въ оригиналѣ, т. е. на иностранныхъ языкахъ, то, что въ переводѣ на русскій языкъ разрѣшалось съ преизбыткомъ на всемъ пространствѣ имперіи. Продолжая дѣйствовать безъ всякой связи и соотношенія съ освобожденной отъ предварительной цензуры русской прессы, иностранная цензура часто попадала въ крайне непріятный просакъ,

вызывая справедливыя нареканія какъ со стороны книгопродавческихъ фирмъ, занимающихся продажею заграничныхъ изданій, такъ и со стороны частныхъ лицъ, выписывающихъ и привозящихъ съ собой изъ-за границы книги и изданія на иностранныхъ языкахъ. Предъявляя мнѣ экземпляры разрѣшенныхъ въ переводѣ на русскій языкъ у насъ, въ иностранной цензурѣ, въ оригиналѣ запрещенныхъ сочиненій, лица эти требовали выдачи послѣднихъ, отказываясь понять не поддающіеся ихъ разумѣнію наши бюрократическіе доводы, въ дѣйствительности ни съ чѣмъ несообразные.

Послѣ одного такого случая, когда мнѣ былъ предъявленъ негодующимъ получателемъ въ русскомъ переводѣ Ренанъ, надъ которымъ испоконъ вѣка тяготѣлъ запретъ у насъ въ иностранной цензурѣ, я выдалъ ему экземпляръ этой книги въ оригиналѣ и объ этомъ донесъ главному управленію по дѣламъ печати, прося вмѣстѣ съ тѣмъ указаній, какъ мнѣ быть въ такихъ поистинѣ крючкотворныхъ случаяхъ? Не знаю, вслѣдствіе ли моего представленія, но только годъ спустя, когда я былъ уже не у дѣлъ цензуры, послѣдовало наконецъ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, которое я ниже привожу цѣликомъ и котораго я, какъ сказано, не дождался.

Мнѣ неизвѣстно, были ли сдѣланы также какія-либо спеціальныя указанія по почтовой цензурѣ, но, судя по сравнительно меньшей съ прошлымъ дозѣ столь ненавистной подписчикамъ иностранныхъ газетъ и журналовъ «черной икры», надо думать, что облегчительная струя коснулась и иностранной періодической печати, находящейся, какъ извѣстно, въ вѣдѣніи почтоваго управленія.

Только въ одной драматической цензурѣ осталось пока все in statu quo; но зато какими же пьесами и наводнили гг. цензора этой цензуры нашу сцену! Пьесы эти то разрѣшались ими, то снимались со сцены по требованію духовныхъ и свѣтскихъ властей, а не то и самимъ вѣдомствомъ печати, вызывая скандалы въ театральной публикѣ и руготню въ прессѣ всѣхъ оттѣнковъ...

Циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати 17-го октября 1906 г., № 10497.

«Циркуляромъ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 19-го октября 1905 г. за № 11,723 преподаны были цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ по иностранной цензуры общія руководящія указанія относительно цензурнаго просмотра новыхъ книгъ и другихъ произведеній печати, поступающихъ въ иностранную цензуру послѣ послѣдованія Высочайшаго манифеста отъ 17-го октября 1905 года.

«Между тѣмъ, еще въ 1898 году, по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати, былъ изданъ для руководства надлежащихъ органовъ цензурнаго вѣдомства каталогъ запрещенныхъ и

дозволенныхъ съ исключеніями иностранною цензурою сочиненій на разныхъ языкахъ за время съ 1871 г. по 1 января 1897 г., служащій непосредственнымъ дополненіемъ другого такого же каталога, изданнаго въ 1871 году.

«Имѣя въ виду, что включенныя въ означенные каталоги запретительныя распоряженія послѣдовали при условіяхъ, несогласныхъ съ началами, возвѣщенными Высочайшимъ манифестомъ 17-го октября 1905 г., я признаю въ настоящее время необходимымъ отмѣнить вышеназванный каталогъ съ означенными въ немъ рѣшеніями иностранной цензуры, а равно и всѣ позднѣйшія запретительныя рѣшенія послѣдней, состоявшіяся по отношенію къ разнаго рода заграничнымъ сочиненіямъ и періодическимъ изданіямъ, разсмотрѣннымъ цензурою за время съ 1-го января 1897 года по 1-го октября 1905 года.

«При этомъ считаю необходимымъ разъяснить, что, въ случаѣ поступленія вновь изъ-за границы такихъ изданій, кои значились въ числѣ запрещенныхъ или дозволенныхъ съ исключеніемъ иностранною цензурою до 17-го октября 1905 г., таковыя изданія должны впредь предварительно выпуска въ обращеніе подвергаться цензурою разсмотрѣнію, примѣнительно къ новымъ условіямъ и независимо отъ прежде состоявшагося и тяготѣвшаго надъ этими изданіями цензурнаго запрета».

«Подписалъ: министръ внутреннихъ дѣлъ П. Столыпинъ.

«Скрѣпилъ: начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Бельгардъ».

Въ самомъ разгарѣ этой накипи пореформенной безалаберщины на Руси чины цензурнаго вѣдомства были ошеломлены неожиданною вѣстью объ уходѣ въ отставку великаго вершителя судебъ и дѣлъ нашихъ, В. С. Адикаевскаго, незадолго передъ тѣмъ отпраздновавшаго свой пятидесятилѣтній юбилей на государственной службѣ.

Службу свою собственно въ вѣдомствѣ печати Адикаевскій началъ, сколько мнѣ помнится, одновременно со мною—я, по крайней мѣрѣ, не запомню этого вѣдомства безъ него,—а въ 1869 году онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ комиссіи для пересмотра законоположеній о печати, образованной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Урусова. Цѣлый рядъ начальниковъ главнаго управленія, начиная съ перваго изъ нихъ, сенатора Щербинина, перемѣнился при немъ, и онъ, обладая рѣдкою канцелярскою сметкою и памятью, являлся живой лѣтописью дѣлъ этого управленія и могъ дать въ любой моментъ справку для разрѣшенія всякихъ замысловатыхъ и сложныхъ вопросовъ со дня введенія устава о цензурѣ и печати 1865 года до послѣдовавшей въ 1905 г. реформы, возвѣщенной манифестомъ 17-го октября. Всѣ недоумѣвали, какъ обойдется главное управленіе безъ своего вѣковѣчнаго

фактотума, и были очень удивлены, когда начальникъ этого управленія гофмейстеръ Бельгардъ, назначенный на этотъ постъ всего въ 1905 году, рѣшился выпустить Адикаевскаго и только годъ спустя послѣ его ухода замѣстилъ пустовавшую вакансію правителя канцеляріи, назначивъ на эту должность г. Садовскаго, начавшаго службу свою помощникомъ секретаря въ московскомъ цензурномъ комитетѣ, куда поступилъ по рекомендаціи моего покойнаго двоюроднаго брата, цензора этого комитета.

Адикаевскій умеръ въ Сочи, въ апрѣлѣ 1907 года, такъ и не добившись начальствованія надъ нами, о чемъ столь пламенно мечталъ въ теченіе всей своей многолѣтней службы въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, коего былъ подъ конецъ членомъ совѣта, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и завѣдующимъ канцеляріею. Въ Сочи онъ заблаговременно приготовилъ себѣ приличное «Монрепо», обзаведясь земелькой и домкомъ, и дожилъ свой вѣкъ подъ солнечнымъ небомъ Кавказа, промѣнявъ свинцовое небо и душную атмосферу бумажной стряпни недостаточно оцѣнившей его бюрократическія качества и достоинства сѣверной Пальмиры.

Когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, сбитаго съ привычной колеи, недоумѣвающе взиравшаго на все то новое и непривычное, что вокругъ него происходило. Свиданіе мое съ нимъ происходило въ присутствіи бывшаго одесскаго отдѣльнаго цензора Л—та, въ то время занимавшаго должность цензора драматической цензуры при главномъ управленіи. Зашла рѣчь у нихъ о какой-то сомнительной театральной пьесѣ, и Л—тъ стоялъ за ея запрещеніе.

— Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, все запрещать и запрещать,— замѣтилъ ему на это, развалясь въ креслѣ у своего канцелярскаго стола, Адикаевскій.

— Вы слышите, А. Е.,—обратился ко мнѣ Л—тъ:—какъ теперь говоритъ Василій Семеновичъ? А давно ли было время, когда онъ говорилъ совершенно иное!..

Да, дѣйствительно, такой необычайной фразы изъ устъ приснопамятнаго Адикаевскаго, прости ему Господи, никогда до того еще не слыхалъ. Мнѣ вспомнилась тогда иная, неизмѣнно имъ повторяемая мнѣ при пріѣздахъ моихъ въ Петербургъ шаблонная его фраза: «запрещайте и запрещайте—вотъ вамъ и направленіе ваше!» и я не могъ не надивиться юркой чиновничьей гибкости и сноровкѣ этого человѣка, умѣвшаго въ любой моментъ держать носъ по вѣтру и только этимъ достигшаго незаурядного по его образовательному цензу положенія въ служебной іерархіи: онъ кончилъ свою карьеру въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣя черезъ плечо ленту Бѣлаго Орла.

Но возвращаюсь къ Одессѣ.

Съ нескрываемымъ удовольствіемъ передалъ я навязанную мнѣ внутреннюю цензуру прибывшему наконецъ изъ Томска Ф—у.

Молодого человѣка этого я мало зналъ во время первоначальной службы его въ Одессѣ въ качествѣ помощника Б—а, и мнѣ пришлось съ нимъ ближе познакомиться уже въ этотъ второй пріѣздъ его, когда онъ замѣнилъ послѣдняго по должности отдѣльнаго цензора, переименованной при немъ въ инспектора по дѣламъ печати. Онъ былъ, такимъ образомъ, первымъ носителемъ этого новаго званія и послѣднимъ изъ цензоровъ внутренней цензуры, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло по службѣ моей въ Одессѣ. Но званіе это, какъ оказалось, не представляло для него особенной привлекательности, такъ какъ въ городѣ вскорѣ распространился слухъ, что онъ, Ф—ъ, назначается помощникомъ полицеймейстера. Слухъ этотъ, однако, не подтвердился, и когда я спросилъ его о причинѣ возникновенія его, то онъ откровенно сознался мнѣ,что назначеніе его на эту должность не состоялось по независящимъ отъ него причинамъ, о чемъ онъ очень сокрушается, такъ какъ всегда питалъ непреодолимое влеченіе къ полицейской службѣ, въ доказательство чего поднесъ мнѣ напечатанную имъ когда-то брошюру, трактующую объ этой службѣ. Признаюсь, мнѣ впервые пришлось встрѣтиться въ долгій періодъ службы моей въ вѣдомствѣ печати съ цензоромъ съ наклонностью къ полицейскимъ обязанностямъ, но нельзя возбранить каждому стремиться къ достиженію своихъ идеаловъ въ жизни—de gustibus non disputandum est,—и я пожелалъ моему новому коллегѣ скораго осуществленія его завѣтной мечты—перебросится въ полицію, что въ концѣ концовъ и удалось ему, и онъ очутился въ варшавскомъ охранномъ или сыскномъ отдѣленіи. Кстати скажу, что здѣсь, въ Одессѣ, онъ почему-то не полюбился представителямъ мѣстной прессы, и одинъ изъ нихъ охарактеризовалъ его такъ:

«Это былъ свирѣпѣйшій цензоръ и страшный защитникъ исконныхъ началъ. Я работалъ въ Одессѣ при восьми цензорахъ съ ихъ помощниками,—разсказываетъ авторъ:—но такого не было. Олицетвореніе внѣшняго лоска, это совсѣмъ «стилизованная» фигура, «возвышающаяся» при соотвѣтствующемъ петербургскомъ вѣтрѣ до привлеченія черносотенной «Русской Рѣчи» къ отвѣтственности за оскорбленіе предсѣдателя думы Головина. «Style moderne!»...

Останавливаюсь на этомъ, такъ какъ то, что говорится далѣе въ статьѣ «касательно страшной дѣятельности Ф—а въ качествѣ агента какого-то страхового общества» и проч. оставляю на совѣсти автора. Но въ одномъ не могу не согласиться съ послѣднимъ, это въ томъ, что онъ мѣтко назвалъ личность г. Ф — а «style moderne». Говорю это потому, что, покидая Одессу, по случаю полученія назначенія въ томъ же вѣдомствѣ печати на болѣе видное мѣсто, Ф—ъ уѣхалъ къ мѣсту новаго назначенія своего, не закинувъ даже про-

щальной карточки тому, кто внялъ его слезнымъ мольбамъ и способствовалъ извлеченію его изъ хладной Сибири въ южную Пальмиру... Правда, я былъ въ моментъ отъѣзда его уже отставнымъ субъектомъ! Но не могу не признать, что такой подвигъ «въ духѣ современной красоты» со стороны «стилизованной физуры» г. Ф—а соотвѣтствуетъ прозванію «style moderne»...

Наступилъ наконецъ желанный для меня день 12-го февраля 1906 года, когда исполнилось двадцатипятилѣтіе моего предсѣдательствованія въ комитетѣ иностранной цензуры и во временномъ присутствіи по внутренней цензурѣ въ Одессѣ. Опредѣливъ себѣ предѣльнымъ срокомъ выхода въ отставку этотъ юбилейный для меня день, я на другой же день отправилъ прошеніе мое въ Петербургъ. Физически я чувствовалъ себя еще достаточно бодрымъ, чтобы продолжать взваленную на меня двойную обязанность, но морально я изнемогъ подъ давленіемъ всѣхъ пережитыхъ мною служебныхъ перипетій за четверть вѣка пребыванія моего въ Одессѣ. Меня, правду сказать, всего болѣе запугало предлагаемое гг. цензорамъ въ послѣднемъ циркулярѣ главнаго управленія по дѣламъ печати руководительство въ своихъ дѣйствіяхъ, впредь до измѣненія цензурнаго устава, «личнымъ тактомъ»...

Понятіе о «личномъ тактѣ» настолько вообще гибко и индивидуально у каждаго—у цензора Климента Воронича оно было одно, а у меня другое,—что урегулировать и подвести его подъ одну рубрику никоимъ образомъ невозможно безъ точныхъ и опредѣленныхъ указаній со стороны закона, а его-то и не было: старый былъ отмѣненъ, а новый и по день окончанія этихъ записокъ моихъ еще не народился и не выработанъ? Такая зыбкая перспектива, признаюсь, показалась мнѣ не радужной, и я—пусть судятъ меня Небо и люди—малодушно спасовалъ передъ ея фантомомъ и снялъ съ себя носимое мною въ теченіе 43-хъ лѣтъ служебное ярмо, не всегда и не всѣмъ легко достающееся.

А. Е. Егоровъ.

НЕСЧАСТІЕ ОТЪ АРХІЕРЕЯ.

ОСЛѢ скончавшейся писательницы В. З. Головиной (Воропиной), автора напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1910 г. «Семейной хроники» (Изъ записокъ моей бабушки) осталась рукопись, переданная въ распоряженіе нашей редакціи ея наслѣдниками, подъ общимъ наименованіемъ «Изъ прошлаго». Здѣсь г-жа Головина разсказываетъ о своемъ путешествіи изъ Москвы въ Тамбовъ, сначала до Рязани по желѣзной дорогѣ, а потомъ, за неимѣніемъ въ тѣ времена еще рельсоваго соединенія съ Тамбовомъ, на перекладныхъ. Путешественница, повидимому, тогда еще молоденькая женщина, не обладавшая достаточными средствами, чтобы совершить весь путь на лошадяхъ на свой единственный счетъ, по обычаю того времени, стала подыскивать среди пассажировъ себѣ подходящаго попутчика, съ которымъ можно было бы безопасно и безъ всякаго риска пуститься въ дальнюю дорогу.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ и поисковъ въ поѣздѣ и черезъ кондукторовъ ей удалось, наконецъ, найти подходящую интеллигентную женщину, также направлявшуюся въ Тамбовъ. Во время нѣсколько дневнаго совмѣстнаго пути женщины между собою сошлись, разговорились, причемъ попутчица г-жи Головиной, нѣкто Елизавета Кирилловна, оказалась чрезвычайно занимательной собесѣдницей, много видавшей на своемъ вѣку и словоохотливой. Во время бесѣды, между прочимъ, разговоръ коснулся происхожденія Елизаветы Кирилловны, и вотъ тутъ-то она и повѣдала г-жѣ Головиной интересную повѣсть изъ жизни своей матери и жизни собственной, которую мы и воспроизводимъ здѣсь полностью, такъ какъ она имѣетъ, несомнѣнно, бытовой интересъ. *Ред.*

— Вы, должно быть, красивы были, Лизавета Кирилловна?— спросила я свою спутницу.

— Нѣтъ, никогда не была я хороша, только что бѣла очень была, и румянецъ у меня былъ, точно листы какіе врѣзанные. Вотъ мать у меня такъ красавица была, ее даже за красоту разбойники не убили.

— Какъ же это случилось?

— Да тутъ разсказывать—такъ просто романъ. Вѣдь у меня мать была итальянка.

— Что вы, Лизавета Кирилловна! Да какъ же это у васъ мать была итальянка?

— Да такъ же, дѣдушка съ бабушкой были природные итальянцы. Дѣдушка былъ тѣлохранителемъ, такъ, что ли, ихъ называли, при императрицѣ Екатеринѣ, вышелъ въ отставку и сталъ жить въ Херсонѣ. Жили они отлично, домъ у нихъ былъ чудесный, и повѣрите ли, все имъ несчастье пришло отъ архіерея. Да, жилъ тутъ архіерей Евгеній, чтобы православную вѣру прославлять. Дѣдушка съ нимъ еще въ Петербургѣ былъ знакомъ. Домъ у архіерея былъ версты за три отъ города, и слухи, что ли, до него дошли, что опасно тутъ жить: тогда, говорятъ, набѣги все были; только онъ разъ дѣдушкѣ и говоритъ:

«— Промѣняемся домами, мнѣ тутъ, въ городѣ, къ церкви будетъ поближе, а тебѣ все равно.

«Дѣдушка ему уважилъ, они промѣнялись. А у него тогда трое дѣтей было: старшему сыну лѣтъ четырнадцать, второму девять да моей маменькѣ семь лѣтъ. Чудо, какъ она, говорятъ, хороша была! Какъ ее гулять поведутъ, такъ всѣ ее на руки берутъ, цѣлуютъ, игрушекъ ей, фруктовъ подаютъ; нянька всегда съ полными руками домой идетъ.

«Вотъ, какъ-то и недолго прошло, какъ домами они промѣнялись, разъ дѣдушки дома не было, и приходитъ какой-то гость, незнакомый. Бабушка его приняла, виномъ, фруктами угощаетъ; а маменька на колѣни къ нему сѣла и все съ нимъ болтаетъ. Онъ проситъ садъ посмотрѣть, и она съ нимъ пошла, за руку его держитъ, въ свой цвѣтникъ его повела, цвѣтовъ ему нарвала, такъ отъ него и не отстаетъ. И онъ все бабушкѣ говоритъ:

«— Что это за ребенокъ, и какая же она будетъ красавица!

«Такъ побылъ онъ у нихъ и ушелъ. Дѣдушка воротился, а бабушка ему говоритъ:

«— Какъ мнѣ этотъ господинъ не понравился. Вездѣ ходитъ, все смотритъ. Я думаю, что это какой-нибудь разбойникъ.

«— У тебя все разбойники,—дѣдушка говоритъ:—это ты ужъ такая трусиха. Я съ матушкой Екатериной много страху видѣлъ, мнѣ этакія глупости и въ голову нейдутъ.

«А у дѣдушки тутъ были виноградники и одного рабочаго народа человѣкъ шестнадцать было, такъ онъ и не трусилъ.

«— Это, — говоритъ, — путешественникъ, потому ему здѣсь все интересно.

«А этотъ путешественникъ черезъ два дня къ намъ съ шайкой и нагрянулъ. Тѣлохранитель спрятался, а бабушка съ дѣтьми заперлась, домъ-то архіерейскій былъ, у окошекъ были желѣзныя рѣшетки, и какъ разбойники въ окошки лѣзли, она ихъ все по рукамъ ножомъ била. Ну, ужъ за это они ее ужасъ какъ мучили, когда ворвались. Меньшой сынъ бросился на нихъ.

«— Не смѣй,—говоритъ,—маменьку трогать!

«Они его за ноги схватили и объ полъ, такъ онъ безъ чувствъ и лежалъ. Маменьку атаманъ посадилъ на коверъ и ей ожерелье корольковое далъ.

«— На,—говоритъ,—играй, не плачь объ мамашѣ!

«Она такъ испугалась, взяла его, да въ рукѣ и зажала, оно и теперь у старшей моей сестры хранится. И вѣдь маменькѣ было тогда только семь лѣтъ, а какъ она все это хорошо помнила! Работниковъ тутъ же привели, и всѣмъ имъ головы отрубили, дѣдушку нашли и его убили. Подняли плиту около камина и деньги оттуда вынули. Маменька помнила, что прежде дѣдушка эту плиту поднималъ и талеры ей играть давалъ. Тутъ какъ-то меньшой братъ очнулся, подползъ къ ней, голову ей на колѣна положилъ и опять обезпамятовалъ. Разбойники бросились было на него, атаманъ на нихъ крикнулъ, они его и оставили. А старшій сынъ подлѣ матери былъ, когда она у окна оборонялась, ему въ лицо осколки отъ стеколъ попали, и онъ отъ боли, должно быть, подъ кровать закатился. И какъ бы вы думали! Разбойники весь домъ перерыли, все перебрали, изъ перинъ пухъ повыпускали, а его не нашли. И какъ это они все покончили и обобрали, взялъ атаманъ пригоршни серебряныхъ денегъ, подалъ маменькѣ, положилъ и говоритъ:

«— Вотъ тебѣ, дѣвочка, на бѣлый хлѣбъ. А когда мы всѣ уйдемъ, и ты можешь итти куда хочешь.

«Такъ маменька долго послѣ нихъ съ мѣста тронуться не могла, мертвыхъ тѣлъ боялась. Да ужъ братъ меньшой опамятовался, и они вдвоемъ кой-какъ выбрались да побѣжали версты за три, къ итальянцамъ-купцамъ. Прибѣжали туда, а тамъ еще всѣ спятъ, сѣли на крыльцо да и уснули.

«У этихъ итальянцевъ дѣтей не было и хотѣли они всѣхъ троихъ сиротъ въ дѣти взять, только владыка Евгеній слышать этого не хотѣлъ.

«— Ихъ отецъ,—говоритъ,—мой другъ былъ, и я ихъ ни за что не отдамъ. Самъ ихъ воспитаю, и мое имѣніе имъ пойдетъ.

«Покуда у нихъ былъ этотъ споръ, жили сироты у итальянцевъ и все ходили на курганчикъ, откуда имъ домъ было видно, сидятъ

да плачутъ. Наконецъ маменьку и меньшого брата вытребовалъ къ себѣ архіерей, а старшаго итальянцы не отдали. А мальчикъ ужъ былъ большой и ужасно о своихъ тосковалъ, все у архіерейскаго сада у ограды лежалъ, маменьку караулилъ. А она какъ-нибудь монаховъ обманетъ, вырвется да къ нему и побѣжитъ вмѣстѣ къ итальянцамъ. Монахи эти всполошатся, разбѣгутся догонять, поймаютъ ихъ и опять ее отнимутъ. И это было нѣсколько разъ, владыка очень за это гнѣвался.

«Проѣзжала въ это время черезъ Херсонъ княгиня Вяземская; знакома она была прежде съ владыкой, пріѣхала къ нему, увидала маменьку, и до того она ей понравилась, что пристала къ владыкѣ, чтобы онъ ей отдалъ ее. У ней въ Москвѣ много иностранокъ воспитывалось, и она ему образъ Казанской Божіей матери снимала, что будетъ ее какъ дочь держать. Владыкѣ при себѣ имѣть дѣвочку было невозможно, онъ ей маменьку и отдалъ.

«Княгиня куда-то дальше поѣхала, а для маменьки наняла женщину и отправила ее въ Москву. Сколько маменька въ дорогѣ нужды натерпѣлась—съ нея отъ холода нѣсколько шкуръ слѣзло!

«И ужъ недоброе житье было маменькѣ у этой княгини! Князь ее изъ Франціи привезъ, эту княгиню-то, двадцать пять золотыхъ за нее заплатилъ. Она тамъ была кузнецова жена и такая характерная, что ужасъ. Воспитанницы у ней были и англичанки и француженки, была одна грузинка, двѣ турчанки (турчанокъ-то князь въ плѣнъ взялъ), да еще у ней воспитывалась князева побочная дочь. Ничему всѣхъ ихъ не учили и никуда не выпускали, только когда княгиня въ Москву уѣдетъ, мамушка на свой страхъ ихъ въ садъ выпускала. Тутъ они, какъ сумасшедшія, бѣгаютъ, воздухомъ-то дышатъ, не надышатся. Маменька разсказывала, что, бывало, вся изорвется, растреплется, летитъ по кустамъ, не разбирая; ужъ мамушка горничныхъ скличетъ и ее насилу поймаютъ, потому что если бы княгиня узнала, что ихъ выпускаютъ, бѣда бы всѣмъ людямъ. И ѣсть имъ не давали: утромъ маленькій сухарикъ съ кофеемъ дадутъ да часовъ до шести голодомъ и морятъ. Маменьку няньки всѣ очень любили, бывало, ее тихонько и накормятъ. А княгиня всегда ихъ съ княжной сама шнуровала, начнетъ ихъ къ обѣду одѣвать и имъ животъ-то мнетъ.

«— Накормили васъ,—говоритъ,—накормили тебя, Марія?—поитальянски спрашиваетъ.

А та сейчасъ:

«— Накормили,—говоритъ.

«— Кто?

«— Мамушка накормила.

«Княгиня сейчасъ башмакъ съ ноги и няньку по щекамъ. Ужъ мамушка разъ маменьку внизъ завела, да и высѣкла, чтобы не сказывала, а не кормить ее жаль было.

«Стала маменька вырастать, еще ей житье стало хуже: начала ее княгиня къ князю ревновать. Все ее спрашиваетъ:

«— Не говорилъ ли съ тобой князь? Что онъ говорилъ?

«Мало того, и князеву-то дочь къ отцу родному ревновала. И такая чудиха: ревновала маменьку, а все ее около себя держала, долго по вечерамъ, когда гости, спать ее не отпускала; нравилось, должно быть, что маменькиной красотой всѣ любуются. Маменька, бывало, до того замучается, какъ прибѣжитъ къ себѣ на кровать, бросится и уснетъ; ужъ ее мамушка сонную раздѣнетъ.

«И воспитанницы вырастать стали, ужасно стали тосковать: одна съ ума сошла, грузинка бѣжала (кто-то ее изъ прислуги сманилъ), турчанка одна чахоткой умерла, а другую княгинина одна знакомая себѣ выпросила. Жаль ей было очень, что онѣ какъ въ заключеніи сидятъ. И какой тутъ случай вышелъ: прислала за ней эта благодѣтельница экипажъ, вывели ее на крыльцо, а она какъ сумасшедшая сдѣлалась съ радости, вырвалась да прямо подъ лошадей, такъ ее и раздавили.

«Маменькѣ противъ другихъ большая свобода была, ее княгиня съ собой за столъ сажала и по комнатамъ позволяла ходить. А все-таки маменька только и просила Бога, чтобъ ей умереть. И вотъ все говорятъ, горячка прилипчива: въ это время у князя вся дворня въ горячкѣ лежала; а, бывало, въ старинныхъ домахъ этихъ кружевницъ, пялешницъ, золотошвеекъ было пропасть, и всѣ онѣ въ одной комнатѣ въ поволочку больныя лежали. Маменька, какъ только можно ей вырваться, къ нимъ внизъ сбѣжитъ, изъ одного стакана съ ними пьетъ, въ одну постель съ ними ложится, чтобы къ ней пристало, а вотъ ничего не сдѣлалось.

— Какъ же она попала за вашего батюшку?—спросила я Лизавету Кирилловну.

— Да вотъ какъ: папенька былъ нѣсколько лѣтъ у князя адъютантомъ, былъ на войнѣ контуженъ и взялъ отпускъ для излеченія болѣзни. Князь его у себя жить оставлялъ, да у папеньки еще мать была жива, онъ ее очень любилъ, и въ это время его сестру сговорили, онъ и поѣхалъ домой. У его матери подъ Петербургомъ дачка была, строеніе все развалилось; онъ имъ домъ выстроилъ, сестру собралъ, денежки всѣ въ нихъ положилъ и поѣхалъ пожить къ князю, покуда здоровьемъ поправится. А князь уже въ это время жилъ въ своей подмосковной въ отставкѣ и ужасно былъ ему радъ. Да онъ такъ папеньку любилъ, что, бывало, мундиръ ли, шинель ли себѣ шьетъ, сейчасъ портному говоритъ:

«— Сшить и Кириллѣ изъ этого же самаго сукна!

«А куда ѣдетъ по хозяйству или прогуляться, всегда съ папенькой, и руку у него на плечѣ держитъ. Какъ сталъ папенька выздоравливать и на службу собираться, князь ему и говоритъ:

«— Здоровьемъ ты слабъ, военная служба тяжелая; а будь ты лучше у меня главнымъ управляющимъ и живи всегда со мной, а въ другія имѣнія только наѣзжай. Жалованье тебѣ дамъ тысячу рублей, а все тебѣ будетъ готовое.

«Папенька подумалъ-подумалъ, и согласился. Вотъ онъ, бывало, у князя всякій день обѣдалъ и видѣлъ маменьку всякій день, а ему и въ голову не приходило, чтобы жениться, да тутъ священникъ былъ и жаль ему было очень маменьку, онъ даже ее миромъ помазалъ.

«— Все, — говоритъ, — лучше; можетъ, ее княгиня когда къ обѣднѣ пуститъ.

«Вотъ этотъ священникъ папенькѣ и говоритъ:

«— Кирилла Иванычъ, мѣсто у васъ хорошее, лѣта самыя настоящія, что бы вамъ не жениться? И какое бы вы благодѣяніе сдѣлали, если бы женились на итальянкѣ Маріи! Князь васъ такъ любитъ, что онъ вамъ, навѣрное, не откажетъ.

«Папенька было сначала не хотѣлъ, княгини боялся; да и священникъ-то его уговорилъ, и маменька-то ужъ очень хороша была; онъ выбралъ время, когда князь былъ въ духѣ, и говоритъ ему:

«— У меня, ваше сіятельство, къ вамъ покорнѣйшая просьба есть. Вы всегда были моимъ благодѣтелемъ, продлите до конца ваши милости: отдайте за меня княгинину воспитанницу Марію.

«Князь даже испугался.

«— Что ты это вздумалъ,—говоритъ,—да развѣ ты не знаешь княгиню? Она насъ обоихъ съ тобой обругаетъ и выгонитъ. Выбирай себѣ какую хочешь невѣсту, я тебѣ высватаю, а это дѣло оставь.

«А папенька говоритъ:

«— Стало быть, мнѣ съ вами, съ моимъ благодѣтелемъ, должно разстаться, потому что очень я ее полюбилъ, жить здѣсь мнѣ будетъ мучительно. Пойду я опять въ военную службу.

«Вотъ какъ папеньку князь любилъ, что рѣшился княгиню просить. Та вышла изъ себя, вышла, обругала его какъ можно хуже и на два мѣсяца заперлась.

«— Ну, хорошо же,—говоритъ князь:—и я себя покажу. Увезу Марію, а потомъ она злись, сколько хочетъ.

«И маменькѣ одинъ разъ утромъ мамушка говоритъ, что она кататься поѣдетъ.

«— Я такъ была рада,—маменька говоритъ:—что и не помню, какъ меня одѣли. А мамушка все время, какъ меня одѣвали, плакала, потомъ сняла со стѣнъ образъ, благословила меня и долго цѣловала. А мнѣ и спросить не хочется, зачѣмъ это, что съ ней такое, все

ѣхать-то поскорѣе тороплюсь. Вывели меня съ задняго крыльца, посадили въ карету, а тамъ сидитъ попадья.

«— Васъ,—говоритъ маменькѣ,—вѣнчать везутъ.

«А у нихъ незадолго передъ этимъ дворецкій женился; маменька и спрашиваетъ:

«— Какъ же меня будутъ вѣнчать? Такъ же, какъ дворецкаго?

«— Да,—говоритъ попадья:—такъ же, какъ дворецкаго.

«— Хорошо,—говоритъ маменька:—очень рада.

«А сама на все радуется, и на поля, и на дорогу, и на то, какъ лошади бѣгутъ. Пріѣхали они въ другую князеву деревню, а тамъ ужъ въ домѣ все для свадьбы готово, и папенька ей подвѣнечное платье и разныхъ нарядовъ приготовилъ.

«Маменька, его какъ увидала, сейчасъ спрашиваетъ:

«— Вы мнѣ будете позволять гулять и кататься?

«— Все,—говоритъ папенька,—что вамъ угодно, будете дѣлать.

«Такъ она, просто, себя не помнила отъ радости.

«Обвѣнчали ихъ, привезли назадъ, а у крыльца бургомистры, сотскіе и десятскіе съ хлѣбомъ и съ солью, съ курами и съ цыплятами стоятъ, на поклонъ къ управляющему пришли. Вотъ какъ-то за маменькой не углядѣли: садятся за столъ, а молодой нѣтъ; ищутъ, туда сюда—нѣтъ, а она сидитъ на крыльцѣ, обставилась плетушками, всѣхъ цыплятъ повытаскала, такое цыканье поднялось, а она съ ними играетъ, не наиграется. Да и ребенокъ еще былъ, у ней ужъ на шестнадцатомъ году сынъ родился.

«Какъ узнала княгиня, что ее воспитанницу увезли и обвѣнчали, просто сбѣсилась.

«— Сейчасъ,—кричитъ,—мнѣ Марію привести, я ее хочу своими руками наказать и съ мужемъ сейчасъ же развести!

«Князь къ папенькѣ верхового прислалъ, чтобы онъ, ни минуты не медля, переѣхалъ съ женой въ дальнюю деревню и безъ особеннаго приказанія къ нему въ подмосковную не пріѣзжалъ.

«Тутъ отличное было имъ житье. И очень маменька на вольномъ воздухѣ поправилась, много выросла, только полна никогда не была, потому что ее съ семи лѣтъ корсетомъ мучили. Разсказала она мужу всю свою исторію: и про разбойниковъ, и какъ ее архіерей къ себѣ на воспитаніе хотѣлъ взять, и что у ней еще два брата есть. А папенька зналъ, что владыка Евгеній въ Петербургѣ, въ какой-то монастырь на покой переведенъ. Онъ возьми да и напиши письмо, какъ онъ на маменькѣ женился и въ какомъ она тиранствѣ жила, и живъ ли братъ ея, котораго онъ на воспитаніе взялъ, и не знаетъ ли, гдѣ старшій ея братъ находится.

Владыка вскорѣ имъ отвѣчаетъ, какъ онъ радъ, что наконецъ объ Маріи слышитъ, что онъ всегда любилъ ее, какъ родную внучку,

и что такъ какъ братъ ея оказался поведенія самаго недостойнаго, и онъ его отъ себя удалилъ, то проситъ, чтобы они къ нему пріѣхали, онъ имъ все свое состояніе отдастъ. И на дорогу имъ пятьсотъ рублей посылаетъ. Папенька сейчасъ къ князю.

«— Вотъ,—говоритъ,—ваше сіятельство, что мнѣ владыка пишетъ. Какъ вы мнѣ посовѣтуете?

«Князь ужасно на него разсердился, какъ онъ смѣлъ къ архіерею писать.

«— Я,—говоритъ,—изъ-за тебя съ княгиней поссорился, воспитанницу за тебя отдалъ, чтобы ты меня не оставлялъ, а ты все недоволенъ, все чего-то ищешь, и всѣхъ моихъ благодѣяній тебѣ мало.

Папенька и написалъ владыкѣ, какъ онъ находится при должности и отъѣхать ему никакъ нельзя, что онъ княземъ очень облагодѣтельствованъ и сдѣлать ему противное не можетъ. Владыка ему сейчасъ на отвѣтъ еще письмо присылаетъ.

«Если,—пишетъ,—ты такъ къ земнымъ благамъ приверженъ, и я могу тебя одѣлить немало, и если ты служишь усердно князю земному, то какъ можешь въ это же время забывать Царя Небеснаго, который повелѣваетъ старыхъ призрѣвать и больныхъ посѣщать. Я теперь и старъ и слабъ, а ты мою милую Марію не допускаешь, и если ты ее ко мнѣ не привезешь, то не будетъ тебѣ въ дѣлахъ твоихъ никакого успѣха, и въ старости и дряхлости твоей не будетъ тебѣ никакого утѣшенія».

«Я еще половину того, что было написано, разсказать не могу, а тамъ все изъ священнаго писанія такъ было подробно, что просто безъ слезъ читать было невозможно. А папенька у насъ очень набожный былъ, и ужасно это его тронуло, что владыка точно проклятіе на него накладываетъ.

«— Что дѣлать, матушка,—говоритъ,—намъ надо туда ѣхать. Попробую еще, поѣду къ князю, можетъ быть, Богъ дастъ все добромъ уладится.

Поѣхалъ, ну, какъ только сталъ объ этомъ говорить, князь вспылилъ, сейчасъ же изъ своей деревни велѣлъ ему выѣхать, и даже при расчетѣ двухсотъ рублей ему не додалъ. Это понятно, почему князь разсердился: папенька такой былъ честный, дѣятельный управляющій—онъ за нимъ ничего не зналъ, съ такимъ человѣкомъ разстаться трудно!

«Вотъ поѣхали они въ Петербургъ, а у маменьки ужъ двое дѣтей было, и третьимъ была беременна. Какъ пріѣхали, сейчасъ же къ владыкѣ. Онъ старенькій, старенькій былъ старичекъ—ужасно какъ имъ обрадовался, даже прослезился, ужасно благодарилъ, что пріѣхали. Велѣлъ маменькѣ его дѣдушкой звать и подвелъ ее къ шкапу, отперъ дверки, а тамъ все серебряныя и золотыя стопы, миски, кружечки—чего, чего нѣтъ! Потомъ тутъ же ящикъ выдвинулъ, а тамъ все золото, серебро, драгоцѣнные каменья, грудами лежатъ.

«— Ни вамъ,—говоритъ,—ни вашимъ дѣтямъ этого богатства не прожить, и все это ваше, потому что мнѣ уже не долго жить на свѣтѣ. И тутъ же маменькѣ серебряный стаканчикъ и ложку разливательную подарилъ.

«— А Кирьяна,—говоритъ,—я отъ себя удалилъ, и больше его не вижу.

«Маменька спрашиваетъ:

«— Кто это, дѣдушка?

«— Брата твоего, Кирьяна.

«А маменька не догадалась, что это онъ про брата ея говоритъ, потому что его дома Дементьемъ звали. Спрашиваетъ послѣ дядю:

«— Отчего тебя Кирьяномъ зовутъ?

«— Это,—говоритъ,—меня монахъ такъ назвалъ по-гречески.

«И никогда онъ владыку иначе, какъ монахомъ, не звалъ. Да ужъ я, право, не знаю, какъ ихъ съ дядей разобрать! Владыка изъ Херсона отослалъ его въ Петербургъ, въ кадетскій корпусъ помѣстилъ. Учился дядя отлично, на нѣсколькихъ языкахъ говорилъ, превосходно на скрипкѣ игралъ; а что ужъ у него за голосъ былъ—такъ я вамъ и разсказать не могу! Я ужъ его лѣтъ сорока пяти знала—онъ, я думаю, вина не одну сорокоушу въ свою жизнь-то выпилъ, а все у него голосъ, какъ самая нѣжная струна, звенѣлъ.

«Вотъ, послѣдній годъ, какъ ему въ офицеры выходить, пріѣхалъ владыка на покой въ Петербургъ. Дядя ужасно ему обрадовался: У него ни души тамъ, ни родныхъ, ни знакомыхъ не было, а владыка ему всегда денегъ присылалъ и письма писалъ, какъ къ родному внуку. И вздумалось тутъ владыкѣ дядю въ военную службу не пускать, а чтобы онъ при немъ былъ казначеемъ, послалъ послушническую одежду и въ монахи готовился.

«Ужасно это дядю поразило, онъ даже боленъ сдѣлался; думали, съ нимъ горячка будетъ. Какъ онъ потомъ у владыки на службу проснлся! По цѣлымъ часамъ передъ нимъ на колѣняхъ стоялъ. И начальникъ его какой-то къ владыкѣ пріѣзжалъ.

«— Не лишайте,—говоритъ,—насъ, преосвященный, отличнаго офицера.

«А онъ и слышать ничего не хочетъ.

«— Пойдешь,—говоритъ,—въ военную службу—прокляну; а при мнѣ останешься—все по смерти тебѣ отдамъ, и теперь бери, сколько хочешь.

«Такъ совсѣмъ его и сгубилъ. Онъ послушникомъ-то походитъ, походитъ, заберетъ у владыки денегъ, къ товарищамъ поѣдетъ, полукафтанье долой, въ ихъ платье одѣнется, да и кутитъ тамъ нѣсколько дней. Ну, да сами вы подумайте, какъ же это молодому офицеру, отъ вольныхъ денегъ, въ монахи итти!

«Ужъ архіерей его и уговаривалъ, и страхомъ, и эпитемью на него накладывалъ—все проку нѣтъ. Онъ, бывало, недѣли двѣ-три

такъ хорошо ходитъ, что владыка на него не налюбуется. А богомольный-то какой былъ: иногда ночью владыка, когда самъ молитву кончитъ, пойдетъ посмотрѣть, дома ли дядя, и часто его заставалъ, онъ на колѣняхъ со слезами молится, да вдругъ, какъ на него кто, прости Господи, напуститъ, закутитъ да закутитъ! И пошло это, что дальше, то больше, что дальше, то больше, постольку сталъ пропадать, что ужъ его архіерей черезъ полицію сталъ отыскивать. И чѣмъ же все это кончилось? Началъ разъ его владыка увѣщевать, что какъ онъ себя развратно ведетъ и чѣмъ ему за всѣ его благодѣянія платитъ. Дядя слушалъ, слушалъ, и нашло на него почти сумасшествіе какое,—а совсѣмъ трезвый былъ,—началъ онъ владыку ругать.

«— Ты,—говоритъ,—не благодѣтель мой, а ты самый мой извергъ. На что ты сдѣлалъ меня похожимъ? Да и не меня одного: ты всю мою семью погубилъ: по твоей милости у меня отца съ матерью зарѣзали, ты меня съ братомъ разлучилъ и сестру мою не знаю куда дѣвалъ. Меня только санъ твой удерживаетъ, а то бы я тебя руками своими задушилъ.

«Съ владыкой дурно сдѣлалось, а дядя послѣ этого къ нему не показывался, владыка ему черезъ полицію и бумаги его переслалъ.

«Какъ маменька рада была съ братомъ увидаться—и разсказать вамъ не могу. Все они вспоминали обо всѣхъ кусточкахъ, что въ Херсонѣ въ саду были, обо всемъ переговорили! У маменьки тоже голосъ былъ отличный, сталъ дядя ее пѣть учить, и папенька говорилъ, какъ они вмѣстѣ пѣли, такъ въ концертъ никакой не ходи, слушаешь, не наслушаешься, и плакать и смѣяться хочется. Только не надолго ея радость была! Онъ мѣсяцъ-другой для нея повоздержался, а тамъ и закутилъ. Да пьяный-то буйный былъ, и каждый разъ до тѣхъ поръ пьетъ, что все съ себя пропьетъ,—ну, тогда и перестанетъ. А какъ бы хорошо могъ жить, онъ въ Петербургѣ по лучшимъ домамъ уроки давалъ, и всѣ его очень любили. Маменькѣ все хотѣлось ихъ съ владыкой помирить, только дядя и слышать не хотѣлъ, чтобы итти къ нему прощенье просить. И съ владыкой маменька нѣсколько разъ заговаривала, только онъ каждый разъ притворится, что не слышитъ.

«Маменькѣ онъ квартиру подлѣ монастыря нанялъ и велѣлъ, чтобы они каждый день къ нему обѣдать ходили. И какъ же это понять, что онъ имъ все отказать хотѣлъ, а на расходы только по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ давалъ. А у маменьки тутъ еще дочь родилась, были мамка, нянька, дѣвка-горничная—надо было цѣлымъ домомъ жить. Вотъ они каждый день туда и ходили. Придутъ, а владыка иногда еще молится, они въ пріемной его ждутъ, случится, тамъ кто есть—поговорятъ, а нѣтъ, такъ одни сидятъ. Придетъ владыка, благословитъ ихъ, поговорятъ. Иногда онъ маменькѣ за дѣтьми велитъ послать, ихъ принесутъ, онъ ихъ благословитъ, приласкаетъ.

Пообѣдаютъ они, и домой, а иногда онъ имъ и послѣ вечеромъ велитъ прійти.

«Прожили они тутъ съ полгода, и стала папеньку скука разбирать. Онъ съ малыхъ лѣтъ былъ всегда при дѣлѣ и при занятіи, а тутъ ему рукъ было не къ чему приложить.

«— Да и что, —говоритъ онъ маменькѣ,—мы тутъ живемъ? Если, сохрани Господи, владыка вдругъ умретъ, мы тогда ни при чемъ останемся. Надо ему поговорить, чтобы онъ что-нибудь для насъ заживо сдѣлалъ. Поговори ты, онъ это отъ тебя лучше приметъ.

«Какъ только стала маменька объ этомъ владыкѣ говорить, онъ ужасно какъ разсердился.

«— Тебя, — говоритъ, — это мужъ твой научаетъ моей смерти желать.

«И такъ послѣ этого съ папенькой сталъ обращаться, что онъ къ нему и ходить пересталъ. А средствъ-то было мало, и началъ тутъ папенька этой адвокатурой заниматься, для важныхъ господъ по дѣламъ ходить; а ужъ маменька все-таки каждый день къ архіерею.

«Разсказывала она, что къ владыкѣ по праздникамъ много придворныхъ ѣздило. Вотъ одинъ и зачастилъ и зачастилъ. Пріѣдетъ и говоритъ послушнику:

«— Если владыка молится, ты его не безпокой, я подожду.

«А самъ въ пріемную, и тамъ все съ маменькой занимается.

«— Разъ,—говоритъ маменька,—я ему такую пощечину дала, что даже владыка слышалъ, онъ въ это самое время двери отворилъ. Такъ ужъ этотъ придворный ему говорилъ:

«— Я, преосвященнѣйшій владыко, васъ долго ожидалъ, а теперь мнѣ самый часъ ко двору ѣхать,—подошелъ подъ благословеніе, на каблучкѣ повернулся и уѣхалъ.

«А владыка въ этотъ день маменьку провожаетъ и говоритъ:

«— Тебѣ, внучка, въ пріемной ожидать меня безпокойно, ты лучше въ библіотекѣ до моего приходу сиди.

«Недолго ей пришлось въ библіотекѣ сидѣть. Приходитъ она разъ къ владыкѣ, а ее встрѣчаетъ архимандритъ.

«— Владыка,—говоритъ,—боленъ, войти къ нему нельзя, да и вообще теперь здѣсь женщинамъ не мѣсто.

«Она пришла домой, послала туда папеньку. И его не допустили. Онъ туда каждый день по нѣсколько разъ сталъ ходить,—все не допускаютъ да не допускаютъ. Только разъ пришелъ онъ оттуда, снимаетъ мундиръ, вдругъ въ монастырѣ въ колоколъ ударили, значитъ, умеръ—кончено.

«Хоронили владыку съ большимъ торжествомъ, сколько однихъ придворныхъ его провожало.

«И папенька съ маменькой на выносъ тѣла были приглашены. На другой день послѣ похоронъ папенька пошелъ къ аримандриту

Онъ вышелъ, посадилъ его, спрашиваетъ, какое у него есть къ нему дѣло. Папенька ему такъ и такъ.

«— Владыка,—говоритъ,—мою жену считалъ какъ родную свою внучку, и все свое имѣніе ей хотѣлъ оставить.

«— Вы,—говоритъ архимандритъ,—какъ свѣтскій человѣкъ, этого не знаете, что мы, монахи, отъ всѣхъ земныхъ благъ отрекаемся, и имѣнія у насъ никакого быть не можетъ. Конечно, у владыки, по сану его, всегда были въ рукахъ большія деньги, но имущества, которое онъ могъ бы кому-нибудь передать, онъ не имѣлъ. Правда, осталась послѣ него богатая библіотека, но она пойдетъ его родственникамъ, потому что завѣщанія онъ никакого не оставилъ. А вотъ позвольте вамъ предложить взять что-нибудь отъ него на память. И повелъ папеньку къ самому тому шкапу, въ которомъ всѣ сокровища-то были, отворилъ, а тамъ лежатъ книги, портреты и разныя бездѣлки, которыя у архіерея въ кабинетѣ на столѣ стояли, и предложилъ папенькѣ аметистовую печать. Папенька было отказался.

«— Нѣтъ,—говоритъ архимандритъ:—возьмите, вашей женѣ пріятно будетъ сохранить что-нибудь на память отъ ея названнаго дѣда и благодѣтеля.

«Пришелъ папенька домой, погоревали они, погоревали, а вѣдь надо что-нибудь придумывать, потому—семья. Хоть папенька по дѣламъ и ходилъ, да это было запятіе не постоянное, такъ сталъ онъ думать куда-нибудь на службу поступить. Былъ въ Петербургѣ у папеньки родственникъ, служилъ въ почтамтѣ, и посовѣтовалъ ему по почтовому вѣдомству служить, и мѣсто ему въ губерніи далъ. И вотъ до чего папенька тутъ прожился, что ему выѣхать было не съ чѣмъ—ужъ продалъ все свое серебро да дѣвку. А дѣвка была такая вѣрная: какъ владыка умеръ, она и видитъ, что маменька во всемъ себя обрѣзываетъ,—она дома-то все уберетъ, приготовитъ, да и на людей еще стирать успѣвала, а все, что получитъ, маменькѣ несетъ. Та ей говоритъ:

«— Что ты это, Прасковья! Это деньги твои трудовыя.

«А она ей:

«— Что вы это, матушка! Я у васъ и сыта, и обута, и одѣта, и смѣю ли я свои деньги имѣть.

«Ужасно маменька плакала, какъ съ братомъ разставалась, все ему наказывала, чтобы онъ не пилъ. Папенька пристроилъ его въ хорошій домъ къ богатому помѣщику въ компаньоны. И какъ было хорошо устроилъ: отдалъ этому помѣщику дядины бумаги, чтобы онъ дядѣ ихъ не отдавалъ,—знаете, хотѣлъ этимъ его удержать. И точно, онъ тамъ года два прожилъ; ну, подъ конецъ до того стосковался, что разъ къ своему хозяину съ пистолетомъ пришелъ.

«— Если,—говоритъ,—не отдадите бумаги—убью.

«Послѣ онъ все по разнымъ помѣщикамъ шатался; гдѣ дѣтей учитъ, а гдѣ тоже для компаніи. Я ужъ была лѣтъ пятнадцати, онъ у насъ въ Саратовѣ жилъ, особенный флигель ему дали, потому что ужъ рѣдко когда трезвый бывалъ. Вотъ когда всѣ старшіе-то на него сердятся за его пьянство, а я къ нему во флигель пойду посидѣть. Ужъ какъ онъ мнѣ всегда бывалъ радъ! Я ему говорю:

«— Дядя, скажите мнѣ что-нибудь по-гречески.

«Вотъ онъ мнѣ начнетъ какіе-нибудь стихи читать и переводить мнѣ ихъ. Или попрошу его итальянскую пѣсенку спѣть (а онъ это все любилъ), и уже онъ, бывало, поетъ, просто заслушаешься. Опять ему у насъ прекрасный случай вышелъ: жилъ тутъ важный чиновникъ, Граве, природный итальянецъ; услыхалъ онъ разъ, какъ дядя по-итальянски говоритъ, и присталъ къ нему:

«— Иди монхъ дѣтей учить, я тебѣ что хочешь дамъ.

«Ну, и тамъ какихъ-нибудь полгода прожилъ—соскучился, взялъ у маменьки денегъ и пошелъ брата отыскивать, такъ съ тѣхъ поръ про него ничего и не слышно.

— Какого же это брата?—спросила я.

— Да какъ же, вѣдь у маменьки еще старшій былъ братъ, что у итальянцевъ остался, и ужасно ее отыскивалъ. И какой случай-то: какъ папенька, за годъ до женитьбы, ѣхалъ домой на побывку черезъ Кременчугъ, встрѣтился онъ на станціи съ молодымъ итальянскимъ купцомъ. Тотъ его пригласилъ вмѣстѣ закусывать, они разговорились, онъ ему разсказалъ свою исторію, какъ его отецъ съ матерью зарѣзали, какъ онъ брата съ сестрой имѣетъ и не знаетъ, гдѣ ихъ отыскать, и что онъ теперь у своихъ воспитателей всѣми дѣлами завѣдуетъ. Такъ поговорили и разъѣхались. А видно, что купецъ богатый, шуба соболья и всѣ дорожныя вещи серебряныя. Какъ маменька послѣ свадьбы свою жизнь разсказала, папенька эту встрѣчу вспомнилъ и писалъ въ Кременчугъ и въ Херсонъ; но оттуда отвѣчали, что купца Доминика тамъ нѣтъ. Папенька и въ Петербургѣ владыку Евгенія спрашивалъ, не знаетъ ли что о немъ, какъ его найти, но онъ говорилъ, что ничего не знаетъ, потому что скоро эти итальянцы изъ Херсона уѣхали неизвѣстно куда, и дядю съ собой увезли. Папенька разыскивалъ, разыскивалъ, ничего не могъ найти. А я, можетъ, грѣшу, а, право, думаю, что и въ этомъ архіерей виноватъ, навѣрное, къ нему дядя писалъ, какъ насъ разыскивалъ, да онъ на него сердитъ былъ, что онъ въ Херсонѣ маменьку отъ него сманивалъ, поэтому и не хотѣлъ сказать, гдѣ она находится. Я за это владыку и въ поминаніе никогда не пишу; сестра поминаетъ, а я нѣтъ.

«А ужъ какъ дядя насъ отыскивалъ! И послушайте-ка, какъ мы объ этомъ узнали,—настоящій анекдотъ. Пріѣзжаю я разъ въ гости къ смотрителю тюремнаго замка, а мнѣ смотрительша и говоритъ:

«— Попроси, Лизанька, моего мужа, чтобы онъ сюда арестанта позвалъ. У насъ есть арестантъ благородный и отлично поетъ и на гитарѣ играетъ. А мнѣ самой просить нельзя: онъ молодой, красивый, мужъ сейчасъ приревнуетъ и ни за что его не позоветъ. Пожалуйста, попроси, онъ гостей потѣшитъ.

«Смотритель очень меня любилъ; я сейчасъ къ нему, прошу его, онъ говоритъ:

«— Ну, что, кумушка, съ вами дѣлать (я у нихъ дѣтей крестила), волей-неволей надо показать.

«И въ самомъ дѣлѣ, отлично этотъ арестантъ пѣлъ и игралъ, и такой разговорчивый, про то, про другое, и началъ онъ намъ свою жизнь разсказывать, какъ съ нимъ это несчастіе случилось.

«— Было,—говоритъ,—это въ Таганрогѣ, выключили меня изъ полка, а у меня нѣтъ ни копейки и нечемъ мнѣ изъ городу выѣхать. А тамъ есть такой пріютъ, что если вы пріѣзжій и вамъ дѣваться некуда, или по другой какой причинѣ безъ всякихъ средствъ остались, такъ идите туда, бѣдность свою разскажите и вамъ помощь выдадутъ. Это устроилъ иностранный купецъ Доминикъ.

«Я сейчасъ.

«— Какой Доминикъ? какъ зовутъ?

«— Ну, ужъ этого,—говоритъ,—не могу вамъ сказать, а жизнь онъ мнѣ свою разсказывалъ, что у него разбойники мать съ отцомъ зарѣзали.

«Я такъ изъ себя и вышла, всѣ насъ обступили, всѣ нашу исторію знали, стали его разспрашивать, и онъ все такъ намъ подробно разсказалъ.

«— Доминикъ,—говоритъ,—въ назначенный часъ самъ всегда въ этотъ пріютъ пріѣзжаетъ и всѣхъ выслушиваетъ, и самъ вспомоществованіе раздаетъ. И когда я о моей нуждѣ все ему разсказалъ, онъ спрашиваетъ меня:

«— Нѣтъ ли у васъ въ губерніи фамиліи Доминикъ?

«Я говорю, что не слыхалъ.

«— Ну,—говоритъ,—если вы когда-нибудь кого изъ этой фамиліи увидите, разскажите имъ мою исторію и скажите, гдѣ я живу. Я нарочно въ портовый городъ переѣхалъ, чтобы больше разнаго народа видѣть, и всѣхъ, кто сюда въ пріютъ приходитъ, объ нихъ разспрашиваю. Я, какъ сталъ самъ по себѣ жить, все ихъ разыскиваю и даже въ газетахъ объ нихъ публиковалъ.

«И такъ же этотъ арестантъ разсказывалъ про него, какъ и папенька: высокаго роста, полный и лицо въ шрамахъ изрѣзано. Я сейчасъ къ маменькѣ. Она до того обрадовалась, ужъ она въ это время слабая такая да больная была. Начали мы письмо писать; написали, послали и ждемъ отвѣта. А сестра старшая ничему этому не вѣритъ.

«— Это тебѣ,—говоритъ она мнѣ:—арестантъ нарочно навралъ; вѣрно, онъ эту нашу исторію слышалъ и выдумалъ все это, чтобы тебя заинтересовать.

«Мы же съ маменькой только все про это и говорили, все письма ждемъ, а его все нѣтъ. Мы еще страховое послали, опять ждемъ; мѣсяцъ, другой проходитъ, все нѣтъ отвѣта. Сестра все надъ нами смѣется.

«— И чего,—говоритъ,—ждутъ! Нашли кому вѣрить, арестанту.

«И что же еще! Сижу я разъ у окошка и вижу, двое мужиковъ подъѣхали; одинъ пошелъ въ судъ, а другой поставилъ лошадь въ холодокъ у нашего крыльца и подъ мое окошко на камешекъ сѣлъ. Я всегда такая разговорчивая была, сижу да съ нимъ разговариваю: зачѣмъ пріѣхалъ, да по какому дѣлу, да откуда?

«— Я, говоритъ, здѣшній, а десять лѣтъ въ Таганрогѣ выжилъ.

«Я сейчасъ:

«— Не зналъ ли тамъ купца Доминика?

«— Это, говоритъ, Ивана Ивановича? Да я, почитай, все время противъ его дома въ дворникахъ жилъ.

«Я опять къ маменькѣ; позвали мы это мужика, разспрашиваемъ. Онъ намъ подробно все разсказалъ, что дядя давнымъ-давно иностраннымъ головой служитъ, что у него богатство большое и что есть у него воспитанникъ. Взялъ онъ его съ десяти лѣтъ сироту, у него отецъ и мать на одной недѣлѣ померли, и теперь этотъ воспитанникъ всѣми дядюшкиными дѣлами управляетъ.

«— И тоже,—говоритъ мужикъ,—мы слыхали, что Иванъ Ивановичъ свою родню разыскиваетъ.

«Тутъ мы съ маменькой положили ѣхать самимъ въ Таганрогъ, потому что это, вѣрно, воспитанникъ нашихъ писемъ не допускаетъ. Только съ сестрой ничего не подѣлаешь, ничему не вѣритъ и слышать ничего не хочетъ.

«— Куда,—говоритъ мнѣ: — вы поѣдете, и не стыдно ли тебѣ маменьку такими пустяками безпокоить. Куда ты ее потащишь? Она у тебя по дорогѣ умретъ.

«А я сестру ужасно любила и уважала, и до сихъ поръ мы съ ней живемъ, я отъ нея, кромѣ хорошаго, ничего не видала, и какъ мать ее любила. Была же она тогда въ несчастьи: у ней мужа изъ почтмейстеровъ въ солдаты разжаловали. Да вѣдь какая жалость, человѣкъ-то какой былъ прекрасный! Такъ покуда онъ по разнымъ мѣстамъ съ полкомъ стоялъ, сестра съ нами жила. Она ни въ хозяйство, ни во что не вступалась; но мы всѣ ужасно какъ ее почитали, она этакая умная, разсудительная была. Только вотъ ей насчетъ дяди какъ затменіе какое было, и резоновъ никакихъ слушать не хотѣла. А я, бывало, ночи не сплю, все про это думаю. Иной разъ вотъ ѣхать да ѣхать туда, а то и сама раздумаюсь.

«— Что если да въ самомъ дѣлѣ маменька дорогой умретъ!

«Хоть бы я постарше-то немножко была, все бы лучше, а то мнѣ только восемнадцать лѣтъ было, такъ я рвусь, рвусь, а ничего не сдѣлаешь. А маменькѣ туда хотѣлось! И сны-то все она видѣла или про брата, или что мы къ нему ѣдемъ, или что уже мы всѣ съ нимъ живемъ, мнѣ все потихоньку отъ сестры и разсказываетъ. И въ это же время къ намъ еще слухъ дошелъ. Стали мы плотниковъ нанимать, спрашиваемъ, гдѣ они работали.

«— Мы,—говорятъ,—въ городѣ Таганрогѣ у Ивана Ивановича Доминика работали. У него корабельный подрядъ снятъ.

«Мы ихъ разспрашивать.

«— Сами,—говорятъ,—Иванъ Ивановичъ въ это дѣло мало входятъ, а воспитанникъ ихъ, Василій Васильевичъ Коровинъ, всѣмъ завѣдуетъ, мы больше все съ нимъ дѣло имѣли.

Тутъ мы съ маменькой положили непремѣнно ѣхать. И случай намъ вышелъ хорошій. Мужики ѣхали въ Таганрогъ на шести подводахъ и насъ брались везти. Мы съ маменькой совсѣмъ было ихъ подрядили, только опять сестра поднялась.

«— Удивляюсь, — говоритъ, — какъ вы это ее слушаете! И отъ кого она всѣ эти свѣдѣнія получаетъ — отъ плотниковъ, отъ арестантовъ да отъ дворниковъ. Ничему я этому не вѣрю, да если бъ и вѣрила, никогда бы не посовѣтовала вамъ туда ѣхать, васъ этотъ Коровинъ отравитъ и больше ничего. Вы здѣсь живете, слава Богу, хорошо, чего же вамъ еще искать? А молодую дѣвчонку слушать, такъ ей, разумѣется, на мѣстѣ не сидится, и къ тому же ее здѣсь всѣ подбиваютъ.

«И точно, весь городъ это зналъ, и всѣ, бывало, мнѣ говорятъ:

«— Что вы Прасковью Кирилловну слушаете, что вы не ѣдете? Этакое счастье и богатство въ предметѣ, а вы тутъ сидите!

«И случилось же, что въ это самое время, какъ мы извозчиковъ нанимали, пріѣхала къ намъ одна помѣщица сказать, что сынъ ея сосѣдки въ Севастополь черезъ Таганрогъ ѣдетъ, чтобы мы письмо писали, онъ непремѣнно доставитъ. Вѣдь какое участіе всѣ въ насъ принимали! Эта помѣщица нарочно для этого за пятьдесятъ верстъ ѣхала; ну, и она тоже посовѣтовала.

«— Погодите, — говоритъ,—теперь, что вамъ напишутъ, тогда вамъ вѣрнѣе будетъ туда ѣхать.

«Опять мы письмо послали и опять отвѣта ждемъ.

«А у мальчика-то у этого въ Таганрогѣ дядя былъ, онъ у него тамъ остановился и пишетъ матери:

«Мнѣ дядюшка почтмейстерскихъ письмо отдавать запретилъ, взялъ его у меня и изорвалъ. «Я, говоритъ, человѣкъ бѣдный, и изъ-за тебя съ Коровинымъ ссориться не буду».

«Опять мнѣ всѣ знакомые начали совѣтовать: поѣзжайте да поѣзжайте, не давайте этому мошеннику Коровину вашимъ наслѣдствомъ пользоваться.

«И просто точно насъ что отъ этого отводило! Изъ самаго нашего города магистратскаго секретаря сестра въ Таганрогъ поѣхала, туда ея зять служить перешелъ. Что бы мнѣ-то съ ней ѣхать! Такъ нѣтъ, опять мы письмо написали. Да ужъ какъ она доставить-то обѣщалась.

«— Я, говоритъ, Лизавета Кирилловна, чтобы намъ этого мошенника обойти, вотъ какъ сдѣлаю. Какъ пріѣду, сейчасъ въ пріютъ и буду тамъ вашего дядю дожидаться. Въ руки ему самому письмо отдамъ и тутъ же отвѣтъ попрошу написать, и въ моемъ письмѣ вамъ его пришлю.

«Намъ это письмо одинъ сочинитель писалъ. Ужъ такъ было написано, что кому мы ни читали, всѣ плакали. Уѣхала эта барыня, взяла письмо, и опять нѣтъ отъ нея извѣстія, точно въ воду капула. А братъ ея тутъ въ городѣ жилъ, мы его про нее спрашиваемъ:

«— Ничего,—онъ говоритъ,—и мнѣ сестра не пишетъ.

«Да ужъ тутъ я, признаться, меньше объ этомъ стала думать: за меня въ это время мой покойный мужъ началъ свататься.

«А этотъ секретаришка, ужъ годъ спустя, съ сестрой-то, что уѣхала въ Таганрогъ, письмами поссорился (денегъ у ней просилъ, она не дала), да къ намъ приходитъ и съ такимъ выговоромъ:

«— Вотъ,—говоритъ,—ваша Агаѳья Ивановна, ходатай-то вашъ, какъ вамъ порадѣла, нате-ка, почитайте. Куда и вы хороши, вздумали на такую надѣяться!

И подаетъ намъ письмо, которое она годъ назадъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Таганрогъ ему писала:

«Я,—пишетъ,—любезный братъ, пріѣхавши сюда, нашла моего зятя въ большомъ несчастіи. Служитъ онъ, какъ тебѣ извѣстно, комиссіонеромъ, поручили ему большой закупъ муки, а онъ человѣкъ молодой, неопытный, попадѣялся на своихъ помощниковъ, и у него въ каждомъ кулѣ вышло по пуду недовѣсу. Онъ, какъ ты знаешь, капиталовъ никакихъ не имѣетъ, заплатить нечѣмъ, Катенька съ горя выкинула и лежитъ при смерти; я зятю и посовѣтовала: съ письмомъ отъ почтмейстерскихъ итти къ самому Коровину, и съ Божію помощью все кончилось благополучно. Коровинъ все за него внесъ и очень благодарилъ».

«А тутъ вскорѣ маменька получила письмо отъ самого Коровина, что Иванъ Ивановичъ Доминикъ скончался и предоставилъ нѣкоторую часть своего имущества экономкѣ своей Анисьѣ Ивановнѣ, на которой передъ смертью женился, а остального своего состоянія наслѣдникомъ сдѣлалъ его самого.

«— Стало быть,—пишетъ,—если вамъ что-нибудь будетъ нужно, обращайтесь къ Анисьѣ Ивановнѣ Доминикъ.

«И адресъ ея прислалъ.

«— Вотъ еще,—говоритъ сестра,—какую намъ тетушку рекомендуютъ, Анисью Ивановну. Со всякой сволочью намъ переписку предлагаютъ вести.

«А тутъ въ непродолжительномъ времени и маменька скончалась. Послѣ нея никакихъ бумагъ въ доказательство того, что она урожденная Домникъ, не было, такъ всѣ мои хлопоты и кончились».

Лизавета Кирилловна замолчала. Мы ѣхали ровной рысцой подъ горку, вдали уже виднѣлась станція.

Я думала объ этой красавицѣ-итальянкѣ, жизнь которой такъ странно сложилась.

— А, что, Лизавета Кирилловна, счастлива была ваша маменька съ вашимъ отцомъ?—спросила я.

Лизавета Кирилловна потупила свои робкіе глаза и замѣтно сконфузилась.

— Ужъ не знаю, какъ вамъ это и сказать... нельзя сказать, чтобы была счастлива. Прежде-то они отлично между собой жили, да маменька больна сдѣлалась послѣ родовъ, пожару испугалась, и простудили ее тоже, съ ней и началась бѣлая горячка, да два года продолжалась. Совсѣмъ она безумная была, все Христа пелена. Ну, ужъ и папеньку нельзя очень винить!.. Мужчина—жена два года больна... Купили они въ это время дворовую семью, и была въ ней дѣвчонка лѣтъ пятнадцати Акулька. И хорошаго-то въ ней ничего не было, такъ, бѣлобрысая, большущая да толстая. Папенька и имѣлъ съ ней связь. Какъ маменька выздоровѣла, вскорѣ это замѣтила, и ужасъ какъ была убита! Вотъ многіе въ эти наговоры не вѣрятъ, а ужъ ясно видно, что Акулька имъ обоимъ чего-нибудь дала, потому что и маменька ее ужасно какъ любила. Да вѣдь до чего, что первое время говоритъ папенькѣ: женись на ней, а я въ монастырь пойду.

«И ужъ только для дѣтей и осталась.

«Когда эта Акулька со двора уйдетъ, а она этакая развратная была, уйдетъ да пропадетъ, такъ не знай, кто ее больше дожидается, папенька или маменька: оба все время другъ за другомъ по окнамъ ходятъ да смотрятъ. А если папенька начнетъ ее бить, маменька передъ нимъ на колѣни станетъ.

«— Лучше,—говоритъ,—меня бей, а ее оставь.

«И папенька тоже пойдетъ въ кабинетъ, а тамъ съ нимъ въ родѣ припадка истерическаго сдѣлается, упадетъ на диванъ и плачетъ. Намъ тогда одинъ священникъ-старичокъ говорилъ, который тоже въ этихъ дѣлахъ знающій былъ, что если ихъ отъ этого отчитывать, то они оба должны умереть. И это истинная правда: папенька передъ тѣмъ, какъ скончался, въ одинъ мѣсяцъ шесть разъ причащался, даже ужъ попы говорили:

«— Что это Кириллъ Ивановичъ по два раза въ недѣлю причащается? Мы уже къ нему и ходить устали.

«Такъ онъ въ это время Акульку видѣть не могъ. Если она къ нему въ комнату войдетъ, что подлѣ него стоитъ, стаканъ ли, тарелку ли, возьметъ да въ нее и пуститъ. Передъ смертью сестру старшую къ себѣ позвалъ и велѣлъ ей непремѣнно Акульку на свою часть взять и продать. Послѣ его смерти сестра ее тихонько продала, и когда маменька это узнала, чуть не умерла съ горя. А ужъ сына ея она, навѣрное, больше всѣхъ насъ любила. И добро бы ужъ онъ папенькинъ былъ, а то папенька въ Петербургъ ѣздилъ, и его должность помощникъ правилъ, такъ мальчишка весь въ него былъ. И набаловала же маменька этого Петьку! Бывало, его прежде всѣхъ насъ кормитъ, и если онъ что разревется, не знаетъ, какъ его и утѣшить.Въ ученье его мѣстовъ въ десять отдавали. Ему-то все хотѣлось учиться грамотѣ; ну, ужъ это маменькѣ всѣ отсовѣтовали.

«— Куда вы,—говорятъ,—Марья Ивановна, его прочите? Вовсе вы мальчика сгубите, и такъ ужъ онъ объ себѣ много мечтаетъ.

«Сестра тоже вступилась и уговорила кое-какъ, чтобы въ ремесло его отдать. Вотъ маменька разыскивала-разыскивала, гдѣ бы ему получше было, отдала. Онъ немножко поучился.

«— Нѣтъ,—говоритъ,—трудно, не могу.

«Маменька его въ другое мѣсто. Онъ пожилъ тамъ немного.

«— Способности,—говоритъ,—къ этому не имѣю.

«Маменька опять съ нимъ хлопотать. Ужъ сестра на это глядѣла, глядѣла, да и говоритъ:

«— Дайте, маменька, я ему способности-то открою, выдеру его хорошенько, тогда онъ всякія ремесла пойметъ.

«Такъ сохрани Господи, чтобы пальцемъ кто Петьку тронуть смѣлъ! Наконецъ нашли ему башмачницу-польку, и ужъ онъ тамъ до маменькиной смерти жилъ, потому что она его кормила хорошо. И умирала маменька, все про Петьку наказывала, чтобы его не оставлять. Отличный онъ башмачникъ вышелъ, только ужъ и негодяй перваго сорта; какъ въ года вошелъ, тотчасъ въ солдаты нанялся. А мать свою, Акульку-то, видѣть, не могъ, все ее ругалъ, что она его на свѣтъ родила. Ну, да Богъ съ ними, и вспоминать-то про это не хочется.

«А вотъ я вамъ лучше разскажу, какой съ маменькой летаргическій сонъ былъ—десять дней она мертвая лежала, право! Къ папенькѣ всѣ знакомые приставали, чтобы ее хоронить, ну, онъ никакъ не могъ рѣшиться, потому что она все такая была, и руки какъ угодно разводились. Маменька разсказывала, что она первое время все слышала: какъ дѣти плакали, какъ всѣ около нея суетились; потомъ ужъ ей все, какъ сонъ какой, снилось. Каждое утро она видѣла, что приходятъ къ ней дѣвушки, красавицы, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ распущенными волосами, всѣ въ цвѣтахъ, берутъ ее и съ пѣснями несутъ къ морю, сажаютъ тамъ ее въ золотую лодку съ голубыми парусами и съ музыкой катаютъ ее по морю. Около

же все цвѣты, и ѣстъ она такіе вкусные фрукты, какихъ на яву и не видѣла. А надъ ней небо, чистое-чистое, и солнце такъ и свѣтитъ! А къ вечеру начнетъ это все тускнѣть и темнѣть—и лежитъ она опять на своей постели, и появляются со всѣхъ сторонъ монахи со свѣчами, обступятъ ее кругомъ и стоятъ такъ молча до утра. А тутъ начнетъ свѣтлѣть — монахи точно кверху поднимаются, издали слышится музыка—это опять за ней дѣвушки идутъ; и такъ все одно и то же ей грезилось все время. Тутъ проѣздомъ былъ отличный докторъ, его пригласили, и онъ велѣлъ акушеркѣ ее осмотрѣть; она нашла, что у маменьки въ боку одна какая-то жила билась, такъ докторъ кочедыкомъ (вотъ что лапти плетутъ) маменькѣ зубы разжалъ, и все ей какія-то капли давалъ, ну, она понемножку и раздышалась».

Разстались мы съ Лизаветой Кирилловной совершенными друзьями; она даже мнѣ изъ Саратова писать обѣщалась.

В. З. Головина.

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Листки изъ воспоминаній [1]).

II.

Графы Влад. Алекс. и Алекс. Влад. Соллогубы.—К. Ф. Головинъ.—А. Н. Апухтинъ.—Петръ и Модестъ Чайковскіе.

ВЪ 1877 ГОДУ разгорѣлась у насъ война съ турками. Ѣздивши въ качествѣ студента-медика съ ранеными и больными на первомъ въ Россіи санитарномъ поѣздѣ имени императрицы Маріи Александровны, я познакомился на немъ и впослѣдствіи подружился съ однимъ изъ уполномоченныхъ Краснаго Креста, молодымъ графомъ Соллогубомъ, сыномъ автора знаменитаго «Тарантаса», бывшаго еще тогда въ живыхъ.

Въ салонахъ молодого графа, женатаго на О. Н. Челищевой и занимавшаго въ описываемое время великолѣпное помѣщеніе на углу Малой Морской (нынѣ улица Гоголя) и Гороховой, въ домѣ князя Чернышева, стало (въ 1878 г.) собираться блестящее общество, главнымъ образомъ мужское. Особенно славились холостые ужины, привлекавшіе на графскую половину изрядное количество народа.

Самъ графъ, окончившій дерптскій университетъ, по воспитанію и даже по выговору нѣмецкій буршъ, безхарактерный, кутила, мотъ и мухобой, отчасти и самъ писатель (у меня сохранился изданный

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческ. Вѣстникъ» т. CXXVIII, стр. 437.

1-й томъ его повѣстей), пѣвецъ и въ свое время танцоръ, безпутный и, какъ его отецъ, также не вполнѣ слѣдившій за своею чистоплотностью, былъ въ общемъ человѣкъ очень добрый и симпатичный. Кончилъ онъ впослѣдствіи очень плохо.

Прокутивъ все свое состояніе и сойдясь съ какими-то проходимцами, вслѣдствіе, быть можетъ, нужды, а главное—собственной безхарактерности, поддѣлалъ, или участвовалъ въ какомъ-то подлогѣ, былъ судимъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Отецъ графа, Владимиръ Александровичъ, который въ свое время считался однимъ изъ довольно извѣстныхъ русскихъ писателей, былъ, къ сожалѣнію, и тогда уже основательно забытъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни старикъ Соллогубъ, женившись во второй разъ на сравнительно уже немолодой женщинѣ, не своего круга, но обладавшей массою крашенныхъ палево-желтыхъ волосъ, бывшихъ тогда въ модѣ, отдалилъ отъ себя почти всѣхъ своихъ родныхъ и, быть можетъ, поэтому не жилъ уже тогда въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ только наѣздомъ. Мнѣ его пришлось видѣть только два или три раза. Помню, однако, хорошо, что уже за годъ или два до его смерти старикъ-графъ представлялъ одни только остатки прежняго барскаго великолѣпія. Даже той щепетельной внѣшней чистоты, о которой въ своихъ воспоминаніяхъ такъ недавно распространялась въ «Историческомъ Вѣстникѣ» г-жа Соколова, не было и помину.

Графъ Владимиръ Александровичъ Соллогубъ, большого роста, тучный, былъ въ это время не совсѣмъ чисто одѣтый старикъ, нескладный, скорѣе развалина, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще порядочный циникъ. Бывалое остроуміе, и то скорѣе привычное, салонное остроуміе, невысокаго пошиба, освѣщало тогда его отжившее, обрюзглое лицо...

Припоминается мнѣ, что намъ пришлось вмѣстѣ съ нимъ проводить на Варшавскій вокзалъ его сына, уѣзжавшаго въ Парижъ на тогдашнюю всемірную выставку. Передъ самымъ отходомъ поѣзда старикъ-графъ спросилъ сына:

— А куда тебѣ писать?

И, не дождавшись отъ него отвѣта, сказалъ:

— Адресъ твой, впрочемъ, мнѣ извѣстенъ: выставка, конечно, отдѣлъ рѣдкостей.

Въ числѣ посѣщавшихъ графа Соллогуба былъ начинавшій писатель К. Ф. Головинъ (Орловскій). Тогда уже владѣвшій бойко перомъ, впослѣдствіи довольно извѣстный романистъ, ярый поставщикъ романовъ съ извѣстной окраской для «Русскаго Вѣстника» временъ послѣ-катковскихъ, онъ еще недавно, въ 1910 году, выпустилъ въ свѣтъ два тома своихъ, впрочемъ, не особенно интересныхъ и расплывчатыхъ воспоминаній.

Маленькаго роста, плохо видѣвшій уже въ то время и вслѣдствіе этого осторожно ступавшій, Головинъ за свой злой языкъ носилъ прозвище «bébé monstre».

Впослѣдствіи разбитый параличомъ и ослѣпшій, несомый на рукахъ, какъ куль, все-таки сохранилъ, по словамъ людей, его посѣщавшихъ, въ совершенномъ порядкѣ всѣ свои интеллектуальныя способности и еще теперь (1911 г.) живо интересуется всѣми текущими политическими и литературными событіями.

Но душою общества среди лицъ, посѣщавшихъ графа, особенно на его интимныхъ ужинахъ, бывалъ, главнымъ образомъ, А. Н. Апухтинъ.

Толстый, шарообразный, весьма, однако, подвижной, удивительно любезный и всегда почтительно вѣжливый съ дамами и только слегка съ ними остроумный, — Алексѣй Николаевичъ зато совершенно преображался въ мужской компаніи. Такого поразительнаго, занимательнаго человѣка и увлекательнаго разсказчика, съ самымъ невиннымъ лицомъ преподносившаго по временамъ различнаго рода horreur'ы въ стихахъ и прозѣ, я и потомъ почти не встрѣчалъ.

Когда говорилъ Апухтинъ, всѣ и вся умолкали.

Надобно сознаться, что срывавшееся съ устъ Апухтина, несмотря на цинизмъ, по временамъ доходившій до Геркулесовыхъ столбовъ, было, однако, проникнуто такимъ остроуміемъ, облечено въ такую привлекательную форму, что ради этого одного забывалась болѣе чѣмъ непринужденность содержанія, и Алексѣя Николаевича слушали безъ конца, засиживаясь у графа до 5 — 6 часовъ утра.

Ближе, однако, мнѣ удалось познакомиться съ Апухтинымъ лѣтъ восемь спустя, когда мнѣ пришлось, благодаря Петру и Модесту Ильичамъ Чайковскимъ, начать бывать у него въ домѣ запросто.

Въ послѣдніе же годы, когда необычайная, постоянно прогрессировавшая тучность Алексѣя Николаевича, отравлявшая ему существованіе, заставила его въ теченіе, кажется, года прибѣгать къ моей медицинской помощи, тогда отношенія мои къ Алексѣю Николаевичу сдѣлались даже дружественными.

Лечиться Апухтинъ не любилъ. Только исподволь развивавшаяся буквальная невозможность двигаться и жесточайшая одышка побудили бѣднягу Апухтина обратиться къ врачебной помощи.

Жилъ въ описываемое мною время Апухтинъ на углу Кирочной и Знаменской, изъ-за толщины, конечно, въ первомъ этажѣ. Въ кабинетѣ у него находилась громаднѣйшая оттоманка, на которой Апухтинъ, когда началъ хворать, постоянно пребывалъ въ полусидячемъ положеніи. Лежать же на постели, уже очень задолго до смертнаго исхода, онъ не могъ.

Чтобы имѣть возможность его выслушать и не безпокоить больного, я долженъ былъ взлѣзать на эту оттоманку и обходить Апухтина кругомъ.

Другого способа не было. Малѣйшее же движеніе, сдѣланное Алексѣемъ Николаевичемъ самостоятельно, вызывало у него тотчасъ же сильнѣйшую одышку.

Послѣ перваго моего докторскаго визита я предложилъ Апухтину не медля же заняться строгимъ молочнымъ леченіемъ, какъ единственнымъ, по-моему, средствомъ, могущимъ ему принести еще пользу, не скрывъ отъ него тяжелыхъ условій такого леченія.

Апухтину пришлось согласиться. Къ обоюдному нашему удовольствію, Алексѣю Николаевичу за двѣ недѣли такого леченія сдѣлалось настолько лучше, что онъ снова сталъ ѣздить по вечерамъ играть въ карты то въ Англійскій, то въ Сельскій клубы. Просиживая тамъ до поздней почи и довольный результатами леченія, онъ и не заглядывалъ въ столовую, боясь соблазниться. Какъ извѣстно, Апухтинъ любилъ не только хорошо поѣсть, но и выпить.

Увѣровавъ въ цѣлебность молока, Апухтинъ выпивалъ въ первое время все предназначенное ему молоко, не прибѣгая поэтому ни къ какой другой пищѣ.

Никогда не покидавшее его остроуміе даже въ самыя тяжелыя минуты болѣзни давало себѣ знать, разумѣется, и во время моего съ нимъ знакомства.

Вотъ конецъ одного письма, адресованнаго мнѣ Апухтинымъ:

«Считаю долгомъ извѣстить васъ, что я, между прочимъ, рѣшился продолжить молочное леченіе еще на недѣлю (по крайней мѣрѣ), въ виду чего прошу васъ пріѣхать, и т. д. Искренно вамъ преданный я прибавилъ бы: и благодарный, если бы это не было похоже на рескриптъ!»

Но видимое улучшеніе, къ сожалѣніе, продолжалось недолго. Покончивъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ слишкомъ рано съ молочнымъ леченіемъ, Апухтинъ сталъ вести прежнюю ненормальную жизнь, сталъ почти все ѣсть и пить. Результаты вскорѣ сказались, и прежнее недомоганіе, но уже въ большей степени завладѣло всѣмъ его существомъ.

Предполагая, поэтому, что я снова посажу его на молоко, и почему-то извѣрившись въ его цѣлебномъ дѣйствіи, Апухтинъ подъ вліяніемъ массы высокопоставленныхъ посѣтителей и посѣтительницъ, то и дѣло навѣщавшихъ его въ теченіе дня и постоянно предлагавшихъ ему тотъ или другой медицинскій совѣтъ, тотъ или другой способъ леченія, сталъ къ такимъ совѣтамъ прислушиваться и нѣкоторые изъ нихъ даже и исполнять.

И вотъ однажды помимо меня онъ даже прибѣгнулъ къ какому-то доморощенному массажисту (чуть ли не изъ николаевскихъ фельдшеровъ), который закатилъ ему такой общій массажъ и такъ рас-

трясъ его организмъ, что Апухтинъ почувствовалъ себя значительно хуже и долженъ былъ снова засѣсть надолго дома.

Заѣхавши какъ-то къ нему и не найдя въ его болѣзни улучшенія, что я не счелъ возможнымъ отъ него скрыть, я вовсе не удивился, услыхавъ, какъ Алексѣй Николаевичъ, какъ будто невзначай, завелъ рѣчь о пользѣ, приносимой иногда гомеопатами въ случаяхъ, на которые аллопаты махнули рукой... Своего дѣйствительнаго желанія полечиться гомеопатіей Алексѣй Николаевичъ отъ меня не скрылъ, написавъ мнѣ слѣдующія строки:

«Отъ души благодарю васъ за ваши старанія, которыя увѣнчались бы успѣхомъ, но я такъ ослабѣлъ, что поневолѣ долженъ прибѣгнуть къ другому способу леченія».

По правдѣ сказать, я не видѣлъ возможнаго улучшенія ни отъ того, ни отъ другого способовъ леченія. На обращеніе же къ гомеопату я смотрѣлъ какъ на ultima ratio.

Какъ я, къ сожалѣнію, и предполагалъ, Апухтину лучше не сдѣлалось и отъ гомеопатическаго леченія.

Черезъ три, кажется, недѣли Алексѣй Николаевичъ призвалъ меня снова къ себѣ.

Разговоръ, который онъ повелъ тогда со мною, разговоръ крайне интересный, былъ весь пропитанъ остроуміемъ, несмотря на значительное ухудшеніе въ здоровьи больного.

— Правда,—началъ Алексѣй Николаевичъ:—судя по гомеопату, приглашенному мною въ ваше отсутствіе, у васъ съ нимъ системы леченія и обхожденіе дѣйствительно совершенно неодинаковыя. Вы, батюшка, прописавъ мнѣ одно какое-нибудь лекарство, неоднократно говорили мнѣ, что раньше трехъ-четырехъ дней вамъ не нужно меня видѣть, такъ какъ необходимо выждать дѣйствіе лекарства. Гомеопатическій вашъ коллега, напротивъ того, увѣрялъ меня въ обязательности каждодневнаго посѣщенія моей особы, причемъ лекарствъ имъ прописывалось каждый разъ не менѣе пары...

Какъ небольшого любителя глотать даже гомеопатическую кухню, вся эта канитель, по словамъ Алексѣя Николаевича, въ три недѣли такъ ему надоѣла, въ особенности при отсутствіи какого бы то ни было намека на улучшеніе, что, рѣшивъ въ принципѣ покончить съ надоѣвшими ему крупинками и тридцатымъ дѣленіемъ, онъ пожелалъ раньше всего послать за гомеопатическимъ лечебникомъ.

Дай, думаетъ, узнаю, что это за прописанныя средства и въ какихъ болѣзняхъ они назначаются?

Вычитавъ изъ пріобрѣтеннаго лечебника, что одно изъ этихъ средствъ, по его словамъ, одновременно помогаетъ отъ падучей болѣзни, отъ собачьяго бѣшенства и отъ угрюмаго нрава, и клятвенно увѣривъ меня, что онъ ни одною изъ названныхъ болѣзней не страдаетъ, Апухтинъ немедленно написалъ доктору Х., прося его впредь больше не безпокоиться...

Къ сожалѣнію, и мнѣ недолго пришлось пользовать Алексѣя Николаевича въ виду моего отъѣзда за границу. По возвращеніи же моемъ я узналъ, что часы Алексѣя Николаевича сочтены. И, дѣйствительно, черезъ день или два мнѣ пришлось итти за его гробомъ.

Провожавшаго народа было, увы, немного.

Объ неистощимомъ остроуміи Алексѣя Николаевича можно было бы написать цѣлую книгу. Къ сожалѣнію, не все, что слетало съ его устъ, могло подлежать напечатанію, главнымъ образомъ по нецензурности. Вотъ нѣкоторые дозволенные образцы. Цитирую ихъ на память.

По окончаніи училища правовѣдѣнія, Апухтинъ, какъ говорятъ, короткое время прослужилъ въ какой-то земской управѣ. Будучи уже въ отставкѣ, Алексѣй Николаевичъ неожиданно получаетъ отъ той же управы бумагу, въ которой съ него взыскивается начетъ за какія-то деньги, яко бы излишне имъ оттуда полученныя. Апухтинъ отвѣтилъ письмомъ на имя такой-то госпожи управы.

«Прежде всего,—писалъ онъ,—намъ нужно условиться, что понимаетъ эта госпожа подъ словомъ лишнія деньги. Если же госпожа управа полагаетъ, что лишнія деньги получены имъ, Апухтинымъ, то она жестоко ошибается. Лишнихъ денегъ у него нѣтъ и никогда не было. Если же эти деньги у управы лишнія, то объ нихъ, значитъ, не стоитъ и говорить...»

Пріѣзжаю я какъ-то къ Апухтину, какъ врачъ. Застаю у него одну весьма почтенную даму.

На смѣну первой явились потомъ еще двѣ. Когда всѣ гости наконецъ уѣхали и я могъ приступить къ осмотру больного, зная, что женщины не слабость Апухтина, я замѣтилъ ему съ улыбкой:

— А васъ дамы все-таки любятъ и балуютъ?!

— Да,—замѣтилъ скромно Апухтинъ:—хотя я лично тутъ ни при чемъ!..

Апухтинъ обладалъ удивительно поэтическимъ талантомъ, талантомъ Божьею милостью. Не нуждаясь въ средствахъ, онъ «творилъ» только тогда, когда его осѣняло вдохновеніе.

Къ нему цѣликомъ подходили стихи Пушкина:

«Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ тревоги суетнаго свѣта онъ безмятежно погруженъ».

Даже, написавъ какое-нибудь новое стихотвореніе, Апухтинъ обыкновенно не тотчасъ пускалъ его въ свѣтъ, а, напротивъ, подолгу шлифовалъ свое произведеніе, придавая поэтическимъ своимъ алмазамъ еще возможно болѣе совершенную отдѣлку.

Во времена Апухтина жилъ въ С.-Петербургѣ одинъ чрезвычайно богатый человѣкъ, Н—ъ-М—ъ.

У него были двѣ сестры, старыя дѣвы, удивительно некрасивыя.

И вотъ въ одну изъ годинъ у насъ неурожая, когда со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ появилось запрещеніе вывозить нашу рожь за границу, Алексѣй Николаевичъ съ ужасомъ разсказывалъ, что жандармы въ Вержболовѣ не пропустили ва границу уѣхавшихъ сестеръ Н—ыхъ - М—ыхъ, мотивируя это тѣмъ что рожь(ъ) вывозить запрещено.

Мелкіе стихи, экспромты, которымъ онъ, впрочемъ, не придавалъ большой цѣны, при случаѣ такъ и лились у него рѣкою.

Входитъ онъ какъ-то съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ въ одинъ изъ ресторановъ.

За однимъ изъ столовъ видитъ онъ еще одного своего пріятеля, попъ К. Л—ра, что-то уписывающаго. И вотъ Апухтинъ, показавъ вошедшему съ нимъ господину рукою на К. Л—а, промолвилъ патетически:

Денегъ нѣтъ; не потому ли
Вмѣсто устрицъ ѣстъ онъ мули?!

Помню я, когда Апухтинъ на одномъ изъ ужиновъ у графа В. А. Соллогуба вызвалъ гомерическій хохотъ разсказомъ, какъ одна сановитая и страшно богатая саратовская помѣщица, къ которой вся губернія ѣздила на поклонъ, вздумала поѣхать въ Римъ.

Узнавъ, что быть въ Римѣ и не видѣть папу считается признакомъ дурного тона, она, разумѣется, выхлопотала себѣ аудіенцію у его святѣйшества.

Войдя къ нему, она послѣ нѣкоторыхъ словъ привѣтствія со стороны святого отца вскинула свой лорнетъ и, обведя взоромъ пріемную комнату, сказала съ обворожительной улыбкой: Comme vous étes bien logé ici, mon pape! (Какая у васъ недурная квартира, папа).

Не менѣе успѣха имѣлъ его разсказъ, какъ въ спорѣ относительно русской музыки одинъ музыкантъ-нѣмецъ сказалъ, что у русскихъ есть всего двѣ оперы и тѣ неважныя: «Russland und Ludmilde» («Руслань и Людмила») и «Askold und Mogilde» («Аскольдова могила»).

Особенно смѣшно было замѣчаніе Апухтина, когда рѣчь зашла о возрастѣ ушедшаго на покой одного виднаго русскаго государственнаго дѣятеля.

По словамъ Алексѣя Николаевича, точныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Извѣстно только, что послѣдняя полученная имъ медаль была за 1812 годъ. Изъ другихъ же медалей, которыми этотъ сановникъ особенно гордился, были медали за сотвореніе міра и за потопъ!...

Съ Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ, какъ и съ нѣкоторыми его братьями, я былъ связанъ многолѣтнею дружбою, но въ особенности же я былъ близокъ къ Модесту Ильичу, къ слову сказать, одному изъ милѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей.

Всесторонне образованный, недюжинный драматургъ, талантливый писатель, Модестъ Ильичъ, обожавшій брата, какъ почти всѣ близко знавшіе Петра Ильича, былъ именно тѣмъ человѣкомъ, бесѣды съ которымъ помогли мнѣ до извѣстной степени разобраться, что за человѣкъ былъ Петръ Ильичъ, какое у него было міросозерцаніе и въ чемъ заключалось его обаяніе на всѣхъ сталкивающихся съ нимъ лицъ?.. Что Петръ Ильичъ былъ удивительно сложная натура,—это не подлежитъ сомнѣнію.

Въ немъ, какъ мнѣ кажется, соединялись двѣ натуры. Одна, когда онъ спокойный, не утомленный своей безграничною любовью къ людямъ, творилъ, отдыхая среди полнаго одиночества; другая, болѣзненная, суетливая, временами длившаяся чуть ли не годами, могущая послужить даже предметомъ изученія такихъ невропатологовъ, какъ Крафтъ-Эбингъ, и потому дѣлавшая изъ него по временамъ мизантропа, естественно, мало давала пищи его творчеству.

Преобладаніе минорнаго тона, въ особенности въ его романсахъ и фортепіанныхъ произведеніяхъ, главное же, трагическое содержаніе и безнадежный вопль, заканчивающій лебединую пѣснь Петра Ильича, его шестую симфонію,—породили и почти установили характеристику его, какъ пессимиста. Между тѣмъ пессимизмъ его произведеній есть, повидимому, только отраженіе какъ разъ противоположнаго строя его души.

Оптимиста чистѣйшей воды трудно себѣ представить въ жизни. Самая свѣтлая жизнерадостность, любовь къ существованію и ко всему существующему, вѣра въ торжество добра, въ людей, способность умиляться красотой каждой былинки—сопровождали его съ первыхъ шаговъ сознательнаго бытія до послѣдняго дня передъ смертельной болѣзнью.

Петръ Ильичъ почти не употреблялъ выраженія «люблю», а «обожаю»: и блинчики съ вареньемъ, и собакъ, и цвѣты, и Моцарта, и Льва Толстого. Этотъ непрестанный хвалебный гимнъ жизни, эта способность восторженно относиться ко всему снизу доверху, что попадалось на его пути, въ особенности же къ людямъ, дѣлали его такимъ обаятельнымъ для окружающихъ.

Въ его обществѣ каждый чувствовалъ себя приподнятымъ на пьедесталъ, который подставляло ему пылкое воображеніе Петра Ильича.

Весь впечатлѣніе данной минуты, всегда руководимый болѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ, онъ не могъ не быть измѣнчивымъ, и разочарованіе безжалостно слѣдовало за очарованіемъ.

Отсюда постоянное оплакиваніе того, «что было», не только потому, что оно «прошло», но и потому, что оно было уже «не то», чѣмъ казалось тогда.

Этимъ объясняется и миноръ настроенія въ твореніяхъ Петра Ильича, и то, что, вступая, такъ сказать, въ долину старости, онъ

могъ, подъ вліяніемъ всего того, что онъ любилъ, на что надѣялся, что считалъ неувядаемо прекраснымъ, что вмѣстѣ съ сѣдиною его волосъ выступало передъ нимъ захирѣвшимъ и тлѣннымъ,—написать такую геніальную вещь, такое глубоко прочувствованное произведеніе, какъ его шестая симфонія!

Говорятъ, что Петръ Ильичъ былъ мизантропъ. Такъ ли это?

Правда, онъ избѣгалъ людей и лучше всего чувствовалъ себя въ одиночествѣ, и это до такой степени, что даже такіе близкіе его сердцу люди, какъ сестра и братья, бывали ему въ тягость и въ нѣкоторые періоды онъ по временамъ былъ счастливъ тогда, когда, кромѣ слугъ, при немъ никого не было. Правда, всякій человѣкъ, нарушившій его правильный строй жизни и вторгавшійся къ нему безъ спроса, былъ ему «личный врагъ». Правда, въ особенности во время артистическихъ тріумфовъ за границей и въ русскихъ столицахъ, по разсказамъ очевидцевъ, «удрать» отъ поклонниковъ и спрятаться отъ друзей было завѣтнѣйшимъ и непрестаннымъ его желаніемъ.

Но все это происходило отнюдь не отъ нелюбви къ людямъ, а, напротивъ, отъ избытка любви къ нимъ. Кто знакомъ съ его біографіей, тотъ знаетъ, что вся его жизнь была любовь ко всему существующему; отъ букашки до человѣка, отъ фіалки до благоуханнаго и яркаго творенія молодого художника, всему и всѣмъ онъ желалъ блага и истинно былъ счастливъ только, когда ему удавалось кого-нибудь осчастливить, кому-нибудь помочь и что-нибудь прекрасное поддержать.

Петръ Ильичъ не любилъ лечиться и боялся докторовъ. Нуждался же въ леченіи постоянно.

Въ превосходно, въ 1902 г., въ трехъ томахъ написанной Модестомъ Чайковскимъ «Жизни Петра Ильича Чайковскаго», къ сожалѣнію, въ широкихъ кругахъ у насъ мало распространенной, переведенной на нѣсколько языковъ (въ Англіи, напримѣръ, капитальный этотъ трудъ вышелъ уже вторымъ изданіемъ), есть указаніе, что единственный на свѣтѣ врачъ, котораго Петръ Ильичъ не боялся и къ которому обращался за совѣтами, былъ я.

Болѣлъ Петръ Ильичъ съ малыхъ лѣтъ. Основная болѣзнь его, крайняя нервность, проявлялась у него, по словамъ его братьевъ, не только въ дѣтствѣ, но и въ юности.

Въ дѣтствѣ Петръ Ильичъ очень часто пробуждался среди ночи въ истерическихъ припадкахъ; въ зрѣлые же годы нервность эта выражалась у него въ безсонницѣ и въ явленіяхъ, которыя онъ называлъ «ударикамн», т. е. въ внезапномъ пробужденіи отъ какого-то толчка, съ ощущеніемъ непреодолимаго ужаса. Эти «ударики», временами повторяясь почти каждую ночь, доводили его до ненависти къ постели, длившейся иногда мѣсяцами, и тогда онъ засыпалъ не иначе, какъ въ халатѣ, то сидя въ креслѣ, то прикорнувъ на диванѣ.

Но главное страданіе, не покидавшее его послѣ тридцатилѣтняго возраста, причинялъ ему катарръ желудка, выражавшійся въ постоянной изжогѣ и иногда въ катаррѣ кишекъ. Въ семидесятыхъ годахъ онъ научился спасаться отъ изжоги при помощи соды, причемъ въ первый разъ, когда ему какой-то знакомый рекомендовалъ это средство, сказавъ, что надо положить ложку соды на стаканъ воды, Петръ Ильичъ перепуталъ и взялъ полстакана соды на ложку воды...

Несмотря на плачевные результаты этой первой пробы лекарства, съ тѣхъ поръ нельзя было себѣ представить Петра Ильича безъ баночки съ содой, безъ пастилокъ виши въ карманѣ.

При этомъ, что всего удивительнѣе, аппетитъ у него всегда былъ превосходный при полномъ отсутствіи всякой разборчивости въ ѣдѣ. Онъ всегда хвалилъ все, что ему подавали, и въ поздніе годы, когда жилъ своимъ хозяйствомъ, часто призывалъ и осыпалъ похвалами своихъ поваровъ и поварихъ, не всегда имѣя на своей сторонѣ гостей, которымъ оставалось только переглядываться, чтобы не противорѣчить и не огорчать хозяина.

Петръ Ильичъ пилъ много и водки и вина. По вечерамъ, въ особенности въ періоды «ударниковъ», злоупотреблялъ коньякомъ, и было время, когда, по словамъ братьевъ, былъ близокъ къ настоящему алкоголизму. Когда онъ изъ деревни попадалъ въ городъ, то очень любилъ въ обществѣ интимныхъ людей проводить время въ трактирахъ, въ особенности московскихъ, и тогда его любимымъ напиткомъ было шампанское, непремѣнно сладкое, съ шипучей водой.

Курилъ съ четырнадцати лѣтъ безъ удержу, въ особенности во время работы. Затягивался не только папиросным дымомъ, но и сигарнымъ.

Петръ Ильичъ вообще былъ разсѣянъ. Разсѣянность же въ связи съ широкою натурою бывала иногда причиною различныхъ съ нимъ неожиданностью. По этому поводу припоминается мнѣ слѣдующій случай.

Пріѣхавъ однажды лѣтомъ въ Петербургъ, Петръ Ильичъ послалъ за мною не какъ за врачомъ.

Зная мою любовь къ музыкѣ, ему захотѣлось доставить мнѣ удовольствіе, поѣхавъ вмѣстѣ со мною и молодыми своими племянниками В. Давыдовымъ и графомъ А. Литке въ «Акваріумъ».

Въ то время «Акваріумъ» не былъ еще сборищемъ «этуалей», какъ нынѣ, а былъ скромнымъ садомъ, въ которомъ игралъ довольно сносный симфоническій оркестръ Энгеля. Въ этотъ вечеръ тамъ кстати должна была исполниться въ первый разъ знаменитая третья сюита Петра Ильича, которою нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ извѣстный дирижеръ Гансъ-Бюловъ увлекъ переполненный публикой залъ Дворянскаго собранія.

Петръ Ильичъ присутствовалъ за колоннами при этомъ дивномъ исполненіи.

Публика, тотчасъ узнавшая своего любимца, бурными криками стала вызывать геніальнаго автора, и тогда овація Петру Ильичу и вмѣстѣ съ нимъ Бюлову приняли такіе гомерическіе размѣры, что память объ нихъ сохранилась у меня до сихъ поръ.

Къ сожалѣнію, та же сьюита, сыгранная въ описываемый вечеръ въ «Акваріумѣ», и на Петра Ильича и даже на насъ, только любителей музыки, не произвела ровно никакого впечатлѣнія.

Оркестръ «Акваріума» игралъ безъ всякихъ оттѣнковъ, безъ подъема, вяло.

Встали мы разочарованными.

Тогда Петръ Ильичъ, чтобы сгладить, какъ ему казалось, непріятное впечатлѣніе вечера, пригласилъ насъ всѣхъ ужинать. Хорошій ужинъ, по его словамъ, развеселитъ кого угодно.

Поѣхали мы къ Лейнеру. Меню было очень разнообразное. Петръ Ильичъ заказалъ, между прочимъ, аршинную стерлядь и пр. Пиршество, словомъ, вышло довольно грандіозное.

Наступилъ моментъ расплаты. Оказалось, однако, что Петръ Ильичъ забылъ бумажникъ дома; взялъ же только кошелекъ, въ которомъ была одна мелочь.

Смущенный Петръ Ильичъ обратился къ своимъ молоденькимъ племянникамъ. Эти же, въ свою очередь, не разсчитывая на такую большую трату, не захватили съ собою достаточно денегъ.

По счастью, я оказался на этотъ разъ капиталистомъ.

На другой день я получилъ отъ Петра Ильича слѣдующую записку:

«Возвращаю долгъ и при семъ еще и еще благодарю цѣлителя не только моего тѣла, но и моего кармана!»

Петръ Ильичъ былъ необыкновенно невѣжественъ и наивенъ въ нуждахъ повседневной жизни. Годы не исправляли его. Молодымъ человѣкомъ, уже окончившимъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, онъ, по разсказу его брата, Модеста Ильича, не отличалъ дроби отъ пороха (однажды его застали поджигающимъ дробь и отбѣгающимъ въ противоположный уголъ комнаты, въ ожиданіи взрыва) и, престарѣлымъ человѣкомъ, онъ недоумѣвающе спрашивалъ, считая неразрѣшимыми вопросы: гдѣ покупаются гвозди? какъ достать, напримѣръ, замазку для оконъ? Петръ Ильичъ не вполнѣ точно зналъ, куда наливается вода, куда кладутъ уголь въ самоварѣ?!

Нисколько не стыдясь, онъ скорѣе рисовался своимъ невѣжествомъ среди равныхъ, но когда на дѣлѣ приходилось обнаруживать свою безпомощность, онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ и не жалѣлъ ничего, чтобы скрыть ее.

И вотъ на этой почвѣ произошелъ эпизодъ, переданный мнѣ однимъ изъ братьевъ Петра Ильича, которому могла бы позави-

довать изобрѣтательность остроумнѣйшихъ сотрудниковъ «Fliegende Blätter».

Это было въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Петръ Ильичъ гостилъ у брата въ Петербургѣ. Любя одиночныя прогулки, онъ избѣгалъ людныхъ мѣстъ и выбиралъ самыя отдаленнѣйшія.

Однажды, въ непастную погоду (было вѣтрено) онъ пошелъ по мосткамъ черезъ Неву, въ Спасителю. Пройдя немного, онъ хватился, что нѣтъ ваты въ ушахъ, а дулъ пронзительный вѣтеръ, и дѣло могло бы кончиться ненавистнѣйшимъ флюсомъ, которому онъ такъ былъ подверженъ. Тутъ-то во всей своей неразрѣшимости возникъ вопросъ: гдѣ достать ваты? Домой итти—далеко, да и все равно простудишься. Надо купить ее, но гдѣ? Разъ, что Петербургская сторона ближе всего,—очевидно, тамъ.—Но въ какой лавкѣ? Гдѣ продается вата? Разъ что въ себѣ нѣтъ отвѣта, надо искать его у другихъ. У кого?... У прохожихъ. Примутъ, пожалуй, за безумца...

Тогда, чтобы замаскировать свое невѣжество, Петръ Ильичъ придумалъ зайти въ первую мелочную лавочку, купить что-нибудь и потомъ, какъ бы между прочимъ, небрежно спросить: а гдѣ здѣсь продается вата?—т. е. разрѣшить не общій вопросъ о мѣстонахожденіи этого товара, а чисто мѣстный. Мелочная лавочка оказалась какъ разъ на той сторонѣ набережной.

Не обдумавъ заранѣе, что именно онъ спроситъ, на вопросъ продавца: что вамъ угодно?—Петръ Ильичъ, вмѣсто спичекъ или папиросъ или вообще чего-нибудь удобоносимаго, спросилъ яблокъ. За услугу, которую продавецъ долженъ былъ оказать ему, Петръ Ильичъ готовъ былъ вывернуть весь кошелекъ и поэтому, чтобы задобрить продавца, на вопросъ: сколько?—отвѣчалъ: десятокъ. Какихъ?—Самыхъ лучшихъ. И вотъ, въ то время, какъ ему накладывали въ мѣшокъ отборныя и крупныя яблоки, насталъ, какъ ему показалось, удобный моментъ спросить: гдѣ у васъ здѣсь можно достать ваты?

Ему указали на лавку рядомъ, галантерейныхъ товаровъ. Съ мѣшкомъ яблокъ въ рукахъ, счастливый, что дѣло разрѣшилось такъ просто, Петръ Ильичъ явился въ лавку галантерейныхъ товаровъ. Что вамъ угодно?—Ваты.—Сколько? Этотъ вопросъ былъ неожиданъ. Нельзя же было входить въ магазинъ, чтобы купить количество ваты, нужное только для ушей. Да и потомъ какъ измѣряется вата. Аршинами? Фунтами? Петръ Ильичъ замялся. Продавецъ вывелъ изъ затрудненія вопросомъ: прикажете фунтъ?—Конечно, фунтъ.—Продавецъ далъ приказъ мальчику принести фунтъ ваты. Черезъ минуту изъ таинственныхъ глубинъ лавки появилось цѣлое облако ваты, за которымъ не видно было мальчика. Петръ Ильичъ ужаснулся, но, не прослывъ за идіота, сознаться, что ему нужно ваты только для ушей, уже было поздно. Однако ужасъ отъ

созерцанія необъятнаго количества пріобрѣтеннаго товара прошелъ. Въ рукахъ опытнаго торговца необозримое облако обратилось въ пакетъ умѣренной величины.

Съ яблоками въ одной рукѣ, съ фунтомъ ваты въ другой Петръ Ильичъ вышелъ на улицу и, зайдя въ пустынный переулокъ, рѣшилъ воспользоваться сдѣланной покупкой. Безъ церемоніи проткнувъ обертку, онъ вытянулъ количество, нужное для ушей, и рѣшилъ отнести покупки домой. Но тутъ произошло нѣчто совершенно непредвидѣнное. Туго умятая руками продавца вата начала расправляться, пухнуть и вылѣзать изъ отверстія, сдѣланнаго Петромъ Ильичемъ, снова обращаясь въ облако. Что дѣлать? Взять извозчика? Но кругомъ—ни одного. Пришлось снова итти по мосткамъ. Руки, одна, держа яблоки, другая все растущее и разрывающее обертку облако ваты, начали леденѣть отъ вѣтра. Какъ избавиться отъ несносной ноши. Бросить и то и другое за мостки. Но встрѣченные прохожіе примутъ за сумасшедшаго или еще, пожалуй, за злоумышленника, скрывающаго слѣды совершенной кражи... Пришлось выпить чашу до конца, пройти мостки и только на Гагаринской набережной найти извозчика...

Долго-долго служила въ домѣ брата Петра Ильича злополучная вата.

Во время первыхъ пріѣздовъ Петра Ильича изъ Москвы мнѣ почти постоянно приходилось пользовать его отъ его знаменитаго катарра желудка. Въ концѣ концовъ онъ такъ привыкъ къ своей постоянной болѣзни, что, не прибѣгая къ моей помощи, лечился, даже при обостреніи припадковъ, по разъ прописанному мною шаблону. Но вотъ, въ приснопамятный день 21-го октября 1893 г., пріѣхавъ домой около восьми часовъ вечера, я засталъ на столѣ записку отъ Модеста Ильича слѣдующаго содержанія:

«Петя нездоровъ. Его все время тошнитъ и слабитъ. Бога ради, заѣзжайте посмотрѣть, что это такое».

Я тотчасъ же поѣхалъ къ больному.

Надобно знать, что деликатность Петра Ильича къ окружающимъ не имѣла границъ. Это и было главною причиною того, что Петръ Ильичъ, по словамъ его брата, такъ долго не позволялъ посылать за мною.

Когда я вошелъ въ небольшую квартиру Модеста Ильича, гдѣ онъ проживалъ съ любимымъ племянникомъ Петра Ильича—Бобою Давыдовымъ—и гдѣ Петръ Ильичъ остановился, то я засталъ больного въ постели. Это было полчаса девятаго вечера. Петръ Ильичъ, несмотря на то, что припадки его страшной болѣзни уже все время его безпокоили, встрѣтилъ меня со словами, характеризовавшими его сердечную доброту и удивительную его деликатность.

— Бѣдный Василій Бернардовичъ,—сказалъ онъ мнѣ:—вы такой любитель музыки и, навѣрно, васъ потянуло въ оперу; сегодня

кстати даютъ «Тангейзера». Вамъ же вмѣсто этого пришлось ѣхать ко мнѣ, скучному, гадкому Чайковскому, больному, еще такою неинтересною болѣзнью...

Выслушавъ разсказъ о ходѣ заболѣванія и осмотрѣвъ Петра Ильича, я, къ ужасу, сразу убѣдился, что у него не обострившійся катарръ желудка и кишекъ, какъ предполагали не только всѣ домашніе, но и самъ Петръ Ильичъ, но нѣчто худшее...

Въ Петербургѣ въ это время (октябрь 1893 г.) холера уже начала свивать себѣ прочное гнѣздо, но интеллигентные классы затрогивались ею рѣдко. Умирала отъ нея, какъ всегда, одна бѣднота. Должно сознаться, что настоящей холеры до этого времени мнѣ самому видѣть не приходилось. Тѣмъ не менѣе по освидѣтельствованіи выдѣленій больного у меня не оставалось сомнѣній, что у Петра Ильича форменная холера. Когда я вышелъ въ сосѣднюю комнату и заявилъ брату Петра Ильича и его племянникамъ о серьезности заболѣванія и о томъ, что такую болѣзнь я не берусь и не могу лечить одинъ, говорилъ о своей нравственной отвѣтственности, то въ первую минуту мои добрые друзья мнѣ не повѣрили...

Но повѣрить все-таки пришлось...

Самое трудное (зная нелюбовь къ врачамъ Петра Ильича) это было получить согласіе на консиліумъ.

Наконецъ мы убѣдили больного въ этой тяжелой для него необходимости. По указанію самого Петра Ильича, выборъ врача-консультанта палъ на моего брата.

Тогда я, прописавъ все необходимое, тотчасъ же помчался за моимъ братомъ.

Быстрый ходъ холеры у Петра Ильича объясняется еще тѣмъ, что при наличности хроническаго заболѣванія желудка и кишекъ онъ утромъ вмѣсто пріема касторовaго масло припялъ по собственному почину стаканъ горькой воды Гуніади-Яносъ. А, между тѣмъ, извѣстно, что горькая вода, будучи щелочной реакціи, въ такихъ случаяхъ противопоказуется. Холерныя бациллы именно въ щелочахъ всего легче размножаются.

Въ довершеніе всего Петръ Ильичъ уже послѣ горькой воды выпилъ еще стаканъ сырой воды.

Несмотря на то, что вся мыслящая Россія и не только вся Россія, но и Европа, скорбя о такой утратѣ, читала съ живѣйшимъ интересомъ обо всѣхъ подробностяхъ послѣднихъ дней жизни Петра Ильича (написанныя братомъ его Модестомъ Ильичемъ и напечатанныя въ «Новомъ Времени» и «Новостяхъ» статьи), несмотря на присутствіе у постели больного четырехъ врачей, и тогда находились, да и теперь еще находятся люди, которые съ апломбомъ говорили и говорятъ, что Петръ Ильичъ умеръ вовсе не отъ холеры, а погибъ отъ яда, принятаго съ цѣлью самоубійства!..

Стоитъ ли говорить о такой инсинуаціи, въ особенности въ виду грязныхъ намековъ на причину, вызвавшую самоубійство Петра Ильича?!

25-го октября 1893 года великаго русскаго композитора не стало.

Море людей заливало улицы, по которымъ двигалась печальная процессія.

И неудивительно! Хоронили славу Россіи!..

Не могу не привести кстати прекрасныхъ словъ музыкально-историческаго общества графа А. Д. Шереметева въ его воззваніи по поводу высочайше разрѣшенной въ 1911 г. всероссійской подписки на поставку въ Петербургѣ памятника П. И. Чайковскому.

«Въ сонмѣ великихъ сыновъ великой Россіи,—говорится между прочимъ въ этомъ воззваніи,—Петръ Ильичъ Чайковскій занимаетъ исключительное мѣсто. Ему былъ данъ въ удѣлъ дивный даръ звуками говорить отъ сердца къ сердцу и нѣтъ въ мірѣ мѣрила, способнаго измѣрить и оцѣнить ту богатую сокровищницу высокихъ наслажденій, которыя доставляютъ намъ звуки его музы.

«Народъ, среди котораго созрѣлъ и расцвѣлъ геній Чайковскаго, не можетъ не гордиться имъ и не чтить съ благодарностью память его, какъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ, ибо только умѣнье чтить память своихъ великихъ людей дѣлаетъ народъ достойнымъ названія великаго».

В. Б. Бертенсонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОНЯЛИ...

(Бытовой очеркъ).

— Задачи землеустройства прежде всего!..

— Такъ!.. Ну, а когда же вы мужиковъ-то будете устраивать?

(Изъ обывательскихъ разговоровъ).

I.

ВТОРАЯ половина марта. Полевыя работы еще не начинались. Земля что кисель, а въ западинахъ почвы и въ лѣсу кое-гдѣ лежитъ еще снѣгъ. На деревенской улицѣ ни земли, ни снѣгу,—одинъ навозъ, особенно толстымъ слоемъ залегшій у колодца, гдѣ собралось нѣсколько бабъ, пришедшихъ за водой и задержавшихся тутъ, чтобы перекинуться деревенскими новостями съ кумушками-сосѣдками. Впрочемъ, сегодня въ Голодяевкѣ у всѣхъ одна новость: мужики пошли дѣлить купчую землю. Около этого дѣлежа и вертѣлись всѣ разговоры.

На крыльцѣ мелочной лавочки, какъ-то бокомъ выдвинувшейся изъ общаго порядка домовъ деревенской улицы, точно коньку избы непремѣнно понадобилось зачѣмъ-то заглянуть въ самый колодезь, стоялъ хозяинъ лавочки и мѣстный богатѣй Софронъ Никитичъ, хотя, если вѣрить самому Софрону, все его богачество только въ томъ и состояло, что онъ держалъ мелочную лавочку и не путался съ землей, передавъ свой надѣлъ сыну Василію. Онъ задумчиво смотрѣлъ то на бабъ, то на небо, то вдоль нешироко деревенской улицы. Подходившія къ колодцу бабы кланялись Софрону, но въ разговоръ съ нимъ не вступали.

Не заговаривалъ съ бабами и Софронъ, хотя вообще онъ былъ очень словоохотливъ, но только не съ бабами: разговоръ съ ними безъ крайней къ тому необходимости онъ считалъ ниже своего достоинства; по его словамъ, съ бабами можно только лясы точить, а для этого онъ былъ уже старъ.

Поэтому онъ очень обрадовался, когда изъ переулка показался дядя Михей, верхомъ на своей буланой лошаденкѣ, труся рысцой мимо колодца. Софронъ окликнулъ его, и какъ ни торопился Михей, но долженъ былъ повернуть къ крыльцу свою разбѣжавшуюся буланку.

— Здорово, дядя Михей! Что больно торопишься? Аль дѣло какое стряслось?—заговорилъ Софронъ съ своего крылечка, хотя отлично зналъ, куда и по какому дѣлу торопится Михей, и желая только пословоохотиться съ нимъ отъ нечего дѣлать.

— Здорово, Никитичъ! А на межу ѣду... Наши старики, слышь ты, землю кунчую передѣлять будутъ... Да вишь, грѣхъ-то какой: старуха моя чугунъ изъ печи вынимала да руку себѣ и полживота кипяткомъ ошпарила. Вотъ я и задержался съ ней...

— Дѣла...—проговорилъ Софронъ.—Медомъ надо смазать,—очень помогаетъ...

— Да меду-то нѣтути дома. Можетъ, у тебя есть?

— Какъ не быть, есть. Что жъ, ты сейчасъ и свезешь ей?

— Да гдѣ жъ мнѣ вертаться назадъ: на межу пора. И такъ ужъ позамѣшкался... Не знаю, какъ и быть...

Выручила одна изъ бабъ, что были у колодца.

— Дядя Михей! Можетъ, я снесу теткѣ Катеринѣ... мнѣ по сосѣдству...

— Да развѣ что ты снесешь, Матрена... и Катеринѣ-то поможешь по вашему бабьему дѣлу. Ужъ ты отпусти ей, Софронъ Никитичъ, полфунтика, сдѣлай милость! Опосля того сосчитаемся... А мнѣ-то теперь поспѣшать надо!

— Да ужъ ладно, ладно... отпущу съ Матреной... А поспѣшать тебѣ очень-то не къ чему: Никитка, сказываютъ, еще за планомъ къ себѣ побѣжалъ... Не могу только я въ толкъ взять, Михей, какъ это вы землю-то дѣлить будете на обчество: вѣдь не обществомъ купили, а въ отрубахъ, въ полноличное, значитъ, владѣніе, каждый по себѣ. Что-то, братъ, тутъ мудрено сотворено.

Софронъ только притворялся, что не можетъ взять въ толкъ предстоящаго раздѣла земли. Онъ отлично зналъ всю сложную исторію этой покупки, зналъ, что всѣ 180 десятинъ смежной съ надѣломъ земли общество деревни Голодяевки издавна арендовало у сосѣдняго помѣщика, потомъ мужики заторговали ее, но закончить сдѣлку не успѣли: кто говоритъ, что доплатъ не со-

брали, а другіе объясняютъ тѣмъ, что мужиковъ просто съ толку сбили, увѣривъ ихъ, что земля и безъ того отъ нихъ не уйдетъ. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ землю мужики проморгали, и ее купилъ крестьянскій банкъ, для тѣхъ же, впрочемъ, голодяевцевъ и дешевле даже, чѣмъ приторговали они сами.

Но вотъ тутъ-то съ этой землей и началась канитель да неразбериха, какъ увѣряютъ голодяевцы. Сначала все шло по-хорошему: мужики продолжали пользоваться землей, арендуя ее у банка, но арендный платежъ нѣсколько затянули,—разсчитаемся, молъ, при покупкѣ. Банкъ уступалъ землю по своей цѣнѣ, накидывая только рубля по три на десятину за недоплаченную аренду, и чиновникъ банковскій похвасталъ даже на сходѣ, что общество получитъ землю почти на двадцать рублей съ десятины дешевле, чѣмъ сами за нее надавали помѣщику. Мужики видѣли, что дѣло дѣйствительно обернулось для нихъ выгодно, благодарили чиновника и банкъ, попеняли своимъ уполномоченнымъ и заторопились въ волость составлять посемейные списки. Но разъ какъ-то осенью пріѣхалъ въ Голодяевку другой чиновникъ, созвалъ сходъ, долго говорилъ о томъ, что мужики пользоваться землей не умѣютъ, рѣжутъ ее на полоски и цѣлую треть оставляютъ подъ толокой, а остальную пашутъ скверно и засѣваютъ чортъ знаетъ чѣмъ, и подъ конецъ рѣшительно объявилъ, что крестьянскій банкъ не будетъ продавать свою землю обществамъ и товариществамъ, а кто хочетъ имѣть землю, пусть покупаетъ въ единоличное владѣніе отрубными участками по 12 десятинъ каждый и выселяется изъ деревни на купленную землю. Сказалъ и уѣхалъ, а голодяевцы еще долго галдѣли на сходѣ, и такъ и этакъ перетолковывая все, что имъ говорилъ банковскій чиновникъ.

Сначала всѣмъ имъ показалось это очень хорошимъ. По крайней мѣрѣ въ первыя минуты послѣ отъѣзда чиновника чаще и громче другихъ слышались восклицанія одобренія и похвалы.

— А вѣдь онъ дѣло говорилъ!.. Это какъ есть!.. Башка, одно слово... Мозговатъ!.. И впрямь, что тутъ валандаться? По двѣнадцати десятинъ на домохозяина. Въ одномъ, братъ, кускѣ... Все на виду!..

Но когда первый порывъ прошелъ, стали соображать, что земли-то всего 180 десятинъ, а ихъ всѣхъ 78 дворовъ. Коли по 12 десятинъ, такъ всего 15 дворовъ получатъ, а остальнымъ куда дѣваться? Гдѣ скотину пасти?..

Сходъ загудѣлъ еще сильнѣе; въ отдѣльныхъ группахъ шла уже перебранка, возникли споры личные...

— Да вѣдь не всѣ пойдутъ на выселки... Ты-то пойдешь, небось... И очень просто!.. Не впервой избу-то палить!.. Никому не итти; не соглашайся, ребята!.. Коли такъ, всѣ на хутора... Ну, тронь, ну, тронь... Чего лѣзешь, арестантъ?.. Я те трону!.. Придумалъ тоже... Пахать не умѣешь... На хутора... Ну, ну...

Совсѣмъ стемнѣло, когда мужики стали расходиться, встревоженные и обозленные не столько на чиновника, привезшаго имъ такую новость, сколько другъ на друга.

Утромъ собрались опять и переругались еще больше. Уполномоченные рѣшили ѣхать въ волость, поскорѣе добыть посемейные списки и представить ихъ въ банкъ, чтобы закончить покупку обществомъ, какъ было прежде налажено. Въ банкѣ посемейные списки приняли, но продавать землю обществу наотрѣзъ отказались: не имѣемъ, говорятъ, права,—идите на хутора. Вернулись въ деревню уполномоченные темнѣе тучи.

Мужики собирались на сходъ нѣсколько разъ, ругались и спорили до вечера, но ни до чего договориться не могли.

Пріѣзжалъ земскій начальникъ, очень стыдилъ голодяевцевъ за ихъ пахоту, корилъ черезполосицей и тоже совѣтовалъ покупать отрубами, рисуя имъ самыя привлекательныя картины жизни на хуторахъ. Мужики соглашались, что-тѣмъ, кто купитъ, пожалуй, и будетъ хорошо, да какъ же быть съ остальными: вѣдь остальнымъ-то 63 дворамъ ужъ совсѣмъ, значитъ, петля,—надѣльной земли приходится по 4 десятины на дворъ, а заарендовать ужъ негдѣ... Соглашался и земскій, что дѣйствительно будетъ петля и что большинству податься некуда, но ничего, говоритъ, не подѣлаешь: банкъ продаетъ только въ единоличное владѣніе.

Уѣхалъ земскій, пріѣхалъ банковскій. Вышло еще хуже. Мужики загалдѣли:

— Коли такъ, никому не покупать: пусть такъ земля лежитъ,—никуда отъ насъ не уйдетъ!..

Чиновникъ заикнулся было, что банкъ будетъ продавать постороннимъ, которые пожелаютъ на хутора, а то и хохловъ выписать можно.

Сказалъ, да и самъ, кажется, не радъ былъ... Отлучиться пришлось зачѣмъ-то со схода... Въ земской избѣ сказывали потомъ, что выѣхалъ въ другое село по неотложному дѣлу...

Пріѣзжалъ изъ губерніи управляющій банкомъ съ исправникомъ и земскимъ начальникомъ; были землеустроители изъ уѣзднаго города...

Мужики попритихли какъ-то, но охотниковъ покупать землю хуторами не было. Такъ дѣло тянулось года два: чѣмъ злѣе ругались и горячились чиновники на сходѣ, тѣмъ тише и какъ-то покорнѣе становились мужики, а землю все-таки не покупали. Чиновники стали уже терять терпѣніе и впрямь хотѣли вызывать хохловъ. Раза четыре обмѣряли землю, каждый разъ все по-новому разбивая на отруба... Искали воду, копать колодцы пробовали...

Вдругъ являются въ банкъ 15 домохозяевъ изъ Голодяевки и заявляютъ, что они желаютъ купить отрубами въ единоличное владѣніе, но просятъ, чтобы ихъ пока не нудили къ переселенію...

— Что же, одумались? Поняли?—спрашиваютъ ихъ въ банкѣ.

— Поняли, — говорятъ. — Извѣстно, плетью обуха не перешибешь!..

— Да вѣдь вамъ же лучше будетъ!..

— Это какъ есть! Извѣстно, лучше,—соглашаются мужики.— Да только спервоначалу-то оно, какъ будто, неладно казалось!...

— То-то же!...

Въ банкѣ обошлись съ ними ласково, обѣщали повернуть дѣло однимъ духомъ и дѣйствительно не задержали. Въ концѣ зимы голодяевцы получили крѣпостные документы на пятнадцать отдѣльныхъ участковъ; пріѣзжалъ непремѣнный членъ землеустроительной комиссіи и очень хвалилъ за то, что рѣшились покупать отрубами... Удивило немного чиновника только одно обстоятельство: при прощаньѣ его благодарили и въ поясъ кланялись почти всѣ домохозяева деревни Голодяевки, а покупали только пятнадцать. Но онъ не придалъ этому особаго значенія, такъ какъ очень торопился въ другое село, гдѣ ему предстояло ликвидировать большое имѣніе.

Все это вспомнили и заново обсудили Софронъ съ Михеемъ во время своего разговора, въ который отъ времени до времени вставляли свое слово и бабы, что были побойчѣе. Софронъ говорилъ равнодушно, точно желая подчеркнуть, что это ему ни къ чему и что онъ только за мужиковъ опасается, какъ бы чего не вышло; въ словахъ же Михея, а въ особенности у бабъ, слышалась неподдѣльная тревога: по-нашему-то оно по-нашему вышло, а все какъ будто что-то неладно... не было бы какого грѣха...

Софронъ не прочь былъ бы толковать хоть до самаго обѣда, благо дѣлать-то ему было нечего, но Михей давно уже порывался взгромоздиться на свою буланку и ѣхать на межу, да все какъ-то стѣснялся, не умѣя отдѣлаться отъ не въ мѣру разговорившагося лавочника. Выручила та же баба Матрена, что вызвалась сходить къ его старухѣ.

— Что же, дядя Михей! Будетъ, что ли, медъ-то? Мнѣ ужъ пора, и такъ, поди, ребятишки дома осипли, кричавши,—сказала она, забирая ведра и подходя къ крыльцу.

Это вывело Михея изъ затрудненія, и онъ, не дослушавъ соображеній Софрона о томъ, что произойдетъ, если начальство, чего Боже упаси, да проѣхаетъ о дѣлежѣ земли, однимъ махомъ вскочилъ на лошадь и, отъѣзжая уже отъ крыльца, крикнулъ Софрону:

— Такъ ты отпусти, Никитичъ, полфунтика... Матрена снесетъ!..

— Да ужъ ладно, ладно, отпущу,—отозвался ему вдогонку Софронъ и, позвавъ Матрену, скрылся за дверью своей лавочки.

За околицей, на барской межѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ купчая земля острымъ клиномъ врѣзалась въ надѣльную, у межевого столба собрались всѣ домохозяева деревни Голодяевки. Кучка бабъ и ребятишекъ стояла поодаль, точно этимъ однимъ желая показать, что они понимаютъ всю важность дѣла, для котораго собрались мужики, и мѣшать не станутъ, а только поглядятъ, какъ старики будутъ дѣлить землю.

Михей привязалъ свою буланку къ телѣгѣ и вмѣшался въ толпу, стараясь пробраться ближе къ столбу, гдѣ на чьемъ-то армякѣ были разложены планы.

Мужики уже, видимо, накричались вдосталь и только теперь сообразили, что планы эти имъ ни къ чему.

— Отдать планы старостѣ,—пусть бережетъ, а землю дѣлить, какъ арендовали!..

— Тоже рендатель нашелся... Дѣлить, такъ по настоящему надо,—по душамъ, значитъ!..

— Да полно брехать-то!.. Какъ такъ по душамъ? У тебя восемь душъ, а въ доплатку внесъ одну красненькую. Ты за десять цѣлковыхъ шесть десятинъ хочешь получить? Ловокъ больно, дядя Семенъ! Верховъ-то по восемь рублей съ десятины пришлось... вотъ ты на свою десятку и получай десятину съ четвертью!..

— Какъ десятину съ четвертью? Да я по полторы десятины въ клину арендовалъ...

— Мало ли чего нѣтъ...

Послѣ долгихъ и горячихъ споровъ рѣшено было дѣлить землю по доплатамъ. Оказалось много недовольныхъ, но и они не могли не сознать въ душѣ, что иначе дѣлить было нельзя; обижались только на то, что не договорились раньше: думали, что дѣлить будутъ по душамъ, какъ надѣльную, и нѣкоторые поскупились на доплату, которую вносили всѣ, а въ банкъ представили отъ имени пятнадцати, наиболѣе надежныхъ, добросовѣстныхъ домохозяевъ.

Изъ-за мѣста нарѣзки споровъ еще вышло больше: всѣмъ хотѣлось получить полосы къ логу, гдѣ земля считалась «родимѣе». Всѣ кричали за разъ, и никто не хотѣлъ ничего слушать.

И угораздило же Никитку въ пылу спора крикнуть неразумное слово:

— Вы себѣ какъ хотите, а мнѣ чтобы безпремѣнно изъ м о е г о участка...

Его услышали... и вдругъ воцарилась такая тишина, что казалось, будто вся эта толпа, еще такъ недавно полная криковъ и движенія, мгновенно окаменѣла... Всѣ застыли въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ ихъ засталъ дикій окрикъ Никитки. Жутко, до боли жутко становилось отъ этой зловѣщей тишины, и всѣ были рады, когда наконецъ она разрѣшилась, хотя разрѣшилась

она и дико и безобразно. Дядя Михей, стоявшій ближе всѣхъ къ Никиткѣ, со всего размаха ударилъ его въ лицо, какимъ-то сдавленнымъ, не своимъ голосомъ прохрипѣвъ при этомъ только два слова:

— Твой... получай...

Отъ страшнаго удара Никитка зашатался и навалился на сосѣдей, но тѣ не поддержали его, разступились, и онъ тяжело рухнулъ на землю... Толпа озвѣрѣла, и въ поднявшихся крикахъ и гамѣ ничего уже разобрать было нельзя...

Было далеко за полдень, когда голодяевцы, разбивъ весь участокъ на полосы и намѣтивъ каждому двору мѣсто для ярового посѣва, подошли къ деревенской околицѣ и здѣсь еще разъ остановились, точно не рѣшаясь разойтись по домамъ, пока не будетъ сказано послѣдняго слова... Они, видимо, подбадривали сами себя, но у каждаго на душѣ было неспокойно: сомнѣніе въ прочности раздѣла закралось уже въ душу; подозрѣніе къ тѣмъ пятнадцати, на чье имя была закуплена земля, росло и крѣпло, какъ ни божились они, что «супротивъ міра не пойдутъ», что «владать землей всѣмъ по-божески, какъ прежде» и т. п. Едва ли не горячѣе всѣхъ божился Никитка, успѣвшій уже помириться съ Михеемъ, «саданувшимъ его безъ всякой къ тому надобности»: не будь у него синяка подъ глазомъ и разсѣченной, вспухшей губы, повязанной мокрой тряпкой, мужики, пожалуй, и забыли бы о недавней дракѣ на межѣ. Но его неумѣстное слово о «своемъ участкѣ» не забылось: оно-то и тревожило мужиковъ больше всего, оно-то и заставляло ихъ въ сотый разъ останавливаться и точно провѣрять себя:

— Такъ поняли, братцы?.. По совѣсти, значитъ... По-божески!..

— Поняли... По совѣсти... Чтобы, значитъ, ни-ни...

II.

Въ тотъ самый день, когда голодяевцы дѣлили на общество землю, купленную отрубами на имя своихъ однообщественниковъ, въ губернскомъ городѣ, въ кабинетѣ управляющаго отдѣленіемъ крестьянскаго банка, между самимъ управляющимъ и членомъ землеустроительной комиссіи, ликвидировавшимъ голодяевское имѣніе, шелъ слѣдующій разговоръ:

— Знаете, батенька мой,—говорилъ управляющій:—что-то у васъ съ голодяевцами неладно вышло!.. На прошлой недѣлѣ были у меня двое изъ нихъ... помните, братья Тюхины, что выдѣлялись по закону 9 ноября. Они толкуютъ что-то совсѣмъ несуразное: говорятъ, что голодяевцы купили землю обществомъ, обществомъ и пользоваться будутъ, а не въ отрубахъ...

— Да это они путаютъ, Василій Николаичъ,—перебилъ его ликвидаторъ.—Голодяевцы дѣйствительно хотѣли купить обще-

ствомъ, но вѣдь мы же имъ не разрѣшили... Выдано пятнадцать отдѣльныхъ купчихъ...

— Не купчихъ, а данныхъ,—поправляетъ управляющій.

— Ну, данныхъ, такъ данныхъ... Не все ли это равно? Купили отрубами, а вы говорите—общество...

— Я и самъ знаю, что купили-то отрубами, да пользоваться-то они хотятъ сообща, пополосно и деньги будто бы собирали со всѣхъ...

— Вы меня извините, Василій Николаевичъ,—начинаетъ горячиться ликвидаторъ:—я Святымъ Духомъ не могу знать, откуда они собирали доплаты, а вносили только тѣ, кто покупалъ... Имъ и планы выданы, на ихъ имя и документы составлены... А какъ они тамъ будутъ пользоваться, это ужъ вопросъ другой. Разъ онъ купилъ землю, онъ воленъ, какъ собственникъ, и въ аренду ее отдать, не всю, такъ часть... Кто же ему можетъ препятствовать? Такъ и генералъ въ комиссіи говорилъ, когда предводитель дворянства разсказалъ, что въ одномъ изъ его имѣній, проданныхъ банку (не въ нашей губерніи), мужики хоть и купили отрубами, а продолжаютъ пахать всю насквозь пополосно... Я-то тутъ при чемъ?

— Да вы не горячитесь, батенька мой, не горячитесь!.. Экой кипятокъ какой...

— Хорошо вамъ говорить, не горячитесь,—заговорилъ ликвидаторъ болѣе спокойнымъ тономъ.—А знаете ли вы, Василій Николаевичъ, сколько они мнѣ проклятые крови перепортили!.. Вѣдь уперлись черти, ничѣмъ ихъ не собьешь! Славу Богу, хоть изъ Петербурга тогда разрѣшили не настаивать на хуторахъ... Я ужъ радъ, что и такъ-то прошло... А скажите, пожалуйста, Василій Николаевичъ, генералъ говорилъ здѣсь что-нибудь о голодяевцахъ? Въ комиссіи онъ указывалъ на ликвидацію голодяевскаго имѣнія, какъ на примѣръ, что при извѣстной настойчивости всегда можно убѣдить крестьянъ въ преимуществахъ отрубнаго владѣнія передъ общиннымъ, и жалѣлъ только объ одномъ, что не настояли на хуторахъ. Но въ общемъ, повидимому, остался очень доволенъ.

— Онъ и здѣсь говорилъ объ этомъ,—отозвался управляющій, съ улыбкой посматривая на ликвидатора.—Говорилъ много о васъ. Вамъ голодяевцы, повидимому, сослужатъ хорошую службу...

— А что такое? Что онъ говорилъ?

— Да ничего опредѣленнаго, но только мнѣ такъ показалось, что какъ тамъ въ концѣ концовъ устроятся голодяевцы, сказать мудрено, а вотъ что вы устроитесь хорошо, такъ это вѣрно...

— Да скажите толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Не знаю, батенька мой. Вѣдь онъ со мною не откровенничалъ, а говорилъ только, что такіе люди (какъ вы, значитъ), такіе убѣжденные фанатики своего дѣла...

— Ну, ужъ вы скажете!—вспыхнулъ весь отъ пріятнаго волненія землеустроитель.

— Ужъ вѣрно вамъ говорю... Ждите вѣстей изъ Петербурга. Отсюда онъ выѣхалъ въ прошлый четвергъ, разсчитывалъ побывать еще въ двухъ губерніяхъ... Теперь, вѣрно, ужъ вернулся. Долго ли ему?..

Въ это время вошелъ курьеръ и доложилъ, что помѣщикъ Брынскій очень желаетъ видѣть господина управляющаго.

— Прикажете просить?—прибавилъ онъ, вытряхивая изъ пепельницы себѣ въ руку окурки и отходя къ двери въ пріемную.

— Ну, батенька,—заговорилъ управляющій, обращаясь къ члену землеустроительной комиссіи:—я при васъ его приму. Надо же это какъ-нибудь кончить! Комиссія ваша такъ понапутала въ этомъ дѣлѣ...

— Да при чемъ же тутъ комиссія? Вѣдь банкъ самъ потребовалъ, чтобы отрубами покупали...

— Ладно, ладно ужъ,—замахалъ руками управляющій и велѣлъ курьеру просить Брынскаго.

Дверь отворилась, и въ кабинетъ вошелъ тучный господинъ лѣтъ пятидесяти. Не доходя до стола, за которымъ сидѣли управляющій и членъ землеустроительной комиссіи, даже не поздоровавшись съ ними, онъ остановился посреди комнаты, поднялъ надъ собою руки и заговорилъ громко и быстро, насколько ему позволяла одышка, которой онъ, видимо, страдалъ.

— Да что же это вы со мной дѣлаете, господа? Вѣдь никакого терпѣнія съ вами не хватитъ! Два съ половиной года вы поджариваете меня на медленномъ огнѣ... Я здоровье изъ-за васъ потерялъ! Вѣдь вы...

— Позвольте, позвольте, Петръ Семеновичъ,—прервалъ его управляющій, подходя къ Брынскому и подавая ему руку.—Вы сядьте прежде всего и не волнуйтесь!..

— Да я не волнуюсь,—говорилъ Петръ Семеновичъ, здороваясь съ членомъ комиссіи и усаживаясь въ кресло:—я не волнуюсь; но вѣдь вы въ гробъ вогнать человѣка можете съ своимъ землеустройствомъ! Вѣдь опять отказъ!...

Управляющій безнадежно развелъ руками, какъ бы желая этимъ выразить ему свое полное сочувствіе и въ то же время полную невозможность чѣмъ-нибудь помочь въ этомъ дѣлѣ.

— Вамъ хорошо, Василій Николаичъ, разводить руками,—снова заволновался помѣщикъ:—а мнѣ-то каково? Вѣдь я два съ половиною года съ этимъ дѣломъ мучаюсь... Сами вы посудите... Запродалъ я свои полтораста десятинъ товариществу; потомъ вы говорите, чтобы это бросить и продать въ единоличное владѣніе, потому что тутъ пошло это самое землеустройство. Ну, что же... землеустройство, такъ землеустройство... Да и ссуды обѣщали

больше. Пришлось начинать съ начала, да и съ мужиками возня... Уломалъ, наконецъ, разбили на участки... Землеустроительная комиссія (онъ мотнулъ головой въ сторону непремѣннаго члена) высказалась за цѣлесообразность сдѣлокъ, отдѣленіе банка тоже...

— Ну, я-то не очень сочувствовалъ такой разбивкѣ,—прервалъ его управляющій.

— Сочувствовали или нѣтъ, это ужъ ваше дѣло, а все-таки разрѣшили, но зачѣмъ-то послали еще въ Петербургъ...

— Обязанъ былъ, Петръ Семеновичъ, обязанъ... неполномѣрные участки...

— Ну, обязаны, не спорю,—кто васъ тамъ разберетъ... Да вѣдь налажено все было, а теперь... бацъ—телеграмма, отказъ. Что же мнѣ теперь, зарѣзаться, что ли, или подождать, пока печенка сама лопнетъ?..

— Да успокойтесь вы, Петръ Семеновичъ, оставьте вы свою печенку въ покоѣ,—сказалъ управляющій, пододвигая къ себѣ со стола какую-то бумагу.—Вѣдь отказъ изъ Петербурга пока только условный... Не могъ же я вамъ въ телеграммѣ подробно все изложить: Не волнуйтесь вы, ради Бога, и выслушайте меня. Вѣдь вы запродали участками отъ 2 до 9 десятинъ на домохозяина. Но на такихъ участкахъ нельзя вести самостоятельнаго хозяйства: для этого нужны полномѣрные участки не меньше 12 и не больше 15 десятинъ. Банкъ окончательно вамъ не отказываетъ. Вотъ тутъ въ извѣщеніи сказано, что если участки будутъ полномѣрные, т.-е. отъ 12 до 15 десятинъ, то ссуды могутъ быть разрѣшены хоть сейчасъ; если же участки останутся маломѣрные, то надо, чтобы крестьяне покупали ихъ не въ единоличное владѣніе, а небольшими группами или однимъ товариществомъ. Потому, иначе вѣдь ссуды не будутъ обезпечены...

Петръ Семеновичъ вскочилъ съ кресла, весь побагровѣвъ, и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Да вы смѣетесь, что ли, надо мной? Какъ такъ товариществомъ? Да вѣдь банкъ же самъ велѣлъ по единоличнымъ сдѣлкамъ! Вѣдь я ужъ продавалъ товариществу чуть не три года тому назадъ...

— Ну, такъ нарѣжьте полномѣрными участками...

— Значитъ, опять крошить? Да и на какой дьяволъ мужику ваши полномѣрные участки? У него есть 7 десятинъ—онъ прикупаетъ 5, есть 9—прикупаетъ 2—3 десятины. Какъ же я ему буду навязывать 15, коли ему нужно только двѣ? Да и не осилитъ онъ ее...

— Можетъ свою надѣльную продать въ общество, а самъ переселиться на отрубной участокъ,—вставилъ и свое слово непремѣнный членъ:—выдѣлится по закону 9 ноября и продастъ...

— Даже ссуду обществу можно дать,—поддержалъ его управляющій:—по закону 15 ноября ссуды именно и выдаются на выкупъ надѣловъ отъ уходящихъ на переселеніе однообщественниковъ...

Петръ Семеновичъ былъ окончательно сбитъ съ толку. Повидимому, онъ ничего не понималъ изъ того, что ему говорили. Онъ слышалъ отдѣльныя слова: девятое ноября, пятнадцатое ноября, полномѣрный, маломѣрный,—но связать ихъ между собою никакъ не могъ. Онъ не могъ понять, зачѣмъ продавать надѣлъ, когда мужику нужно прикупить земли?.. и при чемъ тутъ 9 ноября, когда теперь мартъ, а не ноябрь...

Онъ долго смотрѣлъ на обоихъ какими-то мутными, остановившимися глазами, потомъ перевелъ ихъ въ уголъ... сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, остановился, опять пошелъ, добрался до окна и сталъ задумчиво смотрѣть на улицу...

Въ кабинетѣ было тихо... Никто не рѣшался прервать тяжелаго молчанія...

Все это окончилось какъ-то очень странно и для всѣхъ участниковъ этой тяжелой сцены совершенно неожиданно: Петръ Семеновичъ, точно въ какомъ-то раздумьѣ, повернулся отъ окна, но вмѣсто того, чтобы подойти опять къ столу и заговорить, онъ тихо направился къ двери и вышелъ изъ кабинета, не проронивъ больше ни одного слова. Едва ли даже онъ сознавалъ тогда, гдѣ находится, что дѣлаетъ и куда идетъ.

Не менѣе его были смущены управляющій отдѣленіемъ и непремѣнный членъ. Они долго сидѣли молча, избѣгая смотрѣть другъ на друга. Первымъ заговорилъ управляющій.

— Нѣтъ, это дѣйствительно... Это же чортъ знаетъ что такое! Это какое-то... я не знаю... это какое-то... землеустройство!..

Онъ былъ страшно взволнованъ. Онъ теперь только понялъ всю нелѣпость разыгравшейся сцены, въ которой самъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Ему было стыдно за себя. Онъ быстро отворилъ дверь въ пріемную.

— А гдѣ Петръ Семеновичъ?

— Такъ что они уѣхали,—доложилъ курьеръ:—одѣли пальто и вышли въ подъѣздъ...

— Онъ ничего не говорилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ничего не говорили. Они какъ будто нездоровы, не въ себѣ точно...

Крестьяне, ожидавшіе въ пріемной, воспользовались появленіемъ управляющаго, двинулись къ нему и, перебивая другъ друга, начали излагать свои просьбы. Однимъ изъ первыхъ заговорилъ мужикъ городской складки. Онъ говорилъ о томъ, что выдѣлился изъ общества по закону 9 ноября и желаетъ теперь продать свой участокъ въ 6 десятинъ сосѣду...

— Потому, какъ самъ-то я, значитъ, при своемъ дѣлѣ состою, съ землей, стало быть, не путаюсь, а ему она въ самый разъ... Да вотъ онъ и самъ тутъ!..

Стоявшій за его спиной мужикъ въ деревенскомъ армякѣ все время только кланялся, а когда рѣчь зашла о немъ, выдвинулся немного и молча протянулъ управляющему какія-то бумаги.

Это былъ планъ продаваемой земли. На немъ было изображено 14 мелкихъ черезполосныхъ участковъ самыхъ различныхъ величинъ и самыхъ причудливыхъ очертаній.

— Такъ неужели же здѣсь всего шесть десятинъ?—спросилъ управляющій, разсматривая планъ.

— Всѣ какъ есть, на двѣ души, значитъ.

— И дернула же тебя нелегкая выдѣляться въ такой черезполосицѣ! Ну, развѣ же такъ можно? Вѣдь этихъ участковъ и не найти потомъ... Ну, смотри самъ... Что это такое? Участокъ земли... или муха, что ли, насидѣла?..

Мужикамъ показалось, что начальство шутитъ; они заговорили громче, вольнѣе и почти всѣ разомъ.

— Кака тамъ муха? Землемѣръ и комиссія тутъ была, и земскій... Такъ они, стало быть, вонъ на томъ, что побольше!..

Управляющій счелъ нужнымъ прервать эти изліянія. Онъ заявилъ, что подъ такую черезполосицу банкъ ссуды не дастъ.

Подошелъ и членъ землеустроительной комиссіи, поглядѣлъ на планъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Какое же тутъ единоличное владѣніе?.. Общество еще могло бы купить такое крошево... И чего ты не выдѣлялся къ одному мѣсту?

— Да ужъ оченно торопили, вашескородіе... Гдѣ ужъ тамъ передѣла ждать. Хошь, говоритъ, къ одному мѣсту, хошь пополосно, а вотъ чтобы безпремѣнно до весны: потому, говоритъ, съ насъ тоже спрашиваютъ...

— А кто у васъ земскій начальникъ?

— Да Михайло Иванычъ!..

Непремѣнный членъ пожалъ плечами и сталъ прощаться съ управляющимъ.

— Какъ же вы думаете? Обществу еще, пожалуй, и можно бы было,—говорилъ управляющій, пожимая ему руку и отходя съ нимъ къ окну.

— Пожалуй, что такъ...

— Впрочемъ, позвольте, тутъ другая заковыка. Вѣдь архиповскому обществу отказали въ покупкѣ надѣловъ, выдѣленныхъ въ единоличное владѣніе...

— Но вѣдь тамъ, какъ будто, не то было...

— Да то самое... Нельзя, говорятъ, чтобы по 9 ноября выдѣляться въ единоличное владѣніе, а по 15 ноября выдѣленные уже участки опять продавать обществу и опять, значитъ, создавать общинное землевладѣніе...

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ... Тутъ что-то... право я не знаю... До свиданья, Василій Николаичъ. Мнѣ еще въ канцелярію забѣжать надо на минутку... Всего хорошаго!..

Непремѣнный членъ ушелъ... Управляющій ерошилъ себѣ волосы... Онъ чувствовалъ въ головѣ какую-то тяжесть. Пріемъ продолжался...

III.

А въ далекомъ Петербургѣ въ пріемной его высокопревосходительства въ это самое утро происходило вотъ что.

Были только свои. Общаго пріема не было. Чиновники сидѣли и ходили группами, тихо бесѣдуя между собой. У дверей кабинета стоялъ на вытяжку курьеръ, по борту сюртука увѣшанный серебряными и золотыми медалями разной величины. Отъ времени до времени дверь кабинета отворялась, изъ нея выходилъ кто-нибудь, въ тотъ же моментъ въ нее входилъ другой, дверь снова мягко закрывалась, и курьеръ снова застывалъ въ неподвижной позѣ.

Въ одной изъ группъ стоялъ чиновникъ особыхъ порученій Быстрицынъ, только что вернувшійся изъ командировки по дѣламъ землеустройства, и разсказывалъ о своей поѣздкѣ. Въ теченіе мѣсяца онъ облетѣлъ одиннадцать губерній, направлялъ ликвидацію банковскихъ земель, двигалъ внутринадѣльное разверстаніе, попутно разъяснялъ пріемы выдѣла изъ общины по закону 9 ноября, провѣрилъ гидротехническія сооруженія въ какой-то степи, предназначенной къ разбивкѣ на хутора, разрѣшилъ повыя ассигнованія на рытье абиссинскихъ колодцевъ, утвердилъ 769 ликвидаціонныхъ плановъ (изъ нихъ 92% на хутора, 7% на отруба безъ переселенія и около 1% въ общинное пользованіе—выгонъ внутри околицы и прогонъ для скота), подтянулъ того-то, поощрилъ этого...

Его слушали внимательно, но еще внимательнѣе соображали и подсчитывали, сколько онъ «наѣздилъ» за этотъ мѣсяцъ прогонныхъ, считая по шести лошадей по чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Это и былъ тотъ самый «генералъ», какъ сокращенно называютъ ихъ въ провинціи, мнѣніемъ и отзывомъ котораго интересовался въ отдѣленіи банка непремѣнный членъ землеустроительной комиссіи, такъ много испортившій себѣ крови съ голодяевцами и урезонившій-таки ихъ покупать землю не обществомъ, а отрубными участками въ единоличное владѣніе.

Въ пріемной тихо прозвенѣлъ звонокъ. Все стихло. Въ кабинетъ его высокопревосходительства прошелъ секретарь и, появившись черезъ минуту обратно, сдѣлалъ знакъ Быстрицыну:

— Васъ просятъ...

Мелкими шажками, слегка подпрыгивая на ходу, Быстрицынъ устремился къ двери и скрылся въ кабинетѣ его высокопревосходительства.

— Ну, какъ поѣздилось?—услышалъ онъ привѣтливый голосъ изъ-за письменнаго стола.

Быстрицынъ не видѣлъ еще лица своего начальника; онъ видѣлъ одну руку, протянутую ему навстрѣчу, и, только пожавъ ее, выпрямился наконецъ, взглянулъ прямо въ глаза его высокопревосходительству и приготовился говорить.

Его попросили сѣсть, и разговоръ начался.

— О подробностяхъ мы поговоримъ потомъ, а вы скажите мнѣ только общее впечатлѣніе. Ну, что же, дѣло идетъ, налаживается?

— Обязываюсь доложить, ваше высокопревосходительство, что дѣло не только налаживается, но оно уже налажено... Надо только видѣть, какъ крестьяне рвутся изъ общины... Землемѣровъ не хватаетъ... комиссіи завалены... о земскихъ начальникахъ и говорить нечего. Заѣхалъ я къ одному (совершенно неожиданно), такъ, повѣрите ли, ваше высокопревосходительство, его самого изъ-за стола не видно: все завалено приговорами о переходѣ на единоличное владѣніе съ выселеніемъ на хутора... Татары даже (у него татаръ много въ участкѣ) и тѣ разселяются... А вѣдь только и надо было, что объѣхать всѣ селенія и разъяснить. Онъ такъ и сдѣлалъ. А теперь и самъ не радъ: не могу, говоритъ, ваше превосходительство, прошу объ отставкѣ,—силъ моихъ нѣтъ! А чего тамъ въ отставку. Я поощрилъ даже его, пообѣщавъ доложить вашему высокопревосходительству.

— Ну, знаете... татары, вы говорите? Такъ ли это?

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, я самъ видѣлъ цѣлый рядъ общественныхъ приговоровъ... Трудно повѣрить, что дѣлается по деревнямъ... Я думаю такъ, что сдерживать даже придется...

— Ну, это-то почему?

— По соображеніямъ финансовымъ, ваше высокопревосходительство. Вѣдь необходимы пособія на переселеніе, обстройку, предметныя ссуды...

— На дѣло деньги найдутся, былъ бы только толкъ!.. Большая ломка, большая...

— Конечно, большая, ваше высокопревосходительство. Отсутствіе иниціативы у нихъ, а сдвинешь ихъ съ мертвой точки, имъ и удержу нѣтъ. Сами же потомъ рады, плачутъ и благодарятъ. Изволите припомнить, ваше высокопревосходительство, голодяевское сельское общество... Всѣ министерства завалили своими прошеніями, чтобы продать имъ землю въ общество; наотрѣзъ отказывались покупать въ единоличное владѣніе. Губернаторъ опасался даже волненій и въ прошломъ еще году говорилъ мнѣ, что ужъ не бросить ли лучше, пусть голодяевцы купятъ обществомъ, вѣдь они съ воли арендовали эту землю и безъ нея имъ прямо зарѣзъ... Но я, съ разрѣшенія вашего высокопревосходительства, настоялъ тогда и теперь

обязываюсь доложить, что голодяевцы купили землю отрубами и совершенно довольны. Моей заслуги тутъ нѣтъ: я творю волю пославшаго меня. Но непремѣнный членъ землеустроительной комиссіи... право, я его чуть въ чахотку не вогналъ съ этимъ дѣломъ. Онъ дѣйствительно заслужилъ всемѣрнаго поощренія. Вниманіе вашего высокопревосходительства къ этому выдающемуся работнику...

— Ну, скажите тамъ, чтобы отмѣтили его... къ почетной наградѣ...

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство.

— А голодяевцы, говорите вы, поняли все-таки наконецъ?

— Поняли, ваше высокопревосходительство, поняли...

Едва уловимое движеніе въ креслѣ... и Быстрицынъ поднялся. Аудіенція кончилась. Дверь безъ шума открылась и также безъ шума закрылась за ушедшимъ.

Его высокопревосходительство задумчиво смотрѣлъ передъ собой. Какъ будто что-то смутило его въ словахъ исполнительнаго чиновника... Да такъ ли все это? Такъ ли?..

Но дверь отворилась... Надо было продолжать пріемъ.

К. Бурляевъ.

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

(1812—1912 гг.).

СТО ЛѢТЪ тому назадъ, наканунѣ вступленія въ предѣлы Россіи союзныхъ войскъ подъ предводительствомъ Наполеона родился 6-го іюня 1812 года въ Симбирскѣ Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Незабвенный подвигъ русскаго народа—освобожденіе не только отечества, но и Европы отъ ига иноземнаго завоевателя, предъ которымъ она трепетала,—совпалъ съ рожденіемъ творца Обломова, наиболѣе яркаго олицетворенія русской косности, халатности, безволія, слабосилія...

Правда, «Обломовъ» появился 47 лѣтъ спустя, т.-е, уже послѣ Севастополя, но задуманъ онъ былъ гораздо раньше, когда блескъ русскаго оружія еще не потускнѣлъ, когда наша армія казалась непобѣдимою, когда Россія диктовала свою волю Европѣ. Именно въ эти годы расцвѣта внѣшняго могущества Россіи начали раздаваться въ литературѣ предостерегающіе голоса, обращенные къ тогдашней интеллигенціи и ядру будущей—къ помѣстному дворянству. Особенно эти голоса стали учащаться и усиливаться въ сороковыхъ годахъ. Тогда появились «Мертвыя души» и «Записки охотника»; тогда задуманъ былъ и «Обломовъ».

Что же заставило Гончарова бросить русскому обществу въ лицо обидную кличку, значеніе которой такъ хорошо разъяснено Добролюбовымъ? Русскій богатырь, новый Илья Муромецъ, помѣрялся силами съ непобѣдимымъ, повидимому, врагомъ, «тряхнулъ главою» такъ, что дерзкій упалъ гдѣ-то далеко «на невѣдомый грань», а Гончаровъ окрестилъ этого богатыря хотя тоже Ильею,

но уже не Муромцемъ, а Обломовымъ, которому-де уже не тридцать лѣтъ, а весь вѣкъ сиднемъ сидѣть... въ халатѣ.

Началось это, однако, какъ мы видѣли, не съ Гончарова. Смѣло можно сказать, что зловѣщія предостереженія, правда, сперва только отрывочно, стали раздаваться съ того момента, какъ русская интеллигенція въ лицѣ дворянства была раскрѣпощена.

Чѣмъ же это объяснить? Только вникнувъ въ этотъ вопросъ, мы поймемъ Гончарова.

При Петрѣ всѣ сословія должны были служить государству. Но при слабыхъ его преемникахъ первымъ въ борьбу съ правительствомъ вступило дворянство, чтобы, какъ выразился знаменитый верховникъ, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, «себѣ полегчить... себѣ воли прибавить». И если эта борьба на первый разъ окончилась пораженіемъ шляхетства, если Анна Іоанновна разорвала знаменитыя кондиціи, если дочь Петра старалась царствовать въ его духѣ, то при ея преемникѣ, слабомъ Петрѣ III, помѣстное дворянство заручилось манифестомъ 18-го февраля 1762 г. о вольностяхъ, торжественно подтвержденныхъ 23 года спустя екатерининской жалованной грамотой. Дворянинъ, несшій до того служебное тягло съ 15-тилѣтняго возраста, былъ освобожденъ отъ этого бремени и отнынѣ могъ свободно посвящать свое время и трудъ на что ему заблагоразсудится. Вдобавокъ еще крестьяне, которые доставляли ему возможность безъ всякихъ заботъ о своемъ матеріальномъ благополучіи нести государственную службу, остались за нимъ. Дворянинъ былъ въ 1762 г. освобожденъ съ землей и съ рабочей силой, которая осталась за нимъ почти цѣлый вѣкъ, т.-е. до 1861 года.

Какъ же воспользовался онъ своей свободой и матеріальной обезпеченностью? Русская литература дала краснорѣчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вслѣдъ за манифестомъ 1762 г. появился знаменитый «Бригадиръ» Фонвизина, а за годъ до дарованія Екатериною II жалованной грамоты увидѣлъ свѣтъ и «Недоросль». Бригадиръ, бригадирша, совѣтникъ, совѣтница, Простаковы, Скотининъ, Иванушка, Митрофанушка—вотъ тѣ люди, которымъ дана была свобода и власть распоряжаться крестьянами. Правда, въ комедіяхъ Фонвизина встрѣчаются и Добролюбовы, и Стародумы, и Правдины, и Милоны, но всякій чувствуетъ, что въ этихъ вымышленныхъ лицахъ сказываются больше идеалы автора, чѣмъ дѣйствительность: Стародумовъ было во всякомъ случаѣ мало, а Простаковы и Скотинины встрѣчались чуть ли не въ каждой усадьбѣ. Этотъ отрицательный взглядъ на носителей культурныхъ успѣховъ Россіи, на вершителей судьбы крестьянства все болѣе крѣпъ въ русской литературѣ. Она какъ будто вся превратилась въ безпощадный обвинительный актъ. Комедіи Фонвизина смѣнились книгою Радищева, затѣмъ читатель проливалъ слезы

надъ карамзинской бѣдной Лизой, опозоренной помѣщикомъ. Крыловъ началъ писать свои комедіи, изъ которыхъ одна содержитъ первый набросокъ того типа русскаго помѣщика, который получилъ такое полное воплощеніе въ гончаровскомъ Обломовѣ. Появляются пушкинская «Деревня», «Евгеній Онѣгинъ», «Герой нашего времени»,—этотъ «портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи», какъ его аттестуетъ Лермонтовъ, наконецъ создается галерея тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ покупаетъ мертвыя души...

Спустя 80 лѣтъ послѣ манифеста 18-го февраля 1762 г. возможны были Собакевичи, Маниловы, Ноздревы, Коробочки, Плюшкины, не какъ единичные типы, а какъ типы собирательные. Такъ воспользовалась тогдашняя интеллигенція, помѣстное дворянство, освобожденіемъ отъ служебнаго тягла. А двадцать лѣтъ спустя, въ дни раскрѣпощенія самихъ крестьянъ, помѣстное дворянство явилось на судъ исторіи съ пустыми руками: оно, за ничтожными исключеніями, ничего не сдѣлало для поднятія духовнаго и матеріальнаго благосостоянія крестьянства; мало того, оно почти ничего не сдѣлало и для обезпеченія собственнаго благополучія: обѣднѣніе и часто разореніе какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. А вѣдь помѣстное дворянство было главнымъ носителемъ культурныхъ успѣховъ страны, военнаго ея могущества, государственной ея силы и безопасности. Поэтому наша литература, изучая бытъ дворянства, создавая картины его жизни, не могла не признать, что строить процвѣтаніе страны на такомъ шаткомъ фундаментѣ значило подвергать риску всю ея будущность. Вотъ почему тотчасъ послѣ раскрѣпощенія дворянъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, даже во время расцвѣта нашего внѣшняго могущества, литература начала сомнѣваться и даже унывать. Севастополь, Плевна, Цусима оправдали эти сомнѣнія и это уныніе...

Но вполнѣ ли справедливъ такой приговоръ или, точнѣе говоря, исчерпывается ли имъ судъ нашей литературы надъ дворянствомъ?

Всякій внимательный читатель твореній корифеевъ родного слова не можетъ не замѣтить, что въ ихъ картины жизни дворянства входятъ два основныхъ элемента: самое изображеніе этой жизни и объясненіе причинъ, почему она во многомъ такъ безотрадна. Только у Гоголя въ первой части «Мертвыхъ душъ» дана просто галерея портретовъ тогдашнихъ помѣщиковъ, безъ всякаго поясненія причинъ, почему они во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельны.

Но за первой частью появилась вторая часть «Мертвыхъ душъ», и въ этихъ полусохранившихся геніальныхъ наброскахъ указаны

причины несостоятельности дворянъ съ такою прозорливостью и глубиною, что Гоголь предрѣшилъ работу послѣдующихъ писателей въ этой области.

Гоголевскій Тентетниковъ, какъ и Обломовъ, имѣетъ своего Захара, Михайлу, съ которымъ онъ, лежа въ постели, проводитъ все утро: Тентетниковъ, какъ и Обломовъ, мечтаетъ о приведеніи своего хозяйства въ порядокъ и составляетъ съ этою цѣлью всевозможные планы, которые такъ и остаются планами; Тентетникова, какъ и Обломова, можетъ только оживить, воскресить любовь; и Тентетниковъ имѣетъ свою Ольгу—Улиньку, дѣвушку, какихъ на свѣтѣ мало, но и такая дѣвушка не можетъ его спасти; наконецъ Гоголь, какъ и Гончаровъ, противопоставляетъ своему Тентетникову, совершенно несостоятельному хозяину, другого, образцоваго помѣщика, у котораго и «крестьянская свинья глядитъ дворяниномъ»,—Костанжогло, этого двойника Штольца.

Мы видимъ тутъ полное совпаденіе основной идеи и даже фабулы. Тѣмъ вдумчивѣе намъ надо отнестись къ этой основной идеѣ: она усиленно занимала двухъ корифеевъ нашей литературы и собственно зародилась уже у Крылова, потому что всякій безошибочно узнаетъ и Тентетникова, и Обломова въ слѣдующихъ стихахъ комедіи Крылова «Лѣнтяй», написанной въ самомъ началѣ XIX вѣка.

Даша. Сберется ѣхать.
Андрей. Нѣтъ, зѣвнетъ да вышлетъ вонъ.
Даша. Ну, то-то будетъ мужъ.
Андрей. О, любитъ лежебочить! Зато ни въ чемъ другомъ его нельзя порочить: не золъ, не сварливъ онъ, отдать послѣднее радъ и если бы не лѣнь, въ мужьяхъ онъ былъ бы кладъ. Привѣтливъ и учтивъ, при томъ и не невѣжа; радъ сдѣлать все, да только бы лишь лежа...

Какъ видно, Крыловъ, Гоголь, Гончаровъ, творя совершенно самостоятельно, сошлись на одномъ типѣ. Но только Гончарову удалось придать своему Обломову такую рельефность и пластичность, что Обломовъ изъ собственнаго имени превратился въ имя нарицательное. Тутъ Гончаровъ оказался большимъ художникомъ, и значеніе его въ этомъ отношеніи настолько общепризнано, что останавливаться на этомъ вопросѣ нечего. Но Гончаровъ сдѣлалъ гораздо больше; онъ далъ намъ не только Обломова: онъ въ немъ и въ другихъ герояхъ своей трилогіи далъ намъ такой полный обликъ русскаго помѣщика XIX вѣка, что остается только преклониться передъ этимъ изумительнымъ по глубинѣ и вѣрности изображеніемъ русской дѣйствительности, назвавъ Гончарова, вслѣдъ за поэтомъ, «вѣнчаннымъ славою нетлѣнной, безсмертныхъ образовъ творцомъ».

Лѣнь, косность, безволіе далеко не исчерпываютъ облика помѣщика XIX вѣка. Не всегда воспитаніе, полученное въ Обломовкѣ, приводило къ этому результату. Адуевъ-племянникъ, напримѣръ, очень дѣятельная, подвижная натура, не менѣе подвиженъ и дѣятеленъ Райскій. Но Адуевъ-племянникъ, когда послѣ всѣхъ своихъ увлеченій и похожденій, наконецъ, повидимому, вступаетъ на надлежащую дорогу, богато женится, получаетъ хорошее казенное мѣсто и навсегда отрекается отъ бредней молодыхъ лѣтъ, производитъ тяжелое впечатлѣніе, и читатель невольно вмѣстѣ съ Лизаветой Александровной вздыхаетъ о «прежнемъ Александрѣ». Вся кипучая дѣятельность Райскаго, всѣ его порывы приводятъ лишь къ тому, что изъ него вырабатывается диллетантъ—хотя, можетъ быть, и талантливый,—и вообще неудачникъ.

Въ чемъ же дѣло?

Всякій человѣкъ живетъ личной, общественной и государственной жизнью, поэтому и жизненная его цѣль должна быть личною, общественною и государственною. Въ жизни нормальнаго человѣка эти три цѣли находятся въ самой тѣсной связи, но бываетъ такъ, что не только отдѣльный человѣкъ, но и цѣлый общественный классъ живетъ исключительно личною жизнью и словно забываетъ, что онъ—членъ общества и государства.

Если взять Адуева-племянника, Обломова, Райскаго, то мы увидимъ, что общественная и государственная жизнь для нихъ почти не существуетъ. Послѣ того, какъ дѣятельность русскаго дворянина долгое время съ юныхъ лѣтъ до старости поглощалась государствомъ, онъ, получивъ свободу, пожелалъ жить исключительно для себя. Въ Обломовкѣ—«тамъ вѣчный праздникъ, тамъ сбываютъ съ плечъ работу, какъ иго». Тамъ 300 услужливыхъ Захаровъ избавляютъ барина отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ, одѣваютъ, кормятъ, холятъ его. Ни Адуеву-племяннику, ни Обломову, ни Райскому и въ голову не приходитъ, что они чѣмъ-нибудь обязаны хотя бы только тѣмъ крестьянамъ, которые на нихъ работаютъ. Всѣ три гончаровскихъ героя, правда, по старой памяти и потому, что скучаютъ въ деревнѣ, поступаютъ на службу, но какъ только служба перестаетъ имъ нравиться, они тотчасъ же выходятъ въ отставку. Райскій, состоя на службѣ, выводитъ оригинальное заключеніе, что «служба не есть сама цѣль, а только средство куда-нибудь дѣвать кучу люда, которому безъ нея незачѣмъ бы родиться на свѣтъ, и если бъ не было этихъ людей, то не нужно было бы и той службы, которую они несутъ». Понятно, что при такомъ взглядѣ на службу трудно было ее любить. «Кто же я?» спрашиваетъ Обломовъ.—«Что я такое? Подите, спросите у Захара, и онъ вамъ скажетъ: «баринъ». «Да, я—баринъ и дѣлать ничего не умѣю». Единственное, что Обломовъ умѣетъ, это—читать книги. Но знаетъ ли онъ, помнитъ ли то, что читалъ? Нѣтъ, «я

и книгъ не знаю»,—печально говоритъ онъ себѣ. Адуевъ-племянникъ пишетъ стихи и повѣсти, но убѣждается, что они ничего не стоятъ. Райскій и картины , и романы пишетъ, но и у него ничего путнаго не выходитъ.

Однако и Адуевъ-племянникъ, и Обломовъ, и Райскій были въ университетѣ. Неужели они ничего не вынесли изъ храма науки, неужели они могли оставаться Адуевыми и Райскими, и даже Обломовыми, прослушавъ курсъ университетской науки? Увы, могли! Университетъ ихъ училъ витать, какъ выражался еще Гоголь, въ «эмпиреяхъ» мысли, науки, искусства, но къ жизненному дѣлу ихъ мало подготовлялъ. Обломовъ говоритъ: «Съ высшей алгеброй не знаю, много ли у меня доходовъ... Вотъ я и не приспособился къ дѣлу, а сдѣлался просто бариномъ». Райскаго «готовили къ чему—никто не зналъ. Вся женская родня прочила его въ военную службу, мужская—въ гражданскую, а рожденіе само по себѣ представляло еще третье призваніе—сельское хозяйство. У насъ легко погнаться за тремя зайцами и поспѣть къ тремъ—миражамъ». Впрочемъ, Райскій побывалъ и на военной, и на гражданской службѣ, онъ бывалъ и въ деревнѣ, но вышелъ изъ него не воинъ, не администраторъ, не сельскій хозяинъ, а не то музыкантъ, не то писатель, не то живописецъ, не то скульпторъ, а вѣрнѣе всего тоже только «баринъ».

Ни гимназія, ни университетъ не внушали дворянамъ сознанія, что надо посвятить себя опредѣленному дѣлу. Если не всѣ помѣщики были лежебоки, если не всѣ были, какъ назвалъ Гоголь своего Тентетникова, коптителями неба, то что же собственно дѣлали помѣщики въ своихъ Обломовкахъ? Какъ истинный художникъ, Гончаровъ не далъ намъ ни одной картины помѣщичьяго разгула, помѣщичьихъ безобразій. Хотя все это, конечно, встрѣчалось часто, но все-таки недостаточно часто, чтобы этотъ разгулъ, эти безобразія могли быть признаны типичными. Усадьба въ дѣйствительности не была тѣмъ, чѣмъ изобразилъ ее поэтъ, или, по крайней мѣрѣ, смѣло можно сказать, что громадное большинство усадьбъ не было вертепами,

Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
Гдѣ только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

Какіе ужъ Титъ Титычи были Обломовы да Райскіе! По усадьбамъ жили обыкновенные люди, а не изверги, жили именно Адуевы, Обломовы, Райскіе, люди не слишкомъ порочные и не слишкомъ добродѣтельные, люди, которымъ ничто человѣческое не было чуждо, и у которыхъ въ душѣ часто теплилось, а иногда ярко горѣло стремленіе къ добру.

Но типичнымъ явленіемъ помѣщичьей жизни, несомнѣнно, была такъ называемая любовь. Она въ жизни каждаго человѣка играетъ болѣе или менѣе существенную роль. Но для празднаго человѣка или для человѣка, витающаго въ «эмпиреяхъ», она иногда заполняетъ все, кажется чѣмъ-то совершенно особеннымъ, неизмѣримо значительнымъ и важнымъ. (Вспомнимъ романъ Герцена съ его Наташей). Такое мѣсто она занимала и въ жизни русскаго помѣщика.

Возьмемъ ли мы Адуева-племянника, Обломова, Райскаго, мы увидимъ, что женщина имѣетъ въ ихъ жизни огромное значеніе. Адуевъ-племянникъ то и дѣло влюбляется, и любовь имѣетъ для него по большей части трагическій оттѣнокъ. Если возрожденіе Обломова къ лучшей жизни возможно, то только при посредствѣ женской любви. Райскій вѣчно находится въ погонѣ за женской красотой, влюбляется и въ Софью, и въ Марѳиньку, и въ Вѣру, и въ Ульяну Андреевну, съ ея античнымъ профилемъ.

Любовныя отношенія составляютъ главное содержаніе трилогіи Гончарова, и любовь у Обломова, даже у Райскаго, даже у Адуева-племянника—такое одухотворенное или же самоотверженное чувство, какое испытываютъ только люди съ чуткою, богатою и глубокою душою.

Обломовъ и Ольга! Обломовъ, коптитель неба, лежебока, не выходящій изъ халата, будущій мужъ Агаѳьи Матвѣевны, и Ольга—одинъ изъ самыхъ поэтическихъ женскихъ образовъ, созданныхъ не только русскою, но и всемірной литературой,—какъ могла прійти Гончарову мысль соединить ихъ для романа, который по сочности красокъ не уступаетъ шекспировскому гимну любви! Это кажется очень страннымъ. Но вотъ восторженный отзывъ дѣльца Штольца объ Обломовѣ: «Хочешь я тебѣ скажу,—говоритъ Штольцъ Ольгѣ:—отчего онъ (Обломовъ) тебѣ дорогъ, за что ты еще любишь его?.. За то, что въ немъ дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце. Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности... Пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ—никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа, такихъ людей мало, они рѣдки, это—перлы въ толпѣ».

Что Обломовъ дѣйствительно былъ таковъ, это фактически подтверждается его отношеніемъ къ Ольгѣ. Думать, что безволіе Обломова одно вызываетъ разрывъ между нимъ и Ольгой, значитъ не понять всей глубины драмы. Несмотря на всѣ свои отрицательныя стороны, Обломову все-таки удалось бы удержать Ольгу,

если бы онъ вѣрилъ, что можетъ составить ея счастье. Но онъ этому не вѣрилъ, какъ видно изъ того знаменитаго его письма, которое по глубинѣ нравственнаго чувства можетъ быть поставлено только рядомъ съ знаменитымъ отвѣтомъ Татьяны Онѣгину, когда тотъ добивается ея любви: Татьяна, любя, отрекается отъ Онѣгина, и Обломовъ, также любя, отрекается отъ Ольги, Татьяна для того, чтобы остаться честной, Обломовъ—для того, чтобы сознательно не сдѣлать Ольгу несчастной, т.-е. тоже, чтобы остаться честнымъ. Надъ любовью для Татьяны и для Обломова возвышается чувство, которое должно стоять выше личнаго счастья, чувство нравственнаго долга. Поэтому Обломовъ такъ слабо защищаетъ свое счастье, свою любовь, въ то время, какъ онъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, съ неиспытаннымъ еще въ жизни подъемомъ пишетъ свое знаменитое письмо, въ которомъ онъ навсегда отрекается отъ личнаго счастья.

И у одного ли Обломова мы встрѣчаемъ такое благородство чувства? Даже Адуевъ-дядя готовъ пожертвовать тѣмъ, что ему дороже всего въ жизни, когда онъ убѣждается, что жена его несчастна. Адуеву-племяннику только послѣ страшной душевной борьбы удается вытравить въ себѣ идеальныя стремленія, которыми онъ запасся въ Грачахъ, т.-е. въ своей Обломовкѣ. Райскій, далеко не богатый дворянинъ, шутя, по первому влеченію даритъ своимъ родственницамъ прекрасное имѣніе и въ сущности въ своихъ любовныхъ мечтаніяхъ если и подчиняется отчасти художническимъ наклонностямъ, то въ гораздо большей степени своей потребности видѣть другихъ счастливыми. Повидимому, онъ все носится съ своею собственною личностью, а на самомъ дѣлѣ инстинктивно живетъ для другихъ. Таковы люди, вскормленные Обломовками. Въ настоящее время, когда борьба за существованіе приняла такой ожесточенный характеръ, когда люди готовы жертвовать всѣми нравственными благами, чтобы вырвать у соперника лакомый для нихъ кусокъ, когда они часто разучились понимать не только, что̀ такое честь, но и что такое простая честность, Адуевы, Обломовы, Райскіе могутъ казаться наивными донъ-Кихотами. Но если въ удушливомъ чаду современной жизни нравственно опрятный человѣкъ еще не совсѣмъ задыхается, если еще сохранились оазисы, гдѣ дышится сравнительно легко, то только потому, что стародворянское благородство еще не окончательно вывелось въ Россіи—нѣтъ-нѣтъ да на насъ пахнетъ тѣмъ тепломъ, которое распространяли вокругъ себя Обломовы и Райскіе. Они по тонкости, благородству, хочется сказать, по красотѣ чувства—люди высоко-культурные. Очевидно, въ Обломовкахъ не только пили, ѣли, кутили; тамъ немало читали и размышляли. Такимъ образомъ, на крѣпостномъ трудѣ возникла своеобразная культура, превосходящая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ культуру другихъ странъ, хотя мы эту русскую

культуру и называемъ «барскою». Вѣдь русская литература, созданная почти исключительно дворянами, стоитъ очень высоко и даже завоевала міръ, и мы этому не удивимся, если вспомнимъ, что и классическая культура также выросла на трудѣ рабовъ, или по крайней мѣрѣ только благодаря труду рабовъ стала возможна.

Но Обломовки дали Россіи не только великолѣпную нашу литературу; они дали намъ еще другой, не менѣе благоуханный цвѣтокъ—русскую дѣвушку, русскую женщину. Если бы не было «барской» культуры, русская женщина XIX вѣка не стояла бы на той высотѣ, которая въ дивныхъ образахъ засвидѣтельствована и Пушкинымъ, и Гоголемъ, и Тургеневымъ, и Гончаровымъ.

Въ изображеніи русской женской души Гончаровъ былъ первоклассный мастеръ. Его женскіе типы (его Лизавета Александровна, Ольга, Вѣра, бабушка, Марѳинька) могутъ по отсутствію идеализаціи, по умѣнію уловить реальныя переживанія женской души и передать весь ихъ ароматъ выдержать сравненіе даже съ пушкинской Татьяной, не говоря о другихъ, менѣе совершенныхъ образахъ. Какъ же отнеслась русская женщина съ ея чуткой душой къ Адуеву-племяннику, Обломову, Райскому?

Она отвергла всѣхъ трехъ и какъ возлюбленныхъ, и даже просто какъ людей, но отвергла ихъ не съ ненавистью, не съ злобой, а жалѣючи, любя, сохраняя о нихъ добрую, даже благодарную память.

Но все-таки отвергла.

«Я узнала недавно только,—говоритъ Ольга Обломову:—что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобы было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова. Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... голубь; ты прячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю. Можешь ли научить меня, сказать, что̀ это такое, чего мнѣ недостаетъ, дать это все, чтобъ я... А нѣжность, гдѣ ея нѣтъ!»

Быть можетъ, если бы Ольга жила въ наше время, когда доброты, нѣжности въ мірѣ такъ мало, а злобы, жестокости такъ много, она воздержалась бы отъ этого суроваго, хотя и вѣрнаго упрека. Но Ольга жила болѣе полувѣка тому назадъ, когда русская женщина (и вѣчное ей за это спасибо) первая вмѣстѣ съ нашими великими писателями поняла, что избранникъ ея сердца не долженъ быть такимъ, какъ Обломовъ или Райскій. «Мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю», говоритъ Ольга. Это—огромная мысль, подъ которой скрывается все, что̀ пережили лучшія русскія женщины съ тѣхъ поръ, какъ началось раскрѣпощеніе русскаго человѣка. Каковъ

долженъ быть свободный русскій гражданинъ, достойный любви свободной русской гражданки,—вотъ вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго трудилась русская женщина и который съ необычайною ясностью и глубиною поставленъ Гончаровымъ въ его знаменитой трилогіи.

Свободной русской женщинѣ пуженъ не Обломовъ, не Райскій. Такъ кто же? Можетъ быть, Штольцъ или Петръ Ивановичъ Адуевъ? Въ самомъ дѣлѣ, оба они составляютъ прямую противоположность Обломову и Райскому; оба они люди энергичные, дѣятельные, даже лихорадочно-дѣятельные; оба они прекрасно знаютъ, къ чему стремятся. Адуевъ-дядя, по мысли автора, представитель тѣхъ русскихъ дворянъ, которые начали сознавать «необходимость труда, настоящаго, не рутиннаго, а живого дѣла въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ». Не знаю, вспомнилъ ли Гончаровъ, когда создавалъ своего Адуева-дядю, фонвизинскаго Стародума, уѣхавшаго изъ Петербурга въ «ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества», и откуда привозятъ домой «не поврежденными» и «душу», и «честь», и «правила»,— не знаю, вспомнилъ ли Гончаровъ этого фонвизинскаго дѣлового человѣка, но онъ, несомнѣнно, создалъ типъ русскаго дѣлового дворянина, соединяющаго государственную службу съ промышленною дѣятельностью и сохраняющаго не поврежденными и «честь», и «правила»; но Лизаветѣ Александровѣ, женѣ Адуева-дяди, все кажется, что ея мужъ «въ землѣ, гдѣ достаютъ деньги», потерялъ «душу». Она не уходитъ отъ него, какъ не ушла отъ своего мужа-генерала пушкинская Татьяна, но она вянетъ, чахнетъ и, что̀ ужаснѣе всего, даже не можетъ назвать причины своей болѣзни, потому что жизнь ея сложилась, по общепринятымъ взглядамъ, какъ нельзя лучше.

Между Петромъ Ивановичемъ Адуевымъ и Штольцемъ, однако, большая разница. Относительно перваго нельзя сомнѣваться, что онъ въ значительной степени потерялъ «душу». Но у Штольца, у этого представителя труда, знанія, энергіи, повидимому, «душа» есть. Съ нимъ Ольга какъ будто вполнѣ счастлива. Она его не отвергаетъ, а, напротивъ, охотно подаетъ ему руку, чтобы итти съ нимъ рядомъ до гробовой доски. И все-таки Ольга не вполнѣ счастлива. И въ жизни съ Штольцемъ ей какъ будто чего-то недостаетъ. «Что же это?—спрашивала она себя съ отчаяніемъ, когда вдругъ становилась скучна, равнодушна ко всему въ прекрасный, задумчивый вечеръ, или за колыбелью, даже среди ласкъ и рѣчей мужа... Она вдругъ какъ будто окаменѣетъ и смолкнетъ». И вотъ что странно! Она все вспоминаетъ Обломова. Она любитъ его «не попрежнему, но есть что-то,—говоритъ она:—что я люблю въ немъ, чему я, кажется, останусь вѣрна»... Очевидно, если бы она нашла въ Штольцѣ то, чему она осталась вѣрна въ Обломовѣ, то мысль ея не возвраща-

лась бы часто къ нему, какъ къ человѣку, котораго ей недостаетъ. Выходитъ, что Адуевъ дѣлаетъ Лизавету Александровну несчастной, но и Штольцъ не можетъ вполнѣ осчастливить Ольгу. Онъ начинаетъ сомнѣваться въ своихъ силахъ, ему становится страшно, онъ хочетъ во что бы то ни стало заглянуть въ душу Ольгѣ, быть счастливымъ попрежнему или навсегда разстаться съ ней. И по мѣрѣ того, какъ онъ заглядываетъ ей въ душу, ему улыбается «новый образъ не эгоистки Ольги, не страстно любящей жены, не матери-няньки, увядающей потомъ въ безцвѣтной, никому не нужной жизни, а что-то другое, высокое, почти небывалое»... Ему грезится «мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія»...

Вотъ что увидалъ Штольцъ въ душѣ Ольги. Ну, а самъ Штольцъ? Былъ ли онъ самъ участникомъ въ жизни своего поколѣнія? Вопросъ этотъ остается открытымъ въ романѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы начинаемъ догадываться, почему Ольга и Штольцъ не могли быть вполнѣ счастливы.

Но то, что не досказано въ «Обломовѣ», окончательно выясняется въ слѣдующемъ заключительномъ романѣ трилогіи.

Главная героиня «Обрыва», Вѣра, какъ извѣстно, отвергаетъ и Райскаго, и Волохова, и какъ будто даже Тушина.

О Райскомъ и говорить не стоитъ. Онъ, конечно, не могъ быть избранникомъ такой дѣвушки, какъ Вѣра.

Но Волоховъ, но Тушинъ?

Къ нимъ Вѣра относится одинаково серьезно, колеблясь въ своемъ выборѣ.

Въ чемъ же различіе между Волоховымъ и Тушинымъ съ одной стороны и Адуевымъ-племянникомъ, Обломовымъ и Райскимъ съ другой? Различіе въ томъ, что послѣдніе опредѣленной цѣли въ жизни не нашли (мы говоримъ объ Александрѣ Адуевѣ до того, какъ онъ окончательно подчинился вліянію дяди), а Волоховъ и Тушинъ имѣютъ опредѣленную жизненную цѣль, и цѣль эта содержитъ въ себѣ элементы не только личной, но и общественной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственной жизни.

Однако раньше, чѣмъ коснуться этой цѣли, мы должны для ясности въ двухъ словахъ остановиться на самой Вѣрѣ.

Какой она представляетъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ Лизаветой Александровной и Ольгой! Ни Лизавета Александровна, ни Ольга не выходятъ при обсужденіи вопроса о семейномъ своемъ счастьѣ изъ сферъ личной жизни. Лизавета Александровна чувствуетъ, что ее что-то давитъ, что она во всемъ стѣснена внѣшнею силою. Мужъ хочетъ богатѣть, мужъ добивается успѣха на государственной службѣ. Можетъ быть, все это очень важно, но важно

для него, а не для нея, а, можетъ быть, ни для кого не важно и только удовлетворяетъ его честолюбіе или тщеславіе. Ольга въ концѣ концовъ остановилась на Штольцѣ, но и тутъ оказалось, что онъ весь ушелъ въ стяжаніе, а для чего это стяжаніе—остается неяснымъ. И Лизавета Александровна, и Ольга, обѣ онѣ и представить себѣ еще не могутъ жизнь безъ друга, мужа,—самостоятельную жизнь съ опредѣленной общественной цѣлью.

Вѣра уже твердо разграничиваетъ личную и общественную жизнь. При выборѣ мужа она спрашиваетъ себя, любитъ ли онъ людей, правду, добро такъ, какъ она любитъ, одинъ ли у нихъ богъ, и, когда она, полюбивъ человѣка, убѣждается, что боги у нихъ разные, она отказывается отъ своего личнаго счастья, приноситъ его въ жертву своимъ общественнымъ идеаламъ. Маркъ хочетъ, чтобы она была только его ученицей, онъ не хочетъ видѣть въ ней сильнаго, равнаго, полноправнаго товарища. Она приноситъ въ жертву свою любовь и готова итти одна въ жизни, подчиняясь исключительно тому, что повелѣваетъ ей совѣсть, ея пониманіе любви къ людямъ, правды и добра. Вѣра отрекается отъ Марка не какъ человѣкъ, заботящійся исключительно о своемъ личномъ счастьѣ, а какъ дѣятель, сознающій свой общественный долгъ. Вѣра пала, но, «клоня голову отъ боли и стыда, пошла къ новой жизни уже другимъ, сознательнымъ путемъ». «До этого я не дописался,—прибавляетъ Гончаровъ:—оставляя это на долю другимъ, молодымъ и свѣжимъ силамъ... Будущій художникъ когда-нибудь скажетъ, какъ встали послѣ горькихъ опытовъ и до чего возросли русскія Вѣры на пути разумной, сознательной жизни».

На разрывѣ Вѣры съ Маркомъ Волоховымъ намъ надо остановиться подробнѣе.

Въ Маркѣ Волоховѣ соединяется энергическій дѣятель и человѣкъ, имѣющій опредѣленную общественную цѣль. Это, какъ ихъ тогда называли, —нигилистъ или, какъ мы теперь ихъ называемъ, революціонеръ. Самъ Гончаровъ называетъ его «радикаломъ и кандидатомъ въ демагоги» и говоритъ о немъ, что онъ—«честный, т.-е. искренній человѣкъ, не глупъ, съ нѣкоторой силой характера». И судя по дѣйствіямъ Волохова, у него всѣхъ этихъ качествъ даже весьма немало. Но Вѣра отшатнулась отъ него.

Вѣра ищетъ товарища, друга на всю жизнь; Маркъ предлагаетъ себя въ качествѣ самца, т.-е. предлагаетъ ей такъ называемую свободную любовь. Онъ указываетъ ей на кружащихся другъ около друга голубей, на мелькнувшую одна вдогонку другой ласточекъ. «Учитесь у нихъ, они не умничаютъ», пояснялъ онъ. Вѣра «прислушивалась къ обѣщаннымъ имъ (Волоховымъ) благамъ, читала приносимыя имъ книги, бросалась къ старымъ авторитетамъ, сводила ихъ про себя на очную ставку,—но не находила ни новой жизни, ни счастья, ни правды, ничего того, что̀ обѣщалъ, куда звалъ смѣлый

проповѣдникъ... Ея Колумбъ, вмѣсто живыхъ и страстныхъ идеаловъ правды, добра, любви, человѣческаго развитія и совершенствованія, показываетъ ей только рядъ могилъ, готовыхъ поглотить все, чѣмъ жило общество до сихъ поръ... Самый процессъ жизни онъ выдавалъ за ея конечную цѣль... Между тѣмъ, отрицая въ человѣкѣ человѣка съ душой, съ правами на безсмертіе, онъ проповѣдывалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ цѣлямъ, не замѣчая, что все это дѣлалось ненужнымъ при томъ указываемомъ имъ порядкѣ бытія, гдѣ люди, по его словамъ, толпятся, какъ мошки въ жаркую погоду въ огромномъ столбѣ... сталкиваются, мятутся, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни, чтобы завтра дать мѣсто другому такому же столбу. Да если это такъ,—думала Вѣра:—тогда не стоитъ работать надъ собой, чтобы къ концу жизни стать лучше, чище, правдивѣе, добрѣе! Зачѣмъ? Для обихода на нѣсколько десятковъ лѣтъ? Для этого надо запастись... умѣньемъ жить, такою честностью, которой синонимъ ловкость... чтобы было тепло, удобно». «И будемъ, какъ боги», говорилъ Маркъ. Онъ манилъ впередъ образами какого-то громаднаго будущаго, громадной свободы. Но Вѣра не пожелала быть богиней среди мошекъ и, послѣ страшной душевной борьбы, отвергла Волохова... Ей нужны были не могилы, не поваленные гробы, не разрушеніе всего существующаго для замѣны его неизвѣстно чѣмъ, если не считать предложенную Волоховымъ чисто-животную жизнь. Ей нужно было дѣло, къ которому она могла бы примкнуть всей душой, какъ къ цѣли, достойной свободнаго человѣка.

А Тушинъ? Вѣра его не отвергла, но стояла передъ нимъ въ нерѣшительности, какъ передъ человѣкомъ, котораго она не вполнѣ понимаетъ.

Дѣйствительно, Тушинъ въ герои любовнаго романа совсѣмъ не годился. Все въ немъ было слишкомъ просто, не заманчиво, не таинственно, не романтично. Про него нельзя было даже сказать просто: «умный человѣкъ». У него былъ своеобразный умъ, прямо обращенный на житейскія потребности. «Это умъ не одной головы, но и сердца, и воли. Такіе люди не видны въ толпѣ, они рѣдко бываютъ на первомъ планѣ. Острые и тонкіе умы съ бойкими словами часто затмеваютъ блескомъ такія личности, но эти личности большею частью бываютъ невидимыми вождями или регуляторами дѣятельности и вообще жизни цѣлаго круга, въ который поставитъ ихъ судьба». У Тушина, однако, возвышенный душевный строй—въ этомъ убѣдилась Вѣра, узнавъ, какъ онъ отнесся къ ея паденію. Она, кромѣ того, поняла, что онъ—человѣкъ, на котораго можно положиться, какъ на каменную гору. И чѣмъ болѣе она къ нему приглядывалась, тѣмъ болѣе ей раскрывалось нѣчто невѣдомое. Это была простая русская, практическая натура, исполняющая призваніе

хозяина земли и лѣса, перваго, самаго дюжаго работника между своими работниками. Онъ почувствовалъ и удержалъ въ себѣ красоту природной простоты и умѣлъ достойно нести ее, т.-е. цѣнить ее, вѣрить въ нее, быть искреннимъ, понимать прелесть правды и жить ею. Лѣсное его хозяйство шло великолѣпно. Мужики у него сами походили на хозяевъ. Все было въ образцовомъ порядкѣ. Масса лѣсного матеріала то и дѣло отправлялась въ Петербургъ и за границу. Но какая связь существовала между этимъ человѣкомъ, обществомъ и государствомъ?—вотъ вопросъ, которымъ задалась Вѣра, и на который она яснаго отвѣта себѣ дать еще не могла. Одно она понимала, что Волоховъ хочетъ сверху все разрушить, чтобы воздвигнуть новое зданіе, а какое—онъ самъ не знаетъ, а Тушинъ, ничего не разрушая, упорно и умѣло строитъ снизу. У Волохова, кромѣ разрушительной пропаганды, ничего не имѣлось за душой, а Тушину удалось устроить цвѣтущій уголокъ, гдѣ всѣ чувствуютъ себя на мѣстѣ и гдѣ распространяется общее благосостояніе. Если бы вся Россія состояла изъ такихъ уголковъ, то основная цѣль общества и государства была бы достигнута.

Вотъ передъ этимъ человѣкомъ и стоитъ Вѣра въ раздумьи. Разрушенная на днѣ обрыва бесѣдка—своего рода символъ. Она, какъ говоритъ Гончаровъ, была «маленькимъ Севастополемъ» для бабушки, и если продолжить аллегорію, то можно сказать, что бабушка олицетворяетъ Россію, а Вѣра—русское общество, колеблющееся до сихъ поръ между Волоховыми и Тушиными.

Таковы главныя дѣйствующія лица трагедіи, которая разыгралась не только въ знаменитой трилогіи Гончарова, но и въ самой жизни. Тутъ мы ея развязку переживаемъ до сихъ поръ.

Въ самомъ дѣлѣ, дворянская Россія дала намъ Обломовыхъ, Райскихъ, Александровъ Адуевыхъ—людей благожелательныхъ, часто стремившихся къ правдѣ и добру, въ даровитыхъ своихъ представителяхъ создавшихъ нашу литературу, содѣйствовавшихъ успѣхамъ искусства и науки, но почти совершенно неспособныхъ къ практической дѣятельности и поэтому приводившихъ и собственное, и крестьянское хозяйство въ полное разстройство. Они даже не сознавали, что сельское хозяйство—ихъ прямое дѣло. Претворившись въ нашей интеллигенціи, дворяне заразили своею непрактичностью, своею духовною отчужденностью отъ земли все русское образованное общество. Земля ему за это жестоко отомстила: она его отвергла и отвергаетъ до сихъ поръ, и ему приходится кормиться государственною службою, которую оно часто недолюбливаетъ или даже прямо ненавидитъ.

Такимъ стало подавляющее большинство русской интеллигенціи, и ужасно то, что только въ началѣ оно въ лицѣ дворянъ, не по-

забывшихъ историческихъ традицій, еще считало государственную службу прямымъ своимъ долгомъ, а впослѣдствіи начало смотрѣть на нее исключительно, какъ на дойную корову. Взглядъ этотъ ясно, какъ мы видѣли, высказанъ Райскимъ. Но можетъ ли процвѣтать страна, гдѣ «никто не вкладываетъ въ свой трудъ человѣческаго, сознательнаго умѣнья, а все везетъ свой возъ, какъ лошадь, отмахиваясь хвостомъ отъ какого-нибудь кнута»? И, подумаешь, почти вся Россія до сихъ поръ работаетъ такъ на службѣ гражданской, военной и всякой другой.

Но есть же Адуевы-дяди, есть Штольцы. Да, они, несомнѣнно, есть. Но и ихъ Гончаровъ охарактеризовалъ пророчески. Найдутся и у насъ практики, но, странное дѣло: практическаго умѣнья у нихъ хватаетъ развѣ на то, чтобы самимъ нажиться (и то не всегда), а для общественнаго дѣла у нихъ почти никогда практическаго умѣнья не бываетъ. Петръ Ивановичъ Адуевъ и Штольцъ развели у насъ многочисленное потомство, и хотя дѣльцовъ у насъ гораздо меньше, чѣмъ бюрократовъ, но все-таки мы ими не обижены; жаль только, что все это дѣльцы себѣ въ карманъ.

Но неужели нигдѣ просвѣта не видно, и русское общество состоитъ изъ однихъ идеалистовъ, не умѣющихъ осуществить своихъ идеаловъ, непрактичныхъ, неспособныхъ къ жизненной борьбѣ, изъ Обломовыхъ, Райскихъ, или практиковъ, работающихъ только для себя, для своего обогащенія или удовлетворенія своего тщеславія, изъ Адуевыхъ-дядей и въ лучшемъ случаѣ Штольцевъ? Нѣтъ, Гончаровъ этого не думаетъ. Его картина Россіи не такъ ужъ мрачна.

Но, чтобы ее охватить во всей ея широтѣ, намъ надо присмотрѣться, къ Гончарову въ тѣ моменты, когда онъ, рисуя детали своей картины, отдыхаетъ душой и вызываетъ такое же чувство въ читателѣ. Это бываетъ только, когда онъ изображаетъ человѣка, обладающаго «умомъ головы», «умомъ сердца» и «умомъ воли», и чѣмъ больше у человѣка этого умѣнья выбрать благородную, возвышенную цѣль, полюбить ее всѣмъ сердцемъ и осуществить ее въ жизни, чѣмъ гармоничнѣе эти три способности проявляются въ данномъ человѣкѣ, тѣмъ полнѣе отдыхаетъ Гончаровъ душой, тѣмъ радостнѣе то чувство, которое онъ возбуждаетъ въ читателѣ. Обломовъ, несомнѣнно, благородный человѣкъ и любить онъ умѣетъ, «но «ума воли» у него нѣтъ, и его жизнь производитъ удручающее впечатлѣніе, а его конецъ— это душу раздирающій плачъ надъ той помѣщичьей Россіей, которая дала русскую «душу», русскую литературу, русскую женщину, а сама такъ безславно погибаетъ. Какъ печальна судьба Лизаветы Александровны! Сколько въ ней чуткости, благородства, и какая она безвольная, какъ неспособна отстоять въ самой жизни хоть каплю своихъ душевныхъ сокровищъ! Райскій и Александръ

Адуевъ прямо раздражаютъ читателя своею неспособностью осуществить добрыя намѣренія, а отъ Адуева-дяди съ его высушеннымъ умомъ и философіей terre-à-terre вѣетъ прямо могильнымъ холодомъ.

Зато читатель веселѣетъ и испытываетъ чувство бодрости, когда знакомится съ гончаровскими героями противоположнаго типа, съ людьми, преслѣдующими болѣе или менѣе хорошую жизненную цѣль, любящими ее и умѣющими осуществить ее въ жизни. Какое освѣжающее впечатлѣніе производятъ по сравненію съ Райскимъ бабушка и даже Марѳинька—бабушка, которая гуманна и добра, никогда не думая объ этомъ, «горяча» къ ближнему, питаетъ довѣріе къ людямъ и добру, у которой «весь принципъ» не въ холодномъ сознаніи, а въ чувствѣ, въ симпатіи, въ натурѣ, которая всякаго умѣетъ пригрѣть, приголубить, а если надо, и выставить такъ за дверь, что тотъ на весь свой вѣкъ опозоренъ (читатель, конечно, вспомнитъ классическую сцену на званомъ завтракѣ съ Ниломъ Андреичемъ Тычковымъ), и Марѳинька, этотъ лучъ солнца въ сѣрой жизни, граціей, непосредственностью, добротой всѣхъ согрѣвающая и только къ этому и стремящаяся. И какъ ни высоко надъ Марѳинькой стоятъ Вѣра, Тушинъ и Волоховъ, преслѣдующіе широкія жизненныя цѣли и выдерживающіе упорную, подчасъ трагическую борьбу для ихъ достиженія, тѣмъ не менѣе и въ нихъ насъ, на ряду съ этимъ, прельщаетъ гармоничность ихъ натуръ, т.-е. мы цѣнимъ въ нихъ людей, умѣющихъ избрать себѣ возвышенную цѣль, посвятить себя ей и осуществить ее въ жизни.

Итакъ, дворянская Русь дала намъ индивидуальную «барскую» культуру, но это отнюдь не значитъ, что она застыла на возвышенныхъ и благородныхъ чувствахъ, нисколько не сознавая необходимости перейти отъ слова къ дѣлу. Не забудемъ только, что отрѣшеніе дворянства отъ практическаго дѣла, отъ заботы о землѣ, отъ службы не себѣ въ карманъ, а народу—должно было придать этимъ чувствамъ характеръ очень отвлеченный. Маниловщина стала общимъ явленіемъ. Не отъ фактовъ исходили въ Обломовкѣ, а отъ общихъ идей, и этимъ идеямъ, этому желанію, этой потребности видѣть общее благополучіе такъ рѣзко противорѣчила печальная, подчасъ даже возмутительная дѣйствительность, что назрѣвало и постепенно прочно сложилось убѣжденіе въ необходимости общей ломки, общаго разрушенія. Общая же ломка могла быть произведена только при помощи громаднаго рычага, какимъ всегда считали правительственную власть. Надо было во что бы то ни стало захватить ее въ свои руки, чтобы расчистить авгіевы конюшни накопившагося въ Россіи зла. Усилія же отдѣльнаго лица, какъ думали, ни къ чему не приведутъ. Захватить правительственную власть въ свои руки, однако, представлялось на первый разъ дѣломъ невозможнымъ, и поэтому приходилось довольствоваться пропагандой, под-

готовлять умы. На этой почвѣ и выросло революціонное движеніе, принявшее впослѣдствіи такіе широкіе размѣры и ярко отмѣченное Гончаровымъ въ лицѣ Марка Волохова. Не отрицая благородства побужденій революціонныхъ дѣятелей (благородствомъ своихъ общихъ стремленій Волоховъ и побѣждаетъ Вѣру), Гончаровъ не вѣрилъ въ успѣхъ ихъ дѣла. «Всѣ эти отрицатели и разрушители,—говоритъ онъ въ своемъ «Литературномъ Вечерѣ», этой яркой сводкѣ литературныхъ и политическихъ взглядовъ русскаго общества того времени:—если не обо что-либо другое, такъ о собственность лобъ себѣ разобьютъ». Пророчество это буквально сбылось лѣтъ 30 спустя, въ медовые мѣсяцы русской революціи, когда она мечтала о націонализаціи земли и даже объ обобществленіи орудій производства. Мало того, самъ Гончаровъ еще на десять лѣтъ пережилъ подтвержденіе своего скептицизма,—пережилъ 1 марта 1881 года, которое надолго отсрочило конституцію

Впрочемъ, этотъ скептицизмъ—заслуга уже не одного Гончарова. Всѣ наши крупные писатели второй половины XIX вѣка, какъ общеизвѣстно, недвусмысленно или очень рѣзко высказались противъ революціоннаго движенія, усматривая въ немъ одинъ только тормозъ и вредъ для культурныхъ успѣховъ Россіи и для воцаренія въ ней просвѣщенной свободы. И это свое убѣжденіе они имѣли мужество высказывать открыто подъ рискомъ утратить популярность (вспомнимъ, напримѣръ, что противъ Гончарова возстали даже такіе вліятельные въ то время писатели, какъ Салтыковъ-Щедринъ, окрестившій философію Гончарова «уличной», и Шелгуновъ, назвавшій его «талантливою безталанностью»).

Но возвышенность и благородство чувствъ, вскормленныхъ Обломовками, проявились и въ другомъ направленіи. Если Гончаровъ не вѣрилъ въ революціонную Русь, то онъ глубоко вѣрилъ въ ту Русь земскую, которая дала намъ земскіе соборы и на всемъ протяженіи нашей исторіи спасала родину и отъ внѣшнихъ, и отъ внутреннихъ враговъ, которая «бросилась навстрѣчу» великимъ реформамъ Царя-Освободителя и «туда уложила всѣ силы», которая—до этого не дожилъ Гончаровъ—спасла Россію и отъ смуты нашихъ дней, которая, какъ Антей, черпаетъ у матери-земли свои силы, или, какъ нашъ Микула Селяниновичъ, носитъ сумочку съ тягою земли и строитъ всѣ планы обновленія родины, идя отъ земли и возвращаясь къ ней. Гончаровъ и изобразилъ намъ такого дѣятеля въ лицѣ Тушина. Тушины—«наша настоящая партія дѣйствія, наше прочное будущее... Когда настанетъ настоящее дѣло, явятся вмѣсто утопистовъ работники Тушины на всей лѣстницѣ русскаго общества... Тушины сослужатъ службу Россіи, разработавъ, довершивъ и упрочивъ ея преобразованіе и обновленіе».

Кромѣ того, Гончаровъ вѣрилъ въ русскую женщину. Не даромъ онъ ею такъ много занимался въ своей трилогіи, не даромъ

онъ создалъ безсмертные образы Ольги, Вѣры, бабушки, Марѳиньки. Гончаровъ вѣрить въ возвышенный строй души русской женщины. Онъ говоритъ устами Райскаго русской женщинѣ: «Мы не равны, вы выше насъ, вы—сила, мы—ваше орудіе, мы сдѣлаемъ всю черновую работу, а вы, рождая насъ, берегите насъ, какъ провидѣніе, воспитывайте, учите труду, человѣчности, добру и той любви, которую Творецъ вложилъ въ ваше сердце,—и мы пойдемъ за вами туда, гдѣ все совершенно, гдѣ вѣчная красота. То-есть создайте насъ вновь для жизни духа, какъ вы создали насъ по плоти, вотъ гдѣ ваша задача». Гончаровъ вѣрилъ, что русская женщина должна быть и будетъ «матерью создательницею и участницей нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія», того поколѣнія Тушиныхъ, которое выведетъ родину на широкій путь преобразованной и обновленной жизни.

Гончаровъ не дожилъ до того времени, когда его вѣра начала осуществляться въ широкихъ фактахъ. Потребовались тяжелыя испытанія, чтобы забрезжилъ свѣтъ, чтобы общество поняло, кого слѣдуетъ считать истиннымъ работникомъ на родной нивѣ. Но во всякомъ случаѣ теперь, по прошествіи вѣка послѣ рожденія знаменитаго писателя, мы ближе къ вѣрному пониманію его глубокихъ идей, чѣмъ были, когда онъ жилъ среди насъ. Да утѣшится этимъ его свѣтлая память!

Р. И. Сементковскій.

И. А. ГОНЧАРОВЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ числѣ юбилеевъ, которыми такъ богато послѣднее время, одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ столѣтію со дня рожденія И. А. Гончарова—6 іюня настоящаго года.

Это обстоятельство, въ связи съ другими причинами, вызвало появленіе въ печати новыхъ данныхъ, устанавливающихъ факты жизни автора «Обломова» и выясняющихъ его истинный характеръ. Но лица, поставившія себѣ задачу дать обстоятельную и вполнѣ правдивую біографію этого замѣчательнаго писателя, а такихъ лицъ теперь нѣсколько,—еще очень далеки отъ желанной цѣли: дѣло находится въ фазисѣ собиранія и критической повѣрки матеріаловъ: публикуются его письма, неизданныя произведенія, офиціальные документы, воспоминанія о немъ и т. п.

Настоящая статья посвящается вопросу о поѣздкахъ Ивана Александровича за границу,—вопросу, который еще не нашелъ своего изслѣдователя, но который представляетъ значительный біографическій интересъ: если въ Петербургѣ Гончаровъ былъ не только писателемъ, но и чиновникомъ (иногда даже не столько писателемъ, сколько чиновникомъ), обремененнымъ служебными обязанностями, то въ Западной Европѣ онъ чувствовалъ себя исключительно литераторомъ, время котораго должно быть использовано для художественнаго творчества.

За границей его самочувствіе было обыкновенно лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ провелъ онъ большую часть своей жизни. Этому

содѣйствовали, конечно, прежде всего климатическія условія, всегда оказывавшія на него сильное вліяніе. Кромѣ того, онъ дорожилъ тамъ покоемъ отъ служебной и общественной сутолоки, окружавшей его дома. Въ качествѣ туриста или больного, онъ пользовался свободой, которую такъ цѣнилъ. При томъ любовь къ родинѣ уживалась у него съ признаніемъ преимущества европейской культуры. «Тамъ порядки лучше,—говорилъ онъ Н. И. Барсову,—спокойнѣе и свободнѣе живется» [1]).

Все это создавало для него условія, при которыхъ онъ могъ много и производительно работать надъ своими произведеніями: большая часть «Обломова» и «Обрыва» написаны имъ за предѣлами родины. Въ этомъ такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, сказалось сходство Ивана Александровича съ его великимъ предшественникомъ и отчасти учителемъ—Гоголемъ, художественно созерцавшимъ свою любимую Русь «изъ прекраснаго далека» [2]).

I.

Не считая кругосвѣтнаго плаванія на фрегатѣ «Паллада»,—составляющаго совершенно самостоятельный періодъ въ жизни И. А. Гончарова,—въ первый разъ онъ отправился за границу въ маѣ 1857 года, когда, по его собственнымъ словамъ, былъ вынужденъ «прибѣгнуть къ пособію минеральныхъ водъ» [3]). Извѣстно, что его здоровье, далеко не блестящее и до путешествія вокругъ свѣта, пострадало еще во время возвращенія его съ Востока въ Петербургъ черезъ Сибирь, въ осенніе и зимніе холода. Петербургскій климатъ и усиленныя служебныя и литературныя занятія довершили дѣло.

За границей онъ провелъ тогда четыре мѣсяца [4]). Оторванный отъ обычной обстановки, сосредоточившись въ себѣ и отдавшись

---

[1]) Н. И. Барсовъ. Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ. «Историческій Вѣстникъ», 1891 г., № 12, стр. 631.

[2]) Статья эта—одна изъ главъ большой работы объ И. А. Гончаровѣ, которая будетъ издана въ непродолжительномъ времени. За всякія поправки и дополненія, сдѣланныя въ печати или лично автору (Симбирскъ, Покровская, 16), онъ былъ бы весьма признателенъ.

[3]) Вторая автобіографія И. А. Гончарова,—стр. 583. Второй мы называемъ переизданную нами (въ «Вѣстникѣ Европы», 1907 г., № 2) по рукописи автобіографію, написанную Иваномъ Александровичемъ для «Сборника историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ о Симбирской губерніи за 1868 годъ», въ отличіе отъ первой его автобіографіи, помѣщенной въ «Русскомъ художественномъ листкѣ» за 1851 годъ, которая по рукописи же перепечатана г. Мазономъ («Русская Старина», 1911 г., № 10). При жизни автора обѣ эти автобіографіи были напечатаны анонимно; онъ говоритъ въ нихъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

[4]) Изъ формулярнаго списка (хранящагося въ архивѣ главнаго управленія по дѣламъ печати) видно, что онъ былъ уволенъ въ отпускъ за границу высочайшимъ приказомъ отъ 18 мая 1857 г. на 4 мѣсяца и возвратился въ срокъ.

художественному воспроизведенію далекой, но близкой его сердцу Обломовки, онъ на водахъ, въ Маріенбадѣ, довелъ почти до конца свой chef d'oeuvre,—второй романъ, первая часть котораго была написана еще въ 1849 году.

Изъ Маріенбада онъ отправился въ Парижъ, гдѣ засталъ,—какъ самъ говоритъ,—«двухъ-трехъ пріятелей изъ русскихъ литераторовъ и прочелъ имъ только что написанныя въ уединеніи... три послѣднія части «Обломова», за исключеніемъ послѣднихъ главъ, которыя дописалъ въ Петербургѣ» [1]).

Эти «пріятели изъ русскихъ литераторовъ» были И. С. Тургеневъ, В. П. Боткинъ и А. А. Фетъ.

О томъ, какъ слушалъ это чтеніе автора послѣдній изъ названныхъ писателей, откровенно разсказываетъ онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ то время я еще не дошелъ до пониманія эпическаго склада и его теченія, и потому случилось слѣдующее... Въ жаркій день въ небольшой комнатѣ стало нестерпимо душно, и продолжительное, хотя и прекрасное чтеніе наводило на меня неотразимую дремоту. По временамъ, готовый окончательно заснуть, я со страхомъ подымалъ глаза на Боткина и встрѣчалъ раздраженный взглядъ его, исполненный безпощадной укоризны. Но черезъ десять минутъ сонъ снова заволакивалъ меня своею пеленою. И такъ до самаго конца чтенія, изъ котораго я, конечно, не унесъ никакого представленія» [2]).

Но не только названнымъ друзьямъ своимъ читалъ свой романъ Иванъ Александровичъ, а также и другимъ лицамъ, въ числѣ которыхъ былъ, какъ извѣстно, В. П. Безобразовъ; послѣдній своевременно сообщилъ объ этомъ М. Н. Каткову, рекомендуя послѣднему пріобрѣсти «Обломова» для «Русскаго Вѣстника» [3]).

Изъ вышеназванныхъ воспоминаній А. А. Фета мы узнаемъ также вообще о близкихъ отношеніяхъ Гончарова, во время этого пребыванія его въ Парижѣ, какъ съ самимъ поэтомъ, такъ и съ Тургеневымъ и Боткинымъ. Иванъ Александровичъ жилъ въ одной съ ними гостиницѣ, ходилъ вмѣстѣ съ ними обѣдать въ ресторанъ и гулялъ по городу, при чемъ авторъ отмѣчаетъ страсть нашего писателя къ покупкамъ бездѣлушекъ, выразившуюся на этотъ разъ въ заготовленіи мелкихъ подарковъ знакомымъ петербургскимъ дамамъ [4]).

---

[1]) Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1899 Т. I, стр. 38—39.—Далѣе мы вездѣ цитируемъ по этому изданію.

[2]) А. Фетъ. Мои воспоминанія 1848—1889. Ч. I. М. 1890, стр. 201.

[3]) 17 октября 1857 г. Катковъ писалъ Безобразову: «Если вы дѣйствительно находите его (романъ «Обломовъ») важнымъ пріобрѣтеніемъ для «Русскаго Вѣстника», то не можете ли посовѣтовать Гончарову вступить со мною въ сношенія».—«Новое Время» 1901 г., № 9,140.—«Обломовъ» былъ пріобрѣтенъ за 10,000 рублей А. А. Краевскимъ, и авторъ его въ сношенія съ Катковымъ по этому поводу, очевидно, не входилъ.

[4]) А. А. Фетъ. Тамъ же, стр. 200—201.

Припомнилъ, уже въ глубокой старости, эту свою встрѣчу съ Фетомъ и Гончаровъ, который въ 1888 году писалъ поэту: «Я, пріѣхавъ вечеромъ въ Парижъ, узналъ отъ гарсона въ столовой, что вы живете въ томъ же отелѣ, гдѣ и я (помнится, Hôtel du Brésil), и что въ этотъ день была ваша свадьба. Я далъ гарсону свою визитную карточку, чтобъ онъ отнесъ ее вамъ утромъ, а самъ ушелъ гулять на бульваръ... но гарсонъ, какъ оказалось потомъ, ломился къ вамъ въ дверь съ карточкой въ тотъ же вечеръ, когда гости разошлись... Не знаю, кто былъ дуракъ: гарсонъ, избравшій удобную минуту, или я, не подождавшій съ карточкой до утра; теперь не помню» [1]).

Столь плодотворная въ литературномъ отношеніи первая поѣздка И. А. Гончарова за границу уже поэтому только, не говоря о леченіи, должна была вызвать у него желаніе вновь отправиться туда при первой же возможности. И дѣйствительно, черезъ два года онъ, уже прославленный авторъ «Обломова», опять взялъ четырехмѣсячный отпускъ, съ 22 мая по 22 сентября 1859 года [2]).

Его другъ, А. В. Никитенко, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, подъ 19 мая 1859 года: «Приходилъ Гончаровъ проститься. Онъ ѣдетъ за границу на четыре мѣсяца. Счастливецъ! И свобода, и югъ, и горы Шварцвальда, и Рейнъ!» [3]). Трудно сказать, являются ли послѣднія слова отраженіемъ приподнятаго настроенія самого Ивана Александровича предъ отъѣздомъ его за границу, или авторъ дневника выразилъ здѣсь свои собственныя чувства удрученнаго регулярной работой профессора и чиновника. Но если Гончаровъ дѣйствительно уѣзжалъ изъ Петербурга «счастливцемъ», то такое настроеніе продолжалось у него не во все время пребыванія за границей въ этомъ году.

По крайней мѣрѣ, письмо его къ А. А. Краевскому отъ 7 (19) іюля изъ Маріенбада [4]) проникнуто вовсе не веселыми думами и чувствами. Прежде всего состояніе его здоровья не позволяло ему усиленно, какъ въ 1857 году, заниматься литературой. «Сталъ было я пописывать,—сообщаетъ онъ:—но такъ повредилъ сидѣньемъ и присталной работой леченью, что долженъ былъ бросить. Я всталъ изъ-за письменнаго стола блѣдный, ходилъ цѣлый день какъ шальной и чувствовалъ шумъ въ головѣ и потому бросилъ; докторъ испугалъ

---

[1]) И. А. Гончаровъ А. А. Фету .«Русскій Архивъ» 1900 г., № 5, стр. 71—72.—Въ воспоминаніяхъ Фета читаемъ: «ходилъ съ нами обѣдать и Гончаровъ, пріѣхавшій на другой день нашей свадьбы и поселившійся въ той же гостиницѣ, какъ разъ надъ нами» (стр. 200): должно быть, карточка Ивана Александровича не была передана ему «въ тотъ же вечеръ».

[2]) Формулярный списокъ И. А. Гончарова.

[3]) А. В. Никитенко. Моя повѣсть.., записки и дневникъ. Спб., 1905. Т. I, стр. 568.

[4]) Письмо это находится въ Императорской Публичной библіотекѣ. Оно напечатано А. А. Мазономъ въ «Русской Старинѣ» 1911 г., № 10, стр. 60—62.

тѣмъ, что я могу нажить себѣ этимъ, при водахъ, другую сложную болѣзнь. Онъ вообще говоритъ, что по сложенію своему и темпераменту я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которымъ нужно какъ можно меньше дѣлать дѣло».

Къ Маріенбаду, гдѣ онъ пробылъ въ этотъ разъ полтора мѣсяца,— этому «самому красивому и самому скучному уголку по образу жизни, по образу леченія», и вообще къ Западной Европѣ онъ относится настолько равнодушно, что былъ бы не прочь скорѣе вернуться домой, если бы тамъ «не ждала (его) служба»: «Леченіе мое приходитъ къ концу: еще надо взять ванъ шесть, между прочимъ три изъ грязи: я уже одиннадцать взялъ и началъ было понимать удовольствіе свиньи валяться въ грязи, да вотъ скоро кончу и поѣду куда-нибудь, можетъ быть, въ Парижъ, а если полѣнюсь, то проведу остатки лѣта въ Дрезденѣ, потому что переѣзды изъ конца въ конецъ, безъ всякаго любопытства, безъ страсти видѣть новое, куда какъ утомительны». Говоря далѣе о своихъ предполагаемыхъ поѣздкахъ въ Булонь, Діепъ или Парижъ, онъ апатично замѣчаетъ: «мнѣ все равно».

Не имѣя возможности писать, онъ отъ нечего дѣлать читаетъ австрійскія газеты и остается ими очень недоволенъ. Онъ находитъ большое сходство «въ той брани и желчи на насъ, на французовъ, съ нашими газетами во время Крымской войны. Почти однѣ и тѣ же насмѣшки, нападки»... Съ удовольствіемъ читалъ бы онъ «Отечественныя Записки», а «С.-Петербургскія Вѣдомости» такъ и проглатывалъ бы»; но вмѣсто этихъ изданій «есть Bohemia, Bohem. Presse, Preussische Zeitung и т. д. Что за бумага, что за печать! Мерзость!»

II

Въ февралѣ 1860 года Иванъ Александровичъ временно оставилъ государственную службу и воспользовался своею свободой, чтобы вновь отправиться за границу какъ для леченія, такъ и—кажется, главнымъ образомъ—для окончанія давно задуманнаго и начатаго своего послѣдняго романа.

На этотъ разъ онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ А. В. Никитенкомъ и его семействомъ, благодаря чему въ дневникѣ послѣдняго мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, какъ проводилъ онъ время за границей.

Выѣхали они изъ Кронштадта 7 мая на пароходѣ «Прусскій Орелъ» и 10 мая прибыли въ Штеттинъ, откуда въ тотъ же день переѣхали въ Берлинъ. 16-го числа того же мѣсяца Никитенки пріѣхали въ Дрезденъ, гдѣ ихъ уже «дожидался» Гончаровъ.

О пребываніи въ Дрезденѣ Никитенко записалъ: ««22 мая. Дни проводимъ въ пріисканіи квартиры и прогулкахъ по городу съ Гончаровымъ, который одержимъ неистовою страстью бродить по городу и покупать въ магазинахъ разныя ненужныя вещи. Мы перепробо-

вали съ нимъ сигары почти во всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ сигарныхъ магазинахъ.—Чаще всего бываемъ мы на Брюлевской террасѣ.—На дняхъ ходили въ галерею, гдѣ я снова наслаждался созерцаніемъ Сикстинской Мадонны.—Сегодня ѣздили за городъ въ Вальдшлесхенъ. Чудесные виды... 23 мая. Прогулка въ Тарантъ со всей семьей и съ Гончаровымъ въ коляскѣ... 31 мая. Выѣхали въ Киссингенъ вмѣстѣ съ женою. Гончаровъ ѣхалъ съ нами до Плацена, откуда отправился въ Маріенбадъ».

Разъѣхавшись такимъ образомъ съ Иваномъ Александровичемъ по разнымъ курортамъ, они вновь встрѣтились во Франціи, въ Булони, 13 августа. «Здѣсь, на станціи желѣзной дороги,—заноситъ въ свой дневникъ Никитенко,—насъ очень радушно встрѣтили И. А. Гончаровъ и Я. К. Гротъ... 14 августа. Дождь. Тѣмъ не менѣе мы вмѣстѣ съ Гончаровымъ и Гротомъ отправились къ океану...И. А. Гончаровъ взялъ на себя въ Булони, которая ему уже издавна знакома, роль церемоніймейстера въ отношеніи ко мнѣ. Онъ свелъ меня къ океану и, какъ самъ выражается, «представилъ ему». Онъ же руководилъ мною въ устройствѣ дѣлъ моего купанья и рекомендовалъ мнѣ своего собственнаго купальщика: это бравый, сильный молодецъ, по имени Паранти. Послѣ мы все съ тѣмъ же Гончаровымъ бродили по городу—старинному, съ узкими улицами и высокими домами. Были въ крѣпости и на крѣпостныхъ бульварахъ, откуда широкій видъ на зарѣчную часть города и на океанъ».

И. А. Гончаровъ, какъ вездѣ, и здѣсь любилъ наблюдать толпу, ея обыденную жизнь. Вмѣстѣ съ Никитенкомъ онъ часто заходилъ въ таверну Мартена или, какъ они называли, Мартыныча. «Тамъ,—замѣчаетъ авторъ дневника,—между прочимъ, собираются и люди простого званія. Они тамъ пьютъ, ѣдятъ, курятъ, читаютъ газеты, но все это совершенно прилично. Пьяныхъ я видѣлъ всего только разъ—двухъ мастеровыхъ. Солдаты—люди молодые, бравые, развязные, но тоже показались мнѣ скромными для своего званія. Смотря на нихъ такъ, со стороны и въ спокойное время, трудно себѣ представить, что французы—это люди, надѣлавшіе столько революцій».

Въ Булони Никитенко оставался около трехъ недѣль. Отсюда онъ отправился въ Парижъ и вновь встрѣтился съ И. А. Гончаровымъ въ Дрезденѣ 10 сентября. Это вторичное пребываніе въ столицѣ Саксоніи оставило у нашихъ путешественниковъ хорошее воспоминаніе. Дни были свѣтлые, теплые, какихъ вообще немного выпало на ихъ долю въ то лѣто. 14 сентября Никитенко записалъ: «Усердно гуляемъ то въ Гросгартенѣ, то на Брюллевской террасѣ; то я безцѣльно брожу по городу съ И. А. Гончаровымъ, который продолжаетъ неистово заниматься покупками—въ настоящее время особенно сигаръ и стереоскопныхъ картинокъ съ видами. Сегодня были, между прочимъ, въ звѣринцѣ, который, впрочемъ, очень

малъ. Оттуда, по мосту, перешли черезъ Эльбу, обогнули Японскій садъ и вернулись по другому мосту. Уже смеркалось. Луна сіяла во всемъ своемъ блескѣ, и видъ съ мостовъ на Дрезденъ былъ прекрасенъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ Александровичъ находилъ время для работы надъ «Обрывомъ», отрывки изъ котораго читалъ иногда Никитенку. Объ этихъ чтеніяхъ въ дневникѣ послѣдняго (подъ 16 сентября) находимъ слѣдующую запись, показывающую, что въ то время послѣднее крупное произведеніе нашего автора подвинулось весьма значительно: «Вечеромъ Гончаровъ читалъ мнѣ новую, написанную имъ въ Дрезденѣ, главу своего романа. Онъ предъ тѣмъ уже читалъ мнѣ кое-что изъ него. Мѣста, мнѣ прочитанныя до сихъ поръ, очень хороши. Главная черта его таланта—это искусная тушевка, умѣнье оттѣнять вѣрно каждую подробность, давать ей значеніе, соотвѣтственное характеру всей картины. При томъ у него особенная мягкость кисти, и языкъ легкій, гибкій. Въ новой, сегодня читанной главѣ начинаетъ развертываться характеръ Вѣры. На этотъ разъ я не безусловно доволенъ. Мнѣ показалось, что характеръ этотъ созданъ на воздухѣ, гдѣ-то въ другой атмосферѣ, и принесенъ на свѣтъ сюда къ намъ, а не выдвинутъ здѣсь же изъ нашей почвы, на которой мы живемъ и движемся. Между тѣмъ на него потрачено много изящнаго. Онъ блестящъ и ярокъ. Я тутъ же подѣлился съ авторомъ моимъ мнѣніемъ и сомнѣніемъ».

И. А. Гончаровъ выѣхалъ въ Россію 18 сентября, а Никитенко временно остался въ Дрезденѣ. Прибывъ въ Петербургъ 26 сентября, Иванъ Александровичъ написалъ ему письмо, гдѣ описывалъ «бѣдствія, которыя претерпѣлъ въ дорогѣ, вслѣдствіе всякаго рода лишеній, проистекающихъ изъ нашей всероссійской дикости и неустроенности». Онъ предостерегалъ своего друга отъ того, «чему самъ подвергался» [1]).

Самъ И. А. Гончаровъ не былъ доволенъ этой поѣздкой, потому, вѣроятно, что въ то лѣто въ Европѣ стояла плохая, дождливая и холодная погода, а также вслѣдствіе неудовлетворительныхъ результатовъ заграничнаго леченія. «Я бросилъ службу,—писалъ онъ своей сестрѣ, А. А. Кирмаловой, 7 января 1861 года,—потомъ не совсѣмъ удачно съѣздилъ за границу, пилъ воды, купался въ морѣ, а осенью опять возобновились припадки печени, желчь и полнокровіе не даютъ покоя».

Эта неудовлетворенность поѣздкой 1860 года была причиною его колебаній при рѣшеніи вопроса, гдѣ ему провести лѣто слѣдующаго года. 21 февраля 1861 г. онъ пишетъ той же сестрѣ: «Можетъ быть, не пріѣду ли я на лѣто въ Симбирскъ по Волгѣ... Впрочемъ, я не навѣрное пріѣду. Мнѣ вездѣ все скучно и я не знаю,

---

[1]) А. В. Никитенко, op. cit., стр. 591–621.

что съ собой дѣлать». 7 мая того же года онъ уже болѣе рѣшительно склоняется въ пользу заграничной поѣздки: «Я, кажется, уѣду за границу недѣли черезъ двѣ,—конечно, уже въ послѣдній разъ, полечиться и поработать» (письмо ей же, Кирмаловой).

И дѣйствительно, онъ уѣхалъ за границу и побывалъ, между прочимъ, въ Швейцаріи, въ Парижѣ и Булони, какъ видно изъ письма его къ другой сестрѣ, А. А. Музалевской, отъ 20 сентября 1861 года, въ которомъ онъ отзывается о своемъ путешествіи иронически, смягчая свой пессимизмъ юмористической формой: «Вотъ тебѣ извѣщеніе о моемъ возвращеніи въ предѣлы отечества. Зачѣмъ я ѣздилъ и зачѣмъ возвратился?—спрашиваю себя и не знаю, что отвѣчать на это. «Поѣхалъ не-по-что, привезъ ничего», говаривала, бывало, маменька,не помню, по какому случаю. То же могу сказать, и о себѣ. Дѣла у меня теперь ни литературнаго, ни служебнаго нѣтъ, и я только даромъ небо копчу. О чемъ вамъ и допошу, государыня-сестрица». На слѣдующій день онъ пишетъ о томъ же другой своей сестрѣ. «Послѣ многаго шатанія по Европѣ, воротился я сюда такимъ же противнымъ старичишкой, какимъ поѣхалъ. Съ наступленіемъ осени начинаю испытывать тѣ же лихія болѣсти, какъ и прежде, слѣдовательно, ѣздилъ напрасно».

Намъ извѣстно, что въ это время Иванъ Александровичъ переживалъ мрачное состояніе безысходной тоски и апатіи, доходившей до того, что онъ даже забросилъ свой любимый литературный трудъ, отказавшись отъ окончанія «Обрыва». Тоски его не разсѣяло и «многое шатаніе по Европѣ» въ 1861 году, какъ не принесло оно пользы и его здоровью.

Поэтому Европа уже мало привлекаетъ его, хотя поѣздки туда сдѣлались для него одною изъ привычекъ, и на вопросъ: гдѣ онъ проведетъ лѣто, естественно прежде всего является мысль о заграницѣ, тѣмъ болѣе, что заграничныя путешествія съ каждымъ годомъ дѣлались все болѣе и болѣе удобными. Такъ и въ 1862 году онъ намѣревался сдѣлать свое обычное турнэ по Европѣ. «Я надѣюсь скоро уѣхать куда-нибудь за границу, въ Богемію, къ карлсбадскимъ минеральнымъ водамъ, недѣль на шесть, полечиться отъ желчи, — писалъ онъ А. А. Кирмаловой 3 апрѣля 1862 г.:—а если не поѣду туда, то явлюсь въ Симбирскъ, и тогда заѣду повидаться къ тебѣ. Теперь отсюда хорошо ѣздить за границу: желѣзная дорога ведетъ прямо изъ Петербурга въ Берлинъ, Парижъ и всюду. Отсюда въ Парижъ можно доѣхать въ трое сутокъ. Но въ Парижъ я не хочу, онъ мнѣ надоѣлъ, и вообще за границей мнѣ все знакомо и новаго ничего нѣтъ; вотъ только въ Италіи не былъ, да и не поѣду, далеко и по-итальянски не знаю». Въ концѣ концовъ онъ отказался отъ предположеннаго путешествія и лѣто 1862 года провелъ въ родномъ Симбирскѣ.

Въ 1863 году, когда Иванъ Александровичъ былъ вновь на государственной службѣ, онъ «мечталъ было» ѣхать за границу, но этому помѣшали, вѣроятно, «происшествія на границѣ, въ Польшѣ». 15 мая этого года онъ увѣдомлялъ Кирмаловыхъ, что, узнавъ о пріѣздѣ въ Москву родныхъ, онъ «ощутилъ радость. даже отдумалъ ѣхать въ Карлсбадъ, тѣмъ болѣе, что на границѣ не покойно, а за границею къ русскимъ не ласковы, и придумалъ пріѣхать въ Москву, пожить тамъ съ мѣсяцъ» съ ними, а потомъ «сплыть до Симбирска, пробыть тамъ недѣлю, послѣ на недѣлю заѣхать въ Хухорево, посмотрѣть на всѣхъ (нихъ)... и воротиться къ августу домой»... «Я,—прибавляетъ онъ,—даже и министру сказалъ, что я едва ли поѣду за границу, а скорѣе на Волгу, въ отвѣтъ на что его превосдительство одобрительно кашлянулъ». Въ дѣйствительности, какъ видно изъ его формулярнаго списка, въ 1863 году И. А. Гончаровъ отпускомъ не пользовался и изъ Петербурга не уѣзжалъ.

III.

Такимъ образомъ, ни въ 1862, ни въ 1863 гг. Иванъ Александровичъ не былъ за границей. Зато, начиная съ 1864 года, въ теченіе всѣхъ остальныхъ шестидесятыхъ и, по крайней мѣрѣ, первыхъ семидесятыхъ годовъ, онъ постоянно проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ Западной Европѣ: мы имѣемъ точныя свѣдѣнія объ его поѣздкахъ туда въ 1864—1871 годахъ.

Обычно онъ ѣхалъ сначала куда-нибудь на воды, въ Маріенбадъ, Киссингенъ или Баденъ-Баденъ, а затѣмъ, черезъ Парижъ, въ Булонь, гдѣ купался въ морѣ или бралъ ванны.

Какъ извѣстно, съ 1863 по 1867 гг. онъ состоялъ членомъ совѣта по дѣламъ книгопечатанія, преобразованнаго въ 1865 году въ совѣтъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Служба эта представляла для него немало терній, но была удобна въ томъ отношеніи, что больной писатель имѣлъ возможность каждый годъ пользоваться трехчетырехмѣсячнымъ отпускомъ и проводить лѣто за границей, гдѣ онъ обычно лечился и занимался литературнымъ трудомъ.

Совершенно не печатаясь въ это время и не имѣя сбереженій, онъ долженъ былъ жить и лечиться на содержаніе, получаемое по службѣ, которымъ едва покрывались его текущіе расходы. Поэтому, отправляясь за границу, онъ получалъ содержаніе, причитавшееся ему за время отпуска, которое и выдавалось ему, въ видѣ пособія, съ особаго каждый разъ высочайшаго разрѣшенія [1]).

Въ 1864 году онъ былъ въ Карлсбадѣ вмѣстѣ съ графомъ А. К. Толстымъ, окончившимъ тогда «Смерть Іоанна». Сообщая своей женѣ о чтеніи этого произведенія Гончарову (27 іюня), авторъ между

[1]) Это видно изъ его формулярнаго списка.

прочимъ говорить: «Онъ (т.-е. Гончаровъ) восхитился, но ты никогда не отгадаешь, что онъ осудилъ и даже сказалъ, что онъ на это негодуетъ. Зачѣмъ сбылось предсказаніе волхвовъ? Это, молъ, невозможно. И зачѣмъ въ «Серебряномъ», котораго онъ ставитъ очень высоко, сбывается предсказаніе мельника. Про «Серебрянаго» онъ говоритъ, что это—подвигъ, и что меня только тогда оцѣнятъ, когда я умру,—а появленія «Смерти Іоанна» уже ждутъ со злобою, чтобы на нее напасть и уничтожить. Онъ же говоритъ, что она такъ хороша, что въ нашей литературѣ нѣтъ ничего ей подобнаго, исключая «Бориса Годунова». Онъ о ней пишетъ Тургеневу и все говоритъ про нее и относится ко мнѣ съ почтеніемъ, а за предсказаніе даже сердится. Онъ очень добрый и скромный...» [1]).

Наиболѣе подробныя и очень интересныя свѣдѣнія мы имѣемъ о пребываніи Ивана Александровича и его времяпровожденіи за границей въ 1866 и 1867 гг., какъ отъ него самого, такъ и отъ другихъ лицъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, онъ пишетъ 19 іюля 1866 г. А. Г. Тройницкому, бывшему въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ [2]): «Наконецъ я въ Парижѣ, въ томъ самомъ городѣ, за лишнее пристрастіе къ которому» онъ будто бы несъ отъ Тройницкаго «постоянную и незаслуженную укоризну». Ранѣе онъ не писалъ своему корреспонденту потому, что «недавно только вступилъ на нейтральную землю, а до тѣхъ поръ былъ все въ воюющихъ владѣніяхъ, откуда письма или вовсе не доходили, или доходили, напримѣръ, отъ Маріенбада до Петербурга, вмѣсто четырехъ, въ одиннадцать дней».—«Я,—продолжаетъ И. А. Гончаровъ,—даже участвовалъ отчасти, хотя пассивно, въ военныхъ дѣйствіяхъ, а именно бѣжалъ, вмѣстѣ съ саксонцами и другими нѣмецкими національностями, отъ пруссаковъ, съ которыми наканунѣ пилъ въ Берлинѣ за ихъ первый успѣхъ. Не доѣхавъ за одну станцію до Маріенбада, я узналъ, что оттуда всѣ разъѣзжаются, и даже докторовъ тамъ не найду, я въ тотъ же вечеръ пустился назадъ черезъ Лейпцигъ въ Берлинъ, чтобъ выждать тамъ, чѣмъ рѣшится дѣло и куда можно ѣхать. Но въ ту же ночь пруссаки заняли лейпцигскую дорогу и сняли рельсы, а къ утру вошли въ самый Лейпцигъ. Не доѣзжая до него часа за два, намъ всѣмъ, пассажирамъ, объявили, что дальше ѣхать нельзя, и чтобъ мы шли, куда хотимъ. Тутъ же выложили на платформу и нашъ багажъ. Пассажиры стали было приставать къ кондукторамъ съ вопросомъ, что имъ дѣлать, и получили отвѣтъ: «Zum Teufel! Мы и сами не знаемъ, что съ нами будетъ черезъ часъ.

---

[1]) Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Спб., 1908. Т. IV стр. 111.

[2]) Письма И. А. Гончарова къ А. Г. Тройницкому мы цитируемъ здѣсь по подлинникамъ. Въ нашихъ «Матеріалахъ» («Вѣстникъ Европы», 1908 г., № 12) они помѣщены съ нѣкоторыми, хотя и очень незначительными, сокращеніями.

Ступайте вонъ туда или туда». И указали на зеленыя поля съ хлѣбомъ и на городокъ Рейхенбахъ. Однако я еще не успѣлъ окончить свою mauvais quart d'heure, сидя на чемоданѣ, какъ тѣ же кондукторы, потолкавъ всѣхъ насъ назадъ въ вагоны, помчали поѣздъ обратно на всѣхъ парахъ, захватывая по дорогѣ пустые вагоны, чтобы прусаки не могли воспользоваться ими и настичь насъ»... Въ полдень онъ опять пріѣхалъ въ Эгеръ, а въ 4 часа bon gré mal gré—въ Маріенбадъ и нашелъ тамъ, вмѣсто обыкновеннаго числа посѣтителей, т.-е. 1,500 человѣкъ, всего 250 партій, и изъ нихъ около десяти русскихъ. Они жили тамъ и лечились «подъ самыми дурными впечатлѣніями»: ежедневно получались тревожныя извѣстія о томъ, что пруссаки ихъ обходятъ кругомъ, что дороги будутъ разрушены, такъ что нельзя было предвидѣть, когда, куда и какимъ путемъ можно будетъ выѣхать. Послѣднее обстоятельство приводило Ивана Александровича въ отчаяніе, а потому какъ его леченіе, такъ и работа «пошли прахомъ». Между тѣмъ, объясняетъ онъ, «эти двѣ цѣли только и побудили меня поѣхать нынѣшній годъ. Другихъ у меня нѣтъ, да и быть не можетъ. Собственно же шатанье безъ цѣли, хотя его и возводятъ въ степень путешествія, для меня теперь не имѣетъ никакого смысла. Я не нахожу нигдѣ никакого удовольствія, не исключая и Парижа. Въ Баденъ-Баденѣ я провелъ пріятно время потому, что нашелъ тамъ Тургенева, Боткина... и многихъ другихъ знакомыхъ». Проѣхать прямымъ путемъ изъ Маріенбада на западъ было нельзя, и онъ долженъ былъ отправиться черезъ Мюнхенъ и Штутгартъ. «Теперь,—продолжаетъ онъ,—я отправляюсь къ морю—въ Boulogne sur mer, на которое и возлагаю всѣ свои надежды, т.-е. на избавленіе меня отъ тика и отъ ревматизмовъ или подагры: доктора все еще не могутъ разобрать—отъ чего мнѣ больно, отъ того или отъ другого... Здѣсь, въ Парижѣ, такъ же теперь нехорошо, какъ въ Петербургѣ: духота, постройки, передѣлки и пустота. Говорятъ, есть и холера, но о ней мало слышно. Докторъ сказывалъ, что она появляется въ простомъ народѣ, отъ дурной пищи, отъ спанья на травѣ и отъ пьянства. Поэтому здѣшніе городовые не позволяютъ въ Тюльерійскомъ саду и въ Булонскомъ лѣсу даже сѣсть на траву».

Шутливо оправдываясь въ своей слабости къ Парижу, онъ говоритъ, что проводитъ тамъ время такъ же, какъ въ Петербургѣ, на Моховой, съ тою только разницею, что дома ему покойнѣе; онъ ходитъ для моціона только въ Тюльери и Champs Elysés и никого не видитъ. Мысленно онъ переносится даже въ совѣтъ по дѣламъ книгопечатанія и завидуетъ своимъ сослуживцамъ, гулявшимъ подъ липами Лѣтняго сада въ то, напримѣръ, время, когда его и другихъ пассажировъ «выгнали изъ вагоновъ, въ ожиданіи приближавшихся пруссаковъ».

Вообще война 1866 года, въ которой онъ «даже участвовалъ отчасти», произвела на Ивана Александровича сильное впечат-

лѣніе. Это видно изъ письма его къ графинѣ Ек. Евг. Каннистъ, отъ 11 (23) августа 1866 года изъ Булони [1]).

Въ началѣ этого письма онъ иронизируетъ по поводу служебнаго рвенія своихъ сослуживцевъ, графа Петра Ивановича Каннста и Виктора Яковлевича Фукса, говоря: «Европа должна благословлять судьбу, что оба они не здѣсь, а по ту сторону Фонтанки: на мѣстѣ Бисмарка Викторъ Яковлевичъ не задумался бы присоединить, вмѣстѣ съ Ганновером, и Саксонію, и Богемію, и Баварію—къ главному управленію по дѣламъ печати... виноватъ, къ Пруссіи, хотѣлъ я сказать; а Петръ Ивановичъ еще до окончанія войны и до начала переговоровъ поспѣшилъ бы составить протоколъ въ этомъ смыслѣ—и оба даже и не поморщились бы. Кто возжигаетъ страсти въ совѣтѣ?... Все они, и не мудрено, что скоро литература наша приметъ видъ поля, усѣяннаго костями журналистовъ».

Но далѣе онъ постепенно переходитъ въ серьезный тонъ и продолжаетъ: «Я отъ души... проклинаю ужасы этой безобразной войны... Въ военную славу я не вѣрю, героевъ войны не признаю: они отжили; смотрю на войну, какъ на орудіе всеобщей полиціи, и весь успѣхъ нынѣшней войны вижу только въ томъ, что она—шагъ къ тому, чтобы войны были невозможны. Я видѣлъ, какъ пострадала отъ войны Австрія, вся Германія, сама Пруссія; думалъ, что тутъ и конецъ: пріѣхалъ во Францію—и здѣсь слышу ей проклятія. Наконецъ, она коснулась и Англіи: вездѣ дѣла въ застоѣ, промышленность дремлетъ, банкротства—въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Марселѣ, появились почти вездѣ нищіе».

Мы уже видѣли, что, кромѣ леченія, И. А. Гончаровъ—какъ и въ предыдущіе годы—имѣлъ въ виду поработать за границей надъ своимъ романомъ. Въ Маріенбадѣ эта цѣль не была достигнута, вслѣдствіе тревогъ военнаго времени. Въ Булони дѣло пошло нѣсколько успѣшнѣе. «Я отъ скуки,—сообщаетъ онъ въ томъ же письмѣ къ графинѣ Каннистъ,—развертываю иногда свои тетради, напишу нѣсколько страницъ, но безъ увлеченія, а такъ, по сознанію, что надо бы кончить давно начатый трудъ, хотя въ то же время сознаю, что, кажется, никогда его не кончу».

Тѣмъ не менѣе надежда кончить «Обрывъ» не совсѣмъ оставила его въ это время. По крайней мѣрѣ, на слѣдующій же день, 12 августа, онъ писалъ Тройницкому: «Я бы... выпросилъ себѣ мѣсяцъ отсрочки, если бъ надѣялся кончить свой трудъ. Но этой надежды у меня нѣтъ, да и быть не можетъ: нельзя сказать себѣ сегодня, будешь ли работать завтра: можно принудить себя ко всякой работѣ, кромѣ той, въ которой должна участвовать фантазія, эта

[1]) Письмо это напечатано въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1903 г., №1, стр. 13—14. Судя по содержанію, оно относится, несомнѣнно, къ 1866 году, хотя редакція названнаго журнала помѣтила его 1869 годомъ.

слишкомъ нѣжная и капризная способность. Я бодро работалъ прошлую недѣлю, листы плодились подъ рукой; время было, т.-е. погода свѣжая и прохладная. А теперь наступили опять жары, у меня стали дѣлаться приливы къ головѣ, и я опять положилъ перо. При морскихъ купаньяхъ запрещаютъ и вовсе умственныя занятія, но я этихъ совѣтовъ не очень слушаю, хотя и чувствую по временамъ головныя боли... Но я все же постараюсь написать здѣсь, сколько могу, а если приливы къ головѣ не прекратятся, то сяду въ Парижѣ, который не имѣетъ для меня ничего привлекательнаго..., что могло бы отрывать меня отъ дѣла. И чего не кончу, то, можетъ быть, кое-какъ, clopin clopant, удастся додѣлать въ Петербургѣ. Если бы меня увлекла слишкомъ эта работа (чего, впрочемъ, не надѣюсь, по преклонности лѣтъ и охлажденію), то рѣшусь на преступленіе: просрочу недѣли двѣ и думаю, что Россія снесетъ терпѣливо этотъ ударъ, т.-е. двухнедѣльное мое отсутствіе. Зла себѣ большого я тоже не ожидаю, особенно послѣ того, какъ у насъ отмѣнено тѣлесное наказаніе».

Занятію литературной работой въ Булони благопріятствовало, между прочимъ, то обстоятельство, что онъ былъ «одинъ русскій въ цѣломъ городѣ» [1]). «Я здѣсь одинъ затерялся между англичанами и англичанками (читаемъ въ послѣднемъ письмѣ его къ Тройницкому): французовъ почти нѣтъ. Прекрасныя въ полномъ смыслѣ лэди [2]), видя, что я одинъ русскій въ ихъ толпѣ, очень внимательно стараются занять меня, полагая, что мнѣ одному скучно, и вѣрить не хотятъ, когда я говорю противное. Я, однакоже, избѣгаю ихъ—по весьма простой причинѣ: потому что потерялъ и ту маленькую привычку болтать по-англійски, которую имѣлъ, а онѣ не ладятъ съ французскимъ и еще менѣе съ нѣмецкимъ языкомъ. Зато веду живую бесѣду за столомъ съ однимъ итальянскимъ эмигрантомъ, котораго выгнали изъ Италіи, осудили на смерть въ Австріи, удалили за дуэль изъ Испаніи, не позволили жить во Франціи, и котораго, наконецъ, приняла въ свои широкія, космополитическія объятія Англія, гдѣ онъ женился и патурализовался».

Къ этому (или къ слѣдующему) году относится, вѣроятно, первое знакомство его съ высочайшими особами. Бывшая съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ (родственница и другъ графовъ Л. Н. и А. К. Толстыхъ) графиня А. А. Толстая лѣто 1866 года проводила за границей съ семьей великой княгини Маріи Николаевны. Тамъ же, въ Эмсѣ, проживала нѣкоторое время и государыня Марія Александровна, съ юными великими князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами, а также великая княжна Марія Александровна,

[1]) Вышеприведенное письмо къ графинѣ Каннистъ.

[2]) Ср. Сочиненія, т. V, стр. 62—63—объ англійскихъ женщинахъ: «Онѣ прекрасны, стройны, съ удивительнымъ цвѣтомъ лица... Едва ли въ другомъ народѣ разлито столько красоты въ массѣ, какъ въ Англіи» («Фрегатъ Паллада»).

къ которой вскорѣ графиня была назначена воспитательницей. Послѣдняя не только ознакомила членовъ царской семьи съ сочиненіями И. А. Гончарова, но и представила его лично великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ и великимъ князьямъ.

Но свиданіе его съ графиней Толстой за границей состоялось не сразу и доставило ему немало хлопотъ. «Вы летаете,—писалъ онъ ей 18 іюня изъ Киссингена,—а не путешествуете: вамъ безмятежно, весело и счастливо перелетать съ мѣста на мѣсто... А мой обломовскій путь—есть трудъ и тягость: я барахтаюсь, какъ среди волнъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, то-есть двумя чемоданами и дорожными мѣшками; къ числу послѣднихъ отношу отчасти и себя. Вотъ отчего такъ и трудно поспѣвать за вами!... Словомъ, я въ маленькомъ отчаяніи отъ вашей неуловимости, графиня, и чувствую то же, что должна чувствовать черепаха, глядя на полетъ орла. Могу только шевелить перомъ, какъ она—лапами, и желать, чтобы орлы прилетѣли опять къ своимъ гнѣздамъ, гдѣ я и надѣюсь дождаться васъ, au coin du feu». Затѣмъ 21 іюля изъ Югенгейма онъ вновь увѣдомляетъ графиню: «Вотъ куда пріѣхалъ было я поклониться вамъ, но, къ крайнему прискорбію, весьма неудачно. Меня высадили у воротъ отеля, съ моей котомкой, и объявили, послѣ нѣкоторыхъ справокъ и разспросовъ, что Alles ist voll! Alles besetzt... И я черезъ полчаса удаляюсь обратно во Франкфуртъ» [1].

IV.

Въ 1867 году, выѣхавъ, по своему обыкновенію, въ маѣ изъ Петербурга, онъ отправился сначала въ Маріенбадъ, гдѣ пользовался водами до половины іюня, а затѣмъ, прежде, чѣмъ переселиться на морскія купанья, въ свою излюбленную Булонь, онъ около мѣсяца прожилъ въ Баденъ-Баденѣ.

Здѣсь посѣтила его воспитанница его сестры, Музалевской, Евдокія Петровна Левенштейнъ, со своимъ мужемъ, докторомъ-психіатромъ изъ Москвы. Объ этомъ посѣщеніи сохранился слѣдующій разсказъ Е. П. Левенштейнъ, записанный для насъ, съ ея словъ, Е. А. Гончаровой.

По пріѣздѣ въ Баденъ-Баденъ, пробѣгая Cur-Liste, Левенштейны были пріятно поражены, прочитавъ имя M-r Jean Gontscharoff среди пріѣзжихъ. Помня привычку Ивана Александрвича вставать рано, они пришли къ нему около шести часовъ утра и постучались въ дверь, за которой слышался плескъ воды. По голосу Иванъ Александровичъ сейчасъ же узналъ Евдокію Петровну. «Это ты, Дунечка? Очень радъ, очень радъ. И съ мужемъ?! Принять сей-

[1] Ив. Захарьинъ (Якушинъ). Гр. А. А. Толстая. «Вѣстникъ Европы», 1905 г., № 4.

часъ не могу, дѣлаю ablution. Пройдите въ садъ; я приведу себя въ порядокъ и явлюсь къ вамъ». Около получаса ждали они его на променадѣ около гостиницы, одной изъ лучшихъ въ городѣ. «Радушно и вполнѣ по родственному,—разсказывала Евдокія Петровна,—встрѣтилъ онъ насъ, попрежнему называя меня Дунечкой... Онъ угостилъ насъ кофе, повелъ на дальнюю, ежедневную свою прогулку, при чемъ часто справлялся, не устала ли я, не желаю ли я отдохнуть». Она не помнила всѣхъ разговоровъ за этотъ день, но онъ оставилъ у ней воспоминаніе чего-то свѣтлаго, пріятнаго, роднаго... Иванъ Александровичъ показалъ имъ рулетку, бросилъ на ея счастье два-три золотыхъ и проигралъ ихъ, угостилъ ихъ обѣдомъ за table d'hôtes... Онъ былъ очень веселъ и настойчиво удерживалъ ихъ до слѣдующаго дня, когда обѣщалъ показать имъ окрестности города, которыя, какъ онъ говорилъ, очень интересны... Но вотъ темныя тучи заволокли съ запада все небо, почувствовался холодокъ, синеватый туманъ началъ осѣдать въ низинахъ... Гончаровъ сначала замолчалъ, а затѣмъ, круто обернувшись къ нимъ, сказалъ: «А знаете что? Поѣзжайте-ка лучше сегодня. Погода, видимо, перемѣнится, пойдутъ дожди, и это продлится недѣли двѣ. Я это чувствую уже на себѣ: сейчасъ ухо заболѣло, стрѣляетъ. Неможется мнѣ. Уѣзжайте лучше: что вы тутъ будете дѣлать? Ничего болѣе интереснаго здѣсь нѣтъ. Уѣзжайте!» Эта перемѣна въ его настроеніи очень поразила Левенштейновъ; но, видя его нервное, возбужденное состояніе, они поспѣшили успокоить его, обѣщали уѣхать въ тотъ же день и, поблагодаривъ его за любезность, распрощались съ нимъ. Онъ облегченно вздохнулъ, пожалъ имъ руки и пожелалъ счастливаго пути.

Ѳ. М. Достоевскій, бывшій въ Баденъ-Баденѣ въ одно время съ Иваномъ Александровичемъ, сообщаетъ въ письмѣ къ А. Н. Майкову изъ Женевы отъ 16 августа 1867 года: «Только что я пріѣхалъ [1]), на другой же день встрѣтилъ въ вокзалѣ Гончарова. Какъ конфузился меня въ началѣ Иванъ Александровичъ! Этотъ статскій или дѣйствительный статскій совѣтникъ тоже поигрывалъ. Но такъ какъ оказалось, что скрыться нельзя, а къ тому же я самъ играю съ слишкомъ грубою откровенностью, то онъ и пересталъ отъ меня скрываться. Игралъ онъ съ лихорадочнымъ жаромъ (въ маленькую, на серебро), игралъ всѣ двѣ недѣли, которыя прожилъ въ Баденѣ [2]), и, кажется, значительно проигрался. Но дай Богъ ему здоровья, милому человѣку! Когда я проигрался до тла (а онъ видѣлъ въ моихъ рукахъ много золота), онъ далъ мнѣ, по просьбѣ моей, 60 франковъ взаймы. Осуждалъ онъ, должно быть,

---

[1]) Въ Баденъ-Баденъ.

[2]) Двѣ недѣли, вѣроятно, одновременно съ Достоевскимъ; пріѣхалъ онъ туда прежде послѣдняго.

меня ужасно: зачѣмъ я все проигралъ, а не половину, какъ онъ» [1]).

При извѣстномъ свойствѣ Достоевскаго—видѣть больше, чѣмъ даетъ дѣйствительность, преувеличивать замѣченныя имъ (и даже усматривать мнимыя) черты въ людяхъ, можно полагать, что и здѣсь онъ нѣсколько сгустилъ краски. Если Гончаровъ игралъ (а онъ дѣйствительно иногда игралъ), то онъ не сталъ бы скрывать этого отъ Достоевскаго, какъ не скрывалъ отъ Левенштейновъ и другихъ знакомыхъ: онъ самъ писалъ о своей игрѣ Тройницкому. При томъ скрыть это обстоятельство онъ и не могъ бы, такъ какъ одновременно съ нимъ въ Баденъ-Баденѣ жили его «пріятели-литераторы», Боткинъ и Тургеневъ, и много другихъ знакомыхъ. Какъ мы видимъ изъ его письма къ Тройницкому, онъ игралъ отъ скуки, для развлеченія, но безъ азарта: «бѣсъ игры» никогда не владѣлъ имъ. Самъ Достоевскій дѣйствительно игралъ съ лихорадочнымъ увлеченіемъ, и для него Баденъ-Баденъ, по его собственному признанію въ томъ же письмѣ къ Майкову, былъ адомъ. Для Ивана Александровича, напротивъ, это было мѣсто «отдыха послѣ водъ, въ ожиданіи срока морского купанья»,—«зеленый уголокъ» съ прекрасной природой, превосходными окрестностями для продолжительныхъ прогулокъ.

Въ названномъ письмѣ къ А. Н. Майкову Ѳ. М. Достоевскій, между прочимъ, разсказываетъ: «Гончаровъ все мнѣ говорилъ о Тургеневѣ, такъ что я, хотя и откладывалъ заходить къ Тургеневу, рѣшился, наконецъ, ему сдѣлать визитъ. Я пошелъ утромъ»... Это было роковое свиданіе великихъ писателей, во время котораго произошло между ними крайне рѣзкое столкновеніе, имѣвшее рѣшающее значеніе для ихъ послѣдующихъ враждебныхъ отношеній.

И. А. Гончаровъ невольно послужилъ косвеннымъ виновникомъ этого свиданія: самъ онъ въ то время находился съ Тургеневымъ въ «пріятельскихъ» отношеніяхъ, былъ расположенъ къ Достоевскому и, конечно, не ожидалъ отъ ихъ свиданія столь печальныхъ послѣдствій [2]).

Самъ Иванъ Александровичъ о своемъ пребываніи въ Баденъ-Баденѣ говоритъ въ письмѣ къ Тройницкому отъ 25 іюня 1867 года: «Сюда я забрался потому, что нѣтъ мѣста удобнѣе и пріятнѣе для отдыха послѣ водъ, въ ожиданіи срока морского купанья. Здѣсь и зелень, и тѣнь, и удивительный воздухъ, суета и роскошь вмѣстѣ съ уединеніемъ и скромностью—и, наконецъ, толпа знакомыхъ, которыхъ легко находишь, когда хочешь ихъ видѣть, и еще легче избѣгать, если захочется быть одному. Вѣроятно, вы знаете этотъ

[1]) «Русскій Архивъ» 1902 г., № 9, стр. 144.

[2]) См. подробности въ книгѣ Н. М. Гутьяра «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ», Юрьевъ. 1907, гл. XV.

зеленый уголокъ, гдѣ среди всевозможныхъ національностей нѣмецкая составляетъ меньшинство, въ чемъ заключается немалая выгода для уставшаго отъ Германіи путешественника... Васъ ожидаетъ рядъ прелестнѣйшихъ прогулокъ—не среди угрюмыхъ горъ и скалъ, а среди холмовъ, зеленыхъ луговъ и виллъ... Здѣсь все зелено: рѣчка увѣшана фестонами зелени, дома, улицы убраны ею, даже столы—и тѣ зеленые. Къ сожалѣнію, послѣдніе не успокаиваютъ нервовъ. Я захожу туда, просовываю иногда сквозь толпу руку съ золотымъ, клюну на него другой золотой и ухожу—какъ будто воръ. Такъ наклевалъ я до 160 франковъ, но 60 возвратилъ опять. Вѣроятно, возвращу и остальные сто, можетъ быть, не безъ придачи, хотя небольшой, ибо, къ счастью, среди многихъ бѣсовъ, которыми я одержимъ, бѣсъ игры меня никогда не мучалъ. Викторъ Яковлевичъ (Фуксъ съ женою).... Боткинъ и Тургеневъ обѣдали вчера у меня, по случаю моихъ именинъ, при чемъ я немного отступилъ отъ режима, предписаннаго послѣ водъ, и согрѣшилъ тремя рюмками шампанскаго, каковое прегрѣшеніе тотчасъ же и простилъ себѣ, какъ это обыкновенно дѣлаю во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ».

Изъ русскихъ, кромѣ названныхъ уже лицъ, онъ видѣлъ между прочимъ Скрыпицына и Милютина, больного, который, узнавъ, что Гончаровъ въ Баденъ-Баденѣ, просилъ его зайти къ себѣ. Иванъ Александровичъ въ Петербургѣ у него не бывалъ, «но теперь и здѣсь съ удовольствіемъ отозвался на его приглашеніе»— и тотъ оцѣнилъ это.

Письмо это кончается обычною для Ивана Александровича шуткою: онъ выражаетъ опасеніе, что министръ Валуевъ, узнавъ, что Гончаровъ въ Баденъ-Баденѣ, уже не отпуститъ его болѣе за границу, хотя это будетъ несправедливо: «Если я ѣмъ здѣсь 12 блюдъ за table d'hôte, такъ это поневолѣ, а въ рулетку играю даже не на казенныя деньги, потому что мнѣ ихъ не дали впередъ».

Такъ проходили годы, а задуманный и начатый еще въ 1849 году «Обрывъ» все еще не былъ законченъ. Наконецъ, получивъ въ концѣ 1867 года окончательную отставку, онъ съ новой энергіей принялся за свой «старый трудъ», это дитя его сердца, которое онъ, по его собственному признанію, переносилъ [1]). Окончанію романа особенно помогла поѣздка его за границу въ 1868 году.

Оказали на автора вліяніе и настойчивыя убѣжденія его друзей и знакомыхъ, особенно же М. М. Стасюлевича, который, зная

---

[1]) «Это дитя моего сердца; я слишкомъ долго... носилъ его подъ ложечкой, оттого онъ и вышелъ большой и неуклюжій. Я его переносилъ». См. письмо И. А. Гончарова къ А. А. Фету, «Русскій Архивъ», 1900 г., № 5, стр. 68.

давнишнюю привычку Ивана Александровича работать надъ литературными произведеніями вдали отъ Петербурга, особенно торопилъ его выѣздомъ. «Редакторъ «Вѣстника Европы» (бывшій профессоръ, а теперь идеальный, честный, просвѣщенный и добросовѣстный редакторъ) Стасюлевичъ (какъ писалъ онъ Тройницкому изъ Киссингена 19 іюня 1868 г.) выталкивалъ меня съ такою энергіею, съ какою онъ издаетъ свой журналъ. Онъ и велѣлъ мнѣ не только приготовить первую, уже давно написанную мною, но и дописать вторую, еще не существующую половину моего труда и представить все ему къ январю будущаго года. На дорогу выхлопоталъ мнѣ особое помѣщеніе въ вагонѣ, и чтобы я не сидѣлъ праздно тамъ, купилъ и вручилъ мнѣ записную книжку съ карандашомъ, которую я всю и исписалъ до Берлина, а въ Берлинѣ самъ купилъ еще три и до Киссингена исписалъ и ихъ и теперь перевожу на бумагу». Въ другомъ мѣстѣ того же письма читаемъ: «Я пребываю въ злачномъ и покойномъ Киссингенѣ, пью воду, и еще болѣе исполняю совѣты многихъ доброжелателей литературы и моихъ, въ томъ числѣ и вашъ совѣтъ—ѣхать и доканчивать трудъ, о которомъ, къ горю моему, возникли въ публикѣ какія-то, распущенныя злокачественными людьми, преувеличенныя ожиданія. И вотъ я царапаю этимъ самымъ перомъ, которымъ пишу письмо въ своихъ тетрадяхъ, и иногда до того усердно царапаю, что вся пріобрѣтенная отъ питья воды польза уничтожается неумѣреннымъ сидѣньемъ за письменнымъ столомъ. Докторъ сталъ было противъ этого возставать, но я далъ ему злата... и прогналъ его [1])».

Сомнѣнія въ возможности окончить романъ не оставляютъ его и теперь: «не знаю, добреду ли до конца»,—замѣчаетъ онъ. Тѣмъ не менѣе къ концу 1868 года «Обрывъ» былъ дописанъ. Въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» появилось извѣщеніе, что новый романъ знаменитаго писателя пойдетъ съ января 1869 года. Прочитавъ это объявленіе, гр. А. К. Толстой, въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу выражаетъ свое «огромное удовольствіе», что тому удалось сжечь корабли «милаго Ивана Александровича, и что онъ, какъ Ф. Кортесъ, долженъ побѣдить или умереть», надѣясь при этомъ, что «побѣда несомнѣнна».—«Мостъ черезъ Геллеспонтъ разрушенъ и Ксерксу приходится навсегда остаться въ Элладѣ вашего журнала, хотя я не сомнѣваюсь, что онъ будетъ стараться переплыть черезъ Геллеспонтъ». Эти слова графа Толстого показываютъ, насколько хорошо зналъ онъ характеръ Ивана Алексан-

[1]) П. Д. Боборыкинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи вмѣстѣ съ Гончаровымъ въ Берлинѣ въ 1870 году, говоритъ: «Одно изъ первыхъ авторскихъ сообщеній намъ былъ разсказъ самого Ивана Александровича о томъ, какъ онъ на водахъ, а потомъ, если не ошибаюсь, въ Парижѣ такъ быстро писалъ «Обрывъ», что у него затекала рука и онъ сидѣлъ часами за письменнымъ столомъ, написывая до печатнаго листа въ сутки и болѣе». «Новости», 1901 г., № 298.

дровича, котораго постоянно одолѣвали сомнѣнія и колебанія. Въ отвѣтъ на это, М. М. Стасюлевичъ сообщаетъ своему корреспонденту: «сегодня 3 декабря, а часть «Обрыва», назначенная въ январь, уже лежитъ на столѣ—сверстанная» [1]).

V.

1869 годъ, въ началѣ котораго былъ напечатанъ «Обрывъ», можно назвать годомъ заслуженнаго отдыха его автора.

Какъ бы ни былъ встрѣченъ этотъ романъ публикой и критикой, у Ивана Александровича не могло не быть сознанія, что имъ выполненъ колоссальный трудъ, надъ которымъ онъ, съ перерывами, работалъ двадцать лѣтъ. На это указываютъ слова его въ письмѣ къ А. А. Фету отъ 6 августа 1869 года изъ Булони: «Посмотрите на меня: я старше васъ, а вотъ взялъ да и спустилъ «Обрывъ» [2]).

Заграничный маршрутъ его въ этомъ году былъ, вѣроятно, такой же, какъ и въ предыдущіе годы, т.-е. воды, отдыхъ послѣ нихъ въ Киссингенѣ или другомъ нѣмецкомъ городкѣ, Парижъ и, наконецъ, Булонь. О послѣдней онъ пишетъ Фету: «Я здѣсь купаюсь въ морѣ. Говорятъ, это полезно, но мнѣ пока вредно, а я продолжаю, въ надеждѣ, не будетъ ли хорошо впослѣдствіи».

Въ слѣдующемъ 1870 году однимъ изъ его этаповъ былъ Берлинъ. О пребываніи его въ столицѣ Пруссіи передъ великой европейской войной мы имѣемъ любопытный разсказъ талантливаго беллетриста и тонкаго наблюдателя П. Д. Боборыкина.

«Это было въ концѣ мая 1870 года, — говоритъ названный авторъ.— Я пріѣхалъ... и сейчасъ же черезъ товарища моего по Дерпту, доктора Вл. Бакста, сошелся съ цѣлымъ кружкомъ русской молодежи, которая сама себя называла «бандой», вмѣстѣ прожигалъ жизнь по Берлину и обѣдалъ за табльдотомъ—тогда самымъ лучшимъ въ Берлинѣ—въ Hôtel de Rome, когда-то воспѣтомъ поэтомъ Огаревымъ.—Эта «банда» состояла и при Иванѣ Александровичѣ. Онъ жилъ въ Берлинѣ передъ отправленіемъ на какія-то воды, кажется, въ Маріенбадъ... Иванъ Александровичъ очень любилъ тогдашній Берлинъ и находилъ, что такого городского парка для прогулки, какъ Тиргартенъ, нѣтъ ни въ одной столицѣ. Онъ ходилъ туда неизмѣнно каждый день въ послѣобѣденные нѣмецкіе часы, т.-е. послѣ двухъ... Онъ проводилъ время съ обѣда почти исключительно въ обществѣ «банды» (которую полюбилъ).

---

[1]) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. К. М. Лемке. Спб. 1911. Т. II, стр. 317—319.

[2]) Далѣе слѣдуютъ вышеприведенныя слова: «Это дитя моего сердца...». Письмо это, какъ можно заключить изъ его содержанія, относится къ 1869 году, а не къ 1861-му, съ каковой датой оно напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1900 г., № 5).

«Онъ показался мнѣ очень похожимъ на тогдашніе его портреты и смотрѣлъ моложе своихъ лѣтъ. Ему было уже подъ шестьдесятъ... Ходилъ онъ бодро, крупной походкой, сохранившейся до глубокой старости; сѣдины очень мало, умѣренная полнота, чистоплотно и старательно одѣтый, по тону и манерамъ не похожій ни на чиновника..., ни на артиста, ни на помѣщика; а скорѣе на типичнаго петербургскаго жителя, въ родѣ образованнаго и воспитаннаго представителя какой-нибудь фирмы или человѣка, имѣющаго почетное званіе въ какомъ-нибудь благотворительномъ обществѣ..

«Хотя Гончаровъ не любилъ ничѣмъ щеголять въ разговорѣ: ни остроуміемъ, ни глубокомысліемъ, ни блестящей образованностью; но когда онъ былъ въ духѣ, его бесѣда стояла совершенно на уровнѣ такого писателя, какимъ онъ считался. Несмотря на щепетильность и осторожность его натуры, онъ цѣльно, искренно и своеобразно высказывался обо всемъ, что составляло его человѣческое и писательское profession de foi. Ни малѣйшей уступки красному словцу, превосходный, какъ художникъ сказалъ бы, сочный тонъ, въ разсказѣ, въ описаніи, въ діалектикѣ, съ тѣмъ оттѣнкомъ пріятнаго резонерства, какой проникъ и въ лучшія его произведенія...

«Мнѣ особенно понравилось и то, что, когда насъ познакомили и назвали меня по фамиліи, то Иванъ Александровичъ спросилъ съ особенной, очень милой интонаціей: «Писатель?» И въ этомъ одномъ словѣ достаточно звучало, что онъ васъ зналъ, какъ своего молодого собрата».

П. Д. Боборыкинъ отмѣчаетъ преобладающую черту характера И. А. Гончарова, о которой онъ слышалъ отъ другихъ до личнаго знакомства съ авторомъ «Обломова»—постоянную заботу о томъ, «чтобы себя не выдать, избѣжать всякой неловкости, уклониться отъ каждаго сколько-нибудь рискованнаго поступка, даже и въ совершенныхъ пустякахъ».

«Банда» всюду его сопровождала. И чуть не каждый день кто-нибудь изъ ея членовъ, начиная съ Вл. Бакста, игравшаго въ ней роль «старосты», скажетъ Гончарову: «Иванъ Александровичъ! Когда же вы пожалуете къ намъ, въ Hôtel de Rome, за табльдотъ? Вѣдь, это лучшій обѣдъ Берлина, и стоитъ, по абонементу, всего 15 зильбергрошей. Самъ Мольтке обѣдаетъ у насъ! Въ вашемъ Britisch Hôtel дороже и гораздо хуже! А вы не можете освободить себя отъ этого плѣненія! «Вы правы, друзья мои,—неизмѣнно отвѣтитъ Иванъ Александровичъ.— Обѣдъ у меня совсѣмъ неважный. Но войдите въ мое положеніе. Я тамъ останавливаюсь столько лѣтъ. И вдругъ хозяинъ стоитъ на крыльцѣ и видитъ, какъ я, въ обѣденные часы, ушелъ въ другую гостиницу. Простите! Я не

могу! Не могу!».—Мина его лица дѣлалась жалостной. И мы всѣ чувствовали, что онъ, дѣйствительно, не можетъ посмѣть измѣнить хозяину Бритишъ-Отеля» [1]).

Съ наступленіемъ мая 1871 года онъ вновь собирается за границу и въ письмѣ къ графинѣ А. А. Толстой обѣщаетъ «сыскать ее наступающимъ лѣтомъ подъ елкой Шварцвальда» [2]). Въ іюнѣ онъ былъ уже въ Киссингенѣ, вмѣстѣ съ М. М. Стасюлевичемъ и А. М. Жемчужниковымъ. Первый изъ этихъ писателей такъ характеризуетъ его настроеніе въ это время: «Иванъ Александровичъ страшно развернулся, и доказательствомъ того можетъ служить то, что подбиваетъ насъ ѣхать въ половинѣ іюля на французскій берегъ, въ Булонь. Впрочемъ, по временамъ на него находитъ негодованіе на весь человѣческій родъ и тоска по его Мимишкѣ»[3]).

Это была послѣдняя поѣздка Ивана Александровича за границу, о которой мы имѣемъ опредѣленныя свѣдѣнія, но была ли она дѣйствительно послѣдней—мы не знаемъ. Намъ извѣстно только, что съ 1879 года онъ за границу уже не ѣздилъ, проводя лѣтніе мѣсяцы или на Балтійскомъ побережьѣ, въ Дуббельнѣ, или вблизи Петербурга. Такимъ образомъ періодъ времени съ 1872 по 1878 гг. въ этомъ отношеніи остается пока темнымъ.

Почему съ семидесятыхъ годовъ нашъ писатель измѣнилъ своему обычаю проводить лѣто въ Западной Европѣ—на это мы находимъ указаніе въ его письмѣ къ А. Ѳ. Писемскому отъ 18 апрѣля 1873 года: «На вопросъ вашъ: ѣду ли за границу?—не знаю, что отвѣчать; не хочется, наскучило ѣздить и незачѣмъ; пробовалъ работать, принимался раза три,—нейдетъ, старъ, а здоровье поправляется тамъ только на время, а потомъ—опять!»[4]). А между тѣмъ мы знаемъ, что только эти двѣ цѣли—литературная работа и леченіе—и побуждали его къ заграничнымъ поѣздкамъ.

М. Суперанскій.

---

[1]) П. Д. Боборыкинъ. Творецъ Обломова. «Русскія Вѣдомости», 1892 г., № 339. Его же. Памяти Гончарова. «Новости», 1901 г., № 298.

[2]) Ив. Захарьинъ-Якунинъ, op. cit.

[3]) М. М. Стасюлевичъ и пр., т. II, стр. 351.—Мимишка—любимая собачка Гончарова.

[4]) Письма И. А. Гончарова къ А. Ѳ. Писемскому. «Новь», 1891 г., №№ 13—14, стр. 44.

НА РОДИНѢ И. А. ГОНЧАРОВА.

(Къ столѣтію рожденія знаменитаго романиста).

Какъ извѣстно, Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился 6 іюня 1812 года въ Симбирскѣ. Думаемъ, что читающей публикѣ, въ виду исполняющагося въ текущемъ мѣсяцѣ столѣтія со дня рожденія знаменитаго романиста будетъ небезынтересно познакомиться, хотя бы вкратцѣ, какъ съ самымъ Симбирскомъ, такъ и съ тѣми мѣстностями его, которыя неразрывно связаны съ именемъ творца «Обрыва», «Обломова» и «Обыкновенной исторіи».

I.

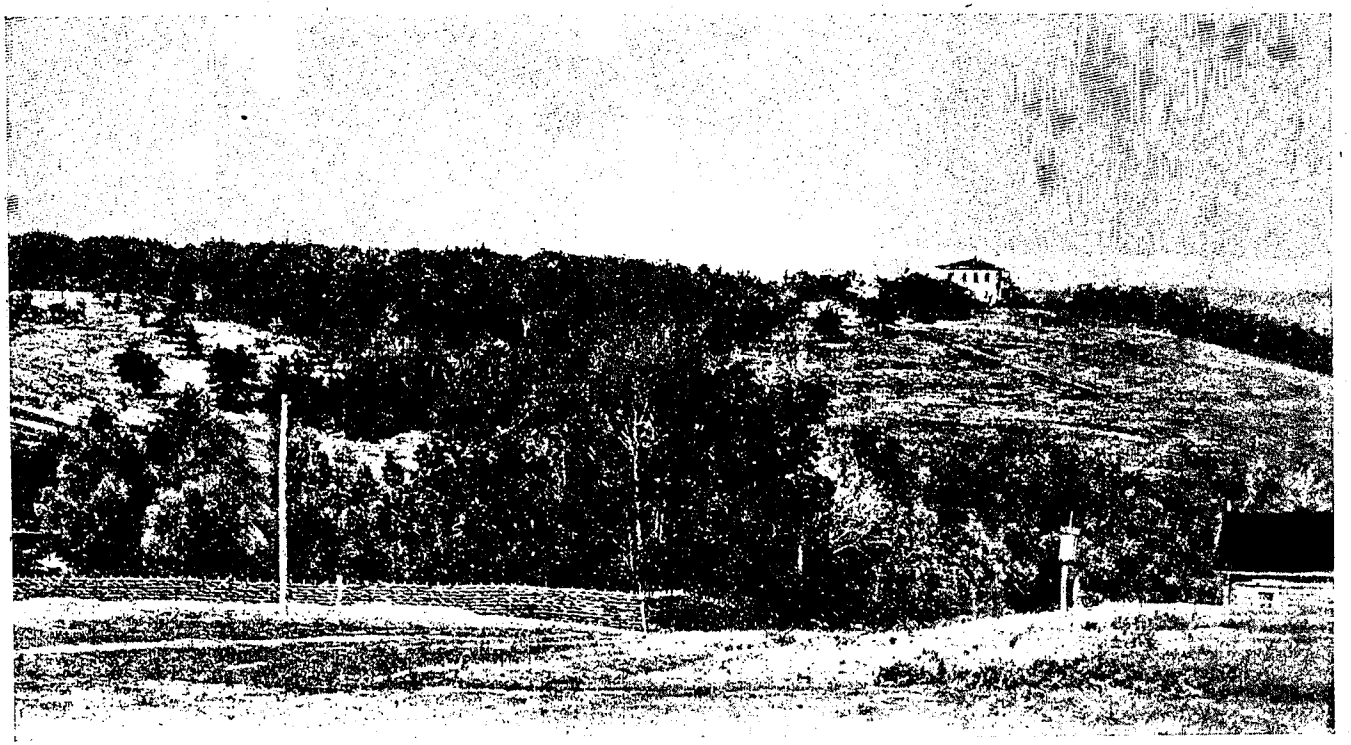
Симбирскъ принадлежитъ къ числу самыхъ молодыхъ губернскихъ городовъ. Начало настоящему Симбирску было положено въ началѣ XVII столѣтія нѣсколькими мордовскими семьями, поселившимися подъ горой на правомъ берегу Волги. Удачный ловъ рыбы привлекъ сюда еще новыхъ жителей, и первоначальная небольшая слободка поднималась все выше и выше на гору, гдѣ и образовала, въ концѣ концовъ, небольшой городокъ, получившій наименованіе «Синбирска»,—вѣроятно, отъ имени болгарскаго князя Синбира, упоминаемаго въ древнихъ татарскихъ рукописяхъ. Въ 1648 году царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ оружейничему боярину Богдану Матвѣевичу Хитрово устроить въ Синбирскѣ кремль, чтобы онъ явился главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ на Волгѣ для защиты русскихъ по-

селеній обширнаго края между Волгой и Сурой онъ набѣговъ поволжской вольницы и кочующихъ заволжскихъ племенъ. Свое стратегическое значеніе Симбирскъ блестяще оправдалъ, когда былъ дважды осаждаемъ шайками Стеньки Разина и его есаула Ѳедьки Шелудяка, и когда оба эти разбойники были разбиты подъ Симбирскомъ,—первый въ 1669 году, а второй въ 1671. Не посчастливилось въ Симбирскѣ и Емельяну Пугачеву: изъ поволжскихъ городовъ Симбирскъ, кажется, единственный, который во время Пугачевщины не былъ въ рукахъ самозванца и, если видѣлъ его, то ужъ не какъ побѣдителя, а какъ плѣнника, котораго Суворовъ везъ въ желѣзной клѣткѣ въ Москву. Губернскимъ городомъ Симбирскъ сдѣлался по указу императрицы Екатерины Великой въ 1796 году. Изъ дальнѣйшей исторіи Симбирска слѣдуетъ отмѣтить два грандіозныхъ пожара, сильно затормозившихъ его экономическое благосостояніе, изъ которыхъ одинъ происходилъ въ 1864 году, а другой—въ 1888. Оба пожара до того опустошили городъ, что жители его даже мало надѣялись на возстановленіе города въ его прежнемъ видѣ. Однако опасенія ихъ, къ счастью, не оправдались.

Въ настоящее время Симбирскъ насчитываетъ свыше 50.000 жителей и дѣлится на двѣ части: подгорную и нагорную. Лучшая часть города нагорная. Украшеніемъ ея является каѳедральный соборъ св. Троицы, напоминающій отчасти петербургскій Исаакіевскій соборъ. Около него сгруппировались почти всѣ общественныя и казенныя учрежденія. Рядомъ съ соборомъ, на самомъ краю семидесятисаженной горы, на которой расположился Симбирскъ, разбитъ красивый бульваръ, носящій старинное наименованіе «Вѣнецъ», съ котораго открывается чудный видъ на Волгу и Заволжье. Въ прекрасномъ зданіи дворянскаго собранія помѣщается библіотека имени уроженца Симбирска Н. М. Карамзина, представляющая собой обширнѣйшее книгохранилище въ Поволжьѣ. Недалеко отъ дворянскаго собранія находится и сооруженный въ 1844 году по повелѣнію императора Николая I памятникъ знаменитому «исторіографу государства Россійскаго». Учебныхъ заведеній въ Симбирскѣ въ настоящее время свыше сорока, изъ нихъ средне-учебныхъ—десять.

II.

Не отличаясь ни благоустройствомъ, ни экономическимъ благосостояніемъ, Симбирскъ и его губернія справедливо гордятся той славной плеядой писателей и поэтовъ, которые являются ихъ уроженцами и вложили огромныя литературныя богатства въ общую сокровищницу русскаго художественнаго слова. Изъ симбирскихъ уроженцевъ особенно широкую извѣстность получили: Н. М. Карамзинъ, И. И. Дмитріевъ, Андр., Ник. и Алекс. Ив. Тургеневы, Н. М. Языковъ, Д. И. и Д. Д. Минаевы, П. В. Анненковъ, Д. В. Гри-

Киндяковка, мѣсто дѣйствія романа «Обрывъ».

горовичъ, Д. Н. Садовниковъ, Н. К. Лебедевъ (Морской), А. А. Коринфскій, И. А. Гончаровъ.

Наибольшее количество вещественныхъ памятниковъ осталось въ Симбирскѣ отъ И. А. Гончарова. Какъ самый Симбирскъ, такъ и его окрестности полны воспоминаніями о своемъ великомъ «землякѣ». Здѣсь (въ Симбирскѣ) онъ родился; здѣсь былъ домъ его родителей, походившій на цѣлое помѣщичье имѣніе, привольно расположившееся въ центрѣ большого губернскаго города; здѣсь онъ воспринялъ массу разнородныхъ впечатлѣній, воплотивъ ихъ впослѣдствіи въ высокохудожественныхъ образахъ «Обыкновенной исторіи», «Обрыва» и «Обломова», здѣсь онъ началъ свою государственную службу и въ губернаторскомъ домѣ познакомился съ типичнымъ русскимъ администраторомъ, такъ картинно и рельефно изображеннымъ имъ впослѣдствіи въ своихъ «Воспоминаніяхъ» и, наконецъ, здѣсь, когда онъ послѣ четырнадцатилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ пріѣхалъ повидаться со своими родственниками на Волгу, воскресли въ его памяти старыя знакомыя лица, не отжившій еще тогда патріархальный бытъ, воспоминанія дѣтства, развернулись предъ его взоромъ зачатки новой кипучей жизни, смѣняющей старый застой, и все это, слившись въ одну картину, послужило канвой для задуманнаго имъ въ этотъ пріѣздъ романа, получившаго названіе «Обрывъ».

Домъ, въ которомъ родился И. А. Гончаровъ, не существуетъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. На его мѣстѣ въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія сооруженъ огромный трехъэтажный домъ, принадлежавшій симбирскому купцу Юргенсу и только за послѣднее время перешедшій въ собственность новаго владѣльца. Въ 1907 году на домѣ сооружена мраморная памятная доска. На ней въ лѣвомъ верхнемъ углу помѣщенъ металлическій барельефный портретъ И. А. Гончарова, орнаментированный такою же лавровой вѣтвью, а по серединѣ доски золотыми буквами по черному фону вычеканена надпись: «Здѣсь родился Иванъ Александровичъ Гончаровъ 6-го іюня 1812 года». Наискосокъ отъ дома возвышается массивное зданіе Вознесенскаго собора, въ которомъ, по словамъ старожиловъ, И. А. Гончаровъ получилъ св. крещеніе.

Мѣстность, связываемая съ гончаровскимъ «Обрывомъ», находится въ полутора верстахъ отъ города и извѣстна у симбирскихъ жителей подъ названіемъ «Киндяковки», полученнымъ ею отъ фамиліи прежнихъ ея владѣльцевъ. Въ настоящее время Киндяковкой владѣетъ г-жа Перси-Френчъ, заботливо относящаяся къ сохраненію рощи, парка, усадьбы и обрыва къ Волгѣ въ томъ видѣ, въ какомъ все это было во время посѣщенія Киндяковки Гончаровымъ и въ какомъ все это изображено имъ въ своемъ безсмертномъ романѣ.

Благодаря ея заботамъ, предъ посѣтителями Киндяковки картины «Обрыва» проходятъ, какъ живыя, выпукло рисуясь на фонѣ

сохраняющейся обстановки 40—50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Поддерживается въ томъ видѣ, какъ это были при «бабушкѣ Татьянѣ Марковнѣ» изъ романа, деревянный домикъ, сохраняются картины и портреты, перенесенные въ него изъ стараго каменнаго дома, который упоминается въ романѣ; хранятся увѣковѣченные въ романѣ «старинные саксонскія чашки, пастушки, маркизы, китайскіе уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжелыя ложки». Такъ же, какъ при «бабушкѣ Татьянѣ Марковнѣ», по уютнымъ уголкамъ дома «жмутся кругленькіе стулья съ мѣдными ободочками и съ деревянной мозаикой столы». Отъ всего дома и отъ каждой комнаты его вѣетъ той умирающей красивой стариной, которая, мало-

Домъ, гдѣ родился Гончаровъ въ Симбирскѣ.

по-малу вытѣсненная модной безвкусицей, переходитъ изъ старыхъ барскихъ домовъ въ музеи, лавки антикваріевъ, а то и просто на чердаки. Не измѣнился и паркъ, окружающій усадьбу, въ которой жили, любили и страдали герои «Обрыва»—бабушка, Вѣра, Марѳинька и Райскій. Все такъ же обаятельно красивъ и страшенъ свидѣтель драмы Вѣры—обрывъ... И все это настолько хранитъ на себѣ слѣды прошлаго, что тотчасъ же, какъ посѣтитель Киндяковки минуетъ каменныя ворота, поставленныя у въѣзда въ рощу и очутится среди разныхъ скотныхъ дворовъ, людскихъ и конюшенъ усадьбы,— на него повѣетъ тонкимъ ароматомъ умирающей старины сороковыхъ годовъ, встаютъ въ памяти неизгладимые образы беззаботной хохотуньи и страстной любительницы куръ, гусей, утокъ и голубей—

Марѳиньки, нѣжной, мечтательной и серьезной Вѣры, величавой прямодушной бабушки Татьяны Марковны и неуравновѣшеннаго эстета-Райскаго.

По преданію, И. А. Гончаровъ очень любилъ киндяковскую усадьбу, ея рощу и обрывъ къ Волгѣ. Въ каждый свой пріѣздъ Гончаровъ считалъ обязательнымъ долгомъ посѣтить Киндяковку и прожить въ ней недѣли двѣ-три въ особомъ флигелькѣ, который заботливо сохраняется г-жой Перси-Френчъ до настоящаго времени. Во время каждаго своего посѣщенія Киндяковки Гончаровъ любилъ гулять по рощѣ, неизмѣнно направляясь черезъ нее къ обрыву и долго тамъ просиживая. Въ Киндяковкѣ созрѣлъ у него замыселъ «Обрыва», здѣсь же были написаны и нѣкоторыя главы изъ него. По преданію, подтвержденному и въ большой прессѣ, прототипами для образовъ Вѣрочки и Марѳиньки въ «Обрывѣ» Гончарову послужили двѣ его племянницы, дочери его сестры, вышедшей въ Симбирскѣ замужъ за нѣкоего Кирмалова. Картины природы во всѣхъ его произведеніяхъ взяты также съ натуры въ живописной Симбирской губерніи и, въ частности, въ окрестностяхъ Киндяковки.

На поклоненіе мѣстамъ, гдѣ жилъ и работалъ Гончаровъ, изъ города частенько предпринимаются паломничества. Въ данномъ случаѣ горожанъ привлекаетъ, конечно, и та прекрасная природа, какая окружаетъ Киндяковку, и тѣ нѣсколько памятниковъ старины, которые сохранились въ старинной барской усадьбѣ, но главнымъ центромъ притяженія горожанъ является, безъ сомнѣнія, обрывъ и усадьба, запечатлѣнные великимъ романистомъ въ своемъ безсмертномъ произведеніи. Любовь симбирянъ къ Киндяковкѣ особенно ярко выразилась въ отвѣтѣ теперешней владѣлицы этого имѣнія, г-жи Перси-Френчъ, какимъ-то американцамъ, предлагавшимъ за Киндяковку крупныя деньги: «Киндяковка должна быть русскимъ національнымъ богатствомъ: здѣсь жилъ и творилъ Гончаровъ». Въ настоящее время г-жа Перси-Френчъ озабочена вопросомъ: кому передать послѣ своей смерти Киндяковку—земству, городу или еще какому-либо учрежденію. Характерно, что г-жа Перси-Френчъ, заботливо охраняющая гончаровскій уголокъ, не русскаго происхожденія, поэтому ея любовь къ русскому писателю заслуживаетъ еще большаго уваженія и благодарности со стороны русскаго общества.

III.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и въ самомъ Симбирскѣ И. А. Гончаровъ не забытъ, и память о немъ заботливо охраняется симбирскимъ обществомъ. Реальнымъ показателемъ вниманія симбирянъ къ памяти своего великаго земляка, кромѣ упомянутой уже памятной доски, сооруженной на домѣ, въ которомъ онъ родился, является обширная безплатная библіотека-читальня его имени, занимающая

среди симбирскихъ библіотекъ второе мѣсто (послѣ Карамзинской). Мысль объ устройствѣ въ Симбирскѣ народной библіотеки-читальни въ память И. А. Гончарова возникла вскорѣ послѣ его смерти (15-го сентября 1891 года). Было возбуждено соотвѣтствующее ходатайство, получено разрѣшеніе, произведенъ сборъ пожертвованій деньгами и книгами, выхлопотаны у города пособія и даровое помѣщеніе, и съ 17-го января 1893 года библіотека начала функціонировать. Въ настоящее время «Гончаровская библіотека», какъ ее сокращенно называютъ жители Симбирска, представляетъ собою обширное книгохранилище, усердно посѣщаемое читающей публикой. Чи-

Библіотека имени Гончарова въ Симбирскѣ.

тальный залъ библіотеки украшенъ хорошо исполненнымъ портретомъ И. А. Гончарова.

Истекающее въ нынѣшнемъ году столѣтіе со дня рожденія И. А. Гончарова (6-го іюня) отмѣчается въ Симбирскѣ сооруженіемъ двухъ памятниковъ ему. Одинъ изъ нихъ сооружается по иниціативѣ симбирской ученой архивной комиссіи, исходатайствовавшей высочайшее разрѣшеніе на открытіе всероссійской подписки на памятникъ знаменитому романисту въ Симбирскѣ. Мысль о сооруженіи памятника И. А. Гончарову на его родинѣ возникла среди членовъ симбирской архивной комиссіи давно, и ею еще въ 1901 году возбуждалось соотвѣтствующее ходатайство, но тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягинъ отклонилъ его, находя

сооруженіе памятника Гончарову преждевременнымъ, такъ какъ со дня смерти его прошло мало лѣтъ. Покойный П. А. Столыпинъ взглянулъ на дѣло иначе, и вторичное ходатайство симбирской архивной комиссіи удостоилось высочайшаго одобренія и утвержденія, такъ что И. А. Гончарову не пришлось ждать посмертной «выслуги лѣтъ». Наиболѣе отвѣчающей нуждамъ города и края формой памятника Гончарову въ Симбирскѣ архивная камиссія признала сооруженіе дома его имени по типу Радищевскаго дома въ Саратовѣ, причемъ въ этомъ домѣ будетъ сконцентрированъ цѣлый рядъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденій: библіотека, историческій и историко-литературный музеи съ особой комнатой, посвященной Гончарову, и художественно-промышленная школа его имени. На деньги, оставшіяся отъ сооруженія дома имени И. А. Гончарова, предполагается поставить бюстъ знаменитаго писателя на Вѣнцѣ. Другой памятникъ И. А. Гончарову сооружается въ формѣ монумента владѣлицей Киндяковки г-жой Перси-Френчъ надъ обрывомъ, у котораго знаменитый писатель любилъ сидѣть, наслаждаясь великолѣпной панорамой Волги и Заволжья.

Большую Саратовскую улицу Симбирска предположено переименовать въ «Гончаровскую», о чемъ возбуждено уже соотвѣтствующее ходатайство.

IV.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о Симбирскѣ. Лермонтовъ въ своей шуточной поэмѣ «Сашка», описывая помѣщичью усадьбу, расположившуюся на симбирской горѣ, обронилъ по адресу Симбирска далеко нелестную для него фразу: «Сонъ и лѣнь вполнѣ Симбирскомъ овладѣли». Съ легкой руки великаго поэта, кстати сказать, ни разу не посѣтившаго Симбирскъ, за послѣднимъ прочно установился съ давнихъ поръ эпитетъ «соннаго города», подъ которымъ онъ вошелъ даже и въ большую прессу. Авторы ежегодно плодящихся путевыхъ впечатлѣній отъ поѣздокъ по Волгѣ до сихъ поръ продолжаютъ (по всей вѣроятности, «по инерціи») именовать Симбирскъ «городомъ сна и застоя», «соннымъ царствомъ въ Поволжьѣ», «городомъ Обломовымъ» и другими нелестными эпитетами, давнымъ-давно уже ставшими анахронизмами. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ авторы путевыхъ впечатлѣній проводятъ параллель между Симбирскомъ и другими поволжскими, городами сравнивая ихъ только по внѣшнему виду? Въ этомъ отношеніи уличная, если такъ можно выразиться, физіономія Симбирска, дѣйствительно, значительно отличается отъ уличныхъ физіономій своихъ поволжскихъ сосѣдей: здѣсь нѣтъ ни звонковъ электрическихъ трамваевъ, ни громыханья грузовыхъ автомобилей, ни вѣчно суетящейся толпы, заполняющей всѣ улицы, постоянно куда-то торопящейся, озабоченной, шумливой. Пульсъ уличной жизни въ Симбирскѣ бьется спокойно и равно-

мѣрно. Что же касается общественной жизни Симбирска, то она по разнообразію и оживленію ея нисколько не уступаетъ большинству провинціальныхъ городовъ, а многіе и превосходитъ. Наиболѣе яркимъ показателемъ оживленности симбирской общественной жизни служитъ: огромное количество существующихъ въ Симбирскѣ обществъ и кружковъ (свыше 30) и довольно широкое для Симбирска развитіе періодическихъ изданій (4 газеты и 4 журнала), освѣщающихъ дѣятельность администраціи и мѣстныхъ органовъ самоуправленія и выясняющихъ нужды города и губерніи.

Единственно, въ чемъ отсталъ Симбирскъ отъ сосѣднихъ поволжскихъ городовъ, такъ это въ торгово-промышленной дѣятельности, которая въ виду отсутствія удобныхъ путей сообщенія, которые могли бы обслуживать городъ круглый годъ, стоитъ невысоко. Впрочемъ, за послѣднее время Симбирскъ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ добился разрѣшенія устройства желѣзнодорожнаго моста черезъ Волгу у самаго города. Этотъ мостъ, являющійся по истинѣ чудомъ строительнаго искусства въ Европѣ (длина его будетъ около двухъ верстъ), соединитъ сѣть желѣзныхъ дорогъ внутренней Россіи съ магистралями сибирской и средне-азіатской и для торгово-промышленной дѣятельности Симбирска явится такимъ же внѣшнимъ толчкомъ, какимъ было въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія быстрое развитіе пароходства на Волгѣ, тѣмъ болѣе, что одновременно съ постройкой моста черезъ Симбирскъ проектируется проведеніе прямой магистральной линіи Петербургъ—Кинель.

Неудивительно поэтому, что Симбирскъ переживаетъ въ настоящее время періодъ радужныхъ надеждъ. Всѣ признаки приближающагося развитія торгово-промышленной дѣятельности въ Симбирскѣ налицо: земельные участки, дома и квартиры съ каждымъ мѣсяцемъ дорожаютъ, открываются новые магазины, организуются новыя коммерческія предпріятія, увеличивается число банковъ, страховыхъ обществъ и т. д. и т. д. Городское управленіе Симбирска спѣшно приводитъ городъ въ благоустроенный видъ: моститъ улицы, сооружаетъ водопроводъ, устраиваетъ электрическое освѣщеніе, изыскиваетъ средства для сооруженія элеватора и трамвая. Однимъ словомъ, Симбирскъ производитъ въ настоящее время впечатлѣніе города, проснувшагося отъ долгаго «обломовскаго» сна и спѣшно совершающаго свой туалетъ передъ тѣмъ, какъ «выйти въ свѣтъ».

«Соннаго города» нѣтъ больше на Волгѣ!

Н. Державинъ.

АРТИСТИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ ВЪ МОСКВѢ.

(1865—1883) [1]).

II.

Литературно-артистическая Москва 50—60-хъ годовъ.—Образованіе общества русскихъ драматическихъ писателей.—Артистическій кружокъ и провинціальные актеры.—Въ стѣнахъ кружка.

«Я ХОРОШО знаю его шарлатана! (Je le connais bien le charlatan!)—сказалъ одинъ французъ о Наполеонѣ I. Когда же его привлекли къ отвѣтственности и предложили вопросъ: какъ онъ дерзнулъ на эдакій отзывъ? то французъ выразилъ удивленіе.

— Да вы что сказали?

— Я?—и французъ объяснилъ, что онъ сказалъ: «Je le connais bien—le char l'attend». (Я его хорошо знаю—побѣдоносная колесница его ожидаетъ).

Съ артистическимъ кружкомъ происходило нѣчто подобное. Однѣ и тѣ же газеты «громили» его и желали ему всякихъ благъ. Заговоривъ о немъ, онѣ указывали на... Турцію, которая «давно уже идетъ прямымъ путемъ къ своей смерти, и эту дорогу избрала сама. Точно такъ артистическій кружокъ...». Это съ одной стороны, а съ другой—пожеланіе «большаго общенія и единодушія между членами-артистами». Надъ пожеланіемъ этимъ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ оно отражаетъ бытъ литературно-артистической Москвы 50—60-хъ годовъ девятнадцатаго столѣтія.

Въ тѣ времена подмосковное дачное мѣсто, принадлежащее графу А. Д. Шереметеву, село Останкино было занято цѣлою ко-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXVIII, стр. 482.

лоніей императорскихъ артистовъ, проводившихъ лѣтній сезонъ совмѣстно на дачахъ, расположенныхъ чуть не рядышкомъ [1]). Тамъ живали ежегодно, почти на одной улицѣ: всѣ Садовскіе [2]), С. В. Васильевъ съ женою Екатериною Николаевною Васильевой [3]), балетное семейство Титовыхъ, танцовщица Гусева [4]), сестры Бороздины [5]), пѣвецъ русской оперы Владиславлевъ [6]), семейство Живокини [7]), Д. Т. Ленскій [8]), Никулина-Косицкая [9]).

---

[1]) Теперь, кажется, и намека нѣтъ на тѣ артистическія гнѣзда.

[2]) Какъ извѣстно, на сценѣ императорскаго Малаго театра въ разное время подвизались братъ и племянникъ Прова М. Садовскаго, даровитые, но рано умершіе.

[3]) Сергѣй Васильевичъ Васильевъ и Екатерина Николаевна Васильевы принадлежали къ золотому вѣку московскаго Малаго театра. Потерявъ зрѣніе, знаменитый комикъ, истолкователь Островскаго, покинулъ сцену и умеръ, не имѣя полныхъ 35 лѣтъ, 5 іюня 1862 г. Достойная артистической фамиліи мужа, какъ бытовая художница-артистка, Екатерина Николаевна умерла 27 апрѣля 1877 г. (Родилась 14 августа 1829 г.).

[4]) Наталья Алексѣевна.

[5]) Варвара Васильевна и Евгенія Васильевна—«прекрасныя надежды нашей сцены», по выраженію П. Арапова («Драмат. Альбомъ»). «Прекрасныя надежды» въ 1850 году, сестры Бороздины не имѣли уже соперницъ въ 1860 году во многихъ роляхъ «наивныхъ дѣвицъ», въ водевиляхъ, а Евгенія Васильевна даже и въ оперныхъ партіяхъ. Обѣ отличались граціей, искренней веселостью, бойкостью и чувствомъ мѣры. Варвара Васильевна умерла 17 октября 1866 г., а Евгенія Васильевна—29 ноября 1869 г.. Ранняя смерть артистокъ, не достигшихъ и сорока лѣтъ, облекла въ трауръ театръ. Печальна была судьба Евгеніи Бороздиной, дебютировавшей въ 1848 г. ролью Церлины во «Фра-Діаволо» и вскорѣ заблиставшей въ комедіяхъ и водевиляхъ. Поневолѣ, послѣ столкновенія съ чиновниками, она покинула сцену въ тридцать лѣтъ и, лишенная пенсіи, девять лѣтъ жила въ крайней бѣдности и почти одиночествѣ. На дочери В. В. Бороздиной женатъ былъ Н. И. Музиль.

[6]) Потерявъ голосъ, Владиславлевъ въ октябрѣ 1875 г., попробовалъ себя въ драмѣ и имѣлъ успѣхъ, типично изобразивъ повара Евдокима («Въ осадномъ положеніи» В. А. Крылова) на сценѣ Малаго театра. Съ тѣхъ поръ онъ подвизался въ Большомъ и Маломъ театрахъ въ небольшихъ роляхъ и былъ очень доволенъ. Любилъ играть и хорошо игралъ на скрипкѣ и былъ большой охотникъ раскладывать пасьянсы, которыхъ зналъ множество.

[7]) Василій Игнатьевичъ Живокини, женившись въ 1826 г. на артисткѣ Лобановой, имѣлъ сына Дмитрія Васильевича, род. въ 1827 г.

[8]) Д. Т. Ленскій—о себѣ:

...А этотъ Прындикъ-Пастушковъ
Съ широкимъ носомъ, съ миной женской?
Несчастный переводчикъ Ленскій.

[9]) Любовь Павловна Никулина-Косицкая (род. 1829, умерла 5 сентября 1868 г.) разсказала о своихъ юныхъ годахъ въ «Русской Старинѣ». На сцену она поступила четырнадцати лѣтъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, къ антрепренеру Никольскому (умерш. 1847). Тогда ее замѣтилъ пріѣзжавшій въ Нижній на гастроли знаменитый пѣвецъ Бантышевъ, съ которымъ Н.-Косицкая пѣла въ «Аскольдовой Могилѣ». М. С. Щепкинъ привезъ даровитую артистку въ Москву и вмѣстѣ съ Мочаловымъ занялся сценическимъ образованіемъ Л. П. послѣ того, какъ она, послѣ службы въ Ярославлѣ и Рыбинскѣ, была зачислена казенной воспитанницей (1844 г.). Въ 1847 году Никулина-Косицкая дебютировала Парашей Сибирячкой и скоро стала любимицей публики. «Игра ея всегда была согрѣта теплымъ искреннимъ чувствомъ; особенно удавались ей пате-

По дорогѣ изъ Останкина въ Петровскій паркъ живали: А. Д. Медвѣдева [1]), А. И. Колосова [2]), красавица Мухина, семья Пуаре, глава которой преподавалъ гимнастику и фехтованіе въ московскихъ императорскихъ театрахъ [3]), музыкальное семейство Герберъ [4]). Въ Иваньковѣ [5]) живали: семейство режиссера Богданова [6]), Самаринъ [7]) и Шумскій [8]). Постоянными сосѣдями этихъ дачниковъ были драматическіе писатели и переводчики: Островскій, князь Кугушевъ, Рудневъ [9]), Тарновскій [10]),

тическія мѣста въ драмахъ. Косицкой обязана своимъ успѣхомъ драма «Материнское благословеніе»; она же первая создала Катерину въ «Грозѣ» Островскаго. Какъ музыкантша, она написала музыку къ нѣсколькимъ романсамъ... Всѣ знавшіе ее уважали искренно». Л. П. Никулина-Косицкая умерла послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни и «въ нищетѣ, такъ какъ ничего не жалѣла, чтобы помогать нуждающимся, никогда не забывая, что сама была бѣдна и несчастна». («Московскія Вѣдомости» №№ 193 и 201 1868 г.).

[1]) Акилина Дмитріевна Медвѣдева, мать знаменитыхъ артистовъ: Н. М. Медвѣдевой-Гайдуковой (умершей 24 сентября 1899 г.) и П.М. Медвѣдева (также нынѣ умершаго), род. 31 мая 1796 г. и воспитывалась въ московской театральной школѣ, аттестатъ которой получила 1 іюня 1816 г., хотя на службѣ она числилась съ 1814 г. Въ двѣнадцатомъ году, когда театральная школа спасалась отъ Наполеона въ Костромѣ, тамъ была и А. Д. Медвѣдева. На сценѣ она подвизалась недолго: въ 1822 г., іюля 17, Медвѣдева уже была уволена по слабости здоровья; но она, тѣмъ не менѣе, была замѣчена императоромъ Александромъ I, который, цѣня ея талантъ, пожаловалъ драгоцѣнный фермуаръ. Къ ней относятся слѣдующія строки изъ письма А. С. Грибоѣдова къ С. Н. Бѣчигеву: «Медвѣдева — здѣсь—прехорошенькая, я ей вчера въ Сандрильонѣ много хлопалъ». До конца жизни, погасшей 31 іюля 1895 года, почти столѣтняя А. Д. была на ногахъ, но она лишилась зрѣнія за нѣсколько лѣтъ до смерти. Погребена на Ваганьковомъ кладбищѣ въ Москвѣ, гдѣ пользовалась уваженіемъ и почетомъ со стороны цѣлаго ряда артистическихъ поколѣній.

[2]) Александра Ивановна Колосова род. 11 апрѣля 1834 г., скончалась 23 октября 1867 г., прослуживъ пятнадцать лѣтъ на сценѣ московскаго Малаго театра, гдѣ она была «превосходной исполнительницей ролей субретокъ, служанокъ, была прелестна въ водевиляхъ, но не отказывалась и отъ драматическихъ ролей. Публика любила ее, въ ея бенефисы театръ всегда былъ полонъ. Она шла своей дорогой прямо, честно, открыто. Это-то и давало ей еще больше правъ на всеобщее уваженіе». («Голосъ», № 302, 1867).

[3]) Отецъ артистки М. Я. Пуаре-Марусиной и покойнаго парижскаго карикатуриста «Карандаша» Яковъ Викторовичъ Пуаре, умеръ 23 сентября 1877 г.

[4]) Юлія Густавовича. См. выше о немъ.

[5]) Иваньково близъ Петровскаго парка и Останкина.

[6]) Богдановъ, предшественникъ С. А. Черневскаго (умер. 23 августа 1901 г.), управлялъ сценою Малаго театра въ золотой вѣкъ его. Въ срединѣ 70-хъ годовъ Богданова смѣнилъ Черневскій.

[7]) Иванъ Васильевичъ Самаринъ (1817—1885), знаменитый артистъ.

[8]) Сергѣй Васильевичъ Шумскій (1820—1878), знаменитый артистъ.

[9]) Ѳедоръ Максимовичъ Рудневъ (умеръ 27 января 1865 г.).

[10]) Константинъ Августиновичъ Тарновскій (1826—1892) извѣстный писатель-театралъ и авторъ нѣсколькихъ романсовъ. Въ 1891 г. праздновалось въ Москвѣ пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности его, причемъ юбиляръ получилъ отъ французскаго правительства офицерскіе знаки академіи. На литературномъ поприщѣ Тарновскій явился пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ съ переводомъ «Le muet de Saint Malo» («Нѣмой поневолѣ»), шедшаго на Большомъ театрѣ въ Москвѣ 12 сентября 1841 г.— Д. Т. Ленскій язвилъ пьесы Тарновскаго эпиграммами, хотя еще «Сѣверная Пчела»

Баташевъ [1]) и Никулинъ [2]). Ежедневно вечеромъ сходились всѣ поочередно у кого-нибудь изъ названныхъ лицъ, и время проводилось, если не въ гуляньѣ и совмѣстной рыбной ловлѣ [3]), то въ чтеніи, пѣніи и въ музыкальныхъ исполненіяхъ, чему особенно способствовало то обстоятельство, что въ императорскомъ лѣтнемъ театрѣ Петровскаго парка давались тогда представленія три раза въ недѣлю [4]). Начальство, театралы, музыканты и актеры спѣшили изъ театра на артистическую дачу, намѣченную въ тотъ день для музыкально-литературнаго собранія. Тогдашнее театральное начальство въ Москвѣ не чуждалось сближенія съ артистами. Верстовскій, женатый на драматической актрисѣ Рѣпиной [5]), а

(№193, 1834 г.) указывала на недостатки переводовъ самого Ленскаго. Къ слову: въ шестидесятыхъ годахъ ходила молва, будто бы съ Д. Т. Ленскаго Тургеневъ списывалъ своего Пигасова (въ романѣ «Рудинъ»).

[1]) П. Н. Баташевъ переводчикъ французскихъ водевилей.

[2]) Никулинъ, Иванъ Михайловичъ (род. 5 іюля 1830 г., умеръ 25 февраля 1862 г.), посредственный актеръ Малаго театра и переводчикъ. Мужъ знаменитой Никулиной-Косицкой.

[3]) Завзятымъ рыболовомъ былъ, между прочимъ, А. Н. Островскій. Въ окрестностяхъ Москвы его можно было видѣть на берегахъ рыбныхъ рѣчекъ съ удочкою и въ компаніи записныхъ рыболововъ въ родѣ покойнаго извѣстнаго артиста А. А. Разсказова.

[4]) Императорскій лѣтній театръ въ Петровскомъ паркѣ возникъ вслѣдствіе успѣшнаго хода дѣлъ въ императорскихъ зимнихъ театрахъ; высочайшее разрѣшеніе на постройку этого театра съ ассигнованіемъ пятидесяти тысячъ рублей дано было 29 августа 1834 г.

[5]) Надежда Васильевна Рѣпина-Верстовская умерла 20-го ноября 1867 года. О ней С. въ «Современной Лѣтописи»: «Можно сказать безъ преувеличенія, что Надежда Рѣпина изъ каждой роли создавала законченное художественное произведеніе. Тонкое, эстетическое пониманіе ролей, глубина и сила чувствъ, звучный, симпатичный голосъ, одушевленное выразительное лицо, блестящіе черные глаза и грація, присущая всѣмъ ея движеніямъ, вотъ тѣ орудія, которыми она побѣждала всѣ трудности искусства, очаровывая всѣхъ зрителей». (№ 44, 1867).—В. И. Родиславскій вспоминалъ, что «это была одна изъ тѣхъ актрисъ, имена которыхъ не умираютъ въ исторіи театра...» Рѣпина род. 25-го сентября 1809 г. Отецъ ея В. Д. Рѣпинъ былъ музыкантомъ московскаго театра, происходилъ изъ крѣпостныхъ людей господъ Столыпиныхъ и былъ выкупленъ на волю дирекціей императорскихъ театровъ... Н. В. Рѣпина поступила въ московское театральное училище 7 іюля 1816 г. Еще въ бытность свою въ училищѣ она (съ 1823 г.) начала появляться на сценѣ московскаго театра и съ первыхъ же выходовъ на сцену своимъ талантомъ обратила на себя вниманіе и публики и дирекціи. Особенно обратилъ на нее вниманіе служившій въ то время при театрѣ инспекторомъ музыки А. Н. Верстовскій... 26 мая 1825 г. Рѣпина вышла изъ училища и сразу заняла первое мѣсто на московской сценѣ; ей, по выраженію Д. Т. Ленскаго, недоставало только игры въ Парижѣ и похвалы французскихъ журналовъ, чтобъ имя ея гремѣло, какъ имя европейской знаменитости. Талантъ ея былъ обширенъ и многосторонепъ.

Для нея написана партія Надежды въ «Аскольдовой Могилѣ» и Пахиты въ «Тоскѣ по родинѣ». Бѣлинскій, говоря объ игрѣ Рѣпиной въ роли Сусанны («Свадьба Фигаро»), сказалъ: «признаемся, что если бы всѣ и всегда такъ играли, то не было бы больше плохихъ пьесъ».

П. С. Мочаловъ, играя Алеко (въ «Цыганахъ»), до того поддался очарованію игры Земфиры-Рѣпиной, что при стихахъ: «Какъ ласкала его въ почной тишинѣ...» совер-

также и Пельтъ [1]) охотно посѣщали—первый останкинскихъ обитателей, а второй—дачниковъ парка. У Верстовскаго, Львова, Пельта и Бѣгичева [2]) танцовали, устраивались литературно-музыкальные вечера или пикники при обязательномъ участіи на всѣхъ подобныхъ празднествахъ артистовъ всѣхъ императорскихъ московскихъ театровъ. Особенно большіе и разнообразные музыкальные вечера съ кулисными виртуозами и оперными пѣвцами составлялись у Л. Ѳ. Львова, управлявшаго въ то время московскими театрами. Львовъ былъ самъ хорошій музыкантъ, и на его вечера собиралась вся Москва [3]).

Въ теченіе зимнихъ сезоновъ составлялись въ Москвѣ, непрерывною цѣпью, литературные вечера и собранія у драматурговъ: Островскаго, Родиславскаго, Тарновскаго, Баташева, Бѣгичева, Юрьева [4]); у артистовъ: Самарина, Полтавцева [5]), Ольгина [6]),

---

шенно забылся и вскричалъ: это чортъ, а не женщина! Публика пришла въ восторгъ, и театръ задрожалъ отъ криковъ и грома рукоплесканій. (С. П. Соловьевъ, «Отрывки изъ памятной книжки отставного режиссера»).

Рѣпина покинула сцену 8 февраля 1841 г. въ роли Славской («Въ людяхъ ангелъ—не жена, дома съ мужемъ—сатана»), 31 года отъ роду и вскорѣ вышла замужъ за Верстовскаго. Д. Т. Ленскій посвятилъ ей «Льва Гурыча Синичкина».

[1]) Пельтъ, Николай Ивановичъ, род. въ 1810 г., сконч. 24-го марта 1872 г., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Начавъ службу въ управленіи московскихъ театровъ въ качествѣ переводчика и секретаря директора, продолжая—въ должности инспектора репертуара, Пельтъ былъ наконецъ назначенъ въ шестидесятыхъ годахъ управляющимъ московскими театрами. Его и любили и уважали, но, считая строгимъ, и боялись. «Одна изъ кордебалетныхъ молодыхъ танцовщицъ какъ-то расхохоталась на сценѣ во время спектакля, что было замѣчено режиссерскою частью, и затѣмъ, по обычаю, доложено начальству. Николай Ивановичъ потребовалъ хохотушку къ себѣ. Одно извѣстіе, что Пельтъ «требуетъ къ себѣ», привело несчастную молодую дѣвушку въ состояніе почти невмѣняемое. Тѣмъ не менѣе приходилось повиноваться, и она коекакъ добрела до кабинета начальника. Строгій выговоръ, а быть можетъ и наказаніе ожидало провинившуюся; но когда Пельтъ взглянулъ и замѣтилъ испугъ и блѣдность на ея лицѣ, то ограничился краткимъ замѣчаніемъ, послѣ котораго самъ невольно разсмѣялся, и отпустилъ молодую дѣвушку. Онъ страха она не могла произнести никакихъ словъ, кромѣ: «Простите, Пельтъ Ивановичъ!» («Театралъ», № 159, 1898 г.).

[2]) Бѣгичевъ, Владимиръ Петровичъ, умеръ въ 1891 г. драматургъ, и директоръ императорскихъ московскихъ театровъ

[3]) Львовъ былъ настоящій энтузіастъ и чуткій человѣкъ. Онъ провидѣлъ талантъ въ воспитанницѣ театральнаго училища Позняковой, знаменитой впослѣдствіи Г. Н. Ѳедотовой и, какъ говорится, «кричалъ» о ней передъ выходомъ Г. Н. въ 1862 г., въ драмѣ П. Д. Боборыкина «Ребенокъ». И театральная Москва ожидала съ нетерпѣніемъ дебюта юной артистки.

Здѣсь кстати сказать, что, въ заботахъ о роскошныхъ постановкахъ, Львовъ скупалъ у московскихъ аристократокъ дорогія платья и пополнялъ ими гардеробную дирекціи.

[4]) Юрьевъ, Сергѣй Андреевичъ (умеръ 26 декабря 1888 г.)—извѣстный эстетикъ, писатель, переводчикъ Лопе-де-Вега и Шекспира.

[5]) Полтавцевъ, Корнилій Николаевичъ (род. 1823, умеръ 29 декабря 1865 года), артистъ московскаго Малаго театра.

[6]) Ольгинъ, Григорій Степановичъ, подъ именемъ «Ольгина второго», былъ талантливымъ исполнителемъ ролей военныхъ всѣхъ чиновъ. Въ роли Скалозуба онъ не усту-

Степанова, у артистокъ: Колосовой, Васильевой и Н. А. Никулиной. «Учрежденіе артистическаго кружка необходимо приписать тогдашнимъ именно товарищескимъ отношеніямъ, существовавшимъ въ московскомъ театральномъ міркѣ» [1]).

Островскій,—свой человѣкъ среди литераторовъ и артистовъ, безъ особеннаго труда, такимъ образомъ, осуществилъ мысль объ артистическомъ кружкѣ, для созданія котораго имѣлось все налицо. Онъ же былъ и объединяющимъ началомъ и главною опорою этого учрежденія, такъ какъ Н. Г. Рубинштейнъ, «дѣятельно хлопотавшій» объ устройствѣ кружка и въ началѣ очень ревнивый къ кружковскимъ дѣламъ, вскорѣ долженъ былъ направить почти все свое вниманіе, заботливость и почти всѣ свои помыслы въ сторону новаго дѣтища: московской консерваторіи, открывшейся въ 1866 году; Островскаго же ничто не отвлекало отъ артистическаго кружка; напротивъ, все, что имъ задумывалось и создано въ практической области, все крѣпко связано съ кружкомъ, зародилось въ его стѣнахъ.

Пріятельство литературы съ искусствомъ принесло плодъ. Кружокъ послужилъ къ объединенію «всей Москвы». Стоило П. М. Садовскому и В. И. Живокини, завсегдатаямъ купеческаго собранія, измѣнить ему для своего кружка, и въ этотъ же кружокъ потянуло денежныхъ тузовъ, которымъ стало скучно въ своемъ клубѣ безъ «Прова» и Живокини. Артистическая молодежь волною хлынула туда, гдѣ собирались старшіе, и достигала пріятнаго съ полезнымъ: пріятно проводила время, а пользу извлекала отъ близости «столповъ сцены», которые всегда вѣдь любили покровительствовать начинающимъ. Такъ испоконъ вѣка! «Какъ актеръ Дмитревскій обучалъ артистовъ труппы для театра, а изъ нихъ преемниковъ себѣ, какъ-то: Яковлева и другихъ, такъ Щепкинъ призрѣлъ въ своей семьѣ и обучалъ А. И. Шубертъ [2]). Самаринъ обучилъ и руководилъ первыми шагами Г. Н. Ѳедотовой, А. П. Ленскаго, Н. А. Никулиной, Е. Н. Васильева направляла сценическое образованіе: Вильде [3]), Лаврова, своихъ до-

палъ Ильѣ Васильевичѣ Орлову, прославившемуся всего двумя ролями: Скалозубъ и Осипъ (въ «Ревизорѣ»). На балу у Фамусова Ольгинъ-Скалозубъ такъ танцовалъ мазурку, что всегда повторялъ ее.

[1]) «Театралъ», 1895 г.

[2]) Извѣстная артистка, подвизавшаяся какъ на столичныхъ, такъ и на провинціальныхъ сценахъ. Послѣ нея остались воспоминанія, нигдѣ еще не напечатанныя и, можетъ быть, принадлежащія В. Е. Якушкину.

[3]) Николай Евстафьевичъ (Густавовичъ) Вильде, извѣстный артистъ императорскихъ театровъ, умеръ въ Москвѣ 17 іюня 1896 г., на 64 году отъ рожденія. «По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ Н. Е. состоялъ нѣкоторое время чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ, а затѣмъ, оставивъ службу, началъ выступать въ качествѣ артиста на провинціальныхъ сценахъ, гдѣ сразу проявилъ свое дарованіе и былъ принятъ на сцену императорскаго Малаго театра. Всего

черей [1]) и Рѣшимова... [2]). Въ артистическомъ кружкѣ обсуждались бенефисные спектакли (а ихъ бывало больше двадцати въ сезонъ), распредѣлялись роли, выбирались пьесы, хлопотались дарованія, но объединить, вобрать въ себя всѣхъ артистовъ хотя бы только Малаго театра кружокъ не могъ. Его обходили Самаринъ и Шумскій (членъ Англійскаго клуба). Почему? Отвѣтъ находится въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» И. Ѳ. Горбунова: «въ театрѣ также были славянофилы и западники. Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ были западники. Садовскій былъ славянофилъ». Артистическій кружокъ, гдѣ Островскій и Садовскій играли первенствующія роли, не могъ быть нуженъ ни Самарину, ни Шумскому, которымъ, вдобавокъ, «новые, невѣдомые имъ типы Островскаго не удавались» (Горбуновъ) [3]). Въ настоящее время «западничество» знаменитыхъ артистовъ представляется дѣтской игрою: вѣдь самъ Грановскій, по выраженію Прова Садовскаго, насприндовывавшій и Щепкина, и Самарина, и Шумскаго, «взятъ подъ сумнѣніе»: академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ замѣтилъ, что напрасно причислять Т. Н. Грановскаго къ западникамъ» [4]). Но въ ту пору съ «хлыстами» (западники—на языкѣ знаменитой А. Т. Сабуровой) приходилось считаться; они казались непримиримыми и отъ нихъ летѣли въ славянофиловъ язвительныя эпиграммы [5]).

Н. Е. Вильде пробылъ на сценѣ болѣе тридцати пяти лѣтъ, состоя около двадцати шести лѣтъ артистомъ императорскаго театровъ». («Новости Дня», № 4682, 1896 г.). Онъ служилъ и военнымъ. На сценѣ Малаго театра Вильде выдѣлялся въ роляхъ драматическихъ резонеровъ. Своею коронною ролью онъ считалъ Геннадія Несчастливцева («Лѣсъ»). Выслуживъ пенсію, Н. Е. Вильде вышелъ изъ состава казенной труппы и игралъ на частныхъ сценахъ. «Его постигла душевная болѣзнь, и послѣдніе годы онъ уже безъ надежды на излеченіе провелъ въ новой Екатерининской больницѣ». («Театралъ», № 74, 1896 г.). Имъ написаны пьесы: «Арахнея», «Изабелла Кастильская», «Молодежь» и «Преступница». По «Воспоминаніямъ» А. А. Соколова, Вильде былъ сердечный человѣкъ. Погребенъ на Семеновскомъ кладбищѣ.

[1]) Здравствующей извѣстной артистки Александринскаго театра Надежды Сергѣевны Васильевой-Танѣевой и Вѣры Сергѣевны Васильевой, артистки московскаго Малаго театра (умерла въ Москвѣ 1910 г.).

[2]) Михаилъ Аркадьевичъ Рѣшимовъ, впервые дебютировавшій въ императорскомъ Маломъ театрѣ въ началѣ 1860-хъ годовъ и не сошедшійся съ дирекціей въ условіяхъ, игралъ въ Вильнѣ, Саратовѣ и Казани, а въ августѣ мѣсяцѣ 1869 г. дебютировалъ вторично. Выступивъ въ роляхъ: Глумова («На всякаго мудреца довольно простоты»), Мерича («Бѣдная невѣста») и Чацкаго и сыгравъ ихъ съ большимъ успѣхомъ, Рѣшимовъ былъ принятъ и въ труппѣ Малаго театра занялъ амплуа jeune premier. Онъ былъ красивъ и элегантенъ. Графъ В. А. Сологубъ говорилъ, что Рѣшимовъ «единственный изъ московскихъ артистовъ, умѣющій носить фракъ». До конца жизни (Рѣшимовъ умеръ 21-го августа 1887 г.) онъ пользовался любовью московской публики.

[3]) Полное собраніе сочиненій изд. А. Ф. Маркса, книга 4.

[4]) «Воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина», 1900 г.

[5]) Ими отличался въ особенности Д. Т. Ленскій, который написалъ, напримѣръ, на Прова Садовскаго такую эпиграмму:

Вотъ вамъ талантъ вполнѣ московскій,
Самъ Провъ Михайловичъ Садовскій!
Онъ съ головы до ногъ мужикъ,
Невѣжда, чучело, квасникъ.
Смѣшитъ по-своему, но ловко:
Видна мѣщанская сноровка!

Зато сопричтенные къ лику славянофиловъ могли похвастать и гордиться своей сплоченностью, взаимной пріязнью; они пеклись о взаимныхъ интересахъ, и не будетъ ошибкой сказать, что именно въ артистическомъ кружкѣ зародилась мысль объ обществѣ русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ; окрѣпшая и подхваченная назрѣвшей необходимостью, мысль эта захватила умы писателей и воплотилась. «29-го ноября 1870 года въ квартирѣ Владимира Ивановича Родиславскаго, собрались: А. Н. Островскій, Н. А. Чаевъ [1]), князь І. А. Мещерскій [2]), А. А. Майковъ [3]) и А. О. Лютецкій [4]). Это было первое собраніе драматическихъ писателей, созванное В. И. Родиславскимъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукова, имя котораго неразрывно связано съ возникновеніемъ общества и первыми, самыми трудными годами его дѣятельности. Собраніе открылось рѣчью В. И. Родиславскаго о законной защитѣ авторскихъ правъ драматическихъ писателей на основаніи статьи 1684 уложен. о наказ., ясно воспрещающей всякое публичное представленіе драматическаго произведенія безъ согласія автора» [5]).

Драматическіе писатели, въ сущности, пришли не болѣе, какъ къ справедливому рѣшенію, что пора же и надо же получать вознагражденіе за свой нелегкій трудъ, но ихъ рѣшеніе пришлось не по вкусу театральнымъ дѣльцамъ и даже клубамъ, для которыхъ «авторскія» и не могли составлять обременительнаго расхода. Какъ ни странно, въ числѣ протестантовъ оказался и артистическій кружокъ. Островскій писалъ Ѳ. А. Бурдину: «Артистическій кружокъ «упрямился» платить авторамъ за пьесы, но и съ нимъ, кажется, сладимъ,—и дѣло до процесса не дойдетъ». И какъ было не сладить, если кружокъ увлекался спектаклями, мечталъ построить на нихъ свое благополучіе, а статья 1684 уложенія о наказаніяхъ являлась висѣвшимъ надъ головою Дамокловымъ мечомъ! Если не платить авторамъ, членамъ общества, то что же было ставить на сценѣ? Вѣдь въ обще-

---

[1]) Извѣстный писатель.

[2]) Князь Іосифъ Александровичъ Мещерскій (умеръ 27-го апрѣля 1884 г.), драматическій писатель-переводчикъ Мольера; членъ-учредитель и одно изъ дѣятельныхъ лицъ въ комитетѣ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ.

[3]) Аполлонъ Александровичъ Майковъ (1826—1902 гг.)—извѣстный славистъ. Имъ переведено съ французскаго и нѣмецкаго языковъ нѣсколько драматическихъ произведеній. Съ 10-го апрѣля 1889 г. по 14 апрѣля 1890 г. былъ предсѣдателемъ общества русскихъ драматическихъ писателей, а потомъ до смерти казначеемъ.

[4]) Александръ Осиповичъ Лютецкій, скончавшійся немного лѣтъ назадъ, журналистъ умѣренно-прогрессивнаго направленія и писатель для театра. Впослѣдствіи участіе его въ обществѣ русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ выразилось также тѣмъ, что Лютецкій составилъ каталогъ общества и участвовалъ въ разработкѣ нынѣ дѣйствующаго устава.

[5]) Обзоръ дѣятельности общества русскихъ драматическихъ писателей, 1899, стр. 3.

ство вступили 81 писатель; между ними были всѣ звѣзды первой и малой величины и всѣ такъ называемые литературные закройщики; артистическій кружокъ смирился и сталъ платить по пяти рублей за актъ, и даже на расчетномъ листѣ нумеръ первый, выданномъ Островскому, обозначенъ былъ онъ. Нѣкоторое время въ помѣщеніи кружка находилась и библіотека общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ.

Образовавъ общество и отстоявъ свои права, драматическіе писатели захотѣли принять участіе въ улучшеніи положенія тѣхъ людей, которымъ они немало обязаны своими успѣхами, именно актеровъ. Доброе дѣло затѣвалось, опять-таки, подъ кровлею артистическаго кружка. Въ 70-хъ годахъ не существовало театральнаго общества, ничего подобнаго ему. Агентства возникли также позднѣе. Актеры собирались или въ трактирѣ Щербакова (попросту «Щербаки»), въ домѣ Хомякова, или въ артистическомъ кружкѣ. (Щербаковъ далъ актерамъ прощальный обѣдъ, а они поднесли ему подарокъ). Что касается кружка, то въ великопостные вечера онъ представлялъ настоящій актерскій улей. Жрицъ и жрецовъ искусства набиралось множество. Впрочемъ, ресторанъ Вельде возлѣ Большого театра замѣнилъ «Щербаки».

«Здѣсь идутъ настоящія смотрины; предприниматели высматриваютъ себѣ трагиковъ, простаковъ, первыхъ любовниковъ и т. д., которые, съ своей стороны, заботятся о пріисканіи себѣ выгодной сдѣлки. Хорошимъ средствомъ показать себя для провинціаловъ служатъ такъ называемыя генеральныя репетиціи въ кружкѣ, которыя постомъ обставляются почти исключительно пріѣзжими артистами, что даетъ возможность видѣть художественное исполненіе пьесъ» [1]).

Представляя въ это время биржу труда, кружокъ помогалъ Островскому наблюдать актерскіе типы и показывать ему и всѣмъ его друзьямъ и единомышленникамъ всю горечь существованія провинціальнаго актера. Лавры-то лавры, апплодисменты-то апплодисменты, но нѣтъ ничего, что бы намекало на матеріальное единеніе многочисленныхъ служителей и служительницъ искусству, для которыхъ любой день можетъ быть самымъ черднымъ днемъ. И вотъ изъ сферы созерцанія берется мысль. Ее подхватываютъ. «Подхвачена мысль о ссудо-вспомогательной кассѣ. Составилась сразу цѣлая гурьба участвующихъ въ ней и начались совѣщанія о выработкѣ устава. Касса становится подъ покровительство общества русскихъ драматическихъ писателей и, вѣроятно, будетъ состоять при немъ» [2]).

---

[1]) «Недѣля, № 16, 1875 г.

[2]) «Недѣля», № 16, 1875 г. Въ 1871 году изъ кассы артистическаго кружка были отчислены 3000 рублей, положенные въ основаніе фонда для вспомоществованія бѣднымъ артистамъ.

Идеалистамъ, радующимся намѣреніямъ, какъ дѣлу, уже казалось, что сонный театральный міръ всколыхнулся, охваченъ движеніемъ, которое не ограничится «первой попыткой ассоціаціи», что за нею послѣдуютъ другія начинанія, «могущія довершить начатый переворотъ», но такъ могло казаться только идеалистамъ. Произошла буря въ стаканѣ воды. Артисты погорячились, покипѣли, и опять міръ ихъ склонился ко сну. Такъ ничего и не вышло изъ благого порыва общества драматическихъ писателей. Но и этотъ порывъ, и образованіе самаго общества драматурговъ показываютъ отличіе артистическаго кружка отъ прочихъ клубовъ, хотя печать того времени ставила ихъ на одну доску и твердила, что кружокъ просто-напросто игорный домъ и нѣтъ ему дѣла ни до чего, кромѣ картъ.

Нѣтъ, пріютъ литераторовъ и артистовъ, онъ откликался, когда дѣло касалось литературно-артистическаго юбилея, важнаго общественно-политическаго событія и по праву примыкалъ къ другимъ культурнымъ, учрежденіямъ, что считали долгомъ отмѣчать каждый подобный юбилей, каждое такое событіе. Артистическій кружокъ совмѣстилъ въ себѣ тѣхъ, кто, бывало, собирался въ разныхъ мѣстахъ. Онъ сдѣлался милымъ пріютомъ для остатковъ «молодой редакціи «Москвитянина»; онъ сталъ камелькомъ, къ которому сходилась соль земли, бывало, искавшая «откровеній и правилъ» въ гостепріимной квартирѣ критика Аполлона Григорьева, или находившая радушіе въ салонѣ поэтессы графини Ростопчиной, благотворившей начинающимъ писателямъ и художниакмъ. Ко времени открытія артистическаго кружка не было въ живыхъ ни Григорьева, ни Ростопчиной; Погодинъ прекратилъ изданіе «Москвитянина» и, «ища повсюду живого начала», а также желая, какъ историкъ, «провѣрить прошедшее настоящимъ», сталъ совершать болѣе или менѣе частыя путешествія; погасли и многіе другіе огоньки, которые манили; но «человѣкъ-то животное общественное», но многихъ изъ Петербурга тянуло въ Бѣлокаменную и столь же многимъ хотѣлось воскрешать былое. Гдѣ же было дѣлиться воспоминаніями? Гдѣ можно было побольше собрать своихъ? Этому всему наилучше удовлетворялъ артистическій кружокъ.

А воспоминанія все нарастали. Почти каждый годъ уносилъ кого-нибудь близкаго, дорогого или сочувственнаго тѣмъ, кто составлялъ душу артистическаго кружка. Не успѣли похоронить А. Н. Баженова, какъ вскорѣ умираетъ Колосова, а черезъ годъ Никулина-Косицкая. Еще полгода—и не стало одного изъ учредителей кружка, благороднѣйшаго князя Владимира Ѳедоровича Одоевскаго (умеръ 27-го февраля 1869 года). Живымъ было о комъ вспоминать!

Своимъ чередомъ шли праздники.

Въ 1868 году исполнилось сто лѣтъ, какъ родился дѣдушка Крыловъ. Артистическій кружокъ отпраздновалъ столѣтній юби-

лей знаменитаго баснописца 4-го февраля чтеніемъ басенъ, живыми картинами, пѣніемъ и танцовальнымъ вечеромъ. А. Н. Островскій прочиталъ басни «Демьянова уха» и «Разборчивая невѣста», графъ В. А. Соллогубъ—«Квартетъ», а А. Н. Плещеевъ—басню «Фортуна и Нищій». Чтеніе сопровождали живыя картины, соотвѣтственно содержанію басенъ. Участники живыхъ картинъ, особенно представившіе во образѣ звѣриномъ, занимали публику своей эффектной группировкой, наибольшій же успѣхъ выпалъ послѣдней картинѣ, въ которой Кронбергъ [1]), изображая богиню счастья, парящую въ облакахъ, сыпала изъ рога изобилія золото въ суму нищаго. «Красивая въ полномъ смыслѣ слова наружность госпожи Кронбергъ, при эффектномъ освѣщеніи и живописной позѣ, привела въ неописанный восторгъ многихъ» [2]). Она же исполнила положенныя на музыку А. Г. Рубинштейномъ басни «Кукушка и Орелъ» и «Стрекоза и Муравей». Послѣ пѣнія Кронбергъ, на сценѣ появился бюстъ дѣдушки Крылова, вокругъ котораго были сгруппированы всѣ герои басенъ. Бенгальскій огонь освѣтилъ всѣхъ, а Н. Е. Вильде прочиталъ тутъ свои стихи въ честь Крылова.

12-го марта въ артистическомъ кружкѣ былъ вечеръ въ пользу Ю. Г. Гербера, а за нѣсколько дней передъ тѣмъ литературно-музыкальное собраніе въ пользу голодавшихъ крестьянъ Мценскаго уѣзда. Игралъ соло на скрипкѣ Герберъ, играла талантливая піанистка-любительница Устинова, читали князь Кугушевъ сцену изъ «Войны и мира», а Писемскій—отрывокъ изъ своего «Ипохондрика». Екатерина Николаевна Васильева прочитала изъ Гоголя, пѣлъ

---

[1]) Зинаида Дмитріевна Кронбергъ (настоящая фамилія Карякина) училась въ московской театральной школѣ и еще воспитанницей танцовала въ кордебалетѣ. Композиторъ Даргомыжскій услыхалъ ея голосъ и посовѣтовалъ учиться пѣнію. Въ 1867 году она была выпущена въ хористки съ окладомъ 120 рублей въ годъ. Участіе въ музыкальныхъ вечерахъ артистическаго кружка, хоть оплачивалось скудно, служило все-таки подспорьемъ. Послѣ артистическаго кружка Кронбергъ стали приглашать въ дворянское собраніе къ участію въ концертахъ съ платою по пяти-десяти рублей. У нея было хорошее контральто. Служа хористкою, З. Д. Кронбергъ исполняла выходныя роли въ итальянской оперѣ и однажды, по болѣзни артистки, пѣла Зибеля (1869 г.). Привыкнувъ къ сценѣ въ артистическомъ кружкѣ, она съ большимъ успѣхомъ выступила на императорской сценѣ въ водевиляхъ «Цыганка» и «Передъ свадьбой», сдѣлалась непремѣнной участницей всѣхъ бенефисовъ императорскихъ артистовъ, но матеріальное положеніе З. Д. Кронбергъ улучшилось лишь съ переходомъ въ 1876 году въ Петербургъ, гдѣ она, затмивъ въ опереткахъ Абаринову и Чернявскую, замѣнила вполнѣ покойную В. А. Лядову. Живя по болѣзни въ Ниццѣ, Кронбергъ два раза пѣла съ итальянцами въ «Фавориткѣ»; въ 1879 году, выйдя замужъ за Лихачева, З. Д. разсталась со сценою, но любовь и тяготѣніе къ театру сохранила до конца жизни. Она умерла 19-го іюня 1884 г., тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Кронбергъ-Лихачева отличалась умомъ, добросердечіемъ и вообще достоинствами, за которыя человѣка и любятъ и уважаютъ, («Современная Лѣтопись», № 33, 1869 г.—«Театральный Мірокъ», №№ 26 и 28, 1884 г.).

[2]) «Московскія Вѣдомости».

Демидовъ [1]): «Чуютъ правду», гурилевскую «Разлуку» и «Пряху» Монюшки. Въ залѣ чувствовалось оживленіе, но, по свидѣтельству очевидца, общее настроеніе измѣнилъ и испортилъ А. А. Фетъ «однообразнымъ, монотоннымъ и весьма невыразительнымъ чтеніемъ «Германа и Доротеи». Вечеръ терялъ прелесть, публики позѣвывала и, конечно, ушла бы недовольная, если бы не выступленіе Прова М. Садовскаго. Онъ поправилъ дѣло тѣмъ, что, появившись на сценѣ, сталъ читать изъ «Мертвыхъ Душъ» о посѣщеніи Чичиковымъ Бетрищева. Садовскій увлекъ чтеніемъ своимъ публику и самъ увлекся. Дойдя до бетрищевскаго смѣха, вызваннаго просьбой Чичикова о передачѣ ему мертвыхъ душъ, Садовскій не выдержалъ и разразился смѣхомъ не хуже генерала Бетрищева. И весь залъ хохоталъ отъ души. Все хорошо, что хорошо кончается.

III.

Начало драматическихъ спектаклей.—О. О. Лазарева (Садовская), М. П. Садовскій, В. А. Макшеевъ и другіе.— Кружокъ начинаетъ расцвѣтать.—Еще новоселье.—Разладъ между старшинами.—Значеніе спектаклей 1867—69 г.г.—Анекдотъ про В. А. Охотина.

Возвратимся, однако, въ гостиницу Журнало, гдѣ помѣстился артистическій кружокъ. Надежды его на лоттерею не оправдались, какъ все равно не поправляли дѣлъ и музыкально-литературные вечера. Ужасъ положенія увеличился оттого, что въ обществѣ кружку не было никакого кредита. Да, правду говоря, какъ и кредитовать учрежденіе, у котораго пустая касса и тридцать тысячъ долгу! Однако въ столь тяжелое время нашелся человѣкъ, взявшійся возродить кружокъ: это былъ извѣстный намъ застольный поэтъ-ораторъ, артистъ Малаго театра Николай Евстафьевичъ Вильде. Надо было имѣть много вѣры въ свою работоспособность и столько же вѣры въ прочность фундамента, чтобы рѣшиться на новое строительство зданія артистическаго кружка. Вильде обладалъ такимъ запасомъ оптимизма; у него былъ зоркій глазъ и умѣнье угадывать нужду времени; наконецъ, онъ имѣлъ театральный опытъ и административныя способности. Свой человѣкъ въ кружкѣ, Вильде пред-

[1]) Степанъ Васильевичъ Демидовъ, басъ русской оперы, обладатель могучаго и красиваго голоса, въ особенности славился задушевнымъ и возможно-безыскусственнымъ исполненіемъ народныхъ пѣсенъ и русскихъ романсовъ. У Лаврова въ его книгѣ «Сцена и жизнь въ провинціи и въ столицѣ», подъ 1861 годомъ записано: «На робкій кличъ дирекціи слетѣлись русскіе пѣвцы и пѣвицы съ разныхъ сторонъ, какъ-то: Сѣтовъ, Орловъ, Раппопортъ—тенора: Демидовъ, Артемовскій—басы...» и т. д. (стр. 229). Но въ половинѣ 70-хъ годовъ Демидовъ былъ уже уволенъ. Это такъ подѣйствовало на него, что онъ сталъ пить горькую. На сезонъ 1876—1877 годовъ І. Я. Сѣтовъ пригласилъ своего бывшаго сослуживца пѣть въ кіевской оперѣ, но Демидовъ послѣ двухъ спектаклей уѣхалъ въ Москву и скоро умеръ въ бѣлой горячкѣ. Это былъ добрый и, по отзывамъ современниковъ, незлобивый человѣкъ.

ложилъ свои услуги главнаго распорядителя и былъ избранъ И вотъ онъ, чтобы вымести скуку изъ кружка и сдѣлать его интереснымъ для публики и безъ азартныхъ игръ, собираетъ драматическую труппу изъ любителей и ставитъ съ ними сперва закрытые спектакли (для членовъ кружка), а съ апрѣля 1868 года общедоступные.

Газеты уже давно жаловались на то, что масса москвичей не могутъ попасть въ театръ, такъ какъ Большой и Малый театры, разумѣется, не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ, а частныхъ театровъ нѣтъ. «Дирекція театровъ имѣетъ исключительное право на спектакли: русскіе, французскіе и нѣмецкіе драматическіе, русскіе и итальянскіе оперные и балетные,—писалъ Г. А. Ларошъ.—Частной предпріимчивости запрещенъ доступъ къ этимъ отраслямъ искусства. Артистъ, чувствующій призваніе, долженъ поступать на службу къ театральной дирекціи или обречь себя на карьеру провинціальнаго артиста. Въ двухъ огромныхъ городахъ, гордящихся названіемъ столицъ Россіи, существуетъ ровно столько поприщъ для сценическихъ артистовъ, сколько есть амплуа въ театрахъ казенной дирекціи» [1]).

Артистическій кружокъ, въ лицѣ Островскаго и многихъ другихъ, съ самаго начала мечталъ о драматическихъ представленіяхъ и, получивъ на нихъ разрѣшеніе, явился первымъ частнымъ театромъ въ столицѣ. Антреприза увлекла кружокъ. Благодаря ей, не осуществились многіе замыслы его учредителей, и онъ сталъ влачить, увы, иногда даже скандальное существованіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не сцена ли и сохранила артистическій кружокъ въ памяти москвичей и множества артистовъ? И за то, что онъ далъ и показалъ на своей сценѣ, ему многое прощается,—всѣ его пятнышки и промахи...

Вильде рѣшилъ ставить спектакли, увѣренный въ томъ, что они поправятъ дѣла кружка. Публика истомилась по театру. Старшины вполнѣ раздѣляли мнѣніе Вильде. Поэтому кружокъ торопливо пошелъ навстрѣчу своему спасителю, передалъ ему руль и только желалъ, чтобы пьесы ставились или новыя, или давно не игранныя. Это желаніе исполнилось лишь отчасти. Вильде повелъ репертуаръ съ преобладаніемъ твореній Островскаго, что было, кажется, всѣмъ пріятно. Провъ Михайловичъ Садовскій пожертвовалъ 300 рублей, такъ сказать, «на зубокъ» новому театру.

Составилась труппа. Все только любители, сплошь даровитые; но, среди остальныхъ, трое чуть ли не самыхъ молодыхъ отличались недюжинными талантами: О. О. Лазарева, М. П. Садовскій и В. А. Макшеевъ [2]). Такъ какъ спектакли начались осенью 1867 года, то Лазаревой и Садовскому не было болѣе, чѣмъ по двадцати лѣтъ,

---

[1]) «Современная Лѣтопись», № 35, 1869 г.

[2]) Артисты императорскаго Малаго театра открыто признавали ихъ конкурентами.

а Макшееву двадцать четыре года. Съ молодежью Вильде началъ дѣло. Окруживъ себя начинающими любителями, опытный артистъ разсчитывалъ спасти погибающее учрежденіе, и расчетъ не обманулъ его. Любителей драматическаго искусства и тогда въ Москвѣ были непочатые углы. Время отъ времени эти «свѣтляки» появлялись на сценѣ какого-нибудь театра Секретарева или въ клубахъ; въ семидесятыхъ годахъ существовалъ даже цѣлый «кружокъ Ѳ. Куманина и Компанія» (какъ его тогда называли), но всѣ они топтались въ кругу самое большое золотыхъ посредственностей, и театральные критики относились къ ихъ спектаклямъ такъ же, какъ отнесся бы Вазари къ живописцу вывѣсокъ: отмѣчали вскользь, съ снисходительной улыбкой.

Иными оказались любители, руководимые Вильде; это уже не «свѣтляки», это не тѣ лицедѣи, что забавляются на досугѣ и радырадехоньки, если захудалая газетка скажетъ доброе слово о нихъ устами сотрудника, по части «городскихъ происшествій». Любители изъ артистическаго кружка, въ особенности Дюбюкъ и Лазарева, князь Кугушевъ, Макшеевъ, Садовскій и Сусоровъ показали себя прирожденными артистами, кто съ комической, кто съ драматической жилкой; съ врожденнымъ умѣньемъ держаться на сценѣ, съ творческой способностью. До нихъ еще никакіе любители не поднимались такъ высоко, а послѣ нихъ съ такою же силою перстомъ Божіимъ отмѣчены были только тѣ, кто составилъ «московское общество искусства и литературы», изъ нѣдръ котораго вышелъ существующій Художественный театръ.

И печать это поняла. А понявъ, она стала сразу же предъявлять къ членамъ труппы Вильде требованія, какія предъявляла къ заправскимъ актерамъ и даже къ такимъ столпамъ Малаго театра, какъ Шумскій или Никулина и Ѳедотова... Поэты складывали величанія, напримѣръ:

«На заднемъ дворѣ сей юдоли земной
Таланты есть очень большіе;
Скрываясь въ тѣни, у людей за спиной,
Они, какъ цвѣтки полевые

Въ крапивѣ, безслѣдно бъ погибли для насъ,
Въ глуши ароматъ свой теряяя
Но въ свѣтъ ихъ выводитъ кружокъ напоказъ,
Призванье свое исполняя.

И многихъ онъ вывелъ: и тѣ, что уныло
Все въ спину смотрѣли другихъ,
Въ кружкѣ развернулись такъ мило, такъ мило,
Какъ Сусоровъ [1])... Мало ли ихъ!» И т. д. [2])

[1]) Кажется, Алексѣй Алексѣевичъ Сусоровъ, скон. 1875. (комикъ-резонеръ).
[2]) Развлеченіе, № 48, 1869.

Иное отношеніе театральныхъ критиковъ, безъ сомнѣнія, было бы и обиднымъ для Лазаревой, Макшеева и Садовскаго, которые, ставъ артистами Малаго театра, заблистали въ первомъ ряду. Читатель можетъ спросить: гдѣ учились сценическому искусству эти любители? Отвѣтимъ словами Шекспира: The world is a stage—міръ вотъ сцена. Жизнь—школа для сцены.

Ольга Осиповна Лазарева дебютировала въ комедіи Островскаго «Въ чужомъ пиру похмелье» ролью Настасьи Панкратьевны, за которою слѣдовали: Авдотья Максимовна («Не въ свои сани не садись»), Татьяна Ильинична («Война съ тещей»), Анна Андреевна («Ревизоръ»), Анна Павловна («Шутники») и т. д. включительно до ролей водевильныхъ. Какъ видно, любительница дѣлала рѣзкіе переходы, словно бы нащупывая амплуа и болѣе довѣряя сочувствію и самопознанію, чѣмъ голосу критики. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что молодая дѣвушка пожелала изобразить Брускову, мать двухъ взрослыхъ Титычей: 22-лѣтняя С. П. Акимова также прямо поступила на амплуа комическихъ старухъ; не удивительно и то, что въ слѣдующій разъ Лазарева играетъ Дуню, нѣсколько странно и удивительно, что полный успѣхъ въ этой послѣдней роли не заставилъ Лазареву взяться за подобныя же роли и подождать играть пожилыхъ женщинъ, которыя къ тому же и не вполнѣ ей удавались.

Вотъ что писалъ критикъ «Развлеченія» о начинающей любительницѣ: «Въ артистическомъ кружкѣ на послѣднемъ «семейномъ драматическомъ вечерѣ» исполнена была комедія Островскаго «Не въ свои сани не садись» и водевиль «Слабая струна». Спектакль этотъ доставилъ большое удовольствіе всѣмъ тутъ бывшимъ. Особенное вниманіе обратила на себя г-жа Лазарева, исполнявшая роль Авдотьи Максимовны. Эта молодая любительница съ самымъ искреннимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ сумѣла передать всѣ исключительныя черты трудной роли. Каждый монологъ, каждая фраза дышали простотою, правдою и естественностью, т. е. тѣми условіями, которыя суть настоящія основы прекраснаго во всѣхъ произведеніяхъ искусства. Но что всего поразительнѣе было въ игрѣ г-жи Лазаревой, такъ это сценическая ловкость, съ которою она сумѣла усвоить и передать тѣ оригинальныя, простыя манеры, составляющія типичность необразованной дѣвушки, дочери богатаго купца. Съ самою искреннею задушевностью провела г-жа Лазарева сцену объясненія съ Вихоревымъ. На замѣчаніе его о выходѣ замужъ, она, отбросивъ вдругъ свою застѣнчивость, съ пылкимъ, горячимъ чувствомъ проговорила: «Это неправда, Викторъ Аркадьичъ; это васъ обманули—это только хотятъ насъ разстроить. И кому это только нужно»! Въ этихъ немногихъ словахъ, благодаря таланту г-жи Лазаревой, высказалась вся любящая натура Дуни. Громкія рукоплесканія посѣтителей сопровождали эту сцену. Тѣ же самыя

рукоплесканія были вызваны и той сценой, въ которой Вихоревъ, прощаясь съ Дуней, беретъ ее за руки и хочетъ обнять, а она отвѣчаетъ: «Нѣтъ, мнѣ стыдно, ей-Богу, стыдно!—Вы будете послѣ смѣяться. Нѣтъ, мнѣ, право, стыдно». И вслѣдъ за тѣмъ она обнимаетъ и цѣлуетъ Вихорева. Въ этомъ объятіи, въ этомъ поцѣлуѣ выразилось столько застѣнчивой увлекательности, что самые холодные зрители были растроганы игрою г-жи Лазаревой. Мнѣ самому не хотѣлось бы оторваться отъ перечисленія всѣхъ сильныхъ и трудныхъ по исполненію мѣстъ, которыя переданы были вполнѣ художественно этою даровитою любительницею, но перечислить ихъ значило бы разсказать всю роль Дуни, потому что въ исполненіи ея г-жой Лазаревой мнѣ положительно не удалось примѣтить ни одного не только слабаго, но хотя сколько-нибудь неудовлетворительнаго мѣста. Судя по одной роли Дуни, мнѣ кажется, что безшибочнымъ будетъ причислить г-жу Лазареву къ числу истинно даровитыхъ артистокъ» [1]).

Итакъ, публика рукоплещетъ артисткѣ даже за отдѣльныя сцены, критика въ не меньшемъ восторгѣ. Не слѣдовало ли Лазаревой продолжать играть ingénues? Между тѣмъ, она послѣ Дуни представляетъ тещу, старую ханжу, и городничиху. Доброжелательный критикъ морщится. «При несомнѣнномъ драматическомъ талантѣ г-жѣ Лазаревой удалось, правда, усвоить нѣсколько нотъ старушечьяго голоса, но этихъ немногихъ нотъ оказалось слишкомъ недостаточно для передачи такой характерной, почти исключительной личности, какою представляется въ комедіи Татьяна Ильинична, Вслѣдствіе такихъ условій вся эта роль проведена г-жой Лазаревой ровно, гладко, незамѣтно было никакихъ шероховатостей, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и вся рельефность... Въ подобнаго рода попыткахъ нѣтъ рѣшительно никакой артистической цѣли», заканчиваетъ А. В. свой отзывъ [2]). Въ «Ревизорѣ», по мнѣнію того же критика, Лазаревой не удалось олицетворить собою Анну Андреевну. «Она загримировалась настолько старообразно, что слова Хлестакова: «да и матушка такая, что еще можно бы...»—никакъ не допускали возможности того затаеннаго смысла, который заключается въ этихъ словахъ. Она походила болѣе всего на какую-то экономку, у которой всѣ заботы сосредоточиваются на одномъ только хозяйствѣ, тогда какъ Анна Андреевна выказывается въ комедіи не хозяйственной стороной своего воспитанія. Гоголь прямо называетъ ее провинціальной кокеткой» [3]).

Другихъ отзывовъ о тѣхъ же спектакляхъ мы не знаемъ. Отзывы А. В. цѣнны своей полнотой и безпристрастіемъ. Съ первыхъ же

---

[1]) «Развлеченіе», № 7, 1868 г.
[2]) Тамъ же, № 13, 1868 г.
[3]) Тамъ же, № 15, 1868 г.

шаговъ на сценѣ Лазарева обнаружила всѣ свои артистическія достоинства и такой недостатокъ, какъ молодость и настойчивое тяготѣніе къ опредѣленному амплуа. Лазарева отмахивается отъ успѣха, который ее встрѣтилъ въ роли Авдотьи Максимовны, а вскорѣ потомъ въ «Шутникахъ» (Анна Павловна), и камень за камнемъ строитъ великолѣпное зданіе съ тономъ для себя, какъ владычицы высокаго бытового комизма. Съ теченіемъ времени,—какъ пріобрѣтались навыкъ, увѣренность,—достоинства обнаруживались все выпуклѣе, недостатокъ помаленьку стушевывался, а любовь къ дѣлу въ соединеніи съ неустаннымъ трудомъ придавали строящемуся зданію большую законченность, типичность и содержательность, такъ что, когда, по прошествіи двухъ лѣтъ, Лазарева вышла въ роли все той же Настасьи Панкратьевны Брусковой («Тяжелые дни»), критикъ писалъ: «г-жа Лазарева усвоила себѣ совершенно вѣрный старушечій тонъ, не дававшійся ей прежде при исполненіи пожилыхъ дамъ» [1]). А про Лазареву-Сандаракову (въ комедіи «Женихъ изъ Ножовой линіи»): «общимъ, избитымъ свойствамъ неблагодарной роли г-жа Лазарева придала такую человѣчность, что Сандракова предстала глазамъ зрителей совершенно живымъ лицомъ. Поразительна была мимическая игра г-жи Лазаревой» [2]).

На третьемъ году своей артистической дѣятельности О. О. Лазарева постучалась на сцену Малаго театра. Въ среду 14-го января 1870 года, въ бенефисъ П. М. Садовскаго, ставившаго «Не въ свои сани—не садись», она выступила въ роли Арины Ѳедотовны. «Г-жа Лазарева,—отмѣчаетъ «Современная Лѣтопись» [3]),—въ первый разъ являющаяся на подмосткахъ Малаго театра, извѣстна многимъ изъ публики, какъ талантливая и разнообразная артистка-любительница, участвовавшая уже нѣсколько лѣтъ въ спектакляхъ артистическаго кружка. Въ Маломъ театрѣ она, какъ кажется, сконфузилась передъ новою многочисленною публикой и играла нѣсколько вяло, публика приняла ее довольно холодно сравнительно съ тѣмъ, какъ можно было ожидать. Тѣмъ не менѣе мы привѣтствуемъ ее на нашей драматической сценѣ, какъ очень и очень полезную и даровитую артистку».

Дебютантка не была принята на императорскую сцену и осталась украшеніемъ артистическаго кружка еще на нѣсколько лѣтъ.

Михаилъ Прововичъ Садовскій, женившійся на Ольгѣ Осиповнѣ Лазаревой, говорилъ, что «они съ женою—половинки».

— Первый разъ выступалъ и я, и жена вмѣстѣ со мной. Она играла мою мать.

Это было въ комедіи «Въ чужомъ пиру похмелье»... Изъ знаменитаго тріо: Лазарева, Макшеевъ и Садовскій—этотъ послѣдній на-

---

[1]) «Развлеченіе», № 45, 1869 г.
[2]) Тамъ-же, № 15, 1869 г.
[3]) № 3, 1870 г.

именѣе оставался въ качествѣ артиста кружка. Впервые выйдя на сцену осенью 1867 года, М. П. Садовскій 17-го октября 1869 года уже дебютировалъ въ Маломъ театрѣ и былъ принятъ (съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ). Это любопытно тѣмъ болѣе, что, основываясь на сохранившихся отзывахъ критики, Садовскій по успѣху шелъ за Лазаревой и Макшеевымъ и менѣе ихъ привлекалъ къ себѣ вниманіе театральныхъ аристарховъ. Садовскому-отцу приходилось переживать много горькихъ часовъ и слышать немало упрековъ за то, что онъ черезчуръ-де покровительствуетъ сыну, который обыгрывается, затѣняя другихъ, болѣе, чѣмъ онъ, талантливыхъ артистовъ. Михаилъ Прововичъ скоро позналъ жесткую критику, какъ все равно чувствовалъ и недружелюбіе къ нему цѣлаго лагеря мучениковъ театра. Уже послѣ смерти Прова Садовскаго можно было читать, напримѣръ, такія строки; «пословица говоритъ, что «яблоко отъ яблони недалеко падаетъ», т. е. каковъ отецъ—таковъ долженъ быть и сынъ; но на этотъ разъ пословица не оправдалась: способность сына, не въ обиду будь ему сказано, даже и сравнивать нельзя съ замѣчательнымъ дарованіемъ отца» [1]). Можетъ быть, сравненія вообще неумѣстны... Покойный талантливый артистъ Н. С. Стружкинъ какъ будто и основательно замѣтилъ въ своихъ проникновенно-вдумчивыхъ «запискахъ», что ему «было всегда чрезвычайно дико слышать, когда, бывало, начнутъ сравнивать между собой Шумскаго и Садовскаго, и спорятъ о томъ, кто изъ нихъ выше... Спорить объ этомъ можно цѣлые годы, но прійти къ соглашенію никогда. Будетъ гораздо честнѣе требовать отъ каждаго артиста лишь настолько, насколько онъ можетъ дать». Другое дѣло—сравнить творчество артиста, ставшаго извѣстнымъ и даже знаменитымъ, съ тѣмъ, что онъ давалъ, еще не будучи ни извѣстнымъ, ни знаменитымъ. Такое сравненіе обнаруживаетъ работу или бездѣятельность его, прогрессъ или застылость таланта. Что касается покойнаго М. П. Садовскаго, то не роль ли Хлестакова, между прочимъ, способствовала взлету его на высоту, достойную весьма даровитаго артиста? Не съ Хлестакова ли началась и слава Садовскаго? Между тѣмъ, оглянитесь на тотъ спектакль, въ апрѣлѣ 1868 года, въ артистическомъ кружкѣ, когда М. П. въ первый разъ явился гоголевскимъ героемъ. Современный критикъ закрѣпилъ свои впечатлѣнія отъ его игры въ такихъ строкахъ: «Увидавъ г. Садовскаго въ роли Хлестакова, я былъ положительно увлеченъ имъ въ первый моментъ его появленія на сцену. Все въ молодомъ Садовскомъ какъ нельзя болѣе гармонировало съ характеромъ этого типическаго лица. Даже физическія данныя подходили подъ мѣрку, которая начертана са-

[1]) Е. Фединъ, «А. Н. Островскій и П. М. Садовскій», стр. 54—55.

Для второго дебюта въ Маломъ театрѣ М. П. Садовскій сыгралъ Андрея Титыча («Тяжелые дни», 30-го ноября 1869) и третій дебютъ: Вася («Горячее сердце», 14-го декабря 1869).

мимъ безсмертнымъ авторомъ. При первомъ поверхностномъ взглядѣ, г. Садовскій показался тѣмъ именно Хлестаковымъ, какимъ хотѣлъ его видѣть Гоголь. Ему на видъ казалось немного развѣ меньше 23-хъ лѣтъ. Выглядывалъ онъ тоненькимъ, худенькимъ и даже, какъ желалъ самъ Гоголь, казался нѣсколько приглуповатымъ; но не долго могъ порадовать собою этотъ настоящій Хлестаковъ. Чѣмъ больше приходилось вглядываться въ него, тѣмъ менѣе обрѣталось въ немъ общаго съ тѣмъ типичнымъ хвастуномъ, который лжетъ по призванію, по увлеченію. Изъ г. Садовскаго вышелъ не тотъ водевильный шалунъ, котораго такъ боялся Гоголь, нѣтъ, изъ него выкроилась личность несравненно худшая. Это былъ просто школьникъ, котораго могутъ занимать всякія побрякушки, ради которыхъ онъ совсѣмъ забываетъ о благопристойности, о той комильфотности, которой требуетъ отъ исполнителя самъ Гоголь. Ну, могъ ли когда-нибудь Хлестаковъ, этотъ петербургскій чиновникъ, понимающій, что значитъ приличіе, подходить къ Добчинскому и хвататься за его измятую шляпу, да еще и не одинъ разъ, какъ это дѣлалъ Садовскій во второмъ актѣ, въ то время, когда городничій писалъ записку. По этой ужъ одной выходкѣ внимательному зрителю стало понятнымъ, что г. Садовскій взялся за роль Хлестакова безъ должнаго уваженія къ ней! Въ третьемъ же дѣйствіи выказалъ себя не просто обыкновеннымъ вралемъ, которымъ досадилъ Гоголю, въ первое представленіе «Ревизора», петербургскій актеръ Дюръ, нѣтъ, г. Садовскій шагнулъ гораздо дальше! Онъ изобразилъ изъ себя мальчика, нализавшагося до неприличія на завтракѣ у Земляники, и даже не хвастающагося, а просто болтающаго подъ вліяніемъ излишней выпивки. Въ этомъ болтаніи, въ этомъ высказываніи лжи не замѣтно было ни малѣйшаго чувства и ни въ глазахъ, ни въ наружности, ни во всей фигурѣ г. Садовскаго не проявилось ни капли наслажденія, которое онъ долженъ былъ ощущать отъ хлестаковскаго лганья. Этотъ молодой любитель совсѣмъ забылъ слова, высказанныя Гоголемъ въ письмѣ къ Пушкину вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора». Онъ запамятовалъ, что въ этой именно сценѣ Хлестаковъ, довольный, что все идетъ хорошо, что его слушаютъ, весь развертывается и принимается лгать съ чувствомъ, съ наслажденіемъ. Онъ забылъ, что это лучшая и самая поэтическая минута въ жизни Хлестакова. Все это онъ забылъ, а позаботился объ одномъ только, чтобы изобразить Хлестакова пьяненькимъ. Но этимъ однимъ не ограничился г. Садовскій въ своемъ искаженіи Хлестакова; онъ не упускалъ ни малѣйшаго случая, чтобъ только посмѣшить зрителей. Такъ, напримѣръ, въ четвертомъ актѣ, обирая деньги у судьи, почтмейстера, смотрителя училищъ и попечителя богоугодныхъ заведеній, придавалъ своимъ репликамъ глумительный фальшивый тонъ; а въ сценѣ съ Добчинскимъ, когда тотъ объяснилъ ему, что сынъ его рожденъ до брака, г. Садовскій вмѣсто

простого вопросительнаго:да? комически произнесъ: а-а-а! и притомъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «что, братъ, попался! Вотъ какія ты шутки откалываешь! Постой же, задамъ я тебѣ пфеферу!» Все это, дѣйствительно, могло бы быть смѣшно, когда бы не было такъ грустно! Очень безтактно проведена была имъ сцена прощанья. Многочисленные поцѣлуи, которыми онъ награждалъ городничиху съ дочкой, не имѣли въ себѣ никакого смысла, потому что воспроизводились имъ совершенно машинально. Да и въ самой комедіи подобныхъ поцѣлуевъ совсѣмъ не полагается. Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной только послѣ благословенія городничаго, затѣмъ прощаясь съ нею и говоря: «прощайте, душенька!» цѣлуетъ ея ручку. Съ матушкой же авторомъ никакихъ положительно поцѣлуевъ не назначалось, а если нашъ даровитый артистъ Шумскій и цѣлуется въ этой сценѣ по нѣскольку разъ и съ городничихой, и съ дочкой, то его поцѣлуи, согрѣтые разумною мыслію, не кажутся неумѣстными» [1]).

Отзывъ достаточно суровъ, но нельзя сказать, что оскорбителенъ для артиста. Основываясь на приведенныхъ строкахъ, можно сдѣлать одинъ только выводъ, что Садовскій имѣлъ довольно матеріала для лѣпки превосходной фигуры Хлестакова, но онъ не начиналъ еще лѣпить, онъ еще только уловлялъ сущность характера Хлестакова, идя путемъ отца, который вѣдь былъ прежде всего актеромъ-психологомъ... А не подсказанъ ли суровый отзывъ предубѣжденіемъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ, потому что тотъ же критикъ, увидавъ Садовскаго въ слѣдующемъ спектаклѣ «(Шутники»), гдѣ онъ игралъ Гольцова, написалъ: «Садовскій безукоризненно былъ хорошъ въ роли очень молодого чиновника». Онъ же назвалъ «весьма прочувствованнымъ» исполненіе Садовскимъ роли Бородкина («Не въ свои сина не садись») и мастерскимъ изображеніе Андрея Титыча въ «Тяжелыхъ дняхъ». Эту послѣднюю роль Михаилъ Прововичъ игралъ ралъ уже принятый на сцену императорскихъ театровъ и поэтому подъ псевдонимомъ «Орловъ», который встрѣчается намъ и на афишахъ народнаго театра при политехнической выставкѣ 1872 года.

Владимиръ Александровичъ Макшеевъ, начавшій артистическую дѣятельность въ Москвѣ одновременно съ Лазаревой и Садовскимъ, опредѣлился скоро и скоро составилъ себѣ репутацію, которую сохранилъ до конца жизни. Д. В. Аверкіевъ, самъ не избалованный похвалами, какъ драматургъ, не расточалъ, какъ театральный критикъ, понапрасну похвалъ; но о Макшеевѣ въ 1872 году онъ писалъ опредѣленно: «пониманіе надлежащаго тона, уступчивость въ пользу ансамбля, пренебреженіе легкостью успѣха—дѣлаютъ великую честь г. Макшееву, актеру вообще весьма добросовѣстному и талантливому» [2]). Еще раньше молодой артистъ обращаетъ къ

[1]) «Развлеченіе», № 15, 1868, статья за подписью А. В.
[2]) «Московск. Вѣд.», № 173, 1872.

себѣ сочувствіе другого критика, чьи отзывы только что приводились; А. В. «съ большимъ нетерпѣніемъ желалъ его видѣть въ городничемъ и былъ заранѣе увѣренъ, что онъ не испортитъ такой серьезной роли. Ожиданія мои почти оправдались. Если г. Макшееву не удалось вполнѣ создать типичную личность городничаго, то единственно потому только, что онъ не успѣлъ еще освоиться съ этою ролью; но въ общихъ очертаніяхъ передалъ ее весьма даже недурно» [1]). Сыгралъ Макшеевъ Оброшенова («Шутники»), и не удовлетворенный критикъ, указавъ, что артистъ изобразилъ простого резонера, не оттѣнивъ отца, горячо любящаго свое семейство, и шута— во имя того же чувства, спѣшитъ найти исполнителю оправданіе; онъ говоритъ: «вѣдь, и замѣчательная и вполнѣ обдуманная игра Шумскаго въ роли Оброшенова, по ложной постановкѣ самаго характера, не производитъ сильнаго драматическаго впечатлѣнія». Зато Макшеевъ въ роли Перцова («Тяжелые дни») приводитъ его въ восторгъ, такъ какъ «г. Макшеевъ сумѣлъ усвоить въ этой роли не какія-нибудь болѣе или менѣе выдающіяся черты, а все, что только можетъ быть совмѣстимо въ такихъ личностяхъ, какъ Перцовъ. Его игра проникнута была такою живою правдой и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько художественно была передана имъ, что не оставляла ничего болѣе желать» [2]).

Показателемъ успѣха Макшеева можетъ служить приглашеніе его въ труппу театра при политехнической выставкѣ, участіе въ благотворительныхъ спектакляхъ и поступленіе въ 1874 году въ труппу московскаго Малаго театра [3]).

Не одинъ Вильде руководилъ молодыми артистами-любителями, но также Провъ Садовскій и А. Н. Островскій [4]). Спектакли въ артистическомъ кружкѣ стали привлекать все больше и больше зрителей. Дѣла поправлялись, залъ становился тѣсенъ. Начали поговаривать о переселеніи въ болѣе просторное и удобное помѣщеніе, на чемъ особенно настаивалъ Вильде. Онъ имѣлъ право настаивать, такъ какъ польза отъ спектаклей погашала долгъ кружка и въ теченіе неполныхъ двухъ лѣтъ погасила 13 тысячъ. Въ кружокъ вступали новые члены. Иные изъ старшинъ, впрочемъ, противостояли, говоря: куда же переселяться и гдѣ взять средствъ на обзаведеніе и на оплату помѣщенія? Вильде указывалъ на Бронниковскій (те-

---

[1]) и [2]) «Развлеченіе», №№ 15 и 17, 1868 и № 45, 1869.

[3]) Владиміръ Александровичъ Макшеевъ (род. 16-го мая 1843, скон. 9 марта 1901 г.), съ которымъ дирекція повела переговоры въ 1872 году, вступилъ въ труппу Малаго театра, сыгравъ, какъ дебютантъ, роли: Билкина («Омутъ» М. Н. Владыкина), Подколесина, Расплюева и Ладыжкина («Женихъ изъ долгового отдѣленія» И. Е. Чернышева). Макшеевъ приглашался на амплуа Н. М. Никифорова и Н. И. Музиля. Смерть В. И. Живокини отдавала Макшееву и его роли. Побывалъ Макшеевъ, хотя недолго, и на провинціальной сценѣ.

[4]) Близкое участіе принимали и Ек. Н. Васильева и В. И. Живокини.

перь Шелапутинскій) домъ противъ Большого театра, а что касается средствъ, то и они найдутся. А нужно было 8 тысячъ за квартиру въ годъ да на устройство помѣщенія, занимавшагося трактиромъ, тысячъ 20. Дѣйствительно, средства нашлись. Два костюмированныхъ бала, данные въ залахъ благороднаго собранія, принесли въ кассу артистическаго кружка столько, что онъ могъ покинуть домъ Лабади. Весною 1869 года былъ нанятъ Бронниковскій домъ, и Вильде съ архитекторомъ Никитинымъ и другими архитекторами изъ членовъ кружка спѣшно приступили къ передѣлкамъ въ нанятомъ домѣ, которыя продолжались все лѣто. Никитинъ и Вильде не спускали съ рабочихъ хозяйскихъ глазъ своихъ и достигли того, что новое помѣщеніе кружка «по изяществу и комфорту внутренней отдѣлки оказалось самымъ лучшимъ изъ всѣхъ московскихъ клубныхъ помѣщеній, развѣ за исключеніемъ Англійскаго клуба. Самую существенную часть этого помѣщенія составляла прекрасная зала для драматическихъ представленій съ небольшою, по удобною сценой. Бѣлая отдѣлка ея стѣнъ просто изящна. Кромѣ этой залы, былъ рядъ гостиныхъ, дамскій буфетъ и уборная, столовыя залы, комнаты для карточной игры, бильярдная и библіотека; все это носило на себѣ отпечатокъ изящной простоты и комфорта. Все выглядывало какъ-то уютно, семейно, а не трактирно [1])».

Пока приспособлялось помѣщеніе, старшины артистическаго кружка вырабатывали программу будущихъ развлеченій, ядро которыхъ должны были составить драматическіе спектакли и не только русскіе, но также нѣмецкіе и французскіе. Иностранщина вызвала было возраженія, но побѣдили все-таки сторонники русско-французско-нѣмецкаго театра. Нѣмецкіе артисты нашлись въ Москвѣ, а французовъ взяли отъ петербургскаго «минеральнаго» увеселителя Излера. Это была труппа Деккеръ-Шенка, въ которой главными силами являлись Альфонсина Келлеръ, Жюльетта Дельпьеръ, г. Нигри и др. Спектакли распредѣлились такъ, что по понедѣльникамъ—французы, по четвергамъ—нѣмцы, а по субботамъ—русскіе.

10-го сентября 1869 года артистическій кружокъ справлялъ третье, не послѣднее, новоселье, на которое собралось столько гостей, что «было тѣсно рѣшительно во всѣхъ залахъ». Вечеръ начался представленіемъ веселой комедійки Коцебу «Der gerade Weg—der beste», за которою шелъ григорьевскій водевиль «Зачѣмъ иные люди женятся», замѣчательно сыгранный О. О. Лазаревой и В. А. Макшеевымъ, а вслѣдъ за ними выступали французы въ пьескѣ «Vengeance». Въ антрактахъ Буше и Гебгардтъ пѣли французскія пѣсенки. Закончился вечеръ танцами и подписнымъ ужиномъ.

По началу судя, артистическій феникъ начиналъ оперяться. Вильде, облеченный чуть-что не диктаторскими полномочіями,

[1]) «Современная Лѣтопись», № 34, 1869 г.

торжествовалъ, но не почивалъ на лаврахъ, а дѣйствовалъ. Члены все прибывали—къ новому году ихъ числилось уже около 1,600. Въ половинѣ января 1870 года, недавній нищій, артистическій кружокъ уже владѣлъ значительнымъ движимымъ имуществомъ и трехтысячнымъ капиталомъ. Ни одинъ московскій клубъ не привлекалъ столько гостей, какъ онъ. Русскіе спектакли сыграли роль магнита. Къ режиссеру артистическаго кружка члены Дворянскаго клуба обратились съ предложеніемъ взять на себя устройство спектаклей въ залѣ Благороднаго собранія [1]). Дирекція императорскихъ театровъ стала подумывать о томъ, чтобы устроить третій свой театръ, воспользовавшись залою артистическаго кружка. Зала, имѣвшая 750 мѣстъ, сводчатый потолокъ, подъемный полъ, газовое освѣщеніе и особый подъѣздъ съ Театральной площади, казалась дирекціи достаточной и удобной для драматическихъ представленій. Печать, настойчиво доказывавшая необходимость постояннаго народнаго театра въ Москвѣ, говорила, что именно артистическому кружку «приличнѣе и сподручнѣе всего взять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ».—Какой переворотъ, съ Божьей помощью! имѣлъ основаніе говорить Вильде и ликовать, но бѣда въ томъ, что около радостнаго человѣка всегда много такихъ, изъ которыхъ каждый готовъ повторить за поэтомъ: «Мнѣ тяжко веселье чужое!» «Самовластіе» Н. Е. Вильде, избраннаго въ «безсмѣнные почетные старшины», съ каждымъ днемъ приходилось все болѣе не по вкусу группѣ членовъ кружка съ княземъ Урусовымъ во главѣ. И какъ только князь прошелъ въ старшины, онъ напрямикъ заявилъ, что предприметъ реформы, которыя должны сузить власть «спасителя» артистическаго кружка. До слуха Вильде коснулось такое слово, какъ недовѣріе. Князь Урусовъ намекалъ, что дѣло не чисто, что въ кружковой кассѣ надо бы быть не тремъ , а девяти тысячамъ рублей, и т. д.

— Вы обвиняете г. Вильде?—спрашивали князя Урусова члены.

— О, нѣтъ, я не обвиняю!—отвѣчалъ онъ и... обвинялъ.

Нѣкоторые органы печати присоединились къ оппозиціи; противъ Вильде открылась кампанія. Онъ объявилъ, что на время отказывается отъ дѣятельности въ кружкѣ и займется составленіемъ отчета. Представивъ его, Вильде далъ объясненія на «громы» князя Урусова и на газетныя статьи, но оппозиція отвѣтила на это недовѣріемъ къ цифрамъ отчета. «Что это значитъ? Неужели это правда?» послышались вопросы съ разныхъ сторонъ.—«А что же ревизіонная комиссія?» Ревизіонная комиссія не нашла въ отчетѣ ни одного бездоказательнаго расхода... Тогда Н. Е. Вильде отстранился отъ артистическаго кружка.

---

[1]) За отказомъ Вильде, постановку спектаклей здѣсь принялъ А. Ф. Ѳедотовъ (скон. 1895), бывшій въ то время артистомъ Малаго театра.

Послѣдствія показали, что кружку трудно было обойтись безъ человѣка, который такъ быстро и умѣло укрѣпилъ его устои и выдвинулъ его въ качествѣ практической школы, воспитавшей, взрастившей и развернувшей не одного артиста, какъ для Малаго, такъ и для провинціальныхъ театровъ. Руководство Вильде, Островскаго и Садовскаго стоило дорого и въ соединеніи съ практикой было отличнымъ шлифованіемъ артистическихъ алмазовъ. Безъ сомнѣнія, «домъ Щепкина» получилъ отъ артистическаго кружка столь драгоцѣнные камни, какъ чета Садовскихъ и Макшеевъ, вполнѣ ограненными, съ уже достигнутыми блескомъ и игрою кристалла. Долго остававшійся въ тѣни на императорской сценѣ М. П. Садовскій блисталъ и «игралъ» въ то же время въ кружкѣ, гдѣ закончила шлифовку своего таланта-алмаза О. О. Лазарева до такой степени, что на той же императорской сценѣ ей оставалось только пожинать плоды своихъ трудовъ. Какъ питомникъ, артистическій кружокъ привлекалъ множество любителей драматическаго искусства, но лишь немногіе изъ нихъ принимались имъ въ свою труппу. Въ этомъ отношеніи онъ былъ строже даже Малаго театра, случалось, клевавшаго зерна, отброшенныя имъ. Этому примѣромъ можетъ служить Василій Алексѣевичъ Охотинъ, принятый въ труппу «Щепкинскаго дома» въ 1869 году послѣ дебютовъ въ водевиляхъ: «Бѣда отъ нѣжнаго сердца» и «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ». Прежде этихъ дебютовъ молодой артистъ, пріѣхавшій изъ провинціи, добивался дебюта на сценѣ артистическаго кружка. Охотину дали репетицію, и затѣмъ объявили, что дебюта онъ не получитъ. Предсѣдатель кружка А. Н. Островскій также былъ противъ дебюта. Узнавъ объ этомъ, Охотинъ явился къ нему и послѣ долгихъ разговоровъ заявилъ:

— Очень можетъ быть, Александръ Николаевичъ, что у меня множество недостатковъ, но я пригляжусь къ вашимъ артистамъ, воспользуюсь примѣрами и сдѣлаюсь артистомъ.

Островскій усмѣхнулся и, поглаживая рыжеватую бороду, отвѣчалъ:

— Знаете что? Ѣду я вчера на извозчикѣ. Лошадь у него, ну, не везетъ, да и все тутъ. Онъ и вожжами, онъ и кнутомъ, нѣтъ, не везетъ. Лошадь-то, говорю я ему, у тебя не того... А онъ мнѣ: «Вотъ поди жъ ты!.. А вѣдь кажинный вечеръ у театра около рысаковъ стоитъ. Раза три господъ на бѣгъ возилъ, могла бы, кажется, позайматься, какъ другія лошади дѣйствуютъ, а вотъ она у меня какая...»

П. А. Россіевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЕВГРАФОВЪ.

(Изъ жизни въ Туркестанѣ).

ВСЯ СТЕПЬ далеко-далеко успокоилась...

Не слышно обычнаго шума; стада барашковъ и верблюдовъ улеглись на покой.

Земля какъ бы отдавала обратно все тепло жаркаго солнца, принятое въ теченіе дня...

Партія рабочихъ только что вернулась, и всѣ разбрелись по кочевью.

Я вышелъ изъ юрты.

Вдали мелькали огоньки костровъ, около которыхъ виднѣлись кучки рабочихъ и казаковъ.

Темная, звѣздная ночь закрывала все кочевье.

Пройдя въ безмолвную степь, я пришелъ къ ручью, который шумливо бѣжалъ куда-то вдаль, и, сѣвъ на отлогомъ, мягкомъ бережку, невольно задумался о прошломъ, о далекомъ Петербургѣ и родныхъ.

Вблизи меня, шагахъ въ десяти-пятнадцати послышалось сначала слабое тренканье балалайки, а потомъ кто-то удивительно-мягкимъ, симпатичнымъ тенoромъ запѣлъ:

«Ахъ, ты, милая моя! объ одномъ прошу тебя...

«Не забудь только меня—жизнь свою, ты, вѣдь, знаешь, всю отдамъ я для тебя».

Послѣдняя фраза была выкрикнута, словно съ какой-то сердечною болью.

— Кто здѣсь?—окликнулъ я.

Около меня появилась фигура въ бѣлой рубахѣ.

Въ подошедшемъ я сразу узналъ запѣвалу и перваго весельчака моего конвоя—казачьяго урядника Евграфова.

— Что это ты, братецъ, скучное запѣлъ, али ночь затуманила?— шутливо спросилъ я его.

— Такъ что, однако, ваше благородіе, меланхордія чувствъ у меня,—задумчиво и степенно отвѣтилъ мнѣ Евграфовъ.

— И, видимо, такъ понимаю я,—продолжалъ онъ:—не сноситъ мнѣ моей буйной головушки и на льготу, въ запасъ, значитъ, не выйду и не иначе, какъ здѣсь, въ этой проклятой Туркменіи, сложу свои бренныя кости,—патетическимъ тономъ закончилъ онъ.

— Ну, братецъ, ты глупости городишь: такой здоровенный парнишка и вдругъ помирать собираешься; ты еще поживи—честныхъ дѣвокъ помути,—поддѣлываясь подъ казачій «говоръ», отвѣчалъ я.

— Эхъ, ваше благородіе, дозвольте вамъ, однако, все въ подробности доложить; можетъ, и разсудите горе мое безталанное, только изволите ежели выслушать, то сами обсудите и какъ тому быть по разуму вашему ученому скажите, а я сообразно съ этимъ и поступки свои буду имѣть,—взволнованно заговорилъ казакъ.

— Ну, ладно, говори попросту, что могу, то посовѣтую: садись вотъ тутъ рядомъ и разсказывай, что у тебя на душѣ

— Такъ что, однако, мы и постоимъ; а только зато всѣ мы, казачки и рабочіе, дюжо любимъ васъ, что ужъ очень вы просты будете, ваше благородіе, и такъ надо понимать, что нашего брата простака-дурафлея жалѣете.

— Да говори прямо, не таранти,—повысилъ я голосъ:—садись, я тебѣ приказываю,—докладай, что съ тобой, что душу твою волнуетъ, о чемъ скорбишь.

Евграфовъ осторожно усѣлся около меня, снялъ фуражку, разгладилъ рукой свои густые, рыжеватые кудри, потрогалъ зачѣмъ-то серебряную серьгу въ правомъ ухѣ и застѣнчиво заговорилъ:

— Такъ что вотъ, однако, ваше благородіе, изволите говорить, чтобы попросту я докладалъ вамъ. Вотъ, значитъ, извольте выслушать—не обидьтесь. Я это съ Дону и по старой вѣрѣ состою и у себя въ станицѣ завсегда былъ первый—что въ хору, что на клиросѣ, даже въ начетчикахъ былъ, а ужъ на посидѣлкахъ ухаристѣй меня и ни одного казачка не было.

Пригнали это меня, когда срокъ подошелъ, съ Дону сюда службу царскую отбывать; страна здѣсь не то что худая, противъ нашей устоитъ—воздухъ мягкій, фрукты этой всякой, али тамъ баранины жуй сколько хочешь, а только все какъ бы несерьезно — ни тебѣ щей, ни тебѣ каши и народъ несуразный, глаза пучитъ, слова говоритъ, а что лопочетъ, Богъ его знаетъ, можетъ, и ругается, не разберешь.

— Однако, пообошлось, службу справлялъ какъ слѣдуетъ, вотъ къ Покрову два года ужъ будетъ. Днемъ ученье, гг. офицеры, хоть и наши же гаврилычи, хотя и въ Рассеи побывали, образовались,

а не очень, значитъ, насчетъ мордобія или прижимки, такъ больше промежъ себя въ карты играютъ и пьянствуютъ; однако жить можно и насчетъ свободы времени, въ особливости вечеромъ, очень даже прекрасно. А тутъ вотъ васъ съ рабочими пригнали—телеграфъ этотъ строить. Страна, однако, какъ докладалъ вамъ, прямо дикая, конвой полагается, и вотъ по жеребью попалъ и я къ вамъ, и, сколь, можетъ, замѣтили, за всѣ три мѣсяца, чтобы, значитъ, ничего худа не сдѣлалъ, и отъ васъ тоже всѣ мы, окромя веселія и ласковости, ничего не видали. Живемъ себѣ вольготно. И встрѣнься мнѣ тутъ чортъ на дорогѣ, не въ ночь будь помянутъ...

И Евграфовъ, сплюнувъ въ сторону, наклонясь мнѣ къ уху, прошепталъ.

— Полюбилъ, ваше благородіе, да вѣдь вотъ задача,—такъ полюбилъ, что никакой тебѣ возможности, отъ пищи отбился, коня уважать и глянцовать пересталъ.

— Все это было по-хорошему,—тоскливо продолжалъ Евграфовъ:—а вотъ поди жъ ты, полюбилъ, и баба-то ледящая, ни мяса, ни кожи, а только глаза большущіе, жалобные. Полюбилась и шабашъ, яснымъ солнцемъ стала, дороже жизни, все, все собой закрыла предъ глазами, только ее и вижу, и вѣчно одна она у меня предъ глазами маячитъ. И главное-то, жизнь у нея больно суровая, мужъ ея, можетъ, знаете, Базелитъ-тюря, что въ концѣ кочевья живетъ, туркменъ богатѣйшій, а самъ толстый, старый, съ однимъ глазомъ, другой вытекши. У него женъ восемь штукъ, и дѣти ужъ взрослыя есть, и всѣ-то они ее, мою бѣдную голубку, бьютъ и тиранятъ, житья не даютъ. А она, куды урвется, прибѣжитъ вечеромъ сюды на бережекъ и не плачетъ даже, а вотъ словно конь, когда его въ сердцахъ подъ животъ ногой вдаришь, такъ онъ только кротко, вразумительно на тебя взглянетъ: «зря, молъ, бьешь»,—такъ и она сядетъ это супротивъ меня, рученьками головушку подопретъ и таково жалостно смотритъ и меня еще все утѣшаетъ, чтобы я не распалялся и ея стараго дьявола не порѣшилъ. А просить, чтобы я честь-честью службу царскую отбылъ и въ свои мѣста вернулся, а я, говоритъ, «дорогой ты мой, сбѣгу отъ постылыхъ людей, въ твою вѣру перейду и къ тебѣ въ хозяйки поступлю, женой вѣрной буду».

Евграфовъ замолчалъ, склонивъ голову.

Меня заинтересовалъ этотъ безхитростный романъ, и я сталъ разспрашивать казака о подробностяхъ, о томъ, какъ онъ познакомился, а главное, какъ при своемъ «казачьемъ говорѣ» объясняется со своей возлюбленной.

— Это что, ваше благородіе,—со скорбью въ голосѣ заговорилъ Евграфовъ:—познакомился вотъ черезъ балалайку, когда по вечерамъ здѣсь тренькать приходилъ, а говоритъ она по-нашему хоть и не очень явственно, однако понять завсегда можно; да вѣдь для

любви, что для смерти, всѣ люди равны: понимаемъ мы другъ друга. Печаль моя великая въ томъ, что какъ я ее къ себѣ въ станицу возьму... У насъ это по старой вѣрѣ строго, благочестіе, свекровь до седьмой крови бьетъ а мамынька у меня, почитай, что дикая—серьезная старушка: на руку люта, старшаго женатаго брата, а не токмо меня, чуть что не по нраву—сейчасъ нагайкой дубаситъ; а тутъ она, вольная птица, что орелъ, гордая, отъ своихъ терпитъ, а съ другихъ не снесетъ, и боюсь, что либо зачахнетъ, либо надъ собой что неладное совершитъ. А то, и еще что хуже, не примутъ ее у насъ въ станицѣ и заклюютъ ее, словно вороны черные...

Евграфовъ поднялъ на меня свои глаза, въ которыхъ мелькали росинки слезъ.

— Какъ вы, ваше благородіе, располагаете: будетъ ли ей житься хорошо въ станицѣ моей, али худо будетъ?—съ безпокойной тоской спросилъ онъ.

Я молчалъ, не зная, что отвѣтить.

— А безъ нея мнѣ и жизни не надо,—упрямо, тряхнувъ кудрями, произнесъ казакъ.

— Лучше мнѣ тутъ погибнуть, чѣмъ ея жизнь заѣдать.

— Вотъ что, Евграфовъ,—вставая, сказалъ я:—сейчасъ поздно, спать пора. Ты, вѣдь, поди ее поджидаешь, а я домой пойду, подумаю; завтра утромъ зайди ко мнѣ: можетъ быть, что-нибудь и придумаю, тогда скажу.

— Покорно благодаримъ, ваше благородіе, счастливо почивать,—радостнымъ голосомъ отвѣтилъ Евграфовъ, отдавая честь.

Придя въ свою юрту, я сталъ перебирать всѣ подробности этой оригинальной любви двухъ вольныхъ дѣтей степи, всѣ условности ихъ жизни и искать выхода для нихъ.

Невольно мысли отклонились въ сторону. Полились больныя, жгучія воспоминанія изъ моей жизни, когда я тоже находился среди ненужныхъ условностей жизни и мнѣ жизнь поставила столько препятствій, что не смогъ я ихъ взять и упалъ, расшибленный, подбитый, съ великой мукой въ сердцѣ и со злобой на людей, что сами себѣ наставили перегородокъ и тоскуютъ въ нихъ безъ просвѣта.

Мнѣ вспомнились: блестящій, залитый тысячею огней залъ Маріинскаго театра въ Петербургѣ, нарядныя, декольтированныя женщины, изящные фраки, мундиры военныхъ...

Со сцены несутся призывные звуки страдающаго сердца: «Карменъ, Карменъ! Скоро ль ты будешь моею?»

Появляется Карменъ, сладострастно-наглая, вся огонь и вся бездушное кокетство; слышится дразнящее: «можетъ быть, сегодня, а то и никогда».

Я наклоняюсь къ уху той, что такъ же мнѣ дорога, какъ Евграфову его туркменка, и тоже не свободной, а связанной паутиной жизни, но спокойно сидящей въ первомъ ряду ложи, знающей, какъ страдаетъ мое сердце, и слышу въ отвѣтъ на мою мольбу:

«Я люблю, васъ люблю, но судьба, обстоятельства, все противъ насъ».

Проклинаю эти ужасныя условности жизни, безумствую, а жизнь еще скорѣй старается доказать мнѣ, что я жить не умѣю...

Я заснулъ...

Утромъ рано почувствовалъ, что меня кто-то будитъ.

Съ испуганнымъ, блѣднымъ лицомъ предо мной—старикъ-туркменъ, старшина кочевья.

— Вставай скоро, благородій, вставай, бачка: бида болшой случилася,—торопливо бормоталъ онъ, теребя меня за плечо:— большой грѣхъ: казака зарѣзали.

Я быстро поднялся, и первое, что мелькнуло въ мозгу: Евграфовъ...

Мое предчувствіе оправдалось.

Быстро одѣвшись, взявъ револьверъ, вышелъ изъ юрты. Солнце палило во всю.

По кочевью съ гортанными криками, по направленію къ ручью бѣжали мужчины, женщины и дѣти. Мой слуга торопливо сѣдлалъ лошадь.

— Давай скорѣй,—крикнулъ я и, вскочивъ въ сѣдло, сразу галопомъ погналъ къ ручью.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ на бережку, гдѣ ночью бесѣдовалъ съ Евграфовымъ.

Растолкавъ лошадью столпившихся людей, спрыгнулъ съ лошади и прошелъ впередъ.

Среди насторожившейся толпы, широко раскинувъ руки, лежалъ на пескѣ Евграфовъ...

Голова его была почти отдѣлена отъ шеи... Кровь большими темно-красными пятнами густо запеклась на груди бѣлой рубахи..

Два свѣтло-голубыхъ глаза смотрѣли куда-то далеко въ небо, въ непонятную высь...

Смотрѣли пытливо, точно ждали отвѣта на вѣчный вопросъ о жизни, любви...

Мнѣ сразу вспомнился нашъ вчерашній разговоръ, его наивныя просьбы посовѣтовать, какъ ему быть, и желаніе создать себѣ счастливую жизнь со своей милой...

Тѣло было уже холодное.

Съ большимъ усиліемъ закрылъ я ему глаза и сложилъ на груди застывшія руки.

Кругомъ стояли туркмены, мрачные, опустивъ глаза внизъ и держась правой рукой за кинжалы. Съ любопытствомъ, свойствен-

нымъ женщинамъ, забывъ весь стыдъ и повелѣніе Корана, туркменки съ открытыми, безъ чадры, лицами, толкаясь, старались заглянуть въ лицо покойнику.

Всѣ молчали.

Изъ кочевья быстрымъ шагомъ, одѣваясь на ходу, съ винтовками въ рукахъ спѣшили казаки конвоя, сзади бѣжали рабочіе, вооруженные чѣмъ попало подъ руку.

Вдругъ сразу раздался неистовый, визгливый крикъ: «ай кчу буръ»! (все равно).

И, расталкивая толпу любопытныхъ, въ кругъ, образовавшійся около трупа, быстро вбѣжала молодая туркменка въ темно-пунцовыхъ шальварахъ и голубой шелковой бикирю (рубаха съ рукавами). Черные волосы ея были распущены, а въ глазахъ я увидѣлъ безуміе. Не обращая ни на кого вниманія, она бросилась сразу на грудь Евграфова и, молча прильнувъ къ его губамъ, медленно цѣлуя ихъ, глаза, носъ, лобъ и волосы, перемѣшивая русскій съ туркменскимъ языкомъ, заговорила тихо, какъ бы съ живымъ, нѣжно гладя рукой по курчавымъ волосамъ:

«Тебя убили, мой дорогой, ты убитъ, мой орелъ, жизнь моя, свѣтъ очей моихъ, жемчужина моего сердца!.. Но это—ничего: я тоже уйду вмѣстѣ съ тобой, и мы будемъ всегда вмѣстѣ,—какъ ты звалъ, обѣщалъ... Намъ хорошо будетъ вмѣстѣ».

Въ это время послышался дробный скокъ коня.

На неосѣдланной лошади, взнузданной арканомъ, держа въ правой рукѣ громадный, блестящій на солнцѣ кинжалъ, пригнувшись къ шеѣ лошади, съ гиканьемъ мчался молодой туркменъ, который все время кинжаломъ наносилъ удары по шеѣ и головѣ лошади, и та отъ боли летѣла, какъ вихрь, почти разстилаясь по землѣ.

Шея и грудь лошади были залиты кровью.

Прежде, чѣмъ кто-нибудь могъ что-нибудь сообразить, туркменъ, какъ мѣшокъ съ воза, быстро свалился съ лошади и съ крикомъ:

— Бій-ки-дра мона-нуръ (смерть тебѣ за отца),—сталъ наносить одинъ за другимъ удары кинжаломъ въ спину склонившейся надъ трупомъ Евграфова туркменки...

Это былъ старшій сынъ Базелитъ-тюря.

Женщина вздрогнула и, вся облитая кровью, безжизненно вытянулась на трупѣ казака.

Все это было дѣломъ одной минуты.

— Хватайте его!—опомнившись, крикнулъ я.

Нѣсколько казаковъ и рабочихъ кинулись на туркмена, отняли кинжалъ и скрутили ему руки. Туркменъ не сопротивлялся.

Но было поздно: она была уже мертва!

Подойдя ближе, я увидѣлъ, что женщина крѣпко лѣвой рукой держалась за грудь Евграфова, плотно прильнувъ губами къ его губамъ.

Народъ заволновался, какъ выпущенный улей пчелъ.

Казаки схватились за винтовки, а туркмены плотнѣе сжали ручки кинжаловъ...

Я выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ вверхъ.

Толпа шарахнулась...

Громко приказалъ казакамъ немедленно вести убійцу въ кочевье, а при трупахъ, оставивъ ихъ пока на мѣстѣ, приставить караулъ, остальнымъ же уйти прочь.

Толпа туркменъ, казаковъ и рабочихъ мрачно, въ молчаніи, стала расходиться.

Разстроенный, шагомъ поѣхалъ я въ свою юрту и сѣлъ писать рапортъ по начальству объ этомъ кровавомъ происшествіи...

Въ это время ко мнѣ въ юрту вошелъ старикъ-урядникъ, начальникъ казачьяго конвоя.

Медленно, откашлявшись въ рукавъ бешмета, онъ произнесъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе, такъ что, однако, дозвольте доложить. Мы всѣ по старой вѣрѣ стоимъ, а Евграфовъ,—да будетъ пухъ ему здѣшняя земля,—съ басурманкой нечистой связался, за что Господь Богъ и прибралъ его съ этого свѣта... Такъ что, значитъ, разрѣшите его за оградой, какъ самоубійцу, похоронить... Иначе никакъ не возможно, земля не приметъ... А ейный трупъ этимъ гололобымъ отдать, пущай, какъ хотятъ дѣлаютъ...

— Что такое? Ничего не понимаю?—вскочилъ я.—Какая ограда? что за самоубійца? Говори толкомъ, что тебѣ надо? Какое разрѣшеніе?

— Однако, такъ что,—медленно и степенно продолжалъ старшой:—напрасно изволите гнѣваться, ваше благородіе. Оно, конешно, тоже лестно бумагу эту самую писать,—и онъ мизинцемъ осторожно дотронулся до начатаго мною донесенія.—Вы, ваше благородіе, можно сказать, какъ бы въ волненіи находитесь, а мы, станичники, такъ полагаемъ, что и писать по начальству ничего не надо: умеръ и все тутъ, а все-таки дозвольте намъ Евграфова похоронить по старой вѣрѣ, безъ потрошенія, за оградой, значитъ: на что шелъ, то и нашелъ, самъ виноватенъ.

И старикъ низко поклонился.

— Какую ограду вы выдумали, когда кругомъ голая степь, и ближе ста верстъ и кладбища-то нѣтъ, да и Евграфовъ вовсе не самоубійца, а его убили?

— Такъ ему и надоть,—упорно, сурово произнесъ урядникъ:—не вяжись съ бабой, а тѣмъ боль съ нехристью, а оградку,—заскивающимъ голосомъ продолжалъ онъ,—ребятки наши быстро изъ кольевъ составятъ, а его, значитъ, около ея честь-честью землѣ отдадимъ. Да и имъ тоже, башколобымъ-то халатникамъ, лестно, чтобы безъ бумаги, безъ начальства, а по-своему тоже зарыть.

— Дѣлайте, какъ хотите, мнѣ все равно,—махнулъ я рукой.

— Слушаю, ваше благородіе,—выкликнулъ урядникъ и ушелъ.

Я задумался. Слишкомъ рѣзкіе контрасты жизни въ теченіе нѣсколькихъ часовъ предстали предо мной! Евграфовъ, съ тоской совѣтующійся со мною, какъ ему лучше устроить совмѣстную жизнь со своей милой; она, бѣгущая къ его трупу, презирая всѣ обычаи, твердо говоря, что ей все равно; сынъ, мстящій одной изъ женъ своего отца...

«Что за чушь?» невольно думалъ я.

Мнѣ хотѣлось увидѣть убійцу, посмотрѣть на него: мнѣ казалось, что я прочту на его лицѣ, въ глазахъ, что заставило его зарѣзать Евграфова и жену отца.

Я отправился въ конецъ кочевья, къ юртѣ старшины, куда былъ отведенъ убійца. Проходя по кочевью, я увидѣлъ вдали большую толпу туркменъ. Толпа что-то кричала и ожесточенно жестикулировала. При моемъ приближеніи всѣ сразу замолкли. Изъ толпы выдѣлился старикъ-туркменъ громаднаго роста, съ большой сѣдой бородой. Онъ медленно подошелъ ко мнѣ и, опустившись на правое колѣно, сдѣлалъ «селямъ» (приложилъ правую руку къ сердцу, къ губамъ и къ головѣ, что означаетъ: все, что можетъ желать сердце, что могутъ высказать уста и создать мозгъ, —все принадлежитъ тебѣ). Затѣмъ, поднявшись, медленно заговорилъ:

— Бачка, мы шли къ тебѣ, но ты самъ пришелъ къ намъ: помилуй, бачка, отпусти его! Онъ не виноватъ, что казака твоего зарѣзалъ. Онъ правъ: мы всѣ, старики, рѣшили такъ.

И, подпявъ правую руку, близко подошелъ ко мнѣ.

— Пойми, у тебя Богъ есть и у насъ тоже есть,—торопливо сталъ выкрикивать старикъ.—Пойми, бачка, что, вѣдь, у всякаго свой Богъ есть! За честь отца вступился онъ: старикъ, тотъ слабъ, самъ не могъ. Помилуй, прости его, бачка; онъ правъ, мы своимъ судомъ рѣшили такъ. Не пиши своихъ бумагъ, прости его, бачка [1]).

Вся толпа туркменъ, по знаку старика, опустилась на колѣни, сложивъ ладонями руки внизъ и опустивъ низко головы.

Я стоялъ совершенно ошеломленный.

— Поймите же,—обратился я къ старику:—что я ничего не могу сдѣлать: онъ убилъ двухъ людей, и по закону я долженъ отдать его судьямъ, а они разсудятъ... Я же не имѣю право прощать или наказывать.

Толпа, не понимавшая, что говорю я, продолжала стоять на колѣняхъ.

Старикъ, сверкнувъ на меня глазами, скомандовалъ народу встать.

Подойдя ко мнѣ, онъ, презрительно дотронувшись до лѣвой стороны моей груди, медленно произнесъ:

---

[1]) Бачка—господинъ.

— Нѣтъ у тебя ни сердца, ни Бога... Одинъ законъ да бумаги у тебя только живутъ тутъ. Жили мы хорошо, мирно, какъ Аллахъ велитъ и сердце говоритъ. Пришли сюда къ намъ вы, урусы проклятые, и сразу свои законы поставили: женъ чужихъ воровать, все воровать, все себѣ забирать и по свой законъ потомъ за это себя оправдать. Теперь дѣлай, какъ хочешь, мы свое тебѣ все сказали.

Онъ наклонился ко мнѣ и тихо прошепталъ:

— Мы свой законъ—сердца законъ сдѣлали. Онъ далеко теперь бѣжалъ. А два казака, что сторожили его, пойди, погляди, вонъ тамъ связаны лежатъ. Хочешь, зарѣжемъ, чтобы молчали? Насъ больше восьми сотенъ будетъ, а тебя съ казаками и рабочими и семи десятковъ нѣтъ: теперь бей насъ, коли можешь!

— Но разъ онъ бѣжалъ, зачѣмъ же вы притворялись, просили о помилованіи?—спросилъ я.

Старикъ хитро улыбнулся.

— А что съ тобой говорилъ,—это чтобы онъ подальше бѣжалъ, погоня чтобы не догналъ... Пиши свой бумага всему начальству; пушки-ружья зови—всѣ мы, какъ одинъ, скажемъ: «ничего не знаемъ, никакого казака не видали; кто зарѣзалъ—не знаемъ; женщины не было нашей — чужая намъ та, и онъ указалъ рукой въ степь.

— Ничего не знаемъ...—спокойно закончилъ старикъ.

Я молча повернулся, ушелъ обратно въ юрту, гдѣ составилъ рапортъ начальству о томъ, что неизвѣстно кѣмъ зарѣзанъ казакъ Евграфовъ, не упомянувъ ни слова о туркменкѣ, и отправилъ донесеніе съ казакомъ.

На слѣдующее утро мы хоронили Евграфова.

Казаки гдѣ-то раздобыли широкихъ досокъ, изъ которыхъ сколотили похожій на старообрядческую колоду гробъ.

Евграфова одѣли въ новый мундиръ, рану на шеѣ повязали бѣлымъ платкомъ.

Онъ былъ красивъ въ гробу—лицо задумчивое, какъ было у него наканунѣ смерти, во время разговора со мной.

Медленно, въ сопровожденіи всѣхъ казаковъ и рабочихъ, гробъ на плечахъ казаковъ былъ отнесенъ далеко въ степь, гдѣ все-таки казаки изъ маленькихъ кольевъ ухитрились соорудить, какъ просилъ меня старшой урядникъ, «оградочку»: попросту говоря, окружили кольями квадратную сажень земли, а снаружи вырыли могилу.

Одинъ изъ стариковъ-казаковъ нараспѣвъ, гнусавымъ голосомъ прочиталъ нѣсколько молитвъ.

Всѣ хоромъ спѣли:

«Ступай, душа, въ рай, такъ и надо, чтобы въ рай».

Быстро опустили гробъ, зарыли и поставили самодѣльный восьмиконечный крестъ.

Казаки дали залпъ изъ ружей.

И остался отъ Евграфова только синеватый пороховой дымъ.

Въ это же время около ручья, на мѣстѣ кровавой драмы, подъ заунывныя пѣсни и тоскующіе звуки «зурнабъ» (струнный инструментъ) предали землѣ бѣдную мученицу любви и предразсудковъ. Все тѣло ея было обвито яркими шелковыми лентами и матеріями. Лицо плотно закрыто «чернымъ» нечарчафъ (плотное шелковое покрывало).

На похоронахъ присутствовали только женщины и дѣти.

Джануръ.

КАВКАЗСКАЯ ЦЕНЗУРА.

(Изъ недавняго прошлаго).

Когда въ первый разъ ѣдешь на службу «на окраины», никто васъ обыкновенно не поздравляетъ. Желаютъ вамъ всякаго успѣха, счастья, но непремѣнно прибавятъ: «А жаль, что на окраины забираетесь; лучше, если бы васъ куда-нибудь въ центральную губернію назначили...» Когда вы начинаете возражать, не зная еще, что это такое «окраины», то собесѣдникъ снисходительно улыбается и, не желая, видимо, васъ огорчать, прибавляетъ: «Ну, вы сами все узнаете,—конечно, вездѣ, вѣдь, люди живутъ...»

Я испыталъ все это на себѣ, когда уѣзжалъ, въ началѣ девятисотыхъ годовъ, служить на Кавказъ. Я былъ очень радъ перемѣнить ингерманландскія болота на благодатный климатъ юга, а объ окраинахъ не имѣлъ тогда еще яснаго представленія. Къ тому же у меня на Кавказѣ были знакомые и даже пріятели по школьной скамьѣ, и я ѣхалъ въ новый для меня край «съ легкимъ сердцемъ».

Мѣсто моего назначенья былъ Тифлисъ, куда я и пріѣхалъ зимой въ январѣ, оставивъ въ Петербургѣ сильнѣйшіе холода и очутившись вдругъ подъ яркими и теплыми лучами солнца, при температурѣ днемъ до 17 градусовъ по Реомюру!

Съ первыхъ же шаговъ начались мои удивленія. Съ кѣмъ ни заговоришь о мѣстныхъ дѣлахъ, о мѣстной жизни,—въ отвѣтъ слышится скрытое недовольство, а туземцы прямо негодовали на царившій въ краѣ режимъ.

— Намъ жить не даютъ, насъ отъ всякой общественной дѣятельности отстраняютъ! —жаловались мнѣ мои новые знакомые изъ армянскаго и грузинскаго слоя населенія.

— То есть какъ же это жить вамъ не даютъ?—любопытствовалъ я узнать, чтобы поскорѣе оріентироваться.

— А очень просто! Открывается какое-нибудь мѣсто,—непремѣнно норовятъ русскаго всунуть, а грузина или армянина отстранить, будь онъ семи пядей во лбу. Еще понятно, если бы русскіе-то чиновники образцовые всѣ здѣсь были, а то Богъ знаетъ кого сюда присылаютъ... Что жъ, на окраину всякую свалку дѣлаютъ... Никто изъ хорошихъ-то сюда итти, конечно, не хочетъ: кому же, скажите, при такомъ-то начальствѣ служить пріятно?

— Но вотъ я же самъ пожелалъ пріѣхать...

— Вамъ изъ Петербурга далече, не видно, да обо всемъ и не слыхали... А вотъ поживете, увидите сами.

И дѣйствительно—«начальство» тогда на Кавказѣ было такое, что «разсказывать, такъ прямо сказки!»

Это былъ тогдашній главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ—князь Г. С. Голицынъ.

Мнѣ всегда казалось страннымъ и логически совершенно необъяснимымъ, какимъ образомъ управленіе цѣлымъ обширнымъ краемъ, какъ Кавказъ, могли вручить такому изумительному, не поддающемуся даже описанію самодуру, какъ князь Г. С. Голицынъ. Я назвалъ его «самодуромъ» только потому, что не пріискалъ другого слова, которое бы сразу характеризовало этого полубольного человѣка, совершенно непослѣдовательнаго во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, смотрѣвшаго на управляемый имъ край, какъ на непріятельскій лагерь, а на туземцевъ, какъ на замаскированныхъ враговъ, ищущаго вѣчно и всюду «крамолу» и какихъ-то заговоровъ, которые надо поскорѣе «подавить», и при всемъ этомъ раздражительнаго и вспыльчиваго до потери сознанія.

Могъ ли пользоваться въ краѣ симпатіями такой человѣкъ, судите сами. Русскіе чиновники его боялись, какъ огня, такъ какъ для него ничего не стоило испортить на всю жизнь карьеру любому труженику только потому, что вы «не понравились»; туземцы, болѣе пылкіе и впечатлительные по натурѣ, съ трудомъ скрывали свое негодованіе. По поводу раздражительности и вспыльчивости князя Голицына ходили по Тифлису цѣлыя легенды. Эти анекдоты оказывались вовсе не вымысломъ, а фактами, хотя и весьма исключительными, просившимися зачастую подъ перо водевилиста.

Вотъ, напримѣръ, инцидентъ съ княземъ Голицынымъ, о которомъ я услышалъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Тифлисъ и о которомъ много говорили въ военныхъ кружкахъ этого города.

Эпизодъ напоминаетъ безчисленные разсказы про знаменитаго фельдмаршала Гурко, бывшаго варшавскаго генералъ-губернатора и слабохарактернаго супруга не менѣе «знаменитой» Маріи Андреевны, утверждавшей, что у нея въ замкѣ «tout à fait comme à la Cour» (совсѣмъ какъ при дворѣ), на что польская знать, зло над-

смѣиваясь надъ этой своеобразной дамой, говорила, «oui, tout à fait comme à la basse-cour», т. е. да, совсѣмъ какъ на скотномъ дворѣ.

Итакъ, вотъ что однажды случилось съ Голицынымъ.

Помимо «гражданской части», онъ управлялъ также и всѣми военными дѣлами на Кавказѣ, какъ полный генералъ и командующій войсками кавказскаго военнаго округа.

Надо было, по его мнѣнію, сдѣлать взбучку одному генералу и «разнести» его за плохо исполненное порученіе по ревизіи военной части въ Кахетіи. Генералъ,—будемъ называть его Ѳедотовымъ,—былъ вызванъ во дворецъ къ его сіятельству, въ такой-то день, къ 11 часамъ утра.

Въ это же самое злополучное утро является во дворецъ, въ часъ пріема, т. е. въ 11 часовъ, и другой генералъ—пусть онъ будетъ Ѳедоровъ—съ цѣлью поблагодарить князя за награжденіе давно желаннымъ орденомъ.

Оба генерала встрѣтились въ пріемной залѣ. Ровно въ 11 часовъ одного изъ нихъ пригласили въ кабинетъ къ князю, но, по ошибкѣ дежурнаго чиновника, первымъ былъ впущенъ туда не вызванный для «взбучки» Ѳедотовъ, а пріѣхавшій благодарить Ѳедоровъ.

Князь въ то утро былъ особенно не въ духѣ... Его красное одутловатое лицо на громадномъ, высокомъ и ожирѣвшемъ тѣлѣ съ оттопыреннымъ животомъ и короткой шеей не предвѣщало ничего добраго. Онъ угрюмо сидѣлъ за письменнымъ столомъ и просматривалъ почту.

— Генералъ-майоръ Ѳедоровъ!—доложилъ дежурный.

Князю послышалось, по нѣкоторому сходству фамилій, что ему докладываютъ про генерала Ѳедотова.

— Позвать, позвать его сюда!—уже вскипѣлъ гнѣвомъ начальникъ края, торопясь какъ можно скорѣе «обрушиться» на провинившагося.

Въ кабинетъ радостно влетѣлъ генералъ Ѳедоровъ и громкимъ голосомъ началъ давно заготовленную фразу:

— Несказанно польщенъ милостью къ моимъ посильнымъ трудамъ со стороны вашего сіятельства и считаю долгомъ благодарить...

Князь, предполагая, что передъ нимъ стоитъ провинившійся Ѳедотовъ, котораго онъ не могъ хорошо знать въ лицо, такъ какъ вовсе не соприкасался съ нимъ лично и видѣлъ всего разъ или два въ жизни, весь багровый отъ гнѣва, съ мѣста въ карьеръ налетѣлъ на вошедшаго, не давъ докончить фразы.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, это я васъ долженъ поблагодарить, ваше превосходительство, за вашъ вздорный докладъ! Нечего сказать—удружили!—закричалъ князь.

Ѳедоровъ опѣшилъ и совершенно, конечно, не понималъ, о чемъ говоритъ начальникъ края и въ чемъ онъ согрѣшилъ.

— Но позвольте, ваше сіятельство, о какомъ вы изволите говорить докладѣ?—пролепеталъ растерянный генералъ.

— И онъ еще смѣетъ спрашивать, о какомъ докладѣ?!—кричалъ попрежнему князь, все болѣе и болѣе краснѣя и кипятясь.—О вашемъ докладѣ, сударь, о поѣздкѣ въ Кахетію, гдѣ одни слова и никакого дѣла, никакого смысла!...

И, схвативъ со стола какую-то бумагу (кажется, вовсе не ту, которую хотѣлъ), Голицынъ подставилъ ее подъ носъ окончательно сбитому съ толку генералу Ѳедорову.

— Вотъ, вотъ вашъ докладъ! Развѣ такъ исполняютъ порученія начальства? Вы не отвѣтили ни на одинъ изъ вопросовъ, которые вамъ было предписано командиромъ перваго корпуса разъяснить на мѣстѣ...

— Но, ваше сіятельство, я не ѣздилъ въ Кахетію, никакого предписанія отъ генерала Амираджиби не получалъ,—вы изволите принимать меня за кого-нибудь другого, — возражалъ Ѳедоровъ, поняв, въ чемъ дѣло.

Но разсвирѣпѣвшій князь его уже не слушалъ и не слышалъ его возраженій. Онъ все наступалъ на несчастнаго съ сжатыми кулаками и, топая ногами, кричалъ неистовымъ голосомъ:

— Вы устроили пріятную для себя поѣздку по Кахетіи, насладились тамошнимъ винцомъ, покалякали съ помѣщиками, заѣхали въ Цинандалы, конечно, къ князьямъ Чавчавадзе! А ревизія—по боку!

— Вы изволите принимать меня за другого, я...

— А дѣло страдаетъ, ревизія не выполнена!

— Но позвольте, я...

— Ничего не выполнено! Что жъ, прикажете другого посылать вмѣсто васъ?! Стыдитесь!

— Вы ошибаетесь!—твердилъ бѣдняга, не имѣя возможности вставить ни одного слова въ сыпавшуюся на него «бучу» и сказать, кто онъ.

— Извольте подавать въ отставку!—выпалилъ князь:—мнѣ такихъ лѣнтяевъ не нужно, въ отставку, въ отставку!...

Но тутъ онъ поперхнулся собственной слюней и на мгновенье замолкъ.

Слово «отставка» магически подѣйствовала на злосчастнаго генерала. Собравъ весь воздухъ въ своихъ легкихъ, онъ, наконецъ, закричалъ надъ самымъ ухомъ Голицына:

— Я не исполнялъ никакого порученія въ Кахетіи, я генералъ-майоръ Ѳедоровъ и явился благодарить за пожалованный орденъ,— и онъ указалъ на звѣзду Станислава, украшавшую его парадный мундиръ.

Картина!

— Какъ?! Вы, значитъ, не генералъ Ѳедотовъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство: я генералъ-майоръ Ѳедоровъ!

Пришла очередь растеряться князю.

— Ради Бога, простите, голубчикъ,—началъ онъ извиняться предъ обиженнымъ подчиненнымъ.—Я васъ за Ѳедотова принялъ. Это все дежурный напуталъ... Ахъ, какъ досадно! Очень, очень радъ, что вы по заслугамъ награждены... По гдѣ же Ѳедотовъ? — и онъ позвонилъ.

Вошелъ робко дежурный.

— Генералъ Ѳедотовъ явился?

— Они давно-съ въ пріемной дожидаются...

— Отчего не ввели ко мнѣ сейчасъ же? Вы все путаете! Больше не будете дежурить... А ужъ вы меня простите, батенька, — снова обратился князь Голицынъ къ звѣздоносцу: — это я просто ошибся...

И онъ до передней самъ проводилъ ни за что, ни про что обиженнаго и обруганнаго человѣка, котораго, по своей безалаберности и неудержимой вспыльчивости, принялъ за другого.

Затѣмъ былъ позванъ Ѳедотовъ, съ ужасомъ слышавшій далекіе крики изъ кабинета на невиннаго человѣка, которые предназначались ему. Что было дальше—исторія предусмотрительно умалчиваетъ.

Я нарочно привелъ вышеописанную сцену, чтобы дать читателямъ полную возможность судить, въ чьихъ рукахъ былъ въ описываемое время Кавказъ, и могло ли населеніе края чувствовать хотя сколько-нибудь уваженія и пріязни къ начальнику этой обширной окраины, который зачастую устраивалъ у себя во дворцѣ подобные возмутительные фарсы?

Во всѣхъ отрасляхъ управленія были такія же непослѣдовательность и путаница, какъ въ бѣшеныхъ «распеканіяхъ» одного лица вмѣсто другого, а отношеніе къ умственной жизни страны, къ ея печати—самое возмутительное.

Я пріѣхалъ въ Тифлисъ вскорѣ послѣ «крушенія» В. Л. Величка, устроившаго на Кавказѣ настоящую помѣщичью облаву на злополучныхъ армянъ и грузинъ и совершенно безнаказанно травившаго ихъ цѣлыхъ три года на страницахъ... офиціальнаго изданія Кавказскаго края.

Эта «русская» политика, однако, очень не нравилась въ Петербургѣ, и вотъ князь Голицынъ съ легкимъ сердцемъ восточнаго деспота вдругъ повернулъ къ Величку спину и совершенно для всѣхъ неожиданно отнялъ отъ него редактированіе «Кавказа».

Дѣлая карьеру подъ выгодной маской «патріота», Величко, какъ «истинно-русскій», рѣшительно вездѣ сталъ находить заговоръ и крамолу и устрашалъ этими «открытіями» неустойчиваго, взбалмошнаго и совершенно не подготовленнаго для управленія краемъ главноначальствующаго.

Величко утверждалъ, напримѣръ, что въ тифлисскомъ артистическомъ обществѣ, мирно занимавшемся музыкой и домашней сценой, по вечерамъ, во время репетицій, что-то замышляютъ и къ чему -то готовятся, и что во всѣхъ редакціяхъ мѣстныхъ газетъ (исключая, конечно, редактируемаго имъ самимъ офиціальнаго «Кавказа») сидятъ отъявленные революціонеры. Въ тонъ ему пѣло, кстати сказать, и мѣстное жандармское управленіе, обязанное «по долгу службы» находить разныя опасности тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и не было... Оно серьезно доносило въ Петербургъ и князю Голицыну, что въ тифлисскомъ армянскомъ благотворительномъ обществѣ занимаются вовсе не помощью бѣднымъ, а подготовкой отдѣленія Кавказа отъ Россіи и открыто печатаютъ на Ремингтонѣ... революціонныя прокламаціи

Можете себѣ представить, подъ какимъ гнетомъ была въ то время кавказская печать! Я очень близко зналъ всѣ мѣстныя цензурныя дѣла, будучи старымъ пріятелемъ съ цензорами, изъ которыхъ трое были моими однокашниками по Лазаревскому институту. Поставленные на стражѣ за зловредной дѣятельностью мѣстныхъ изданій, но не находя въ этихъ органахъ рѣшительно ничего «антиправительственнаго» и достойнаго даже обысковъ, которые отъ времени до времени и совершенно внезапно производились въ помѣщеніяхъ редакцій тифлисскихъ газетъ, цензора обратились, въ силу обстоятельствъ, изъ губителей мѣстной печати въ ея защитниковъ и спасителей и всячески старались сдѣлать ея положеніе мало-мальски терпимымъ. Въ этомъ отношеніи кавказскій цензурный комитетъ, во главѣ съ его предсѣдателемъ, широко образованнымъ и гуманнымъ М. П. Гаккелемъ, игралъ тогда въ жизни Кавказа весьма любопытную и необычную роль, будучи, вопреки всѣмъ прочимъ цензурнымъ комитетамъ, не пугаломъ для мѣстной прессы, а прибѣжищемъ и добрымъ совѣтчикомъ въ ея печаляхъ и затрудненіяхъ. За эту, въ предѣлахъ возможнаго, независимость цензурнаго комитета ему же и доставалось отъ князя Голицына, и при томъ опять-таки съ самой полной неожиданностью и по причинамъ, которыя, при нормальныхъ условіяхъ жизни края, не могли повлечь за собой рѣшительно никакихъ репрессій.

Въ тифлисской газетѣ «Новое Обозрѣніе», издаваемой князьями Тумановыми и считавшейся въ кавказскихъ сферахъ особенно либеральной и «опасной» только, вѣроятно, потому, что не записывала въ канцеляріи главноначальствующаго и не говорила разныхъ благоглупостей, появился, незадолго до моего пріѣзда въ Тифлисъ, фельетонъ за надписью «Ивановича». Этотъ псевдонимъ принадлежалъ нѣкоему Н. И. Свѣденцову, нераскаянному шестидесятнику, что-то въ свое время сдѣлавшему и подвергшемуся административной карѣ, а потомъ пріѣхавшему на Кавказъ. Этотъ господинъ былъ у мѣстной власти на примѣтѣ, и всѣ его писанія въ мѣстныхъ орга-

нахъ печати истолковывались и вкривь и вкось и возбуждали разныя сомнѣнья. Фельетонъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ напечатанъ въ сентябрѣ, тотчасъ по возвращеньи мѣстнаго чиновничества изъ болѣе или менѣе продолжительныхъ отпусковъ, и описывалъ благодушное состоянье этихъ вершителей судебъ Кавказа послѣ лѣтняго отдыха и въ продвкушеніи прелестей «двадцатаго числа». Эта тема была такъ невинна и обыкновенна даже въ эпоху цензуры, такъ часто всюду повторялась и заѣздилась, что на фельетонъ никто на первыхъ порахъ не обратилъ никакого вниманья, и онъ такъ и прошелъ бы незамѣченнымъ, если бы не «истинно русскій» человѣкъ Величко, который, въ виду встрѣченныхъ имъ въ цензурномъ комитетѣ препятствій въ его печатной травлѣ туземцевъ, пожаловался на комитетъ князя Голицыну. Онъ увѣрялъ, что комитетъ задерживаетъ его невинныя статьи для «Кавказа», а между тѣмъ разрѣшаетъ фельетоны Ивановича въ «Новомъ Обозрѣніи», въ которыхъ зло вышучивается высшая мѣстная власть. «Истинно-русскій» человѣкъ не преминулъ разъяснить главнопачальствующему, что подъ людьми «двадцатаго числа», благодушествовавшими во время лѣтнихъ отпусковъ въ блаженномъ far niente, слѣдуетъ видѣть дерзкій намекъ на самого князя Голицына, который тоже получаетъ 20-го числа жалованье и недавно провелъ два лѣтнихъ мѣсяца въ Ессентукахъ, гдѣ лечился отъ чрезмѣрной полноты и общаго ожирѣнья. Конечно, этотъ послѣдній, не разобравши, въ чемъ дѣло, вскипѣлъ гнѣвомъ и потребовалъ у министра внутреннихъ дѣлъ немедленнаго удаленія отъ должности пропустившаго злополучный фельетонъ цензора Ю. И. Нофаля, провинившагося только тѣмъ, что исполнялъ въ точности цензурный уставъ, который требовалъ отъ цензуры объективнаго отношенія къ ясному смыслу текста, предостерегая отъ своевольнаго толкованія въ дурную сторону кажущихся цензору намековъ.

Никакія заступничества цензурнаго комитета не помогли, и цензоръ долженъ былъ уѣхать съ Кавказа по капризу всевластнаго сатрапа и его приспѣшника В. Величка.

Когда отстраненный отъ должности цензоръ Ю. Нофаль предсталъ въ Петербургѣ предъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, М. П. Соловьевымъ, и разсказалъ ему во всѣхъ подробностяхъ все, какъ было,—этотъ послѣдній развелъ отъ удивленія руками и сейчасъ же прикомандировалъ «опальнаго цензора» къ петербургскому цензурному комитету, назначивъ ему соотвѣтствующее вознагражденье изъ общихъ суммъ вѣдомства печати. Хорошо, что вся эта «исторія» окончилась такъ, сравнительно, благополучно: въ противномъ случаѣ совершенно ни въ чемъ неповинный человѣкъ остался бы, по прихоти всевластнаго психопата, на улицѣ, безъ куска хлѣба, съ двумя малолѣтними дѣтьми на рукахъ...

На мѣсто потерпѣвшаго былъ посланъ въ Тифлисъ другой цензоръ, изъ числа чиновниковъ особыхъ порученій при главномъ управленіи по дѣламъ печати, но и онъ тоже не пришелся по вкусу главноначальствующему за то, что относился къ своимъ обязанностямъ на строгомъ основаніи цензурнаго устава и циркуляровъ по вѣдомству печати и не поддавался разнымъ «вѣяньямъ» канцелярій начальника края. Вскорѣ его положеніе стало крайне затруднительное: его стали обвинять «во дворцѣ» чуть ли не въ систематическомъ «развращеньи» мѣстной печати, и онъ просился о переводѣ, что ему, по счастію, и удалось. При этомъ, однако, начальникъ края старался всячески ему напортить и аттестовалъ его съ самой дурной стороны тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Этотъ послѣдній, при всѣхъ своихъ отрицательныхъ качествахъ, былъ, однако, отличный сердцевѣдецъ и по достоинству оцѣнивалъ людей; про психопатическаго начальника Кавказа онъ, не стѣсняясь, говаривалъ: «и такому человѣку ввѣрена судьба цѣлаго края!»

Если русская печать на Кавказѣ была въ описываемое время въ загонѣ, то уже туземная, т. е. грузинская и армянская, находилась тамъ въ полномъ угнетеньи. Русскія газеты удобнѣе для наблюденья, чѣмъ издающіяся на мѣстныхъ языкахъ, и здѣсь всегда можно легче заподозрѣть цензоровъ, назначаемыхъ изъ туземцевъ, въ «преступномъ» мирволеньи своимъ единоплеменникамъ. Хотя туземные цензоры (два армянскихъ и одинъ грузинскій) были внѣ всякихъ подозрѣній и вполнѣ добросовѣстно и умѣло исполняли свои обязанности, однако за ними постоянно и недоброжелательно наблюдалось какъ изъ канцеляріи главноначальствующаго, такъ и изъ жандармскаго управленія... Это послѣднее, всячески стараясь отличиться и стать спасителемъ Кавказа, то и дѣло выдумывало разные страхи, сознательно пугая мѣстную власть фантастическими призраками тайнаго броженья въ странѣ, и предсѣдатель цензурнаго комитета очень часто подвергался на еженедѣльномъ общемъ пріемѣ у главноначальствующаго пытливымъ допросамъ князя Голицына: а правда ли, что въ такой-то армянскій газетѣ была недавно напечатано то-то и то-то, чего не слѣдовало разрѣшать, а въ грузинской газетѣ появилось вотъ такое-то извѣстіе, крайне сенсаціонное? Предсѣдатель комитета, который не могъ, разумѣется, помнить все, что гдѣ печаталось за недѣлю, обѣщался князю немедленно навести справку, а самъ возвращался, разстроенный и недовольный, въ комитетъ и старался вмѣстѣ съ туземными цензорами выяснить суть дѣла и изъ за чего сыръ-боръ загорѣлся. Обыкновенно все кончалось ничѣмъ: или указанныхъ Голицынымъ статей совсѣмъ не появлялось, или онѣ были чисто грамматически неправильно поняты и переведены въ канцеляріи начальника края, или же ихъ смыслъ былъ искаженъ нарочно.

Всѣ извѣстія, касавшіяся Эчміадзина, просматривались особенно тщательно. Все, что творилось въ этомъ историческомъ монастырѣ, гдѣ пребывалъ патріархъ-католикосъ (въ то время это былъ знаменитый Мкртичъ, пользовавшійся необычайной популярностью въ армянскихъ кругахъ и именуемый армянами запросто «хайрикъ», т. е. батюшка), казалось «подозрительнымъ», а всякая поѣздка куда-либо католикоса по дѣламъ армянской церкви вызывала тревогу и секретную переписку съ особымъ эчміадзинскимъ прокуроромъ, который состоялъ при тамошнемъ синодѣ и блюлъ о правильности и законности его занятій.

Вотъ почему клерикальный армянскій органъ «Норъ-Даръ» (Новый Вѣкъ), который уже теперь болѣе не существуетъ, держался въ величайшей строгости и ему всякое лыко ставили въ строку, хотя, при нормальныхъ условіяхъ цензуры (всецѣло подчиненной на Кавказѣ мѣстной администраціи), всѣ погрѣшности газеты сводились бы къ нулю и не должны были бы вызывать никакихъ непріятностей. Въ газетѣ «Мшакъ» (Работникъ) тревогу цензора вызывали обыкновенно фельетоны, гдѣ печатались разныя легенды, сказки, басни. Подъ всякими иносказаніями можно, безъ сомнѣнья, подразумѣвать все, что кому нравится, и эти фельетоны вызывали большіе споры въ засѣданіяхъ комитета, хотя, какъ выше упомянуто, цензурный уставъ предписываетъ цензирующимъ обращать вниманье лишь на явный смыслъ рѣчи, не допуская никакихъ комментаріевъ между строками. Но таковъ былъ—увы!—полицынскій режимъ, и ему поневолѣ подчинялась цензура. Даже семейный журналъ «Акпюръ», въ которомъ чуть ли не печатались разныя наставленія въ области домашней кухни и вообще хозяйства, вызывалъ у цензора сомнѣнія и тамъ задерживались невиннѣйшія статьи, что приводило въ отчаянье чахоточнаго издателя журнала, А. Теръ-Назарьянца, который послѣ каждой такой задержки прибѣгалъ въ комитетъ и, безкопечно кашляя и весь дрожа отъ негодованья, защищалъ свою лояльность и благонамѣренность.

То же самое творилось и въ грузинской прессѣ, и даже нѣсколько въ большемъ масштабѣ, такъ какъ въ грузинскихъ изданіяхъ участвовалъ тогда тифлисскій «соціалъ-демократъ», мѣстный имеретинъ Н. Джорданіа, писавшій горячія и даровитыя статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ, статьи, которыя ежедневно печатались въ столичныхъ газетахъ, но приводили въ ужасъ кавказскія власти. Цензоръ все время былъ между двухъ огней: съ одной стороны, на Джорданіа смотрѣли почти какъ на революціонера, и онъ долженъ былъ его «ловить» на столбцахъ газетъ, съ другой—онъ, какъ порядочный человѣкъ, не считалъ себя въ правѣ придираться къ каждой фразѣ этого «революціонера», писавшаго совершенно научныя, отвлеченныя статьи по соціологіи, не имѣвшія никакого сходства съ прокламаціями, которыхъ жандармерія повсюду искала. Ей уда-

лось-таки арестовать Н. Джорданіа и засадить въ одиночное заключеніе политическаго отдѣленія тюрьмы въ Метехскомъ замкѣ. Я состоялъ директоромъ тифлисскаго тюремнаго комитета и при посѣщеніи тюремнаго замка просилъ разрѣшенья повидаться съ узникомъ, но мнѣ, несмотря на мое офиціальное положеніе, въ этотъ отказали, такъ какъ считали его «весьма серьезнымъ» арестантомъ. Эту «серьезность» основывали на отобранной у него, при арестѣ и обыскѣ, домашней библіотекѣ, составленной исключительно изъ иностранныхъ книгъ, которыя жандармерія и препроводила, при особой, секретнѣйшей бумагѣ, въ цензурный комитетъ для выясненья ихъ опаснаго содержанья. Комитетъ разсмотрѣлъ книги. Это были всѣ сплошь классическія сочиненія, старыя и новыя, по соціологіи,—труды Энгельса, Карла Маркса, Лафарга, Адама Смита, Джорджа и т. д. Комитетъ отвѣтилъ, что на основаніи индекса запрещенныхъ къ обращенію иностранныхъ книгъ центральнаго комитета иностранной цензуры въ Петербургѣ арестованныя у Н. Джорданіа книги задержанью не подлежатъ и считаются разрѣшенными къ обращенію въ публикѣ. Послѣ этого, конечно, жандармеріи пришлось, скрѣпя сердце, освободить Н. Джорданіа и возвратить ему его опасную библіотеку.

Однако, не всегда, къ величайшему сожалѣнію, кавказскій цензурный комитетъ выказывалъ такую самостоятельность. Онъ порой обнаруживалъ и непростительную слабость въ борьбѣ съ невозможнымъ режимомъ, царившимъ тогда на Кавказѣ, Это сказалось, напримѣръ, въ его отношеніяхъ къ произведеніямъ графа Л. Н. Толстого. Какъ извѣстно, въ началѣ 1901 года графъ Л. Н. Толстой былъ настолько серьезно боленъ, что со дня на день ожидали его смерти и, конечно, опасались, въ виду его отлученія, возможныхъ при панихидахъ о немъ волненій со стороны учащейся молодежи. Поэтому цензурѣ былъ отданъ приказъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина относиться съ величайшей строгостью ко всему, что пишется о Толстомъ и его болѣзни. Какъ разъ въ это самое время одинъ изъ мѣстныхъ «толстовцевъ», князь Г. Накашидзе, лично хорошо знавшій графа Толстого и все его семейство и страстный его поклонникъ, представилъ въ цензурный комитетъ брошюрку съ описаньемъ всего, что творилось въ то время въ Ясной Полянѣ, на основаніи интереснѣйшихъ писемъ и телеграммъ, постоянно имъ оттуда получаемыхъ отъ княгини Оболенской, графини Александры Львовны и В. Черткова. Въ письмахъ приводились многія слова, фразы и цѣлые разговоры умиравшаго графа Л. Толстого съ окружавшими его постель лицами, изъ которыхъ было видно, какъ философски-спокойно, какъ древній мудрецъ, относился великій писатель къ мелькавшему предъ нимъ страшному призраку и какъ онъ обѣщалъ близкимъ «передать» имъ, если сможетъ, то, что онъ будетъ испытывать въ самый моментъ перехода въ иной міръ, какъ онъ сказалъ однажды, въ минуты величайшей слабости: «я какъ будто

уже началъ уходить отъ васъ далеко, далеко, но вдругъ что-то меня опять вернуло и принесло назадъ» и т. п. Русскій цензоръ, конечно, пропустилъ эту любопытную для всего интеллигентнаго общества брошюру и доложилъ объ этомъ, въ виду сказаннаго циркуляра, комитету, одобрившему его образъ дѣйствій.

Рукопись съ разрѣшительной надписью цензора была выдана князю Накашидзе, и этотъ послѣдній отдалъ ее въ типографію печатать, какъ вдругъ... произошла неожиданная перемѣна декорацій. Предсѣдатель комитета, вѣроятно, подъ давленіемъ изъ канцеляріи главноначальствующаго, до такой степени почему-то заколебался въ дѣлѣ разрѣшенія брошюрки князя Накашидзе къ печати, что, несмотря на только что состоявшееся уже по этому вопросу постановленіе комитета, вызвалъ князя Накашидзе и убѣдилъ его взять свою рукопись обратно изъ типографіи, гдѣ она уже набиралась, и возвратить ее комитету, такъ какъ, будто бы, изъза нея могутъ быть очень большія непріятности и комитету, и его предсѣдателю, и цензору, и самому князю Накашидзе. Этотъ послѣдній, по молодости лѣтъ, исполнилъ то, о чемъ его просили,—и вотъ разрѣшенная уже цензурой рукопись опять вернулась въ комитетъ и была задержана. Такимъ образомъ, цензурный комитетъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ дней постановилъ два противоположныхъ одно другому рѣшенья.

Вотъ что безнаказанно творилось на Кавказѣ въ эпоху управленья краемъ князя Голицына, систематически раздражая, оскорбляя населенье и постепенно подготовляя вскорѣ вспыхнувшее въ этомъ краѣ революціонное движенье. Его натискъ и размахъ были бы, несомнѣнно, значительно слабѣе, если бы на кавказской окраинѣ не совершалось ежечасныхъ правонарушеній и беззаконій, одну лишь частичку которыхъ я передалъ здѣсь читателямъ.

С. У.

ГАПОНЪ И ЕГО ГАЗЕТА.

ВЪ ИНТЕРЕСАХЪ полнаго и всесторонняго освѣщенія того или иного историческаго періода нашей жизни нельзя не признать, что всякій, кто обладаетъ какими-нибудь общественнаго или политическаго характера данными, долженъ предать ихъ гласности, нисколько не стѣсняясь степенью ихъ значенія и интереса. Подобно тому, какъ мы обязаны снабжать судебнаго слѣдователя всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніями по разслѣдуемому имъ дѣлу, такъ на каждомъ изъ насъ, несомнѣнно, лежитъ долгъ предоставлять будущему историку переживаемаго времени въ пользованіе тѣ матеріалы, которые въ данный моментъ являются достояніемъ нашей памяти или вообще составляютъ собственность нашей освѣдомленности. А ужъ будущій историкъ самъ разберется въ образовавшейся кучѣ данныхъ, путемъ тщательной фильтраціи и взвѣшиванія отдѣлитъ цѣнное отъ ничего не стоящаго и воспользуется первымъ, отвергнувъ второе.

Исходя изъ этой, кажется, правильной точки зрѣнія, я и рѣшилъ изложить на страницахъ «Историческаго Вѣстника», кстати, не разъ возвращающагося къ несомнѣнно интересной, но не вполнѣ еще выясненной личности героя народнаго выступленія 9-го января 1905 г. Георгія Гапона, одинъ фактъ изъ заключительнаго періода дѣятельности послѣдняго.

Невольно приходишь въ недоумѣніе, когда припоминаешь, какъ Гапонъ, подозрѣваемый въ близкихъ сношеніяхъ съ правительственною властью, въ широкомъ и безцеремонномъ пользованіи темными—по теперешнему термину—деньгами, словомъ, въ фор-

менной измѣнѣ народному дѣлу вообще и рабочему въ частности, старался до послѣдняго дня своей жизни стряхнуть съ себя густыя тѣневыя пятна, облѣпившія его съ ногъ до головы. Ступая по наклонной плоскости ускореннымъ шагомъ, не дѣлая никакихъ усилій надъ собой, чтобы удержаться на мѣстѣ и тѣмъ менѣе вернуться къ исходной точкѣ, онъ въ то же время упорно не желалъ ни на одно мгновеніе отказаться отъ своего былого вліянія, разстаться съ ореоломъ славы, который окружилъ его имя въ день 9-го января и не оставлялъ его въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, феерически блистая на всю Россію, на всю Европу. Лихорадочно бросался бывшій предводитель народныхъ массъ и глава небывалаго шествія къ Зимнему дворцу изъ стороны въ сторону, отъ однихъ лицъ къ другимъ, поглощенный всецѣло мыслью о реабилитаціи оскверненнаго и запятнаннаго своего имени. Вѣрилъ ли онъ дѣйтсвительно въ возможность такой реабилитаціи, т. е. былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ настолько наивенъ, или, въ качествѣ продувшагося въ пухъ и прахъ игрока, дѣлалъ послѣднюю отчаянную ставку на болѣе чѣмъ сомнительную карту—трудно, разумѣется, сказать. Но во всякомъ случаѣ старанія его въ этомъ направленіи временами безусловно могли казаться искренними и прилагающимися при расчетѣ на полный успѣхъ.

Наврядъ ли многимъ извѣстно, что Георгій Гапонъ съ тою же цѣлью возстановленія своей пошатнувшейся репутаціи серьезно подумывалъ о собственной газетѣ и даже приступалъ къ ея организаціи. Объ этомъ я и хочу разсказать въ настоящихъ строкахъ.

Начну съ маленькаго отступленія.

Въ промежутокъ между 1904 и 1907 годами въ литературныхъ и издательскихъ кругахъ Петербурга пользовался довольно замѣтной популярностью нѣкій К—нъ, выбившійся въ люди не то изъ наборщиковъ, не то изъ простыхъ типографскихъ рабочихъ. Наживъ какимъ-то образомъ небольшія деньги, онъ въ теченіе вышеуказаннаго времени издавалъ еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія, обслуживавшійся многими извѣстными писателями и имѣвшій до тридцати тысячъ подписчиковъ, нѣсколько сатирическихъ листковъ, которые внѣшностью и содержаніемъ пріятно выдѣлялись изъ общей массы этого рода изданій, тогда многочисленныхъ и ходкихъ, и вечернюю газету. Мѣсяца четыре, а то и болѣе, всѣ эти изданія выпускались К—нымъ даже одновременно. Не мудрено, что такая размашистая издательская дѣятельность, да еще въ пору забастовокъ, непомѣрнаго вздорожанія рабочаго труда и всеобщаго смятенія, не могла долго продолжаться, и уже къ концу второго года этой дѣятельности К—нъ просадивъ всѣ свои деньги, началъ довольно чувствительно нуждаться въ средствахъ для своихъ изданій и содержанія своей многочисленной семьи.

Литераторы любили К—на за его простоту, веселый нравъ, гостепріимство и... авансы. Правда, гостепріимство выражалось только въ томъ, что въ редакціи еженедѣльника, помѣщавшейся на бойкомъ мѣстѣ Невскаго проспекта, въ пріемные часы,—а они продолжались весь день и весь вечеръ,—къ услугамъ посѣтителей всегда имѣлся чай съ коньякомъ или краснымъ виномъ, а что касается авансовъ, то они относились большей частью къ категоріи самыхъ незначительныхъ и скромныхъ. Но вѣдь въ то время и требованія на этотъ счетъ были совершенно иныя: куда сдержаннѣе и ограниченнѣе, чѣмъ въ наши дни. Въ издательскомъ же мірѣ К—нъ слылъ великолѣпнымъ знатокомъ своего дѣла въ мельчайшихъ его подробностяхъ, толковымъ организаторомъ газетнаго и журнальнаго предпріятія и весьма ловкимъ и остроумнымъ составителемъ рекламныхъ объявленій.

Явно сочувствуя крайне лѣвымъ теченіямъ въ обществѣ и самъ придавая своимъ изданіямъ такое направленіе, К—нъ въ то же время стойкостью убѣжденій не отличался и при случаѣ готовъ былъ заработать малую толику на дѣлахъ совершенно противоположнаго характера. Все это, вмѣстѣ взятое, очевидно, и имѣло своимъ результатомъ то обстоятельство, что въ первыхъ числахъ января 1906 года К—ну сообщили о желаніи Георгія Гапона поговорить съ нимъ по какому-то дѣлу. Мѣстомъ свиданія избрали квартиру К—на на одной изъ улицъ Песковъ, а временемъ опредѣлили поздній вечерній часъ, кажется, одиннадцатый или двѣнадцатый. Въ назначенный вечеръ, по заранѣе поставленному Гапономъ условію никого изъ постороннихъ на квартирѣ К—на не было; отсутствовали даже хозяйка, уѣхавшая нарочно въ гости, и жилецъ, которому какъ бы случайно предложили «не могущій быть использованнымъ» билетъ въ «Акваріумъ» или тому подобное мѣсто. Но Гапонъ почему-то не пріѣхалъ, хотя хотѣлъ непремѣнно быть.

Такъ какъ переговоры о свиданіи велъ съ К—мъ не лично Гапонъ, котораго тотъ никогда и не видалъ, а одинъ изъ третьестепенныхъ журналистовъ, числившійся въ свитѣ героя 9-го января и исполнявшій при немъ какъ бы роль ординарца, то К—нъ послѣ несостоявшагося пріѣзда посѣтителя готовъ былъ предположить, что никакого дѣла до него у Гапона нѣтъ и что «свитскій» журналистъ, какъ добрый знакомый, позволилъ себѣ сшутить надъ нимъ нѣсколько неумѣстную шутку.

— Не думайте, что обращеніе ко мнѣ Гапона льститъ моему самолюбію. Вѣдь я знаю, что это за птица! Было, однако, очень интересно услышать, что скажетъ мнѣ этотъ попъ!—говорилъ мнѣ на другой день К—нъ, раздраженностью тона явно выдавая свое огорченіе по поводу разстроившагося свиданія со знаменитымъ предводителемъ народныхъ массъ на Дворцовой площади.

Дѣло въ томъ, что, окончательно сочтя все это за глупую шутку, задуманную для чего-то журналистомъ-ординарцемъ, К—нъ не признавалъ уже нужнымъ умалчивать о предполагавшемся посѣщеніи его Георгіемъ Гапономъ и при первой встрѣчѣ со мной на другой день пространно описалъ мнѣ, какъ онъ вчера до поздней ночи ждалъ у себя на квартирѣ «попа», отправивъ предварительно жену въ гости, а жильца въ кафешантанъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что К—нъ вообще, кажется, ничего не скрывалъ отъ меня, какъ отъ очень близкаго знакомаго и завѣдующаго въ то время редакціонной частью его изданій. По его словамъ, живо сохранившимся въ моей памяти, излагаю я въ настоящихъ строкахъ и дальнѣйшее.

Шутки тутъ, однако, не было никакой. Въ первое послѣ не состоявшагося свиданія воскресенье Гапонъ, уже совершенно неожиданно для К—на, явился къ нему въ сопровожденіи того же журналиста. Было четыре часа вечера. На звонокъ къ дверямъ пошелъ самъ К—нъ. Первымъ показался спутникъ Гапона, который, узнавъ, что постороннихъ никого нѣтъ, подошелъ обратно къ перилламъ лѣстницы и, перегнувшись впередъ головой, крикнулъ довольно громко:

— Можно!

Черезъ какую-нибудь минуту Гапонъ уже былъ въ передней. По его лицу К—нъ замѣтилъ, что онъ очень доволенъ тѣмъ, что пріѣздъ оказался не напраснымъ. Торопливо снявъ съ себя шубу и небрежно бросивъ ее на стоявшій почти подъ самой вѣшалкой большой сундукъ, Гапонъ какъ бы вбѣжалъ въ кабинетъ, по указанію хозяина. Онъ не счелъ нужнымъ ни представиться, полагая, очевидно, что всѣмъ хорошо знакомъ, ни извиниться за то, что явился по дѣлу въ воскресный день. Въ кабинетѣ Гапонъ сразу приступилъ къ важнымъ для него переговорамъ.

— Мнѣ нужна газета,—обратился онъ, садясь на стулъ между окномъ и ломбернымъ столикомъ, къ К—ну:—а я слышалъ, что вы мастеръ по этимъ дѣламъ. Такъ не можете ли вы взять на себя организацію моей газеты?

— При извѣстныхъ условіяхъ могъ бы,—отвѣтилъ К—нъ, уже до этого свиданія догадывавшійся, что Гапонъ собирается что-то издавать, а потому и входитъ съ нимъ, К—ымъ, въ сношенія.

— Какія же такія условія?

— Прежде всего я хотѣлъ бы знать, въ чемъ должно выражаться мое содѣйствіе. Тогда смогу изложить подробнѣе и условія.

— Вамъ сейчасъ объяснитъ все N. N. (имя-отчество журналиста).

Гапонъ началъ переговоры слишкомъ сухо и дѣловито, что крайне не понравилось К—ну, находившему, что такъ разговариваютъ только съ артельщиками. Не прощая такого обращенія съ собою даже Гапону, К—нъ старался отвѣчать ему столь же сухо

и дѣловито. Гапонъ, повидимому, это почувствовалъ, но уже не хотѣлъ измѣнить разъ взятаго имъ тона, а потому и поручилъ продолжать за него бесѣду своему спутнику. Послѣдній, казалось, только и ждалъ разрѣшенія объяснить, въ чемъ дѣло, и началъ съ такихъ подробностей, о которыхъ К—ну, можетъ быть, и не слѣдовало бы вовсе знать.

— У нашихъ враговъ,—началъ журналистъ, кивнувъ головой въ сторону Гапона:—могущественная союзница—пресса. Мы же совершенно беззащитны. Тамъ, во глубинѣ Россіи, да и въ столичномъ обществѣ, только и слышны обвиненія, подозрѣнія и обличенія. Правда ни до кого не доходитъ. Ясно почему—у насъ нѣтъ газеты, въ которой мы могли бы излагать дѣло такъ, какъ оно есть. Недавно вотъ Перцовъ предложилъ намъ свое «Слово». Пишите, говоритъ, что угодно и сколько угодно, цѣлая страница къ вашимъ услугамъ, а если нужно будетъ, то и больше. Но его «Слова» никто не читаетъ ни въ Петербургѣ, ни въ провинціи. Что же проку для насъ въ немъ! Вотъ и рѣшено открыть чѣмъ скорѣе свою газету. А къ вамъ, милѣйшій N. N. (имя-отечество К—на), обращаемся съ просьбой организовать ее, т. е. составить смѣту, найти типографію, подобрать бумагу и т. д. Вамъ, кажется, болѣе, чѣмъ кому-либо, извѣстно, какія нужны для этого подготовительныя работы. Затѣмъ, на васъ можно было бы возложить веденіе конторы и вообще все то, что не касается редакціонной части газеты. О вознагражденіи же поговоримъ отдѣльно. Раньше всего нужно ваше принципіальное согласіе. Такъ что, N. N., подумайте и скажите.

Разговоръ между К—нымъ и журналистомъ продолжался сравнительно долго, минутъ двадцать-тридцать, при чемъ обсуждались главнымъ образомъ нѣкоторыя детали организаціи газеты. Это, однако, нисколько не мѣшало К—ну все время внимательно слѣдить за каждымъ движеніемъ Гапона, за каждымъ выраженіемъ его лица. А Гапонъ, лишь только поручилъ дальнѣйшую бесѣду своему спутнику, замолкъ и о чемъ-то слегка задумался, облокотившись на подоконникъ, какъ будто онъ пришелъ сюда вовсе не по дѣлу, а неизвѣстно для чего. Вскорѣ онъ, повидимому, случайно увидѣлъ на этажеркѣ, въ противоположномъ углу кабинета, первую книжку журнала «Былое», наканунѣ лишь полученную и еще не разрѣзанную. Гапонъ поднялся, досталъ съ этажерки книжку и, сѣвъ на свое мѣсто, началъ равнодушно просматривать на обложкѣ оглавленіе журнала. Вдругъ онъ странно оживился, подбѣжалъ къ письменному столу, за которымъ сидѣли К—нъ и журналистъ, отыскалъ нетерпѣливымъ взглядомъ разрѣзной ножъ и, схвативъ его, съ какой-то первностью разрѣзалъ одну изъ статей «Былого» и принялся ее читать. К—нъ, слѣдя за выраженіемъ лица Гапона, замѣтилъ, что послѣдній испытываетъ глубокое удовлетвореніе отъ того, что читаетъ.

Когда разговоръ окончился между хозяиномъ и журналистомъ, Гапонъ, пробѣгавъ еще нѣсколько минутъ заинтересовавшую его статью, какъ-то машинально загнулъ одну страницу, затѣмъ еще одну, закрылъ книжку, положилъ ее на окно и поднялся.

— Ну, вышло у васъ тамъ что-нибудь, договорились до чего?— подошелъ онъ къ письменному столу, показывая видъ, что торопится куда-то.

— Надѣюсь, что выйдетъ,—отвѣтилъ К—нъ:—вотъ на дняхъ составлю точную смѣту и можно будетъ приступить къ выпуску перваго нумера, если, конечно...

— Деньги будутъ? На этотъ счетъ не безпокойтесь. Деньги будутъ.

— Не сомнѣваюсь, но я о заголовкѣ. Вы торопитесь, насколько мнѣ сейчасъ стало извѣстно, съ первымъ нумеромъ, а заголовка еще нѣтъ. Разрѣшеніе продолжается нѣсколько дней, пока его получаешь.

— И это ерунда. Да почему вы думаете, что мы такъ торопимся? Недѣля-другая роли не играетъ. На дняхъ увидимся, обсудимъ смѣту и приступилъ къ дѣлу. А пока...

При этомъ Гапонъ пожалъ небрежно руку К—ну и вмѣстѣ со своимъ спутникомъ удалился.

Проводивъ посѣтителей, К—нъ прежде всего полюбопытствовалъ узнать, какая статья въ книжкѣ «Былого» такъ заинтересовала и, очевидно, обрадовала Гапона. Это легко было узнать по тому, что Гапонъ только ее и разрѣзалъ, справившись заранѣе въ оглавленіи. Въ этомъ январскомъ нумерѣ журнала по случаю первой годовщины тогда еще волновавшаго умы событія 9-го января 1905 года былъ помѣщенъ пространный очеркъ подъ заголовкомъ «Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 1905 г.». На страницы этого очерка и набросился съ такой жадностью и нетерпѣніемъ Гапонъ, вполнѣ резонно полагая, должно быть, что центральной фигурой описанія является онъ. Загнутыми имъ страницами оказались 203 и 208, что К—нъ тотчасъ же отмѣтилъ у себя на блокнотѣ.

Просматривая эти страницы, легко убѣдиться въ томъ, что Гапона растрогали слѣдующія строки, посвященныя его имени: «7-го и 8-го января Гапонъ написалъ письма Царю и Святополкъ-Мирскому, съ предупрежденіемъ о готовящемся шествіи народа, и лично видѣлся съ министромъ юстиціи Муравьевымъ, убѣждая его принять всѣ мѣры къ тому, чтобы шествіе это не окончилось трагически. Нечего и говорить о томъ, что онъ не нашелъ у министра ни малѣйшей отзывчивости. Въ эти же дни онъ лично объѣхалъ всѣ отдѣлы. Онъ говорилъ съ возрастающимъ возбужденіемъ и страстью, все болѣе и болѣе поднимая настроеніе толпы. Онъ надорвалъ себѣ голосъ, еле держался на ногахъ, но продолжалъ ѣздить и говорить до послѣдняго часа—до поздняго вечера 8-го января. Повидимому,

рѣчи его не вездѣ были одинаковы по тону, быть можетъ, въ зависимости отъ степени подготовки толпы. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ онъ говорилъ твердо и спокойно, сообщая толпѣ увѣренность въ успѣхѣ. Въ другихъ онъ уже забрасывалъ слова о возможности неуспѣха, о предстоящихъ опасностяхъ, о томъ, что Царь можетъ отказаться принять и выслушать народъ свой. Эти рѣчи онъ кончилъ словами: «и тогда нѣтъ у насъ...» «И тогда нѣтъ у насъ...», какъ эхо, откликалась толпа. «Всѣ умремъ! Клянемся стоять всѣ до одного. Батюшка, благословляемъ тебя на подвигъ, веди насъ!» Всѣ были въ восторженномъ состояніи..» (стр. 203) ...«Полиція ничему не препятствовала, патрули, разъѣзжавшіе по темнымъ улицамъ, и войска, поставленныя на заводы, хранили загадочное молчаніе, но уже вокругъ Гапона увивались какія-то загадочныя личности, и близкіе ему рабочіе за Нарвской заставой сплотились вокругъ него, какъ вѣрная стража, укрывали его на ночь въ своихъ квартирахъ и принимали всѣ мѣры предосторожности противъ угрожающаго ему ареста. Въ семь часовъ вечера 8-го января онъ долженъ былъ выступить въ послѣдній разъ въ путиловскомъ отдѣлѣ. Кромѣ рабочихъ, набралось немало публики изъ города, пріѣхали нѣкоторые представители печати. Гапонъ не показывался, и близкіе ему люди заявляли, что онъ не пріѣдетъ. Въ душной жаркой залѣ, набитой народомъ, поднималась тревога, то тутъ, то тамъ высказывалось предположеніе: «не арестованъ ли нашъ защитникъ? не забрали ли его черные вороны?» Народъ успокаивали, говорили ему, что о. Гапонъ въ полной безопасности. Публика изъ города разъѣзжалася. Но народъ ждалъ и тревожился. Гапонъ появился передъ путиловцами поздно вечеромъ только, измученный, охрипшій и взволнованный. Въ послѣдней рѣчи своей онъ сравнилъ эту ночь съ ночью подъ Свѣтлый праздникъ: завтрашній день будетъ для народа пробужденіемъ изъ мертвыхъ, зарею новой жизни... Народъ просилъ у него благословенія на завтра, и матери приносили ему подъ благословеніе своихъ спящихъ дѣтей...» (стр. 208).

Эти строки, понятно, могли оживить сидѣвшаго поодаль отъ бесѣдовавшихъ по дѣламъ газеты, нѣсколько задумчиваго, нѣсколько равнодушнаго «защитника народа, уцѣлѣвшаго отъ черныхъ воронов». Нахлынувшія на него со страницъ «Былого» воспоминанія могли унести его на нѣсколько минутъ туда, въ путиловскій отдѣлъ, къ ловившему каждое его слово народу, къ матерямъ, подносившимъ подъ его благословеніе своихъ спящихъ дѣтей. Остается, однако, страннымъ, зачѣмъ Гапонъ загнулъ вышеназванныя страницы журнальной книжки? Сдѣлалъ ли онъ это совершенно машинально, не чувствуя, что рука мнетъ бумагу, намѣревался ли передъ уходомъ еще разъ посмотрѣть въ эти страницы, чтобы лучше запомнить ихъ нумера, или, понимая, что послѣ него разрѣзанная имъ статья будетъ немедленно просмотрѣна К—нымъ изъ желанія

узнать, что именно заинтересовало знаменитаго посѣтителя, хотѣлъ сразу обратить вниманіе на свое недавнее величіе? Отвѣтить, конечно, трудно, но послѣднее предположеніе наврядъ ли вѣроятно, такъ какъ на 208 страницѣ «Былого» вслѣдъ за строками, свидѣтельствующими о дивномъ обаяніи имени Гапона среди рабочихъ, начинается слѣдующее: «Круги петербургской интеллигенціи уже съ 6-го января волновались слухами о быстро разрастающемся, небываломъ рабочемъ движеніи, которое за какую-нибудь недѣлю до того никто не считалъ возможнымъ. Слухи были сначала неясные, тревожные, сужденія сбивчивыя. Многіе еще продолжали говорить о дѣятельности Гапона и его помощниковъ, какъ о страшной по своимъ послѣдствіямъ правительственной провокаціи. Передавались сообщенія о томъ, что градоначальникъ и другія власти по министерству внутреннихъ дѣлъ продолжаютъ считать Гапона своимъ человѣкомъ...»

Такимъ образомъ, скорѣе всего должно допустить, что Гапонъ, взволнованный, можетъ быть, и растроганный тѣмъ, что вдругъ прочелъ о себѣ, совершенно безсознательно загнулъ сначала одну страницу, затѣмъ и другую, какъ часто свертываешь въ трубку лежащую подъ рукой бумажку или мнешь окурокъ папиросы. А тотъ фактъ, что загнутыми оказались именно страницы подъ упомянутыми нумерами, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что на нихъ Гапонъ, прочтя всю статью, остановилъ главнымъ образомъ свое вниманіе.

Но возвращаюсь опять къ его газетѣ, т. е. къ ходу переговоровъ по поводу ея открытія.

Второе свиданіе Гапона съ К—нымъ такъ скоро не состоялось. «На дняхъ» тянулось больше двухъ недѣль, будущій издатель ежедневнаго органа не являлся. Не показывался также и «свитскій» журналистъ. Встрѣтиться съ нимъ К—ну удалось только приблизительно дней черезъ десять, да и то случайно совершенно—въ одномъ изъ ресторановъ, посѣщавшихся тогда литературной братіей и прикосновенной къ ней публикой. К—нъ не удержался и въ разговорѣ съ журналистомъ о разныхъ пустякахъ замѣтилъ:

— А вѣдь смѣта у меня лежитъ готовая.

— Да, да,—какъ бы съ трудомъ соображая, въ чемъ дѣло, спохватился журналистъ:—но, знаете, у него еще не рѣшено окончательно насчетъ газеты. Можетъ быть, она вовсе не понадобится ему, такъ какъ онъ ведетъ переговоры въ другомъ направленіи. Можетъ быть, русское общество узнаетъ правду и безъ газеты. Словомъ, вопросъ этотъ виситъ пока что въ воздухѣ.

К—нъ не добивался болѣе подробныхъ объясненій, интересуясь въ сущности только тѣмъ, чтобы заработать на организаціи газеты и веденіи ея конторской части. Разъ вопросъ оказался висящимъ пока что въ воздухѣ, К—на причины этого висѣнія уже не занимали,

и онъ отъ столика журналиста, кого-то къ себѣ поджидавшаго, перешелъ на свое мѣсто.

— Все жъ таки, имѣйте все это въ виду,—шепнулъ ему журналистъ на прощанье:—въ одинъ прекрасный день можемъ быть призваны къ дѣлу.

Этотъ прекрасный день наступилъ, наконецъ, въ среднихъ числахъ февраля или даже нѣсколько позже. Въ редакцію одного изъ изданій К—на забѣжалъ все тотъ же журналистъ и, прождавъ К—на около полутора часа, сообщилъ ему, что Гапонъ хочетъ повидаться съ нимъ сегодня же вечеромъ для окончательнаго рѣшенія по дѣлу газеты. Мѣстомъ свиданія опять была назначена квартира К—на на Пескахъ, а время его опредѣлено между девятью и одиннадцатью вечера. На этотъ разъ Гапонъ оказался аккуратнымъ и явился одинъ, безъ провожатаго, въ началѣ десятаго. Онъ былъ очень веселъ и, казалось, чѣмъ-то весьма доволенъ.

— Итакъ, рѣшено!—началъ онъ, едва очутившись въ кабинетѣ.—У насъ три названія: «Дѣло», «Нашъ Голосъ», «Трудовая Жизнь». Остановимся, вѣроятно, на «Нашемъ Голосѣ». Покажите-ка смѣту, она у васъ, кажется, готова?

На замѣчаніе К—на о томъ, что смѣта лежитъ готовою уже болѣе мѣсяца, Гапонъ ничего не отвѣтилъ, а принялся просматривать поданный ему въ то же время листъ съ изложеніемъ того, что нужно для газеты и сколько потребуется денегъ на первый мѣсяцъ ея существованія, какъ К—нъ счелъ почему-то нужнымъ опредѣлить. Конечная цифра оказалась довольно круглою, но особенно непріятнаго впечатлѣнія на Гапона не произвела.

— Я въ такихъ дѣлахъ не много смыслю, но у насъ есть одинъ, съ которымъ, надѣюсь, вы поставите газету на ноги. Деньги уже почти есть, или сегодня-завтра будутъ. Скажите, пожалуйста, что слѣдуетъ теперь предпринять?

К—нъ объяснилъ Гапону, что особеннаго ничего предпринять сейчасъ нечего; разъ есть деньги, то будетъ бумага, будетъ типографія; единственно о чемъ слѣдуетъ немедленно позаботиться, такъ о пріисканіи помѣщенія для конторы и о выпускѣ въ болѣе или менѣе распространенныхъ изданіяхъ объявленій о новой газетѣ. При этомъ К—нъ не преминулъ дать понять, что онъ тоже даромъ терять время не намѣренъ.

— Понимаю, понимаю!—отвѣтилъ Гапонъ.—Нужно и помѣщеніе и объявленія, конечно, нужно. Надѣюсь, что первый нумеръ можно будетъ пріурочить къ 1-му марта, но не позже 5-го. Такъ вотъ на дняхъ къ вамъ зайдетъ одинъ, уже съ деньгами, и вы сдѣлаете все нужное. На дняхъ, непремѣнно, можетъ быть, даже завтра, послѣзавтра, непремѣнно!

Послѣ этого Гапонъ попрощался и ушелъ, столь же оживленный, какъ появился. Какъ самого Гапона, такъ и того «одного»,

котораго онъ долженъ былъ прислать, К—нъ ждалъ довольно долго. «На-дняхъ» Гапона окончилось въ тотъ день, когда газеты сообщили о томъ, что герой 9-го января 1905 г., этотъ «истинный вождь всероссійской революціи», найденъ полуразложившимся трупомъ въ одной изъ пустующихъ дачъ въ Озеркахъ.

— Что же,—спрашивалъ я, пишущій эти строки, К—на:—вы, такой опытный дѣлецъ, давали себя водить за носъ?

На это К—нъ мнѣ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Все-таки то былъ Гапонъ.

И. Г.

КОНФЕДЕРАТЪ САВВА ЧАЛЕНКО.

1740—1771 г.

(Историческій очеркъ).

СРЕДИ конфедератскихъ вождей, съ которыми приходилось намъ бороться въ первую русско-польскую войну 1768—1772 гг., выдѣляется личность молодого казака Саввы, по прихоти судьбы сражавшагося противъ своихъ единоплеменниковъ и погибшаго за чуждое ему дѣло. Его имя, которое народныя легенды не даромъ окружили какимъ-то ореоломъ, не можетъ пройти не замѣченнымъ.

Постараемся сгруппировать главнѣйшіе факты изъ его жизни, основываясь на источникахъ русскихъ и иностранныхъ, и замѣтимъ при этомъ, что, если послѣдніе не лишены тенденціозности и поэтической окраски, съ другой стороны, первые, при всей своей офиціальной сухости, излагаютъ событія sine ira et studio и вполнѣ заслуживаютъ довѣрія.

I.

Сынъ печальной памяти приверженца Орлика Саввы Чалаго,—вѣрнѣй Саввы Чаленка—сперва гайдамака, позже предавшагося полякамъ, Савва сдѣлался ихъ правой рукой въ дѣлѣ преслѣдованія гайдамацкихъ шаекъ. Гроза своихъ прежнихъ товарищей, онъ ловилъ и варварски умерщвлялъ ихъ всевозможными способами. Команда надъ немировскою милиціей графа Іосифа Потоцкаго,

коронnаго гетмана, извѣстнаго своей кровожадностью, чинъ полковника, представленіе королю и пожалованіе въ потомственное владѣніе деревень Рубани и Сгепашекъ — были наградами Саввѣ за измѣну...

Тогда гайдамаки рѣшили жестоко отомстить предателю.

Въ самый день Рождества 1741 года одинъ изъ нихъ, Игнатій Голый, служившій когда-то при Минихѣ въ рядахъ нашей арміи, окружилъ ночью съ нѣсколькими товарищами хуторъ Саввы въ Степашкахъ, когда его владѣлецъ спалъ, мертвецки пьяный, убилъ его и скрылся безслѣдно.

Невольная свидѣтельница ужасной смерти мужа, полковница Чалая убѣжала и привела къ хутору отрядъ поляковъ, которымъ командовалъ поручикъ Мощинскій. Но было уже поздно: Голый съ прочими убійцами успѣлъ бѣжать далеко.

Малютка, сынъ убитаго полковника, носившій одно имя съ отцомъ, при умерщвленіи послѣдняго тихо лежалъ подъ люлькой, опрокинувшейся во время борьбы нападавшихъ со свою жертвой, и это спасло его.

II.

Савва Младшій родился въ селѣ Степашкахъ въ концѣ 1740 года. Когда его отецъ трагически погибъ, гайдамаки отняли у его вдовы всѣ деньги и драгоцѣнности и въ заключеніе угнали принадлежавшій ея мужу табунъ лошадей. Полковница Чалая осталась и вдовой, и совершенно нищей...

Но она была замѣчательная красавица, и это избавило ее отъ нищеты. Знакомый намъ поручикъ Мощинскій, увлекшись ею, предложилъ ей руку и сердце. Вдова согласилась выйти за него замужъ. Она просила лишь, чтобы женихъ увезъ ее изъ Малороссіи, полной тяжелыхъ воспоминаній для нея.

Повѣнчавшись, Мощинскій уѣхалъ съ женою и пасынкомъ, къ которому успѣлъ привязаться, въ деревню Мощаны, въ свою скромную усадьбу въ Млавскомъ повѣтѣ, прежнемъ воеводствѣ Плоцкомъ. Дѣтей у вотчима Саввы не было, и, умирая, онъ оставилъ все свое небольшое состояніе пасынку.

Живя среди мазуровъ, молодой Чаленко, воспитанный къ тому же въ уніи, совершенно ополячился, хотя и не переставалъ называть себя казакомъ. Тогда поляки, прежде всего, измѣнили его фамилію, сперва на Цаленко, затѣмъ—на Цалинскаго, и, наконецъ, дали ему новое имя Іосифа, имя же, данное при рожденіи, Савва, присоединили къ фамиліи. И казакъ Савва Чаленко постепенно превратился въ Іосифа Савву-Цалинскаго. Въ его жилахъ текла русская кровь, но все остальное, напоминавшее ему объ его происхожденіи, было тщательно вытравлено.

III.

Его дальнѣйшая жизнь неизвѣстна. Но, повидимому, она не представляла собою ничего выдающагося, пока опасность, грозившая Польшѣ, не собрала всѣхъ патріотовъ подъ одно знамя.

Вступить въ ряды конфедератовъ и сдѣлаться нашимъ врагомъ побудило, говорятъ, Савву желаніе добыть боевыми подвигами дворянство, которое оспаривало у него польское правительство.

Съ этимъ трудно согласиться: едва ли у Саввы были столь низменныя побужденія. Вѣрнѣе всего, онъ сознавалъ, въ черные дни униженія Польши, что каждый любящій ее гражданинъ долженъ былъ быть на своемъ посту.

Храбрый, смѣлый, энергичный и неутомимый, Савва быстро собираетъ вокругъ себя отрядъ человѣкъ въ триста конныхъ. Вскорѣ его шайка увеличивается до двухъ тысячъ всадниковъ, и каждый изъ нихъ клянется не сдаваться врагу.

Вначалѣ Савва имѣлъ успѣхъ подъ Радомомъ и Люблиномъ, благодаря чему скоро выдвинулся, какъ одинъ изъ наиболѣе способныхъ вождей патріотовъ. Но его встрѣча съ Суворовымъ при Раховѣ, въ ночь на 18 февраля 1771 года, оказалась роковой для него.

У поляковъ было четыреста драгунъ, лучшихъ кавалеристовъ въ рядахъ конфедератовъ. Захваченные Суворовымъ врасплохъ, они побѣжали и засѣли въ избахъ, а частью стали защищаться, но, въ концѣ концовъ, или добровольно сдались въ плѣнъ, или были принуждены сложить оружіе, послѣ сопротивленія. Поляки потеряли около ста человѣкъ одними только плѣнными и весь обозъ, тогда какъ нашъ уронъ, благодаря внезапности нападенія, заключался всего въ двухъ раненыхъ.

Оправившись отъ пораженія при Раховѣ, Савва соединился съ другими вождями конфедератовъ и вступилъ въ Литву для сбора контрибуціи. Ему удалось собрать до пятидесяти тысячъ дукатовъ; но онъ дважды потерпѣлъ пораженіе отъ гетмана, графа Ксаверія Браницкаго.

Въ свою очередь, Веймарнъ, командовавшій нашими силами въ Польшѣ, выслалъ противъ Саввы отрядъ подъ начальствомъ премьеръ-майора Нарвскаго карабинернаго полка Салемана [1]).

Это рѣшило судьбу смѣлаго конфедератскаго вождя.

---

[1]) А не Суворова, какъ пишутъ Мордовцевъ и извѣстный военный историкъ Петровъ, основываясь, вѣроятно, на разсказѣ Феррана. Карлъ-Магнусъ Салеманъ происходилъ «изъ шляхетства лифляндской націи, Люторскаго закона». Службу началъ девятнадцати лѣтъ, 28 февраля 1756 года, въ конной гвардіи. Участникъ войнъ Семилѣтней и первой турецкой, гдѣ былъ при взятіи Хотина, и кавалеръ ордена св. Георгія 4 степени. Вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-майора.

IV.

У Шренска Салеманъ догналъ отступавшаго и уклонявшагося отъ боя противника и въ три часа дня 13 апрѣля 1771 года[1]) началъ атаку.

Русскій отрядъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ, не наносившимъ, впрочемъ, намъ большого вреда. Укрываясь за деревянными щитами, поляки защищали мостъ чрезъ рѣчку Млавку и греблю (плотину). Но ихъ выгнали, и они отретировались къ шренкскому замку, засѣвъ за новые щиты.

Самый замокъ былъ укрѣпленъ, такъ какъ Савва цѣлую недѣлю ждалъ нападенія непріятеля. Форсировать рѣку подъ выстрѣлами поляковъ, равно какъ итти въ штыки, было немыслимо безъ крупныхъ потерь въ людяхъ, и Салеманъ, желая избѣжать лишняго кровопролитія, рѣшилъ напасть на противника подъ вечеръ, для чего и сдѣлалъ соотвѣтствующія приготовленія.

Съ заходомъ солнца бой возобновился, при чемъ на этотъ разъ въ дѣло вступила наша артиллерія. Подъ ея выстрѣлами поляки должны были начать отступленіе. Тогда секундъ-майоръ Нарвскаго пѣхотнаго полка Иванъ Толстой повелъ пѣхоту въ атаку замка и былъ при этомъ легко раненъ. Противникъ побѣжалъ, преслѣдуемый нашею кавалеріею, которая и гнала его на пространствѣ полутора миль. Только темнота спасла отрядъ Саввы отъ окончательнаго истребленія [2]).

V.

Посмотримъ теперь, что было съ самимъ предводителемъ конфедератовъ.

Все время находясь въ огнѣ, онъ не могъ не видѣть крупныхъ потерь поляковъ и приказалъ отступать. Едва онъ успѣлъ влѣзть на крышу небольшого дома, чтобы осмотрѣть позицію русскихъ,

---

[1]) Петрушевскій (Генералиссимусъ князь Суворовъ, I I.99) относитъ бой при Шренскѣ къ 15 апрѣля, ссылаясь, въ примѣчаніяхъ, на архивныя данныя. На самомъ же дѣлѣ покойный историкъ слѣдовалъ Феррану, Смиту и Петрову, у которыхъ днемъ сраженія при Шренскѣ показано именно вышеупомянутое число. Донесеніе Салемана не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что правильная дата—13 апрѣля 1771 года. По иностраннымъ источникамъ, сраженіе началось въ шесть часовъ утра.

[2]) Старый шренскій замокъ былъ въ развалинахъ уже въ концѣ XVIII вѣка, а затѣмъ Кноблохъ окончательно разрушилъ его стѣны, по распоряженію русскаго правительства. Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Дѣла Веймарна. Опись 205, кн. 90, л. л. 300—301. Донесеніе Салемана Веймарну отъ 14 апрѣля 1771 года изъ Шренска.

какъ пуля[1]) ударила ему въ правую ногу, выше колѣна, и раздробила кость. Савва свалился съ крыши.

Считая своего любимаго вождя убитымъ, напрягавшій свои послѣднія силы отрядъ поляковъ готовъ былъ обратиться въ бѣгство. Желая удержать ихъ, раненый приказалъ положить себя въ большую корзину и поставить ее на носилки, а затѣмъ уже велѣлъ своимъ спасаться.

Оставивъ при себѣ не болѣе пяти-шести человѣкъ, Савва, по болотамъ и глухимъ дорогамъ, скрылся въ лѣсу, находившемся въ полуторѣ милѣ отъ города Млавы, на обывательской подводѣ, заплативъ ея хозяину, фельдшеру-еврею, о которомъ рѣчь будетъ ниже, десять червонцевъ. Его эскортъ на двухъ выдолбленныхъ деревьяхъ переправился черезъ рѣку.

Бой подъ Шренскомъ стоилъ намъ убитыми четырехъ солдатъ, ранеными—пятерыхъ нижнихъ чиновъ и одного офицера, корнета Нарвскаго карабинернаго полка Денисова, и контуженнымъ—одного солдата.

У поляковъ было убито сорокъ три человѣка, въ томъ числѣ четыре офицера (капитанъ Вичинскій, поручикъ Каченовскій и два неизвѣстныхъ по фамиліи), ранено же болѣе шестидесяти солдатъ, которые, однако, всѣ успѣли спастись на обывательскихъ подводахъ.

Единственнымъ плѣннымъ оказался... русскій перебѣжчикъ, карабинеръ Новгородскаго карабинернаго полка, Сергѣй Татаричкинъ, «а прочимъ,—доноситъ Салеманъ[2]),—никому пардону дано не было», вѣроятно, изъ-за ожесточенія сражавшихся.

VI.

Считая себя въ полной безопасности, Савва послалъ одного изъ своихъ людей въ Млаву за знакомымъ уже намъ фельдшеромъ-евреемъ, считавшимся въ городѣ лучшимъ представителемъ своей профессіи. Чтобы не возбуждать подозрѣній, фельдшера провели къ раненому, но назадъ отпустили одного.

Осмотрѣвъ тщательно своего паціента, фельдшеръ принялся за леченіе.

Между тѣмъ его частыя отлучки изъ Млавы неизвѣстно куда скоро возбудили подозрѣніе. Арестовавъ фельдшера, Салеманъ угрозами заставилъ его открыть мѣстопребываніе Саввы и затѣмъ отправилъ своихъ людей для его поимки.

Савву нашли среди пущи и болотъ; но лежалъ онъ на высокомъ и сухомъ мѣстѣ, такъ называемой «грендзѣ». Находившіеся при

---

[1]) По иностраннымъ источникамъ, онъ былъ раненъ пушечнымъ ядромъ, что невѣроятно, такъ какъ ядро навѣрное оторвало бы ему ногу.

[2]) Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Ibidem.

немъ мать и поляки, послѣ мужественнаго сопротивленія, должны были уступить силѣ.

Это произошло 17 апрѣля 1771 года.

Вождя конфедератовъ принесли на носилкахъ на почтовую станцію въ Праснышѣ. Онъ жестоко страдалъ. Своего плѣнника Салеманъ сдалъ секундъ-майору Казанскаго пѣхотнаго полка Графстрему, который 20-го апрѣля и рапортовалъ [1]) Веймарну, что изъ-за тяжелой раны и ненастной погоды Савва не въ состояніи покинуть Праснышa, но—прибавилъ онъ,—«какъ скоро хотя малое полегчаніе отъ раны получитъ или хорошая погода установится, то тотчасъ къ вашему высокопревосходительству помянутой Савва отъ меня отправленъ быть имѣетъ».

Генералъ Веймарнъ, получивъ донесеніе о захватѣ раненаго Саввы, приказалъ отправить для его освидѣтельствованія лекаря Казанскаго пѣхотнаго полка, хирурга Іоганна Шмидта, который, пріѣхавъ въ Праснышъ, нашелъ у больного конфедерата сильное повышеніе температуры и, въ общемъ, вынесъ впечатлѣніе, что онъ «къ выздоровленію весьма безнадеженъ» [2]).

Пробывъ при раненомъ конфедератѣ нѣсколько дней, Шмидтъ уѣхалъ въ Варшаву. Но Веймарнъ былъ въ курсѣ дѣла, такъ какъ Графстремъ доносилъ ему рапортами о состояніи здоровья плѣннаго.

VII.

Чрезъ нѣсколько дней Графстремъ снялъ показаніе съ Саввы.

На вопросъ, гдѣ его канцелярія, послѣдній, подъ присягою, показалъ, что хотя она и имѣлась «на вьючной лошади», но исчезла неизвѣстно куда.

Относительно казны, находившейся при немъ, онъ замѣтилъ, что у него было до двухсотъ червонцевъ, но въ то время, какъ онъ попалъ въ плѣнъ, у него не осталось и одного червонца. Затѣмъ Савву спросили, есть ли у него порохъ. Онъ отвѣтилъ, что пороху у него «въ сохраненіи нигдѣ не имѣется».

«Касательно корреспондентовъ» вождь конфедератовъ заявилъ, что, до вступленія въ конфедерацію, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ воеводою брацлавскимъ, княземъ Станиславомъ Любомирскимъ, и воеводою кіевскимъ (Францомъ- Игнатіемъ Потоцкимъ), «но какъ уже вступилъ въ конфедерацію, то какъ со онными воеводами, такъ и съ другими, живущими въ Варшавѣ и въ околичныхъ мѣстахъ начальниками, письменныхъ переписокъ не имѣлъ».

---

[1]) Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Ibid. л. 405.

[2]) Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Рапортъ Графстрема Веймарну, отъ 23 апрѣля, изъ Прасныша. Ibid. л. 462.

По поводу этого пункта показаній Саввы французскій историкъ графъ Ferrand пишетъ «Il paroît que Sawa, en qui plusieurs habitans de Varsovie, secrètement confédérés, avoient une juste confiance, portoit avec lui des papiers qui pouvoient les compromettre. Quand il fut blessé, au moment de quitter sa troupe, il remit ces papiers à des personnes sûres. On ne sait si les dépositaires parvinrent à se sauver; mais les Russes, malgré toutes leurs recherches, ne purent trouver le dépôt» (т.-е.: повидимому, Савва, которому многіе варшавяне, тайные конфедераты, вполнѣ довѣряли, носилъ съ собой бумаги, могущія ихъ компрометировать. Въ тотъ моментъ, когда онъ, раненый, покидалъ свой отрядъ, онъ передалъ эти бумаги надежнымъ лицамъ. Неизвѣстно, удалось ли спастись тѣмъ, кто получилъ ихъ на храненіе, но, во всякомъ случаѣ, русскіе, несмотря на всѣ свои поиски, не могли найти архива» (Саввы).

Къ этому же пункту показанія Саввы слѣдуетъ добавить, что часть его переписки все-таки попала въ наши руки.

Въ Варшавѣ и въ воеводствѣ Плоцкомъ, по словамъ Саввы, «всякую ему благосклонность оказывали и желали всякое споспѣшествованіе въ его дѣлахъ, и всякой помогалъ, чѣмъ кому было можно» [1]).

Какъ видно, Графстремъ не могъ особенно похвалиться результатами допроса Саввы.

Дни вождя конфедератовъ были уже сочтены. Его могло утѣшать развѣ то, что возлѣ него было близкое ему существо,—его неволю дѣлила съ нимъ его мать. Съ тѣхъ поръ, какъ ея сынъ, получивъ команду, сталъ «маршалкомъ», поручица Мощинская бросила хозяйство и, одѣтая по-казацки, дралась въ рядахъ поляковъ, какъ простой солдатъ, бокъ-о-бокъ съ сыномъ. И теперь она не отходила отъ своего умирающаго любимца, пока онъ не испустилъ послѣдній вздохъ.

Улучивъ минуту, Савва — одинъ изъ немногихъ!—вспомнилъ о данной имъ клятвѣ, сорвалъ бинты со своей раны и истекъ кровью. Онъ скончался на глазахъ матери, въ половинѣ мая 1771 года [2]), на тридцать первомъ году отъ рожденія.

Въ млавскихъ лѣсахъ «на грендзѣ» высится курганъ. Этотъ курганъ народъ зоветъ «могилою Саввы».

---

[1]) Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Рапортъ Графстрема Веймарну отъ 29 апрѣля изъ Прасныша. Ibid. л. 559.

(«Histoire des trois démembremens de la Pologne. T. I, l. III, p. 299 по изданію 1820 года»).

[2]) Къ крайнему сожалѣнію, мнѣ не удалось пока найти русскаго донесенія о смерти Саввы. Приходится, въ данномъ случаѣ, обращаться къ иностраннымъ источникамъ.

VIII.

Наймитъ Шуазеля, памфлетистъ Рюльеръ,—libelliste plutôt qu'historien, какъ мѣтко называетъ его Дюбокажъ [1]),—пишетъ, будто умиравшаго Савву добили русскіе солдаты (по другимъ извѣстіямъ, за то, что онъ—казакъ—бился на сторонѣ поляковъ), и поясняетъ, что это варварское приказаніе, какъ подозрѣваютъ, исходило отъ Суворова [2]).

Но даже поляки не предъявляютъ къ послѣднему подобныхъ обвиненій... Суворовъ во время плѣненія Саввы былъ въ другомъ углу Польши, въ Люблинѣ, въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ мѣста праснышской трагедіи, а главное—не могъ и не имѣлъ права давать приказаній тѣмъ частямъ, которыя совершенно не были подчинены ему. Мало того, въ своемъ письмѣ Веймарну, отъ 2 мая 1771 года [3]), онъ говоритъ вполнѣ опредѣленно: «Хорошо, что Савка достался Салеману». Послѣднее слово,—очевидно, не безъ цѣли,—написано, въ подлинникѣ, крупнѣе, чѣмъ остальныя.

Клеветѣ, возведенной на Суворова Рюльеромъ, не вѣритъ и продолжатель труда послѣдняго, вышеупомянутый графъ Ферранъ.

Въ своей «Histoire des trois démembremens de la Pologne» [4]) онъ открыто снимаетъ съ нашего полководца брошенное въ него обвиненіе, заявляя: «Des notes de Rulhière indiqueroient qu'il (Савва) y fut tué par des soldats Russes; mais nous n'avons rien trouvé à l'appui de ce fait» [5]).

Пѣсни о подвигахъ Саввы до сихъ поръ еще поются въ народѣ, только исторію замѣнила въ нихъ легенда. Эта легенда побѣдоносно борется съ прозаической правдой, одолѣвая ее. Савва, вождь конфедератовъ, живетъ въ народѣ, какъ богатырь-казакъ запорожскій, сложившій въ бою свою голову «за крестьянскую волю и недолю, черную, закованную, кровью обагренную, потомъ орошенную, слезами облитую»...

---

[1]) Ср. Précis historique sur le célèbre feld-maréchal comte Souworow-Rymnikski... par... de Guillaumanches-Duboscage. Hambourg. 1808. P. 300—301.

[2]) ...Sawa, moribond, est tué par les soldats moskovites, à qui Suwaroff est supçonné d'avoir donné cet ordre barbare (Histoire de l'anarchie de Pologne. Paris, 1804. IV. 245).

[3]) Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Дѣла Веймарна. Опись 205, кн. 90, л. 131. Собственно Суворовъ пишетъ не «Салеману», а «Соломону». Вѣроятно, это описка. Въ нашихъ официальныхъ бумагахъ Савва-сынъ, въ отличіе отъ отца, иногда называется «младшимъ Савкой». Ферранъ называетъ Салемана тоже Соломономъ, а фамилію Графстрема передѣлываетъ въ Holstein.

[4]) T. I. l. III. p. 298 по изданію 1820 года.

[5]) Т.-е.: Изъ примѣчаній Рюльера можно было бы прійти къ заключенію, что онъ (Савва) былъ тамъ (въ Праснышѣ) убитъ русскими солдатами; но мы не нашли ничего такого, что подтверждало бы этотъ разсказъ.

Имя его перешло и въ поэзію. Достаточно упомянуть хотя бы о прекрасномъ разсказѣ-поэмѣ гр. Генриха Ржевускаго: «Pamiętniki I. Pana Seweryna Soplicy, czésnika parnawskiego», вышедшей въ 1832 году въ Римѣ. Но и Ржевускій слишкомъ идеализируетъ своего героя.

Въ нашей литературѣ о славномъ конфедератѣ говорится только мимоходомъ.

По польскимъ источникамъ, Савва Цалинскій оставилъ сына, который послѣ былъ генераломъ войскъ Рѣчи Посполитой. Въ 1790 году одинъ изъ членовъ сейма отрекомендовалъ его народнымъ представителямъ, какъ жертву привязанности его отца къ Польшѣ. И сеймъ далъ Цалинскому права дворянства, въ которыхъ королевское правительство отказало его злополучному отцу, и. наконецъ, имѣніе въ старостствѣ чигринскомъ.

В. А. Алексѣевъ.

НОВАЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЬ МОСКВЫ.

(Къ открытію музея императора Александра III).

ПЯТЬ лѣтъ тому назадъ я писалъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» слѣдующее:

«Въ недалекомъ будущемъ, черезъ полтора или два года, Москва обогатится величайшимъ въ Россіи художественно-просвѣтительнымъ учрежденіемъ, постройка котораго въ настоящее время почти уже завершена, это—музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III, организуемый при императорскомъ московскомъ университетѣ» [1]).

То была прекрасная мечта, которая осуществилась лишь нынѣшней весною. Мнѣ удалось побывать въ музеѣ незадолго до его торжественнаго открытія 13-го мая и, благодаря любезному содѣйствію профессора И. В. Цвѣтаева, бѣгло осмотрѣть его сокровища. Профессоръ Цвѣтаевъ не только директоръ музея, онъ—душа этого грандіознаго художественнаго предпріятія, которое получило развитіе и блестящее завершеніе почти исключительно благодаря ему, его личной энергіи и организаторскому таланту. Онъ сумѣлъ привлечь къ дѣлу цѣлый рядъ выдающихся сотрудниковъ и жертвователей, часто склонявшихся къ тому или иному щедрому дару въ пользу музея лишь подъ непосредственнымъ его вліяніемъ; онъ ежегодно ѣздилъ за границу, гдѣ лично руководилъ художественными заказами, отыски-

[1]) См. мою статью: «Музей императора Александра III»—«Ист. В.», мартъ 1907 г.
Авт.

вая и пріобрѣтая иногда цѣнные оригиналы; онъ восемнадцать лѣтъ работалъ, не покладая рукъ, надъ созданіемъ этого дѣйствительно величайшаго въ Россіи художественно-просвѣтительнаго учрежденія, которое по всей справедливости можетъ быть названо его дѣтищемъ.

Я засталъ почтеннаго профессора среди обычныхъ музейскихъ хлопотъ и суеты, наполняющихъ добрую половину его рабочаго

Иванъ Владимировичъ Цвѣтаевъ

дня: приготовленія къ торжеству открытія идутъ въ полномъ разгарѣ, работа въ ея послѣднихъ, такъ сказать, штрихахъ кипитъ во-всю. А онъ здѣсь главный распорядитель, всюду требуется его директорскій глазъ. Въ то же время нужно бесѣдовать и съ посѣтителями, которые по разнымъ дѣламъ буквально осаждаютъ его весь день. Но неутомимый, со всѣми одинаково ласковый и обходительный И. В., какъ будто, даже и не чувствуетъ никакой усталости. Вотъ онъ, бодрый и оживленный, въ сѣрой рабочей курткѣ быстро проходитъ куда-то черезъ пріемную. Я немедленно устремляюсь къ нему навстрѣчу.

— У васъ сейчасъ найдется свободная минутка, Иванъ Владимировичъ?

— Какъ же, какъ же... вѣдь я же вамъ обѣщалъ,—отвѣчаетъ онъ, здороваясь со мной на ходу и увлекая меня вмѣстѣ съ собой черезъ анфиладу роскошныхъ залъ, уставленныхъ величайшими произведеніями человѣческаго генія.

Ярче и богаче всего представлена въ музеѣ греческая скульптура. Еще до Фидія сколько дивныхъ твореній создано было греческими ваятелями,—и все это мы видимъ здѣсь великолѣпно сгруппированнымъ и размѣщеннымъ въ четырехъ огромныхъ залахъ. Среди послѣднихъ особенно выдѣляется «залъ Олимпіи», гдѣ находятся знаменитые фронтоны храма Зевса, на одномъ изъ коихъ, восточномъ—изображено приготовленіе къ колесничному состязанію между царемъ Эномаемъ и Пелопомъ, на другомъ, западномъ—бой лапиѳовъ съ кентаврами. А вотъ и «залъ Фидія», сооруженный на средства великихъ князей Сергѣя и Павла Александровичей и стоившій сорокъ шесть тысячъ рублей. Главнымъ содержаніемъ этого зала являются дивные фронтоны Парѳенона и изображеніе въ разныхъ видахъ богини Аѳины. Великолѣпенъ также фризъ Парѳенона, изображающій такъ называемое «Панаѳинейское шествіе», гдѣ каждая фигура, очерченная съ поразительной рельефностью, является передъ вами точно живая.

Далѣе слѣдуетъ «залъ конца V вѣка до Рожд. Христ.», сооруженный на средства Л. С. Полякова. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе фризъ храма Аполлона въ Бассахъ: бой кентавровъ и лапиѳовъ и битва грековъ съ амазонками. Этимъ заломъ исчерпывается V вѣкъ, вѣкъ высокаго подъема религіознаго настроенія въ искусствѣ. Мы вступаемъ въ новую эру: въ IV вѣкѣ художники уже начинаютъ изображать боговъ въ смѣшномъ видѣ. Такъ, Праксителъ снимаетъ съ боговъ ихъ цѣломудренные покровы и показываетъ ихъ намъ голыми, «въ чемъ мать родила». Вотъ его Венера. Она стоитъ во весь ростъ, въ лучезарномъ блескѣ красоты своего обнаженнаго тѣла. Но какая это, въ сущности, цѣломудренная красота: она неспособна вызвать въ созерцателѣ ни одного низменнаго побужденія, ни одного грязнаго помысла или инстинкта, ничего, кромѣ высокаго эстетическаго восторга. А вотъ его Аполлонъ, котораго онъ изобразилъ въ видѣ мальчишки-шалуна, намѣревающагося убить ящерицу: она хочетъ вскарабкаться на дерево, а онъ въ этотъ моментъ замахнулся на нее рукой. Далѣе, мы видимъ Гермеса, несущаго на себѣ маленькаго Вакха,—все это лишь жанровыя картинки, существенно отличающіяся отъ того строгаго стиля, какимъ характеризуются скульптурныя произведенія V вѣка.

Въ «залѣ Лисиппа» (Лисиппъ былъ лейбъ-скульпторомъ Александра Македонскаго) обращаетъ на себя вниманіе статуя молодого атлета, которая была поставлена въ Палестрѣ. Художникъ выбралъ

очень удачный моментъ: молодой человѣкъ, выпачкавшійся на аренѣ во время борьбы, скребницей обчищаетъ себѣ руки. Онъ стоитъ въ напряженной позѣ, дающей возможность рельефно очертить его фигуру, чѣмъ и воспользовался художникъ съ большимъ, доселѣ еще небывалымъ блескомъ: статуя эта признается знатоками безукоризненной.

Отъ IV вѣка переходимъ къ III, который характеризуется тѣмъ, что художники, оставивъ боговъ, принимаются за изображеніе человѣческихъ страстей. Въ музеѣ имѣются дивные образцы этого направленія въ греческой скульптурѣ. Таковы, напримѣръ, произведенія на тему «любви всѣ возрасты покорны»: «кентавръ молодой» и «кентавръ старый». Первый полонъ огня и желаній, онъ весь горитъ половой страстью, на удовлетвореніе ея направлены всѣ его помыслы. Второй наоборотъ: амуръ сидитъ на немъ верхомъ и соблазняетъ его чарами любви. Но, увы, старому кентавру любовь уже совсѣмъ не нужна, она даже противна ему, и онъ съ такимъ выраженіемъ лица смотритъ на амура, какъ будто хочетъ сказать: «да ну тебя къ чорту!» А вотъ фигура пьянаго, вылитая изъ темной бронзы. Это тоже настоящій шедевръ искусства: пьяный изображенъ художникомъ въ лежачей позѣ и съ такимъ удивительнымъ выраженіемъ лица, что кажется, будто это живой человѣкъ.

Далѣе, мы приближаемся къ христіанской эрѣ. Передъ нами «залъ римскихъ императоровъ», представляющій богатѣйшій матеріалъ для исторіи послѣднихъ. Вотъ римская волчица, вскормившая Ромула и Рема, вотъ императоры Августъ, Веспасіанъ, Адріанъ, Каракалла и цѣлый рядъ другихъ. А вотъ домашняя утварь и разныя принадлежности домашняго хозяйства, характеризующія эпоху. Мое вниманіе неожиданно останавливается на странномъ кругломъ предметѣ, отчасти напоминающемъ нашу русскую сковороду, но съ углубленіями на днѣ.

— Это кухонная принадлежность,—поясняетъ мнѣ И. В—чъ:— на которой римляне пекли яйца. Вѣдь у римлянъ каждая закуска непремѣнно и неизбѣжно начиналась съ печеныхъ яицъ: отсюда получилось и ходячее выраженіе «ab ovo».

Изъ «римскаго зала» мы переходимъ въ «залъ искусства древнехристіанскаго и среднихъ вѣковъ». Послѣ ряда высоко-художественныхъ произведеній древне-классической скульптуры невольно поражаешься убожествомъ, которое представляется здѣсь глазамъ,— убожествомъ прежде всего количественнымъ, ибо все, что было создано человѣческимъ геніемъ въ области искусства на протяженіи четырнадцати вѣковъ, оказалось возможнымъ помѣстить въ одномъ только залѣ. Но и въ качественномъ отношеніи не велика цѣнность этихъ произведеній искусства: кромѣ чудныхъ равенскихъ мозаикъ, нѣтъ почти ничего, на чемъ можно было бы съ удовольствіемъ остановить взглядъ.

Но вотъ мы добрались, наконецъ, и до XV вѣка, до эпохи «ренессанса»: мы въ залѣ итальянскаго возрожденія,—точно изъ душнаго подземелья вышли на свѣтъ Божій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ здѣсь легко дышится и какое великолѣпіе кругомъ! Сколько дивныхъ произведеній первоклассныхъ художниковъ: Микель Анджело, Донателло, Андреа Вероккіо, Андреа делла Роббіа съ его знаменитыми фаянсами и другихъ. Все здѣсь такъ хорошо, такъ нѣжитъ и ласкаетъ взоръ, что рѣшительно не знаешь, чему отдать предпочтеніе или на чемъ преимущественно остановить свое вниманіе. Недаромъ И. В. Цвѣтаевъ сказалъ мнѣ въ заключеніе:

— Имѣйте въ виду, что здѣсь каждая статуя даетъ матеріалъ для обширной бесѣды, а порой и для цѣлой научной лекціи.

И я невольно подумалъ: «какъ было бы хорошо, если бъ почтенный профессоръ возможно скорѣе предпринялъ составленіе и изданіе дешеваго популярнаго руководства, которымъ могъ бы пользоваться всякій, желающій изучать великія произведенія, собранныя въ музеѣ изящныхъ искусствъ императора Александра III».

Князь Б. А. Щетининъ.

ПАМЯТИ БАРОНА НИССИ ТОКУЗИРО.

ИЗЪ КРАТКОЙ телеграммы отъ 2-го марта 1912 года мы узнали о кончинѣ въ городѣ Токіо въ Японіи барона Нисси Токузиро, извѣстнаго государственнаго дѣятеля, одного изъ первыхъ сторонниковъ сближенія и соглашенія съ Россіей, которую покойный искренно любилъ и цѣнилъ. Эта вѣсть опечалитъ многихъ, многихъ людей, знавшихъ этого выдающагося и въ то же время необыкновенно скромнаго, милаго и честнаго человѣка.

Благодаря счастливой случайности, я познакомился съ Нисси Токузиро въ Казани лѣтомъ 1874 года, когда онъ, совершая вмѣстѣ съ товарищемъ поѣздку по Волгѣ, остановился въ Казани для ознакомленія съ достопримѣчательностями ея и бытомъ инородцевъ, населяющихъ Казанскую губернію. Я встрѣтилась съ нимъ въ домѣ отца моей подруги, профессора восточныхъ языковъ О. Ѳ. Готвальдтъ, къ которому Нисси имѣлъ рекомендательныя письма изъ Петербурга. Это было въ первый разъ, что въ Казань заглянули японцы, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что всѣ заинтересовались ими. Правду сказать, въ то время имѣли мало, да и то смутныхъ, представленій объ этой сказочной странѣ, странѣ восходящаго солнца, странѣ хризантемъ и тысячи озеръ. Когда Нисси узналъ, что я живу въ казанской окружной лечебницѣ, гдѣ отецъ мой, профессоръ психіатріи А. У. Фрезе, былъ директоромъ, онъ выразилъ живѣйшее желаніе познакомиться со всей моей семь-

ей, сдѣлалъ намъ визитъ, внимательно осмотрѣлъ лечебницу, а затѣмъ вмѣстѣ двухъ дней, какъ предполагалъ раньше, остался въ Казани двѣ недѣли, такъ что его товарищъ одинъ уѣхалъ впередъ, въ Астрахань, и тамъ хотѣлъ ожидать Нисси. Въ это время мы видѣлись ежедневно, проводили вмѣстѣ цѣлые дни, причемъ я, живо интересуясь Японіей, этой невѣдомой далекой страной, разспрашивала его обо всемъ и онъ охотно и много разсказывалъ мнѣ о своей родинѣ. Въ это время Нисси былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, средняго роста, худощавый, съ характернымъ складомъ лица и умными, серьезными глазами. Держалъ онъ себя въ высшей степени благовоспитанно и вѣжливо, проявлялъ большую наблюдательность, обширныя познанія и интересовался рѣшительно всѣмъ, что встрѣчалъ новаго и полезнаго, такъ, напримѣръ, онъ очень интересовался дѣломъ народнаго образованія, благотворительностью, состояніемъ сельскаго хозяйства, вопросами общественными. Въ то время Нисси слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ въ Петербургѣ, по разряду государственныхъ наукъ. Русскому языку онъ научился еще у себя на родинѣ и хорошо владѣлъ имъ, хотя рѣчь его была медленная и при произношеніи ему не удавались нѣкоторыя буквы, напримѣръ, ы и л, такимъ образомъ, слово быкъ-лошадь (какъ онъ называлъ гну, самое большое и характерное животное въ Японіи) онъ произносилъ бикъ-іошадь. Большое удовольствіе доставили Нисси наши простыя сельскія увеселенія, такъ, напримѣръ, поѣздка въ Маркваши—деревню, расположенную на нагорномъ, высокомъ берегу Волги, гдѣ мы ходили въ лѣсъ за орѣхами, ловили раковъ, катались въ лодкѣ и т. д. Нравилось ему въ Казани многое [1]): и самъ городъ, и люди, и татарская слобода, и бани, и загородное гулянье въ Русской Швейцаріи (какъ тамъ называется красивая дачная мѣстность).

При отъѣздѣ Нисси просилъ позволенія писать мнѣ и обѣщалъ пріѣхать опять—это обѣщаніе онъ сдержалъ впослѣдствіи неоднократно. Уже съ дороги онъ началъ писать мнѣ, дѣлясь своими путевыми впечатлѣніями. Его повторныя посѣщенія Казани укрѣпили наши дружескія отношенія. По окончаніи курса въ университетѣ Нисси былъ назначенъ состоять въ качествѣ аташе при японскомъ посольствѣ въ Парижѣ (въ 1877 году), а въ 1879 году вернулся въ Россію, гдѣ затѣмъ много лѣтъ занималъ отвѣтственный постъ японскаго посланника. Въ 1880 году я была въ Петербургѣ, и Нисси сейчасъ же разыскалъ меня и просилъ оказать ему честь и пожаловать на парадный обѣдъ въ посольствѣ, которое помѣщалось тогда еще на Морской улицѣ. Зная мое пристрастіе къ розамъ, Нисси, какъ любезный хозяинъ, велѣлъ убрать не только весь столъ,

[1]) Онъ особенно хорошо относился къ моей матери Н. А. Фрезе и питалъ къ ней, по его выраженію чувства сына.

но и всѣ комнаты великолѣпнѣйшими розами. Передъ обѣдомъ подавались не только самыя изысканныя европейскія закуски, начиная съ свѣжей икры и страсбургскаго паштета, но и многія японскія, особенно разныя маринованныя рыбы. За обѣдомъ (во время котораго за стуломъ каждаго изъ насъ стоялъ важнаго вида лакей, какъ это бываетъ при дворѣ) мнѣ особенно понравились красиво

Баронъ Нисси Токузиро.

убранные фазаны, нѣжнаго вкуса и исполинскаго роста спаржа и чудные фрукты изъ южной Франціи. Всѣ члены посольства были необыкновенно учтивые люди и держали себя очень скромно и въ то же время съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Въ числѣ гостей былъ человѣкъ необычайнаго вида: очень худощавый брюнетъ, съ черными блестящими волосами, совершенно бронзовымъ цвѣтомъ лица, большими черными огненными глазами и необыкновенно мрачнымъ выраженіемъ лица, это былъ—Рамчендеръ, сынъ индійскаго владѣтель-

наго князя, взятый еще ребенкомъ англичанами въ качествѣ заложника и воспитанный въ Англіи. Къ сожалѣнію, Рамчендеръ, гостившій тогда въ Петербургѣ, совершенно не зналъ другихъ языковъ, кромѣ своего родного и англійскаго; кромѣ того, онъ былъ молчаливъ по природѣ своей, и я слышала только короткіе, почти односложные отвѣты его на англійскомъ языкѣ. На мой вопросъ, почему у него такой мрачный видъ, Нисси мнѣ объяснилъ, что Рамчендеръ страдаетъ тоской по родинѣ... Послѣ роскошнаго обѣда Нисси показалъ намъ, гостямъ, образцы всевозможныхъ японскихъ издѣлій; эти изящныя прекрасныя работы наполняли собой цѣлые шкапы и составляли настоящій маленькій музей, служившій украшеніемъ посольства. Всѣ эти издѣлія служили доказательствомъ культурности и необычайнаго трудолюбія японцевъ. Я помню, какъ присутствовавшія дамы приходили въ восторгъ при видѣ художественныхъ вышивокъ шелками и золотомъ—это были цѣлыя картины! Помню и еще разныя удивительныя вещи: ширмы, вѣера, предметы роскоши, матеріи, домашнюю утварь, лакированныя издѣлія, рыболовныя снасти, художественно сдѣланныя куклы, картины, полные костюмы, ботаническія коллекціи и т. д. Послѣ пріятнаго и интересно проведеннаго дня сѣрые посольскіе рысаки отвезли меня домой, и я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю этотъ памятный для меня день. Проходили годы, а наши дружескія отношенія не измѣнялись. Живя въ Россіи, Нисси искренно полюбилъ ее, но въ то же время всегда оставался патріотомъ, и любовь его къ родинѣ мнѣ казалась просто трогательной; онъ съ такимъ воодушевленіемъ разсказывалъ мнѣ о реформахъ молодого микадо, о стремленіи народа къ цивилизаціи и усовершенствованію. Во время своего пребыванія въ Россіи Нисси пріобрѣлъ общее уваженіе и пользовался большой симпатіей не только при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, но и среди всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Неподкупно-честный, корректный, гуманный, онъ много лѣтъ поддерживалъ между Японіей и Россіей самыя лучшія дружескія отношенія. Забыла годъ, когда Нисси былъ отозванъ въ Японію, гдѣ онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ онъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Китаѣ и послѣдніе годы состоялъ членомъ тайнаго совѣта въ Токіо. Заслуги Нисси были оцѣнены какъ микадо, такъ и всей страной, о процвѣтаніи которой онъ такъ заботился всю свою жизнь; микадо пожаловалъ ему баронское достоинство и другія награды. Смерть Нисси Токузиро вызвала искреннюю скорбь въ Японіи. Русское правительство выразило свое сочувствіе и соболѣзнованіе и поручило своему посольству въ Токіо возложить вѣнокъ на гробъ этого достойнаго человѣка—барона Нисси Токузиро. Переписка наша была частная, интимная, поэтому я не въ правѣ опубликовать цѣликомъ его письма, но позволю себѣ привести нѣсколько краткихъ выдержекъ, которыя все-таки могутъ дать понятіе о немъ. Когда

читатель будетъ ихъ читать, прошу его помнить, что это писалъ не русскій, а японецъ, и много лѣтъ тому назадъ...

26-го іюля 1874 года [1])... «Теперь я ѣду изъ Персіи обратно въ Россію. Мы стоимъ на границѣ—въ Астарѣ. Поѣздка въ Персію мнѣ не вполнѣ удалась. Я уже въ Энзели и Рештѣ убѣдился, что персидскіе города и ихъ жизнь представляются весьма однообразными и скучными, а дурные пути сообщенія не позволяютъ свободно путешествовать внутри Персіи не знающему мѣстнаго языка. Вслѣдствіе этого мнѣ пришлось ограничить свою поѣздку Рештомъ. Не буду передавать о своемъ пребываніи въ Персіи, такъ какъ это длинная исторія, скажу только нѣсколько словъ о юго-западныхъ берегахъ Каспійскаго моря. Плоскость, которая тянется съ сѣвера Ленкорана между горами и моремъ, представляетъ весьма плодородную землю. Такъ самый Ленкоранъ находится какъ въ саду, наполненномъ фруктовыми деревьями. Этотъ маленькій татарско-персидскій городокъ мнѣ очень понравился своей обильной растительностью, такъ, напримѣръ, на каждомъ шагу видишь виноградники съ тяжелыми виноградными кистями. Это, впрочемъ, не только въ одномъ Ленкоранѣ, а во всей этой плоскости. Жаль, что эти мѣста такъ мало населены и богатства природы остаются не тронутыми. Баку имѣетъ совершенно противоположный характеръ: тамъ нѣтъ ни малѣйшей зелени, городъ совершенно голый и потому жара неимовѣрная, нѣтъ средствъ защиты отъ нея. Я просто удивляюсь, какъ люди могутъ жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ пыль и вонь отъ нефти не даютъ возможности дышать, не говоря уже о только что описанной жарѣ...»

19-го августа... «Всего пріятнѣе была поѣздка отъ Ялты до Севастополя на лошадяхъ. Тутъ разстояніе всего 83 версты, но зато встрѣчаются самыя живописныя мѣстности, васъ окружаетъ прелестная картина: вправо утесистыя скалы, а влѣво у ногъ вашихъ тянется полоса фруктовыхъ садовъ и великолѣпныхъ зданій до самаго моря, а дальше необозримое его пространство! Передъ вами постоянно мѣняются береговые виды. Мнѣ пріятно было вспомнить при этомъ о своей родинѣ, такъ какъ я нашелъ здѣсь природу, очень похожую съ нашей страной. Въ Севастополѣ я остановился только два дня, потому что у меня явилось желаніе ѣхать вмѣсто въ Бахчисарай—въ Константинополь и дѣйствительно я пробрался въ Константинополь, а поэтому опоздалъ пріѣздомъ сюда (на Кавказъ)...»

21-го августа, Тифлисъ... «Теперь продолжаю мое описаніе: западный берегъ Каспійскаго моря до Петровска не представляетъ особеннаго интереса, хотя вдоль берега тянутся высокія горы непрерывными цѣпями, но природа бѣдна зеленью. Изъ Петровска че-

---

[1]) Нисси называлъ меня «Лись-санъ» (санъ значитъ госпожа), а я его — Токузиро-сама (сама по-японски господинъ).

резъ Владикавказъ пріѣхалъ сюда, останавливаясь въ разныхъ мѣстахъ, которыя меня заинтересовали. Разскажу вамъ вкратцѣ впечатлѣнія, вынесенныя въ пути. Сносясь постоянно съ народами, еще не тронутыми такъ называемой цивилизаціей, я нашелъ много любопытнаго. Я никогда такъ глубоко не размышлялъ о жизни отдѣльнаго народа, какъ въ этомъ пути. Знакомство съ жизнью горцевъ, хотя и весьма поверхностное, задавало невольно цѣлый рядъ вопросовъ о вліяніи ихъ на жизнь и судьбу отдѣльнаго народа, разрѣшить ихъ мнѣ доставило большое удовольствіе, съ другой стороны, подымаясь на высоты горъ и обозрѣвая долины, ущелья и вершины болѣе низкихъ горъ, словомъ все, что находится подъ ногами, не могъ и самъ не возвыситься. Я постоянно замѣчаю, что человѣческая натура способна обратиться въ дѣтское состояніе передъ величественной природой, такъ и я испытываю такое же чувство на вершинахъ горъ, забываю все прошлое, жизненныя суеты; стремясь понять природу, невольно вникаешь въ сущность ея и тогда, какъ бы ставя себя наравнѣ съ нею, чувствуешь въ себѣ какую-то возвышенную гордость! Но знаменитое Дарьяльское ущелье меня не поразило вслѣдствіе ли того, что слишкомъ много слыхалъ о немъ, или вслѣдствіе того, что такая природа была мнѣ не нова—не вынесъ особеннаго впечатлѣнія. Здѣсь въ Тифлисѣ поселился у здѣшняго начальника топографическаго отдѣла Стебницкаго, къ которому имѣлъ рекомендаціи изъ Петербурга. Онъ славный господинъ, семья его на дачѣ...»

26-го сентября, С.-Петербургъ... «Если хотите, я разскажу вамъ немного о времени, проведенномъ мною въ деревнѣ Глѣбово (имѣніе графа Путятина)[1]). Тамъ была страшная тишина, но я провелъ время очень весело: по утрамъ я обыкновенно ходилъ на охоту по полямъ, по лѣсамъ и по прудамъ, а вечеромъ, т. е. послѣ обѣда, ѣздилъ верхомъ въ любимыя мѣста, въ особенности пріятно было при закатѣ солнца, подъѣхавъ къ опушкѣ дубовой рощи, смотрѣть издали на стада, загоняемыя крестьянскими ребятишками домой, любоваться бѣленькими домишками малороссовъ, которые одинъ за другимъ покрывались постепенно дымомъ. Вечеромъ читалъ съ грѣхомъ пополамъ, что попадалось, такимъ образомъ прожилъ тамъ до 11-го сентября. Затѣмъ остановился въ Кіевѣ, ходилъ въ университетъ, слушалъ два дня лекціи, познакомился съ профессорами и нѣкоторыми студентами, которые водили меня по городу и показывали его достопримѣчательности. Осмотрѣлъ много церквей и пещеры. Я полюбилъ Кіевъ за его мѣстоположеніе! Въ Москвѣ познакомился только съ однимъ профессоромъ—самъ городъ уже знакомъ мнѣ. Сегодня я переѣхалъ въ новое помѣщеніе; Васильевскій остр., 6 линія, д. № 1, кв. 22...»

---

[1]) Близъ Ушицы, куда Нисси былъ приглашенъ графомъ.

30-го октября, С.-Петербургъ... «Я вамъ переведу замѣчаніе, сдѣланное мнѣ однимъ добрымъ другомъ въ то время, какъ я прощался съ нимъ въ Японіи (у насъ принято, когда друзья отправляются въ отдаленныя мѣста, на болѣе продолжительное время, выражать свои пожеланія или въ стихахъ, или въ сочиненіяхъ), вотъ что говорится въ немъ: «ты гордый по своему характеру, а это свойство такъ противно человѣку, что тебѣ необходимо исправиться путемъ кок-ки (кок-ки фук-рей значитъ побѣдить себя, возвратиться къ формѣ— это одна китайская философская система, она состоитъ въ томъ, что человѣкъ можетъ совершенствоваться путемъ подчиненія сознанію всѣхъ прихотей, всякаго возвышенія, возникающаго при соприкосновеніи съ окружающими). Я увѣренъ, что конфеты и чай вамъ не понравятся, но я хотѣлъ только познакомить васъ съ тѣмъ, что мы употребляемъ. Съ чаемъ поступите такъ, если хотите узнать настоящій вкусъ его: положимъ, вы хотите разлить шесть чашекъ; сперва налейте горячей воды въ шесть чашекъ по $^1/_4$ чашки, потомъ возьмите маленькій чайникъ, подогрѣйте его и положите $^1/_4$ часть присланнаго чая. Когда прохладится вода въ чашкахъ настолько, что ее можно пить, тогда вы перелейте ее изъ всѣхъ чашекъ въ чайникъ, въ который положенъ чай, спустя двѣ минуты вы разливайте чай въ чашки, какъ онѣ были налиты прежде. Вотъ тогда вы получите понятіе о нашемъ чаѣ,—да, я забылъ, прохладите кипятокъ въ запасъ, если чай будетъ слишкомъ крѣпокъ, то приливайте кипятку во всѣ чашки...»

15-го ноября... «Я вамъ сообщу нѣсколько о своемъ будущемъ планѣ. Я бы очень хотѣлъ посвятить себя слѣдующей дѣятельности: 1) принимать участіе въ дѣятельности нашей законодательной комиссіи и черезъ нее осуществить сколько-нибудь вопросы, которые задалъ себѣ, 2) заниматься статистикой, т. е. разрабатывать свои статистическіе матеріалы въ центральномъ комитетѣ, 3) вступить на литературное поприще и чрезъ печать бороться съ разными мнѣніями, 4) заняться земледѣліемъ и воспитаніемъ дѣтей. Вотъ эти четыре программы и составляютъ мои будущіе планы, но очень можетъ быть, что попаду и въ другую дѣятельность, такъ, напримѣръ, дипломатическую, хотя я не очень желаю вступить въ такую должность, но въ жизни нельзя достигнуть всего сразу, обстоятельства почти всегда предупреждаютъ стремленія, словомъ, ничего нельзя сказать, кѣмъ я буду, но во всякомъ случаѣ работникомъ [1])...»

23-го ноября... «У меня прибавились занятія—преподаваніе китайской каллиграфіи и японскаго языка въ университетѣ, помните, какъ-то я говорилъ вамъ между прочимъ о предложеніи

---

[1]) По-моему, эти немногія строки особенно ярко и рельефно обрисовываютъ нравственный обликъ Нисси, для котораго благо родины было выше всего. Несмотря на свою молодость, онъ никогда не мечталъ о карьерѣ и мало думалъ о личномъ счастьѣ.

мнѣ этихъ занятій, но я сразу не рѣшился, думая, что не стоитъ тратить на это время. Но при вторичномъ предложеніи оказалось, что занятія эти самыя пустячныя и не требуютъ особенно много времени, по два раза въ недѣлю, когда я бываю въ университетѣ. Такъ какъ оба эти занятія вполнѣ усвоенныя мною, то я согласился на это и такимъ образомъ утвержденъ на той недѣлѣ. Итакъ, примирившись съ своимъ ничтожествомъ, съ будущаго четверга начну свои занятія съ званіемъ преподавателя китайской каллиграфіи и японскаго языка. Я удивительно безталантливый насчетъ говора не только на иностранныхъ языкахъ, но и на своемъ я не могу говорить скоро и много, вслѣдствіе этого болѣе склоненъ всегда молчать, чѣмъ говорить лишнее. Надо бы привыкать къ разговорной манерѣ, а то тамъ, гдѣ нѣтъ особаго дѣла, являешься всегда дикимъ...»

1-го января 1877 года. Парижъ... «Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ и новымъ счастьемъ! Представьте себѣ, такъ я здѣсь захворалъ, что одно время думалъ, что мнѣ придется во всякомъ случаѣ ѣхать домой, но, слава Богу, теперь уже выздоровѣлъ совсѣмъ. Изученіе мѣстнаго языка мнѣ какъ-то не удается, ибо я имъ занимаюсь весьма неаккуратно вслѣдствіе моей болѣзни, но теперь, набравшись новыхъ силъ, займусь посерьезнѣе. Провожу время довольно живо: утромъ читаю газеты, а послѣ завтрака романы или комедіи для упражненія на французскомъ языкѣ и ужъ передъ обѣдомъ отправляемся для прогулки по Champs Elysés или Bois de Boulogne, такъ какъ мы живемъ по близости отъ этихъ мѣстъ. Послѣ обѣда или вечеромъ отправляемся въ болѣе отдаленныя мѣста, напримѣръ, въ Palais Royal и т. п., или же въ театры, которыхъ здѣсь въ изобиліи. Кстати о театрѣ: теперь здѣсь въ одномъ изъ театровъ играютъ новую пьесу изъ нашей жизни, подъ названіемъ «Козики», она составлена, какъ говорятъ, изъ описаній и рисунковъ, а не изъ наблюденій дѣйствительной жизни и потому, не говоря уже о чепухѣ самаго содержанія (оно изъ нашей придворной жизни), обстановка мало похожа на дѣйствительность, но, несмотря на это, при отличной музыкѣ и своей оригинальности пьеса идетъ здѣсь очень хорошо, и мы видѣли ее съ большимъ удовольствіемъ, припоминая наши немного забытые обычаи...»

1-го марта 1877 г. Лондонъ... «Какъ мнѣ было досадно, что, будучи въ Россіи, я не могъ васъ видѣть! Вы, вѣроятно, уже слышали о моемъ пребываніи въ Петербургѣ, такъ какъ я тамъ встрѣтилъ Г. Лебедева [1]) и просилъ передать вамъ мой поклонъ. Я вамъ разскажу, какъ состоялась моя поѣздка въ Россію. Одинъ изъ нашихъ принцевъ, пріѣхавшій въ Парижъ въ концѣ января, захотѣлъ посмотрѣть Россію и просилъ меня съѣздить съ нимъ; я согласился на это, и мы выѣхали тотчасъ же. Мы пробыли въ Петербургѣ около

[1]) Это былъ городской голова города Казани.

трехъ недѣль и провели время очень пріятно, во-первыхъ, мы были очень рады повидаться съ старыми друзьями, съ которыми я въ прошломъ году разстался, надѣясь на свиданіе уже въ Японіи, вдругъ черезъ полгода я опять явился къ нимъ! Я даже не ѣздилъ въ Москву, передавъ моего попутчика товарищу. На обратномъ пути мы заѣхали въ Эссенъ, гдѣ есть пушечный заводъ Круппа, тутъ мы были приняты очень хорошо. Хозяинъ Круппъ не только показалъ намъ свой заводъ, но даже устроилъ для насъ балъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ. Затрудненій въ дорогѣ не было, такъ какъ я говорю по-французски, а мой спутникъ говоритъ очень хорошо по-англійски, но въ Германіи бывали затруднительные случаи благодаря незнанію мѣстнаго языка. Мой спутникъ-принцъ меня уговорилъ, чтобы я за разъ съѣздилъ съ нимъ въ Лондонъ, гдѣ онъ имѣетъ свою резиденцію, и мы изъ Парижа пріѣхали сюда. Я уже разъ былъ въ этомъ городѣ, но тогда торопился въ Россію и не успѣлъ осмотрѣть его, и вотъ я началъ со вчерашняго дня ѣздить по разнымъ мѣстамъ, напримѣръ, въ лондонскій музей, старый замокъ, туннель подъ Темзой и т. д. Мнѣ кажется, для любящихъ все грандіозное, громадныя строенія, примѣненіе паровыхъ машинъ и т. д., Лондонъ стоитъ выше, но что касается чистоты и роскоши, то онъ далекъ отъ Парижа. Вотъ какъ я проводилъ и провожу время...»

5-го мая. Парижъ... «Я пріѣхалъ сюда уже три недѣди тому назадъ изъ Лондона, но былъ очень занятъ вслѣдствіе того, что одинъ товарищъ уѣхалъ на родину, а другой отправился путешествовать, такъ что я долженъ былъ заниматься текущими дѣлами. Въ Англіи я провелъ время очень весело, встрѣтилъ много старыхъ знакомыхъ, водили меня въ разныя мѣста, особенно интересно было познакомиться съ китайскимъ посольствомъ, пріѣхавшимъ не очень давно въ большомъ составѣ, были два-три молодыхъ, говорившихъ по-англійски, и одинъ по-французски и немножко по-японски. Хотя мы сосѣди съ ними, но такая большая разница въ обычаяхъ, что просто удивительно, такъ, напримѣръ, у нихъ женщины не выходятъ, когда приходятъ гости-мужчины. Мнѣ случалось бывать у нихъ съ нашими женщинами, и тогда мы должны тамъ раздѣлиться, такъ какъ у нихъ не водится, чтобы сидѣли женщины и мужчины вмѣстѣ, хотя они допускаютъ нашихъ женщинъ въ мужское отдѣленіе, но никакъ не своихъ; несмотря на это, мнѣ очень интересно было съ ними повидаться, такъ какъ не имѣлъ случая до сихъ поръ сноситься съ ними. Вы спрашиваете, кто былъ тотъ принцъ, съ которымъ я былъ въ Россіи,—это одинъ изъ нашихъ бывшихъ феодальныхъ князей, проживающій, какъ путешественникъ, съ своей женою уже нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ. Пріятно было провести время у нихъ, такъ какъ его семья, состоя изъ порядочнаго числа лицъ, представляетъ какъ бы особое посольство. Я могу себѣ представить, какъ у васъ интересуются ходомъ событій и ожидаютъ военныхъ извѣ-

стій и какое одушевленіе въ Россіи [1])! Я также съ большимъ интересомъ читаю газеты или скорѣе телеграммы о ходѣ дѣлъ на Востокѣ. Здѣсь давно наступила вѣсна, къ моему пріѣзду почти всѣ деревья распустились, вся аллея покрыта тѣнью, мы уже ходимъ безъ пальто, но эти дни становилось такъ холодно, что мы топимъ каминъ...»

7-го сентября 1877 г. Порижъ... «Я заставилъ васъ думать напрасно, что я теперь уже на своей родинѣ. Но представьте себѣ, что я еще недалеко отъ васъ и не удалюсь пока дальше, хотя я ужасно торопился выѣхать изъ Россіи, но получилъ здѣсь въ Парижѣ новое извѣстіе о моихъ обстоятельствахъ дома, вынуждавшихъ меня на рѣшеніе скораго выѣзда—чисто фамильныхъ, семейныхъ, которыя требовали моего возвращенія, и потому я долго не могъ рѣшиться, такъ какъ сначала думалъ—хоть выѣду изъ Россіи осенью—остаться здѣсь на нѣсколько времени. Въ концѣ концовъ я рѣшился остаться здѣсь, получивъ предложеніе состоять при здѣшнемъ нашемъ посольствѣ, я и согласился на это—такимъ образомъ сдѣлался attaché нашего посольства. Я, конечно, не намѣренъ остаться здѣсь долго, но думаю пока воспользоваться случаемъ, чтобы изучать еще французскій языкъ, необходимый для путешествія. Я не терялъ время и осмотрѣлъ здѣшнія примѣчательности и уже порядочно знакомъ съ городомъ и его окрестностями. Что касается моей служебной дѣятельности, то покуда ея почти нѣтъ, мнѣ приходится присутствовать въ посольствѣ два три-раза въ недѣлю, а затѣмъ я могу располагать своимъ временемъ и занятіями. Есть полнѣйшая возможность заниматься не только языкомъ, но и чѣмъ-либо спеціальнымъ. Я помѣстился въ одномъ домѣ вродѣ chambres garnies, гдѣ можно вмѣстѣ ѣсть, бесѣдовать съ хозяевами и квартирантами и т. п. Трудно сказать что-нибудь о будущемъ, но если мнѣ удастся, я думаю остаться здѣсь еще полтора года и за разъ уже поглядѣть пошире на Европу. Мнѣ странно и даже смѣшно вспомнить, какъ перевернулось мое предположеніе; я собирался было ѣхать на сѣверъ, въ Ледовитый океанъ, а оттуда туда, куда я захочу, и что же, посидѣвъ по половины іюня въ Питерѣ, вдругъ попалъ въ совершенно противоположную сторону и самъ чуть не перемѣнился, голова причесана проборомъ, одѣтъ, какъ парижанинъ. Вы представить себѣ не можете, какъ здѣсь занимаются туалетомъ. Въ началѣ мнѣ просто тошно было слушать, когда мнѣ замѣчали, что нужно чесать волосы такъ, а не иначе, надо надѣть такую шляпу и платье, это выводило меня просто изъ терпѣнія, но дѣло все въ привычкѣ. Я думаю, что у васъ въ Казани весь интересъ поглощенъ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ Россіи принимаютъ громадный размѣръ сочувствіе и пожертвованія южнымъ славянамъ...»

---

[1]) Тогда какъ разъ началась русско-турецкая война.

Правду сказать, я всегда очень удивлялась, когда читала или слышала, какъ Нисси употреблялъ чисто русскія выраженія, напримѣръ, съ грѣхомъ пополамъ, Питеръ, чепуха и т. д., изрѣдка встрѣчаются неправильности въ построеніи рѣчи, но въ общемъ письма написаны не только языкомъ образованнаго человѣка, но иногда даже прямо литературны. Достаточно и этихъ немногихъ отрывковъ изъ писемъ Нисси, чтобы видѣть, какъ много онъ путешествовалъ и какъ внимательно относился ко всему, что видѣлъ на своемъ пути.

Такимъ образомъ онъ объѣхалъ всю Европу, начиная со Швеціи и Норвегіи и кончая южными странами, не говоря уже о Россіи, которую онъ отлично изучилъ, зналъ и исторію и литературу ея. Кончая эти строки, которыми мнѣ хотѣлось почтить память Нисси Токузиро и воскресить въ памяти всѣхъ его знавшихъ, друзей и знакомыхъ, его живой симпатичный образъ, прилагаю «тѣнь тѣла» его, какъ, по его объясненію, японцы называютъ фотографическую карточку — ми-каге.

Е. Ауэ.

НА ЮЖНОМЪ БУГѢ.

I.

ODOL, któré całe nazwać można ogrodem...» — такъ писалъ польскій писатель Крашевскій.

Но если Подолія—садъ, то мѣстечки ея, которыхъ здѣсь очень много, перенаселенныя евреями, представляютъ собою оазисы грязи и всякой нечистоты среди этого сада. Въ одно изъ такихъ мѣстечекъ—Тыврово, на Южномъ Бугѣ, занесли меня обстоятельства.

Очень старое поселеніе, разрушенное въ XV вѣкѣ татарами, которымъ поляки или даже ихъ русскіе окатоличенные прихвостни отдавали иногда русское населеніе «на потокъ и разграбленіе»,—Тыврово является типичнымъ еврейско-польскимъ мѣстечкомъ Юго-Западнаго края. Когда въѣзжаешь въ такое мѣстечко или какой-либо заштатный городъ, въ родѣ Немирова, Бара,—прежде всего въ глаза бросается высокая, острая колокольня костела, который царитъ надъ всѣми остальными постройками и смотритъ съ высоты своего величія на скромную православную церковь, нестильную, маленькую. И тогда какъ православная церковь молчитъ, костелъ въ положенные часы дня напоминаетъ о себѣ тоненькимъ перезвономъ. Тывровскій костелъ, какъ передаютъ, бывшій базиліанскій монастырь. Теперь кельи его пусты, и, къ довершенію всего, бокъ-о-бокъ съ нимъ, въ бывшемъ дворцѣ князя Кочубея водворилось православное духовное училище. Этотъ нынѣ полусгорѣвшій дворецъ окруженъ большимъ тѣнистымъ паркомъ, съ ложбинами, мостиками и лѣтъ двадцать пять тому назадъ послужилъ необыч-

ною резиденціею одного великаго князя... Этому обстоятельству жители приписываютъ происхожденіе въ ихъ мѣстечкѣ шоссе.

Если бы какой-либо художникъ пожелалъ нарисовать живыя и исторически-правдивыя иллюстраціи къ тѣмъ главамъ «Тараса Бульбы» Гоголя, гдѣ описываются похожденія Тараса въ сопровожденіи Янкеля по варшавскимъ средневѣковымъ захолустьямъ,—пусть срисуетъ улицы хотя бы Тыврова, и лучшей натуры ему не найти для этого. Еврейскіе домишки Тыврова—созданія поистинѣ чудной архитектуры. Низенькіе, сколоченные изъ самаго разнообразнаго строительнаго хлама, многіе изъ нихъ состоятъ изъ двухъ этажей съ балконами, назначенными, однако, не для отдыха хозяевъ. Во время ярмарки я былъ свидѣтелемъ такой сцены. На балконъ вышла еврейка съ полною лоханью помоевъ. Хотѣла она уже «ухнуть» ихъ съ балкона на улицу, но подъ домомъ люди идутъ: пришлось подождать. Снова нацѣлилась,—опять идутъ люди. Наконецъ, улучивъ минуту, плеснула она помои, и отбросы еврейской кухни разлетѣлись съ водою поперекъ всей улицы. Въ еврейскихъ домахъ дворовъ здѣсь почти нѣтъ. Всѣ самыя сокровенныя дворовыя надобности совершаются возлѣ домовъ, гдѣ бѣгаютъ босоногіе, грязные, рахитичные еврейскіе ребятишки. Одинъ за другимъ выползаютъ они на замусоренную улицу; за ними изъ тѣхъ же дверей выходятъ бородатые козлы и отправляются на поиски добычи по улицамъ. Типъ еврейскихъ построекъ въ мѣстечкахъ Юго-Западнаго края выработался подъ вліяніемъ экономическихъ условій. Мѣстечки, подобныя Тыврову, и даже нѣкоторые города принадлежатъ здѣсь помѣщикамъ. Жители же строили свои домишки на чужой землѣ на правахъ вѣчныхъ арендаторовъ, позднѣйшему—чиншевиковъ. Гдѣ ужъ чиншевикамъ-евреямъ было заводиться настоящими усадьбами, когда вся жизнь ихъ построена на копеечномъ расчетѣ! Желаніе же какъ можно полнѣе использовать арендуемое мѣсто вызвало «американское» стремленіе вверхъ: здѣсь можно встрѣтить домишки въ одно окно на улицу,—такъ они малы,—но въ два этажа.

Тыврово принадлежитъ графу Д. Ѳ. Гейдену, племяннику покойнаго политическаго дѣятеля. Графъ—«человѣкъ легенды». Можно спросить любого крестьянина или еврея въ окрестностяхъ Тыврова, и они разскажутъ много случаевъ проявленія необычной среди помѣщиковъ простоты, доступности и доброты владѣльца мѣстечка.

— Когда графъ былъ боленъ,—разсказывалъ одинъ еврей:—за него молились и въ синагогѣ, и въ церкви, и въ костелѣ. А когда мужики пришли поздравлять его, что онъ выздоровѣлъ, то—что вы себѣ думаете?—онъ цѣловалъ ихъ въ ротъ... Что значитъ? Онъ даже къ мужикамъ на свадьбу идетъ, и когда ему дадутъ гуся

или что-нибудь такое особенное, онъ не желаетъ кушать: «Давайте мнѣ, говоритъ, что всѣ кушаютъ».

Разсказы въ этомъ родѣ я слыхалъ отъ многихъ обитателей Надбужья.

II.

Изъ Тыврова я рѣшилъ совершить прогулку пѣшкомъ по Южному Бугу и, развѣдавъ о дорогахъ, намѣтилъ себѣ круговой маршрутъ, захватывавшій нѣсколько селъ.

Рано утромъ, въ іюльскій день я вышелъ изъ мѣстечка. Небо было покрыто легкими сплошными облаками: не было ни пасмурно, ни солнечно. Дальніе лѣса пріобрѣтали на сѣромъ фонѣ неба рѣзкія очертанія и казались темно-синими. Берега Буга то спускались долинами къ рѣкѣ, засѣянными коноплей и капустой, то круто поднимались и свѣшивались надъ водою каменными стѣнами. Здѣсь, въ Винницкомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ, Южный Бугъ не болѣе пятнадцати-двадцати саженъ въ ширину и течетъ такъ медленно, что глазами даже не опредѣлишь его направленія. Если же чуть подымется легкій вѣтерокъ, Бугъ начинаетъ течь обратно и несетъ воду назадъ, къ своимъ истокамъ. Пройдя три-четыре версты отъ Тыврова, я достигъ села Соколинецъ.

Села въ Надбужьѣ раскинулись по неровнымъ берегамъ рѣки, и хаты то стоятъ почти надъ самой водой, то высоко на крутомъ берегу. Улицы идутъ по оврагамъ, съ такими крутыми подъемами, что невольно опасаешься, когда видишь, какъ спускаются съ нихъ возы съ сѣномъ, и кони, выгибая спины, еле сдерживаютъ ихъ тяжелый раскатъ. Въ подольской деревнѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе форма соломенныхъ крышъ, которыя настилаются не гладко, а съ особенными украшеніями по гранямъ, называемыми «китицами». Надъ дверьми, кромѣ того, на крышахъ нѣкоторыхъ хатъ красуются кресты изъ соломы, одинъ или два, смотря по числу входныхъ дверей. Хорошій это обычай; но, думаю, не православіе внушило его, а былое уніатство, которое, какъ проявленіе католицизма, болѣе стремилось ко внѣшнему и явному выраженію религіозности, чѣмъ очень скромное тогда православіе. Дѣлаютъ здѣсь также кресты на воротахъ; а въ прежнія времена очень часто ставили въ поляхъ. И теперь то тамъ, то сямъ встрѣтится среди поля одинокій каменный старинный крестъ, съ надписью, въ родѣ слѣдующей: «Осн(ованіе) креста сея, раченіемъ Якова Крешталя». Такой крестъ стоитъ у села Вояринцы. А въ Летичевскомъ уѣздѣ есть крестъ даже съ такою трагическою надписью: «Року Божого 23 м. генв. 1626 на семъ мѣсци усѣченъ бысть рабъ Божій».

Отъ маленькой деревянной церкви села Соколинецъ, съ четырьмя четвериками, маленькими окошками и широкими, но низкими дверьми, безъ крыльца—на меня повѣяло увлекательнымъ

Мѣстечко Тыврово, Подольской губерніи.

когда-то романтизмомъ историческихъ повѣстей Всеволода Соловьева. Полъ въ церкви ниже земли, и, надо думать, въ давнія времена былъ земляной. Оттого прежде въ Малороссіи прихожане, идя въ церковь, захватывали съ собою по снопу соломы, чтобы можно было становиться на колѣна, такъ какъ земляной полъ отъ сырости и отъ нанесенной со двора грязи размякалъ настолько, что становилось невозможнымъ совершать колѣнопреклоненія и класть земные поклоны.

— Давно стоитъ ваша церковь?—спрашиваю у крестьянина.

— Сколько кругомъ есть церквей,—отвѣчалъ онъ:—про всѣ люди знаютъ, когда были построены. А про эту никто не знаетъ. Съ давнихъ давенъ стоитъ. Еще уніатскою была. Тутъ раньше всякія уніатскія «рѣчи» (вещи) находились: образа, звонки; да мы все это повыносили: хай гніетъ...

Крохотная церковь, когда-то она была одною изъ позицій далекаго Рима. Много нужно было энергіи отъ всѣхъ этихъ базиліанъ и іезуитовъ, и не одинъ, надо думать, разъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ «усѣченъ бысть» какой-нибудь «рабъ Божій», у котораго возникали недоразумѣнія на религіозной почвѣ съ католиками, пока между Вѣчнымъ городомъ и деревушкою, раскинувшеюся по яругамъ Буга, удалось установить духовную связь, протянуть одну нить...

Въ 1706 году православный подольскій епископъ Іосифъ Шумлянскій торжественно отрекся въ Варшавѣ отъ православнаго исповѣданія и за всю свою молчаливую паству присягнулъ въ принятіи уніи. Въ 1795 году, послѣ присоединенія Подоліи къ Россіи, подольскіе уніаты были возсоединены съ православною церковью. Но что же сталось съ тѣми, кто находился между молотомъ и наковальней Рима и православія? Наблюдая народную жизнь въ Подоліи, я, по крайней мѣрѣ, вынесъ впечатлѣніе довольно развитого религіознаго безразличія среди крестьянъ. Великорусской набожности здѣсь и въ поминѣ нѣтъ, религіознаго исканія также.

— А что, плохо, вѣрно, здѣшнимъ священникамъ жить среди пановъ-поляковъ?—спрашиваю у одного крестьянина.

— Чего плохо? Съ пановъ они еще лучше живутъ.

— Какъ такъ?

— А что жъ? Тамъ помѣщикъ новую хату позоветъ освятить, колодезь какой-нибудь,—все попу перепадетъ. Съ меня онъ столько не возьметъ, какъ съ пана.

— Отчего жъ паны своихъ ксензовъ не зовутъ?

— Русскаго попа чортъ больше боится.

Собесѣдникъ мой смѣется: и этотъ смѣхъ, и грубая шутка не обнаруживаютъ въ немъ уваженія къ сану священника.

— Много ль у васъ среди крестьянъ католиковъ?—спросилъ я его дальше.

— Есть-таки. Лѣтъ пять назадъ помѣщики сильно подбивали людей принимать католичество: нѣкоторые мужики перешли. Теперь что-то не слышно. Говорятъ, снова запретили.

— Чего жъ они перешли въ католичество?

— Около помѣщиковъ имъ отъ того лучше. Теперь они имъ свои: тоже паны. А то они русскихъ на работу брать не хотятъ: «Намъ, говорятъ, свего тшеба». Кацаповъ[1]) скорѣй берутъ, чѣмъ русскихъ.

— Ну, а вы не хотѣли перейти въ католичество?

— Э! Ну его! Мой дѣдъ, правда, былъ католикъ, а я ужъ какъ всѣ. Бывалъ я тоже въ костелѣ: не понравилось, потому у насъ въ церкви свободнѣй; нѣтъ такого стѣсненія, чтобы молитвенникъ въ церкви читать. На землю тоже они прямо ложатся, а у насъ этого не полагается. Разъ я-таки нагнулся совсѣмъ лбомъ къ землѣ, какъ тамъ у нихъ слѣдуетъ; да сапогомъ какъ стукнулъ какого-то поляка по головѣ. Даже зашипѣлъ неборака: «Цо то панъ такъ простенгся? А нехъ тебе ясне пюро забило!» [2]) Вотъ какія молитвы читать сталъ! Ну, будетъ помнить!

Выходка эта, какъ и весь разсказъ, не свидѣтельствовали и объ уваженіи къ католицизму. Повидимому, уваженіе къ религіи вообще довольно основательно было вытравлено въ подольскомъ крестьянинѣ годами чуждой его интересамъ религіозной борьбы.

Цѣлый день бродилъ я надъ Бугомъ, то по густому орѣшнику, покрывавшему его высокій берегъ, то по березовымъ и дубовымъ молодымъ лѣсамъ. Противоположный берегъ былъ на большомъ пространствѣ покрытъ лѣсомъ, и въ соединеніи съ нимъ рѣка принимала суровый видъ. Гдѣ-то слышались звуки охотничьяго рога, и подъ вліяніемъ ихъ въ воображеніи вставали картины далекаго прошлаго края. И припомнилось мнѣ давно уже переписанное мною изъ любительской тетрадки польскихъ стиховъ стихотвореніе какого-то неизвѣстнаго польскаго поэта, котораго, однако, опредѣленно можно отнести къ періоду «хлопоманіи» въ польской литературѣ шестидесятыхъ годовъ. Привожу его въ близкомъ русскомъ переводѣ.

Тропинкою лѣсной средь дубняка густого
Надъ пропастью иду; внизу синѣетъ Бугъ.
И вотъ, жестокими картинами былого
Весь лѣсъ наполнился передо мною вдругъ.

Я вижу, какъ холопъ бѣжитъ отъ пана злого;
Цѣпляясь, падаетъ; въ глазахъ его испугъ.
Все на него глядитъ такъ дико и сурово,
И кашлемъ давитъ грудь давнишній ужъ недугъ.

[1]) Насмѣшливое прозвище великороссовъ. Малороссы только себя считаютъ настоящими русскими.

[2]) Чтобъ тебя громомъ убило.

И слышится ему стукъ конскаго галопа...
Вотъ затрубили въ рогъ, вотъ звонко щелкнулъ хлыстъ,—
И своры понеслись ловить его, холопа.

Блѣднѣя и трясясь, какъ запоздалый листъ,
Чуть шепчетъ онъ слова: «Спаси, о Боже, хлопа!»
Но ближе лай собакъ и гиканье, и свистъ.

Если русскій помѣщикъ XVIII вѣка думалъ, что крестьяне не суть люди; а что такое крестьяне, о томъ онъ могъ сказать только, что они—его рабы, какъ писалъ Н. И. Новиковъ въ своихъ сатирическихъ листкахъ,—то что же было здѣсь, въ Подоліи, гдѣ панъ былъ къ тому же другой національности и религіи? Даже теперь такой же мужикъ, какъ другіе, но только католикъ считаетъ своихъ православныхъ односельчанъ «гадами». Что же можно думать о прошлыхъ вѣкахъ? Невѣдомыя страданія безвѣстныхъ людей не дошли до насъ, но передъ Божьими очами не остываетъ ни одна капля когда-либо пролитой крови...

III.

Къ вечеру я забрелъ на большую надбрежную скалу, съ которой Бугъ былъ виденъ далеко, и еще дальше тянулись поля, расписанныя посѣвами въ нѣсколько тоновъ. Солнце садилось. Темно-голубое небо на западѣ переходило въ свѣтло-изъзелена-желтоватый цвѣтъ, мало-по-малу становившійся свѣтло-желтымъ, рѣзко граничившимъ съ свѣтло-оранжевымъ на самомъ горизонтѣ. На краю земли, въ сторонѣ стояли лѣса, между рѣдкими стволами которыхъ свѣтился оранжевый небосклонъ; но стволовъ уже не было видно, и казалось, что по небу была наляпана безпорядочно черная полоса: темная листва деревьевъ.

Было такъ тихо и на землѣ, и на небѣ, что цѣлый часъ облака стояли тамъ на одномъ мѣстѣ волнистою прозрачно-сѣрою грядою. Съ другого берега откуда-то издалека доносился мелодичный напѣвъ невидимой пѣвицы и сливался съ музыкой тишины въ одну непередаваемую ни словомъ, ни звукомъ гармонію. Да, хороши эти мѣста по Южному Бугу; и жаль, что Подолія не имѣла своихъ поэтовъ, какъ Крымъ. Давно, впрочемъ, въ серединѣ XIX вѣка нарождался свой польскій пѣвецъ Подоліи нѣкто Маврикій Гославскій; но онъ рано умеръ. Въ свое время довольно было извѣстно одно его стихотвореніе, посвященное Подоліи. Вотъ удобопонятное начало:

Gdyby orłem być,
Lot sokoli mić,
Skrzydłem orlem, lub sokolem
Unosić się nad Podolem,—
Tam tem życiem żyć.

Droga ziemia ta.—
Myśl ją moja zna;
Tam najpiervsze tchnienie moje,
Tam najpiervsze me pokoje,
Tam najpiervsza łza...

Надвигались сумерки. Я вышелъ на дорогу и пошелъ вдоль баштана. На валу, которымъ онъ былъ отгороженъ отъ дороги, или по-здѣшнему на «фоссѣ», стоялъ благообразный старикъ, съ живыми, добрыми глазами.

— Здравствуйте, диду.

— Хай Богъ помогае. Куды идете? на шпациръ?

— Да, гуляю. А вы что, баштанъ стережете?

— А треба, бо злодіи нападаются.

Послѣ первыхъ фразъ въ этомъ родѣ старикъ Иванъ Янушъ— такъ его звали— позвалъ къ своему куреню, возлѣ котораго былъ разложенъ костеръ, и угостилъ свѣжими огурцами. Онъ оказался очень словоохотливымъ человѣкомъ, все говорилъ и разсказывалъ про старину. Это была цѣлая поэма сельской жизни въ Подоліи за все XIX столѣтіе. Когда было освобожденіе крестьянъ, Янушу было уже тридцать четыре года; но, несмотря на это, передо мною былъ крѣпкій и бодрый старикъ. Въ припрыжку онъ побѣжалъ на монхъ глазахъ выгонять коня изъ овса, напѣвая какую-то пѣсенку. Въ такія лѣта, думалось мнѣ, нашъ братъ только ноги волочитъ. Да и доживешь ли еще до такого возраста? Питающей человѣка силы природы, полевого воздуха и земледѣльческаго труда не замѣнить никакими правилами научной гигіены въ дѣлѣ здоровья и продолжительности жизни. И никакими аэропланами не опровергнуть Руссо и апостоловъ его вѣры!..

— Что,—спросилъ я у Януша:—при панахъ хуже или лучше было жить?

— Намъ,—отвѣтилъ онъ:—у своего пана было лучше, чѣмъ теперь. Скотину, бывало, куда хочешь, туда и гонишь. А теперь никуда нельзя: толоки совсѣмъ пѣть; а паны не даютъ. «Намъ, говорятъ, и самимъ надо». Теперь лѣса кругомъ вырубили,—дрова дорого стоятъ. А прежде только пойдешь къ пану. «Пане! дровъ нема».—«Ну, скажетъ, я тебѣ не поѣду въ лѣсъ за дровами, поѣзжай самъ». Мы два дня въ недѣлю на пана работали, а бабы третій день. Три еще дня да воскресенье наши были.

— Зато,—говорю,—паны крестьянъ били.

— Кого слѣдовало, того били: лѣнивыхъ да пьяницъ били. Ихъ и теперь бьютъ.

— Кто ихъ бьетъ?

— Они, пане, сами себя бьютъ. А у насъ былъ хорошій панъ, Грухольскій, царство ему небесное! Другіе паны часомъ плохіе бывали. Вотъ тутъ недалеко, въ Колюхахъ былъ панъ Михаль-

скій; ну, и невѣрный былъ панъ! Люди, бывало, всю ночь у его воротъ лежали, дома никогда не спали, потому что какъ кто опоздаетъ поутру на работу, тотчасъ его на токъ; а ужъ тамъ гуменный съ розгою стоитъ. Потомъ Богъ покаралъ пана. Когда вышла воля, такъ обѣднѣлъ, что совсѣмъ ни на что извелся. По своимъ же крестьянамъ ходилъ, и они его, какъ москаля, по очереди годували.

— Небось, припоминали ему, какъ онъ ихъ сѣкъ?

— Было и это! Кто посмѣлѣе былъ, подойдетъ къ пану, крутонетъ его за ухо и скажетъ: «То ты меня билъ, теперь я тебя могу побить, да бѣсъ съ тобою: сѣдай уже ѣсть».

— Куда жъ потомъ дѣлся Михальскій?

— Пропалъ, пане, гдѣ-то такъ и пропалъ... Нашъ панъ Грухольскій не такой былъ, ну, а тоже пропалъ.

— Отчего жъ и вашъ панъ пропалъ?

— За Сороку. Можетъ, слыхали Сороку? Давно это было, еще до воли. Стали всѣ паны мужикамъ приказывать, чтобы всѣ они подѣлали себѣ пики и собрались въ мѣстечко Варнавицу. Потомъ говорили, поведутъ всѣхъ насъ подъ Сороку. А мы и не знали, гдѣ та Сорока. Паны говорятъ—треба слухать. Подѣлали мы себѣ пики съ желѣзными концами, собрались до купы въ Варнавицу. Поставили всѣхъ насъ въ три лавы по полю, далеко, далеко одинъ конецъ отъ другого, такъ что и голосу съ одного конца на другой подать не можно. Пошли всѣ паны по рядамъ, а мы стоимъ съ пиками, какъ лѣсъ. Смотритъ одинъ панокъ, а у Панаса Марцинюка вся пика деревянная, безъ желѣзнаго конца. Какъ сталъ тотъ панокъ бить Марцинюка, такъ у насъ даже слезы потекли: такъ билъ его. «Такъ ты, кричитъ, пановъ обманываешь, продать насъ хочешь?» Черезъ мѣсяцъ Панасъ отъ того битья умеръ...

— Что жъ дальше было, диду?

— А что жъ дальше? Пришли потомъ москали и казаки. Паны тутъ, какъ кроты, куда-то попрятались; а мы все стоимъ съ пиками. Стали москали по рядамъ ходить; каждый отбираетъ себѣ десять человѣкъ. «Гайда, теперь, хлопцы, въ лѣсъ!» Тогда москали строгіе были, не такіе, какъ теперь; такъ ихъ мужики боялись. Повелъ и меня москаль съ другими въ лѣсъ. Долго водилъ, водилъ; потомъ остановился. «Идите, говоритъ, куда хотите, только все лѣсомъ, лѣсомъ, чтобы въ поле не выходить». А куда мужику итти? До дому и пошли. Я какъ пришелъ до дому, заразъ воткнулъ свою пику въ крышу хаты, такъ она и до сихъ поръ тамъ пропадаетъ.

— А съ панами что же было?

— За другихъ, пане, не знаю; а нашъ панъ пропалъ, гдѣ-то пропалъ и слѣду не оставилъ. Только знаемъ, что позволено ему было десять верстъ отъ села ѣхать, а тамъ, чтобы все время пѣшкомъ шелъ. За сыномъ его остались.

— Зачѣмъ же васъ подъ Сороку хотѣли вести?
— Вотъ этого я вамъ, пане, не докажу: то паны знали.
— Это паны васъ противъ царя хотѣли вести,—говорю я.
— Можетъ быть,—равнодушно соглашается Иванъ Янушъ.

Подобное безразличное отношеніе къ жизни, выходящей за предѣлы каждодневнаго обихода, отсутствіе пытливости и сознательности—вотъ духовное наслѣдіе долгаго экономическаго и нравственнаго порабощенія подольскихъ крестьянъ крѣпостнымъ правомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ одинъ путешественникъ по Подоліи такъ характеризовалъ національное безличіе русскаго населенія: «Это преобладающее по численности племя русиновъ не знаетъ даже, что оно за племя, вообще, что оно такое. Кто ты? «Хлопъ, человѣкъ». Отчизна?—то хата, послѣ отцовъ доставшаяся. Полякъ для него—панъ, москаль—солдатъ, русскій—кацапъ. Въ Вяткѣ, Томскѣ, Калугѣ говорятъ болѣе о Кіевѣ, болѣе знаютъ его, хотя съ религіозной стороны, чѣмъ здѣсь. Здѣсь не встрѣтишь богомолокъ, разсказывающихъ о немъ. Крестьянинъ ходитъ только въ Одессу, и то черезъ Бессарабію»[1]). При такомъ положеніи русское населеніе Подольской губерніи не могло быть оплотомъ русской государственности въ сосѣднемъ съ Австріею краѣ. Для послѣдняго необходимо въ населеніи развитое національное самосознаніе; но при отсутствіи широкаго образованія о немъ не можетъ быть рѣчи. А насколько населеніе оставалось невѣжественнымъ, можетъ краснорѣчиво свидѣтельствовать тотъ фактъ, что на мой вопросъ, при какомъ царѣ было освобожденіе крестьянъ—Иванъ Янушъ отвѣтилъ: «Чого не знаю, про те и казаты не буду».

Здѣсь не было земства, которое одно могло бы создать обширную сѣть школъ. Министерскихъ школъ очень немного; церковными же школами грамоты недовольны сами крестьяне. Я спрашивалъ нѣсколькихъ мальчугановъ, попадавшихся мнѣ по дорогѣ, прошедшихъ уже приходскую школу, и убѣдился, что, кромѣ молитвъ, они рѣшительно ничего не знаютъ. Да и молитвы они такъ безбожно коверкаютъ, что совершенно обезсмысливаютъ ихъ. Понятная крестьянская книга не попадаетъ въ село. Я зашелъ къ одному очень зажиточному крестьянину въ селѣ Колюхахъ и поинтересовался, какія у него имѣются книги. И вотъ что у него оказалось: чья-то методика русскаго языка, «Записки изъ мертваго дома» Достоевскаго, сборникъ разсказовъ Апраксина: «Горе и радость», нѣсколько нумеровъ «Литературныхъ приложеній» къ «Нивѣ» да двѣ книги церковной печати: молитвенникъ и псалтырь.

---

[1]) И—товъ: «Подоль, изъ записокъ проѣзжаго», Кіевъ, 1866 г., стр. 95.

IV.

Наступила ночь. Небо прояснилось и казалось совершенно безоблачнымъ; но въ свѣтѣ луны то и дѣло медленно проходили маленькія бѣлыя тучки и сейчасъ же, выйдя изъ свѣтлаго сіянія луны, исчезали на темномъ небѣ. Янушъ въ солдатской шинели на опашку, въ широкой соломенной шляпѣ, босикомъ сидѣлъ у костра, какъ живая сказка прошлаго.

— А что, диду, вы бывали гдѣ-нибудь далеко отъ своего села?

— Бывалъ, пане. Когда-то въ Одессу чумакомъ ходилъ. Тогда еще не было «зализницы», только волами ѣздили.

— И помногу сразу возовъ ѣхало?

— Помногу: съ одного конца «валки» [1]) на другой не слыхать. Попереду всегда атаманъ ѣхалъ, дорогу показывалъ. А мы за возами идемъ, кругомъ глядимъ, потому что, того и гляди, злодіи нападутся. Бѣда! Соль стащутъ, одежу украдутъ. Разъ чуть было не украли моихъ воловъ. А волы были такіе, что теперь и за двѣ сотни не купишь. Стала разъ валка на ночлегъ. Ночь была, какъ сегодня: кругомъ видно. Полегли всѣ чумаки спать, только одинъ не спитъ, держитъ варту [2]). И смотритъ онъ, чего это мои волы такъ быстро къ оврагу пошли. Скотина, какъ пасется, такъ потихоньку себѣ идетъ, потому что траву ѣстъ; а мои волы быстро пошли. Подбѣжалъ онъ къ нимъ; а у нихъ къ ярмамъ длинная веревка привязана, и кто-то изъ оврага тянетъ за нее. Какъ крикнетъ тогда товарищъ: «Калавуръ! А ну, хлопцы, берите буки въ руки!» Повскакивали мы да въ оврагъ,—а тамъ ужъ злодій за камнями прячется. Сейчасъ его взяли, раздѣли, привязали подъ возъ—ногами къ заднимъ колесамъ, а руками къ переднимъ, да какъ сдѣлали возомъ поворотъ разъ, другой, такъ только слышно, какъ кости хрусь, хрусь... Потому задняя ось на мѣстѣ стоитъ, а передняя поворачивается. Отвязали потомъ его: чуть дышитъ; отнесли въ оврагъ и кинули: издыхай ты, собака, безъ исповѣди!

— И не стыдно вамъ было такъ его мучить?

— А что жъ, пане. Кабы онъ моихъ воловъ укралъ, что бы я сталъ въ степи дѣлать? Кругомъ поле, людей нѣтъ, а возу съ солью оставаться на дорогѣ надо было. Самъ бы я голый на чужомъ возу пріѣхалъ. Это грѣхъ великій обидѣть человѣка въ пути.

— Случалось ли, диду, что чумаки умирали въ дорогѣ?

— Было и это. Вотъ только забылъ имя села въ Херсонщинѣ, около котораго умеръ изъ нашей валки чумакъ Левко Покиньбороденко. Ну, и чумакъ былъ! Бывало, какъ на него глядишь, такъ

---

[1]) Чумацкій обозъ.

[2]) Охрану.

самъ словно въ гору растешь: такой былъ красивый! Въ дорогѣ Богъ ему пригоду послалъ: заболѣлъ Левко и умеръ. Дошли мы до этого села—вотъ вѣдь забылъ его прозваніе—дошли до села, сдѣлали тамъ Левку труну (гробъ) изъ дубовыхъ досокъ, разорвали нѣсколько мѣшковъ съ солью, выкинули ее, завернули Левка въ рогожи и положили въ труну. Ну, думаемъ, гдѣ его ховать? Собрали раду, споримъ межъ собою. Стоить туть нашъ атаманъ Олекса Рыцеръ,—лѣтъ семьдесятъ онъ въ Одессу ходилъ, всѣ обычаи зналъ: «Не гаразды,—говоритъ Олекса,—хоронить Левка Покиньбороденка въ селѣ на кладбищѣ. Парубокъ онъ былъ молодой, на свѣтѣ жилъ мало и славы себѣ не раздобылъ, а теперь ужъ конецъ. Такъ сотворимъ мы ему славу. Поховаемъ его за селомъ, гдѣ три дороги сходятся. Поставимъ высокій крестъ на его могилѣ, чтобы шли чумаки и крестъ издалека видѣли. И пройдуть чумаки и прочитають литеры на крестѣ, что поховали туть чумаки своего товарища Левка Покиньбороденка, перекрестятся и помянуть его въ дорогѣ. И будеть Левку слава по всему шляху отъ Немирова до Одессы!» Вотъ какъ говорилъ Олекса Рыцеръ. Такъ и сдѣлали. Сруб били Левку высокій, высокій крестъ и написали на немъ литеры. Потомъ позвали изъ села попа, стали хоронить Левка. Туть пришли изъ села жинки и дивчата и начали тужить надъ мертвецомъ. Жинки голосять: «Сыну мой, мой соловейко, мой цвѣточекъ! Да куда ты отъ меня убираешься, да куда ты споряжаешься?» Дивчата плачуть: «Братику, мой голубчику! Да чего твоя новая хата тѣсная да невидная? Что въ нее ни солнце не грѣетъ, ни мѣсяцъ не свѣтитъ?» Всякая тужила по-своему. А потомъ, когда похоронили Левка, одна жинка вышла и сказала: «Когда пріѣдете, чумаченьки, домой, то скажите матусѣ покойнаго, чтобъ не плакала по сынѣ, потому что мы его оплакали тутъ за сына родного». Потомъ за нею выходить дивчина и тоже говоритъ: «Скажите сестрицѣ покойнаго, что оплакали мы ея брата за нее: пусть больше не плачетъ». Вотъ какъ хорошо похоронили Левка.

— А съ тѣхъ поръ, диду, какъ чумаки перестали ходить, вы бывали въ другихъ мѣстахъ?

— Нѣтъ, далеко не ходилъ. Только въ Браиловъ хожу на прощу (богомолье), потому что тамъ монастырь есть. Пойду, панихидку отслужу; потомъ пойду въ костелъ свѣчечку поставить.

— Какъ? въ костелъ тоже ходите молиться?

— А такъ, пане. Какъ-то должна наша молитва до Бога дойти: хоть такъ, а хоть такъ.

V.

По Южному Бугу часто попадаются громадныя прибрежныя скалы, которыя или прямо высятся надъ водою, или образуютъ высокія каменныя кручи, немного отступая отъ самой рѣки. Подъ

Винницей эти гранитныя громады разрабатываются; но по другимъ мѣстамъ теченія Буга онѣ стоятъ многотысячелѣтними свидѣтелями прошедшей вокругъ нихъ жизни. Я поинтересовался узнать у Януша, не имѣютъ ли эти каменные гиганты особыхъ названій въ окрестностяхъ. Дѣйствительно, какъ сказалъ мнѣ Янушъ, три ближайшихъ береговыхъ скалы, между селами Соколинцами и Потушемъ, носятъ такія названія: Болій камень, Грицынъ камень и Кумовъ камень, и поле вокругъ послѣдняго называется Кумово поле.

— Откуда, —спросилъ я,—эти названія?

— Про Болій и Грицынъ камни не знаю,—отвѣчалъ Янушъ:—еще хлопчикомъ былъ, такъ они этими именами назывались; а про Кумовъ камень разсказываютъ такъ. Жили въ этихъ мѣстахъ когда-то какіе-то кумъ и кума и совершили они грѣхъ: стали жить другъ съ другомъ, какъ мужъ съ женою. Вотъ и собрались люди, чтобъ ихъ наказать. Одинъ говоритъ: такъ сдѣлаемъ. Другой: такъ сдѣлаемъ. А третій говоритъ: «Нѣтъ. Есть у насъ камень на Бугѣ. Скинемъ съ него кума и куму. Если не разобьются, стало быть, Богъ имъ прощаетъ; а разобьются—не прощаетъ». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлали. Такъ, говорятъ, кумъ, пока до земли долетѣлъ, два раза крикнулъ; а кума ни словечка не крикнула.

— Разные люди,—продолжалъ Янушъ:—жили прежде. Въ старину были велетни (великаны), а потомъ уже пошли люди, какъ мы. Разъ велетень на полѣ пахалъ и видитъ, что-то такое по полю, какъ комашня [1]), бѣгаетъ. Взялъ одного на ладонь и приноситъ къ своей мамѣ. «Что это такое?» спрашиваетъ. А та говоритъ: «Не тронь. Положи тамъ, гдѣ взялъ. То послѣ насъ такіе люди на землѣ жить будутъ». Потомъ уже всѣ велетни умерли. Когда у насъ въ Потушѣ старую церковь разрушили, такъ подъ пею нашли похороненнаго велетня. Одна нога была съ цѣлаго человѣка. Вотъ какіе люди были.

— А по своей волѣ, диду, никто не бросался съ Кумовой скалы?

— Нарочно никто не бросался. А панъ тутъ одинъ былъ Туровскій,—онъ убился съ Кумовой скалы. Вѣдьма столкнула.

— Какъ такъ вѣдьма?

— А такъ, вѣдьма. Была у него красивая, прекрасивая жинка. Здорово она его до себя причаровала. Только недолго пожила съ нимъ и умерла. То есть, передъ людьми она умерла; а передъ глазами Туровскаго все время, какъ живая, ходила. Такой ужъ у вѣдьмъ обычай. Панъ все за нею слѣдомъ ходилъ. Пойдетъ въ одну сторону—воротится назадъ; идетъ въ другую сторону,—опять назадъ. Такъ всѣ дни и ночи и ходилъ по этимъ полямъ. Все, значитъ, вѣдьма его за собою водила. Вотъ разъ привела она его на Кумовъ камень, а сама пошла передъ нимъ по воздуху. Панъ за нею, да, какъ дошелъ

[1]) Муравьи.

до краю, такъ и грохнулся на землю. Люди-то все это хорошо знали, а начальство не знало: оно далеко. Пріѣхалъ становой:—«Кто, говоритъ, пана со скалы сбросилъ?»—«Никто,—говорятъ люди,—самъ убился».—«Хорошо», говоритъ становой и началъ пана со всѣхъ сторонъ осматривать. А у пана на рукѣ дорогое кольцо было.—«Кто, говоритъ, снимстъ кольцо съ руки?» Одинъ человѣкъ попробовалъ снять—туго; другой, третій—никто не можетъ снять. Наконецъ, выходитъ Демко Семибученко: «Эхъ, говоритъ, вы! Чего испугались? Панъ мертвый: сколько хочешь дери руку, не вскочитъ». Да какъ дернулъ за кольцо, такъ и сломалъ пану палецъ: даже кровь изъ него пошла. Какъ крикнетъ тутъ становой: «Вотъ кто убилъ пана! Онъ одинъ безъ жалости къ нему! Берите его, вяжите!» Такъ и арестовали Демка; потомъ въ Сибирь отправили. Говорятъ, большимъ купцомъ тамъ сдѣлался.

— Вы вотъ, пане, пройдитесь на Кумовъ камень. Тамъ иногда дикія козы собираются. Тамъ на деревѣ флагъ виситъ.

— Кто же его повѣсилъ?

— А москали повѣсили: планы снимали. Все на бумагу списали: гдѣ лѣсъ, гдѣ рѣка, гдѣ поле. Вѣрно, царю потомъ отдадутъ эти планы: «Такъ, молъ, и такъ. Были тутъ раньше лѣса, были выгоны, а теперь ничего нема». Я-то скоро умру, а для другихъ, должно быть, будетъ легче.

И дѣдъ задумался, вѣроятно, о будущемъ благополучіи крестьянъ, въ которое ему такъ хотѣлось вѣрить.

Незамѣтно за разговоромъ прошла ночь, и стало свѣтать. Вдалекѣ затарахтѣли крестьянскія телѣги. Изъ-за рѣки, черезъ лѣсъ и поля несся громкій голосъ, призывавшій паромъ. Я распрощался со своимъ старымъ собесѣдникомъ и пошелъ дальше, вспоминая его разсказы о подольской легендарной старинѣ. Вѣдь въ этомъ Иванѣ Янушѣ, думалось мнѣ, доживаетъ послѣдніе дни старая, мирная, невѣжественная, но полная фантазіи и стремленія къ легендѣ Подолія, которая умретъ вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ такими стариками, какъ онъ, которымъ всего было дано мало въ жизни, кромѣ терпѣнія и кротости сердца.

Идя вдоль рѣки, нагналъ я крестьянина, всю ночь удившаго въ Бугѣ сомовъ. Теперь онъ шелъ на свою дневную работу. Въ разговорѣ спросилъ у него про Януша.

— Древній старикъ,—отозвался онъ о немъ:—хорошій человѣкъ, нечего сказать. Только въ сынахъ неудача: оба такіе горькіе пьяницы, что лучше бъ они смолою разлились, чѣмъ батьку очи передъ людьми колоть...

Не оттого ли, подумалъ я, Иванъ Янушъ такъ любитъ прошлое?

В. В. Даниловъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ТАВРИЗЪ.

ОСЕНЬЮ минувшаго года мною была совершена поѣздка въ Тавризъ съ цѣлью ознакомленія на мѣстѣ съ интересующимъ меня вопросомъ о Персіи какъ восточника по образованію и какъ занимающагося изученіемъ современнаго политико-экономическаго положенія этой сосѣдней съ нами страны.

Городъ Татризъ считается главнымъ торговымъ центромъ не только въ сѣверной Персіи, но и вообще для всей Персіи, а въ политическомъ отношеніи имѣетъ значеніе не меньшее, чѣмъ Тегеранъ.

Вслѣдствіе этого Тавризъ называется многими второю столицею Персіи. Ограничить свою поѣздку Тавризомъ мнѣ пришлось потому, что въ это время городъ былъ осажденъ сторонникомъ эксъ-шаха Мохаммеда-Али Шуджа-уд-Доуле, или, какъ его называютъ кратче, Самедъ-ханомъ, и потому проѣхать въ стороны отъ Тавриза на востокъ, къ Казвину и Тегерану, и на западъ, въ Урмію, куда мнѣ особенно хотѣлось, не представлялось возможности.

Если бы даже Шуджа-уд-Доуле не оказалъ препятствій моему проѣзду въ ту или другую сторону, то происходившія въ то время стычки по дорогѣ къ Тегерану между войсками персидскаго правительства и шедшимъ на Тегеранъ сторонникомъ эксъ-шаха Саларъ-уд-Доулэ и разбойничавшіе по дорогѣ въ Урмію курды дѣлали слишкомъ рискованнымъ проѣздъ по обоимъ направленіямъ изъ Тавриза.

Предпринятой мною поѣздкѣ выразили большое сочувствіе многіе видные чины нашихъ министерствъ: иностранныхъ дѣлъ,

финансовъ, торговли и промышленности и главнаго управленія почтъ и телеграфовъ и любезно снабдили меня рекомендаціями, благодаря которымъ я имѣлъ возможность получить всѣ свѣдѣнія и вполнѣ обстоятельно ознакомиться съ интересующими меня вопросами.

Для своей поѣздки я выбралъ маршрутъ отъ Рыбинска до Астрахани по Волгѣ, чтобы ознакомиться съ этимъ нашимъ великимъ торговымъ воднымъ путемъ, затѣмъ отъ Астрахани до Петровска по Каспійскому морю, отъ Петровска на Баку по желѣзной дорогѣ, соотвѣтственно, въ данномъ случаѣ, проекту великаго индійскаго пути [1]), и отъ Баку, по осмотрѣ его нефтяныхъ промысловъ, черезъ Тифлисъ и Джульфу въ Персію.

Запасшись всѣми указанными выше рекомендаціями, я 14-го августа минувшаго года выѣхалъ изъ Петербурга на Рыбинскъ.

Въ настоящемъ описаніи своей поѣздки въ Персію явилось бы слишкомъ длиннымъ разсказывать о совершенномъ мною до нея пути и полученныхъ мною впечатлѣніяхъ, хотя, напримѣръ, городъ Баку и его міровые нефтяные промыслы представляли бы большой интересъ для человѣка, тамъ не бывавшаго.

Такимъ образомъ, я перейду непосредственно къ описанію поѣздки въ Тавризъ.

I.

Утромъ 30-го августа я выѣхалъ изъ Баку, въ которомъ пробылъ пять дней, на Тифлисъ. Въ телеграммахъ газетъ, прочитанныхъ мною въ вагонѣ, сообщалось, что Тавризъ осажденъ и жители города терпятъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Эти сообщенія невольно заставили меня задуматься надъ вопросомъ: какъ я туда проѣду и, если проѣду, какъ буду жить? Пріѣхавъ въ Тифлисъ ночью, я рѣшилъ на слѣдующій день навести справки относительно возможности проѣзда въ Тавризъ въ канцеляріи намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ. Когда я въ послѣднюю обратился, меня оттуда направили къ нашему дипломатическому агенту по пограничнымъ дѣламъ при намѣстникѣ Кавказа, дѣйствительному статскому совѣтнику Л. С. Кохановскому.

Послѣдній принялъ меня весьма любезно и просилъ зайти на слѣдующій день къ вечеру, ожидая къ этому времени новыхъ свѣдѣній изъ Персіи. Этотъ день приходился 1-го сентября, какого числа мною было предположено выѣхать въ Джульфу. Когда я пришелъ вечеромъ къ Л. С. Кохановскому, послѣдній прочиталъ мнѣ только

---

[1]) Въ связи съ этимъ проектомъ мною осенью 1910 года былъ прочитанъ въ обществѣ русскихъ оріенталистовъ докладъ: «Русская торговля съ Персіей и проектъ великаго индійскаго пути.»

что полученныя имъ изъ Персіи телеграммы, въ которыхъ сообщалось, что эксъ-шахъ Мохаммедъ-Али разбитъ и что около Аджичайской заставы у Тавриза контуженъ одинъ нашъ офицеръ, а подъ однимъ казакомъ убита лошадь и въ самомъ Тавризѣ спокойно.

Л. С. Кохановскій совѣтовалъ мнѣ обождать выѣздомъ на Джульфу и въ Персію до полученія имъ болѣе благопріятныхъ для этого извѣстій. Однако, рѣшивъ выѣхать въ этотъ день въ Джульфу, мнѣ не хотѣлось свой выѣздъ откладывать, такъ какъ, повидимому, успокоенія въ ближайшемъ времени очень трудно было ждать, да, кромѣ того, эти извѣстія возбудили во мнѣ, напротивъ, еще большее желаніе скорѣе попасть въ Персію и увидѣть происходящую тамъ междоусобную борьбу. На мое рѣшеніе выѣхать въ тотъ же вечеръ Лукіанъ Станиславовичъ, со своей стороны, оказалъ мнѣ любезное содѣйствіе, чтобы, пріѣхавъ въ Джульфу, я имѣлъ возможность остановиться съ удобствомъ и среди своихъ, и послалъ съ этою цѣлью отъ себя телеграмму на имя управляющаго нашимъ джульфинскимъ отдѣленіемъ учетно-ссуднаго банка Персіи, чтобы мнѣ не отказали въ возможномъ содѣйствіи и гостепріимствѣ.

Распрощавшись съ любезнымъ Лукіаномъ Станиславовичемъ, я отправился въ гостиницу, гдѣ останавливался, и, быстро сложивъ свои вещи, такъ какъ до отхода поѣзда въ Джульфу оставалось уже немного времени, поѣхалъ на вокзалъ.

Въ часъ ночи поѣздъ вышелъ изъ Тифлиса на Джульфу. Первая половина этого пути чрезвычайно живописна. Дорога проходитъ между скалъ, покрытыхъ богатой растительностью и смѣняемыхъ живописными долинами. Но чѣмъ далѣе, виды становятся все суровѣе, такъ какъ растительности все меньше и меньше. Отъ станціи Улуханлу, находящейся въ 339 верстахъ отъ Тифлиса и въ 178 верстахъ отъ Джульфы, открывается прекрасный видъ на гору Араратъ. Оба Арарата, Большой и Малый, въ ясный день блещутъ своими снѣговыми вершинами.

Еще за этой станціей вы видите въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растительность, но ближе къ Джульфѣ растительность совершенно исчезаетъ, и поѣздъ идетъ среди суровыхъ горныхъ массивовъ.

Въ Джульфу я пріѣхалъ въ двѣнадцать часовъ ночи. Телеграмма Кохановскаго была получена уже въ банкѣ, и меня любезно встрѣтили на станціи контролеръ банка Ив. Гр. Образцовъ и бухгалтеръ Вас. Вас. Саковичъ.

Я отъ души обрадовался этой встрѣчѣ и горячо благодарилъ названныхъ лицъ, такъ какъ виды передъ Джульфой и самой Джульфы, хотя лишь только издали, произвели на меня гнетущее впечатлѣніе.

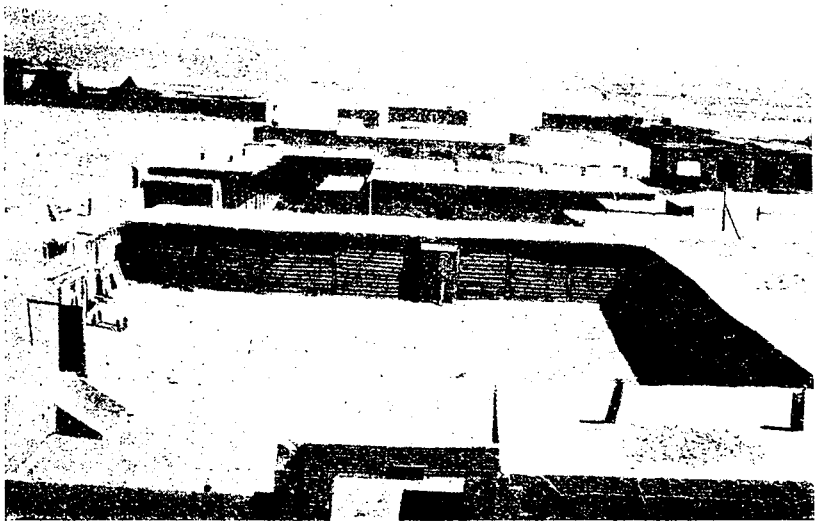
II.

Урочище Джульфа.

Тяжелыя условія жизни въ Джульфѣ.—Отсутствіе церкви, школы, больницы.—Необходимость православнаго храма въ Джульфѣ.

Джульфа является, такъ сказать, русскимъ преддверьемъ въ Закавказьѣ въ Персію. Урочище это, какъ Джульфа называется въ административномъ отношеніи, лежитъ на берегу рѣки Аракса, которая служитъ границей между Россіей и Персіей.

По своему мѣстоположенію русская Джульфа находится какъ бы въ котловинѣ, окруженной горами. Здѣсь не произрастаетъ ни

Джульфа.

травки, ни деревца. Причинами этого, повидимому, являются: суровость почвы, жара, которая бываетъ здѣсь лѣтомъ отъ пятидесяти до шестидесяти градусовъ по Реомюру, и, наконецъ, свирѣпствующіе въ Джульфѣ вѣтры, которые несутъ съ окружающихъ горъ тучи раскаленнаго песку.

Прилагаемая нами здѣсь фотографія наглядно показываетъ печальный видъ нашего урочища Джульфы.

Въ Джульфѣ почти всѣ заболѣваютъ малярiей, и здѣсь въ изобиліи водятся москиты, фаланги и скорпіоны. Въ послѣднемъ мнѣ пришлось тотчасъ же по пріѣздѣ убѣдиться.

Сѣли мы ужинать у Ив. Гр. Образцова, къ которому поѣхали прямо со станціи; гляжу, по стѣнѣ ползетъ какое-то животное. Оказывается, фаланга. Тутъ же мнѣ дали совѣтъ особенно тщательно осматривать свою постель и бѣлье, такъ какъ скорпіоны и фаланги часто туда забираются..

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ тяжелыхъ природныхъ условій жизни въ Джульфѣ нѣкоторыя лица въ самой Джульфѣ и Тавризѣ называютъ ее «Богомъ проклятое мѣсто». Дѣйствительно, какъ видно изъ описанія, эта характеристика нашего урочища Джульфы довольно подходитъ къ ней.

Условія жизни въ Джульфѣ еще болѣе отягчаются тѣмъ, что здѣсь нѣтъ ни больницы, ни церкви, ни школы.

Даже за докторомъ или священникомъ приходится посылать въ Эривань.

Бѣдный человѣкъ не въ состояніи оказать себѣ эту роскошь, и потому, въ случаѣ болѣзни, не имѣетъ совершенно медицинской помощи, а если умретъ, то въ большинствѣ случаевъ покойника, за отсутствіемъ священника, близкіе его или принявшіе участіе перекрестятъ и такъ зарываютъ въ землю на православномъ кладбищѣ, находящемся на одномъ изъ склоновъ горъ около Джульфы.

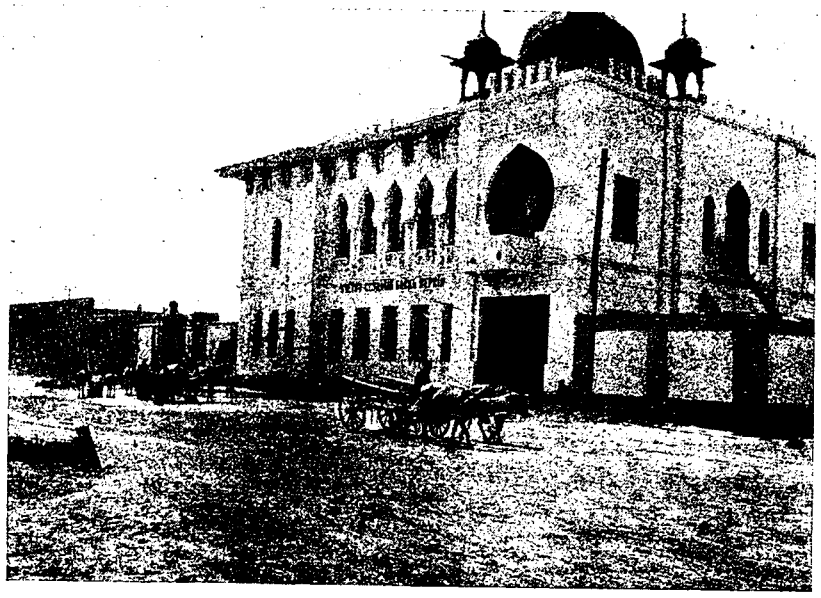
Такова тяжелая и прямо ужасная обстановка, въ которой приходится работать русскимъ дѣятелямъ на этой окраинѣ.

Особенно же представлялась бы необходимой постройка въ Джульфѣ православнаго храма, въ виду его особаго здѣсь значенія.

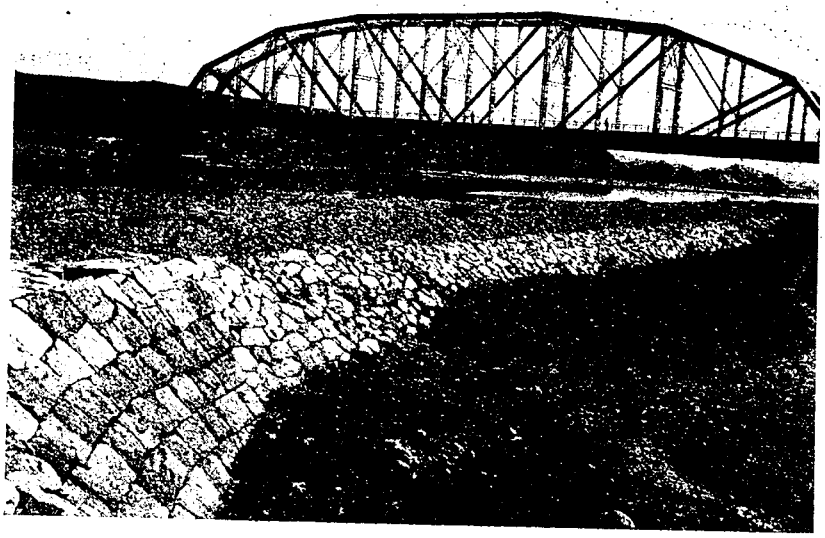
Джульфа, какъ было указано, расположена непосредственно на границѣ нашей съ Персіей. Переправившись черезъ рѣку Араксъ, вы уже находитесь въ предѣлахъ Персіи и въ первомъ персидскомъ селеніи, которымъ является персидская Джульфа. Мусульманское населеніе послѣдней, какъ мнѣ сообщали, собрало двадцать пять тысячъ на постройку мечети, которую почему-то желало построить не въ своей Джультѣ, а въ русской. Однако русскими властями имъ это не было разрѣшено, и теперь мечетъ будетъ строиться мусульманами въ своей персидской Джульфѣ.

Такимъ образомъ, всего за нѣсколько саженъ, черезъ рѣку, напротивъ Джульфы будетъ возвышаться персидская мечетъ съ полумѣсяцемъ, а наша Джульфа будетъ попрежнему лишена православнаго храма.

Жители русской Джульты, сознавая особо важное значеніе здѣсь православной церкви и чувствуя въ этомъ душевную потребность, чтобы въ тяжелыя минуты здѣшней жизни облегчить ихъ молитвою къ Богу, образовали въ урочищѣ Джульфѣ комитетъ по постройкѣ православной церкви. Эриванскій губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находится урочище Джульфа, согласно просьбѣ комитета, отвелъ въ Джульфѣ мѣсто для постройки храма, а ко-

Отдѣленіе учетно-ссуднаго банка въ Джульфѣ.

Желѣзный мостъ черезъ р. Аракcъ, соединяющій Россію съ Персіей.

митетъ, съ своей стороны, собралъ пожертвованій около тысячи рублей.

Но въ русской Джульфѣ, являющейся столь важнымъ пунктомъ въ политическомъ отношеніи, необходимъ храмъ, соотвѣтствующій величію Россіи и достоинству православной вѣры. Воздвигнуть же такой храмъ горсточкѣ русскихъ, населяющихъ Джульфу, не по силамъ, и потому Россія должна прійти на помощь въ столь важномъ вопросѣ своей окраинѣ.

Въ Джульфѣ сердечно встрѣтившіе меня Ив. Гр. Образцовъ и Вас. Вас. Саковичъ приготовили мнѣ помѣщеніе въ квартирѣ управляющаго нашимъ здѣсь отдѣленіемъ учетно-ссуднаго банка Персіи. Отдѣленіе этого банка является лучшимъ зданіемъ и въ русской и въ персидской Джульфѣ. Въ квартирѣ управляющаго всегда имѣются двѣ комнаты на случай пріѣзда гостей, такъ какъ въ Джульфѣ трудно найти приличную гостиницу, гдѣ остановиться.

Здѣсь имѣется одна гостиница «Франція», но останавливаться въ ней не особенно рекомендуютъ. Такимъ образомъ, я устроился и великолѣпно и среди своихъ.

Распрощавшись послѣ ужина съ гостепріимными Иваномъ Григорьевичемъ и его семействомъ, я отправился въ приготовленное мнѣ помѣщеніе и, взявъ ванну, которая въ ожиданіи меня была уже истоплена, довольный и спокойный уснулъ.

III.

Наши учрежденія въ Джульфѣ: отдѣленіе учетно-ссуднаго банка Персіи, почта, таможня, клубъ въ Джульфѣ.

Утромъ я отправился осматривать Джульфу и знакомиться съ нашими здѣсь учрежденіями.

За исключеніемъ прекраснаго зданія банка, всѣ они, съ внѣшней стороны, представляютъ, глинобитныя постройки. Прямо по улицѣ отъ банка къ рѣкѣ Араксъ находится почта, а на берегу рѣки таможня.

Осмотрѣвъ почту и находившіяся самъ иностранныя маловѣсныя посылки, посредствомъ которыхъ иностранные товары пересылаются транзитомъ черезъ Россію въ Персію, въ обходъ нашего запрещенія въ 1883 году этого транзита иностранныхъ товаровъ черезъ Россію въ Персію, я отправился въ таможню, чтобы ознакомиться съ ея дѣятельностью.

Дѣйствительно, не даромъ въ Джульфѣ работаютъ въ настоящее время три банка, т. е., помимо учетно-ссуднаго банка Персіи, тамъ имѣется отдѣленіе азовско-донского банка и недавно открылось отдѣленіе тифлисскаго коммерческаго банка.

Торговая дѣятельность Джульфы растетъ, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ.

Доказательствомъ этого служатъ массы товара, которыя вы видите въ таможнѣ.

На лодкахъ и на паромѣ, по проволочному канату, съ ранняго утра и до заката солнца совершается безпрерывная переправа товаровъ черезъ рѣку Араксъ съ русской стороны въ Персію и съ персидскаго берега на русскій.

Изъ Россіи идутъ въ Персію, главнымъ образомъ, слѣдующіе товары: сахаръ въ головкахъ, керосинъ, мануфактура, а изъ Персіи къ намъ: сушеные фрукты (изюмъ), орѣхи, миндаль, фисташки и хлопокъ.

Переправленные на персидскій берегъ товары отправляются далѣе въ Персію, главнымъ образомъ на Тавризъ и Урмію, на верблюдахъ, фургонахъ и на заведенныхъ нами недавно (съ 20-го марта 1910 года) по Тавризской дорогѣ автомобиляхъ-грузовикахъ.

Сидя съ начальникомъ таможни на скамеечкѣ на берегу, я долго любовался, какъ на противоположномъ персидскомъ берегу къ сложеннымъ такъ грудамъ товаровъ величаво подходили верблюды и, навьюченные, цѣлыми караванами направлялись въ Персію.

Для меня все это было ново и въ высшей степени интересно. Прекрасная погода съ горячимъ южнымъ солнцемъ, успѣшность поѣздки, сознаніе, что теперь я вижу своими глазами все то, что изучалъ, все это приводило меня въ восхищеніе.

— Да, вотъ проживите здѣсь нѣсколько лѣтъ, какъ я прожилъ,— сказалъ мнѣ начальникъ таможни:—такъ вамъ бы все это надоѣло и вы бы лишь думали о томъ, куда бѣжать. Самъ я страдаю сильной формой маляріи, дѣти почти всегда вдали, такъ какъ воспитывать ихъ здѣсь негдѣ и жить вредно, вотъ такъ-то и приходится жить... Служащихъ хорошихъ также трудно [найти; какъ пріѣдутъ сюда, заболѣютъ маляріей, а не то укуситъ скорпіонъ или фаланга, или искусаютъ москиты, то нѣтъ, говоритъ, не могу здѣсь жить и скорѣе уѣзжаетъ.

Выйдя изъ воротъ таможни, я невольно подумалъ, что вѣдь у этихъ несчастныхъ нашихъ братьевъ — жителей Джульфы—даже церкви нѣтъ, гдѣ можно было бы отвести свою тоску, свое горе...

Придя къ И. Гр. Образцову въ банкъ, я и сказалъ ему, что хорошо бы въ Джульфѣ построить православную церковь, на что онъ мнѣ сообщилъ, что имѣется уже комитетъ по постройкѣ церкви и просилъ меня оказать, съ своей стороны, содѣйствіе этому доброму дѣлу. Я съ радостью согласился посодѣйствовать, чѣмъ могу, въ этомъ отношеніи въ Петербургѣ.

Въ тотъ же день, т.-е. 3-го сентября, я познакомился съ управляющимъ нашей Тавризской дорогой инженеромъ А. І. Трескинскимъ и завѣдывающимъ станціей персидская Джульфа и вмѣстѣ съ тѣмъ нашимъ консульскимъ здѣсь агентомъ В. Фр. Жарскимъ.

Инженеръ Трескинскій спросилъ, когда я предполагаю выѣхать въ Тавризъ и любезно предложилъ остановиться тамъ у него, а В. Фр. Жарскій предложилъ свои услуги помочь мнѣ переправиться на персидскую сторону, когда я рѣшу выѣхать въ Персію. Мы условились, что пятаго сентября, въ понедѣльникъ, я переправлюсь въ персидскую Джульфу, а 6-го утромъ выѣду въ Тавризъ.

Остановиться же въ Тавризѣ я рѣшилъ у управляющаго отдѣленіемъ нашего учетно-ссуднаго банка Персіи, что мнѣ особенно всѣ совѣтовали, говоря, что я буду жить во дворцѣ, а, во-вторыхъ, управляющаго банкомъ, г. Анастасіинскаго, не стѣсню, такъ какъ онъ человѣкъ холостой.

Понятно, я предпочелъ остановиться во дворцѣ и, имѣя къ г. Анастасіинскому письмо съ просьбой оказать мнѣ гостепріимство, запросилъ его впередъ о томъ же телефонограммой, на что послѣдній выразилъ любезное свое согласіе.

Встрѣча меня въ Джульфѣ, сердечное отношеніе—разсѣяли значительно всѣ страхи переѣзда въ Тавризъ. Тѣмъ болѣе, на слѣдующій день мнѣ удалось познакомиться съ казачьимъ офицеромъ Усачевымъ, который выступалъ съ сотней казаковъ въ Тавризъ.

— Не безпокойтесь, благополучно проѣдете,—говорилъ мнѣ симпатичный офицеръ:—а въ случаѣ чего телефонируйте съ ближайшей станціи намъ, мы будемъ ѣхать также по тавризской дорогѣ, живо выручимъ.

Въ воскресенье 4-го сентября я опять побывалъ на почтѣ для ознакомленія съ интересовавшимъ меня вопросомъ объ иностранныхъ маловѣсныхъ посылкахъ, затѣмъ сдѣлалъ визиты жандармскому полковнику Штраубе и коменданту Маряхину. Первый былъ боленъ, и потому я не сталъ его безпокоить, коменданта же Маряхина я засталъ дома.

Меня удивила его квартира, которая состоитъ всего изъ одной комнаты, раздѣленной на двѣ половины занавѣсью. На одной половинѣ помѣщается семья коменданта и въ то же время она служитъ спальней, а въ первой половинѣ кабинетъ и пріемная коменданта.

— Ничего,—говорилъ мнѣ комендантъ:—вѣдь это помѣщеніе—временное, такъ какъ я тутъ ненадолго, хотя вотъ уже два года такъ живу.

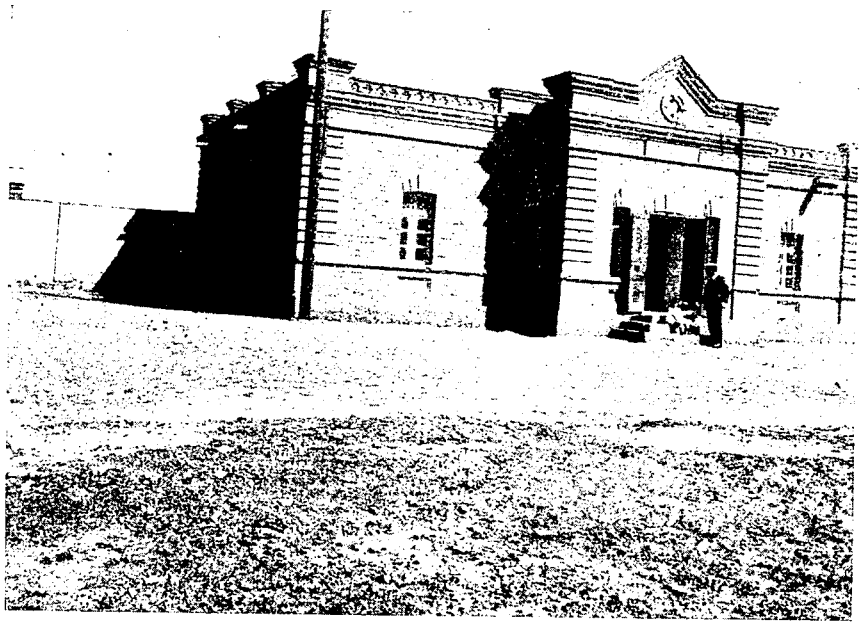
Да, думалось мнѣ, едва ли это будетъ временнымъ, а явится постояннымъ, такъ какъ возстановленія спокойствія въ Персіи отъ самихъ персовъ трудно ожидать, но не хотѣлось это высказывать,—чтобы не разстраивать коменданта въ его надеждахъ.

Остатокъ этого дня я провелъ у Ив. Гр. Образцова, у котораго, будучи въ Джульфѣ, пользовался гостепріимнымъ хлѣбомъ и солью, вечеромъ же, часовъ въ восемь, направился посмотрѣть съ Вас. Вас. Саковичемъ клубъ въ Джульфѣ.

Клубъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ и небольшой веранды, выходящей на маленькій дворикъ, гдѣ увядаютъ два или три искусственно посаженныя здѣсь единственныя въ Джульфѣ деревца.

Въ клубѣ имѣется нѣсколько газетъ и небольшой шкапикъ съ книгами.

Такъ сказать, съ просвѣтительной стороны клубъ оставляетъ желать много лучшаго, но очень достопримѣчателенъ по происхо-

Станція Джульфа.

дящей въ немъ карточной игрѣ. Мнѣ разсказывали, что очень и очень часто въ этомъ клубѣ проигрываются тысячи.

На утро 5-го сентября ко мнѣ пріѣхалъ изъ персидской Джульфы В. Ф. Жарскій, чтобы, согласно условію, переправиться вмѣстѣ къ нему.

Позавтракавъ затѣмъ съ В. Ф. Жарскимъ у И. Г. Образцова, я отправился переправляться въ персидскую Джульфу. Идя къ таможнѣ, я увидѣлъ сотню казаковъ, отправлявшуюся подъ начальствомъ офицера Усачева въ Тавризъ.

Благодаря содѣйствію В. Ф. Жарскаго, всѣ таможенныя формальности были быстро выполнены, и мы поѣхали на лодкѣ, по канату, черезъ Араксъ, въ персидскую Джульфу.

IV.

Персидская Джульфа.—Персидская почта.—Персидскій губернаторъ Джульфы.—Бельгійская таможня.—Нашъ мостъ черезъ рѣку Араксъ.—Русская новая таможня.

Какое-то странное чувство охватило меня, когда я вступилъ на персидскую территорію: не то тоски, не то какого-то страха, что я уже не въ Россіи, а въ Персіи, гдѣ идутъ междоусобицы. Вспомнилось тутъ также сообщенное изъ Тавриза г. Анастасіинскимъ телефонограммой извѣстіе, которое быстро ранѣе забылось подъ вліяніемъ радушнаго и сердечнаго ко мнѣ отношенія въ русской Джульфѣ, что около Тавриза идетъ перестрѣлка, а въ самомъ городѣ строятся баррикады, въ виду предполагавшагося сраженія на улицахъ, и какъ-то жутко стало у меня на душѣ. Но спасибо милому Василію Фроловичу: придя къ нему и встрѣченный гостепріимно его супругой и двумя маленькими дѣтками-дѣвочками я, снова успокоился.

Вечеромъ мы отправились съ Васпліемъ Фроловичемъ на персидскую почту, чтобы купить открытокъ съ видами Персіи, которыя, оказалось, здѣсь имѣлись. Я хотѣлъ послать своимъ знакомымъ и роднымъ персидскія письма-открытки съ персидской территоріи и съ персидскими марками.

На почтѣ послѣ того, какъ я прочиталъ персидскія надписи на персидскихъ маркахъ и открытыхъ письмахъ, чиновники почты персы принесли прочитать мнѣ нѣсколько персидскихъ книгъ и очень были довольны, когда я въ одной изъ нихъ (поэта Хафиза) прочиталъ одно изъ стихотвореній и кое-какъ перевелъ его на русскій языкъ.

Нельзя не разсказать интересный происшедшій инцидентъ при выходѣ изъ почты.

Въ темнотѣ Василія Фроловича остановилъ вдругъ какой-то персъ, говоря, что желаетъ сообщить что-то «по секрету».

Василій Фроловичъ остановился съ персомъ, я вышелъ на улицу. Когда Василій Фроловичъ черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ пришелъ, я его спрашиваю, кто этотъ персъ и что онъ такое говорилъ по секрету? Оказалось, что это былъ персидскій губернаторъ въ Джульфѣ, поставленный тавризскими энджуменцами. Онъ сообщалъ Василію Фроловичу, что въ Джульфу ѣдетъ губернаторъ отъ шаха Мохаммеда-Али, который, говорятъ ему, обѣщается его повѣсить, и этотъ энджуменскій губернаторъ просилъ Василія Фроловича спасти его отъ шахскаго посланца. Василій Фроловичъ ему сказалъ, что не дастъ его повѣсить, но, какъ потомъ оказалось, по обратномъ моемъ пріѣздѣ въ персидскую Джульфу изъ Тавриза, въ послѣдней уже не было никакого губернатора, такъ какъ энджу-

менскій убѣжалъ, боясь все-таки пріѣзда шахскаго губернатора, а послѣдній не пріѣхалъ.

Довольно интересный фактъ для характеристики настоящаго персидскаго правленія и персидскихъ правителей! Когда мы вернулись домой, то оказалось, что я забылъ на почтѣ свои открытки и хотѣлъ было уже посылать за ними, однако черезъ нѣсколько минутъ персидскіе почтовые чиновники мнѣ ихъ прислали, замѣтивъ, что онѣ остались.

Это была съ ихъ стороны такая деликатность, которой я отъ персовъ никакъ не ожидалъ.

На слѣдующій день, вставъ рано утромъ, мы пошли съ Василіемъ Фроловичемъ осмотрѣть персидскую или, вѣрнѣе, бельгійскую таможню, такъ какъ всѣ таможни въ Персіи оборудованы бельгійцами, а оттуда къ нашему желѣзнодорожному мосту, который соединяетъ русскій и персидскій берега Аракса. Мостъ этотъ былъ построенъ для предполагавшейся желѣзной дороги на Тавризъ, но русско-японская война задержала постройку этой дороги. Мостъ очень красивъ, что доказываетъ помѣщаемый здѣсь его снимокъ.

Съ той и другой стороны моста стоятъ наши солдатики-часовые. При мнѣ около моста строился съ русской стороны небольшой домикъ-будочка, такъ какъ рѣшено было перевести всю переправу пассажировъ и груза черезъ мостъ, взимая за это небольшую плату. Переправа черезъ Араксъ даетъ большіе барыши персу, которому она принадлежитъ, плата же за переправу черезъ мостъ пойдетъ намъ. Да и, дѣйствительно, мостъ все время ранѣе стоялъ лишь какъ картинка.

Отъ домика Василія Фроловича до моста считается двѣ версты. Когда мы къ нему подошли, мнѣ очень захотѣлось выкупаться въ Араксѣ. Спрашиваю сначала часовыхъ, купаются ли они? «Нѣтъ, баринъ,—отвѣчаютъ:—командиръ запрещаетъ, говоритъ, что вредно». Я подумалъ, что навѣрное командиръ боится, чтобы кто изъ солдатъ не утонулъ, такъ какъ теченіе въ Араксѣ очень быстрое, и рѣшилъ выкупаться. Впослѣдствіи оказалось, что всѣ купающіеся въ Араксѣ заболѣваютъ маляріей, но я, слава Богу, отъ этого спасся. Выкупавшись съ большимъ удовольствіемъ въ прохладныхъ водахъ Аракса, я съ Василіемъ Фроловичемъ отправились домой позавтракать передъ отъѣздомъ.

Кстати, теперь, когда уже, по имѣющимся свѣдѣніямъ, организована переправа черезъ мостъ, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу выстроенной нами новой нашей таможни въ Джульфѣ.

Таможня эта, по чьему-то проекту, выстроена въ двухъ верстахъ отъ моста, около станціи желѣзной дороги, такимъ образомъ, досмотръ товаровъ необходимо, при такихъ условіяхъ, производить въ двухъ мѣстахъ: въ таможнѣ и у моста, или прямо скидывать ихъ въ полѣ, у моста, что совершенно невозможно. Такимъ образомъ,

постройка нами новой таможни представляется поистинѣ какой-то нелѣпостью, между тѣмъ какъ персидская таможня выстроена вблизи отъ моста.

Мнѣ разсказывали, что пріѣзжавшій передо мною въ Джульфу директоръ таможеннаго департамента дѣйствительный статскій совѣтникъ С. Д. Ганъ сильно негодовалъ на эту нелѣпую постройку.

Остается одно рѣшеніе: постараться кому-нибудь продать эту новую таможню, дорогѣ или банкамъ подъ склады, и строить вторую, новую таможню у моста.

Къ концу завтраку, въ одиннадцать часовъ, пассажирскій автомобиль, на которомъ я долженъ былъ ѣхать въ Тавризъ, сталъ гудѣть, приглашая садиться, и минуть черезъ десять я уже ѣхалъ на автомобилѣ по Тавризской дорогѣ.

V.

Тавризская шоссейная дорога.

Въ автомобилѣ пассажировъ было всего человѣкъ двѣнадцать. Мнѣ было отведено мѣсто въ переднемъ отдѣленіи автомобиля, чтобы имѣть возможность видѣть дорогу.

Кромѣ того, мнѣ было любезно предложено, въ случаѣ желанія снять что-нибудь по дорогѣ, остановить автомобиль.

Однако послѣднимъ разрѣшеніемъ не оказалось необходимости пользоваться, такъ какъ на остановкахъ, на станціяхъ, я сдѣлалъ снимки заинтересовавшихъ меня видовъ.

Тавризская дорога представляетъ собою прекрасное шоссе, по которому, казалось бы, хоть сейчасъ можно класть рельсы и вести желѣзную дорогу.

Всего разстояніе отъ Джульфы до Тавриза опредѣляется въ 135 верстъ.

Первую половину этого разстоянія дорога идетъ все въ гору.

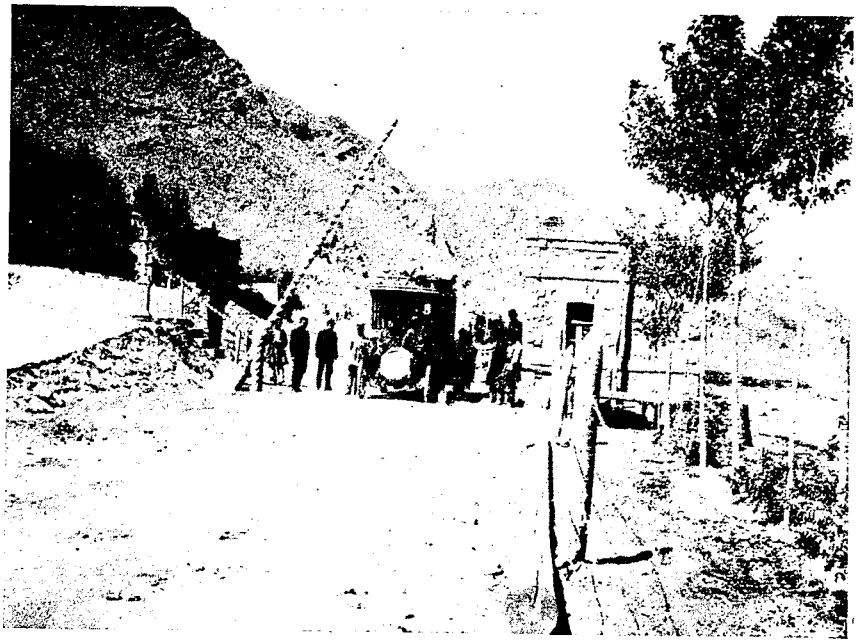
Одной изъ первыхъ станцій является Дерадизское ущелье. Дорога здѣсь сжата грозными, возвышающимися съ двухъ сторонъ каменными громадами.

Безусловно, это самое опаснѣйшее мѣсто на случай какого-нибудь у насъ военнаго столкновенія, напримѣръ, съ турками.

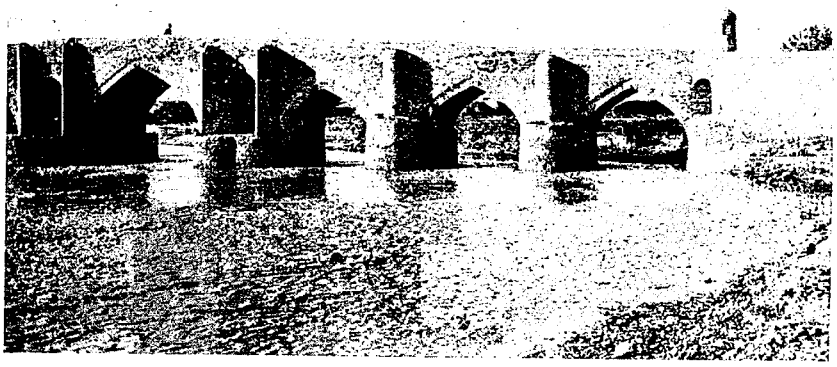
Скинутыя сверху этихъ скалъ нѣсколько каменныхъ глыбъ сразу отрѣжутъ наше сообщеніе между Джульфой и Тавризомъ.

Поэтому, повидимому, здѣсь и находится нашъ самый большой казачій постъ изъ всѣхъ охраняющихъ дорогу и здѣсь живетъ начальникъ охраны тавризской дороги есаулъ Удовенко.

Это замѣчательно симпатичный казакъ-офицеръ, и о своей встрѣчѣ съ нимъ на обратномъ пути разскажу при описаніи своего возвращенія изъ Тавриза.

Пассажирскій автомобиль у заставы Ямъ.

Аджичайскій мостъ при въѣздѣ въ Тавризъ.

Отъ Дерадиза, проѣхавши нѣсколько верстъ по ровной дорогѣ, автомобиль начинаетъ подниматься на такъ называемый Ямскій перевалъ, который не столь замѣтенъ при подъемѣ, сколько при спускѣ съ него, и потому также разскажу о немъ въ концѣ.

Всѣ станціи по дорогѣ очень опрятны; въ Марандѣ, напримѣръ, имѣется очень хорошій и дешевый буфетъ. Около нѣкоторыхъ станцій разбиты цвѣтники. Вообще по дорогѣ къ Тавризу исчезаетъ тяжелое впечатлѣніе отъ лишенной растительности Джульфы, такъ какъ по дорогѣ часто попадается зелень, а вдали то тамъ, то тутъ виднѣются цѣлые сады. Этотъ путь произвелъ на меня самое прекрасное впечатлѣніе.

Отъ слѣдующей за Ямомъ станціи, Софьянъ, дорога къ Тавризу идетъ, какъ стрѣла, ровная и гладкая. Устроенные по дорогѣ мостики всѣ типа желѣзнодорожныхъ. На нѣкоторыхъ кое-гдѣ поломаны желѣзныя перила, что сдѣлано, какъ мнѣ потомъ объяснили, персами, взявшими желѣзныя части для различныхъ домашнихъ надобностей.

Отъ Софьяна автомобиль нашъ быстро покатилъ по ровной дорогѣ, и къ вечеру, въ седьмомъ часу, мы уже подъѣзжали къ Аджичайской заставѣ у Тавриза.

VI.

Тавризъ.

Аджичайская застава.—Мостъ черезъ рѣку Аджичай.—Улицы Тавриза.—Пріѣздъ къ управляющему тавризскимъ отдѣленіемъ учетно-ссуднаго банка Персіи.—Домъ-дворецъ управляющаго.—Краткая исторія города Тавриза.

Аджичайская застава около Тавриза носитъ свое названіе отъ рѣки того же имени, здѣсь протекающей. Черезъ рѣку построенъ массивный каменный мостъ, который, однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько попорченъ. Постройка этого моста относится ко времени царствованія шаха Аббаса Великаго (1581—1628 г.г.), о чемъ свидѣтельствуетъ высѣченная на мраморной доскѣ на колоннѣ моста персидская надпись.

За этимъ мостомъ и находится Аджичайская застава. Сюда приходятъ автомобили изъ Джульфы и отсюда же отправляются обратно.

У Аджичайской заставы находится нашъ казачій постъ для ея охраны. Въ началѣ персидской смуты около этой заставы произошла ужасная рѣзня между сторонниками эксъ-шаха Мохаммеда-Али и революціонерами.

Памятью о ней являются открытки съ изображеніемъ изуродованныхъ труповъ, лежащихъ у заставы, продаваемыя въ Тавризѣ.

Оказывается, въ происходившую здѣсь рѣзню попалъ пріѣхавшій сюда по обязанностямъ службы нашъ управляющій Тавризской

дорогой инженеръ Трескинскій, который прямо какимъ-то чудомъ спасся изъ происходившаго здѣсь ада.

Когда мы подъѣхали къ Аджичайскому мосту, то нашъ автомобиль не пропускали проѣхать съ нами въ виду поврежденія моста. Тогда мы перешли мостъ пѣшкомъ, а автомобиль переѣхалъ его осторожно безъ пассажировъ.

У заставы меня ждалъ высланный управляющимъ тавризскаго отдѣленія учетно-ссуднаго банка Персіи фаэтонъ съ выѣхавшимъ меня встрѣтить однимъ изъ служащихъ банка. Познакомившись и уложивъ вещи на фаэтонъ, мы, съ казакомъ на козлахъ, который берется для охраны, поѣхали къ дому г. Анастасіинскаго. Ѣхать намъ приходилось совсѣмъ на другой конецъ города. Къ этому времени уже совсѣмъ стемнѣло, и улицы были совершенно пусты.

На улицахъ въ Тавризѣ нѣтъ никакого освѣщенія. Кое-гдѣ, около калиточки, ведущей въ персидскій домъ, иногда свѣтится фонарь.

Дѣло въ томъ, что улицы мусульманскихъ городовъ совершенно противоположны европейскимъ. Съ обѣихъ сторонъ улицъ вы видите однѣ лишь голыя стѣны домовъ и садовъ, такъ какъ всѣ жилища персовъ, въ силу ихъ мусульманской замкнутости жизни, выходятъ лицевыми фасадами внутрь дворовъ. На улицу выходятъ лишь небольшія деревянныя калиточки, черезъ которыя персы пролѣзаютъ въ свои дома. Я говорю «пролѣзаютъ» именно потому, что когда смотришь, какъ они туда входятъ, спускаясь куда-то, въ какіе-то будто коридорчики, по ступенькамъ, то, дѣйствительно, получается впечатлѣніе, что они куда-то «пролѣзаютъ».

Тавризскія улицы не имѣютъ названій и потому при величинѣ города, который, какъ мнѣ сообщали, имѣетъ около четырнадцати верстъ въ длину и около восьми въ ширину, надо очень хорошо быть знакомымъ съ Тавризомъ, чтобы въ немъ не заблудиться. Я лично, хотя въ теченіе десяти дней подъ рядъ ходилъ по базару и улицамъ Тавриза, однако ни одной изъ нихъ не въ состояніи былъ запомнить и не рисковалъ куда-нибудь итти безъ провожатаго. Да и многіе, живущіе довольно долго въ Тавризѣ, также берутъ провожатаго-слугу, когда отправляются въ Тавризѣ пѣшкомъ.

Черезъ сорокъ минутъ ѣзды отъ Аджичайской заставы мы подъѣзжали къ воротамъ дома-дворца управляющаго нашимъ тавризскимъ отдѣленіемъ банка.

Поздоровавшись съ любезнымъ хозяиномъ, я прошелъ въ отведенную мнѣ комнату, чтобы переодѣться и вымыться. Мнѣ какъ-то неловко стало за мой дорожный костюмъ при видѣ роскошной обстановки этого дома. Пріѣздъ мой въ Тавризъ, повидимому, нѣсколько смущалъ г. Анастасіинскаго, который, еще когда я переодѣвался и мылся, нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ и все спрашивалъ, не пріѣхалъ ли я съ какимъ-нибудь спеціальнымъ порученіемъ,

Я передалъ тогда свои рекомендаціи и, выйдя къ обѣду, объяснилъ цѣль своей поѣздки въ Персію. Обѣдали мы втроемъ, я, А. И. и контролеръ банка г. Ф—тъ. Послѣдній оказался лазаревцемъ, т. е. окончившимъ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ въ Москвѣ.

Бесѣда наша съ А. И. затянулась послѣ обѣда до двухъ часовъ ночи. Онъ разсказывалъ мнѣ про жизнь въ Персіи, я новости изъ Петербурга и впечатлѣнія своей поѣздки. Затѣмъ мы составили планъ, куда я долженъ поѣхать въ Тавризѣ на слѣдующій день, и разошлись по своимъ комнатамъ.

На утро 7-го сентября, взявъ любезно предложенную мнѣ гостепріимнымъ хозяиномъ ванну, затѣмъ выпивъ въ прекрасно обставленной столовой кофе, я, въ ожиданіи экипажа, пошелъ прогуляться въ садъ, окружающій домъ. Садъ этого дома-дворца вполнѣ гармонируетъ съ послѣднимъ. Длинная аллея, идущая отъ воротъ до конца сада, съ обѣихъ сторонъ усажена разнообразнѣйшими цвѣтами и аккуратно подстриженными деревцами. Задній фасадъ дома также очень изященъ по своему виду.

Пока я любовался всѣмъ этимъ и сдѣлалъ снимки, подали экипажъ, и я поѣхалъ сначала въ банкъ, чтобы посмотрѣть его и познакомиться съ служащими въ немъ. Погода была прекрасная; чистое, бирюзовое небо и южное горячее солнце.

Вообще за все свое почти двухмѣсячное путешествіе я наслаждался все время теплой погодой, съ южнымъ горячимъ солнцемъ.

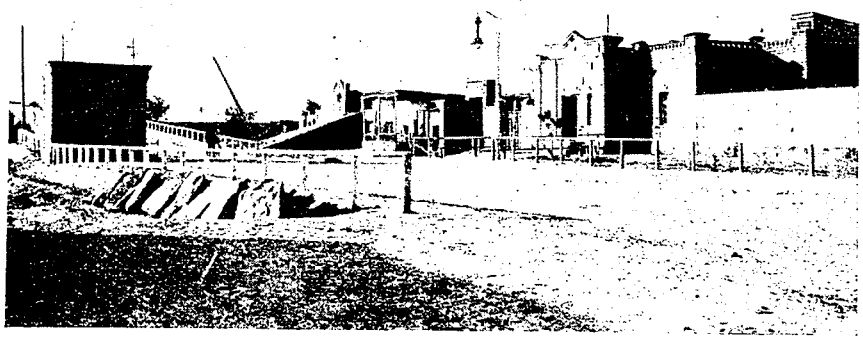
Проѣзжая въ экипажѣ въ банкъ по улицамъ Тавриза, я какъ-то былъ очень доволенъ тѣмъ, что выполнилъ давнишнее свое желаніе ознакомиться лично съ тѣмъ, что изучалъ и въ университетѣ и по окончаніи его, что пріѣхалъ въ Тавризъ именно въ то время, когда онъ считался осажденнымъ, что вижу тотъ городъ, который въ исторіи Персіи, по своему торговому значенію и политическому вліянію, считается равнымъ столицѣ Персіи—Тегерану.

Уклонясь на время въ сторону, скажу нѣсколько словъ объ историческомъ прошломъ этого города.

Городъ Тавризъ, нынѣшняя столица Адербейджана,—такъ называется персидская провинція, въ которой онъ расположенъ,—считается основаннымъ уже въ мусульманское время, именно въ концѣ VIII вѣка, Зубейдой, женой Харуна-ар-Рашида. Въ первое время послѣ своего основанія Тавризъ оставался деревней; укрѣпленнымъ городомъ онъ сдѣлался только при халифѣ Мутеваккилѣ (847—861 гг.). Въ X вѣкѣ онъ еще былъ незначительнымъ городомъ; въ эпоху монгольскаго завоеванія онъ уже упоминается какъ столица мѣстной династіи атабеговъ. Извѣстный арабскій историкъ и путешественникъ Якутъ, бывшій здѣсь въ 1213 году, говоритъ о Тавризѣ, какъ о крупномъ промышленномъ центрѣ; выдѣлывавшіяся здѣсь ткани вывозились во всѣ страны.

Еще болѣе возвысился городъ въ XIII вѣкѣ, въ эпоху господства монголовъ, когда онъ сдѣлался столицей Персіи. Послѣдній фактъ былъ вызванъ необходимостью сосредоточить здѣсь военныя силы страны для отраженія нашествій, постоянно угрожавшихъ съ сѣвера, отчасти природными условіями области, всегда привлекавшими кочевниковъ. Кочевники находили здѣсь какъ горныя пастбища для своихъ стадъ, такъ и защищенныя отъ вѣтровъ зимовки.

При ильханѣ Газанѣ Тавризъ былъ расширенъ до предѣловъ, соотвѣтствующихъ столицѣ обширнаго государства. Прежде стѣны города имѣли только 6,000 шаговъ въ окружности; Газанъ велѣлъ

Аджичайская станція.

окружить городъ вмѣстѣ съ окрестными селеніями новой стѣною, окружность которой равнялась, по указаніямъ однихъ историковъ, 25,000 шаговъ, по опредѣленіямъ другихъ, немного менѣе 30 верстъ; вслѣдствіе его смерти эта постройка не была закончена.

Извѣстный историкъ Клавихо, проѣзжавшій Тавризъ въ 1404 г., говоритъ о немъ, какъ объ огромномъ и богатомъ городѣ съ 200,000 населенія; ежедневно здѣсь провозилось огромное количество товаровъ.

Къ XV столѣтію, именно ко времени Джеханшаха, хана туркменовъ Кара-Коюнлу (1437—1467), относится лучшее изъ тѣхъ зданій Тавриза, остатки которыхъ сохранились до настоящаго времени, именно такъ называемая «синяя мечеть», по-персидски «месджиди кебудъ», получившая это названіе отъ цвѣта нѣкогда украшавшей ее великолѣпной глазури.

Французскій историкъ Шарденъ въ XVII вѣкѣ утверждалъ, что въ Тавризѣ было до 550,000 жителей и что площадь его была самой обширной, какую ему приходилось видѣть въ какомъ-либо городѣ, и далеко превосходила исфаганскую.

Въ началѣ XIX вѣка въ Тавризѣ считалось 50,000, а по нѣкоторымъ опредѣленіямъ всего 30,000 человѣкъ, но съ тѣхъ поръ онъ снова сдѣлался самымъ оживленнымъ торговымъ пунктомъ и, по нѣкоторымъ опредѣленіямъ, также самымъ многолюднымъ городомъ Персіи; въ немъ считается до 240,000 жителей, т. е. нѣсколько больше, чѣмъ въ Тегеранѣ. Въ Тавризѣ соединяются дороги изъ Россіи черезъ Закавказье и изъ Западной Европы и Турціи черезъ Трапезунтъ; послѣдняя дорога была возстановлена въ XIX вѣкѣ Аббасъ-Мирзой, но упоминается уже у географовъ X-го [1]); большая часть греческихъ товаровъ, привозившихся въ мусульманскія страны, шла черезъ Трапезунтъ.

Въ XIX вѣкѣ городъ былъ обыкновенно резиденціей наслѣдника престола. Дворецъ послѣдняго въ настоящее время, какъ я его видѣлъ, имѣетъ печальный, разрушенный видъ. Выбитыя стекла, поломанныя двери и т. п. картины.

VII.

Учетно-ссудный банкъ Персіи въ Тавризѣ.—Выставка образцовъ русскихъ товаровъ при банкѣ.—Визитъ консулу.

Черезъ этотъ историческій городъ я теперь проѣзжалъ, вспоминая нѣкоторые отрывки изъ изложенной здѣсь его исторіи.

Зданіе нашего отдѣленія учетно-ссуднаго банка Персіи находится минутахъ въ двадцати ѣзды отъ дома управляющаго.

Оно расположено около самаго базара.

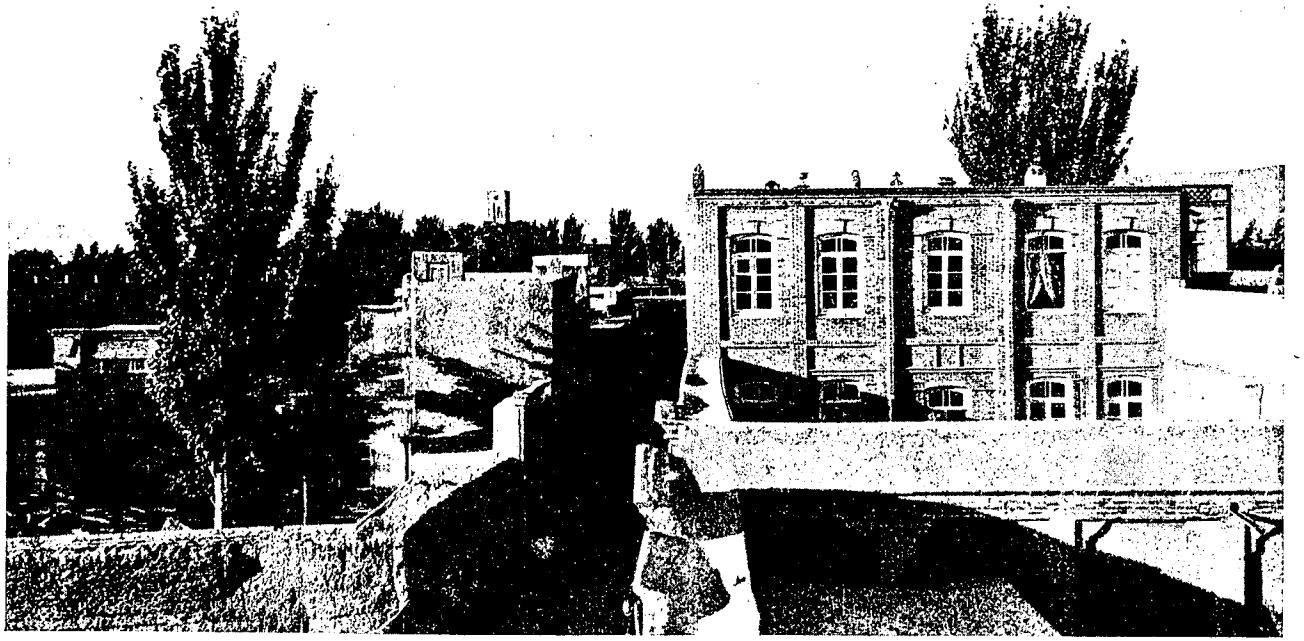
Въ первой комнатѣ, у входа, находится выставка образцовъ русскихъ товаровъ.

Хотя эта выставка и очень мала и можетъ считаться несовершенной, однако она является первымъ осуществленіемъ давно проводимой и въ спеціальныхъ трудахъ и печати идеи выставокъ образцовъ русскихъ товаровъ при нашихъ консульствахъ въ восточныхъ государствахъ.

Какъ извѣстно, такія государства, какъ Персія, Монголія, Китай, почти совершенно не имѣютъ своей фабрично-заводской промышленности и представляютъ богатые рынки для экспорта туда товаровъ, а этому выставки могутъ оказать большое содѣйствіе.

Послѣднее уже нѣсколько доказала выставка въ Тавризѣ, такъ какъ выставленные на ней нѣкоторые товары заинтересовали пер-

[1]) Историческія данныя о Тавризѣ взяты мною изъ книги профессора В. В. Бартольда «Историко-географическій обзоръ Ирана». Спб. 1903 г., стр. 145—148.

Армянскій кварталъ въ Тавризѣ.

сидскихъ купцовъ, и послѣдніе, при содѣйствіи банка, завязали съ фабрикантами непосредственныя сношенія. Банкъ беретъ ничтожный процентъ за свое посредничество, а благодаря послѣднему и покупатель спокоенъ и продавецъ, такъ какъ банкъ въ извѣстной мѣрѣ гарантируетъ сдѣлку. Для собственной гарантіи банкъ долженъ быть лишь въ курсѣ, насколько тотъ или другой покупатель дѣйствительно солидный и честный коммерсантъ. Когда во главѣ банка стоятъ лица и служащіе, интересующіеся коммерческимъ дѣломъ, знакомые съ таврическимъ базаромъ и персидскими купцами, то успѣхъ дѣятельности банка вполнѣ обезпеченъ.

Меня эта выставка особенно интересовала при поѣздкѣ въ Тавризъ, потому что я самъ, приглашенный министерствомъ торговли и промышленности для составленія одной большой и отвѣтственной работы, былъ сторонникомъ идеи этихъ выставокъ и проводилъ тѣ же взгляды въ печати.

На выставкѣ находились при мнѣ слѣдующіе русскіе товары: стулья, лампы, различныя принадлежности для пчеловодства, галоши фирмы Проводникъ», линолеумъ, обои, фаянсовая и эмальированная посуда, подносы, спички, мануфактура и мишура. Ожидалось еще прибытіе сельскохозяйственныхъ машинъ съ завода Эрлангера и велосипедовъ фирмы «Дуксъ».

Крупныя сдѣлки, благодаря выставкѣ, уже были заключены на спички, галоши и мишуру.

Каждый день во время своего пребыванія въ Тавризѣ я бывалъ въ нашемъ банкѣ и постоянно знакомился съ этой выставкой, стараясь сопоставлять имѣющіеся на ней товары съ товарами на базарѣ.

Отъ души желательно этому доброму почину развиться въ Тавризѣ и привиться въ другихъ городахъ Персіи и вообще странахъ Востока.

Многое въ данномъ случаѣ мнѣ еще хотѣлось бы здѣсь сказать о своихъ впечатлѣніяхъ въ пути о нашихъ коммерсантахъ, ихъ незнакомствѣ не только съ общимъ положеніемъ русской торговли, но даже по торговлѣ тѣми предметами или продуктами, которыми они сами торгуютъ.

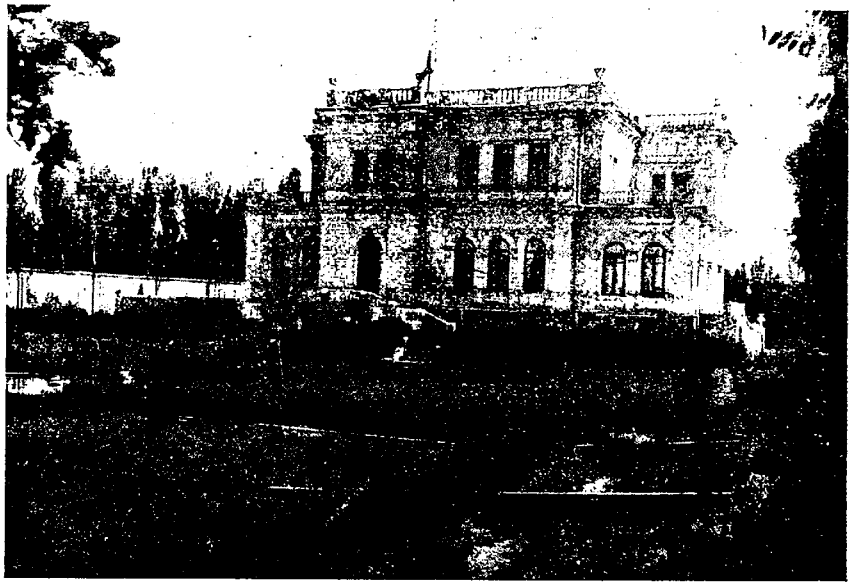
Однако боюсь уклониться надолго въ сторону и потому отложу это до слѣдующаго благопріятнаго момента; теперь же перейду къ прерванному разсказу.

Внутреннее помѣщеніе банка не оставляетъ желать ничего лучшаго. Напримѣръ, кабинету управляющаго могъ бы позавидовать не только любой изъ директоровъ департаментовъ нашихъ министерствъ, но даже наши товарищи министровъ. Всѣ остальныя помѣщенія, какъ-то: операціонный залъ, касса, кладовая, канцелярія, столовая, такъ же обширны и хороши.

Вообще тавризское и джульфинское отдѣленія банка очень хорошо обставлены. Поэтому невольно вспоминается отдѣленіе того

Тавризъ съ южной стороны.

Домъ управляющаго Тавризскимъ отдѣленіемъ банка.

же банка въ Баку, гдѣ всѣ зданія банковъ являются одними изъ самыхъ красивыхъ въ городѣ, между тѣмъ отдѣленіе персидскаго банка имѣетъ весьма неимпозантный видъ.

Изъ банка мы поѣхали съ управляющимъ съ визитомъ къ нашему генеральному консулу въ Тавризѣ, официально называющемуся генеральнымъ консуломъ въ Адербейджанѣ, А. Я. Миллеру. Я еще ранѣе много слышалъ объ Александрѣ Яковлевичѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ знатоковъ Персіи и дѣятельнѣйшемъ нашемъ консулѣ. А. Я. принялъ насъ сейчасъ же, и я, поздоровавшись, вручилъ ему данный мнѣ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ пакетъ и рекомендательное письмо одного изъ видныхъ чиновъ этого министерства. Разговоръ нашъ преимущественно сосредоточился на томъ, что я предполагаю дѣлать въ Тавризѣ и съ чѣмъ здѣсь знакомиться. На выраженное мною желаніе проѣхать послѣ Тавриза въ Урмію А. Я. сказалъ, что это въ настоящее время почти невозможно. Побесѣдовавъ нѣсколько времени еще, мы распрощались съ консуломъ и отправились обратно въ банкъ. На прощанье А. Я. любезно предложилъ, въ случаѣ какой-нибудь мнѣ необходимости въ Тавризѣ, обратиться къ нему.

Пробывъ, по возвращеніи, еще нѣкоторое время въ банкѣ, я, часовъ около пяти, отправился со всѣми служащими на длинной линейкѣ обратно.

Дѣло въ томъ, что у управляющаго банкомъ, къ моему пріѣзду, остался всего одинъ кучеръ, такъ какъ другого онъ уволилъ за пьянство. Вслѣдствіе этого А. И. и я вмѣстѣ со всѣми усѣлись на подаваемую всегда для остальныхъ служащихъ линейку, которая походитъ на тѣ, на которыхъ у насъ въ Петербургѣ возятъ невскихъ и придворныхъ пѣвчихъ, и эта линейка повезла насъ къ дому управляющаго.

Обычно же управляющій банкомъ съ контролеромъ ѣздятъ туда и обратно въ коляскѣ.

Въ тотъ же день, къ вечеру, я зашелъ съ визитами къ нѣкоторымъ служащимъ банка, живущимъ напротивъ дома управляющаго въ выстроенныхъ также банкомъ спеціальныхъ двухъ домахъ.

Такъ я провелъ первый день въ Тавризѣ.

VIII.

Базаръ въ Тавризѣ.—Русскій клубъ.

Въ четвергъ 8-го сентября я поѣхалъ опять въ банкъ, осматривалъ базаръ, сдѣлалъ визитъ управляющему Тавризской дорогой, уже упоминавшемуся мною инженеру А. І. Трескинскому, а вечеромъ поѣхалъ съ А. И. и контролеромъ банка въ русскій клубъ въ Тавризѣ.

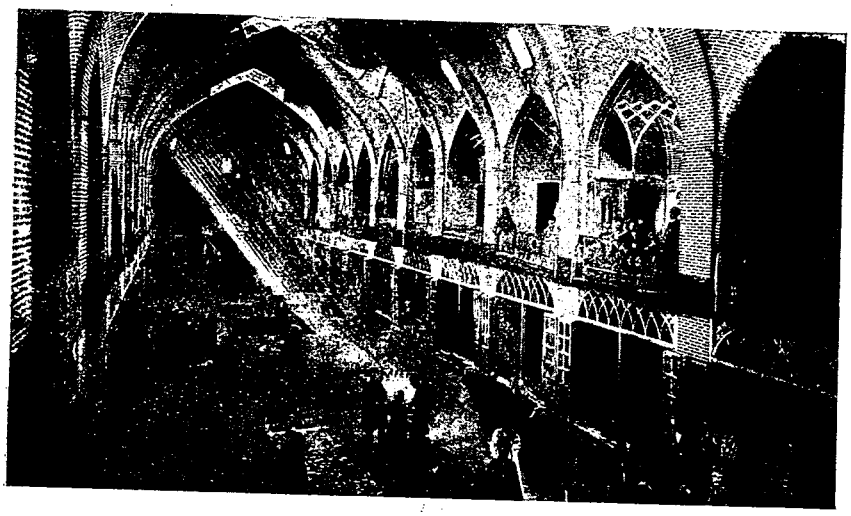
На базаръ мнѣ дали провожатымъ изъ банка служащаго при выставкѣ, бывшаго самъ долгое время купцомъ въ Тавризѣ и торговавшаго тамъ русскими товарами Авакъ-хана Авакянца. Лучшаго провожатаго мнѣ въ данномъ случаѣ трудно было и желать.

— Ну, что жъ, поѣдемъ,—сказалъ онъ мнѣ:—смотрѣть базаръ, я все тебѣ покажу, что хочешь...

Я отвѣтилъ: «пойдемъ», и мы отправились.

Тавризскій базаръ занимаетъ собою очень большое пространство и производитъ впечатлѣніе имѣющейся на немъ массой товаровъ.

Я, какъ упоминалъ вначалѣ, ѣхалъ отъ Рыбинска до Астрахани по Волгѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ это время (я тамъ былъ 17-го августа) ярмарка была въ самомъ разгарѣ.

Базаръ въ Тавризѣ.

Сравнивая теперь Нижегородскую ярмарку и тавризскій базаръ, мнѣ думается, что послѣдній немногимъ уступитъ первой.

Тавризскій базаръ представляетъ собою каменные сводчатые коридоры, по бокамъ которыхъ расположены персидскія лавки съ товарами персидскаго производства и европейскими. Нѣкоторые персидскіе товары тутъ же въ лавкахъ и выдѣлываются, напримѣръ: туфли, сапоги, шапки, мѣдныя издѣлія, причемъ персы научились дѣлать даже маленькіе мѣдные самовары. Каждый товаръ имѣетъ на базарѣ для себя особый рядъ. Такъ, одинъ рядъ сапожный, другой—шапокъ, третій—столярныхъ работъ, четвертый—слесарныхъ издѣлій, пятый—мануфактурные товары, шестой—ковры и т. д.

На базарѣ очень большое движеніе; одни идутъ, другіе ѣдутъ, и только и слышишь «хабаръ-даръ, хабаръ-даръ!» что въ переводѣ значитъ «берегись».

Это оживленіе, массы товаровъ на базарѣ произвели на меня сильное впечатлѣніе.

Нельзя было подумать, что находишься въ осажденномъ городѣ.

Да и мнѣ объ этомъ напоминали только часто проѣзжающіе черезъ базаръ энджуменскіе всадники, которыхъ наши русскіе въ Тавризѣ прозвали «товарищами», такъ какъ многіе изъ нихъ представляютъ собою не что иное, какъ кавказскихъ выходцевъ, явившихся туда въ погонѣ лишь за легкой наживой. Эти «товарищи» довольно гордо посматриваютъ, пока дѣло не дойдетъ до настоящей военной стычки, которыхъ, кстати сказать, и съ той и другой стороны старались избѣгать, а все больше стрѣляли съ такого разстоянія, чтобы пуля не долетѣла, а какъ этихъ «товарищей» побьютъ, какъ, напримѣръ, при мнѣ ихъ порядкомъ побилъ Шуджа-уд-Доулэ, осаждавшій Тавризъ, то наши «товарищи» быстро спесь свою теряютъ и ходятъ, какъ говорится, съ опущенными носами.

Красивы очень на базарѣ ряды, гдѣ продаютъ мануфактурные товары, а также гдѣ помѣщаются склады ковровъ.

— Вотъ видишь,—говорилъ сопровождавшій меня Авакъ-ханъ, когда мы были въ мануфактурномъ отдѣлѣ:—раньше всѣ эти товары шли изъ Россіи, были русскіе, а теперь большею частью заграничные, доставляемые сюда въ маловѣсныхъ посылкахъ.

То же подтверждали мнѣ персидскіе купцы.

Въ одномъ мѣстѣ базара Авакъ-ханъ повелъ меня показать, гдѣ онъ ранѣе торговалъ.

— Здѣсь,—говорилъ онъ мнѣ, указывая на двухъэтажную лавку въ проходѣ, ведущемъ во дворъ караванъ-сарая,—было у меня товара на 75 тысячъ рублей, и вотъ все Рахимъ-ханъ разграбилъ, и я теперь нищій.

Рахимъ-ханъ же во время моего пребыванія въ Тавризѣ сидѣлъ въ цѣпяхъ въ персидской тюрьмѣ, находящейся за нашимъ банкомъ, схваченный обманнымъ образомъ энджуменцами.

По сообщеннымъ мнѣ кѣмъ-то въ настоящее время свѣдѣніямъ, энджуменцы его уже повѣсили.

На базарѣ, какъ я уже отмѣтилъ, имѣются караванъ-сараи. Подъ этимъ названіемъ нельзя разумѣть, въ данномъ случаѣ, какъ обыкновенно его понимаютъ, «постоялый дворъ». Караванъ-сараи на тавризскомъ базарѣ представляютъ собою большіе склады товаровъ.

Такихъ караванъ-сараевъ, какъ мнѣ говорилъ Авакъ-ханъ, имѣется четырнадцать.

Нѣкоторые изъ нихъ очень красивы; верхи ихъ складовъ украшены разноцвѣтной мозикой. Во всѣхъ же караванъ-сараяхъ имѣются бассейны съ водою и растутъ густыя деревья.

Затѣмъ на базарѣ имѣется большой рынокъ свѣжихъ и сушеныхъ фруктовъ. Послѣдніе составляютъ одну изъ главныхъ статей персидскаго экспорта въ Россію.

Тавризскій базаръ вовсе не представляетъ собою картины восточной грязи, о которой часто пишутъ и говорятъ. Если бы тщательно отремонтировать его коридоры и караванъ-сараи, то этотъ базаръ былъ бы удивительно красивъ.

Такъ, напримѣръ, въ мануфактурномъ ряду весь потолокъ сдѣланъ изъ мозаики красныхъ камешковъ для того, чтобы помѣщеніе соотвѣтствовало продаваемымъ въ этомъ ряду товарамъ. Лавки и коридоры базара довольно чисты. Когда же былъ байрамъ (празднество), послѣ поста Рамазана, то я увидѣлъ базаръ очень подчищеннымъ. Въ персидскихъ кахвэ-ханэ, убранныхъ коврами (кофейная лавка), продавался кофе и чай.

Одинъ изъ караванъ-сараевъ.

Въ этотъ день были открыты лишь лавки съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ весь постъ Рамазанъ запрещается ѣсть днемъ, а теперь мусульмане разговлялись.

Тутъ же, на базарѣ, находится англійскій банкъ. Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе чрезвычайно незначительное число служащихъ. Между тѣмъ, какъ мнѣ говорили въ Тавризѣ, этотъ банкъ имѣетъ обороты не меньшіе, а, можетъ быть, и большіе, чѣмъ нашъ.

Въ первый день ходьбы по базару я очень усталъ отъ массы полученныхъ свѣдѣній и впечатлѣній, а также отъ всей этой сутолоки, царящей на базарѣ. Поэтому, походивъ часовъ четыре-пять по базару, я съ удовольствіемъ поѣхалъ, по окончаніи занятій въ банкѣ, домой.

Часовъ въ десять вечера я, А. И. и контролеръ банка поѣхали въ русскій клубъ. Это одно изъ наиболѣе интересныхъ и полезныхъ

нашихъ учрежденій въ Тавризѣ, обязанное своимъ возникновеніемъ управляющему Тавризской дорогой инженеру А. І. Трескинскому. Вообще А. І. является однимъ изъ энергичнѣйшихъ здѣсь русскихъ дѣятелей, несмотря на польскую, казалось бы, фамилію. Онъ окончилъ университетъ и институтъ инженеровъ путей сообщенія и уже довольно долго служитъ въ Тавризѣ.

Образованный имъ русскій клубъ помѣщается въ небольшомъ домикѣ съ садомъ. Помѣщенія клуба составляютъ: читальня, гдѣ имѣется очень много русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ, и небольшая, но хорошо подобранная библіотека, комната для игры въ шахматы, бильярдная и затѣмъ столовая.

Когда мы пріѣхали въ клубъ, въ саду уже гремѣла военная музыка, игралъ оркестръ нашего отряда, стоящаго въ Тавризѣ, и садъ былъ иллюминованъ. Недалеко отъ оркестра раздѣлана площадка, на которой постилается коверъ и устраиваются танцы. На меня видъ нашего клуба произвелъ очень отрадное впечатлѣніе.

Въ клубѣ я встрѣтился съ А. І. Трескинскимъ, который былъ столь любезенъ, что ознакомилъ меня съ его устройствомъ, а также указалъ бывшихъ тамъ иностранныхъ дѣятелей въ Тавризѣ.

Тутъ была семья англичанъ Стивенсъ, извѣстная тѣмъ, что старикъ Стивенсъ когда-то выступилъ нашимъ конкурентомъ на полученіе концессіи на организацію пароходства по Урмійскому озеру.

Однако, какъ потомъ оказалось, онъ хотѣлъ лишь получить отъ насъ нѣкоторое вознагражденіе за участіе во всей этой исторіи. Тѣмъ не менѣе имя Стивенсъ, при возникновеніи вопроса объ этой концессіи, обошло всѣ русскія и иностранныя газеты.

Въ настоящее время у Стивенсовъ имѣется торговая контора, занимающаяся выпиской, главнымъ образомъ, англійскихъ товаровъ для продажи въ Тавризѣ.

Наиболѣе же интереснымъ лицомъ въ клубѣ являлся для меня нѣмецъ Шюнеманъ, фамилія котораго также тѣсно связана съ вопросомъ о концессіи на Урмійское озеро. Кромѣ того, Шюнеманъ особенно извѣстенъ тѣмъ, что является основателемъ въ Тавризѣ первой фабрики въ Персіи. Самъ онъ бывшій столяръ-подмастерье, какимъ онъ и пріѣхалъ въ Персію, гдѣ первоначально столярничалъ въ городѣ Урміи, но, будучи большимъ дѣльцомъ, быстро сумѣлъ достигнуть настоящаго своего положенія. Германское правительство сразу оцѣнило способности и дѣятельность своего подданнаго и сдѣлало его своимъ консульскимъ агентомъ въ Тавризѣ. Имя Шюнемана довольно часто уже упоминалось въ печати въ связи съ его дѣятельностью въ Персіи. Я еще въ Петербургѣ былъ знакомъ съ его дѣятельностью и потому очень заинтересовался познакомиться съ нимъ лично и осмотрѣть устроенную имъ въ Тавризѣ фабрику.

Переговорить съ Шюнеманомъ относительно осмотра его фабрики любезно согласился контролеръ нашего банка, и Шюнеманъ

сейчасъ же удовлетворилъ мое желаніе, предложивъ пріѣхать на слѣдующій день.

Затѣмъ А. І. Трескинскій указалъ мнѣ еще нѣкоторыхъ лицъ изъ бывшихъ въ русскомъ клубѣ. Познакомили меня съ персомъ Мамедовымъ, считающимся тавризскимъ милліонщикомъ. Онъ занимается выдѣлкой ковровъ.

Русскій клубъ въ Тавризѣ пользуется большими симпатіями иностранной колоніи. Иностранцы очень желаютъ сдѣлаться членами администраціи клуба съ правомъ голоса, однако уставъ клуба строго ограничиваетъ это право только для русскихъ.

Къ сожалѣнію, послѣдніе не особенно дружно живутъ между собою въ Тавризѣ. Напримѣръ, тогда какъ иностранцамъ очень нравится русскій клубъ, нѣкоторые изъ русскихъ его открыто ругаютъ. Въ данномъ случаѣ, какъ мнѣ казалось, да такъ, пожалуй, и всегда бываетъ, это происходитъ отъ ограниченности подобныхъ лицъ и неспособности самихъ сдѣлать что-нибудь хорошее и полезное, а потому организаторамъ нашего клуба въ Тавризѣ не нужно особенно этимъ смущаться.

Вообще, какъ мнѣ пришлось замѣтить, между нашими учрежденіями въ Тавризѣ существуетъ другъ къ другу какое-то странное недоброжелательство. Когда здѣсь, на Востокѣ, казалось бы, мы особенно должны сплотиться, между тѣми наши учрежденія занимаются лишь критикой дѣятельности другъ друга и канцелярской пикировкой, которая иногда переносится въ Петербургъ.

Хотя это и наслѣдіе самихъ петербургскихъ министерствъ, но это очень плохое наслѣдство, чтобы имъ пользоваться на Востокѣ, гдѣ за каждымъ нашимъ шагомъ особенно слѣдятъ.

Мы просидѣли въ русскомъ клубѣ часа два и потомъ той же компаніей поѣхали домой.

Б. М. Гурьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Кизеветтеръ, А. А. Историческіе очерки. М. 1912. Стр. 502. Цѣна 3 р.

«ИСТОРИЧЕСКІЕ очерки» А. А. Кизеветтера представляютъ собой сборникъ статей, появлявшихся въ печати (за исключеніемъ двухъ статей) въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ. Книга подраздѣляется на четыре отдѣла. Въ первый отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи политическихъ идей», вошли три слѣдующія статьи: 1) «Политическая тенденція Домостроя» (3—36 стр.) 2) «Русская утопія XVIII ст. (кн. М. М. Щербатовъ)»; 3) «Изъ исторіи русскаго либерализма. (И. П. Пнинъ)» (57—90).

Отдѣлъ второй — «Школа и просвѣщеніе» — составляютъ четыре статьи: 4) (по порядку) «Школьные вопросы нашего времени въ документахъ XVIII ст.»; 5) «Одинъ изъ реформаторовъ русской школы — Бецкой» (119—150 стр.); 6) «Изъ исторіи борьбы съ просвѣщеніемъ (казанскій университетъ при императорѣ Александрѣ I)»; 7) «Духовная цензура въ Россіи» (180—208)»

Третій отдѣлъ озаглавленъ такъ: «Русскій городъ въ XVIII ст.». Въ немъ тоже четыре статьи: 8) «Происхожденіе городскихъ депутатскихъ наказовъ въ Екатерининскую комиссію 1767 г.»; 9) «Посадская община въ Россіи XVIII вѣка (242—263);10) «Новизна и старина въ Россіи XVIII вѣка» (рѣчь передъ магистерскимъ диспутомъ); 11) «Императрица Екатерина II, какъ законодательница. (рѣчь передъ докторскимъ диспутомъ) (274—286).

Наконецъ, послѣдній четвертый отдѣлъ: «Изъ исторіи Россіи въ XIX ст.». Обнимаетъ собой три статьи:12) «Императоръ Александръ I и Аракчеевъ»;13) «Императоръ Николай I, какъ конституціонный монархъ» (въ Польшѣ—402—418); 14) «Внутренняя политика въ царствованіе императора Николая I».

Изъ всѣхъ этихъ статей третья и одиннадцатая печатаются впервые; на содержаніи ихъ я и остановлюсь.

Въ статьѣ объ И. П. Пнинѣ авторъ посвящаетъ прочувствованныя строки этому неблагодарно забытому писателю, который былъ, по словамъ А. А. Кизеветтера, «прямымъ и смѣлымъ бойцомъ за свободу человѣческой личности», въ произведеніяхъ котораго нашли выраженіе принципы русскаго либерализма второй, такъ сказать, Радищевской формаціи». Эту характеристику Пнина въ общемъ можно принять, но слѣдуетъ возразить противъ той рамки, въ которую дѣятельность Пнина вставлена. Я имѣю въ виду характеристику царствованія Павла, I которую даетъ г. Кизеветтеръ. Онъ стоитъ на общепринятой и довольно трафаретно повторяемой точкѣ зрѣнія, что время Павла I—«мрачное время», когда происходила «безцѣльная ломка привычныхъ для общества порядковъ, совершалось разрушеніе всего того, что было сдѣлано въ предшествующее царствованіе, когда клубились «зловѣщіе туманы Павловской реакціи», и люди «задыхались въ атмосферѣ подозрительности и мрачнаго деспотизма» (стр. 76—87).

Я думаю, что такая точка зрѣнія на Павловское царствованіе неправильна по существу и не совсѣмъ пріемлема по формѣ. Дѣлопроизводство и переписка канцеляріи генералъ-прокуроровъ Павла I (см. опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ, отд. III, т. I. и II, Спб., 1909 и 1911 г.г.), при близкомъ ознакомленіи съ ними, вскрываютъ то, что и въ царствованіе Павла замѣтно было настойчивое стремленіе къ законности и порядку, какъ въ сферѣ управленія, такъ и въ сферѣ суда (см. статью «Генералъ-прокуроры при Павлѣ I»—«Ж. М. Ю.» 1912 г., апрѣль).

Вообще говоря, новый матеріалъ зоветъ безпристрастнаго изслѣдователя къ пересмотру общепринятаго взгляда на время Павла, какъ на «мрачную» эпоху «крайняго деспотизма».

Въ статьѣ «Императрица Екатерина II, какъ законодательница», А. А. Кизеветтеръ развиваетъ совершенно правильную мысль, доказанную въ его докторской диссертаціи примѣнительно къ «городовому положенію» 1785 г., именно ту, что вторая половина царствованія Екатерины II, когда императрица выступила съ широкими законодательными актами, что долгое время разсматривалось, какъ результатъ личнаго законодательнаго творчества мудрой монархини, въ дѣйствительности самымъ тѣснымъ образомъ связана съ первой половиной, во время которой были подготовлены трудами народныхъ представителей и канцеляріей комиссіи 1767 года значительные и разнообразные матеріалы для реформъ.

Этотъ взглядъ можно иллюстрировать не только городовымъ положеніемъ, какъ сдѣлано г. Кизеветтеромъ, но и «учрежденіемъ о губерніяхъ» (частично затронутымъ авторомъ), основныя идеи котораго тѣсно связаны съ пожеланіями депутатскихъ наказовъ (работы Латкина, Григорьева). Кромѣ того, изученіе черновыхъ рукописей указаннаго «учрежденія», которыхъ до насъ дошло четыре, не оставляютъ сомнѣнія и въ томъ, что трудъ составленія памятника былъ не единоличный (Екатерины II); въ составленіи принимали дѣятельное участіе Сиверсъ, Завадовскій, Безбородко, а можетъ быть, и другія лица.

Другихъ статей сборника я не излагаю, такъ какъ предметъ ихъ виденъ изъ приведеннаго выше перечисленія, а содержаніе многимъ извѣстно въ первоначальномъ изданіи; здѣсь онѣ лишь перепечатываются.

Чтобы оцѣнить по достоинству «Историческіе очерки» А. А. Кизеветтера, слѣдуетъ помнить, что авторъ ихъ издавна извѣстенъ, какъ видный историкъ и превосходный популяризаторъ. По доступности и яркости изложенія, по живости мысли, вложенной въ статьи, «Историческіе очерки» можно смѣло рекомендовать широкому кругу читателей, которые прочтутъ ихъ съ пользой и интересомъ.

М. Клочковъ.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по высочайшему повелѣнію императорскою археографическою комиссіею. Томъ двадцать второй. Русскій хронографъ. Часть первая. Хронографъ редакціи 1512 года. Спб. 1911. Стр. VII+568+II. Цѣна 3 р.

Хронографы были очень популярны въ старину, были популярнѣе, пожалуй, даже тѣхъ книгъ, которыя говорили о событіяхъ исключительно изъ русской исторіи.

Объясняется это скорѣе всего высокими литературными достоинствами памятниковъ,—работалъ надъ ними человѣкъ съ большимъ вкусомъ, съ хорошей школой, по лучшимъ образцамъ, подражая главнымъ образомъ византійскому хронисту Константину Манасіи въ болгарскомъ переводѣ XIV вѣка. Кромѣ того, въ хронографѣ замѣтна та стройность, которая всегда привлекала читателей, и въ данномъ случаѣ трудъ часто редакторскій сдѣлалъ нисколько не меньше, чѣмъ трудъ писателя, компилятора.

При чтеніи хронографа все время чувствуешь власть опытнаго пера, все время неотступно преслѣдуетъ власть стиля. И становится какъ-то грустно, «что наше время—время безстильное, что реализмъ убилъ литературную форму, что можно и даже нужно писать такъ, «какъ говорятъ», другими словами, нѣтъ теперь «литературности» въ литературѣ, и стильными оказываются только такія произведенія нашего времени, которыя пишутся въ подражаніе старинѣ—все равно какой. И невѣдомый книжникъ, трудившійся надъ созданіемъ «Хронографа», сочиненія историческаго, въ тысячу разъ больше имѣетъ правъ на званіе писателя, чѣмъ признанные и восхваляемые беллетристы. Поэтому хочется видѣть переводъ хронографа и другихъ подобнаго рода памятниковъ на современный языкъ, чтобы и широкій кругъ читателей почувствовалъ всю силу стиля, всю красоту литературности строгаго стараго времени.

Въ силу указанныхъ достоинствъ, хронографъ охотно переписывался, много читался; нѣсколько разъ передѣлывался и пополнялся новыми событіями; изъ него дѣлали выписки даже въ XVIII вѣкѣ,—и вліяніе его на старую письменность огромно. Не бѣдна и ученая литература о немъ. Много сдѣлали для выясненія судьбы этого все-таки загадочнаго по своему происхожденію памятника А. Н. Поповъ и А. А. Шахматовъ. И—какъ часто бываетъ съ подобнаго рода цѣнными памятниками старинной нашей письменности—до сихъ поръ не былъ изданъ текстъ хронографа полностью. Конечно, русская исторія

входитъ въ него, повторяемъ, только отчасти, въ видѣ извлеченій изъ нѣсколькихъ лѣтописныхъ сводовъ, почему въ общемъ хронографъ—типичная всемірная хроника. Но едва ли правильно оцѣнивать историографическіе памятники съ точки зрѣнія преобладанія въ нихъ элементовъ русскихъ. Поэтому надо только удивляться, что такой интересный и важный памятникъ не заслуживалъ, на взглядъ нѣсколькихъ поколѣній историографовъ, историковъ литературы и археографовъ, полнаго и научнаго изданія.

Изданіе хронографа явилось кстати еще въ виду того, что до нашего времени не дошла первоначальная редакція этой хронографической компиляціи, которую, несомнѣнно, надо относить къ третьей четверти XV вѣка. Ее можно возстановить на основаніи болѣе позднихъ переработокъ: первая изъ нихъ относится къ 1512 году, вторая—такъ называемая юго-западная редакція.

И вотъ, черезъ четыре столѣтія послѣ появленія первой изъ названныхъ переработокъ, черезъ солидный промежутокъ времени, въ теченіе котораго книга много разъ переписывалась,—она вышла наконецъ и въ научномъ изданіи. Изданіе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ не только историка, но и историка письменности. Трудъ по изданію текста принадлежитъ С. П. Розанову. Онъ же работаетъ въ настоящее время надъ текстомъ второй изъ названныхъ редакцій и приготовляетъ его къ печати.

Въ основу изданія С. П. Розановъ положилъ списокъ, довольно близкій по времени къ появленію редакціи 1512 года, именно списокъ 1538 года (часть рукописи принадлежитъ публичной библіотекѣ, часть—обществу любителей древней письменности). Варіанты подведены изъ трехъ болѣе позднихъ списковъ. Въ отношеніи фактическомъ варіанты эти чего-нибудь существеннаго почти не даютъ, но въ отношеніи литературномъ, съ точки зрѣнія стиля, они заслуживаютъ полнаго вниманія, и можно пожалѣть, что не были привлечены къ дѣлу и другія рукописи. Конечно, изслѣдовать всѣ списки хронографа немыслимо: ихъ сохранилось въ копіяхъ разнаго времени слишкомъ много. Но увеличить число списковъ для варіантовъ хотя бы втрое было бы не лишнимъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы варіанты повторялись, и тогда налицо былъ бы важный результатъ; можно было бы говорить объ устойчивости текста въ той или иной степени. А если бы они дали рядъ варіантовъ аналогичнаго характера, то историкъ литературы отнесъ бы тѣ или другіе изъ варіантовъ къ болѣе первоначальнымъ, чѣмъ тѣ, которые находимъ въ спискѣ, сдѣланномъ всего черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ появленія первой изъ дошедшихъ до насъ редакцій.

Въ небольшомъ введеніи дано описаніе пяти рукописей, которыми пользовался издатель, а въ приложеніи напечатано нѣсколько статей, имѣющихъ ближайшую связь съ хронографомъ. На первомъ мѣстѣ—высоко-литературная «Повѣсть о началѣ и взятіи Цареграда». Далѣе идутъ отрывки русской лѣтописи съ 1453 по 1514 годъ, списки митрополитовъ и епископовъ и два отрывка изъ лѣтописей съ событіями того же приблизительно періода, сохранившіеся въ двухъ особыхъ рукописяхъ. Въ концѣ—именной и географическій указатели.

Изданіе снова поставитъ на очередь вопросъ о происхожденіи хронографа, о мѣстѣ появленія, объ авторѣ и редакторѣ — вопросы, еще не получившіе окончательнаго рѣшенія. Это составитъ предметъ интереснѣйшаго изслѣдованія.

А. Я.

Сенатскій Архивъ. Т. XII. Спб. 1907. Стр. 707 + 41.—Т. XIII. Спб. 1909. Стр. XXXVIII+614.—Т. XVI. Спб. 1910. Стр. XI+27+665. Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ, отд. I, т. II. Спб. 1910. Стр. V+612 стр.; отд. II, т. II. Спб. 1911. II+142 стр.; отд. III, т. II. Спб. 1911. IV+446 стр. Матеріалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ 1-го департамента правительствующаго сената, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ. Т. II. Спб. 1911. Стр. I+313.

Сенатскій архивъ является однимъ изъ богатѣйшихъ по количеству содержащагося въ немъ историческаго матеріала. Въ настоящее время въ немъ числится болѣе четырехъ милліоновъ дѣлъ и документовъ (XVIII—XIX в.) и среди нихъ немало такихъ, которые въ научномъ отношеніи представляютъ большую цѣнность.

Изобиліе такихъ документовъ побудило архивъ еще съ 1870-хъ годовъ приступить къ изданію описей, и въ 1872—1878 г.г. была выпущена трехтомная «Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ» за періодъ 1704—1762 гг., составленная П. Барановымъ, по содержанію своему имѣющая немаловажное значеніе, такъ какъ въ ней помѣщены хотя и краткія, но весьма существенныя свѣдѣнія о тѣхъ указахъ и повелѣніяхъ (число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ), которые по разнымъ соображеніямъ не попали въ П. С. З. Согласно высочайшему соизволенію 21-го января 1887 года, приступлено было къ печатанію тѣхъ изъ хранящихся въ сенатскомъ архивѣ документовъ, которые обладаютъ научной цѣнностью. Результатомъ этого было появленіе перваго тома такъ называемаго «Сенатскаго Архива». Такихъ сборниковъ до 1909 года было выпущено двѣнадцать томовъ; въ нихъ вошли цѣликомъ именные указы императрицы Екатерины II съ 1762—1763 г.г. и императора Павла I, журналы и протоколы секретной экспедиціи правительствующаго сената за 1732—1763 г.г., журналъ и протокольная записка собранія министровъ и генералитета 1741 года, списокъ военнымъ чинамъ первой половины XVIII столѣтія и всеподданнѣйшій рапортъ сената и докладъ Г. Р. Державина по дѣлу Лопухина.

Съ 1909 года, подъ руководствомъ инспектора сенатскаго архива И. А. Блинова, изданіе описей и документовъ пошло значительно энергичнѣе и быстрѣе. За четыре послѣдніе года напечатано сборниковъ и описей одиннадцать томовъ, составляющихъ въ общей сложности около 190 печатныхъ листовъ, не считая указателей. Въ настоящее время, когда ученые изслѣдователи съ такою охотой и вниманіемъ отдаются изученію архивнаго матеріала, интенсивная работа по опубликованію документовъ и описей хранящихся архивныхъ богатствъ, несомнѣнно, идетъ навстрѣчу господствующей тенденціи научныхъ круговъ. Нельзя также не отмѣтить, что въ дѣло изданія внесена значительно большая планомѣрность и система. Даже самая конструкція и внѣшность изданій замѣтно измѣнилась къ лучшему; по возможности принято во вниманіе все, что только можетъ, хотя бы отчасти, облегчить изслѣдователю пользованіе опубликованнымъ матеріаломъ.

Въ первыхъ двѣнадцати томахъ «Сенатскаго Архива» текстъ печатался сплошь, безъ какихъ-либо заголовковъ и обозначеній, что значительно затрудняло воз-

можность ориентироваться и разобраться въ массѣ новаго матерьяла. Въ двухъ послѣднихъ томахъ на этотъ недостатокъ обращено вниманіе, и онъ устраненъ: введена для наглядности нумерація документовъ, каждому изъ нихъ данъ краткій, но по возможности исчерпывающій содержаніе его заголовокъ; текстъ снабженъ пояснительными примѣчаніями, со ссылками на предыдущіе томы или другіе печатные документы, и, наконецъ, что особенно важно, даны подробныя оглавленія и весьма обстоятельно составленныя предисловія, до извѣстной степени вводящія читателя въ текстъ. При каждомъ томѣ имѣются три указателя: личныхъ именъ, географическій и предметный. Присоединяясь къ уже высказанному пожеланію (см. рецензію Н. Д. Чечулина въ «Журналѣ М. Народнаго Просвѣщенія», 1911 годъ, сентябрь, стр. 153), о томъ, чтобы редактированіе указателя было болѣе тщательнымъ, въ цѣляхъ достиженія единообразія, позволимъ себѣ, по отношенію къ описямъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ распространить это пожеланіе и на самый текстъ. Слѣдовало бы также при указателѣ поставить и примѣчаніе, которое поясняло бы, что именно (т.-е. страницу или нумеръ документа) обозначаютъ цифры, выставленныя при томъ или иномъ названіи въ алфавитѣ. Всѣ эти незначительные недочеты, впрочемъ, легко устранимы.

Упомянемъ еще, что, помимо сборниковъ «Сенатскаго Архива», въ настоящее время выпускается также и «Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ», состоящая изъ трехъ отдѣловъ, причемъ къ первому отдѣлу отнесены копіи распоряженій, исходящихъ отъ высочайшей власти и т. п., ко второму—дѣла и опредѣленія правительствующаго сената и къ третьему—дѣла канцеляріи генералъ-прокурора и министерства юстиціи. По каждому отдѣлу выпущено пока по два тома. Кромѣ того, въ связи съ предстоящимъ юбилеемъ 1812 года, архивъ, отступивъ нѣсколько отъ принятаго имъ плана, выпустилъ недавно спеціальную опись документамъ, относящимся до эпохи Отечественной войны и кампаній 1813—1814 г.г.

Къ характеристикѣ вышеупомянутыхъ изданій необходимо добавить еще одно замѣчаніе. Въ поискахъ наиболѣе совершеннаго типа описи, архивъ не всегда придерживается одинаковой системы, что и понятно, но, къ сожалѣнію, иной разъ онъ отказывается отъ такого пріема, который слѣдуетъ признать и вполнѣ цѣлесообразнымъ и желательнымъ. Такъ,напримѣръ, въ описяхъ третьяго отдѣла подъ заголовками дѣлъ не имѣется къ тексту этого заголовка никакихъ поясненій петитомъ (за исключеніемъ рубрики: «упоминаются»), тогда какъ въ описяхъ второго отдѣла все это имѣется налицо, и, благодаря этому,тамъ, несомнѣнно, достигается иной разъ большая экономія времени для изслѣдователя, потому что, не обращаясь къ подлиннику документа, можно иногда получить крайне любопытныя свѣдѣнія, почти резюмирующія содержаніе документа. Возьмемъ, напримѣръ, въ высшей степени интересное дѣло «объ оцѣнкѣ крестьянъ и удовлетвореніи по той оцѣнкѣ помѣщиковъ за неумышленное убійство крестьянъ» («Опись», отд. II, т. II, № 209). Изъ поясненій, сдѣланныхъ подъ приведеннымъ заголовкомъ, узнаемъ слѣдующее.

Въ 1771 году воронежскій губернаторъ Маслозъ призналъ неумышленнымъ убійство крестьянки С. Федосеевой, совершенное крестьяниномъ В. Тимофее-

вымъ, и освободилъ его отъ наказанія. Однако замѣститель Маслова, генералъ-поручикъ Шетневъ, не видя въ законѣ указаній, какое дѣлать взысканіе за крестьянскихъ «женокъ», обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ сенату, а послѣдній передалъ это дѣло въ комиссію о составленіи законовъ, гдѣ было предложено цѣнить крестьянъ и дворовыхъ людей такъ: мужчинъ въ 360 рублей, а женщинъ въ 100 рублей. Если же помѣщикъ не согласится съ такой оцѣнкой дворовыхъ людей, то долженъ доказать суду, что убитый стоитъ для него болѣе, и тогда цѣнить по именному высочайшему указу 28-го января 1798 года (П.С. З. № 18353). Впрочемъ, двое изъ членовъ комиссіи (И. Прянишниковъ и А. Радищевъ) были иного мнѣнія: первый, что разсмотрѣніе этого дѣла находится въ предѣлахъ компетенціи комиссіи, а второй—что «цѣна человѣческой крови не можетъ быть опредѣлена деньгами»,и что «родственники убитаго должны быть призрѣваемы обществомъ, къ которому принадлежалъ убитый». Сенаторы, послѣ обмѣна мнѣній, среди которыхъ было, между прочимъ, высказано предложеніе оцѣнивать женщинъ въ 250 рублей, а мужчинъ въ 500 рублей, остановились на рѣшеніи большинства: «законы объ оцѣнкѣ крестьянъ оставить безъ измѣненія».

Въ маленькой замѣткѣ невозможно, конечно, обозрѣть хотя бы даже одинъ тотъ матерьялъ, который умѣстился въ двухъ послѣднихъ XIII и XIV томахъ «Сенатскаго Архива»; приведемъ поэтому еще лишь одинъ историческій фактъ, взятый изъ XIII тома (стр. 71—73, 92, 93, 103, 128).

Въ 1765 году въ Оренбургской губерніи появился среди крестьянъ «возмутитель» казакъ Ѳедоръ Слудниковъ, бѣжавшій изъ Троицкой крѣпости, изъ-подъ караула Исецкой провинціи. Выдавая себя за фурьера Михаила Рѣзцова, пріѣхавшаго якобы изъ Петербурга, въ силу именного высочайшаго указа, по нѣкоторому секретному дѣлу, онъ успѣлъ внести въ крестьянскіе умы немалое смятеніе. Приписанные къ заводамъ Масленскаго острога крестьяне въ селѣ Охлупіевскомъ, «ослѣплены будучи по простотѣ своей ложнымъ и вымышленнымъ сего злодѣя разглашеніемъ», собравшись въ вооруженную толпу человѣкъ до четырехсотъ, оказали властямъ неповиновеніе,«а тѣхъ, кои къ ихъ шайкѣ приставать не хотѣли, по приказу того возмутителя, смертельными побоями мучали, и, заковавъ въ желѣзы, караулъ изъ своей партіи къ нимъ приставили». Встревоженное правительство предприняло цѣлый рядъ мѣръ для подавленія безпорядковъ. Оренбургскому губернатору послѣ похвалы за его «благоразумныя распоряженія» было рекомендовано, чтобы «къ совершенному того зла истребленію и къ успокоенію тамошняго подлаго народа схваченіемъ сего злодѣя и его прямыхъ сообщниковъ употреблено имъ было всевозможное стараніе». Сверхъ того казанскому и сибирскому губернаторамъ предписывалось принять «благопристойныя предосторожности», чтобы мятежникъ не вздумалъ «для равномѣрнаго возмущенія и въ тѣхъ губерніяхъ показаться». За поимку Ѳ. Слудникова обѣщалась даже награда: «кто сего бунтовщика поймаетъ и приведетъ, тотъ, хотя бы онъ и главный его сообщникъ былъ, получитъ въ награжденіе 50 р., и вина его отпущена будетъ». Претендентовъ на полученіе награды, однако, не оказалось. Что же касается крестьянъ села Охлупіевскаго, то для успокоенія ихъ былъ командированъ майоръ Дмитріевъ (очевидно, съ военнымъ отрядомъ),

однако Слудниковъ съ товарищами успѣлъ скрыться; ихъ видѣли на пути къ Саткинскому заводу графа Строганова, причемъ они ѣхали «двумя телѣгами въ 5 человѣкъ, на 8 лошадяхъ» и близъ башкирской Тюбеляцкой волости встрѣтились съ посланными отъ упомянутаго завода. «Возмутитель съ сообщниками, взявъ ружья, фузеи и пистолеты, намѣрены были въ тѣхъ посланныхъ стрѣлять, и затѣмъ тѣ посланные поймать ихъ никакъ не могли». Событія эти, доставившія немало безпокойствъ властямъ, тянулись съ мая по октябрь 1765 года, и дѣло кончилось тѣмъ, что безпорядки были подавлены, сообщники Ѳ. Слудникова были пойманы, но самъ онъ скрылся. К.

Е. Э. Ивановъ. Херсонесъ Таврическій. Историко-археологическій очеркъ. Съ рисунками и планомъ раскопокъ. (Изъ № 46 «Извѣстій таврической ученой архивной комиссіи»). Симферополь. 1912. Стр. VI+375. Цѣна не обозначена.

Наконецъ-то хранитель «первыхъ русскихъ письменъ», открытыхъ св. Кирилломъ, купель крещенія Руси и источникъ русской священной исторіи—Херсонесъ Таврическій (Корсунь)—получилъ наиболѣе вѣрное и подробное освѣщеніе своей многовѣковой исторіи, въ живомъ и вполнѣ доступномъ для большой публики изложеніи.

Врачъ по профессіи, много писавшій по своей спеціальности, Е. Э. Ивановъ двадцать лѣтъ прожилъ около Херсонеса и съ первыхъ же дней, заинтересованный остатками его древностей, приступилъ къ изученію прошлаго этого историческаго и важнѣйшаго для русскихъ городка. Помимо личнаго знакомства съ добытыми результатами раскопокъ, онъ подробно изучилъ весьма обширную русскую и иностранную историко-археологическую литературу о Херсонесѣ и, желая прійти на помощь многочисленнымъ туристамъ и всѣмъ цѣнителямъ этого священнаго для каждаго русскаго уголка,—далъ, можно сказать, первое систематическое и подробное описаніе прошлаго и настоящаго Херсонеса, стоящее на уровнѣ современныхъ научныхъ знаній и могущее глубоко заинтересовать любого русскаго читателя, не предубѣжденнаго противъ своей начальной исторіи.

Обширный свой очеркъ, кстати сказать, и съ внѣшней стороны изданный весьма тщательно, Е. Э. Ивановъ раздѣлилъ на двѣ части: въ первой онъ говоритъ о политической, торговой и религіозной жизни херсонесцевъ, а во второй знакомитъ съ археологическими раскопками въ Херсонесѣ и ихъ результатами и на основаніи послѣднихъ рисуетъ картину внутренней и домашней жизни корсунянъ, сопровождая все это описаніемъ херсонесскаго музея, монастыря и его «дивнаго храма-памятника», возникшаго на мѣстѣ раскопокъ. Историческая часть труда уже была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» за 1907 г. и теперь является лишь дополненной и нѣсколько переработанной, но вторая, археологическая, со своими деталями видитъ свѣтъ впервые.

Замѣчательна и глубоко интересна судьба пережившаго двадцать вѣковъ Херсонеса! Основанная на негостепріимныхъ берегахъ далекой Тавриды кучкою смѣлыхъ и предпріимчивыхъ выходцевъ изъ греческаго города Гераклеи

Понтійской, болѣе чѣмъ за пять столѣтій до Рожд. Христ., новая колонія стала быстро расти и не болѣе какъ черезъ сто лѣтъ обратилась въ богатый торговый республиканскій городъ, окруженный «гигантскою» оборонительной стѣною; вскорѣ въ немъ появились обширные храмы и богато украшенныя мраморами и почетными надписями общественныя зданія и площади; возникли гимназіи и другія греческія учрежденія, и въ результатѣ Херсонесъ—роскошный уголокъ античнаго міра, возбуждающій лишь зависть окружающихъ его варваровъ.

Одними изъ первыхъ стали нападать на Херсонесъ дикіе скиѳы; херсонитянамъ пришлось обратиться за помощью къ боспорскому царю и подпасть его вліянію. Далѣе наступило римское владычество, которое, хотя и не ослабило внѣшняго благосостоянія города, но, несомнѣнно, оказало свое вредное вліяніе на патріархальные нравы его жителей. Съ распространеніемъ христіанства, Херсонесъ дѣлается мѣстомъ ссылки выдающихся проповѣдниковъ вѣры Христовой и мѣстомъ мученія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ концѣ I вѣка по Рожд. Христ. сюда былъ сосланъ римскій епископъ Климентъ и здѣсь воспріялъ мученическую кончину. Его мощи были открыты около 860 г. проповѣдниками христіанства Кирилломъ и Меѳодіемъ и перевезены въ Римъ. Здѣсь же, по сказаніямъ нѣкоторыхъ житій, св. Кириллъ нашелъ русина и евангеліе и псалтирь, писанныя «роуськи письмены». Эти сказанія возбудили большіе толки въ ученомъ мірѣ, и до сихъ поръ еще нельзя признать окончательно рѣшеннымъ вопроса: былъ ли Кириллъ изобрѣтателемъ славянской азбуки, или же какъ склоненъ вѣрить нашъ авторъ, «русская грамота впервые открылась Кириллу, а черезъ него всему славянскому міру именно здѣсь, въ Херсонесѣ»? Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, то, что русскіе проникали и жили въ Херсонесѣ съ начала IX вѣка.

Въ концѣ X вѣка долго думавшій о перемѣнѣ религіи кіевскій князь Владиміръ Красное Солнышко завоевываетъ Корсунь, крестится здѣсь и вѣнчается съ сестрой византійскаго императора Анной, въ благодарность за что даритъ послѣднему завоеванный городъ. Съ появленіемъ въ XI вѣкѣ генуэзцевъ, а затѣмъ и венеціанъ на берегахъ Понта торговое значеніе Херсонеса стало падать; когда же затѣмъ появились въ Тавридѣ, переименованной въ Крымъ, татары, то къ концу XIV вѣка оказалось забытымъ даже самое имя Херсонеса. Посѣтившій его развалины въ 1578 г. Мартинъ Броневскій, между прочимъ, писалъ: «достойныя удивленія развалины явно свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда былъ великолѣпный, богатый, славный и многолюдный городъ, съ отличной пристанью. У самаго берега пристани, а также во всю ширину перешейка, отъ одного берега моря до другого, еще и теперь возвышается высокая стѣна, многочисленныя и большія башни изъ огромныхъ тесаныхъ камней. У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые ведутъ воду за четыре мили отъ города. Въ нихъ и теперь еще чистая вода» (стр. 159).

И только послѣ присоединенія въ 1783 г. Крыма къ Россіи вспоминаютъ о Херсонесѣ, который посѣтила въ 1787 г. императрица Екатерина II и вскорѣ затѣмъ отправила туда для изслѣдованія академика Палласа. Частичныя описанія и изслѣдованія производились и послѣ русскими учеными, но правильныя работы, а главное—охраненіе уцѣлѣвшихъ остатковъ глубокой старины,

и раскопки стали производиться здѣсь тогда, когда Херсонесъ перешелъ въ вѣдѣніе императорской археологической комиссіи (1888 г.), командировавшей сюда для раскопокъ много впослѣдствіи сдѣлавшаго для Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Любопытны еще подробности, сообщаемыя авторомъ о храмѣ св. Владимира, какъ памятникѣ великому событію—крещенію князя Владимира. Въ 1825 г. адмиралъ Грейгъ подалъ императору Николаю I записку о сооруженіи въ Херсонесѣ памятника на мѣстѣ крещенія Владимира, въ видѣ небольшой изящной церкви съ богадѣльней на тридцать инвалидовъ, которые, «прославляя имя Божіе, имѣли бы надзоръ за храмомъ». Императоръ Николай I повелѣлъ на сооруженіе храма открыть подписку по всей Россіи, а на первой случай устроить на мѣстѣ крещенія обелискъ по рисункамъ академика Беретти. Въ 1843 г. императоръ, посѣтивъ Севастополь, повелѣлъ построить храмъ вмѣсто Херсонеса въ Севастополѣ. Въ 1854 г. послѣдовала закладка севастопольскаго храма, но послѣдовавшая затѣмъ тяжкая война надолго остановила стройку; окончательно отстроенъ и освященъ былъ храмъ лишь въ 1888 году. Мысль же адмирала Грейга, сильно поддерживаемая потомъ знаменитымъ архіепископомъ Иннокентіемъ (умеръ въ 1857 г.), о постройкѣ храма въ Херсонесѣ нашла осуществленіе въ 1858 г., когда состоялось высочайшее повелѣніе: «въ ознаменованіе мѣста крещенія св. Владимира построить храмъ на развалинахъ Херсонеса». Черезъ десять лѣтъ, съ затратой болѣе 450.000 руб., построили нижній этажъ церкви. Второй этажъ и постройка всего храма «вчернѣ», за 236.476 р., строителемъ Севастопольской желѣзной дороги П. І. Губонинымъ была совершена въ два съ половиною года, съ 1873 г. до осени 1876 г. Окончательно же былъ отстроенъ и освященъ храмъ лишь въ 1891 г. Вотъ что читаемъ на стр. 347—348 объ этомъ сооруженіи: «Храмъ въ честь равноапостольнаго князя Владимира представляетъ собою грандіозное двухъэтажное зданіе, построенное въ строгомъ византійскомъ стилѣ. Все выдержано до мелочей, поражаетъ отдѣлкой и въ общемъ представляетъ шедевръ архитектурнаго искусства. Вся внутренняя отдѣлка, произведенная подъ наблюденіемъ академиковъ Чагина и Безобразова, вполнѣ соотвѣтствуетъ внѣшнему величественному виду храма. Особымъ изяществомъ отличается верхній этажъ, украшенный живописью: академика Корзухина, профессора Нефа, художника Малышева... Изящный иконостасъ, въ византійскомъ стилѣ, весь изъ бѣлаго мрамора, тонкой художественной работы... У праваго клироса часть мѣста обнесена легкой рѣшеткой изъ бѣлаго мрамора на мѣстѣ предполагаемой купели князя Владимира», которое, кстати сказать, до сихъ поръ еще окончательно не опредѣлено изслѣдователями-археологами, раскопавшими пока еще только пятую часть всего города.

Въ своей краткой замѣткѣ мы только едва коснулись интереснаго содержанія очерка Е. Э. Иванова, но думаемъ, что и изъ сказаннаго можно усмотрѣть громадную цѣнность этого труда какъ для туриста, такъ и для любознательнаго русскаго читателя.

В. Рудаковъ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. 136-й. Протоколы конференціи при высочайшемъ дворѣ, т. I. Спб. 1912. Стр. XX+652. Цѣна 3 руб.

Въ русской исторической наукѣ на очереди изученіе XVIII вѣка. Въ многочисленныхъ работахъ и изданіяхъ онъ и освѣщается съ разныхъ сторонъ. Но однимъ изъ наименѣе изученныхъ періодовъ XVIII вѣка является царствованіе Елизаветы Петровны, весьма интересное во многихъ отношеніяхъ. Въ послѣдніе годы къ этому царствованію потянуло многихъ ученыхъ. Вызвалъ симпатіи общества недавній юбилей одного изъ славныхъ дѣятелей этой эпохи М. В. Ломоносова. Въ повседневной прессѣ стали писать о царствованіи Елизаветы, какъ объ эпохѣ, во время которой молодо и сильно заговорила преобразованная Россія, ярко брызнулъ свѣтлый лучъ пробужденной жизни, инстинктивно потянувшейся отъ дѣловитыхъ и угрюмыхъ заботъ къ радостямъ настоящей минуты.

Но изслѣдованіе Елизаветинской эпохи требуетъ фактическаго матеріала, который можно было бы положить въ основаніе научнаго раскрытія этого времени. Сенатскій архивъ уже опубликовалъ въ своихъ изданіяхъ опись высочайшихъ указовъ и повелѣній, журналы и опредѣленія секретной экспедиціи сената. Эти документы характеризовали главнымъ образомъ верховную власть и сенатъ, но среди высшихъ государственныхъ учрежденій слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ поставить конференцію при высочайшемъ дворѣ, которая играла весьма значительную роль въ концѣ Елизаветинскаго царствованія. Конференція вѣдала всѣми дипломатическими сношеніями, военными дѣлами, осложнившимися въ виду участія Россіи въ Семилѣтней войнѣ и, наконецъ, финансовыми дѣлами, тѣсно связанными съ содержаніемъ арміи и войной.

Относительно конференціи въ литературѣ существуетъ нѣсколько ученыхъ мнѣній (Соловьева, Щеглова и др)., но до сихъ поръ ни исторія этого учрежденія, ни составъ, ни дѣятельность его въ достаточной мѣрѣ не изучены, конференція еще ждетъ своего изслѣдователя. А потому особый интересъ представляетъ собой изданный томъ «Протоколовъ конференціи». Въ него вошли документы лишь за «первый годъ существованія» конференціи, какъ говорится въ предисловіи, за время съ 14-го марта 1756 по 13-е марта 1757 года. Интересъ представляютъ не только протоколы, но и приложенія къ нимъ, среди которыхъ, напримѣръ, содержится предложеніе гр. П. И. Шувалова о мѣдной монетѣ, имѣющее значеніе для исторіи фанансоваго управленія Россіи.

Изданъ томъ подъ редакціей извѣстнаго историка Н. Д. Чечулина, съ краткимъ предисловіемъ и указателемъ.

Отмѣчу нѣкоторые недочеты изданія. Прежде всего ни изъ предисловія, ни изъ текста тома не видно, откуда взяты документы. Мнѣ извѣстно, что документы и дѣла конференціи имѣются по меньшей мѣрѣ въ трехъ архивахъ: московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, московскомъ же архивѣ министерства юстиціи (по описи за №136—№№8130—8140 и др.) и сенатскомъ архивѣ. Надо полагать, что напечатанные протоколы взяты изъ московскаго

архива министерства иностранныхъ дѣлъ (ср. «Исторія прав. сената», т. II, 98 и сл.). Благодаря тому, что до изданія протоколовъ не выяснен точно архивный фондъ документовъ и дѣлъ, относящійся къ конференціи, и не просмотрѣны книги, хранящіяся въ другихъ архивахъ, въ напечатанномъ томѣ встрѣчаются пропуски и погрѣшности, которыхъ можно было бы избѣжать.

Приведу конкретные примѣры. Въ сенатскомъ архивѣ хранятся «экстракты конференціи», въ 3-хъ книгахъ; они совпадаютъ, насколько мнѣ пришлось провѣрить, съ экстрактами, напечатанными въ 136 томѣ сборника, но въ нихъ встрѣчаются приложенія, которыхъ нѣтъ въ напечатанномъ текстѣ. Такъ, въ протоколѣ подъ № 40 говорится о всеподданнѣйшемъ докладѣ 8-го апрѣля, самаго же доклада нѣтъ, тогда какъ при экстрактѣ, посланномъ въ сенатъ, приложена и копія этого доклада («Сенатскій Архивъ»), книга CXXVIII, л. 17—18). Подъ № 102 въ «росписаніи» противъ «аптекаря» поставлена въ 136 томѣ черта, а въ книгѣ экстрактовъ отмѣчено, что аптекарю полагается жалованья 300 руб., раціоновъ 6, за нихъ деньгами тридцать два рубля сорокъ копеекъ, что совершенно объясняетъ итогъ, иначе при пропускѣ, какъ сдѣлано въ напечатанномъ томѣ, итогъ (стр. 298) получается невѣрный.

Можно еще отмѣтить нѣкоторую разницу. Дата слушанія въ сенатѣ экстракта подъ № 10—24-го марта, а въ книгѣ сенатскаго архива—27; подпись «Михайло» (Воронцовъ, Голицынъ) на стр. 30 слѣдуетъ исправить, такъ какъ вездѣ эти лица подписывали свое имя такъ: «Михайла», что, впрочемъ, видно изъ другихъ мѣстъ того же 136 тома.

Изъ приведенныхъ указаній, полагаю, видно, что не только желательно, но даже необходимо, въ интересахъ правильности и полноты печатаемаго матеріала, пересмотрѣть «экстракты конференціи», хранящіеся въ сенатскомъ архивѣ, а можетъ быть, документы и дѣла, относящіеся къ конференціи, и въ другихъ архивахъ.

Настоящимъ томомъ «Сборника русскаго историческаго общества» положено лишь начало изданію «протоколовъ» конференціи. Привѣтствуя появленіе матеріаловъ о конференціи, мы ждемъ въ ближайшее время выхода въ свѣтъ и дальнѣйшихъ томовъ тѣхъ же матеріаловъ, проливающихъ свѣтъ на одну изъ интересныхъ и важныхъ эпохъ русской жизни. М. Клочковъ.

Васенко, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны. Съ предисловіемъ профессора С. Ѳ. Платонова. Уч. отд. министерства торговли и промышленности 1-е изд. допущено въ ученическія библіотеки коммерческихъ училищъ. Второе изданіе съ портретами, рисунками, картами и съ копіей въ краскахъ съ картины И. Е. Рѣпина. Изд. Я. Башмакова и Ко. Спб. 1912. XVI+204 стр. Цѣна въ переплетѣ 80 коп.

Книга г. Васенка читается съ чувствомъ искренняго удовлетворенія; изъ числа юбилейныхъ изданій, посвященныхъ общему обзору событій Отечественной войны, эту книгу слѣдуетъ признать одной изъ наиболѣе удачныхъ, какъ по научности изложенія, такъ и по живости и увлекательности языка, которымъ

она написана. Авторъ удѣляетъ свое главное вниманіе разсмотрѣнію причинъ, вызвавшихъ вооруженную борьбу между Россіей и Франціей, и исторіи тѣхъ событій, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ Отечественной войнѣ, но послѣдняя заключительная глава даетъ все же крайній очеркъ и послѣдующихъ историческихъ фактовъ до низложенія Наполеона включительно. Кое-гдѣ автора, несомнѣнно, можно упрекнуть въ излишней схематичности и конспективности. Такъ, напримѣръ, авторъ мало останавливается на выясненіи тѣхъ обстоятельствъ, которыя оказались причиною неудачи похода Наполеона, и, заканчивая описаніе отступленія Великой арміи, замѣчаетъ лишь довольно обще, что «твердая, какъ сталь, воля геніальнѣйшаго полководца (Наполеона) сломилась, встрѣтивъ непреодолимую преграду въ самоотверженной любви мужественнаго народа къ своей родинѣ и въ желѣзной стойкости дальновиднаго политика, русскаго императора» (стр. 186). Объ организаціи ополченій и объ извѣстномъ убійствѣ купеческаго сына М. Верещагина едва упомянуто. Затѣмъ, по поводу того, что Наполеонъ приказалъ организовать въ Москвѣ временное правленіе изъ жителей ея, «чтобы придать своимъ дѣйствіямъ нѣкоторый видъ законности», авторъ говоритъ: «русскіе старались уклониться отъ сомнительной чести, а нѣкоторые прямо заявляли, что не могутъ измѣнить долгу присяги царю и любви къ родинѣ» (стр. 123). Это вѣрно, что русскіе старались «уклониться», но вѣдь тѣмъ не менѣе служили, и даже не въ одной Москвѣ, а и въ Смоленскѣ и другихъ городахъ. Приведенной фразой авторъ создастъ впечатлѣніе, какъ будто онъ совершенно игнорируетъ существованіе громкаго дѣла о судѣ надъ чиновниками, въ томъ числѣ и русскими, служившими непріятелю.

Интересно написана глава о настроеніи русской арміи и народа во время пребыванія французовъ въ Москвѣ. Авторъ справедливо указываетъ, что высокая волна патріотическаго подъема охватила всѣ слои русскаго общества, хотя для полноты картины слѣдуетъ помнить, что были и нѣкоторыя исключенія изъ общаго правила.

Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ г. Васенка, характеризуя событія, завершившіяся паденіемъ Наполеона, указываетъ на то значеніе и послѣдствія, которыя имѣла для насъ знаменательная эпоха Отечественной войны. Помимо матеріальныхъ утратъ, понесенныхъ государствомъ за это время, вліяніе событій «двѣнадцатаго года» и послѣдовавшихъ за нимъ «освободительныхъ» войнъ отразилось и на духовной жизни русскаго общества, возбудивъ въ немъ сильное внутреннее броженіе, которое прежде всего направилось на критику русскаго общественнаго строя и на сравненіе его съ общественными порядками Запада. «Возвратившись съ войны на родину, многіе дворяне принесли съ собою мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного права и объ измѣненіи государственнаго устройства, основаннаго на крѣпостномъ порядкѣ». «Но не только вопросъ о крѣпостномъ правѣ и связанныхъ съ нимъ реформахъ возникъ въ русскомъ обществѣ послѣ Отечественной войны». Вообще умственная жизнь въ Россіи чрезвычайно оживилась, «сталъ замѣтенъ сильный подъемъ образованности, развился вкусъ къ занятіямъ философіей, наукою и литературою, появились философскіе кружки»... и т. д.

«Чествуя столѣтіе Отечественной войны,—заканчиваетъ профессоръ С. Ѳ. Платоновъ,—и вспоминая кровавый день Бородина и плѣнъ разрушенной Москвы, мы празднуемъ не только военную годовщину, но и народно-культурный праздникъ». «Военный походъ отъ Москвы на Нѣманъ и отъ Нѣмана въ Парижъ привелъ русскій народъ не только къ окончательному пораженію народнаго врага, но и къ первымъ шагамъ на пути уничтоженія крѣпостного строя и усвоенія лучшихъ сторонъ европейской культуры».

Съ внѣшней стороны книга издана хорошо, напечатана на плотной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, снабжена многими иллюстраціями и картами.

Между прочимъ помѣщена интересная карикатура на Наполеона, весьма распространенная въ Германіи въ 1813—1814 годахъ, а затѣмъ перепечатанная и у насъ въ Россіи. Къ сожалѣнію, въ книгѣ эта карикатура (см. о ней у Военскаго, въ его трудѣ, посвященномъ библіографіи двѣнадцатаго года, стр. 51; Щукинъ, в. IX, стр. 330) оставлена безъ поясненія и даже безъ подписи, тогда какъ для несвѣдущаго читателя это было бы небезполезно.

Привѣтствуя появленіе книги г. Васенка, пожелаемъ ей самаго широкаго распространенія, чего она, несомнѣнно, заслуживаетъ. Ѣ

Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 25-й. Оренбургъ. 1911. Стр. VII+249+VII+III. Цѣна 1 руб.

Большая часть разсматриваемаго выпуска «Трудовъ оренбургской ученой архивной комиссіи» занята интересной и солидно составленной статьей г. Мякутина подъ заглавіемъ «Юридическій бытъ киргизовъ» (I. Вещное право. II. Обязательственное право). Статьѣ этой предшествуетъ небольшое введеніе, въ которомъ авторъ указываетъ на трудности изученія права киргизовъ и на причины, побудившія его заняться изученіемъ «юридическаго быта» нашихъ номадовъ. Первая и самая главная причина формулируется авторомъ такъ: «цивилистамъ Россіи важно знать обычаи населяющихъ ее народовъ для созданія соотвѣтственнаго кодекса гражданскихъ законовъ», безъ знанія обычаевъ нельзя создать и кодекса законовъ, правильно нормирующихъ жизнь. Затѣмъ, необходимо знаніе юридическихъ обычаевъ современныхъ народовъ, стоящихъ на низшихъ степеняхъ культуры, по мнѣнію автора, еще и потому, что это знаніе «даетъ возможность понимать истинное значеніе обычаевъ и обрядовъ, существующихъ въ низшихъ классахъ населенія современныхъ цивилизованныхъ государствъ, смыслъ которыхъ уже непонятенъ высшимъ классамъ». Затѣмъ, «знаніе юридическаго быта современныхъ первобытныхъ народовъ облегчаетъ пониманіе содержанія древнѣйшихъ памятниковъ обычнаго права и законодательства теперешнихъ цивилизованныхъ народовъ». Наконецъ, «изученіе инородческаго обычнаго права полезно для сравнительнаго изученія русскихъ обычаевъ и обрядовъ», ибо «многіе русскіе юридическіе (тутъ авторъ ссылается на профессора Кистяковскаго) обычаи не могутъ быть поняты безъ изученія быта финскихъ, монгольскихъ и тюркскихъ племенъ». Изслѣдованіе г. Мякутина занимаетъ 180 страницъ. Далѣе идетъ «Отчетъ о дѣятельности и

состоянія архивной комиссіи за 1910 годъ», составленный И. С. Шукщинцевымъ: потомъ—«Протоколы засѣданій комиссіи за 1910 годъ» и 6 приложеній къ нимъ. И нѣкоторыя изъ приложеній имѣютъ большой интересъ въ виду исполнившагося 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и наступленія въ слѣдующемъ году столѣтія со времени Отечественной войны. Вотъ эти приложенія: № 1—«Открытіе Америки въ XIV вѣкѣ» (сообщеніе г. Кастанье); № 2—«О глиняныхъ кувшинчикахъ» (сообщеніе г. Кастанье); № 3—«Нѣсколько словъ объ экспедиціи г. Пельо въ китайскій Туркестанъ» (сообщеніе г. Кастанье); № 4—«Свѣдѣнія по исторической географіи Оренбургскаго края» (сообщеніе прот. П. Райскаго); № 5—«Отношеніе отъ 12 января 1850 г. пристава 3 стана Оренбургскаго уѣзда», свидѣтельствующее, что «крѣпостными рабами владѣли не только дворяне-помѣщики, но и сами крѣпостные крестьяне»; № 6—«Документы о военно-плѣнныхъ французахъ 1812—1813 гг. въ Оренбургской губ.» (сообщеніе г. Кастанье), а именно: a) «Донесеніе военнаго хирурга Мерсье»; b) «Донесеніе Гюйо», военнаго фармацевта при главномъ штабѣ французской арміи; c) «Донесеніе военнаго хирурга 4-й санитарной дивизіи императорскаго штаба французской арміи Спонвиля»; d) «Дѣло по отношенію статсъ-секретаря, графа Нессельроде, о домогательствѣ французскаго посланника объ освобожденіи изъ плѣна француза Морелье». Донесенія эти напечатаны на французскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ.

Я. Бирюковъ.

И. И. Огіенко. Изданія «Неба Новаго» Іоанникія Галятовскаго. Изъ исторіи старопечатныхъ книгъ. Кіевъ. 1912. Стр. 69. (Съ 17 снимками) Цѣна 2 рубля.

Изученіе старопечатныхъ книгъ съ точки зрѣнія художественной—дѣло у насъ новое, и мы могли бы указать очень немного изслѣдованій и изданій на русскомъ языкѣ, посвященныхъ этому вопросу. Иное дѣло на Западѣ, у чеховъ и поляковъ. Тамъ давно уже утвердился взглядъ на старопечатную книгу не только, какъ на памятникъ языка, исторіографіи, литургики, гомилетики, исторіи литературы, культуры вообще и т. д., но и какъ на памятникъ опредѣленной художественной культуры, иногда болѣе характерный для эпохи, чѣмъ рукописи и ихъ миніатюры, такъ какъ съ распространеніемъ книгопечатанія искусство художественнаго писанія и украшенія книгъ, естественно, падаетъ.

Молодой кіевскій историкъ южно-русской литературы И. И. Огіенко работаетъ надъ изслѣдованіемъ литературной исторіи сборника занимательныхъ легендъ о чудесахъ Богоматери, собранныхъ и изданныхъ талантливымъ проповѣдникомъ XVII вѣка Іоанникіемъ Галятовскимъ. Въ «Филологическихъ Запискахъ» недавно напечатанъ его содержательный очеркъ «Отраженіе въ литературѣ «Неба Новаго» (Воронежъ, 1912). Только что вышелъ обзоръ изданій того же сборника Галятовскаго, съ нѣсколькими прекрасно исполненными снимками очень стильныхъ выходныхъ листовъ, заставокъ, концовокъ, гравюръ, инициаловъ, и т. д.

Написанный доступно, основанный на подробномъ изученіи литературнаго памятника, образцовый въ библіографическомъ отношеніи, очеркъ И. И. Огіенка даетъ не только анализъ «Неба Новаго», подробное сравненіе разныхъ его изданій, имѣющихъ отличія, и т. д. Очеркъ интересенъ и въ историко-литературномъ отношеніи, представляя характеристику занимательныхъ и полныхъ поэзіи легендъ, собранныхъ Галятовскимъ, и характеристику особаго жанра въ прошломъ южно-русской литературы XVII вѣка, тѣхъ «страшныхъ и умилительныхъ» повѣстей, которыя всегда составляли любимое чтеніе въ старину а позднѣе были использованы южно-русскими проповѣдниками-полемистами-поэтами съ назидательными цѣлями. По формулировкѣ автора, эта любовь къ легендамъ и повѣстямъ такого же стиля «приняла слишкомъ большіе размѣры и вылилась въ уродливыя формы».

И. И. Огіенко напоминаетъ, что это направленіе въ проповѣдничествѣ проникло въ Польшу съ Запада, а затѣмъ въ Южную Русь. «Знаменитый проповѣдникъ польскій Петръ Скарга относился къ подобнаго рода легендамъ и апокрифамъ еще съ должной критической оцѣнкой, но уже въ проповѣдяхъ Ѳомы Млодзяновскаго, извѣстнаго польскаго проповѣдника XVII вѣка, все это приводится въ громадномъ количествѣ и безъ всякой критики. Такъ же поступали и южно-русскіе проповѣдники, какъ, напримѣръ Іоанникій Галятовскій и Антоній Радивиловскій. Понятно, что подобное увлеченіе всякими легендами и баснями вызывало часто протестъ со стороны болѣе здравомыслящихъ людей. Еще Эразмъ Роттердамскій въ своемъ извѣстномъ пасквилѣ (?) «Laus stultitiae» осмѣивалъ этотъ обычай проповѣдниковъ пользоваться разными баснями. Извѣстны отзывы Ѳеофана Прокоповича о подобныхъ проповѣдникахъ и легендахъ. А въ своемъ знаменитомъ «Духовномъ Регламентѣ» Прокоповичъ уже категорически предписывалъ проповѣдникамъ: «казнодѣишковъ легкомысленныхъ, каковые наипаче польскіе бываютъ, не челъ бы». Въ XVIII вѣкѣ вообще подобные пріемы вызывали насмѣшку. Въ одномъ изъ юмористическихъ сборниковъ XVIII вѣка, «Веселый и шутливый Мелеандръ», саркастически разсказывается, какъ «одинъ доминиканецъ для пробужденія засыпающихъ во время поученія, которое онъ говорилъ послѣ обѣда», сказалъ не вполнѣ приличную басню объ изнасилованной монахинѣ Ноннѣ... Въ Южную Русь подобное направленіе въ проповѣдничествѣ перешло въ первой половинѣ XVII вѣка. Здѣсь оно нашло для себя довольно плодотворную почву, такъ какъ вѣра въ чудесное, во всякія легенды и колдовства изстари завелась въ Южной Руси и вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь ея жителей. Въ южно-русскихъ сборникахъ и сочиненіяхъ вообще встрѣчаемъ массу всякихъ легендъ; на эту вѣру во все чудесное и легендарное указывалъ и Прокоповичъ, указывалъ и извѣстный генералъ Патрикъ Гордонъ, жившій въ Кіевѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Въ своемъ «Tagebuch» подъ 30 марта 1684 года онъ пишетъ: «въ эту прошлую недѣлю много говорили о чудесахъ, случившихся въ церкви святого Георгія: тамъ видѣли, что икона Богоматери источала слезы и большая восковая свѣча предъ образомъ Николая Чудотворца по временамъ сама собою зажигалась. Потомъ оказалось, что это было не такъ».

Эту общую характеристику авторъ дастъ потому, что и Галятовскій принадлежалъ къ числу представителей подобнаго литературнаго жанра. По наблю-

деніямъ его, «Галятовскій былъ воспитанъ въ атмосферѣ вѣры въ чудесное и легендарное. Неудивительно поэтому, что его произведенія сплошь пересыпаны этими легендами. Таковы его «Ключъ Разумѣнія», таково его и «Небо Новое».

Начало серьезныхъ научныхъ работъ надъ сборниками позднихъ легендъ въ русской письменности, работъ, предпринятыхъ учениками профессора В. Н. Перетца, слѣдуетъ привѣтствовать. Легенды болѣе древняго происхожденія—наслѣдіе Византіи,—у насъ давно уже разрабатываются, а такого же характера сборники латино-польскаго происхожденія до сихъ подъ почему-то не привлекали такого же вниманія ученыхъ. Объ этомъ приходилось сожалѣть еще потому, что въ наукѣ разработки старой русской литературы создавалось невѣрное представленіе о какомъ-то прекращеніи легендарнаго элемента въ ней приблизительно къ XVII вѣку, и такимъ образомъ искусственно прерывались литературныя традиціи. Такой взглядъ во всѣхъ отношеніяхъ неудаченъ: измѣнились только источники, а сущность оставалась той же, и работы надъ поздними легендами должны прежде всего доказать связь «стараго» періода съ «новымъ». Это важно для методологіи исторіи русской литературы, разработанной сравнительно слабо и случайно.

Къ книгѣ И. Огіенка приложенъ хорошій фототипическій портретъ Галятовскаго—конія маслянаго портрета, хранящагося въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи. И. А.

Бѣлорусскія народныя мелодіи. Пѣсни сезонныя, обрядовыя, игорныя, танцы. духовные стихи. Бѣлорусскій сборникъ Е. Р. Романова, выпускъ седьмой. Вильна. Стр. VI+44. Цѣна рубль.

Неутомимый бѣлорусскій этнографъ Е. Р. Романовъ задался цѣлью восполнить пробѣлъ въ бѣлорусской этнографіи, въ которой отведено очень и очень немного мѣста бѣлорусскому народному пѣнію. Къ этому дѣлу Е. В. привлекъ Н. Н. Чуркина, преподавателя пѣнія въ виленскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, результатомъ совмѣстныхъ ихъ работъ и появился разсматриваемый нами седьмой выпускъ. Н. Н. Чуркину въ этомъ трудѣ принадлежитъ музыкальная часть, а Е. Р. Романову—текстъ съ примѣчаніями.

Всего записей 53, изъ нихъ послѣдней—№ 53 «рекрутской» текстъ не доставленъ, хотя мелодія записана. По родамъ пѣсенъ, записи раздѣляются на веснянки (№№ 1—3); волочебныя (№4); хороводныя (№№ 5—8); толочныя (№ 9); троицкія (№ 10); купальныя (№№ 11—13); жнивныя (№№ 14 и 15); дожиночныя (№ 16); лѣтнія (№№ 17, 18 и 52); рекрутскія №(19 и 53); бесѣдныя (№ 20 — 22); щедровки (№№ 23 и 24); колядныя (№ 25); свадебныя (№№ 26—30); колыбельныя (№ 31 и 32); крестинныя (№№33—36); игорныя пѣсни (№ 47 и 48); духовные стихи (№№ 49 и 51) и десять припѣвовъ къ танцамъ. Танцы (древнѣйшіе) «Коло. Шестакъ». (№ 37); «Коло. Веробей» (№ 38); «Товкачики» (№ 39); «Трясуха» (№40); «Левониха», «Крутуха» (№ 41); (новѣйшіе) «Полька» (№ 42);

«Ланцугъ» (№ 43); «Кадрель» (№ 44), «Кадрель казачковая» (45); «Кадрель Петкевича» (№ 46) и «Терешка» (№ 47).

25 пѣсенъ и припѣвы ко всѣмъ танцамъ записаны съ голоса Анны Пилипенковой (Дисненск. уѣзда Виленской губерніи), девять съ голоса самого Романова и пять съ голоса Ивана Козла (Бѣльскаго уѣзда Гродненской губерніи) и т. д.

Слѣдуетъ еще отмѣтить то обстоятельство, что, благодаря вниманію отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, настоящее изданіе будетъ продолжаться по мѣрѣ накопленія надежнаго матеріала, между прочимъ и при помощи фонографа (стр. V—VI).

Слѣдуетъ также принести благодарность гг. Романову и Чуркину за ихъ труды по собиранію и составленію седьмого выпуска «Бѣлорусскаго Сборника».

Первый и второй выпускъ составили «пѣсни, пословицы и загадки» (Кіевъ. 1886 г.); третій выпускъ — «Сказки» (Витебскъ. 1887 г.); четвертый выпускъ—«сказки космогоническія и культурныя»; пятый выпускъ — «заговоры, апокрифы и духовные стихи» (Витебскъ. 1891 г.) и выпускъ шестой—«сказки» (Могилевъ. 1901 г.).

Говоря о 25 пѣсняхъ, записанныхъ съ голоса Анны Пилипенковой, Е. Р. Романовъ пишетъ: «Можно сказать, что это лучшія бѣлорусскія пѣсни. Онѣ рѣшительно опровергаютъ установившееся мнѣніе о бѣдности бѣлорусскихъ мелодій. Правда, большая часть ихъ печальны и вызываютъ слезы у слушателей, мало-мальски знакомыхъ съ трагической исторіей этого народа-страдальца, но зато онѣ же свидѣтельствуютъ о глубокой древности бѣлорусской народной поэзіи и служатъ доказательствомъ живучести и силы бѣлоруссa, не потерявшаго, несмотря на всѣ историческіе перевороты и тяжкія гоненія, своего этнографическаго облика. Многія тысячи бѣлоруссовъ, подъ вліяніемъ духовнаго и матеріальнаго гнета, перешли въ католичество и въ слѣпотѣ своей называютъ свою вѣру «польскою», но стоитъ только событіямъ жизни затронуть струны души народной—и изъ глубины ея извлекаются тысячи звуковъ, тысячи пѣсенъ, громко свидѣтельствующихъ, что измѣна вѣрѣ не измѣнила народнаго лика и почти не повліяла на народную душу» (стр. IV). Д. Бочковъ.

Труды слушательницъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, т. I, вып. II, подъ редакціей профессора И. А. Линниченка. Одесса. 1911. Стр. 270.

Недавно мы писали о первомъ выпускѣ трудовъ слушательницъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Предлежащій второй выпускъ производитъ столь же выгодное впечатлѣніе, какъ и первый. Второй выпускъ состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) «Уголовное право Русской Правды сравнительно съ Салической», М. Левашовой, стр. 1—32; 2) «Изъ исторіи славянофильства», С. Стратіевской-Гросманъ, стр. 33—155, 3) «Старая Одесса, ея друзья и недруги», Д. Атласъ, стр. 159—160.

Статья М. Левашовой представляетъ очень большой научный интересъ, и нужно отдать справедливость молодому автору, она весьма успѣшно разби-

рается въ сложныхъво просахъ, не менѣе удачно оперируетъ методомъ сравнительнаго изученія древне-русскаго юридическаго памятника и Салической Правды, но начинающій авторъ сказывается въ нѣсколько смѣлыхъ и немотивированныхъ обобщеніяхъ. М. Левашова анализируетъ содержаніе Русской Правды и Салической, и на основаніи сопоставленія общихъ и индивидуальныхъ чертъ того и другого юридическаго памятника приходитъ къ заключенію о сходствѣ правовыхъ обычаевъ Русской и Салической Правды. «Очевидно,—говоритъ М. Левашова:—что онѣ (Русская и Салическая Правда) возникли на одной и той же ступени развитія, въ почти одинаковыхъ условіяхъ быта. Обѣ онѣ представляютъ переходную ступень отъ частно-правовыхъ къ государственнымъ отношеніямъ; мы видимъ борьбу общественной власти съ проявленіемъ общественнаго самосуда, съ остатками кровной мести. Въ нихъ преобладаетъ идея матеріальной оцѣнки преступленія надъ объективной, понятіе «нанесенія вреда» замѣняетъ отсутствующее понятіе «нарушеніе» закона. Мы находимъ въ нихъ зарожденіе принципа оцѣнки внутренней субъективной стороны преступленія, и вліяніе обстоятельствъ, при которыхъ оно совершенно, отражается, хотя слабо, на наказаніи...Преступленія противъ государства, религіи онѣ не знаютъ... Обѣ Правды сохранили слѣды мести, какъ перваго наказанія, непосредственно. возникшаго изъ чувства пострадавшаго, а затѣмъ даютъ картину перехода ея въ выкупъ, примиренія путемъ композиціи». Далѣе авторъ говоритъ объ индивидуальныхъ различіяхъ въ Правдахъ, эта часть работы наиболѣе слабая, авторъ недостаточно вниманія удѣляетъ индивидуальнымъ особенностямъ двухъ юридическихъ памятниковъ, не останавливается на выясненіи причинъ въ возникновеніи этихъ индивидуальныхъ чертъ, а потому отрицательный, и только единственный, отвѣтъ на вопросъ о вліяніи Салической Правды на Русскую Правду, нѣсколько наивенъ. Не обоснованы слѣдующія положенія автора: о сознаніи общественнаго значенія преступленія, о пропорціональномъ соотношеніи наказанія и преступнаго дѣянія, взглядъ на виру, «какъ уплату въ казну». Но, несмотря на нѣкоторыя поспѣшныя обобщенія, статья г. Левашовой очень хороша. Обстоятельный экскурсъ въ область славянофильства г. Стратіевской-Гросманъ отличается весьма стройнымъ, литературнымъ изложеніемъ и въ литературѣ о славянофильствѣ займетъ почетное мѣсто. Авторъ дастъ обстоятельную характеристику міровоззрѣнія И. Аксакова, Данилевскаго, Леонтьева; особенно понравился намъ очеркъ объ Аксаковѣ, очень хорошъ очеркъ о Леонтьевѣ, слабѣе характеристика Данилевскаго; автора можно упрекнуть лишь въ томъ, что ей не удалось связать эти очерки воедино и установить генетическую связь въ общественной философіи И. Аксакова, Данилевскаго, Леонтьева и старшихъ славянофиловъ. Нельзя не согласиться съ основнымъ положеніемъ автора, который говоритъ: «славянофильство не разложилось, а дошло до логическаго своего завершенія, отбрасывая постепенно всѣ случайные и служебные элементы. Правовѣрное старое славянофильство мы должны считать не самымъ существеннымъ выраженіемъ ученія, не истинной сущностью его, а лишь однимъ изъ моментовъ въ его исторіи. Національстическое начало славянофильства оказалось такимъ устойчивымъ потому, что опиралось не на теорію, не на отвлеченное построеніе, а на чувство и инстинктъ». Статья Д. Атласъ

основана на кропотливыхъ и тщательныхъ изысканіяхъ и посвящена характеристикѣ старой Одессы; имѣетъ она прежде всего чисто мѣстный интересъ, но помимо этого имѣетъ болѣе общій интересъ, ибо авторъ весьма обстоятельно характеризуетъ недружелюбное отношеніе сильныхъ міра къ «иностранной» Одессѣ.

Въ заключеніе можемъ сказать, что авторы «Трудовъ» обнаружили весьма солидную историческую подготовку и умѣніе оперировать строго критическими научными методами.

Внѣшность книги отличная, видно, книга печаталась съ большой любовью и интересомъ къ дѣлу. «Труды» обязаны своимъ появленіемъ нравственному и матеріальному иждивенію профессора И. А. Линниченка.

С. Аваліани.

Судъ чести и дуэль въ войскахъ россійской арміи. П. А. Швейковскій. 3-е изданіе. Исправилъ и дополнилъ полковникъ Вишняковъ. Спб. 1912. Стр. 214. Цѣна 1 р. 25 коп.

Суды общества офицеровъ функціонируютъ у насъ давно и достаточно популярны въ нашей арміи; въ 1894 году, въ самомъ концѣ царствованія императора Александра III, офицерамъ русской арміи дано было право защищать свою честь съ оружіемъ въ рукахъ, причемъ на суды общества офицеровъ возложено было рѣшеніе объ умѣстности и необходимости дуэли, а также урегулированіе условій поединка. Въ настоящее время, въ январѣ текущаго года, послѣдовало высочайшее утвержденіе новаго закона о «судахъ чести», замѣнившаго прежнія законоположенія о «судахъ общества офицеровъ» и окончательно урегулировавшаго правила о поединкахъ. Вопросъ о дуэли—вопросъ спорный; рѣшеніе его въ ту или другую сторону зависитъ отъ индивидуальныхъ свойствъ даннаго лица и его темперамента, а главное, отъ установившихся въ обществѣ понятій и отъ уваженія къ общему суду. Дуэли, напримѣръ, въ Англіи крайне рѣдки, вслѣдствіе самаго характера англичанъ и установившагося обычая, даже въ самыхъ высшихъ кругахъ, въ случаяхъ обидъ, обращаться въ общіе суды, рѣшенія которыхъ они уважаютъ, и авторитетъ судьи ставятъ выше средневѣковыхъ обычаевъ. Въ пользу дуэлей говорятъ, что онѣ воспитываютъ въ человѣкѣ понятіе о томъ, что есть вещи, которыя должны быть для него «дороже жизни», что пріучаютъ къ корректности и къ осторожному обращенію съ другими, но примѣръ англичанъ, не признающихъ дуэли, и въ особенности послѣднія событія на «Титаникѣ» доказываютъ, что самопожертвованіе и высшая порядочность пріобрѣтаются другимъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, избѣжать совершенно дуэлей нельзя, ибо оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ можетъ быть совершено при такой обстановкѣ, что рѣшеніе судьи, даже самое строгое, но не выходящее изъ предѣловъ закона, не можетъ удовлетворить оскорбленнаго. Какъ бы то ни было, вопросъ о дуэли въ нашей арміи рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, несмотря на то, что «уголовное уложеніе» признаетъ дуэли наказуемыми; противорѣчіе между общимъ и военнымъ законодательствомъ устраняется

тѣмъ, что дѣла о дуэляхъ восходятъ черезъ соотвѣтственное военное начальство на благовоззрѣніе Государя Императора, обыкновенно утверждающаго постановленіе о прекращеніи слѣдствія. Во всякомъ случаѣ каждому офицеру необходимо основательно ознакомиться не только со всѣми деталями новаго закона, но и съ мотивами, вліявшими на рѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать полезнымъ появленія въ печати 3-го изданія труда г. Швейковскаго, обработаннаго полковникомъ Вишняковымъ, согласно новому положенію о «судахъ чести», съ присовокупленіемъ историческаго очерка вопроса о дуэляхъ. По новому закону, компетенція «судовъ чести» расширена: суду этому подлежатъ не только оберъ-офицеры, но и штабъ-офицеры (не пользующіеся правами командира отдѣльной части) и, кромѣ того, всѣ офицеры военныхъ управленій и заведеній получаютъ суды чести, по выработкѣ правилъ, сообразныхъ съ особенностями учрежденія и согласно съ основаніями новаго положенія; правила эти подлежатъ утвержденію военнаго министра. Нельзя не пожелать скорѣйшаго введенія «судовъ чести» въ многочисленныя управленія и учрежденія военнаго вѣдомства, а также привлеченія къ «суду чести» и командировъ частей и генераловъ, что уже принято въ нѣкоторыхъ иностранныхъ арміяхъ (германской), не опасаясь дурныхъ отъ того послѣдствій въ дисциплинарномъ смыслѣ, ибо судъ производится лицами равными и выборными, а все производство ведется въ полной тайнѣ, безъ участія писарей. Суды чести для оберъ-офицеровъ формируются при полкахъ, а для штабъ-офицеровъ при дивизіи, въ составѣ 5 штабъ-офицеровъ, по одному отъ каждаго полка и артиллерійской бригады.

Книга издана г. В. А. Березовскимъ весьма удовлетворительно и будетъ весьма полезна для офицеровъ всѣхъ степеней и для полковыхъ библіотекъ.

Л. Н.

И. Алешинцевъ. Исторія гимназическаго образованія въ Россіи. Спб. 1912. Стр. 346. Изд. О. Богдановой. Цѣна 3 рубля.

Болѣе чѣмъ своевременно появляется настоящая исторія нашего средняго образованія, на основаніи архивныхъ данныхъ открывающая пути, пройденные школою, пути не прямые, ухабистые и неровные, и въ общемъ превращающаяся въ мартирологъ злосчастнаго русскаго ученика, съ потребностями котораго менѣе всего считалась лица, производившія свои опыты надъ образованіемъ. Можетъ быть, мы стоимъ на порогѣ новаго такого опыта, ведущаго къ сознанной и намѣренно высиженной въ атмосферѣ реакціи цѣли. Вѣдь мы только что слышали голоса на петербургскомъ съѣздѣ филологовъ-классиковъ, взывавшіе къ возрожденію классицизма въ средней школѣ, голоса, подкрѣпленные, очевидно, болѣе сильными вліяніями, чѣмъ педагогическія мнѣнія самихъ классиковъ, которые предназначены лишь быть застрѣльщиками. Можно предвидѣть борьбу за и противъ классицизма, и потому-то такъ кстати появленіе книги г. Алешинцева, подводящей историческій итогъ многострадальной жизни нашей школы.

Въ самомъ дѣлѣ, чего только съ нею ни дѣлали, куда только ее ни поворачивали!

Александровская гимназія, по уставу 1804 года, не учила греческому языку, но въ числѣ предметовъ ея были статистика, философія, политическая экономія, технологія, коммерческія науки. Въ министерство комической памяти Шишкова проводится принципъ, что греческій языкъ долженъ имѣть преимущество передъ латинскимъ. Но въ 1852 г. императоръ Николай I повелѣваетъ уничтожить преподаваніе греческаго языка, какъ ненужнаго, и оставить лишь въ такихъ городахъ, какъ Таганрогъ, Нѣжинъ, очевидно, для удовольствія такъ называемымъ нѣжинскимъ грекамъ. По уставу 1804 года греческій языкъ оставался лишь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, при чемъ на него отводилось 24 часа въ недѣлю. Въ толстовской гимназіи это число возрастаетъ для всѣхъ гимназій до 36; при Деляновѣ уменьшили до 33; при Боголѣповѣ исключили совершенно греческій языкъ изъ курса гимназій, оставивъ его лишь для желающихъ, которыхъ почти не находится. На съѣздѣ же филологовъ греческій языкъ провозглашенъ опять самымъ необходимымъ для русскаго человѣка предметомъ образованія. Шишковъ шлетъ имъ съ того свѣта выраженія своей милости...

Наиболѣе интересны для насъ страницы книги г. Алешинцева, посвященныя исторіи проведенія толстовской гимназіи.

Уставъ гимназій 1864 года былъ проведенъ при участіи общественныхъ и педагогическихъ силъ, сколько допускала возможность этого въ то время. «Проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній» министра А. В. Головнина былъ обнародованъ и сообщенъ для обсужденія педагогическимъ совѣтамъ, а также ученымъ и педагогамъ Англіи, Франціи, Германіи. По этому поводу въ министерство было подано 365 отзывовъ: защитниковъ классицизма было меньшинство, которые пользовались для этого мнѣніями, ставшими въ наше время избитыми фразами, въ родѣ того, что за классическое образованіе опытъ прошлаго, что греческій языкъ нуженъ по нашимъ отношеніямъ къ Византіи (но къ Греціи Перикла!) при Олегѣ и Игорѣ, что древніе языки—гимнастика ума и т. д., и т. д. Съ тѣхъ поръ аргументація классиковъ не увеличилась ни на іоту.

Не такъ прошелъ толстовскій уставъ.

При содѣйствіи гг. Георгіевскаго, П. М. Леонтьева и на все гораздаго Каткова, при полномъ невниманіи къ голосу всего остального общества, классицизмъ и въ государственныхъ сферахъ прошелъ при исключительныхъ условіяхъ. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта 15 мая 1871 года противъ исключительности классическаго образованія было 29 членовъ, отстаивавшихъ права реальной школы. За толстовскій проектъ было 19 голосовъ. Въ виду такой картины обсужденія вопроса о классицизмѣ толстовская партія, опасаясь за судьбу послѣдняго и, конечно, самого Толстого, пустила въ ходъ закулисныя средства. Такъ, графъ С. Строгановъ параллельно съ докладомъ государственнаго совѣта представилъ конфиденціальную записку, въ которой введеніе классицизма преимущественно аргументировалось «невозможностью для графа Толстого оставаться во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, если ему суждено бу-

деть приводить въ исполненіе проектъ, противный его убѣжденіямъ». Государь утвердилъ мнѣніе меньшинства, и классицизмъ, толстовскій классицизмъ, который русскому языку въ VII классѣ отводилъ лишь 2 урока, а латинскому и греческому—13 уроковъ, восторжествовалъ на несчастіе многихъ поколѣній!

И теперь ужь есть надежда,
Что чрезъ нѣсколько годовъ
Выйдутъ круглыя невѣжды
Изъ классическихъ головъ...

Такъ пѣли въ опереттѣ «Чайный цвѣтокъ» на сценѣ Малаго театра. Куплеты эти, конечно, сейчасъ же было приказано снять, такъ какъ публика демонстративно выражала имъ свое сочувствіе.

Вообще, чтобы заглушить голосъ неодобренія общества по отношенію къ классицизму, его вдохновителямъ приходилось прибѣгать далеко не къ силѣ убѣжденія. Такъ, Д. Толстой добился того, чтобы газеты не печатали ничего объ измѣненіи правительственныхъ установленій, внесенныхъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ, что должно было забронировать классическую реформу. Деляновъ же, по поводу ходатайства смоленскаго, орловскаго и самарскаго дворянства о пересмотрѣ дѣйствующаго устава учебныхъ заведеній, въ высочайшемъ докладѣ объ этомъ, не имѣя въ запасѣ никакихъ опроверженій, откровенно сталъ на обще-полицейскую точку зрѣнія: «Теперь дѣло коснулось мужскихъ гимназій, въ другой разъ оно можетъ перейти и на другіе вопросы, въ родѣ попытокъ къ возбужденію вопроса о непадобности земскихъ начальниковъ».

Такъ была водворена толстовско-деляновская система, съ ея выговорами попечителямъ за большое число лицъ, получившихъ аттестаты зрѣлости (328 стр.), съ ея откровеннымъ политическимъ сыскомъ, заставлявшимъ преподавателя словесности «слѣдить какъ можно внимательнѣе за направленіемъ учащихся, стараясь знакомиться съ ними чрезъ сочиненія», съ ея невообразимымъ количествомъ не оканчивавшихъ учениковъ: въ 1873 г. изъ гимназій выбыло10,792 человѣка!

Мы не исчерпали и малой доли богатства содержанія интересной и поучительной книги г. Алешинцева и, заканчивая ея обзоръ, жалѣемъ лишь, что цѣна ея невозможно высока. П. О.

Г. Глаголинъ. За кулисами моего театра. С.-Петербургъ. 1911. Цѣна 1 р. 50 коп.

Настоящая книга прежде всего не удовлетворитъ каждаго, кто вздумаетъ найти въ ней что-либо относящееся къ закулисной жизни «моего», т. е. Глаголинскаго театра или какого бы то ни было.

Книга эта представляетъ собою собраніе публицистическихъ статей о театрѣ, печатанныхъ г. Глаголинымъ въ свое время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ 1906—1911 гг.

Въ сорока шести замѣткахъ на 198 страницахъ съ полями въ полстраницы авторъ исчерпываетъ всю многогранную жизнь театра въ его отношеніяхъ къ дѣйствительности и искусству.

Въ отдѣлѣ «Къ театральной тайнѣ» авторъ успѣвастъ на 45 стр. поговорить на 11 темъ. Здѣсь и о Гордонѣ Крэгѣ,и о Элеонорѣ Дузэ, и вступительная лекція автора, читанная на театральныхъ курсахъ, и «къ психологіи театральныхъ успѣховъ», а также о женскихъ не по мѣркѣ сшитыхъ «туалетахъ на сценѣ», и исповѣдь передъ Мейерхольдомъ въ томъ, что онъ, авторъ, «любилъ когда-то эту дѣвушку и услыхалъ о ней теперь, когда она вышла замужъ за Мейерхольда». Такимъ антропоморфическимъ образомъ характеризуетъ свое отношеніе къ идеѣ театра Мейерхольда, которую якобы когда-то любилъ и бросилъ г. Глаголинъ.

Въ отдѣлѣ «о театральной критикѣ» авторъ горячо ополчается, отчасти въ справедливомъ гнѣвѣ, на театральныхъ рецензентовъ, называя ихъ милыми, но падшими созданьями. Въ статьѣ же «о самомъ себѣ» приходитъ къ неожиданному и врядъ ли утѣшительному для актеровъ заключенію: «актеры, говорю я, пишите о себѣ; если вы сами себя не оцѣните, никто васъ не оцѣнитъ» (стр. 71).

Изъ третьяго отдѣла «Изъ дневника» наиболѣе интереснымъ является отмѣтить выдержку изъ статьи «Текстъ Гамлета», направленную въ защиту свободы индивидуальнаго творчества актера въ созданіи имъ тѣхъ или иныхъ сценическихъ образовъ: «Актеръ вовсе не инструментъ, на которомъ драматурги разыгрываютъ свои пьесы,—онъ художникъ, который самъ играетъ на инструментѣ, подвластномъ единственно только ему, такъ какъ тотъ инструментъ не деревянная флейта, скрипка или рояль, а живая душа человѣка, да и душа-то его собственная прежде всего. Лаской съ ней, что захочетъ художникъ, то и сдѣлаетъ: она податлива, реагируетъ на безчисленное множество мыслей и чувствъ, но пыткой изъ души слова не выжмешь. А какъ часто такую пытку устраиваютъ актерской душѣ господа сочинители. Эти господа увѣрены, что душа актера матъ, который наложенъ для нихъ у театральныхъ дверей, который одушевленъ только одной мечтой; угодить автору и публикѣ» (стр. 143).

Имѣется также нѣсколько статей на тему о дѣтскомъ театрѣ. Взглядъ автора на задачи дѣтскаго театра, самъ по себѣ безусловно правильный и широкій, нѣсколько теряетъ отъ своеобразнаго пониманія причинъ, мѣшающихъ порожденію и развитію у насъ дѣтскаго театра. Г. Глаголинъ не довольствуется указаніемъ на отсутствіе настоящихъ творцовъ дѣтской драматической литературы, но полагаетъ причину также и въ томъ, что взрослое общество не хочетъ интересоваться пьесами, писанными для дѣтей. «Нужны сюжеты изъ дѣтской жизни для публики—для дѣтей и взрослыхъ, извратившихся на представленіяхъ современности», говоритъ авторъ, основывая свою мысль на мнѣніи, что «у души человѣческой нѣтъ возраста» старѣютъ, якобы, «свидѣтельства о рожденіи, а не человѣкъ, что «возрастъ играетъ роль только въ вопросахъ о размѣрѣ костюма, его покроѣ и т. д.».

Въ виду того, что доводовъ противъ такой нивеллировки человѣческихъ душъ и возраста найдется слишкомъ много—автору можно и не возражать, тѣмъ болѣе, что онъ ничего не говоритъ въ доказательство своей мысли, кромѣ того, что душа человѣческая «не растетъ», а растетъ тѣло.

Увлеченіе г. Глаголина заграничными театрами покоится на незатѣйливомъ, но уже устарѣломъ правилѣ: «за границей все лучше». Напримѣръ, введена въ

нѣкоторыхъ заграничныхъ театрахъ въ антрактахъ музыка, а у насъ выведена—съ музыкой лучше, находитъ авторъ, потому что въ англійскихъ мелодрамахъ, напримѣръ, музыка никогда не изгонялась. «Русскіе театры изгнали изъ своихъ стѣнъ музыку въ антрактахъ. Чрезмѣрно ли музыкаленъ русскій языкъ и потому не требуетъ восполненія инструментальной музыки, или почему иному, но мы отбросили музыку: оказалось, что она «мѣшаетъ», вредитъ цѣльности впечатлѣнія... Мы не поработали надъ ея усовершенствованіемъ, какъ то сдѣлали англичане, мы поступили съ ней по-русски. Изъ музыкальныхъ вступленій нашихъ мелодрамъ не вышло ничего,—мы перестали ставить мелодрамы, какъ только онѣ понадоѣли намъ,—и ихъ музыкальныя дополненія потеряли для насъ интересъ новизны. Никто не позаботился объ ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Точно такъ же поступили мы съ декламаціонной манерой читки стиховъ, позаимствованной нами у французовъ. Она устарѣла для насъ черезъ двадцать-тридцать лѣтъ и не была замѣнена ничѣмъ. И въ то время, какъ французскій театръ перешелъ къ болѣе сложнымъ и тонкимъ теоріямъ декламаціи, мы оказались при своей пресловутой «простотѣ». Нашъ театръ перешелъ на лишенную всякой музыкальности разговорную рѣчь».

Французы до сихъ поръ не оставляютъ декламаціонной школы въ драмѣ—вотъ и намъ бы,—жалѣетъ авторъ,—Островскаго, напримѣръ, разыграть съ легкостью и плавностью французскаго водевиля или съ гортанными переливами—на манеръ французской трагедіи...

Очень наивнымъ кажется хорошо знающему заграничную жизнь убѣжденіе автора въ томъ, что за границей изъ уваженія къ театру народъ приходитъ въ праздничныхъ торжественныхъ костюмахъ: «въ партерахъ и въ ложахъ вы не встрѣтите мужчины, который не былъ бы не во фракѣ, и дамы, которая пріѣхала бы въ театръ не въ декольтэ».

Во-первыхъ, самъ авторъ ограничиваетъ народъ, любящій театръ, «партеромъ и ложами, а, во-вторыхъ, это вовсе не народъ, а просто фешенебельная публика, которая ѣздитъ ужинать въ ресторанъ въ тѣхъ же «праздничныхъ нарядахъ»...

Дѣло не въ любви къ мѣсту, а въ любви къ туалету, иначе говоря—декольтэ у дамъ и фракъ и цилиндръ у мужчинъ—это бытъ заграничной жизни.

Чтобы вполнѣ исчерпать запасъ руководящихъ взглядовъ на театръ г. Глаголина, слѣдуетъ отмѣтить его очень категорическое мнѣніе относительно женщины на сценѣ: «успѣхъ актрисъ на сценѣ пропадаетъ съ ихъ молодостью, женскимъ обаяніемъ и красотой—успѣхъ актеровъ возрастаетъ съ ихъ возмужалостью и техникой. Доказывать, что женщина царитъ на современной сценѣ, это доказывать нецѣломудренность театра».

Конечно, въ этомъ мнѣніи больше безапелляціонности, чѣмъ основанія, и потому яркіе примѣры жизни краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій свидѣтельствуютъ о несостоятельности очень искристыхъ, но несерьезныхъ мнѣній г. Глаголина.

Для порядка, въ сужденіи о внѣшнемъ достоинствѣ и объемѣ книги нельзя не отмѣтить, что восьмая часть всего содержанія отведена г. Глаголинымъ подъ рецензіи и критики разныхъ газетъ объ его сочиненіяхъ и роляхъ, въ томъ числѣ и о книгѣ «Почему я играю роль Орлеанской Дѣвы».

А. М. Нечаева.

Юліанъ Кулаковскій, профессоръ императорскаго университета св. Владимира, членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ, членъ сверхъ штата императорской археологической комиссіи. Исторія Византіи. Томъ II. (518—602). Съ четырьмя картами, тремя рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Кіевъ. 1912. Стр. X+512. Ц. 3 рубля.

Профессоръ Ю. А. Кулаковскій продолжаетъ свой огромный трудъ по исторіи Византіи съ замѣчательнымъ усердіемъ. Не успѣлъ еще пройти годъ со времени появленія перваго тома, о которомъ современно былъ данъ отчетъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», какъ мы имѣемъ уже вторую книгу и притомъ столь же внушительныхъ размѣровъ, какъ и раньше. На этотъ разъ авторъ излагаетъ событія въ правленіе императоровъ Юстина I, Юстиніана, Юстина II, Тиберія и Маврикія, которые успѣли смѣнить другъ друга на пространствѣ менѣе ста лѣтъ (518—602). На легко возникающій упрекъ въ растянутости повѣствованія—исторія 84 лѣтъ передана на 512 страницахъ—слѣдуетъ возразить, что данная эпоха богата весьма важными событіями, заслуживающими самаго детальнаго и внимательнаго изложенія. Достаточно вспомнить про одно правленіе Юстиніана съ его безпрерывными войнами, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе славный Велизарій, съ кодификаціей римскаго права, съ построеніемъ храма св. Софіи, съ безчисленными партійными раздорами, выразившимися особенно въ знаменитомъ мятежѣ Ника, чтобы понять, что всѣ эти событія не могутъ быть разсказаны менѣе, чѣмъ на 300 страницахъ, какъ это мы и имѣемъ у Ю. А. Кулаковскаго. Не надо забывать, что авторъ—піонеръ своей темы въ нашей исторической наукѣ. Богатая интересными и даже драматическими событіями эпоха разсказана авторомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ весьма живо. Такъ, въ самомъ началѣ книги имѣемъ почти сказочную исторію возвышенія простого селянина, пришедшаго въ Константинополь искать счастья съ кускомъ хлѣба въ котомкѣ, до сана властелина огромной державы (Юстинъ I). Правда, и упрашивали его принять царство не особенно вѣжливо, именно одинъ тѣлохранитель толкнулъ его при этомъ въ лицо съ такою силой, что раскроилъ ему губу. Любопытно, что этотъ императоръ до конца дней своихъ не научился даже писать. Когда же впослѣдствіи ему приходилось подписывать государственные акты, то онъ пользовался дощечкой съ прорѣзанными буквами, по которымъ водилъ косточкой. Здѣсь же мимоходомъ авторъ убѣдительно подтверждаетъ неосновательность легенды, врядъ ли исчезнувшей окончательно изъ нашихъ учебниковъ, о славянскомъ происхожденіи Юстина и племянника его Юстиніана.

Все изложеніе ведется по одному общему плану, что, конечно, сообщаетъ книгѣ значительную стройность и схематичность. Именно, сперва авторъ передаетъ личную исторію каждаго императора, затѣмъ обстоятельства вступленія его на престолъ, внутреннія реформы, внѣшнюю политику, церковныя дѣла и жизнь столицы. При разсказѣ о правленіи племянника и преемника Юстиніана, Юстина II, Ю. А. Кулаковскій весьма умѣло и удачно пользуется данными объ его вступленіи на престолъ и о различныхъ придворныхъ церемо-

ніяхъ, извлекаемыми изъ современнаго той эпохѣ африканскаго поэта Коринна. При изложеніи внѣшнихъ событій этого царствованія много мѣста удѣляется Италіи, занятой тогда лангобардами, и любопытнымъ дипломатическимъ сношеніямъ императора съ турками. Преемникомъ Юстина II былъ усыновленный имъ секретарь его Тиберій. Его правленіе ознаменовалось внутри государства придворными интригами, которыя вела вдова Юстина II, Софія, долго не желавшая дѣлиться принадлежавшимъ ей почетомъ съ женой Тиберія, и религіозными раздорами, особенно яростнымъ преслѣдованіемъ язычниковъ въ апрѣлѣ 580 г. Всѣ эти событія разсказаны Ю. А. Кулаковскимъ очень красочно. Во внѣшнихъ сношеніяхъ Тиберій велъ сперва счастливую войну съ персами, и его полководецъ Юстиніанъ прислалъ даже въ столицу взятыхъ въ плѣнъ слоновъ, которые забавляли народъ, совершая крестное знаменіе, когда проходили предъ церквами, и преклоняясь предъ императоромъ во время игръ на ипподромѣ (стр. 387). Но потомъ боевое счастье измѣнило императору. Столь же неудачно дѣйствовалъ онъ въ сношеніяхъ съ аварами, которыхъ пригласилъ защищать имперію противъ славянъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что авары захватили городъ Сирмій. Съ особымъ интересомъ читается конецъ книги, посвященный трагической судьбы императора Маврикія, зятя и преемника Тиберія. Скромный провинціалъ, уроженецъ каппадокійскаго города Арависса, Маврикій былъ почтительнымъ сыномъ, любящимъ братомъ, нѣжнымъ отцомъ и добрымъ семьяниномъ, но этихъ похвальныхъ качествъ, конечно, было недостаточно для управленія обширной имперіей. Мало того, вызовъ императоромъ въ столицу своей многочисленной родни и заботы его объ ея обогащеніи возбудили сильное неудовольствіе въ народѣ. На ряду съ этимъ Маврикій всю жизнь не могъ выйти изъ того узкаго провинціальнаго кругозора, въ которомъ выросъ, а потому, конечно, не могъ и пріобрѣсти популярности ни въ придворныхъ кругахъ, ни среди народныхъ массъ. Конецъ его правленію положилъ военный бунтъ дунайской арміи, передавшійся затѣмъ и столичному населенію, которое кричало, между прочимъ: «Пусть сорвутъ съ того кожу, кто любитъ тебя, Маврикій маркіанистъ» (еретикъ). Императоръ бѣжалъ изъ Константинополя и въ концѣ концовъ, по повелѣнію своего преемника Фоки, былъ казненъ въ Халкидонѣ. «Несчастный отецъ долженъ былъ пережить казнь своихъ пяти сыновей, изъ которыхъ младшій былъ еще младенцемъ. Кормилица хотѣла подмѣнить его своимъ ребенкомъ, но Маврикій воспротивился этому и имѣлъ рѣшимость самъ указать, гдѣ находится его сынъ. Свидѣтели казни были поражены спокойствіемъ Маврикія въ эти ужасныя минуты конца его жизни и слышали, какъ онъ часто повторялъ про себя слова: «праведенъ еси, Господи, и правъ судъ Твой». Послѣ дѣтей казненъ былъ отецъ. Тѣла казненныхъ были брошены въ море, которое прибило ихъ къ берегу, а головы принесены Фокѣ, и онѣ были выставлены на военномъ полѣ предъ трибуналомъ, какъ трофеи побѣды» (стр. 493).

Этими трагическими страницами закапчиваетъ г. Кулаковскій настоящій томъ своей исторіи Византіи. Нечего и говорить, что изложеніе автора вездѣ основано на тщательно указанныхъ первоисточникахъ. Въ началѣ труда дано продолженіе прибавленнаго къ I тому списка спеціальной ученой литера-

т
уры, которой пользовался авторъ. Къ четко и изящно отпечатанной книгѣ приложены 4 карты (Италіи, Рима и его окрестностей, Сѣверной Африки и Арменіи) и фототипическая таблица съ изображеніями Юстиніана и Ѳеодоры съ мозаикъ церкви S. Vitale въ Равеннѣ, а также 3 рисунка въ текстѣ (церковь св. Софіи и планъ ея). А. М—нъ.

Валерій Брюсовъ. Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія. М. 1911. Стр. 4 нен.+56.

Объ этомъ римскомъ писателѣ IV вѣка одинъ историкъ сказалъ, что онъ «скорѣе версификаторъ, чѣмъ поэтъ», и «значительное число его произведеній не заслуживало сохраненія». Да и самъ г. Брюсовъ говоритъ, что въ его стихахъ «многое граничитъ прямо съ графоманіей». Всю свою жизнь Авсоній занимался просто глупостями, которыя г. Брюсовъ называетъ «великимъ мастерствомъ въ техникѣ стихотворчества». Авсоній то писалъ стихотворенія «исключительно изъ краткихъ слоговъ», то «во многихъ стихотвореніяхъ смѣшивалъ латинскій языкъ съ греческимъ, такъ что одно полустишіе написано по-латыни, другое—по-гречески» и т. д. Образцы подобной «поэзіи» найдутся и у насъ. «Ego по полю шатался, mihi puer повстрѣчался, puer lapidem схватилъ, mihi въ caput закатилъ», сочиняла наша старая бурса, но, надо отдать ей справедливость, относилась къ такимъ сочиненіямъ съ добрымъ юморомъ, безъ убійственной серьезности г. Брюсова, и не подозрѣвала, что доходитъ до шедевровъ «стихотворческой техники». Добро бы еще этотъ Авсоній былъ связанъ тѣсно со своей знаменательной эпохой, такъ нѣтъ же, и недаромъ одинъ авторитетный ученый писалъ о немъ: «тотъ полный потрясеніями вѣкъ, въ который жилъ Авсоній, совершенно не выразился въ его поэзіи, занятой пустяками... пульса эпохи не чувствуется въ томъ царствѣ тѣней, которое образуетъ его поэзія». Этотъ мертвый писатель, у котораго, конечно, не могло быть «друга въ поколѣньѣ», нашелъ, однако, «читателя въ потомствѣ» и даже усерднаго почитателя, который вздумалъ пересадить на русскую почву избранныя красоты Авсонія. Авторъ знаменитаго стихотворенія: «О, закрой свои блѣдныя ноги!» (это все стихотвореніе) сочувственно переводитъ изъ Авсонія «Римъ»:—«Римъ золотой, обитель боговъ, межъ градами первый» (это тоже все стихотвореніе). Вотъ что писалъ Авсоній «Къ нимфамъ, похитившимъ Гиза»:

Пылайте, страстныя наяды,
Любовью яростной и тщетной:
Тотъ отрокъ—будетъ онъ цвѣткомъ.

Или—«На прелестнаго мальчика»:

Колебалась природа, мужчину создать или дѣву:
Создалъ, прелестный, былъ ты—мальчикъ мой, дѣва почти!

«Что, если это проза, да и дурная», на всѣхъ языкахъ пустячная и глуповатая, а по-русски переданная еще малограмотно! Самое «изслѣдованіе» г. Брюсова нисколько не самостоятельно, это не больше, какъ компиляція изъ тру-

довъ западныхъ ученыхъ. Жаль, что переводчикъ не украсилъ книжку своимъ портретомъ. Вдохновленные геніями Брюсова и Децима Магна Авсонія, мы успѣли, слегка перефразируя знаменитые арзамасскіе стихи о Хвостовѣ, сложить такую надпись къ его портрету:

Се русска Магна зракъ. Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Ввыспрь быстро, какъ птицъ царь, взнесь верхъ на Геликонъ...

О.

Paul Baron Osten-Saken. Lifländische Geschichtsliteratur. 1908. Рига. 1911.

Новый составитель библіографическаго указателя литературы о Прибалтійскомъ краѣ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ составлявшагося А. Фейерейзеномъ, придерживается прежняго распредѣленія матеріала, группируя его на слѣдующіе 15 отдѣловъ: 1) библіографія, историческія общества, архивы; 2) первобытная исторія, археологія, древности; 3) изданія источниковъ и документовъ, рукописи; 4) исторія; 5) церковная исторія; 6) исторія культуры; 7) языковѣдѣніе, исторія литературы; 8) исторія университетовъ и учебныхъ заведеній; 9) исторія искусства, охраненіе памятниковъ; 10) исторія права, политическая экономія, статистика; 11) географія и топографія; 12) антропологія, этнографія; фольклоръ; 13) біографіи, генеалогія, некрологи; 14) нумизматика, геральдика, сфрагистика; 15) рецензіи и рефераты (о трудахъ, вышедшихъ до 1908 г. и уже вошедшихъ въ предыдущіе выпуски «Указателя»).

Всего приведено 630 названій. Книжка оканчивается указателями авторовъ, анонимныхъ сочиненій и русскихъ трудовъ. Попрежнему, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно внесены въ указатель сочиненія общаго характера, не имѣющія прямого отношенія къ Прибалтійскому краю, какъ, напримѣръ, Иконниковъ, «Опытъ русской исторіографіи», или «Путеводитель по музею псковскаго археологическаго общества». Такимъ образомъ, если составителю быть строго послѣдовательнымъ ,ему придется вносить въ свой указатель всѣ учебники исторіи и географіи Россіи, всѣ энциклопедическіе словари и т. д.

Съ другой же стороны, составителемъ недостаточно использована русская литература, въ особенности періодическая. Впрочемъ, неполноту своей работы онъ сознаетъ самъ и объясняетъ ее тѣмъ, что въ Ревелѣ, куда Остенъ-Сакенъ переселился изъ Риги, нѣтъ достаточнаго книжнаго матеріала.

А. Мальмгренъ.

Очеркъ исторіи Арменіи въ связи съ общимъ ходомъ событій въ передней Азіи. Періодъ I. Древняя исторія. Лекціи Г. А. Халатьянца. М. 1910.

Впервые появляется въ русской печати курсъ лекцій, читанныхъ по армянской исторіи въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Онъ принадлежитъ перу профессора Г. А. Халатьянца, съ рѣдкою любовью и исключительнымъ знаніемъ предмета воспроизведшаго исторію армянскаго народа за первый періодъ, кончая началомъ IV вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Во вступленіи

авторъ знакомитъ читателей съ основными періодами армянской исторіи. Древній періодъ онъ опредѣляетъ до паденія армянскихъ Аршакидовъ въ V вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ, средній—до паденія послѣдняго армянскаго царства въ концѣ XIV вѣка и новый—послѣ того до нашихъ дней. Внутреннія особенности каждаго періода авторъ сводитъ къ тому, что первый періодъ характеризуется, какъ эпоха образованія государства путемъ сплачиванія различныхъ племенъ и народностей, въ восточномъ духѣ. Во второмъ періодѣ господствующими факторами являются церковность и феодализмъ. Третій періодъ совпадаетъ съ процвѣтаніемъ армянскихъ колоній. Изложеніе лекцій обнимаетъ пятнадцать главъ, въ составъ которыхъ вошли сжатый, но мѣтко сдѣланный обзоръ Арменіи въ географическомъ отношеніи въ связи съ вопросомъ о происхожденіи армянъ и мѣстѣ армянскаго языка среди индо-европейской группы языковъ. Съ интересомъ читается глава объ источникахъ (національныхъ и иностранныхъ) древней исторіи Арменіи. Установивъ свою точку зрѣнія на исторію древняго Востока (Вавилоніи, Ассиріи, народовъ—Хаты, Митанію, Урарнійцевъ), авторъ приступаетъ въ V главѣ къ изложенію исторіи древнеараратскаго армянскаго царства и постепенно вводитъ въ кругъ развертывающихся событій въ жизни армянъ подъ персидскимъ и македонскимъ владычествомъ. Переходя къ исторіи ново-армянскаго царства, авторъ по справедливости удѣляетъ много вниманія царствованію Тиграна Великаго, счастливаго соперника Рима, и анализируетъ внутреннее устройство армянскаго государства. Далѣе слѣдуетъ исторія паденія національной династіи въ Арменіи и установленіе въ ней Аршакидовъ, дѣятельность которыхъ изображается вплоть до Тиридата Великаго (297—330). Появленіе «Очерка исторіи Арменіи», написаннаго художественно и живо, можно привѣтствовать и пожелать скорѣйшаго завершенія этого столь необходимаго труда по исторіи одного изъ культурнѣйшихъ народовъ Востока.

А. Х

П. Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб. 1911.

Профессоръ оксфордскаго университета П. Г. Виноградовъ (бывшій профессоръ московскаго университета) одинъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковья. Сочиненія его, изданныя на англійскомъ языкѣ, пользуются всемірной извѣстностью. Само собою разумѣется, что и новая его работа представляетъ большую научную цѣнность. Это спеціальное изслѣдованіе, не предназначенное для широкой публики, но русскіе историки должны имѣть его въ виду. Въ книгѣ профессора Виноградова они найдутъ обширный матеріалъ для сравненія съ древнею русской общиной. Въ высшей степени важно то, что авторъ сообщаетъ намъ о родѣ, селѣ, надѣльныхъ системѣ, сельскохозяйственныхъ условіяхъ, землевладѣніи и общественныхъ классахъ въ средневѣковой Англіи. Англійскіе домохозяева не дѣлили необработанную землю и пользовались ею сообща. Луга, которыхъ было немного и цѣнность которыхъ была поэтому велика, дѣлились и передѣлялись между отдѣльными членами общины пропорціонально рабочимъ силамъ. Пахотная земля, являвшаяся наиболѣе важной и существенной

частью всего владѣнія, была разбросана отдѣльными полосами по разнымъ полямъ деревни, такъ что каждый надѣлъ представлялъ какъ бы группу такихъ полосъ, равную прочимъ группамъ того же наименованія. При обработкѣ земли каждый долженъ былъ примѣнять одни и тѣже методы и руководствоваться одними и тѣмже правилами. Дворовая земля и окружавшіе ее огороды находились въ индивидуальномъ распоряженіи домохозяевъ, но выдѣлялись они общиной и въ нѣкоторыхъ случахъ могли подлежать передѣлу. Эта система, державшаяся тысячу лѣтъ (500—1500 г.), очень напоминаетъ наши русскіе порядки. **П. Б.**

Сборникъ работъ учащихся въ школѣ императорскаго общества поощренія художествъ. Часть 1. Выпуски 1 и 2.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ школѣ императорскаго общества поощренія художествъ произошли значительныя реформы. Составъ преподавателей измѣнился, директоромъ школы былъ назначенъ Н. К. Рерихъ. Классныя работы этой зимой были представлены на усмотрѣніе Государя Императора и удостоились Высочайшаго одобренія. Ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ школа открываетъ для обозрѣнія публикой результаты своихъ работъ, и въ большой залѣ общества (тамъ, гдѣ постомъ помѣщается выставка передвижниковъ) можно наглядно убѣдиться, какъ работаетъ вновь учрежденный классъ иконописи, какъ развивается классъ композиціи, майолики, рисованія съ натуры и пр.

На дняхъ вышелъ второй выпускъ «Сборника работъ учащихся школы за 1911 годъ». Сборникъ этотъ—отнюдь не отчетъ дѣятельности всей школы, а изображенія двадцати двухъ выдающихся работъ учащихся. Тутъ есть и шкапы, и рамки, и образа, и матеріи, и часы, и подносы и пр. Сборникъ изданъ прекрасно и печатанъ въ мастерскихъ общества. Листы его могутъ служить превосходнымъ пособіемъ для провинціальныхъ школъ. Насколько серьезно поставлено художественное образованіе въ школѣ, видно хотя бы изъ того, что въ академіи художествъ два послѣдніе года наибольшій процентъ вновь поступившихъ учениковъ—питомцы общества поощренія. **Г.**

Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ. Слѣпая Любовь. Романъ. Спб. 1912. Стр. 242. Цѣна 1 р. 25 коп.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ мы имѣемъ сборникъ отдѣльныхъ повѣстей и разсказовъ, въ количествѣ восьми, изъ которыхъ особое вниманіе и интересъ вызываютъ разсказы народно-бытового характера. Таковы: «На ловахъ», гдѣ кратко и живо представленъ бытъ новгородскихъ рыбаковъ-островитянъ, типичнымъ представителемъ которыхъ является сильная характерная молодая дѣвушка Таиса; во-вторыхъ, «На узлѣ», гдѣ представленъ рядъ типичныхъ оптовыхъ торговцевъ; въ-третьихъ, «Среди пуха и пера» (бытъ перинной мастерской); въ-четвертыхъ, «Медвѣдь» и, пожалуй, еще въ-пятыхъ—«Надъ мо-

ремъ». Авторъ въ такого рода очеркахъ обнаруживалъ и обнаруживаетъ наибольшую наблюдательность и умѣнье схватывать самое существенное, и поэтому послѣдніе являются у него наиболѣе живыми и интересными.

Р.

А—въ. Славный сибирякъ И. А. Худяковъ. (Библіотека сибирскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей. № 1). Спб. 1911. Стр. 40. Цѣна 15 коп.

Какъ видно изъ напечатаннаго на обложкѣ № 1, г. А—въ, а можетъ быть и въ компаніи съ другими, задумалъ дать цѣлый рядъ біографій сибирскихъ дѣятелей. Въ какомъ видѣ осуществится это намѣреніе, теперь, конечно, трудно сказать. Однако изъ изданной брошюры все же можно усмотрѣть, что настоящихъ біографій, полныхъ (конечно, сравнительно) и объективныхъ, читатель не получитъ. Правда, въ разсматриваемой брошюрѣ есть даже такія свѣдѣнія, которыя еще не были въ печати, но все же біографія И. А. Худякова далека отъ полноты. Вѣдь мало, напримѣръ, указать, что г. Худяковымъ изданы такіе труды, какъ «Сборникъ великорусскихъ сказокъ», «Великорусскія загадки», «Матеріалы для изученія народной словесности», «Русская сказка» и пр., нужно еще сказать, хотя бы и вкратцѣ, какое значеніе эти труды «славнаго сибиряка» имѣли въ свое время и какое имѣютъ теперь. Но г. А—въ, очевидно, самъ сибирякъ, поставившій себѣ цѣлью возвеличить сибиряка И. А. Худякова, конечно, ничего не говоритъ объ устарѣлости хотя бы такой книги послѣдняго, какъ «Русская сказка». Кромѣ того, проглядываютъ въ брошюрѣ и какія-то особенныя, «сибирскія» тенденціи. Къ чему, напримѣръ, такія слова: «Пусть же молодая Сибирь носитъ въ сердцѣ своемъ образъ этого земляка, такъ честно и стойко боровшагося, не щадя своей жизни, за свободу дорогого ему народа»? Далѣе. Къ чему, спрашивается, такіе «приступы»: «Исторія Сибири—это исторія сплошныхъ страданій, гнета и безправія, сыны Сибири, наиболѣе преданные своей родинѣ, раздѣляютъ участь, уготованную странѣ властью центральной и мѣстной»?

Я. Бирюковъ.

А. М. Якимахъ. Одинъ изъ скромныхъ героевъ Отечественной войны и второй французской кампаніи. Кіевъ. 1912. Стр. 39. Цѣна 30 к.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ сообщается «очеркъ жизни и боевой службы майора (подполковника въ отставкѣ) Новороссійскаго драгунскаго полка, Моисея Абрамовича Якимаха». Это едва ли не одинъ изъ первыхъ пока очерковъ боевой дѣятельности «скромнаго» участника Отечественной войны. Хотя подобнаго рода этюды очень мало могутъ вносить для внѣшней исторіи войны, но должны быть признаны цѣнными для выясненія подробностей внутренней жизни полковъ, для опредѣленія психологіи тогдашнихъ бойцовъ, хотя и «скромныхъ-героевъ», но, несомнѣнно, своею многочисленностью и дружною работою способствовавшихъ созданію великой эпохи. Поэтому забывать даже такихъ второстепенныхъ дѣятелей, да еще въ наступившую годовщину

было бы для историка большою оплошностью, а для потомковъ «скромныхъ героевъ» даже преступленіемъ. Въ виду этого я особенно привѣтствую добрый починъ А. М. Якимаха, рѣшившагося увѣковѣчить память своего славнаго предка.

Моисей Абрамовичъ Якимахъ, дворянинъ по происхожденію, съ небольшимъ домашнимъ образованіемъ, 17 лѣтъ отъ роду поступаетъ въ военную службу ефрейтъ-капраломъ и добивается перваго офицерскаго чина лишь черезъ 13 лѣтъ службы; но съ 1807 г., когда открылись военныя дѣйствія, и особенно въ 1812 г. М. А. Якимахъ быстро проходитъ всѣ военные чины до майора включительно и получаетъ рядъ крупныхъ наградъ за военныя отличія, при цѣлой массѣ не менѣе крупныхъ ранъ и контузій, заставлявшихъ страдать стараго воина многіе годы послѣ отставки, вызванной въ 1816 г. именно этими же ранами. Авторъ очерка очень скромно и какъ бы согласно реляціямъ и грамотамъ приписываетъ всѣ награды беззавѣтной храбрости М. А. Якимаха; но намъ думается, что, кромѣ храбрости, тутъ имѣли мѣсто хорошее знаніе боевого дѣла, также дружная работа со всѣмъ полкомъ и умѣнье эскадроннаго командира находиться въ тяжелыхъ случайностяхъ тогдашнихъ военныхъ дѣйствій. М. А. Якимахъ участникъ славной Бородинской битвы и взятія Парижа, прожилъ въ отставкѣ до 1856 года, всякій разъ съ особою любовью вспоминая о военныхъ дѣйствіяхъ своего какъ бы родного полка въ великую годовщину и завѣщая своимъ дѣтямъ и внукамъ любить военное дѣло, большинство которыхъ, дѣйствительно, оставались вѣрными завѣтамъ своего славнаго предка.

Къ брошюрѣ приложенъ портретъ М. А. Якимаха и изображеніе дарованнаго ему дворянскаго герба.

В. Р—въ.

L. Goertz и A. Brosse, Heimatbuch. Für die baltische Jugend. 2-я часть. Рига. 1912.

Народныя сказанія, пѣсни и сказки, отрывки изъ древнихъ мѣстныхъ хроникъ, біографическія, историческія, географическія и естественно-историческія статейки и стихотворенія, вотъ содержаніе этой книги, предназначенной составителями для прибалтійскаго юношества, но одинаково интересной и для всякаго, кто интересуется нашею Прибалтикою, ея жизнью и ея исключительно богатымъ прошлымъ. Изъ историческихъ статей, имѣющихъ не только мѣстный интересъ, отмѣтимъ слѣдующія: Л. Арбузовъ, «Нѣмецкая Ганза», и Фейерейзенъ, «Петръ Великій и Лифляндія».

Къ книгѣ приложены двѣ карты: историческая древней Ливоніи и географическая трехъ прибалтійскихъ губерній.

А. Мальмгренъ.

Heimatstimmen. Ein baltisches Hausbuch. Изд. К. Гунніуса и В. Витрока. V томъ, съ иллюстр. Ревель—Лейпцигъ. 1912.

О IV томѣ сборника «Heimatstimmen» нами былъ данъ отзывъ въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1910 г. Вышедшій въ концѣ 1911 г. новый томикъ составленъ такъ же интересно и разнообразно, какъ и предыдущій,

и снабженъ рядомъ иллюстрацій (между прочимъ портретомъ Петра I въ молодости).

Кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній (въ томъ числѣ стихи К. Гунніуса, посвященные тремъ рижскимъ «царскимъ днямъ» 3—5 іюля 1910 г.), разсказовъ и одной пьесы, здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: 1) «Въ Ригѣ. Воспоминанія балтійскаго журналиста», одного изъ выдающихся прибалтійскихъ беллетристовъ Т. Г. Паптеніуса (род. 1843), съ 4 портретами, 2) «Картинка изъ прошлаго Гольдингена» (Курляндской губ.), В. Вроблевской, 3) «Замокъ Буртнекъ и Голубая гора» (въ Лифляндіи), К. Гунніуса, съ 8 рис., 4) «Островъ Руно и его населеніе», пастора А. Цеттерквиста, съ 5 рис., 5) «Вильгельмъ Пурвитъ» (современный балтійскій художникъ), Р. ф.-Энгельгардта (съ портр. Пурвита и 10 снимками съ его картинъ) и др. А. Мальмгренъ.

Описаніе экскурсій учащихся виленскаго учебнаго округа за 1910 годъ. По порученію управленія виленскаго учебнаго округа составилъ А. И. Шестовъ. Изданіе управленія виленскаго учебнаго округа. Вильна. 1911. 4°. Стр. IX+238 и 17 таблицъ.

За послѣднее время въ виленскомъ учебномъ округѣ вошли въ моду разнаго рода экскурсіи, прогулки и т. п., начало которымъ было положено въ 1900 году. Въ 1905—1906 годахъ экскурсій вовсе не было, такъ какъ эти годы «оказались весьма неблагопріятными для экскурсіоннаго дѣла». Съ 1907 года до нашихъ дней «возрожденіе экскурсіоннаго дѣла» пошло быстрыми шагами; такъ, въ 1910 году состоялись: 19 паломничествъ, 64 образовательныхъ экскурсіи и 6 прогулокъ, всего 89 экскурсій. Цифра, какъ видите, почтенная. Изъ числа предположенныхъ и разрѣшенныхъ экскурсій не состоялись по разнымъ причинамъ 12. Кстати будетъ замѣтить, что виленскій учебный округъ состоитъ изъ шести губерній: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской.

Экскурсіями пользовались учебныя заведенія правительственныя и частныя, числомъ—13 мужскихъ гимназій, 10 женскихъ, 6 реальныхъ училищъ, 1 среднее химико-техническое, 1 учительскій институтъ (еврейскій), 4 учительскихъ семинаріи, 1 женскіе педагогическіе курсы (минскіе), 4 городскихъ училища, 24 виленскія городскія школы (женскія и мужскія) и 1 начальное училище при рогачевской учительской семинаріи. Общее число участниковъ экскурсій около 5000 человѣкъ.

О пользѣ и значеніи экскурсій говорить много не приходится. Дѣло это новое, молодое, по вмѣстѣ съ тѣмъ и интересное, жизненное. Успѣхъ его безусловно обезпеченъ: экскурсія—соединяетъ въ себѣ полезное съ пріятнымъ. «Описаніе экскурсій» составлено преподавателемъ А. И. Шестовымъ на основаніи представленныхъ въ управленіе виленскаго учебнаго округа отчетовъ и описаній отдѣльныхъ экскурсій.

Въ концѣ книги—«Приложенія», имѣющія чисто практическій характеръ: I—Официальныя распоряженія. II—Экскурсіонный тарифъ. III—Главнѣйшія

учрежденія по организаціи экскурсій въ Россіи. IV—Примѣрные планы, маршруты экскурсій и стоимость ихъ осуществленія и V—Таблица экскурсій, совершенныхъ учебными заведеніями округа въ 1910 году. Къ «описанію» приложенъ также рядъ фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ экскурсантами, изображающихъ отдѣльные моменты нѣкоторыхъ экскурсій, историческіе мѣстные памятники, характерные виды, типы и пр. Всего 17 таблицъ. Таблицы 1 и 2. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь. 3. Экскурсія въ Пожайскій монастырь. 4. Миноносецъ на полномъ ходу. Экскурсанты на палубѣ шхуны «Утро». Финская шхуна въ открытомъ морѣ. 5. Рѣка Жеймянка въ Подбродзвѣ (Виленской губерніи). Видъ Антоколя—предмѣстья Вильны съ рѣки Виліи. 6. Крестовая гора въ гор. Вильнѣ. Замковая гора въ Вильнѣ съ рѣки Виліи. 7. У пороговъ на рѣкѣ Жеймянкѣ. Берегъ Виліи противъ дер. Люцяны. 8. Видъ Огинскаго канала. Выходъ парохода изъ шлюза. На шлюзѣ. Пароходъ въ камерѣ шлюза. 10. Камера шлюза послѣ наполненія водою. Сосновскій мостъ. 11. Служащіе на Огинскомъ каналѣ: старикъ 101 года и жена его 99 лѣтъ. На развалинахъ замка Зегевольдъ. 12. Развалины замка Зегевольдъ. Дорога къ замку Зегевольдъ. 13. Дорога въ Лифляндской Швейцаріи по рѣкѣ Аа. Гутманская пещера. 14. Крестьянинъ и крестьянка мѣстечка Телеханы. (Типы Полѣсья). 15. Жители мѣстечка Телеханы (типы Полѣсья). 16. Велосипедисты пинскаго реальнаго училища на военной прогулкѣ. Дворецъ въ Бѣловѣжской пущѣ и таблица 17—Ландварово. Снимки сдѣланы великолѣпно.

Кромѣ экскурсій учащихся, въ 1910 году состоялись впервые въ виленскомъ учебномъ округѣ двѣ экскурсіи учителей и учительницъ начальныхъ училищъ округа въ Петербургъ и Москву. Интересъ «Описанія» усиливается еще и тѣмъ, что составитель по возможности вводилъ въ него личныя воспоминанія, описанія и отчеты экскурсантовъ.

Д. Бочковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДНЕВНИКЪ королевы Швеціи Гедвиги-Елизаветы-Шарлотты.—«Ради Бога!—но нѣтъ, я не хочу быть королевой»!—Вотъ первыя слова, вырвавшіяся съ губъ этой королевы при извѣстіи о высокой роли, какую ей предстоитъ играть послѣ революціи въ Швеціи въ 1810 г., свергнувшей короля Густава IV. Это былъ крикъ сердца и ума принцессы и женщины, не желавшей воспользоваться властью, отнятой у другого, и сознававшей всю тяжесть, ложившуюся на плечи съ королевской короной больной страны, какою сдѣлалась Швеція. Послѣ несчастнаго царствованія, неудачныхъ войнъ, унизительнаго мира, задѣвшаго за живое національное чувство шведовъ расчлененіемъ страны, революціи, ослабившей королевскую власть,—всего вмѣстѣ взятаго, унизившаго гордую шведскую націю,—страна заболѣла. И теперь во главѣ этой больной страны предстояло стать мужу этой принцессы Карлу XIII. Женщина, такъ откровенно выразившая свои чувства, была Гедвига-Елизавета-Шарлотта, жена герцога Зюдерманландскаго, брата Густава III, воспоминанія которой издаются въ Стокгольмѣ и коихъ недавно вышелъ третій томъ. Эти воспоминанія представляютъ дневникъ, куда въ теченіе болѣе сорока лѣтъ герцогиня записывала все, что происходило на ея глазахъ при дворѣ трехъ послѣдовательныхъ государей: Густавѣ III, Густавѣ IV, Карлѣ XIII въ эпоху блеска, упадка, кончины династіи Вазы и зарожденія династіи Бернадотовъ. Всѣ свои рукописи королева хранила въ сундукѣ, окованномъ желѣзомъ, который она завѣщала передать послѣ своей смерти близко къ ней стоявшимъ ея камергерамъ: графу Руту и барону Бондэ, предку издателя теперь выходящихъ воспоминаній. Хотя этотъ дневникъ изданъ на шведскомъ языкѣ, но королева вела его на французскомъ, въ формѣ писемъ къ своей близкой пріятельницѣ и фрейлинѣ Софіи Ферзенъ, впослѣдствіи графинѣ Пиперъ, излагая все, что происходило при дворѣ

въ продолженіе текущаго мѣсяца, и обмѣниваясь съ нею письмами иногда даже изъ комнаты въ комнату. Рукопись ежегодно увеличивалась на двѣнадцать писемъ и въ теченіе сорока лѣтъ она приняла обширные размѣры.

Дневникъ носитъ необычайную для мемуаровъ форму, но авторша въ свое оправданіе говоритъ: «Быть можетъ, мои читатели упрекнутъ меня, что, пообѣщавъ мемуары, я ограничилась письмами. Въ свое извиненіе скажу: я это сдѣлала изъ опасенія, чтобы не забыть малѣйшій интересный фактъ по живости моего характера. Писать дневникъ монотонно,и у меня не хватило бы терпѣнія его продолжать. Я предпочла форму менѣе претенціозную, чѣмъ мемуары, и болѣе интересную, чѣмъ дневникъ, которая подвергаетъ меня менѣе критикѣ. А затѣмъ, такъ какъ я пишу для своего удовольствія, то, кажется, имѣю право выбрать форму, какая мнѣ нравится и для меня легче».

Исторія зарожденія мысли вести этотъ дневникъ довольно любопытна и отчасти пикантна: будущая королева ошиблась, принявъ ложную беременность за настоящую, надѣлавъ немало шуму при дворѣ, и, разочарованная, принялась записывать все происходившее, чтобы заполнить свой досугъ. Да, кромѣ того, она хотѣла увѣковѣчить память о себѣ потомству. Несмотря на свою юность, герцогиня Гедвига-Елизавета-Шарлотта умѣла все подмѣчать, и если серьезные политическіе факты порою ускользали отъ ея вниманія, то всѣ интересныя событія и интриги подмѣчались ею вѣрно. Лично не вмѣшиваясь въ политику, она, по ея собственному выраженію, умѣла выспрашивать. Поэтому ея дневникъ вводитъ читателя во всѣ интриги шведскаго двора, гдѣ, какъ и при всѣхъ дворахъ,браки по государственной причинѣ или «по государственной тиранiи», какъ выражался король Густавъ III, даютъ обильный матеріалъ для интригъ, порою довольно пикантныхъ. Для русскаго читателя ея дневникъ еще потому интересенъ, что въ немъ найдется кое-что о Россіи. Изданные три тома этихъ воспоминаній—обнимаютъ эпоху: первый—отъ 1775—1792 г., и остальные два 1810 г. и 1814 г. и посвящены спеціальнымъ событіямъ—убійству Ферзена и объединенію Швеціи и Норвегіи.

Потребовалось бы слишкомъ много мѣста для подробнаго ознакомленія съ этими воспоминаніями, поэтому ограничимся самымъ интереснымъ.

Гедвига-Елизавета-Шарлотта происходила изъ Гольштинскаго дома и была дочерью принца-епископа Любекскаго, герцога Гольштинъ-Готторпскаго, игравшаго незначительную роль на политическомъ горизонтѣ. Небогатый нѣмецкій дворъ, гдѣ протекла юность принцессы, отличался необыкновенно унылой жизнью, какъ большинство нѣмецкихъ дворовъ. Но пятнадцатилѣтняя принцесса, воспитанная француженкой-гувернанткой, уже перечитала большую часть книгъ въ библіотекѣ своего отца, восхищаясь Вольтеромъ, особенно его трагедіями и «Генріадой». Она отличалась живостью характера,находчивостью, веселостью, единственно оживлявшей скучную жизнь при ея дворѣ. Поэтому когда посланный шведскимъ королемъ генералъ Морнеръ пріѣхалъ къ ея родителямъ просить руки юной принцессы для герцога Зюдерманландскаго, пятнадцатилѣтняя невѣста въ карманъ за словомъ не полѣзла, а совершенно непринужденно отвѣчала на всѣ вопросы. Морнеръ засталъ невѣсту поглощенной въ приготовленія къ конфирмаціи, къ тому же больною, съ распухшей отъ

флюса щекою, и поэтому не могъ сообщить въ Швецію ничего положительнаго ни объ ея наружности, ни о характрѣ. Но предоставимъ ей самой нарисовать свой портретъ.

«Мало людей,—говоритъ она,—имѣютъ счастье познать себя. Мало кого обучаютъ познавать самого себя, углубиться въ самого себя. Въ моемъ воспитаніи этимъ не пренебрегали, потому что меня научили изслѣдовать всѣ уголки моего сердца. Вотъ это и даетъ мнѣ возможность въ настоящее время представить мой портретъ тому, кто меня знаетъ не въ совершенствѣ какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи. Не только мои друзья, но и желающіе знать это одобрятъ, что я не обманула ихъ. Начну съ моей наружности, по правдѣ сказать, не изъ самыхъ блестящихъ: я средняго роста, довольно пропорціональна, скорѣе маленькаго, чѣмъ большого роста. Мое лицо—не красавицы, и я едва его выношу. Съ своей стороны, я думаю, хотя другіе и хотѣли бы поддерживать противное, что у меня довольно дерзкая мина, ехидная и, несмотря на выраженіе доброты, иногда на ней появляющееся, чаще всего заслуживаетъ пары пощечинъ. У меня чрезмѣрно высокій лобъ, и я стараюсь довольно искусно прикрывать его прической, небрежно спуская волосы. Мои волосы довольно красивы, пепельнаго цвѣта. У меня большіе кроткіе глаза, нѣжные, когда я этого захочу, свѣтло-голубые, прекрасно выражающіе чувства моей души. Отъ природы проказница, я люблю пошутить, когда представляется случай, и тогда у меня является это дерзкое выраженіе, о которомъ я говорила выше. Мой носъ слишкомъ великъ, чтобы быть хорошо сложеннымъ: это орлиный клювъ, и онъ, быть можетъ, казался бы лучше, если бы я сама не испортила его гримасами, которыя дѣлала, будучи ребенкомъ, и продолжаю иногда дѣлать; онѣ и придаютъ ему форму скверная носа. Мой ротъ постигла та же судьба. Отъ моихъ гримасъ онъ слишкомъ разъѣхался. У меня красивыя алыя губы, нѣсколько толстоватыя. Мои зубы довольно хорошо расположены и довольно бѣлы, но слишкомъ велики, чтобы быть красивыми, и когда я улыбаюсь, то показываю два изъ нихъ, имѣющіе сходство съ клыками кабана. У меня остроконечный подбородокъ, довольно бѣлый цвѣтъ лица, но почти безцвѣтный; тотъ небольшой румянецъ, какой у меня былъ, исчезъ отъ румянъ, употребляемыхъ мною. У меня маленькія и хорошо сложенныя уши; мои брови довольно тонко обрисованы. Шея и грудь у меня бѣлыя и прекрасно округленныя. Моя талья стройная и тѣло пропорціонально; я держусь прямо. Если это не кажется, то это по моей винѣ, такъ какъ я скверно одѣваюсь и, къ моему стыду, признаюсь, ненавижу наряды, но я умѣю носить туалетъ, когда мнѣ придетъ фантазія быть хорошо одѣтой. Я очень чистоплотна и ненавижу противное. У меня некрасивыя руки, потому что въ дѣтствѣ не хотѣла носить перчатокъ, но онѣ маленькія и не очень дурно сложены. Мои ноги прямыя и, какъ ступни, такъ же хорошо сложены. Я могу даже сказать, что у меня это самое лучшее, но я дурно хожу, когда не обращаю вниманія, и скверно дѣлаю придворный реверансъ».

Что касается моральной характеристики, герцогиня говоритъ: «Я не до безумія люблю танцы, но охотно иду на балъ, такъ какъ знаю, что хорошо танцую, а я люблю похвалы: по чести сказать, я самолюбива. Я играю довольно хорошо на клавесинахъ, гитарѣ и немного на арфѣ, но рѣдко не сбиваюсь съ такта:

моя живость никогда не дастъ мнѣ быть... Я гораздо религіознѣе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, потому что я не выказываю большого стремленія присутствовать при церковныхъ службахъ, что приписываютъ нерелигіозности, но я дѣлаю все, чтобы исполнить долгъ, приписываемый намъ религіей».

Принцесса вообще не щадитъ себя и признается, что она горда, иногда капризна и часто вспыльчива, но она научилась побѣждать свои чувства, такъ какъ умѣетъ владѣть собою и обладаетъ добрымъ сердцемъ.

«Любовь не легко овладѣваетъ моимъ сердцемъ,—говоритъ она:—но я очень чутка на дружбу, и тотъ, кто добился ея, можетъ быть увѣренъ въ ея продолжительности». Она любила болѣе всего нравиться всѣмъ, но ненавидѣла лесть и обладала даромъ угадывать ее инстинктомъ. Онъ хотѣла, чтобы ее любили ради нея самой. Самое сильное ея честолюбіе было желаніе, чтобы ее любили ради нея самой. Но такъ какъ нельзя нравиться всѣмъ, то она старалась по крайней мѣрѣ добиться общаго уваженія».

Царедворцы не всѣ были подъ ея обаяніемъ: Ферзенъ находилъ, что у нея неловкая походка, недостаточно благородная осанка, отсутствіе необходимаго для салона умѣнья держаться въ обществѣ: она громко смѣялась и имѣла привычку дѣлать гримасы, вообще получила небрежное свѣтское воспитаніе. Маленькаго роста, но хорошо сложенная, она обладала красивымъ цвѣтомъ лица и тонкими правильными чертами, исключая слишкомъ высокаго лба. Выраженіе живости и доброты дѣлало ее интересной. Естественная доброта характера, нѣкоторая возвышенность души, живой умъ мѣшали ей говорить и дѣлать глупости. Но ее не очень любили въ королевской семьѣ, требуя отъ нея слишкомъ много, какъ, напримѣръ, серьезныхъ возвышенныхъ разговоровъ и т. д. Напротивъ, другъ ея мужа и его сотрудникъ по литературнымъ и драматическимъ работамъ камергеръ баронъ Густавъ Эренсвердъ, впослѣдствіи директоръ театровъ и посланникъ въ Берлинѣ, говорилъ, что она чаровала дворъ и была одной изъ самыхъ красивыхъ принцессъ и прелестныхъ женщинъ въ Европѣ, а минутами она была даже чудно хороша. Шведскіе офицеры, находившіеся на кораблѣ при ея переѣздѣ въ Швецію, увѣряли, что она была удивительно весела и шаловлива, чрезъ рупоръ адмирала призывала парикмахера, играла и танцовала на мостикѣ или ложилась на полъ и подсматривала, какъ обѣдали офицеры. Съ момента этого переѣзда она подружилась съ молоденькой однолѣткой баронессой Ферзенъ, и эта дружба не ослабѣвала всю жизнь. Къ этой личности и адресовала свои письма будущая королева Швеціи.

Въ эту эпоху главная сѣть интригъ при шведскомъ дворѣ сплеталась вокругъ трехъ женщинъ: королевы-матери, королевы, жены Густава III, и красавицы графини Ловенхьельмъ. Королева-мать Луиза-Ульрика, сестра Фридриха Великаго, женщина гордая, надменная, послѣ пятнадцатилѣтняго царствованія никакъ не могла примириться со второстепенной ролью и уменьшеніемъ королевскаго вліянія. Гедвига-Шарлотта дастъ такую характеристику своей свекрови: «Не безъ причины королеву-мать обвиняютъ въ вспыльчивости. Иногда она можетъ выражаться такъ дерзко, что даже самыя добродушныя личности должны чувствовать себя уязвленными. Тогда ея прекрасные, большіе, полные живости глаза принимаютъ злое и суровое выраженіе. Она надѣлена

блестящими способностями, которыя съ дѣтства тщательно развивали. Она много читаетъ и пріобрѣла самыя разнообразныя познанія, что дѣлаетъ ея разговоръ столь же поучительнымъ, какъ и пріятнымъ. Но ей не хватаетъ устойчивости и равновѣсія характера, что часто влечетъ непростительныя непослѣдовательности. Въ сущности, у нея не злое сердце, но ея добрыя намѣренія затемняетъ сильная гордость.

Ея дочь Софія-Альбертина, по временамъ тоже вспыльчивая особа, не стѣснявшаяся произносить грубыя слова, не отличалась красотою, но была добра къ бѣднымъ. Между дочерью и матерью происходили постоянныя ссоры, и юной герцогинѣ приходилось ихъ умиротворять.

Королева Софія-Магдалина, жена короля Густава III, датчанка по происхожденію, натура холодная, скрытная, была женщина красивая, высокаго роста, величественная, но такъ какъ у нея была слишкомъ полная грудь, то верхняя часть тѣла была немного толста. У нея были чудныя руки, но кисти рукъ слишкомъ велики, чтобы быть красивыми, очень дурныя ноги, и она ходила очень некрасиво. Ея красивый ротъ портили зубы, пострадавшіе отъ разныхъ снадобій, употребляемыхъ ею для придачи имъ бѣлизны. Въ общемъ ея внѣшность была царственно-величественна, но она нравилась менѣе, чѣмъ какая-либо особа не такой правильной красоты, по причинѣ своей холодности и автоматическихъ движеній. Скрытная, холодная, она казалась юной герцогинѣ несимпатичной. «Королева, какъ мнѣ кажется, озабочена однимъ: скрывать свою настоящую мысль и кто думаетъ, что ее понимаетъ, чаще всего ошибается,—пишетъ она.—Иногда я старалась угадать ея истинную мысль относительно различныхъ вопросовъ и тогда я находила, что ея разговоръ отличался здравымъ смысломъ и умомъ, но чрезъ минуту разговоръ прекращался, и изъ ея устъ нельзя было болѣе вытянуть ни слова, и мое терпѣніе истощалось въ стараніяхъ воодушевить ее. Не знаю, чему это приписать: умышленному нежеланію или неумѣстной застѣнчивости». Подобная характеристика, сдѣланная юной герцогиней, прекрасно выдѣляетъ душевное состояніе этой жертвы «государственной и династической тиранiи». Положеніе Софіи-Магдалины было очень тяжелое. Чувствуя въ окружающихъ враждебное къ себѣ отношеніе, совершенно парализовавшее ея способности, она не нашла иного выхода, какъ уйти въ себя, замкнуться въ свой внутренній міръ и никогда не выражать ни о чемъ своего мнѣнія, изъ опасенія окончательно осложнить и безъ того свое тяжелое положеніе.

Она знала, что мужъ ее не любитъ, гордая свекровь ей завидуетъ, придворные, видя, какъ король ею пренебрегаетъ, почувствовавъ на другой же день свадьбы къ ней отвращеніе, относятся къ ней холодно, народъ гнѣвается на нее, «иностранку», такъ какъ она не исполнила ихъ династическихъ требованій и не дала наслѣдника. Кромѣ того, она испытывала вѣчный страхъ войны ея старой родины Даніи съ новой—Швеціей, что еще болѣе возбудило бы къ ней нелюбовь шведовъ. При дворѣ говорили, что этотъ бракъ не вполнѣ свершился. Замкнутость королевы еще болѣе возбуждала въ Густавѣ III нелюбовь къ ней. Онъ признавался Ферзену, что ея холодность, глупость и угрюмость дѣлаютъ ея общество невыносимымъ. Она не умѣла выйти изъ этого положенія и продолжала вести себя нетактично, отдаляясь отъ общества и принимая не-

друговъ короля и датчанъ. Она не скрывала презрѣнія къ королю и равнодушія къ новой родинѣ. Дѣло дошло до того, что король хотѣлъ ее изгнать и создать себѣ новое счастіе.

Ферзенъ его отговорилъ, и Густавъ III избралъ новую «жертву для «династической тиранніи», женивъ брата.

Задача поправиться королю была не изъ легкихъ. Густавъ III обладалъ блестящей фантазіей высокаго полета, въ которой странно смѣшивались величіе и мелочность, широкія, геніальныя идеи и мелочное лицемѣріе. Обладая почти женской натурой, «мозговымъ темпераментомъ», онъ не проявлялъ достаточно чувствъ въ своихъ увлеченіяхъ. Въ женщинѣ онъ искалъ прежде всего интеллектуальныхъ наслажденій и въ женскомъ обществѣ только случай блеснуть умомъ. Онъ любилъ лесть, а королева ему не льстила. Зато юная невѣстка сразу завоевала его симпатію, сдѣлалась его другомъ и умиротворителемъ въ его отношеніяхъ съ матерью и женой, и сама восхищаясь имъ. Впрочемъ, когда съ годами она узнала его ближе, то, какъ и многіе, измѣнила о немъ мнѣніе и говорила, что, хотя за нимъ и оставалось названіе короля-чародѣя, но лица, близко къ нему стоявшія, не раздѣляли этого мнѣнія. «Это самый учтивый человѣкъ въ своемъ государствѣ,—говоритъ она,—и нѣтъ собесѣдника очаровательнѣе его. Надо признать, что онъ лживъ и іезуитъ и для него цѣль оправдываетъ средства. Подъ очаровательными манерами, дѣйствительной добротой сердца и большимъ желаніемъ нравиться скрывалась склонность къ интригамъ, подозрѣніямъ, недостатокъ искренности, зависть къ самому скромному успѣху другихъ». Все вмѣстѣ взятое въ концѣ концовъ отвращало самыхъ преданныхъ друзей, какою была сначала герцогиня, по словамъ которой, онъ могъ сдѣлать свой народъ счастливѣе, если бы захотѣлъ, но онъ этого не сдѣлалъ. Несмотря на то, что въ Швеціи были государи лучше его, онъ все-таки въ народномъ воображеніи остался королемъ-чародѣемъ...

Но завоеваніе симпатій членовъ королевской семьи было для герцогини не такъ важно, какъ завоеваніе сердца ея мужа, герцога Зюдерманландскаго. Это сердце уже принадлежало красавицѣ графинѣ Ловенхъельмъ, дочери маршала Ферзена и его жены, урожденной графини Спарре, фрейлины королевы. Менѣе надѣленный способностями, чѣмъ братъ, но въ нѣкоторой степени коварствомъ, прикрытымъ личиной добродушія, онъ завидовалъ королю и былъ склоненъ къ интригамъ противъ него. Онъ занимался сомнаамбулизмомъ спиритизмомъ, ясновидѣніемъ, стоялъ во главѣ масонскаго ордена и былъ основателемъ оккультическаго общества братства розенкрейцеровъ. О немъ говорили, что онъ былъ живой, нѣжный и чувствительный, но по натурѣ чувственный, и послѣднее обстоятельство заставляло его удовлетворять всѣ свои капризы безъ разбора, начиная съ графинь, кончая актрисами, и, какъ впослѣдствіи отмѣчала герцогиня, когда онъ ссорился съ своими любовницами, то обращался съ нею хуже.

Въ моментъ, когда король задумалъ принести его въ жертву «государственной тиранніи», его сердцемъ владѣла графиня Ловенхъельмъ. Страсть герцога къ красавицѣ, какъ и ихъ любовная связь, была извѣстна всему двору. До сихъ поръ герцогъ отказывался жениться, и когда послѣ революціи, произве-

денной Густавомъ III, послѣдній спросилъ, какую братъ желаетъ награду за оказанныя услуги, то герцогъ отвѣтилъ: «Обѣщайте мнѣ никогда не заставлять меня жениться». Поэтому королю трудно было уговорить брата, и онъ рѣшился обратиться къ самой красавицѣ Августѣ Ферзенъ и просить ее повліять на герцога и внушить ему, что разрывъ между ними неизбѣженъ и его бракъ необходимость, вызванная государственной причиной. Густавъ III обратился также и къ дядѣ красавицы, фельдмаршалу Ферзену, который объяснилъ ей, насколько важна женитьба герцога и какимъ непріятностямъ она подвергнется, вызвавъ ненависть двора и даже народа, такъ какъ этотъ бракъ долженъ обезпечить Швеціи наслѣдника. Красавица обѣщала дядѣ исполнить все, что было въ силахъ. Въ это время герцогъ былъ на маневрахъ въ Сканіи, и красавица отправилась къ нему сама и уговорила его. Вскорѣ послѣ этого графа Ловенхьельма назначили посланникомъ въ Дрезденъ, и онъ уѣхалъ, увезя съ собой красавицу-жену. Бракъ герцога состоялся, но противъ его сердца, и молоденькой принцессѣ предстояло съ первыхъ же дней борьба, хотя баронъ Спарре, камергеръ короля, увѣрялъ по ея прибытіи въ Стокгольмъ, что «герцогиня понравилась всѣмъ и прежде всего мужу, за что мы благодаримъ небо!»

Второй братъ короля, принцъ Фридрихъ Остроготскій, страстно увлекался фрейлиной герцогини и ея лучшимъ другомъ Софіей Ферзенъ. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало на ней жениться, несмотря на то, что этотъ бракъ влекъ за собой разрывъ съ королевской семьей и отказъ отъ всѣхъ правъ и привилегій. Молодая дѣвушка хотя и любила его, отказала ему: положеніе морганатической жены принца не удовлетворило бы ея отца, стараго фельдмаршала Ферзена, тѣмъ болѣе гордость не допустила бы ее сдѣлаться его любовницей. Король ни за что не соглашался на этотъ бракъ, находя, что Ферзены стали слишкомъ могущественны и черезчуръ наводнили дворъ, чтобы терпѣть еще большее усиленіе ихъ вліянія, благодаря родству съ королевскимъ домомъ. Поэтому онъ послалъ принца путешествовать въ Италію, а Софія Ферзенъ вышла замужъ за камергера графа Пипера и отправилась жить въ свой замокъ въ Энгсо. При жизни своей подруги герцогиня не передавала подробностей ея романа и лаконически говорила, что не знаетъ, любила ли она принца, или онъ не женился на пастушкѣ. Но послѣ ея смерти она разсказала подробно весь этотъ романъ. Когда король воспротивился браку, принцъ рѣшилъ похитить Софію Ферзенъ, но она, хотя и любила его, все-таки отказалась послѣдовать за нимъ, опасаясь для него дурныхъ послѣдствій. Выйдя замужъ, она продолжала его любить, но не высказывала этого принцу. Только изъ интимной переписки Софіи Ферзенъ съ герцогиней видно, какъ она любила принца и однажды едва не выдала своей тайны, когда принцъ опасно занемогъ. Отецъ Софіи, щадя свое самолюбіе, говорилъ, что его дочь совсѣмъ не была расположена согласиться на этотъ бракъ, опасаясь измѣнчиваго и вспыльчиваго характера принца и вѣчныхъ дрязгъ, царившихъ въ королевской семьѣ.

Такимъ образомъ, юная герцогиня очутилась при шведскомъ дворѣ среди любовныхъ похожденій и всякаго рода интригъ, иногда имѣвшихъ серьезныя послѣдствія, какъ было относительно рожденія наслѣдника.

Король ошибся въ династическихъ планахъ, женя брата. Герцогиня обманула ожиданія не только Швеціи, но и Европы. Годъ спустя послѣ свадьбы она перестала танцовать, выѣзжала мало и повсюду встрѣчала улыбки симпатіи и надежды. Когда весною дворъ переѣзжалъ въ Екользундъ, ее перевозили съ отдыхами, понемногу. Король занялся составленіемъ церемоніала разрѣшенія отъ бремени невѣстки и крестинъ будущаго наслѣдника престола. Герцогиня написала матери и свекрови, что въ ноябрѣ ожидается это событіе, и король, уже уѣхавшій въ Финляндію, прислалъ оттуда распоряженіе, чтобы во всѣхъ церквахъ служили благодарственные молебны по случаю благополучнаго разрѣшенія герцогини. Въ арсеналѣ приготовили пушки, которымъ предстояло извѣстить народъ о счастливомъ событіи. Вся Швеція раздѣляла надежды на появленіе наслѣдника, но все оказалось дымомъ. Врачи утверждали противное, но льстецы совѣтовали брать холодныя ванны. За это радостное извѣстіе сообщившая королю гофмейстерина герцогини, баронесса Спренгпортенъ, получила въ благодарность 12,000 далеровъ.

Ожидаемый моментъ приближался, а герцогиня оставалась все въ томъ же положеніи, какъ въ первый день свадьбы, такая же тоненькая и легкая. Для герцогини эта неудача была полнымъ разочарованіемъ, тѣмъ болѣе, что и въ будущемъ было мало надежды. И дѣйствительно, она родила ребенка только черезъ двадцать четыре года, и то ребенокъ прожилъ лишь нѣсколько лѣтъ. Неудачное событіе поставило короля въ необходимость сблизиться съ королевой, и первое письмо герцогини касается этого сближенія. Сообщая, что король съ королевой никогда не были мужемъ и женой, она прибавляетъ: «Но какъ сблизиться послѣ такого долгаго отдаленія?» Въ этомъ отношеніи король былъ необыкновенно застѣнчивъ. Онъ не хотѣлъ ни сдѣлать шага къ сближенію первый, ни признать своей вины. Онъ испытывалъ ложный стыдъ даже при мысли, что долженъ объясняться по этому вопросу, королева тоже. Поэтому необходимо было прибѣгнуть къ чьему-нибудь посредничеству, и выборъ остановился на шталмейстерѣ короля Мункѣ, любовникѣ одной изъ горничныхъ королевы, г-жѣ Рамстромъ. Послѣдняя сообщила королевѣ желаніе короля и дала ей понять, что въ ея интересахъ согласиться на его желаніе и это даже ея обязанность. Мункъ такъ хорошо повелъ дѣло, что супруги сначала обмѣнялись письмами, и вслѣдъ за тѣмъ король посѣтилъ королеву и, по словамъ герцогини, «они возобновили свои обѣщанія и признали свои ошибки». За этимъ визитомъ послѣдовали болѣе интимныя посѣщенія поздно ночью, во время которыхъ Мункъ, тайно проведя короля къ королевѣ, самъ, въ свою очередь, отправлялся къ г-жѣ Рамстромъ. Все это продѣлывалось въ большой тайнѣ: по ночамъ Мункъ проводилъ короля къ королевѣ, а на разсвѣтѣ оба возвращались отъ нея. Мало-по-малу эту тайну разнесли, и уже раздавался шопотъ, что послѣдовало полное примиреніе. Наконецъ, въ одно прекрасное утро король объявилъ министрамъ: «Простите, господа, я не думалъ, что такъ поздно: я былъ у королевы и, право, мы заспались». По этому случаю герцогиня пишетъ, что «король, повидимому, въ восторгѣ отъ примиренія съ королевой». Она, съ своей стороны, хотя и хранила природную холодность, но казалась веселѣе. Она потеряла нѣсколько свою обычную сдержанность.

Густавъ III, выражая свое удовольствіе, что сдѣлалъ этотъ шагъ, прибавлялъ, что хотя никогда не питалъ къ королевѣ нѣжныхъ чувствъ и не будетъ ихъ никогда питать, но все-таки, по справедливости, ему нечѣмъ ее упрекнуть, такъ ея поведеніе было всегда превосходно, если даже иногда другіе были къ ней непочтительны. Результатомъ сближенія была беременность королевы, но неудачная, вслѣдствіе неосторожной поѣздки въ крестьянской телѣжкѣ.

Однако роль Мунка была истолкована иначе, благодаря вмѣшательству королевы-матери, вознегодовавшей, что ея второй сынъ лишается престолонаслѣдія. Нравы при шведскомъ дворѣ были въ то время настолько легкіе, что ночныя посѣщенія Мунка приписали любовной связи съ королевой. Эти слухи породили сдѣланные королевой подарки Мунку: перстень съ солитеромъ и часы съ ея портретомъ, хотя самъ король передалъ ей эти подарки и, кромѣ того, онъ подарилъ по перстню съ солитеромъ всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ сближеніи его съ женою. Слухи все распространялись, и герцогиня, сообщая о нихъ, прибавляла: «До сихъ поръ я еще не вѣрю, время одно можетъ выяснить, что было». Затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя она не упоминала о Мункѣ, но въ апрѣлѣ слѣдующаго года она опять возвращается къ этой сплетнѣ: «Скандальная исторія относительно Мунка и королевы продолжается, но, я думаю, въ разсказахъ много преувеличено. Увѣряютъ между прочимъ, что гренадеры, стоявшіе на караулѣ предъ дверью покоевъ королевы, часто видѣли Мунка входящимъ ночью къ королевѣ. Въ этомъ, быть можетъ, есть доля правды, потому что извѣстно, что у Мунка связь съ одной изъ горничныхъ королевы и очень возможно, что онъ ходитъ къ ней. Почему нельзя повѣрить, что онъ ходитъ скорѣе къ горничной, чѣмъ къ госпожѣ? Что касается меня, по-моему, это болѣе вѣроятно».

Всѣ эти сплетни были лишь прелюдіей: настоящій скандалъ разразился, когда объявили, что королева беременна. Королева-мать злорадно захватилась за сплетню, и придворный скандалъ обратился въ государственный. Ненависть къ старшей невѣсткѣ и сыну, которому она не могла простить его независимости, заставила ее вообразить, что ея второй сынъ лишается престолонаслѣдія, благодаря ихъ происканъ. Не выяснивъ дѣла, она высказала оскорбительное обвиненіе противъ короля и королевы, поднявъ вопросъ о незаконности ожидаемаго наслѣдника. Однажды на репетиціи балета королева-мать обратилась къ герцогинѣ съ слѣдующими словами: «Если правда, что она беременна, то для васъ и вашего мужа это будетъ очень плохо. Герцога надо предупредить, чтобы онъ не лишился правъ ради незаконнаго сына». Герцогиня выразила сомнѣніе, чтобы королева была на это способна, и если бы даже общественное мнѣніе ее въ этомъ обвиняло, то она никогда не осмѣлилась бы сказать объ этомъ герцогу изъ опасенія, что онъ не выслушаетъ этого спокойно. «Впрочемъ, безусловно положительнаго ничего неизвѣстно,—замѣтила она:—а если это только ложь, я могу вызвать разрывъ между ними».

«Вы дитя,—возразила королева-мать,—и говорите противъ собственнаго интереса. Съ моей стороны, я думаю, что король участвуетъ въ этомъ дѣлѣ и это онъ толкаетъ королеву на такую интригу, такъ какъ знаетъ, что самъ онъ не можетъ имѣть дѣтей».—«Умоляю васъ, дорогая мама,—отвѣтила герцогиня:—не говорить

болѣе объ этомъ и оставить дѣло, какъ оно есть, иначе послѣдствія могутъ быть очень непріятны.

Такія рѣчи королевы-матери наконецъ достигли слухи короля и страшно его разгнѣвали. Онъ угрожалъ послать ее въ изгнаніе и насильно водворить въ ея семьѣ въ Пруссіи. Только просьбы герцогини, братьевъ и сестры, бросившихся на колѣни предъ нимъ, смягчили его гнѣвъ и онъ согласился ее оставить подъ условіемъ, чтобы она письменно признала, что все это ложь и ребенокъ, который долженъ родиться, законный. «Нѣсколько дней тому назадъ мы всѣ отправились въ Фрихсгофъ подписывать съ королевой-матерью декларацію, въ которой она признавала ребенка законнымъ. Два герцога, принцъ и я, мы должны были подписаться; какъ свидѣтели, подъ подписью королевы-матери. Послѣ насъ подписались шесть членовъ совѣта. По моему мнѣнію, было бы лучше не подписывать этой деклараціи. Общество найдетъ, что это смѣшно». Придворная дама королевы лучше всего рѣшила этотъ вопросъ, охарактеризовавши свою эпоху. «Если бы даже допустить, что ребенокъ незаконный,—ну, такъ что же въ томъ, если король вѣритъ, что это его и онъ смотритъ на него какъ на своего? Что въ этомъ Швеціи, если она чрезъ это добьется наслѣдника престола?». Герцогиня въ заключеніе говоритъ, что если бы даже были доказательства противъ королевы, то ей это безразлично и она не открыла бы рта.

Несмотря на данную подпись, королева-мать осталась при своемъ мнѣніи, и когда 1-го ноября 1778 г. у Густава III родился сынъ, будущій Густавъ IV, то королева-мать на письмо короля съ извѣщеніемъ о радостномъ событіи отвѣтила въ такомъ тонѣ, будто она осталась въ прежнемъ сомнѣніи. Это раздражило короля, и онъ объявилъ, что съ этого момента мать не увидитъ болѣе ни внука, ни сына. Тщетно сестра, герцогиня, хлопотали за нея, король ничего не хотѣлъ слышать, и разрывъ съ матерью былъ неизбѣженъ, и она увидѣла его только на смертномъ одрѣ. Вообще съ рожденіемъ Густава IV семейныя неурядицы усилились. Вдобавокъ ко всему празднованіе его дня рожденія вызвало много несчастій. «Этотъ бѣдный принцъ вступилъ въ свѣтъ при дурныхъ предзнаменованіяхъ,—пишетъ герцогиня.—Онъ не только былъ невинной причиной ссоры между отцомъ и бабушкой, но смерть и трауръ распространились между тѣми, кто праздновалъ его рожденіе».

Непріятный эпизодъ съ королевой-матерью вскорѣ былъ забытъ, и король попрежнему отдавался веселію и развлеченіямъ.

Густавъ III, аристократъ въ душѣ, лестью и роскошью хотѣлъ покорить гордую шведскую аристократію и какъ бы въ утѣшеніе ея за политическое пораженіе давалъ ей блестящую роль при своемъ дворѣ. Главную роль здѣсь играли Ферзены съ своими женами, дочерьми, исключая двухъ сыновей, изрѣдка пріѣзжавшихъ въ Швецію, изъ которыхъ одинъ находился при дворѣ Маріи-Антуанетты, гдѣ игралъ видную роль въ ея жизни. Затѣмъ слѣдовали ихъ родственники Клинковстремы, Поперы, Гопкены, Ловенхьельмы, графы Шеферы и т. д., за ними царедворцы, посѣдѣвшіе на этомъ посту, графъ Гольдевизаль, баронъ Морнеръ, Спарре, Эренсвердъ, Гамильтонъ, секретари короля Таубе и Шредергеймъ; одинъ велъ иностранную корреспонденцію, другой secretaire à tout faire, литературный сотрудникъ короля. Наконецъ шли

поэты, придворные остряки: Оксенсьерна, Адлербетъ, Келльгренъ. Иногда тамъ бывалъ народный пѣсенникъ Белльманъ, увеселявшій своими реальными пѣсенками, вырванными изъ народной среды, не считая золотой молодежи, пажей, миньоновъ и проч.

Король-чародѣй, совершенно увлекшійся театромъ, миѳологическими и феерическими картинами, поглощавшими всѣ его мысли въ ущербъ государственнымъ дѣламъ и бюджету, былъ чаще всего авторомъ этихъ пьесъ или по крайней мѣрѣ онъ самъ давалъ сюжетъ историческій, миѳологическій или романическій, и Окстьерны, Адлербеты, Эренсверды, впослѣдствіи Армфельды и Шредергеймы составляли и обрабатывали ихъ въ стихи, куплеты и т. д. Большую часть ролей король удерживалъ себѣ. Одна изъ чертъ его характера была чисто женская: онъ страстно любилъ наряжаться, румяниться, гримироваться и появляться въ различныхъ костюмахъ. Эта страсть длилась бы еще долго, если бы министры, потерявъ терпѣніе, не рѣшились наконецъ сдѣлать ему замѣчаніе, насколько роняетъ королевскій престижъ его появленіе на театральныхъ подмосткахъ. И король сталъ воздерживаться отъ участія въ спектакляхъ.

Дворъ Густава III служилъ центромъ красоты, остроумія, ума и талантовъ и царствомъ ревности, зависти, интригъ и галантныхъ похожденій. Армфельдъ, будущій фаворитъ и самый красивый мужчина, насчитывалъ при его дворѣ тринадцать красавицъ, и всѣ онѣ были одинаково ослѣпительно прекрасны, и онъ не зналъ, которой изъ нихъ дать пальму первенства. Когда впервые онъ былъ допущенъ въ этотъ избранный кружокъ, то онъ восхищался ими издали, едва зная ихъ имена, иначе, по его словамъ, его сердце сгорѣло бы въ жертвоприношеніи сразу на трехъ жертвенникахъ. Среди этихъ красавицъ выдѣлялись графиня Мейерфельдъ, графиня Гопкенъ, графиня Ловенхьельмъ, г-жа Риббингъ и г-жа Пецъ, за которыми въ началѣ ихъ появленія при дворѣ усердно ухаживалъ Густавъ III. Поговаривали, что каждая, въ свою очередь, была его любовницей, но въ дѣйствительности будто бы дѣло не зашло такъ далеко. Такого же рода ухаживанье простиралось и на г-жу Шредергеймъ, жену секретаря, отличавшуюся скульпторной красотой, умомъ и умѣньемъ давать отпоръ. Послѣднее болѣе всего приводило въ восторгъ короля. Эта красавица увѣковѣчена на знаменитой картинѣ той эпохи, гдѣ она изображена въ мастерской скульптора: у ея ногъ сидитъ народный поэтъ Бельманъ и, аккомпанируя себѣ на лютнѣ, подпѣваетъ свои самыя гривуазныя пѣсенки, чтобы вызвать на ея лицѣ Юноны улыбку, въ то время, какъ Густавъ III, неожиданно войдя, остановился въ амбразурѣ двери и залюбовался позой и рукоплещетъ модели.

Но самой красивой, самой совершенной женщиной, по словамъ Армфельда, была графиня Ловенхьельмъ. «Природѣ было такъ угодно,—говоритъ онъ:—чтобы ея ангельскій характеръ былъ нарисованъ на ея лицѣ, и ничто не могло превзойти неописаннаго очарованія. Она прекрасно видѣла, что я потерялъ голову изъ-за нея, что я обожаю ее. Она не питала ко мнѣ никакого чувства, но она пощадила мое самолюбіе по чудной своей добротѣ и обходилась со мною съ такою нѣжностью и обдуманностью, что я остался ей благодаренъ и преданъ ей и даже не могъ ревновать ее къ болѣе счастливымъ, чѣмъ я». Такое же впечатлѣніе произвела красавица и на свою соперницу, не скрывшую по прямотѣ своего

характера этого впечатлѣнія. По вступленіи на шведскую землю этой юной женщинѣ пришлось выдержать и перенести первую сердечную бурю, когда вновь появилась при дворѣ красавица графиня Ловенхьельмъ. Она возвратилась изъ Дрездена, окруженная ореоломъ успѣха при дворѣ, гдѣ за нею всѣ ухаживали и окружали похвалами, что болѣе увеличивало ея красоту. Царедворцы находили, что эта поѣздка за границу еще болѣе развила ее умственно и усовершенствовала ея талантъ къ музыкѣ и танцамъ, въ то же время сохранивъ веселое и жизнерадостное настроеніе, откровенный и симпатичный характеръ. Опытъ и лѣта лишь увеличили ея чары и простоту.

Появленіе красавицы Августы возбудило всеобщее любопытство. Всѣ спрашивали, какъ встрѣтитъ ее герцогъ и возобновятся ли прежнія отношенія. Прежніе поклонники красавицы опять были у ея ногъ. Въ моментъ ея пріѣзда во дворецъ Армфельдъ находился на караулѣ, и когда ея экипажъ остановился, онъ вынулъ шпагу изъ ноженъ и приказалъ вызвать караулъ и отдать ей честь. Старшій офицеръ думалъ, не сошелъ ли онъ съ ума. Но онъ отвѣтилъ, что королева красоты имѣетъ такія же права, какъ принцесса крови. Армфельдъ поплатился за это недѣлей ареста, но графиня такъ очаровательно просила короля простить его, что арестъ былъ снятъ подъ условіемъ, чтобы юный поручикъ эту недѣлю находился къ услугамъ графини. Пріѣздъ графини поставилъ герцога въ затруднительное положеніе, и онъ увезъ жену въ гости къ вдовствующей королевѣ въ Ульриксдаль близъ Стокгольма. «Мы не были бы у королевы-матери, если бы возвращеніе графини Ловенхьельмъ не заставило бы герцога предпочесть пребываніе въ Ульриксдалѣ. Быть можетъ, вы спросите, отчего это возвращеніе могло вліять на выборъ нашей резиденціи? Это очень просто. До моего пріѣзда въ эту страну герцогъ былъ очень близокъ съ нею и принужденъ былъ съ нею разстаться изъ-за меня. Чтобы онъ забылъ ее, король послалъ ея мужа посланникомъ въ Дрезденъ, и она должна была послѣдовать за нимъ. И вотъ теперь она возвратилась и очень возможно, что причина этому ея любовь къ герцогу. Если эта любовная интрига возобновится, мнѣ потребуется призвать все мое философское спокойствіе, чтобы сдерживаться. Я совсѣмъ ничего не знаю, что думаетъ объ этомъ герцогъ, и я еще не имѣла случая ничего замѣтить... Если со мною случится, что случается съ столькими другими женщинами, я рѣшилась терпѣливо переносить мое несчастіе и какъ только могу лучше скрывать его».

Поѣздка въ Ульриксдаль не предотвратила встрѣчи двухъ соперницъ. Красавица-графиня, не разсчитывая выпустить изъ рукъ прежняго любовника, захотѣла посмотрѣть соперницу, ради которой пожертвовали ею, и испытать могущество своей красоты надъ герцогомъ. Она также поѣхала въ Ульриксдаль подъ предлогомъ обязанностей при королевѣ и хотя не встрѣтила герцога, но увидѣла свою соперницу.

«Теперь я имѣла возможность видѣть графиню Ловенхьельмъ,—писала герцогиня.—Правда, она очаровательна, черты ея лица пріятны и вся ея личность привлекательна. Она свѣжа и когда она одѣта, то, по правдѣ, блестяща, хотя, быть можетъ, слишкомъ полна. Видѣли бы вы, какъ всѣ смотрѣли на меня. Я представилась очень равнодушной, хотя въ дѣйствительности мнѣ было очень любопытно»...

Тѣмъ временемъ король перебрался въ Гринсхольмъ и пригласилъ туда красавицу Августу; теперь ея присутствіе при дворѣ его болѣе не пугало: государственной причины уже не существовало для этого. Герцогъ также отправился туда одинъ: онъ оставилъ жену въ Ульриксдалѣ. Какъ теоретически ни вырабатывала въ себѣ молоденькая герцогиня хладнокровіе, сдержанность и философскій взглядъ, но на дѣлѣ вышло иначе. Въ ней вспыхнула ревность, и полетѣла эстафета въ Гринсхольмъ, извѣщающая, что у герцогини лихорадка. При дворѣ заговорили о томъ, что герцогиня ревнуетъ. Но она не хотѣла казаться жалкой и несчастной, это роняло ея достоинство, и увѣряла, что все это выдумки. «Такъ какъ любятъ изобрѣтать исторіи, то на этотъ разъ сочинили на мой счетъ. Увѣряютъ, что это была притворная болѣзнь съ цѣлью помѣшать герцогу уѣхать и что онъ не могъ иначе меня оставить, какъ пообѣщавъ возвратиться, если мнѣ будетъ хуже. Къ этому прибавили, что я очень плакала и ревновала. Вся эта исторія безусловно неосновательна. Однакоже было кое-что похоже на правду, такъ какъ послѣ отъѣзда герцога мнѣ было хуже и у меня сдѣлался припадокъ лихорадки. Несмотря на то, что я говорила, думали, что необходимо предупредить герцога эстафетой, какъ онъ приказалъ предъ своимъ отъѣздомъ. Конечно, я не захотѣла бы подвергаться непріятности, отзывая герцога оттуда, гдѣ, какъ я узнала, онъ встрѣтитъ графиню Ловенхьельмъ. Она могла бы справедливо обвинить меня въ ревности, этого никогда не надо показывать. Это можетъ польстить мужчинамъ одинъ моментъ, но ревнивая женщина ихъ скоро утомляетъ и они ищутъ утѣшенія внѣ дома, хотя бы въ подтвержденіе, что они свободны. Въ дѣйствительности, я не вѣрю, что герцогъ намѣренъ возобновить эту связь, но крайней мѣрѣ онъ постарается побѣдить эту склонность разсудкомъ; но если она возьметъ себѣ въ голову вернуть его, то очень боюсь, что она вернетъ. Что бы ни случилось, я не тронусь съ пути, который начертала себѣ».

Это было написано въ октябрѣ 1776 г., а въ декабрѣ опасенія герцогини осуществились. На Рождествѣ всѣ собрались въ старомъ замкѣ Гринсхольмъ, который очень любилъ король, гдѣ каждый вечеръ на сценѣ маленькаго театра разыгрывались комедіи и различный дивертисементъ. Изъ Стокгольма была вызвана французская труппа, разыгравшая пьесу изъ своего репертуара, а за нею слѣдовалъ аллегорическій или феерическій дивертисементъ, пѣніе куплетовъ и мимическій балетъ, составленный королемъ или его братомъ. Роли исполняли королева, принцы и принцесса. Главныя роли разыгрывались герцогиней и графиней Ловенхьельмъ. Обѣ соперницы имѣли успѣхъ, жена благодаря граціи и воодушевленію, любовница — красотѣ и чарамъ. Между прочимъ была поставлена фантастическая картина, изображавшая борьбу между итальянской и французской комедіями. Красавица Августа блестяще представляла итальянскую комедію, окруженная арлекиномъ, коломбиной, скоморохами, пьеро и пьереттами; герцогиня, представлявшая французскую комедію, была окружена типами Мольера, Мариво, Кребильона и Фонтенелля. При этомъ исполнялись различнаго характера танцы. Зрители напрягали все вниманіе, слѣдя за обѣими соперницами, и подъ сурдинку держали пари за побѣду той или другой надъ скоропламенѣющимъ сердцемъ герцога, дири-

жировавшаго балетомъ. Любовница одержала верхъ: прежнее пламя съ новой силой вспыхнуло въ сердцѣ герцога, и герцогиня написала пріятельницѣ: «Особа, о которой я вамъ говорила, вновь возбудила любовь герцога. Послѣ показного равнодушія съ той и другой стороны она теперь снова вернула все свое вліяніе надъ нимъ. Я не знаю, ни какъ это произошло, ни какъ снова они завязали свою связь. Мнѣ только стоило увидѣть, какъ они разговаривали между собою, чтобы понять, какъ они любятъ друга друга. Герцогъ избѣгаетъ меня, насколько можетъ, и, видимо, мое присутствіе его стѣсняетъ. Она тоже дѣлаетъ все возможное, чтобы быть со мною въ хорошихъ отношеніяхъ, для того ли, чтобы усыпить мои подозрѣнія и заставить меня повѣрить, что она равнодушна къ герцогу, для того ли ,чтобы легче имѣть къ нему доступъ. Безъ сомнѣнія, меня считаютъ очень глупой, такъ какъ, видя насъ вмѣстѣ, никто не можетъ сомнѣваться, что она была и есть любовница моего мужа. У меня свои причины быть съ нею вѣжливой. Прежде всего для меня менѣе стѣснительно, когда свѣтъ убѣжденъ, что я безусловно не вѣдаю объ этомъ, а затѣмъ это облегчитъ задачу герцога, когда онъ ко мнѣ вернется».

Эта философія юной герцогини оказалась самой практичной. Страсть герцога, какъ всякая острая болѣзнь, имѣла свои критическіе періоды, которые въ послѣдующихъ письмахъ герцогиня обозначала слѣдующими фразами: «Августа не скрываетъ своей игры съ герцогомъ»; далѣе «Августа и герцогъ не разстаются» и, наконецъ, «Августа дѣлаетъ все, чтобы вновь поймать герцога». Наконецъ, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ гринсхольмскаго событія она написала, что наступилъ кризисъ этой острой и заразительной болѣзни: «Теперь я повѣренная герцога. Безъ сомнѣнія, вамъ смѣшно, и вы находите это необычайнымъ. Быть повѣренной мужа въ его любовныхъ дѣлахъ съ другой женщиной—не имѣетъ здраваго смысла, а между тѣмъ это со мной случилось и, быть можетъ, я единственная въ своемъ родѣ. Однажды, говоря о ней совершенно равнодушно, герцогъ признался, что они любили другъ друга, и прибавилъ: «Вы понимаете, что разъ я вамъ объ этомъ говорю, то этого болѣе нѣтъ, что эта любовь совсѣмъ прошла». Теперь я часто посѣщаю одну молодую женщину,—прибавляетъ она съ нѣкоторымъ ехидствомъ:—очаровательную, къ которой, правда, я не чувствую большой привязанности, но которую признаю вполнѣ привлекательной,—это графиня Ловенхьельмъ».

Покинутая красавица думала вновь поймать герцога, и сблизилась съ герцогиней, но ей этого не удалось добиться, и она нашла себѣ другого утѣшителя, барона Эссена. Они такъ влюбились другъ въ друга и настолько выдавали свою связь, что его, сестра графиня Гопкенъ, говорила: «это наглое счастье». Герцогиня не выдавала своего счастья и писала: «я должна отслужить молебенъ богинѣ Разума, это она взяла меня подъ свое покровительство. Я постараюсь подчиняться ея урокамъ».

Но эта радость была недолговѣчна: легкомысленный и вѣтреный герцогъ не долго оставался ей вѣренъ и безъ разбора бралъ любовницъ, начиная съ графинь, кончая актрисами, и, когда ссорился съ ними, обращался съ нею хуже. Прежняя философія юной герцогини тоже ей измѣнила, и чрезъ нѣсколько лѣтъ она потеряла свою прежнюю веселость. Развлеченія, которыя такъ требовались

королю, ее утомляли и ежедневные спектакли при дворѣ, которыми она такъ восхищалась, теперь потеряли свою прелесть. «Я начинаю чувствовать, что съ годами измѣняешься, что я не та, чѣмъ была когда-то. Я сдѣлалась печальна, молчалива и нахожу единственное удовольствіе въ моемъ рабочемъ кабинетѣ съ перомъ въ рукѣ или съ моими книгами. Она старалась слушаться богини Разсудка и не выдавала, что знаетъ поведеніе мужа. Къ тому же герцогъ послѣ каждаго каприза возвращался къ ней съ повинной, и она смѣялась и принимала его, увѣренная, что она единственная, кому онъ довѣряетъ. «Несмотря на всѣ его недостатки, я не переставала его любить. Этого онъ не стоитъ, я знаю, но какое бы горе онъ мнѣ ни причинилъ, какое бы униженіе я ни почувствовала, это не помѣшаетъ мнѣ видѣть его хорошія качества».

Доброта герцогини дошла до того, что предъ отъѣздомъ на войну съ Россіей онъ открылъ ей свою душу наканунѣ битвы при Гогландѣ, что у него есть сынъ отъ графини Ловенхьельмъ, судьбу котораго онъ вручаетъ женѣ въ случаѣ смерти на полѣ битвы. Рѣдкая женщина выказала бы столько самоотверженія, сколько герцогиня, взявъ на себя обязанность слѣдить за сыномъ соперницы. Мало того, она была счастлива отъ такого довѣрія мужа и свято хранила его тайну. Она съ такой заботливостью слѣдила за молодымъ человѣкомъ, уже поручикомъ гвардіи, что невольно сблизилась съ матерью, даже сдѣлалась ея другомъ. Въ одномъ изъ писемъ въ декабрѣ 1788 г. она писала Софіи Пиперъ: «Теперь я раздумываю, какъ невѣроятно, когда любилъ такую добрую, нѣжную женщину, обращаться къ такимъ сквернымъ созданіямъ человѣческаго рода и вмѣстѣ съ тѣмъ глупымъ, нелѣпымъ. Я никогда этого не пойму, и для меня это навсегда останется необъяснимой задачей».

Годы не угомонили вѣтренаго сердца герцога, и, уже будучи регентомъ послѣ кончины Густава III, оставившаго четырнадцатилѣтняго наслѣдника, будущаго Густава IV, онъ увлекся красавицей Магдалиной Руденшельдъ, фрейлиной принцессы Альбертины и любовницей Армфельда, самаго красиваго мужчины при шведскомъ дворѣ и бывшаго фаворита Густава III.

И это увлеченіе наложило тѣнь на его и безъ того слабое регентство. Герцогъ преслѣдовалъ ее своимъ ухаживаніемъ, но она слишкомъ любила Армфельда и упорно избѣгала герцога. Ему ничего не оставалось, какъ избавиться отъ бывшаго фаворита, удаливъ его съ ея глазъ. Послѣ смерти Густава III, скончавшагося 29-го марта 1792 года послѣ тринадцати дней мучительныхъ страданій отъ раны, полученной въ оперѣ на балу (16-го марта), по его завѣщанію регентомъ былъ назначенъ герцогъ Зюдерманландскій до совершеннолѣтія четырнадцатилѣтняго наслѣдника. «Къ несчастію,—говоритъ герцогиня,—у регента была натура слабая и измѣнчивая, легко подпадавшая подъ чужое вліяніе. Онъ немедленно вызвалъ изъ Италіи «благороднаго и преданнаго друга» барона Рейтерхольма, съ этого момента сдѣлавшагося самой могущественной личностью въ Швеціи. Мистикъ, иллюминатъ и спиритъ, этотъ человѣкъ, по словамъ одного современника, впадалъ въ истерику отъ страха, ненависти и гнѣва». Первымъ его шагомъ было уничтожить всякую память о Густавѣ III, изгнать его фаворитовъ и закрыть основанную имъ шведскую академію. Самымъ главнымъ изъ фаворитовъ былъ злѣйшій врагъ регента и его министра—баронъ

Армфельдъ, отъ котораго имъ обоимъ хотѣлось избавиться. Случай для этого не замедлилъ представиться. Первымъ актомъ ихъ правленія былъ отказъ отъ всѣхъ обѣщаній Густава III, данныхъ императрицѣ Екатеринѣ II относительно возстановленія монархіи во Франціи, и регентъ увѣдомилъ ее объ этомъ. Нарушеніе слова, даннаго Густавомъ III, оскорбило Армфельда, равно какъ и его единомышленниковъ, и бывшій фаворитъ, подъ предлогомъ леченія, взялъ отпускъ и удалился. Регентъ и его министръ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы его удалить надолго изъ Стокгольма, и назначили посланникомъ въ Неаполь.

Послѣ его отъѣзда регентъ снова сдѣлалъ попытку признаться въ любви г-жѣ Руденшельдъ, и вызвалъ съ ея стороны бурную сцену: красавица опять объявила ему, что никогда не будетъ его любовницей, что она любитъ Армфельда и не полюбитъ никого другого. «Я послѣдую за нимъ на край свѣта,—сказала она,—и, несмотря на всю вашу ненависть къ нему, вамъ не удастся сдѣлать его окончательно несчастнымъ, пока я буду возлѣ него и раздѣлю съ нимъ участь». Въ Неаполь она не поѣхала, но удалилась отъ двора, чтобы избѣжать ухаживаній герцога.

Страсть герцога къ этой женщинѣ не на шутку испугала новыхъ фаворитовъ, болѣе всего боявшихся возвращенія Армфельда къ власти .Слабость регента къ женщинамъ была слишкомъ извѣстна. Что если онъ попадетъ въ руки новой красавицы, страстно преданной Армфельду? Тогда онъ, навѣрно, добьется своего возвращенія къ власти. И они дѣлали все, чтобы отдалить герцога отъ г-жи Руденшельдъ; это было не трудно, благодаря ея строгости и удаленію отъ двора. Герцогъ, раздосадованный ея отказомъ, попался въ сѣти своей прежней любовницы г-жи Стоттсбергъ, прибѣгнувшей ко всякаго рода обольщенію, чтобы его вернуть; и старая привычка много способствовала этому возвращенію.

Г-жа Руденшельдъ возвратилась къ родителямъ въ деревню, но продолжала вести страстную переписку съ Армфельдомъ. Въ своихъ отвѣтахъ, подъ вліяніемъ минуты, онъ высказывалъ всю горечь и ненависть, кипѣвшія въ его сердцѣ, не щадя ни регента, ни его министра. Онъ строилъ различные планы и вырабатывалъ цѣлый проектъ революціи, чтобы ниспровергнуть режимъ регента и преждевременно объявить совершеннолѣтнимъ сына Густава III. Этимъ планомъ Армфельдъ хотѣлъ заинтересовать Екатерину II и попросить ее вмѣшательствомъ въ пользу юнаго короля спасти сына ея друга Густава III, общее дѣло и русскій союзъ, которому регентъ и его министръ измѣнили, сблизившись съ революціонной Франціей. Онъ сообщилъ свой планъ друзьямъ и обсуждалъ его съ ними. Письма попали въ руки новаго фаворита Рейтерхольма, который могъ доказать регенту, что глава сторонниковъ Густава III ведетъ заговоръ съ Екатериной II, чтобы ниспровергнуть правительство и подготовить для Россіи захватъ Швеціи.

Въ это время въ Средиземномъ морѣ стоялъ шведскій фрегатъ, и командиру его барону Палмквисту приказано было потребовать у короля Фердинанда ареста Армфельда. Но у послѣдняго было слишкомъ много поклонницъ, не считая королевы Каролины. Она и дамы, близко къ ней стоявшія: лэди Гамильтонъ, лэди Монкъ, княгиня Елена Меншикова, графиня Скавронская—всѣ

рѣшили его спасти. Онѣ велѣли ему сказать, чтобы онъ на время исчезъ. «Любовь и дружба васъ охраняютъ», писала княгиня Меншикова; королева предложила ему замокъ Монте Саркіо, принадлежавшій ея гофмаршалу маркизу дель-Васто, гдѣ Армфельдъ могъ бы укрыться; лэди Монкъ пріѣхала за нимъ въ каретѣ, чтобы тайно его отвезти туда. Тѣмъ временемъ княгиня Меншикова слѣдила за его домомъ и приводила въ порядокъ его бумаги.

Пока король Фердинандъ велъ переговоры, Армфельдъ преспокойно уѣхалъ въ Вѣну, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ Екатерина пріютила его, а затѣмъ назначила его резиденціей Калугу. Но всѣ его бумаги, письма изъ Швеціи отъ друзей остались въ рукахъ поклонницъ, и шведскому агенту Пиранези удалось ихъ выкрасть, одинаково и любовныя письма Магдалины Руденшельдъ. Съ этими доказательствами было возбуждено дѣло противъ Армфельда, г-жи Руденшельдъ и его сообщниковъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ. Сообщники были арестованы и посажены въ тюрьму, г-жа Руденшельдъ помѣщена въ тюрьму съ падшими женщинами. Со стороны регента и его фаворита было сдѣлано все, чтобы возбудить народный гнѣвъ и заставить повѣрить, что странѣ угрожала большая опасность, которую удалось избѣжать, благодаря распорядительности регента и его министра. Хотя всѣ эти доказательства были шатки — планъ революціи находился только въ проектѣ, но страхъ предъ русскими интригами заставилъ Рейтерхольма преувеличивать опасность—и онъ потребовалъ смертной казни для всѣхъ.

Эти русскія интриги состояли изъ писемъ Екатерины къ Армфельду, въ которыхъ она выражаетъ симпатію къ юному королю и предлагаетъ пріютить Армфельда въ случаѣ преслѣдованій со стороны враговъ. Тѣмъ не менѣе это не помѣшало Рейтерхольму достичь своей цѣли, уцѣпившись за русскія интриги. Верховный судъ присудилъ къ смертной казнѣ Армфельда и его сообщниковъ за участіе въ заговорѣ съ Россіей противъ государственнаго строя. Его лишили дворянства, орденовъ и всѣхъ прахъ. Съ его сообщниками регентъ поступилъ милостивѣе, ограничившись пожизненнымъ заключеніемъ въ крѣпость Эренстрома и Аминова; лишеніемъ службы и высылкой въ имѣніе графа Гильденстольпа и Толя и отставкой Шредергельма.

Всѣхъ тяжелѣе была наказана г-жа Руденшельдъ: ее подвергли быть выставленной къ позорному столбу, съ арканомъ на шеѣ и цѣпями на рукахъ, рядомъ съ палачомъ. Цѣлый часъ она выносила это мученіе и, наконецъ, упала въ обморокъ. Она настолько вызывала сожалѣніе, что смягчила даже сердце палача, и онъ только прикинулся, будто накидываетъ ей на шею арканъ. Толпа, собравшаяся вокругъ позорнаго столба, высказывала сожалѣніе, а женщины даже плакали. И среди рыданій женщинъ и ропота мужчинъ несчастную жертву неудовлетворенной страсти герцога отнесли блѣдную, какъ смерть, въ тюрьму для падшихъ женщинъ въ пожизненное заключеніе.

Общественное мнѣніе было противъ регента, оказавшаго къ убійцамъ Густава III болѣе снисхожденія. Шведы негодовали особенно за жестокое наказаніе Магдалины Руденшельдъ, поплатившейся за отвергнутую страсть регента. Со времени вспыхнувшей въ немъ страсти регентъ холодно относился къ женѣ

и избѣгалъ съ нею говорить. Сдѣлавшись регентомъ, онъ вначалѣ лишилъ ее своего довѣрія, и она не имѣла на него вліяніе. Поэтому, хотя она глубоко сожалѣла Магдалину, но къ герцогу изъ деликатности не обращалась съ просьбою о пощадѣ. Она просила фаворита смягчить казнь, по крайней мѣрѣ ея позорную часть. Въ свою очередь, принцесса Альбертина просила объ этомъ брата, но получила неутѣшительный отвѣтъ. Фаворитъ Рейтерхольмъ отвѣтилъ имъ даже дерзко, и съ того дня онѣ избѣгали приглашать его на ужинъ. Герцогиня писала графинѣ Пиперъ, что если герцогъ его пригласитъ, она сама уйдетъ изъ гостиной. «Онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать сцену, но не на ту напалъ». Это былъ послѣдній романъ регента.

Касаясь Россіи, герцогиня приводитъ игривый эпизодъ о русскомъ посланникѣ Морковѣ, тоже не отстававшемъ отъ шведскаго двора по части галантныхъ похожденій. Этотъ дипломатъ, благодаря любовной авантюрѣ съ актрисой Гюсъ, былъ отозванъ съ посланническаго поста въ Швецію.

«Я никогда не видала человѣка болѣе некрасиваго, какъ этотъ Морковъ,—писала герцогиня:—но у него нѣтъ недостатка въ умѣ и талантѣ, и онъ пріятно бесѣдуетъ».

Большой волокита, онъ, между прочимъ, влюбился во французскую актрису г-жу Гюсъ, которую очень любили при дворѣ, и которая играла каждый вечеръ на маленькой сценѣ королевскаго замка. Въ то время театръ игралъ значительную роль, и нарушеніе контракта со стороны актеровъ строго преслѣдовалось не штрафами, а тюрьмой. Поэтому попытка Моркова похитить эту актрису вызвала противъ него обвиненіе въ «нарушеніи правъ человѣчества», и полиція пустилась за г-жою Гюсъ въ погоню. Герцогиня, сообщая объ этомъ своей подругѣ, говоритъ: «васъ удивитъ новость, но которую здѣсь ожидали,—это бѣгство г-жи Гюсъ, которая была очень податлива. Въ этотъ вечеръ она замѣнила заболѣвшую г-жу Дюбелуа въ «Malade imaginaire», выучивъ въ двадцать четыре часа роль и исполнивъ ее очень хорошо. Послѣ спектакля она сказалась больной и потребовала себѣ лодку, чтобы отправиться въ городъ. Какъ узнали чрезъ полицію, она выѣхала въ четырехмѣстной каретѣ въ сопровожденіи лакея Моркова и слѣдовавшей за нею горничной. Хотя полиціи было извѣстно, какой она взяла маршрутъ, но она выѣхала двѣнадцатью часами ранѣе, и поэтому полиціи ее трудно настичь. «Тѣмъ не менѣе,—говоритъ герцогиня,—были приняты всѣ предосторожности, чтобы ее захватить, и признаюсь, что это было бы очень забавно, если бы ее разыскали. Надо признаться, что со стороны Моркова это было нагло заставить ее такимъ образъ уѣхать. Онъ въ высшей степени насилуетъ права человѣчества. Особенно онъ является скомпрометтированнымъ въ этомъ дѣлѣ, потому что послѣ спектакля не остался на ужинъ и ушелъ раньше, сказавъ, что у него мигрень. Впрочемъ, увѣряютъ, что г-жа Гюсъ, отправляясь, была одѣта въ форму русскаго курьера со значкомъ на одеждѣ. Это былъ смѣлый ударъ и характеризуетъ духъ интриги Моркова». Бѣглецовъ поймали, и герцогиня черезъ три дня извѣстила, что «заблудшая овца, дорогая Софи, вернулась вчера вечеромъ въ Стокгольмъ. Полицейскіе разыскали ихъ въ Аби. Ради спасенія Моркова г-жа Гюсъ сказала, что соскучилась и захотѣла попутешествовать, но что у нея не было сообщиковъ. Она

пріѣдетъ сегодня и будетъ играть въ четвергъ. По крайней мѣрѣ, пока Морковъ останется здѣсь, за нею будутъ слѣдить. Признаюся, что подобная черта кажется мнѣ недостойной акредитованнаго посланника, и это никакимъ образомъ не можетъ понравиться императрицѣ. Наше пребываніе здѣсь было бы очень уныло, если бы это приключеніе не развлекало насъ цѣлыхъ три дня. Несмотря на это, король въ довольно хорошемъ настроеніи».

Однако бѣглянка г-жа Гюсъ лучшаго и не желала, какъ снова попасть на подмостки. Что касается Моркова, то онъ, какъ офиціальный посланникъ, находился въ затруднительномъ положеніи, благодаря послѣдствіямъ неудавшагося бѣгства. «Онъ блѣденъ и разстроенъ и хотя не хотѣлъ бы этого выказывать, но очень хорошо видно, въ какомъ онъ затруднительномъ положеніи, которое прорывается сквозь усвоенную имъ посланническую личину. Что касается г-жи Гюсъ, она все такъ же весела, какъ и прежде. Вчера она играла «Заиру». Невозможно имѣть болѣе таланта, какой она обнаружила вчера, и болѣе коварства. Она притворилась, что смущена, выходя на сцену. Замѣтя короля, она сдѣлала глубокій реверансъ, прошептавъ: «Боже мой! Государь!» какъ будто она болѣе не сознавала, что говоритъ. Затѣмъ, продѣлавъ этотъ жестъ и сказавъ эти безумныя слова, она стала играть божественно. За нею все время слѣдятъ; хотя ей разрѣшено видѣть, кого она пожелаетъ, и ходить куда угодно въ Дротингхольмѣ, но она не можетъ отправиться въ городъ. Это совершенно естественно, такъ какъ оттуда она можетъ снова ускользнуть».

Такой надзоръ сильно стѣснялъ Моркова, еще болѣе въ нее влюбленнаго. Онъ былъ приговоренъ видѣть ее только на сценѣ, бродить вблизи ея жилища или прибѣгать къ тысячамъ униженій, чтобы поймать ее. «Въ воскресенье онъ походилъ на приговореннаго къ пыткѣ,—пишетъ герцогиня.—Цѣлый день онъ бродилъ вокругъ павильона, гдѣ она живетъ, павильона гауптвахты. Такъ какъ въ этотъ день ей не была разрѣшена прогулка, то она была у окна. Наконецъ, когда смерклось, онъ вошелъ къ ней, и она не участвовала въ спектаклѣ.

Моркова утомило и надоѣло подобное смѣшное положеніе, онъ рѣшилъ открыться барону Армфельду, директору королевскихъ театровъ, и войти съ нимъ въ переговоры, соглашаясь держаться осмотрительно съ актрисой, если ему дадутъ болѣе свободы. «Онъ домогался у него, чтобы расширили эту свободу,—писала герцогиня:—при этомъ почти сознался, что онъ похитилъ актрису. Армфельдъ отвѣтилъ, что очень хотѣлъ бы доставить ему удовольствіе, но тогда онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, увѣрить, что до Пасхи она не сбѣжитъ. Тогда король разрѣшитъ ей уѣхать. На это Морковъ вчера отвѣтилъ завѣрительнымъ письмомъ, что онъ останется до Пасхи и отвѣчаетъ за г-жу Гюсъ. Это замѣчательная черта честнаго отношенія къ женщинѣ, которую онъ любитъ».

Морковъ поступилъ въ этомъ случаѣ слишкомъ опрометчиво для дипломата, давъ въ руки данныя, свидѣтельствовавшія объ его участіи въ этомъ скандальномъ приключеніи и нарушеніи контракта актрисы. Морковъ былъ отозванъ въ Россію. Екатерина воспользовалась предлогомъ назначенія его на постъ скончавшагося Бакунина въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и безъ шума прекратила его миссію въ Швеціи ранѣе Пасхи. Актриса Гюсъ снова сбѣжала и послѣдовала за Морковымъ. «Она хочетъ отправиться въ Рос-

сію,—говоритъ герцогиня,—только чтобы разорить тамъ нѣсколько богачей». На мѣсто Моркова былъ назначенъ графъ Разумовскій—человѣкъ иного закала. Его пребываніе въ Швеціи совпало съ обостренными отношеніями Густава III и Екатерины II. Избавившись отъ непріятнаго для шведовъ Маркова, благодаря актрисѣ Гюсъ, они натолкнулись на графа Разумовскаго, избавиться отъ котораго оказалось не такъ легко, какъ отъ Моркова. По крайней мѣрѣ, герцогиня Зюдерманландская, зорко слѣдившая за всѣмъ, что происходило какъ при дворѣ, такъ и въ городѣ и заносившая все это въ свой журналъ, отмѣчала всѣ интриги Разумовскаго. Король дѣлалъ все, чтобы отъ него избавиться, но русскій посланникъ крѣпко засѣлъ въ Швеціи, и даже объявленіе войны между Россіей и Швеціей и разрывъ отношеній между обѣими державами не заставили его двинуться въ Россію: онъ продолжалъ жить въ Стокгольмѣ, интриговать съ оппозиціей, которая вела козни въ арміи и подняла этимъ военный мятежъ, возбуждалъ ненависть противъ короля и толкалъ на возмущеніе противъ его авторитета. «Время ему уѣзжать,—писала герцогиня мужу, извѣщая послѣдняго объ отъѣздѣ посланника, наконецъ отплывшаго на кораблѣ съ помощью полиціи.—Онъ причинилъ много вреда, принимая у себя недовольныхъ и всячески возбуждая несогласіе между королемъ и народомъ».

Не будемъ останавливаться на обстоятельствахъ, въ какомъ ужасномъ положеніи очутился король благодаря этой войнѣ, ни на возмущеніи шведской арміи, скажемъ только, что шведы хотѣли послать къ Екатеринѣ депутацію съ предложеніемъ мира. Письмо было написано отъ имени націи, даже безъ упоминанія о королѣ: такъ велико было негодованіе противъ него за то, что онъ объявилъ войну безъ разрѣшенія парламента. Заключая дроттингольмскій трактатъ въ 1791 году, Густавъ III замѣтилъ Штакельбергу, что заключенный союзъ повлечетъ за собою бракъ его сына со внучкой императрицы, какъ это было между Франціей и Австріи, послѣ заключенія союза. Но Густаву III не суждено было дождаться этого сватовства. Уже при регентѣ Штедингъ писалъ Рейтерхольму 17-го января 1793 года: «Я никогда не говорилъ вамъ ясно, выше превосходительство, потому что это были лишь догадки, что императрица очень желаетъ брака старшей внучки, которой будетъ въ августѣ десять лѣтъ, съ нашимъ юнымъ королемъ. Задолго до смерти короля петербургская публика говорила объ этомъ, какъ о свершившемся фактѣ, и я знаю, что императрица говорила нѣкоторымъ близкимъ лицамъ, какъ о вѣроятномъ фактѣ, который доставитъ ей удовольствіе».

Когда четырнадцатилѣтній принцъ, официально увѣдомляя ее о смерти отца и о своемъ восшествіи на престолъ, приложилъ записочку, очень милую, императрица отвѣтила ему совершенно материнскимъ тономъ. Съ тѣхъ поръ она не переставала бесѣдовать о немъ со Штедингомъ и говорила ему, что питаетъ къ нему материнскую любовь и великая княжна Александра Павловна была воспитана съ мыслью, что она будетъ королевой Швеціи.

Раза два регентъ, повидимому, былъ готовъ осуществить эту мечту и даже послалъ Стенбока въ Петербургъ съ секретной миссіей. Рейтерхольмъ соглашался на это подъ двумя условіями: чтобы невѣста исповѣдывала лютеранскую религіи и Швеціи былъ выданъ Армфельтъ. Зороастръ, какъ звали всѣ Платона

Зубова, передалъ Штедингу, что такое предложеніе, по мнѣнію императрицы, одна приманка, и ставя такія условія, заранѣе знаютъ, что она не можетъ ихъ принять, что желаніе смѣшивать вопросъ о бракѣ съ выдачею преступника—ниже ихъ достоинства. Регентъ отвѣтилъ Штедингу: «Если императрица не принимаетъ нашихъ условій, ея дорогая внучка никогда не будетъ королевой Швеціи. Это мѣсто достаточно хорошо, чтобы остаться незанятымъ. Выборъ великъ. Пусть она не воображаетъ, что Швеція ищетъ ея расположенія, но гордая, великодушная нація соглашается забыть существующія несправедливости, только если она захочетъ исправить ихъ, выдавъ намъ измѣнника, котораго удерживаетъ, имѣя не больше правъ, какъ у грабителя съ большой дорогѣ».

Раздраженный отказомъ Рейтерхольмъ, въ свою очередь, написалъ Штедингу: «Все порвано. Избавьте меня съ этихъ поръ отъ разговора относительно этого брака, такъ какъ мы теперь презираемъ эту старую мегеру». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Екатерина Великая выказала себя очень малой: это возвышаетъ наше великодушіе и возвращаетъ намъ свободу... Рѣшительно Семирамида только тѣнь ея, но эта тѣнь можетъ еще причинить много зла». Эти слова разнеслись по Стокгольму и были донесены ей. На нихъ она отвѣтила барону Будбергу: «Что касается этого якобинца Рейтерхольма, то онъ вполнѣ солгалъ, такъ какъ я ни Семирамида, ни великая, ни малая..Я средняго роста и я такая, какъ я на самомъ дѣлѣ».

Молодой король, по словамъ герцогини, былъ справедливый, честный и прямой человѣкъ, но крайне нервный, до болѣзненныхъ припадковъ. «Упрямый и сумрачный, онъ иногда держитъ себя, какъ будто въ немъ есть зародышъ безумія, и неизбѣжно думается, что это перешло къ нему отъ дяди, короля Даніи».

Не будемъ останавливаться на предполагавшемся бракѣ съ нѣмецкой принцессой Шарлоттой Мекленбургъ-Шверинской, объявленномъ регентомъ безъ согласія короля и заставившемъ Екатерину начать вооруженія, и перейдемъ къ вторичному сватовству короля къ Александрѣ Павловнѣ и посѣщенію Петербурга регентомъ и королемъ. Регентъ писалъ, что съ ними обращаются здѣсь восхитительно. «Нельзя быть учтивѣе и любезнѣе, какъ обходится съ нами знаменитая императрица. Она просто—очаровательна, а великая княжна просто маленькая богиня, спустившаяся съ небесъ».

По словамъ шведскихъ офицеровъ, Екатерина, несмотря на шестьдесятъ семь лѣтъ, была еще красива и очаровывала самыхъ скромныхъ по положенію. Они говорили между собою: «Понятно, что она возбуждалетъ страсти. Несмотря на полноту и лицо старой женщины, ея улыбки прелестны и руки очень красивы». Одинъ изъ офицеровъ замѣчалъ, какъ кокетливо она подавала руку для поцѣлуя: эта рука была бѣлая и нѣжная .

Въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, съ маленькимъ чепчикомъ на густыхъ сѣдыхъ волосахъ, Екатерина была величественна.

Бракъ, какъ извѣстно, не состоялся, благодаря упрямству молодого короля, тайно питавшаго надежду, что будущая королева согласится принять лютеранство и потому отказавшагося дать требуемую Екатериной подпись.

Роль регента теперь окончилась, въ началѣ 1797 г. король взялъ въ свои руки управленіе государствомъ, и герцогъ Зюдерманландскій очутился въ пе-

чальномъ матеріальномъ положеніи. Первымъ дѣло молодого короля было удаленіе всесильнаго Рейтерхольма и обѣленіе г-жи Руденшельдъ. Мало того, король Густавъ-Адольфъ предоставилъ въ ея распоряженіе имѣніе на островѣ Готландѣ, гдѣ она жила въ уединеніи, иногда появляясь въ Стокгольмѣ, но не посѣщая общества. Въ герцогѣ заговорило позднее раскаяніе, и онъ положилъ ей пенсію изъ собственныхъ средствъ. Онъ съ женою удалился въ замокъ Розерзбергъ и нравственно страдалъ, что отозвалось на его физическомъ здоровьѣ. Герцогиня попрежнему переписывалась съ графиней Пиперъ, которая, овдовѣвъ, жила съ барономъ Таубе, и потому прежнія отношенія немного измѣнились благодаря третьему лицу. Веселаго двора Густава III уже не существовало: дворъ молодого сосредоточеннаго молчаливаго короля далеко уступалъ ему въ весельи, хотя роль хозяйки дома играла герцогиня.

Еще разъ былъ поднятъ вопросъ о русскомъ бракѣ, когда въ Стокгольмъ пріѣхалъ графъ Головкинъ съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Павла I, который все еще думалъ о бракѣ дочери съ шведскимъ королемъ, хотя обыкновенно считали, что онъ относился къ этому безразлично. Императрица и Нелидова обѣщали Головкину посланническій постъ, если онъ устроитъ этотъ бракъ. Но архіепископъ доказалъ, что во дворцѣ невозможно устроить греческую часовню, и вообще онъ стоялъ противъ русскаго брака. Этого было достаточно королю, и онъ отправилъ въ Петербургъ графа Клингспора для поздравленія съ восшествіемъ на престолъ и съ объявленіемъ, что невѣста короля должна быть лютеранка. Павелъ выслушалъ это съ ледяной холодностью, но великая княжна и императрица глубоко огорчились. Король, давая этотъ отвѣтъ, уже рѣшилъ въ головѣ другой бракъ—съ сестрою императрицы Елизаветы, портретъ которой ему показывала императрица, когда онъ былъ въ Петербургѣ. Сторонникъ союза съ Россіей Штедингъ былъ этимъ очень огорченъ. Извѣстіе о бракѣ короля съ принцессой Фредериксъ страшно разгнѣвало императрицу и огорчило великую княжну. Въ Швеціи этотъ разрывъ обсуждался различно. Одни, какъ Штедингъ, говорили, что Швеція потеряетъ исключительный случай завоевать окончательно дружбу сосѣдняго государства, обезпечить сѣверный миръ и увеличить территорію Швеціи пріобрѣтеніемъ Норвегіи. Другіе считали это избавленіемъ отъ русскаго вліянія и говорили, что, порвавъ съ Россіей, Густавъ IV выполнятъ задачу отца, который революціей 1772 года хотѣлъ положить конецъ русскому вмѣшательству въ шведскія дѣла.

Въ это время дѣла герцогини были настолько невеселыя, что она неохотно присутствовала на свадьбѣ. Герцогъ лежалъ больной, а у нея не было платья. Свадьба была невеселая, холодная; церемонныя манеры короля не обѣщали возвращенія веселаго двора Густава III и всѣхъ леденили, а главное его молодую жену, уже влюбленную въ герцога Эпгьенскаго.

Прошелъ годъ со дня свадьбы, а у молодой четы не было признака появленія наслѣдника престола. Зато герцогиня, двадцать четыре года не имѣвшая дѣтей, родила мальчика 3-го іюля 1798 года, скончавшагося чрезъ недѣлю и похороненнаго со всѣми почестями наслѣдника престола. Для герцогини это былъ ударъ, совершенно уничтожившій остатки ея прежняго веселаго настроенія. Она уѣхала путешествовать, а когда возвратилась въ ноябрѣ, то у

короля родился наслѣдникъ, принцъ Густавъ, а 3-го апрѣля состоялась коронація въ Оребро. Отношенія съ Россіей сначала немного улучшились, и даже Павелъ пригласилъ короля въ Петербургъ, но послѣ его смерти затѣмъ опять испортились. Хотя молодой императоръ Александръ находился въ родствѣ съ королемъ, но они совсѣмъ не подходили характеромъ, и съ первыхъ же отношеній у нихъ вышла непріятность. Когда Александръ прислалъ къ нему графа Палена извѣстить о своемъ восшествіи на престолъ, Густавъ IV отказался принять сына одного изъ участниковъ въ кровавой драмѣ. Тщетно министры старались прилично оформить этотъ отказъ, но слишкомъ очевидна была причина. Съ этихъ поръ отношенія окончательно испортились и никогда болѣе не были дружелюбны.

Жизнь при новомъ шведскомъ дворѣ шла монотонно, и веселье царило въ обществѣ, только когда уѣзжалъ король. Такъ было въ 1803 году. Къ герцогинѣ вернулось прежнее веселое настроеніе, она много принимала и сама ѣздила съ визитами въ различные замки. Отношенія съ мужемъ теперь были очень дружелюбныя. Страсть улеглась, прежняя тайная ревность исчезла, и она писала: «Не тѣ годы, когда сердце наполнено любовью кипучей, опьяняющей—откровенная и дѣйствительная дружба, болѣе спокойная, надежная и продолжительная, заняламѣсто во всемъ моемъ существѣ, и въ данный моментъ отъ нея зависитъ все мое существованіе». Въ февралѣ 1805 году вернулась королевская чета, и все веселье улетѣло. Веселье длилось почти два года; теперь начались тревожные дни. Снова Россія объявила войну и заняла Финляндію, угрожая самой Швеціи. За этимъ несчастіемъ началась цѣлая серія бѣдъ, возмущеніе народа, арестъ короля и, наконецъ, восшествіе на престолъ при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ.

Новый король—слабый мистикъ, истрепанный жизнью, одною ногою ступавшій въ могилу, обѣщалъ слабую поддержку Швеціи. «Неизвѣстно, не распространялись бы постигшія семью Густава-Адольфа несчастія одинаково на ихъ тетку и дядю,—писали королева:—если необходимость, продиктовавшая липеніе королевскихъ правъ короля, не распространится на всѣхъ членовъ королевской семьи и насъ всѣхъ не подвергнутъ изгнанію». Подъ этимъ впечатлѣніемъ герцогиня нерадостно встрѣтила извѣстіе о своемъ воцареніи. Маленькій сынъ развѣнчаннаго короля, рыдая, спрашивалъ мать: «За что это, мама, что я сдѣлалъ?» Мать успокаивала его, что имъ будетъ лучше у бабушки. Шестидесятилѣтній герцогъ провозглашенъ былъ королемъ Карломъ XIII, и въ первые же дни былъ поднятъ вопросъ о наслѣдникѣ. Послѣ долгихъ партійныхъ споровъ выборъ остановился на принцѣ Христіанѣ-Августѣ Августенбургскомъ изъ Ольденбургскаго дома, родственникѣ датскаго короля, отъ имени котораго онъ управлялъ Норвегіей. Но этотъ наслѣдникъ не долго прожилъ въ Швеціи: дѣлая смотръ войскамъ, онъ упалъ съ лошади и разбился на смерть.

Эта смерть возбудила толки: народъ успѣлъ полюбить новаго наслѣдника за его простыя манеры, откровенность и рѣшительность. Партійныя страсти разгорѣлись, и обвиненія посыпались то на державы, то на графиню Пиперъ, то на Ферзена, сопровождавшаго наслѣдника; первая, по ихъ словамъ, приготовила медленный ядъ, а Ферзенъ, повсюду сопровождая принца, давалъ его малень-

кими дозами. «Я знаю,—пишетъ королева:—что подозрѣнія касаются и меня, но я презираю эту клевету».

Королева подробно останавливается на ужасномъ убійствѣ Ферзена, растерзаннаго толпою во время похоронной церемоніи. Это были тяжелыя минуты въ ея царствованіи. Сестра Ферзена и подруга королевы, графиня Пиперъ, узнавъ о мятежѣ, зарыла въ землю часть дневника королевы, ожидая, что и къ ней ворвется толпа. Затѣмъ, переодѣвшись въ платье прислуги, она отправилась искать убѣжища въ замкѣ графини Брахе. Не заставъ хозяевъ дома, она принуждена была искать другого убѣжища. Но и здѣсь она не была въ безопасности, толпа была слишкомъ возбуждена. Ея племянникъ уговаривалъ ее уѣхать на время изъ Швеціи, однако это дало бы поводъ думать, что она виновна. Тогда она добровольно сѣла въ крѣпость и оставалась тамъ, пока дѣло не разслѣдовали и не доказали, что наслѣдникъ умеръ отъ апоплектическаго удара. Въ это время королева переживала ужасныя минуты, опасаясь за свой дневникъ.

Швеція опять осталась безъ наслѣдника престола, и снова поднялись партійные споры за кандидата въ наслѣдники. Онъ явился неожиданно изъ далекой Франціи. Это былъ Бернадоттъ. «Король всячески старается доказать, насколько онъ доволенъ королевскимъ принцемъ, и я сама начинаю питать къ нему расположеніе,—пишетъ королева.—Его манера, сдержанность завоевали мнѣ симпатію. Обращеніе, усвоенное имъ относительно короля, при каждомъ случаѣ достойно похвалы! Родной сынъ не могъ бы выказать болѣе вниманія и почтенія, чѣмъ онъ. Этотъ сынъ французскаго адвоката завоевалъ симпатіи всѣхъ. Усыновленный подъ именемъ Карла-Іоганна, онъ стремился сблизиться съ Россіей, чтобы вознаградить Швецію за потерю Финляндіи присоединеніемъ Норвегіи. Его идея была, что Финляндія естественная граница Россіи и обладаніе ею Швеціей всегда будетъ вызывать ссоры и войны между этими странами. Норвегія уже географически неотъемлемая часть Скандинавскаго полуострова, союзъ двухъ странъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Бернадотъ имѣлъ свиданіе съ Александромъ, послѣ котораго произошелъ союзъ съ Россіей, обезпечивавшій присоединеніе Норвегіи, а потомъ съ Англіей и Пруссіей. Это была исключительно шведская политика. Во всю нѣмецкую кампанію онъ дѣйствовалъ, какъ природный шведъ.

Овладѣть Норвегіей было не такъ легко, хотя датскій король уступилъ ей гегемонію. Но норвежцы не подчинялись и требовали обратно право располагать собою, какъ свободный народъ, объявлять независимость и выбирать своего короля. Бернадотть долженъ былъ итти противъ нихъ, заставить ихъ короля отречься, а Норвегію принять союзъ со Швеціей. Даже старый полупараличный Карлъ XIII воспрянулъ духомъ и отправился въ походъ. Королева не оставляла его и сопровождала въ Уддевалла, опасаясь за него. Король радовался, что пересядетъ на эскадру, которой предстоитъ бомбардировать Фридрихсгалдъ. 4-го августа этотъ флотъ капитулировалъ, а 14-го былъ подписанъ союзъ Швеціи и Норвегіи. Карлъ XIII былъ избранъ королемъ Норвегіи. Шведы были признательны Бернадотту за эту побѣду, и королева первая написала: «Это ему мы обязаны завоеваніемъ Норвегіи. Вся кампанія совершилась въ два мѣсяца».

Дворъ вернулся въ Стокгольмъ, и королева возобновила свои вечера, прозванные «собраніемъ зеленой скатерти». Дамы съ рукодѣліемъ садились вокругъ большого круглаго стола, покрытаго зеленой скатертью, и вели бесѣды. Король обыкновенно являлся, поддерживаемый Бернадоттомъ, и всѣ вставали при его появленіи. Онъ привѣтствовалъ королеву и усаживался въ кресло, обитое потертой красной кожей. Разговоръ вели королева и Бернадоттъ. Когда играли на фортепіано, король дремалъ. Затѣмъ привѣтствовалъ всѣхъ и удалялся, а за нимъ и Бернадоттъ.

28-го января 1818 года, въ день рожденія Бернадотта, за парадным обѣдомъ король поднялъ стаканъ и хотѣлъ произнести тостъ, но съ нимъ произошелъ третій апоплектическій ударъ, и чрезъ недѣлю онъ скончался. Королева пережила его лишь на 4½ мѣсяца и скончалась 19-го іюня.

Легко одѣтая, она простудилась, и ея падагра поднялась къ сердцу. Ночью она сильно страдала и на другой день 20-го іюня 1818 года скончалась почти шестидесяти лѣтъ.

— Отовсюду—Шурманъ, о которомъ уже упоминалось въ нашихъ замѣткахъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о карьерѣ импрессаріо жалуется на неблагодарность артистовъ, выведенныхъ имъ въ люди: Дузе, Кубеликъ, Кошанскій обязаны ему большей частью своей репутаціей. Но изъ нихъ только Дузе—и то еще вопросъ—не выказала ему черной неблагодарности. Авторы поступали не лучше, свидѣтельствомъ чего служитъ бельгійскій Шекспиръ, заставившій его потерять деньги съ «Joyzette» и отдавшій затѣмъ г-жѣ Режанъ «Oiseau Bleu». Публика также порою была не лучше. Южно-американскіе дипломаты, приглашая его труппу, всегда обѣщали засыпать золотомъ, въ дѣйствительности же ничего не платили. Сами короли—ничтожные клієнты. Во времена Абдулъ-Гамида каждый разъ, какъ Шурманъ пріѣзжалъ въ Константинополь, онъ получалъ распоряженіе играть въ Ильдизъ-Кіоскѣ, и султанъ со своей обычной щедростью отдавалъ приказъ сдѣлать ему прекрасный подарокъ, но этотъ подарокъ переходилъ чрезъ столько рукъ, что въ концѣ концовъ совершенно уменьшался и доходилъ до ничтожества. Однажды Османъ-паша еще разъ пригласилъ его отъ имени султана дать спектакль для гаремныхъ дамъ. Шурманъ не выразилъ при этомъ предложеніи восторга, и генералъ захотѣлъ узнать причину. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ обѣщалъ, что больше этого не случится. Представленіе было довольно любопытное: на сценѣ давали: «La Dame de chez Maxime». Въ залѣ находилось только два мужчины—султанъ и Османъ-паша, но въ ложахъ, затянутыхъ цвѣтнымъ газомъ, раздавался женскій смѣхъ. Во второмъ антрактѣ генералъ подозвалъ импрессаріо и сказалъ: «Его величество очень доволенъ. Второй актъ ему очень понравился. Вы снова его начните, вы выпустите слѣдующій». Такъ и было сдѣлано и это вызвало сумасшедшій смѣхъ. Опустился занавѣсъ, и Шурманъ ожидалъ, что его снова потребуютъ, но съ виду важный чиновникъ передалъ ему мѣшокъ съ деньгами, запечатанный государственной печатью. «Прикажите поднять занавѣсъ. Поклонитесь шаху и покажите ему кошелекъ, особенно печать». Импрессаріо исполнилъ. Когда онъ вышелъ на сцену, потрясая кошелькомъ, Абдулъ-Гамидъ всталъ, наставилъ бинокль на мѣшокъ и сдѣлалъ знакъ рукою, выражающій, что онъ доволенъ. Въ мѣшкѣ лежали четыреста турецкихъ лиръ. Въ первый разъ султанъ заплатилъ Шурману деньги.

«Figaro» помѣстилъ письмо г-жи Ферреро, жены извѣстнаго итальянскаго историка и дочери еще болѣе извѣстнаго ученаго Ломброзо. Она выступила въ защиту своего отца, обвиняемаго во вредномъ вліяніи на общество его теоріи. Взбаламученная муть, поднявшаяся со дна современнаго Вавилона, своимъ смѣлымъ натискомъ на карманъ, а часто и жизнь французскаго буржуа вызвала въ нѣкоторой части общества нападки на покойнаго Ломброзо. Почтеннаго и уважаемаго профессора г. Понсетонъ упрекаетъ, что его ученіе возбуждаетъ въ судьяхъ и въ публикѣ чрезмѣрную снисходительность къ преступникамъ. Г-жа Ферреро хочетъ исправить одну изъ многочисленныхъ легендъ, предметомъ которыхъ до сихъ поръ все еще служатъ труды ея отца. «Эта снисходительность, безъ сомнѣнія, стремленіе нашей эпохи, но никто такъ живо съ нею не боролся, какъ мой отецъ, и я думаю, что его теоріи были не чужды духа суровости и строгости, которыми вдохновленъ проектъ закона противъ рецидивистовъ, представленный въ 1882 г. Вальдекомъ Руссо, въ то время министромъ, во французскую палату. Съ 1876 г. мой отецъ при каждомъ удобномъ случаѣ не переставалъ настаивать на необходимости навсегда удалять отъ общества рецидивистовъ, которыхъ онъ считалъ неисправимыми, и во Франціи его сторонники, именно Рейнакъ, много писали по этому вопросу.

«Когда въ 1888 г. въ Италіи представили въ палату новый уголовный законъ, вдохновленный духомъ крайней снисходительности, мой отецъ написалъ книгу «Troppo presto» («Слишкомъ поспѣшно»), чтобы предупредить опасность, которую подобный духъ можетъ повлечь за собою. Въ этой книгѣ онъ цитировалъ письмо Тэна: «Я вижу съ нѣкоторымъ огорченіемъ злоупотребленія, изъ которыхъ многіе мало освѣдомленные люди дѣлаютъ такой положительный принципъ, какъ и вы, я думаю, что детерминизмъ и отвѣтственность два термина, вполнѣ согласующіеся между собою. Болѣе того, я думаю, надо быть детерминистомъ, чтобы понять послѣдствія отвѣтственности. Если бы я былъ юристомъ-законовѣдомъ или судьею, я бы не имѣлъ никакой снисходительности ни къ преступникамъ, ни къ ворамъ, ни къ уголовнымъ, ни къ нравственнымъ безумцамъ. Когда во всей жизни интеллектуальной, моральной дѣйствительной жизни преступника преступныя побужденія одиночны, случайны или, быть можетъ и вѣроятно, проходящія, то можно или даже должно простить; по чѣмъ болѣе это побужденіе связано съ цѣлой нитью идей и чувствъ, тѣмъ виновнѣе человѣкъ, и онъ долженъ быть наказанъ». Какъ Тэнъ сказалъ такъ хорошо въ своемъ письмѣ, такъ мой отецъ всегда стремился убѣдить своихъ современниковъ, что наслѣдственныя или болѣзненныя причины, имѣя возможность уменьшить личную отвѣтственность, никоимъ образомъ не должны ослаблять защиту общества. Онъ всегда требовалъ особенно суроваго режима для рожденныхъ преступниковъ, такъ какъ ничто не производитъ на нихъ впечатлѣніе. За эти идеи моего отца часто упрекали въ жестокости. По странному противорѣчію его обвиняютъ въ настоящее время также и въ снисхожденіи. Оба обвиненія были бы для него одинаково тяжки, и онъ за нихъ очень страдалъ, и у него не было иной мысли, какъ дать обществу оружіе для лучшей самозащиты безъ жестокости и слабости противъ преступленій.

СМѢСЬ.

ЛОМОНОСОВЪ и Елизаветинское время. 17-го апрѣля, въ 2 часа пополудни, состоялось открытіе состоящей подъ высочайшимъ Его Величества Государя Императора покровительствомъ выставки «Ломоносовъ и Елизаветинское время», устроенной императорской академіей наукъ въ залахъ императорской академіи художествъ. Вся выставка раздѣлена на двѣнадцать отдѣловъ, въ зависимости отъ которыхъ устроены и комнаты. Вестибюль и лѣстница академіи художествъ, гдѣ помѣщается выставка, приняли самый необычный видъ: на фонѣ краснаго сукна золото придворныхъ елизаветинскихъ каретъ, пушки—русскія и трофеи Семилѣтней войны, манекены солдатъ въ старинныхъ формахъ, полковые барабаны, на щитахъ—арматуры изъ захваченнаго непріятельскаго оружія—прусскаго и шведскаго... и пр. и пр. Большинство этихъ предметовъ доставлено сюда изъ артиллерійскаго историческаго музея. Въ кругломъ конференцъ-залѣ (тоже съ новыми бутафорскими стѣнами) размѣщены портреты Елизаветы и различныя вещи, лично ей служившія. Портреты—начиная съ самаго юнаго возраста, въ видѣ прелестной голенькой трехлѣтней дѣвочки (работы Караваккa)—и кончая изображеніями полной обрюзглой женщины послѣднихъ лѣтъ ея жизни. Далѣе идутъ портреты современницъ Елизаветы, размѣщенные въ слѣдующей, направо отъ конференцъ-зала комнатѣ: княгини Екатерины Голицыной (рожденной Кантемиръ), Елены Куракиной, баронессы Анны Строгановой и другихъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ Ивана Ивановича Шувалова въ цѣлой галереѣ изображеній Ротари, Рокотова и Виже-Лебренъ, начиная съ юности и кончая послѣдними годами его жизни. Вотъ хитрый и умный канцлеръ Бестужевъ, то въ полномъ своемъ величіи, то въ ссылкѣ—уставшій отъ треволненій жизни старикъ. Здѣсь же и другіе сподвижники

Елизаветы, захватившіе и слѣдующее—екатерининское—царствованіе: И. И. Бецкій, фельдмаршалы Бутурлинъ, Минихъ, канцлеръ Воронцовъ, иностранцы маркизъ Лопиталь, кавалеръ д'Эонъ де-Бомонъ (въ чепцѣ и женскомъ платьѣ), наконецъ, портреты художниковъ: Антропова, Гроота, Жилле, архитекторы Кокориновъ, Фельтенъ и др. Небольшой, но любопытный отдѣлъ монетъ и медалей распредѣленъ по витринамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала помѣщены всѣ монеты, чеканившіяся съ 1741 по 1761 годъ для Россіи; сюда же отнесена также и особая монета, выпускавшаяся въ 1756—1757 годахъ для Лифляндіи и Эстляндіи, такъ какъ въ основу ея былъ положенъ русскій рубль; она выбивалась достоинствомъ въ 96 коп., 48, 24, 4 и 2 копейки. Съ 1759 по 1762 годовъ выпускались спеціальныя монеты для Восточной Пруссіи, присоединенной къ Россіи въ 1758 г. и возвращенной Фридриху II Петромъ III. Среди прусской монеты интересенъ шестигрошевикъ 1762 г. съ портретомъ императрицы, хотя она скончалась уже 25-го декабря 1761 года. Медали того времени—большею частью работы иностранцевъ, хотя встрѣчаются (въ періодъ 1741—1761 годовъ) имена и русскихъ рѣзчиковъ, какъ: Самуилъ Юдинъ, Тимоѳей Ивановъ, Василій Климентовъ и нѣкоторые другіе. Одна изъ залъ выставки отведена архитектурѣ елизаветинскаго вѣка въ видѣ современныхъ снимковъ съ городовъ, плановъ: виды мѣстностей въ рисункахъ и гравюрахъ, виды Москвы, Новгорода, Владимира и проч. Послѣдняя угловая комната выставки занята отдѣломъ: «Ломоносовъ, императорская академія наукъ и московскій университетъ»,—который имѣетъ цѣлью наглядно познакомить посѣтителя съ жизнью, ученою и просвѣтительною дѣятельностью геніальнаго ученаго. Здѣсь выставлены: извѣстные нынѣ портреты Ломоносова и его родственниковъ, покровителей и товарищей по академіи, рукописи его сочиненій и автографы, печатныя изданія его произведеній, мозаичныя его работы, также портреты его современниковъ-академиковъ, изданія академіи наукъ съ 1741 по 1761 годъ и нѣкоторыя наиболѣе интересныя и характерныя дѣла и документы, касающіеся различныхъ учрежденій, при академіи состоявшихъ, какъ: университетъ, гимназія, типографія, географическій департаментъ, гравировальная палата,—и другіе матеріалы, рисующіе жизнь тогдашней академіи. Если, осмотрѣвъ круглый конференцъ-залъ академіи съ портретами императрицы Елизаветы, ея парчевымъ платьемъ и прочими лично ей служившими предметами, вы пройдете по выставкѣ влѣво, то попадаете въ залу, посвященную искусству Елизаветинскаго царствованія. Здѣсь собрано все, касающееся, главнымъ образомъ, «чистаго» искусства,—то есть живописи и скульптуры. Отдѣлъ этотъ, сравнительно, довольно бѣденъ. Объясняется это тѣмъ, что многое погибло за давностью лѣтъ, а, главнымъ образомъ,—благодаря невѣжеству русскаго общества въ отношеніи предметовъ искусства... Да и то, что осталось, въ большинствѣ—работа иностранныхъ мастеровъ. На выставкѣ имѣется нѣсколько крупныхъ холстовъ перваго профессора академіи художествъ, старшаго Лагренэ, какъ «Игры амуровъ», пріѣхавшаго съ нимъ де-Лоррена, два хорошихъ портерта Девелли, двѣ картины и нѣсколько рисунковъ Лепренса. Изъ портретистовъ особенно выдѣляются: итальянецъ Стефано Торелли (портреты графини Чернышевой и великаго князя Павла Петровича), Фонтебассо, Давидъ Лю-

дерсъ, Токэ, братья Гроотъ, портретистъ графъ Пьетро Ротари, наконецъ, Караваккъ—присяжный придворный портретистъ еще со временъ Анны Іоанновны. Въ самомъ еще началѣ царствованія Елизаветы—въ 1743 году—онъ получилъ заказъ исполнить четырнадцать портретовъ императрицы съ цѣлью разосланія ихъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. За эти портреты, написанные «двумя кунштами», получилъ художникъ 1,200 рублей. Крайне любопытна на выставкѣ группа, изображающая Екатерину еще въ бытность ея великой княгиней, съ Павломъ на рукахъ, во время сеанса въ мастерской художника Гаспара Преннера. Екатерина въ костюмѣ какой-то знатной венеціанки изображена въ профиль съ довольно неестественно вывернутой рукой; курьезная подробность: у маленькаго Павла къ чепчику сбоку прикрѣпленъ медальонъ, осыпанный брильянтами; свита изображена тоже въ видѣ какихъ-то не то русскихъ, не то ложно-классическихъ нобилей; группа вообще производитъ фальшивое впечатлѣніе, но интересна по краскамъ. Изъ русскихъ художниковъ, которыхъ очень мало, слѣдуетъ отмѣтить два портрета кисти Антропова, также портреты Рокотова, Ив. Аргунова и Ив. Иконникова. Дошли до насъ имена художниковъ Елизаветинскаго царствованія—Ивана Вешнякова и живописнаго мастера при московской оружейной палатѣ Адольскаго; но произведенія ихъ почти неизвѣстны. Характерны для эпохи два портрета: Артемія Волынскаго и его жены, писанные уже послѣ ихъ смерти, въ царствованіе Елизаветы. Слѣдующая за этимъ заломъ маленькая комната представляетъ старинную библіотеку. Довольно низкій потолокъ затянутъ плафономъ Лагренэ старшаго, который онъ писалъ для академіи въ 1761 г. Лагренэ только что прибылъ тогда въ Россію, замѣнивъ скончавшагося въ 1760 г. предшественника своего Девелли. Въ библіотекѣ размѣщены въ шкапахъ книги, напечатанныя при Елизаветѣ на церковно-славянскомъ, русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и голландскомъ языкахъ. Книги расположены по отдѣламъ: философія, правоучительныя, книги по воспитанію и «обхожденію», учебники, оды, военное и морское дѣло,—и проч. Книги на иностранныхъ языкахъ печатались, главнымъ образомъ, въ типографіи петербургской академіи наукъ. Книги церковной печати лучше всего издавались въ Кіевѣ, причемъ онѣ выпускались въ роскошныхъ кожаныхъ переплетахъ, съ изящными орнаментами и гравюрами. Далѣе слѣдуютъ комнаты, посвященныя архитектурѣ и «ѳеатру россійскому». Здѣсь выставлены подлинники-проекты храмовъ, дворцовъ, общественныхъ и частныхъ зданій, а также рисунки мебели, экипажей и различныхъ декоративныхъ украшеній. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена украсителей Царскаго Села—Земцова, Квасова, Іосифа и Пьетро Трезини, передѣлавшія по офиціальнымъ бумагамъ на россійской ладъ въ Осипа и Петра Трезиныхъ, другихъ иностранцевъ; Бланка, графа Растрелли—и проч. Комната, посвященная театру, представляетъ небольшую сцену, по стѣнамъ которой развѣшаны портреты Волкова, Дмитревскаго, Шумскаго и другихъ дѣятелей по исторіи русскаго театра. Привлекаетъ вниманіе коллекція инструментовъ роговой музыки. Жутко смотрѣть на эти мѣдные массивные рожки и громадныя трубы, представляя себѣ тѣ громовые раскаты, которыми долженъ былъ подобный оркестръ оглушать слушателей. Впрочемъ, по разсказамъ современниковъ,

оркестры эти помѣщались обыкновенно гдѣ-нибудь въ глубинѣ рощи или сада и при этихъ условіяхъ на разстояніи производили чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Здѣсь же литографированный портретъ и изобрѣтателя этой музыки Ивана Марешъ (1719—1794 г.). Въ витринахъ—рисунки и эскизы декорацій итальянскаго художника Градицци, обладавшаго необычайнымъ вкусомъ и изяществомъ. Двѣ послѣднія комнаты верхнихъ залъ выставки посвящены Малороссіи. Здѣсь собраны предметы казачьяго быта, церковныя реликвіи, какъ подлинники, такъ и въ фотографіяхъ (Батуринъ, Козелецъ, и проч.), жалованныя царскія грамоты южно-русскимъ монастырямъ, карты и т. д. Видное мѣсто, конечно, занимаютъ портреты семьи Разумовскихъ, Алексѣя и назначеннаго въ 1750 г. гетманомъ Малороссіи Кирилла, ихъ матери, сестры—типичныхъ хохлушекъ-казачекъ. Елизавета была щедра по-царски и умѣла награждать преданныхъ и любимыхъ. Отдѣлъ выставки внизу академіи посвященъ, главнымъ образомъ, быту, военному и морскому дѣлу. Здѣсь въ бытовой комнатѣ собраны предметы, относящіеся какъ къ жизни вельможи, такъ и простолюдина, начиная отъ прелестныхъ драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ, игрушекъ (напримѣръ, маленькія кареты, усыпанныя драгоцѣнными камнями, съ хитро отворяющимися дверцами и откидными подножками, табакерки, коробочки для мушекъ, для пудры и т. п.). Княгиня А. С. Долгорукова, графиня Чернышева, С. Н. Казнаковъ и другіе извѣстные коллекціонеры дали на выставку чеканное серебро, мѣдную посуду, вышивки, матеріи, финифть, рѣзьбу по дереву и кости и т. д. Чрезвычайно поучителенъ отдѣлъ морской, въ которомъ мы можемъ прослѣдить, какъ медленно, съ какими усиліями, но какъ упорно создавался въ Елизаветинское царствованіе флотъ, заброшенный и почти уничтоженный, какъ большинство Петровыхъ начинаній, въ правленіе бездарной его племянницы. Собранный въ морскомъ отдѣлѣ матеріалъ указываетъ на усиленную кораблестроительную дѣятельность этой эпохи. Строятся суда, образовываютъ изъ нихъ цѣлыя эскадры. За двадцать лѣтъ правленія Елизаветы выстроено было сорокъ кораблей, пятнадцать фрегатовъ, сто двадцать галеръ и множество мелкихъ военныхъ судовъ. Здѣсь же собраны также ученые труды первыхъ авторовъ по вопросамъ навигаціи, астрономіи, кораблестроенія: С. Мордвинова, А. Форварсона, Соймонова, первые морскіе учебники и проч. Обильно представлены и отдѣлы военно-учебный и церковный. Въ послѣднемъ мы встрѣчаемъ предметы культа: чаши, кресты, евангелія, лампады, иконы, указы и протоколы св. синода и т. п. Эти вещи особенно интересны по той точности, съ которою можно установить время ихъ возникновенія, благодаря штемпелямъ, на нихъ проставленнымъ. Нѣкоторый анахронизмъ даже для эпохи Елизаветы—рукописныя книги съ хитрыми «заставками», «концовками» и прочими живописными украшеніями—издѣлія поморской безпоповской Выгорѣцкой старообрядческой обители въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи. Если еще посовѣтовать посѣтителю обратить вниманіе на интересныя производства Елизаветинскаго времени: мозаичные портреты, выполнявшіеся подъ руководствомъ Ломоносова на его фабрикѣ, и тканыя шпалеры производства императорской шпалерной мануфактуры, то обзоръ наиболѣе интереснаго на выставкѣ можно считать исчерпаннымъ.

Двухсотлѣтіе тульскаго оружейнаго завода. 28 апрѣля тульскій императора Петра Великаго оружейный заводъ праздновалъ двухсотлѣтній юбилей своего существованія. Заводъ носитъ имя Петра Великаго, потому что при немъ впервые въ Россіи возникъ казенный оружейный заводъ. Причина, почему выборъ великаго царя остановился именно въ Тулѣ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что оружейное производство издавна нашло себѣ здѣсь мѣсто, но занимались имъ главнымъ образомъ кустари и небольшія частныя фабрики, вѣрнѣе, мастерскія съ небольшимъ числомъ рабочихъ и ограниченнымъ производствомъ. Да была еще оружейная слобода изъ «самопальныхъ кузнецовъ», устроенная при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ. Но Петръ Великій, создавая армію, естественно, при первой же возможности среди своихъ тяжкихъ трудовъ, военныхъ и по пересозданію государства, озаботился устройствомъ надежнаго источника вооруженія своей арміи, непрерывно уже воевавшей второй десятокъ лѣтъ. Какъ всѣ начинанія Петра Великаго, и это дѣло было поставлено такъ основательно и съ такимъ пониманіемъ дѣла, что скоро заводъ былъ въ состояніи выполнить предначертанія царя: «на тульскомъ заводѣ оружейнаго дѣла мастерамъ дѣлать ружей въ годъ драгунскихъ и солдатскихъ на пятнадцать тысячъ фузей съ ножнами... а для лучшаго въ томъ оружейномъ дѣлѣ способу, при той оружейной слободѣ изыскать удобное мѣсто и построить заводы, на которыхъ бы можно ружья, фузеи, пистолеты сверлить и оттирать, а палаши и ножи точить водою». Петръ Великій, какъ натура самобытная, непреклонная, не могъ стерпѣть, чтобы русская армія находилась въ унизительной и разорительной зависимости отъ заграницы. Онъ стремился создать, по крайней мѣрѣ въ военномъ дѣлѣ, все свое, національное. И онъ этого достигъ, но при его преемникахъ дѣло пошло во многомъ назадъ. Что же касается тульскаго завода, то дѣло на немъ пошло такъ успѣшно, все прогрессируя до нашихъ дней, что его издѣлія могутъ смѣло стать на ряду съ лучшими заграничными образцами по своей выдѣлкѣ, превосходному качеству металла и удивительной тщательности работы въ деталяхъ. Надо замѣтить, что у насъ требованія въ этомъ отношеніи очень строги и допуски крайне ограничены, строже, чѣмъ за границей. Въ своей области ручного оружія тульскій заводъ стоитъ высоко. Вообще, какъ только представляются сколько-нибудь благопріятныя условія, наши артиллерійскіе заводы наглядно доказываютъ, какіе способные, искусные мастера выходятъ изъ русскихъ рабочихъ и сколько знанія дѣла у нашихъ военныхъ техниковъ. Тульскій заводъ уже не разъ послѣ Петра Великаго оправдалъ надежды и довѣріе державнаго основателя. Въ тяжелую годину Отечественной войны онъ развилъ замѣчательную дѣятельность, для того времени исключительную. За пять лѣтъ, съ 1812 г., онъ изготовилъ однихъ ружей пятьсотъ тысячъ, тысячи пистолетовъ да еще сто пятьдесятъ тысячъ экземпляровъ холоднаго оружія. Это была заслуга историческая. Въ 1834 г. съ заводомъ случилось несчастье: вся масса его построекъ испепелилась отъ пожара въ одинъ день. Девять лѣтъ шло его возсозданіе, на что ушло до двухъ милліоновъ рублей. Заводъ вновь возстановляетъ свою былую славу и въ Крымскую кампанію развиваетъ замѣчательную дѣятельность: онъ не только образцово выполняетъ усиленные казенные заказы, но еще

приноситъ свою добровольную лепту: двѣ тысячи штуцеровъ, которые по собственному почину изготовили оружейники въ часы отдыха, безплатно, какъ дань своей любви къ отечеству. Этому же заводу принадлежитъ честь усиленныхъ трудовъ по перевооруженію нашей арміи ружьями Бердана, къ которому было приступлено въ 1870 году, для чего заводъ былъ значительно расширенъ и перестроенъ. Затѣмъ, съ принятіемъ на вооруженіе нашей арміи нынѣшней трехлинейной «магазинки» образца 1891 года, когда перевооруженіе шло ускореннымъ темпомъ, заводъ, увеличивъ число своихъ станковъ до трехъ тысячъ, развилъ свое производство до огромной цифры: тысячи ружей въ рабочій день, а въ годъ всего двѣсти семьдесятъ тысячъ. Работало девять тысячъ человѣкъ. Онъ же изготовляетъ револьверы Нагана, а теперь съ полнымъ успѣхомъ изготовляетъ пулеметы Максима. Насколько высока техника на заводѣ, можно судить уже по тому, что заводъ, установивъ производство охотничьихъ ружей, сталъ на ряду съ лучшими фабриками по этой спеціальности. Награды (золотыя медали), которыя онъ получилъ на различныхъ выставкахъ, служатъ лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Такимъ образомъ благая и разумная мѣра заводскаго начальства—поддерживать своихъ рабочихъ при недостаткѣ казенныхъ заказовъ—привела и на практикѣ къ прекраснымъ результатамъ. Въ настоящее время заводъ—цѣлый городокъ: строенія занимаютъ шесть десятинъ; однихъ станковъ три тысячи восемьсотъ, паровыя машины, двигатели Дизеля, большіе и малые моторы,—все общей мощностью до шести тысячъ лошадиныхъ силъ; школы—ремесленная, техническая, подготовительная; общественные магазины, ссудо-сберегательная касса (годовой оборотъ до одного милліона рублей), библіотека съ десятью тысячами томовъ, богадѣльня, благотворительное общество. И все это растетъ и улучшается. Пожелаемъ честно прослужившему отечеству двѣсти лѣтъ тульскому оружейному заводу всегда такой же плодотворной дѣятельности и будемъ надѣяться, что скоро въ дѣлѣ вооруженія нашей арміи мы сумѣемъ обходиться безъ заграничной помощи и не будемъ, какъ пятьсотъ лѣтъ назадъ, «вывозить изъ нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣльбу».

Въ обществѣ защиты старины. Послѣднее засѣданіе общества посвящено было докладу архитектора А. П. Аплаксина «1812 годъ въ памятникахъ церковнаго зодчества въ петербургской епархіи», сопровождавшемуся картинами на экранѣ. Докладчикъ показалъ снимки со многихъ церквей, колоколенъ, часовенокъ и проч. города Петербурга, разсказавъ исторію ихъ возникновенія и тѣхъ вандализмовъ, которымъ ихъ послѣдовательно подвергали при ремонтахъ и перестройкахъ. Рисуется грустная картина обращенія городского и обывательскаго съ историческими памятниками. Если церковь была деревянная, то непремѣнно до тла,— и не разъ,—сгорала, если каменная, то сгорали ея доступныя огню части, какъ иконостасы, отдѣльные образа и пр. Или же церковь совершенно мѣняла свой первоначальный обликъ (и всегда—не къ лучшему) при перестройкахъ, какъ то случилось съ такъ называемой церковью Покрова въ Коломнѣ, которая очень интересна по своей композиціи и могла бы служить яркимъ образцомъ одной изъ лучшихъ эпохъ петербургскаго строительства, если бы не была въ концѣ искажена совсѣмъ недавней

перестройкой. Новый строитель пристроилъ съ двухъ сторонъ храма по придѣлу, измѣнивъ форму крестоваго плана на трехнефную, и не пожелалъ даже сохранить формы стараго фасада, а три года тому назадъ уничтожили и старую стильную ограду, замѣнивъ ее также малоудачной новой. Далѣе была показана любопытная церковь Воздвиженія Креста Господня, въ просторѣчіи—Ивана Предтечи, что на Ямской, колокольня которой, съ прилегающей къ ней колоннадой, дошла до насъ въ исключительно сохранномъ видѣ, Никольская Охтенско-кладбищенская, заложенная въ 1812 году, за два дня до Бородинскаго боя, усердіемъ петербургскаго купца Василія Садафѣева и оконченная въ 1814 году, величественный Свято-Троицкій Измайловскій соборъ, который докладчикъ считаетъ несомнѣннымъ памятникомъ войны 12-го года. Не только въ Петербургѣ, но и во всей Европѣ нѣтъ ни одного сооруженія, настолько красиваго и величественнаго, построеннаго въ стилѣ empire, какъ Измайловскій соборъ. Для города Петербурга художественная цѣнность Измайловскаго собора тѣмъ особенно высока, что онъ явился послѣднимъ и самымъ лучшимъ произведеніемъ ампира. Это была лебединая пѣсня стиля дворянской Россіи. Съ точки зрѣнія чистаго искусства, Измайловскій соборъ представляетъ собою сооруженіе вполнѣ самобытное и необычно-оригинальное, заключая всѣ условія, которымъ должно отвѣчать произведеніе вѣчнаго монументальнаго искусства, не зависящаго отъ стиля: красоту и мощность пропорцій, простоту и искренность формъ, благородную изысканность деталей, твердость и спокойствіе общаго ансамбля. Всѣ эти элементы вѣчной красоты сочетались въ одинъ аккордъ, чтобы создать великолѣпный памятникъ русскаго церковнаго зодчества—Измайловскій соборъ. Особенно подробной и интересной явилась та часть доклада, гдѣ авторъ говорилъ о домовой церкви министерства императорскаго двора (по Фонтанкѣ, № 20), построенной 1 октября 1812 г. княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, который въ ту пору совмѣщалъ въ своей особѣ должности министра духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго почтоваго департамента. Въ этой самой церкви императоръ Александръ I часто въ тѣсномъ интимномъ кружкѣ, молился, забывая о своемъ царскомъ величіи. Три величайшіе художника эпохи старались уловить и воспроизвести мысль князя Голицына: зодчій Андрей Воронихинъ—какъ общую композицію, такъ и детали ея убранства, масонъ Боровиковскій помѣстилъ въ иконостасѣ свои иконы, мистикъ Витбергъ довершилъ труды первыхъ двухъ художниковъ. Немудрено, что здѣсь каждая пядь пола и каждый локоть стѣны имѣютъ свое значеніе и интересъ. Храмъ не великъ: всего семь на восемь аршинъ. Въ него изъ совершенно темнаго притвора ведетъ лѣстница изъ семи ступеней. Этотъ мракъ при входѣ долженъ намекать на духовную тьму падшаго человѣка. Съ такимъ особымъ мистическимъ скрытымъ значеніемъ—и остальныя детали храма: янтарныя двери, завѣса церковная, иконы,—и т. д. Много и легендъ связано съ исторіей этой церкви. Одна изъ нихъ разсказываетъ, что князь Голицынъ впалъ впослѣдствіи въ мистицизмъ и въ хлыстовщину. Радѣнія происходили подъ руководствомъ нѣкоего старца Ѳеодора. Когда же открылось, что святой старецъ—не болѣе, какъ шантажистъ и даже орудіе какой-то политической шайки,

то,—умышленно или случайно,—передъ домомъ оказалась глубоко вырытая яма, въ которую глухою ночью и посадили старца, вслѣдъ за симъ засыпавъ его землею. Къ утру стоны прекратились, а къ полудню мостовая была исправлена. Люди спокойно проходятъ по этому мѣсту, а вотъ лошади—нѣтъ, и ни одна изъ нихъ не пройдетъ спокойно: тревожно поводятъ ушами, храпятъ и болѣе нервныя даже бросаются въ сторону... Въ заключеніе докладчикъ выразилъ надежду, что предстоящія торжества юбилея Отечественной войны заставятъ русское общество поискать вокругъ себя реликвій, относящихся къ событіямъ этой эпохи, и что тогда, конечно, откроются совершенно неизвѣстные новые документы, которые еще болѣе освѣтятъ бытъ русскаго общества сто лѣтъ тому назадъ, его взгляды, вкусы и идеалы.

Императорское военно-историческое общество въ Москвѣ. 20 апрѣля въ залѣ военно-окружнаго совѣта въ штабѣ округа состоялось подъ предсѣдательствомъ генерала-отъ-инфантеріи Д. П. Зуева очередное засѣданіе московскаго отдѣла императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Первый докладъ сдѣланъ дѣйствительнымъ членомъ общества В. П. Никольскимъ «О подробномъ журналѣ исходящихъ бумагъ собственной канцеляріи главнокомандующаго соединенными арміями князя М. И. Кутузова-Смоленскаго въ 1812 году». Докладчикъ представилъ обществу этотъ докладъ въ отпечатанномъ видѣ. Эта работа вошла во 2-й томъ трудовъ отдѣла. Упоминаемый журналъ содержитъ копіи всей переписки, которую велъ Кутузовъ, и потому является весьма важнымъ документомъ при изученіи исторіи Отечественной войны. Въ то же время онъ показываетъ весь гигантскій трудъ, который лежалъ на Кутузовѣ, являвшемся не только полководцемъ, но и администраторомъ, обязаннымъ входить во всѣ мелочи организаціи армій и пр. Стоимость экземпляра 4 рубля, а для членовъ общества—2 рубля. Второй докладъ «Изъ матеріаловъ домашняго архива о войнѣ 1812 г.» долженъ былъ сдѣлать графъ С. Д. Шереметевъ, но за его отсутствіемъ и по его просьбѣ его замѣнилъ И. С. Бѣляевъ. Этотъ докладъ познакомилъ присутствующихъ съ донесеніемъ служащаго при владѣніяхъ Шереметевыхъ о всемъ, что имъ найдено было въ Кусковѣ и Останкинѣ тотчасъ по уходѣ французовъ. Донесеніе это очень интересно и наглядно знакомитъ съ тѣмъ временемъ. Изъ него выяснилось, что въ Останкинѣ все, за исключеніемъ нѣсколькихъ картинъ и ковровъ, сохранилось въ цѣлости. Кусково же было сильно ограблено. Также было донесено, что на Никольской улицѣ уцѣлѣлъ и домъ графовъ, который тамъ находится и теперь, причемъ онъ былъ единственнымъ изъ сохранившихся отъ пожара на этой улицѣ. Въ Останкинѣ французскій генералъ требовалъ вина изъ погреба, но ему его не дали служащіе, и такимъ образомъ оно все сохранилось въ цѣлости. При разсмотрѣніи текущихъ дѣлъ общество остановилось на рѣшеніи устроить въ августѣ, въ юбилейные дни, торжественное засѣданіе, на которое пригласить депутаціи отъ другихъ отдѣловъ и обществъ. Во время майскихъ торжествъ, при открытіи памятника, рѣшено представить общество депутаціей изъ членовъ московскаго отдѣла и возложить на памятникъ вѣнокъ. Затѣмъ рѣшено было благодарить П. И. Щукина, на средства коего изданъ журналъ Кутузова, и М. Ф. Гончарова, пожертвовавшаго на изданіе годового отчета московскаго отдѣла.

Общество научнаго института въ Москвѣ. Мысль, положенная въ основу общества, ставитъ цѣлью создать при содѣйствіи общественныхъ силъ въ центрѣ Россіи, въ Москвѣ, научный институтъ, подобный Пастеровскому въ Парижѣ. Институтъ явится учрежденіемъ исключительно ученымъ. Въ немъ не будетъ учащихся или слушателей, а будутъ только изслѣдователи. Огражденный всецѣло, какъ учрежденіе общественное, отъ временныхъ вліяній, будущій институтъ долженъ дать возможность русскимъ ученымъ спокойно и непрерывно вести свои научныя изслѣдованія. Членомъ общества можетъ быть всякій сочувствующій его цѣлямъ. Организація его даетъ возможность русскому обществу принять дѣятельное участіе въ жизни будущаго ученаго учрежденія не только денежными средствами, но и непосредственнымъ вліяніемъ на его развитіе. Всякій, кто сочувствуетъ успѣхамъ русской науки, получаетъ возможность содѣйствовать ей, и не будучи ученымъ. Это—первая попытка создать въ Россіи учрежденіе, ставящее себѣ цѣлью исключительно поддержаніе науки. Общество организуется на паевыхъ началахъ. Членскій пай—50 рублей. Паи—именные; каждый членъ можетъ имѣть и по нѣсколько паевъ. Научныя учрежденія открываются по мѣрѣ накопленія средствъ. Дѣлами общества завѣдуютъ: правленіе, ученый совѣтъ института и общее собраніе общества. Ученый совѣтъ состоитъ исключительно изъ ученыхъ и завѣдуетъ всей ученой дѣятельностью института. Въ качествѣ сотрудниковъ ученаго совѣта и къ занятіямъ въ учрежденіяхъ института допускаются окончившія курсъ высшихъ наукъ лица обоего пола или заявившія себя научными трудами. Въ настоящій моментъ важнѣйшимъ вопросомъ является обезпеченіе вновь возникающаго учрежденія необходимыми ему матеріальными средствами. Въ прошломъ году эта мысль о созданіи у насъ въ Россіи независимаго научнаго института была встрѣчена горячимъ сочувствіемъ самыхъ широкихъ слоевъ общества. Теперь официальная сторона учрежденія новаго общества завершена, и сочувствіе получаетъ возможность вылиться въ форму живого содѣйствія росту и процвѣтанію научныхъ силъ родины.

Чествованіе памяти И. А. Гончарова въ академіи наукъ. По случаю исполнившагося въ нынѣшнемъ году столѣтія со дня рожденія И. А. Гончарова въ академіи наукъ 15-го апрѣля состоялось торжественное чествованіе памяти писателя, устроенное разрядомъ изящной словесности отдѣленія русскаго языка и словесности академіи. Большой залъ академіи едва могъ вмѣстить всѣхъ явившихся на это чествованіе. Здѣсь были представители петербургской интеллигенціи и воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Рѣчи, посвященныя характеристикѣ И. А. Гончарова, произнесли академикъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій и почетный академикъ А. Ѳ. Кони. Первый ораторъ поставилъ себѣ задачей выяснить обломовскія черты не только въ творчествѣ Гончарова, но и въ самомъ писателѣ. «Гончаровъ,—говоритъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій,—въ своемъ творчествѣ не опускался вглубь и не подымался ввысь: онъ просто былъ великимъ художникомъ, неподражаемымъ наблюдателемъ и созерцателемъ вещей». Если въ «Обломовѣ» обломовщина дореформенная, патологическая, то въ «Обрывѣ» она представлена въ стадіи пробужденія, но это все та же обломовщина. Покойный писатель такъ много

и такъ любовно останавливался на освѣщеніи обломовщины не только потому, что въ немъ самомъ было много обломовскаго, но и потому, что обломовщина входила въ составъ русской національной психологіи. Еще разъ подчеркнувъ, что обломовщина коренится во всемъ укладѣ русской національной психики, Д. Н. Овсянико-Куликовскій спрашивалъ: на вѣки-вѣчные ли мы осуждены на обломовщину?—и отвѣтилъ,—какъ передаетъ «Рѣчь»,—увѣренностью, что подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни мы укрѣпимъ свою волю, научимся выдержкѣ, дисциплинируемся. Академикъ А. Ѳ. Кони въ своей рѣчи охарактеризовалъ И. А. Гончарова, какъ писателя и человѣка. 1812 годъ, въ который родился И. А. Гончаровъ, былъ счастливымъ для русской литературы, такъ какъ этотъ годъ далъ Россіи также и другого большого человѣка и писателя—Герцена, а въ Англіи—Диккенса. Конецъ пятидесятыхъ годовъ знаменуется особеннымъ богатствомъ и содержательностью выходившихъ въ то время литературныхъ журналовъ. Въ нихъ печатались такія произведенія, какъ «Обломовъ» Гончарова, «Тысяча душъ» Писемскаго, «Мертвый домъ» Достоевскаго, «Дворянское гнѣздо» Тургенева. А. Ѳ. Кони, лично знакомый съ И. А. Гончаровымъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, указалъ на то, что творчество Гончарова имѣетъ большое сходство съ творчествомъ Л. Н. Толстого и заключаетъ въ себѣ много автобіографическихъ чертъ. Болѣе всего Гончарова интересовала національная природа русскаго человѣка, поэтому, послѣ Гоголя, онъ является вполнѣ русскимъ національнымъ писателемъ. Вторая особенность творчества Гончарова—выпашиваніе своихъ произведеній. Такъ, «Сонъ Обломова» появился за четыре-пять лѣтъ до самого Обломова. Гончаровъ былъ бичомъ для тѣхъ редакцій, въ которыхъ печатались его произведенія, такъ какъ его рукописи подвергались семи-восьми корректурамъ. Часто выходило, что по языку первая корректура ничего общаго не имѣла съ послѣднею. И. А. Гончаровъ, будучи весьма добрымъ человѣкомъ, былъ въ то же время мало общительнымъ; одиночество сильно угнетало стараго холостяка, который подъ конецъ жизни привязался къ совершенно для него чужой семьѣ. А. Ѳ. Кони разсказалъ въ заключеніе о послѣднихъ минутахъ жизни И. А. и закончилъ такъ: «Разрядъ изящной словесности долженъ быть признателенъ судьбѣ, что на русскомъ небосклонѣ среди многихъ яркихъ литературныхъ звѣздъ сіяла такая крупная звѣзда, какъ И. А. Гончаровъ».

Чеховская комната. Румянцовскій музей въ скоромъ времени обогатится «Чеховской комнатой». Въ эту комнату собрано по возможности все связанное съ именемъ А. П. Чехова. Въ настоящее время уже приступлено къ организаціи «Чеховской комнаты». Временно, до расширенія помѣщенія Румянцовскаго музея, собранія коллекцій, относящіяся къ А. П. Чехову, будутъ размѣщены въ комнатѣ 40-хъ годовъ. Послѣ расширенія помѣщенія «комната имени А. П. Чехова», вѣроятно, будетъ переведена въ нынѣшній гравюрный отдѣлъ; такъ какъ это можетъ быть во всякомъ случаѣ не раньше осени, то и открытіе «Чеховской комнаты» для публики можетъ послѣдовать только осенью, къ каковому времени организаторы надѣются собрать достаточное количество матеріаловъ, характеризующихъ жизнь и творчество А. П. Чехова. Теперь установлено нѣсколько витринъ. Въ «Чеховскую комнату» переданы В. В. Каллашемъ рядъ

старыхъ изданій сочиненій А. П. Чехова, брошюръ біографическаго и критическаго характера; затѣмъ въ «Чеховскую комнату» поступило нѣсколько автографовъ А. П. Чехова: два письма А. П. Чехова, присланныя А. П. Веселовскимъ, пять писемъ къ покойному Ѳ. А. Куманину, издателю «Артиста»; кромѣ того, поступилъ рядъ фотографическихъ портретовъ А. П. Чехова, относящихся къ разныхъ временамъ его жизни. До лѣта организаторы надѣются заполнить нѣсколько витринъ. Осенью много цѣннаго предоставятъ для «Чеховской комнаты» братъ и сестра покойнаго писателя, И. П. и М. П. Чеховы; къ тому времени М. П. Чехова возвратится изъ Ялты, гдѣ она сейчасъ находится, и привезетъ вещи изъ обстановки дома А. П. Чехова, которая остается нетронутой со дня его смерти; организаторы надѣются, что изъ ялтинскаго домика будетъ перевезено въ «Чеховскую комнату» почти все связанное съ именемъ писателя. Организаторы въ настоящее время ведутъ переговоры какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ со многими лицами, знавшими А. П. Чехова, которыя могли бы оказать содѣйствіе устройству «Чеховской комнаты» предоставленіемъ предметовъ, связанныхъ съ именемъ А. П. Чехова. Отъ Ф. О. Шехтеля, который былъ близокъ къ А. П. Чехову, ожидается нѣсколько интересныхъ вещей; должна поступить коллекція корректуръ изъ «Русской Мысли» съ помѣтками, сдѣланными рукой А. П. Чехова; какъ извѣстно, А. П. Чеховъ одно время завѣдывалъ беллетристическимъ отдѣломъ «Русской Мысли», и корректуры, правленныя его рукой, должны вскрыть его работу, какъ редактора. По всей вѣроятности, удастся также собрать картины брата А. П., рано умершаго художника Н. П. Чехова; отъ одного извѣстнаго скульптора ожидается бюстъ А. П. Чехова.

Пятидесятилѣтіе шестой гимназіи. 17-го апрѣля въ шестой гимназіи состоялся торжественный актъ по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія гимназіи. Присутствовали бывшій ученикъ шестой гимназіи, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, бар. М. А. Таубе, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, директора среднихъ учебныхъ заведеній и др. Торжество открылось сообщеніемъ бар. М. А. Таубе, что Государь Императоръ изъявилъ согласіе на присвоеніе шестой гимназіи имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича. Сообщеніе это было покрыто кликами «ура» и исполненіемъ народнаго гимна. Постановлено отправить Государю Императору телеграмму съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Затѣмъ бар. М. А. Таубе произнесъ краткую рѣчь, въ которой подѣлился впечатлѣніями о шестой гимназіи въ качествѣ бывшаго ея воспитанника. Онъ закончилъ свою рѣчь словами: «Да здравствуетъ учительскій персоналъ гимназіи и учащаяся молодежь—надежда Россіи!» Далѣе слѣдовали привѣтствія отъ городского общественнаго управленія, отъ всѣхъ почти среднихъ учебныхъ заведеній Петербурга, отъ бывшихъ учениковъ, отъ родителей учащихся и др. Директору гимназіи Г. Г. Зоргенфрею былъ поднесенъ сборникъ произведеній бывшихъ воспитанниковъ шестой гимназіи. Въ сборникъ вошли произведенія Сергѣя Городецкаго, Н. В. Гиппіуса и др. Гимназіей получено около 200 привѣтственныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ отъ министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо.

Чествованіе двадцатипятилѣтія служенія въ санѣ епископа митрополита Антонія. 3 мая состоялось чествованіе четвертьвѣкового служенія въ санѣ епископа первоприсутствующаго члена св. синода митрополита петербургскаго Антонія. Архіепископомъ Сергіемъ финляндскимъ совершено было въ лаврской церкви молебствіе о здравіи болящаго митрополита, затѣмъ въ покояхъ юбиляра собрались митрополиты московскій и кіевскій, членъ государственнаго совѣта архіепископъ варшавскій Николай, члены синода и остальные пребывающіе въ Петербургѣ архіереи и оберъ-прокуроръ св. синода Саблеръ. Митрополитъ Антоній благодарилъ за привѣтствіе, но замѣтилъ, что онъ никогда юбилеевъ не празднуетъ. Послѣ синода и епископовъ юбиляра поздравляла депутація отъ петербургской духовной академіи въ лицѣ ректора епископа Георгія и инспектора г. Зорина. Депутація поднесла юбиляру икону. Получено много поздравительныхъ телеграммъ отъ архіереевъ и свѣтскихъ высокопоставленныхъ особъ.

60-лѣтній юбилей В. А. Евреинова. 9 мая текущаго года исполнилось 60-лѣтіе служебной дѣятельности члена статистическаго совѣта, тайнаго совѣтника Владимира Алексѣевича Евреинова. По окончаніи курса въ московскомъ Александровскомъ сиротскомъ институтѣ (среднемъ учебномъ заведеніи, въ высшихъ классахъ котораго преподавались юридическія науки, а также статистика и бухгалтерія), Евреиновъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ и, не посѣщая университетскихъ лекцій, вслѣдствіе служебныхъ обязанностей, выдержалъ въ здѣшнемъ университетѣ экзамены на степень кандидата правъ, а затѣмъ и на степень магистра гражданскаго и торговаго права. Служа по департаменту таможенныхъ сборовъ, Евреиновъ занималъ послѣдовательно тамъ должности, начиная съ младшаго помощника столоначальника до начальника законодательнаго отдѣленія включительно и независимо отъ занятій по должности участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ, между прочимъ въ бывшей подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича о крейсерствѣ и охранѣ побережья (Евреиновымъ составленъ журналъ комиссіи), исполнялъ неоднократно по непосредственнымъ личнымъ порученіямъ министра финансовъ законодательныя работы по разнымъ отраслямъ финансоваго управленія. При преобразованіи учрежденій царства Польскаго, въ видахъ объединенія таковыхъ съ имперскими, по указанію статсъ-секретаря М. Х. Рейтерна начальнику собственной Е. И. В. канцеляріи по дѣламъ царства Польскаго Милютину, Евреиновъ переведенъ старшимъ чиновникомъ канцеляріи въ 1866 г., причемъ принималъ ближайшее участіе въ приведеніи въ дѣйствіе указовъ 19 февраля 1864 г. о крестьянахъ царства и по разработкѣ вопросовъ о примѣненіи къ краю судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.; имъ же введена была по архиву канцеляріи система (карточная), принятая впослѣдствіи и по архивамъ другихъ вѣдомствъ. За постигшею Н. А. Милютина тяжкою болѣзнью и послѣдующимъ въ мартѣ 1867 г. увольненіемъ его отъ должности, Евреиновъ откомандированъ былъ для занятій въ состоящій при гос. совѣтѣ комитетъ по дѣламъ царства съ сохраненіемъ должности и по собственной канцеляріи, а въ 1871 г. опредѣленъ помощникомъ статсъ-секретаря гос. совѣта, въ которомъ неоднократно исполнялъ обязанности статсъ-секретаря, былъ членомъ разныхъ комиссій, въ

томъ числѣ и комиссіи объ установленіи личной воинской повинности (составлена имъ записка, внесенная въ гос. совѣтъ), о пересмотрѣ правилъ о паспортахъ, по пересмотру служебныхъ преимуществъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ связи съ общею гражданскою службою (составлены историческая записка и журналъ комиссіи, представленный въ гос. совѣтъ). На должность члена статистическаго совѣта опредѣленъ въ 1878 г., съ предоставленіемъ служебныхъ преимуществъ, присвоенныхъ членамъ совѣта министра (IV классъ по должности). Дѣятельность Евреинова по министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ и предшествовавшая, не ограничивалась прямыми обязанностями и участіемъ, какъ представителя министерства, въ разныхъ комиссіяхъ (по преобразованію государственнаго банка, крестьянскаго, примѣненію земскихъ повинностей къ мѣстностямъ, на которыя не распространены таковыя), но на Евреинова спеціально возлагалась и разработка по министерству законодательныхъ вопросовъ, сопряженныхъ съ предварительными историческими изслѣдованіями, между прочимъ по пересмотру бывшаго городового положенія 1870 г., гражданскаго чинопроизводства, частныхъ дворянскихъ повинностей, о высшемъ государственномъ сословіи въ Россіи до XXIII в. и о пріобрѣтеніи правъ дворянскаго достоинства съ XVIII столѣтія по настоящее время. Независимо отъ сего Евреиновъ съ 1900 г., по порученію Д. С. Сипягина, привлеченъ былъ къ ближайшему участію въ занятіяхъ отдѣла центральнаго статистическаго комитета по разработкѣ всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 года и до самаго закрытія сего отдѣла 1 іюля 1905 г. заступалъ постоянно мѣсто управляющаго отдѣломъ, сенатора Тройницкаго, при временныхъ его отсутствіяхъ изъ Петербурга: въ послѣднее время Евреиновъ спеціально занимается изслѣдованіемъ крестьянскаго положенія, доведеннымъ имъ до настоящаго времени. Часть этого труда — «Волостной судъ въ историческомъ развитіи»—напечатана въ «Журналѣ министерства юстиціи» (сентябрь и октябрь 1910 г.). Помимо сего, Евреиновъ былъ 12 лѣтъ гласнымъ петербургской городской думы, въ теченіе свыше 24 лѣтъ состоялъ гласнымъ петербургскаго уѣзднаго земскаго собранія и почетнымъ мировымъ судьею; въ продолженіе 30 лѣтъ завѣдывалъ народною школою въ Лѣсномъ и нынѣ состоитъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта Покровской (въ Гавани) женской гимназіи и членомъ попечительнаго совѣта частной женской гимназіи М. Н. Стоюниной. Еще съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Евреиновъ посвящаетъ много времени научнымъ занятіямъ; такъ, онъ завѣдывалъ особымъ отдѣломъ издававшагося при министерствѣ финансовъ журнала «Промышленность», участвовалъ учеными трудами въ бывшей подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ комиссіи по пересмотру системы податей и сборовъ, преподавалъ въ теченіе 18 лѣтъ въ петербургскамъ коммерческомъ училищѣ гражданское и торговое право, помѣщалъ статьи въ повременныхъ изданіяхъ. Въ минувшемъ году между прочимъ статья его «Огражденіе русскаго элемента отъ польскаго засилья» была напечатана въ «Новомъ Времени». Тайн. сов. Евреиновъ состоитъ въ настоящей должности члена статистическаго совѣта свыше 34 л. (съ 14 февраля 1878 г.), въ чинѣ тайнаго совѣтника,—свыше 30 л. (съ 1 января 1882 г.). Въ отставкѣ не былъ и во все время долголѣтней государственной службы Евреиновъ находился въ отпуску одинъ разъ въ 1865 г.,

на 29 дней, и явился на службу до истеченія еще срока отпуска. Послѣднюю Высочайшую награду, орденъ св. Александра Невскаго, Евреиновъ получилъ 17 апрѣля 1905 года.

Конкурсъ имени А. Н. Островскаго. Союзъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей объявилъ восьмой конкурсъ имени А. Н. Островскаго. По условію конкурса пьесы должны быть представлены не позже 1 октября сего года. Присужденіе по конкурсу состоится не позже 31 декабря 1912 г. За пьесу, вполнѣ удовлетворяющую литературнымъ и сценическимъ требованіямъ, присуждается премія въ 600 рублей. Кромѣ того, объявляется вторично конкурсъ на соисканіе преміи за лучшее сочиненіе объ А. Н. Островскомъ въ виду того, что на таковой конкурсъ, учрежденный въ 1911 г., ни одного сочиненія представлено не было. За лучшее сочиненіе объ А. Н. Островскомъ будетъ присуждена особо установленная золотая медаль.

Отъ ярославской городской управы. Въ ознаменованіе исполняющагося въ 1924 году девятсотлѣтія существованія города Ярославля, приступая къ собиранію и подготовкѣ матеріаловъ по изданію исторіи его, составленіе которой поручено члену ярославской ученой архивной комиссіи, хранителю ея музея и историческаго архива Иларіону Александровичу Тихомирову, городская управа убѣдительнѣйше проситъ всѣхъ сочувствующихъ настоящему начинанію не оставить сообщеніемъ и присылкою ей всякихъ имѣющихся у нихъ данныхъ о минувшей жизни Ярославля, хотя бы по виду и незначительныхъ. Сообщенія и указанія могутъ касаться не только болѣе крупныхъ источниковъ, но и журнальныхъ статей и рисунковъ, газетныхъ корреспонденцій и т. п. Все присланное во временное пользованіе, по снятіи копій, будетъ возвращено прислашимъ съ глубокой благодарностью и въ полной сохранности; присланное же въ распоряженіе ярославской городской думы будетъ передаваться въ древлехранилище ярославской архивной комиссіи на вѣчное храненіе съ занесеніемъ въ списки пожертвованій отъ имени прислашаго.

Отъ особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года. Высочайше утвержденный особый комитетъ по устройству въ Москвѣ музея 1812 года, прилагая труды къ обезпеченію будущаго музея достойнымъ его назначенію мѣстоположеніемъ и зданіемъ, только лѣтомъ 1911 года получилъ въ свое распоряженіе часть зданія московскаго арсенала. Но зданіе требуетъ значительнаго ремонта и крупныхъ работъ по приспособленію его для нуждъ музея, и выяснилась техническая невозможность закончить эти работы къ августу текущаго года. Такимъ образомъ, завѣтное желаніе комитета устроить и открыть музей оказалось къ юбилейнымъ днямъ неосуществимымъ. Въ виду этого комитетъ рѣшилъ ознаменовать столѣтнюю годовщину устройствомъ исторической выставки, посвященной памяти 1812 года. Эта выставка, являясь откликомъ Москвы въ дѣлѣ чествованія памяти великихъ событій Отечественной войны и ея славныхъ участниковъ, должна дать возможно полную иллюстрацію этихъ событій и самой эпохи. За три года своей дѣятельности комитету удалось собрать значительное количество разнаго рода памятниковъ эпохи, но, безъ сомнѣнія, несравненно больше ихъ хранится въ частныхъ рукахъ въ полной неизвѣстности для широкой публики, и было бы крайне желательно хотя бы

на время торжественныхъ дней чествованія столѣтней годовщины извлечь ихъ изъ этой неизвѣстности и предоставить возможность ихъ обозрѣнія для тѣхъ массъ русскаго народа, которыя будутъ въ Москвѣ въ эти знаменательные дни. Поэтому комитетъ обращается ко всѣмъ имѣющимъ хотя бы незначительные предметы, носящіе память великой эпохи Отечественной войны и ближайшихъ къ ней годовъ, съ усердной просьбой откликнуться на это всенародное дѣло присылкой для исторической выставки этихъ реликвій. Выставка будетъ помѣщаться въ императорскомъ историческомъ музеѣ, открытіе ея предполагается 26-го августа, а пріемъ экспонатовъ начнется съ 1-го мая въ складѣ музея 1812 года (Москва, Кремль, Потѣшный дворецъ), куда желательно направлять списки экспонатовъ заблаговременно и предварительно присылки экспонатовъ. По окончаніи выставки частные экспонаты будутъ возвращены владѣльцамъ, а коллекціи музея 1812 года останутся въ историческомъ музеѣ впредь до окончательной готовности зданія музея 1812 года.

НЕКРОЛОГИ.

ЕЖОВЪ, П. Л. 30-го апрѣля скончался 74-хъ лѣтъ отъ роду помощникъ правителя дѣлъ императорской археологической комиссіи и старѣйшій ея сотрудникъ, статскій совѣтникъ Павелъ Леонтьевичъ Ежевъ. Покойный всецѣло отдавался интересамъ комиссіи и въ продолженіе 43 лѣтъ несъ въ высшей степени добросовѣстно свои обязанности. Онъ былъ живая лѣтопись комиссіи и носитель добрыхъ старыхъ ея традицій; при немъ произошелъ и переходъ комиссіи отъ стараго порядка къ новому. Въ его безхитростныхъ, не лишенныхъ юмора разсказахъ заключалось много любопытнаго матеріала изъ жизни далекаго прошлаго комиссіи. Онъ не заявилъ себя спеціальными изслѣдованіями въ области археографіи и съ его именемъ не связано изданій памятниковъ отечественной исторіи, но онъ вложилъ громадный, мало кому замѣтный трудъ по подготовкѣ изданія этихъ памятниковъ. Онъ заслуженно пользовался репутаціею лучшаго палеографа-практика, и къ нему нерѣдко обращались за совѣтомъ весьма крупные спеціалисты въ чтеніи старыхъ рукописей. Симпатичный обычай комиссіи открывать широко двери всѣмъ, жаждущимъ знаній, въ особенности учащейся молодежи, давалъ случай старику проявлять свойственную ему сердечность и готовность руководить этой на первыхъ порахъ безпомощной въ чтеніи рукописей молодежью. Изъ его, такъ сказать, школы вышло немало изслѣдователей старыхъ рукописей. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.980).

† Засодимскій, П. В. Умеръ П. В. Засодимскій, писатель-народникъ и писатель для дѣтей. Семидесятые годы, годы широкой симпатіи къ народу, преклоненія передъ его высокими душевными качествами, передъ его «устоями», годы стремленія къ уплатѣ ему «вѣкового долга», увлекли Засодимскаго въ область народнической литературы. Ни съ Гл. Успенскимъ, ни съ Златовратскимъ, ни даже съ болѣе ранними изобразителями народной жизни—Николаемъ Успенскимъ, Левитовымъ, Рѣшетниковымъ,—Засодимскій не могъ равняться

талантомъ и извѣстностью. Но былъ моментъ въ жизни писателя, когда его произведеніе сосредоточивало на себѣ вниманіе читателей, исторгало изъ ихъ глазъ слезы и,—если только это было возможно,—еще болѣе возбуждало ихъ въ стремленіи посвятить свои силы «дѣлу народа». Это произведеніе носило названіе «Хроники села Смурина». Кромѣ интереса къ спеціально-народной литературѣ, семидесятые годы были годами интереса къ нѣкоторымъ западнымъ писателямъ, среди которыхъ наибольшей симпатіей пользовался Шпильгагенъ, а среди его произведеній—«Одинъ въ полѣ не воинъ». Герой и героиня «Хроники села Смурина», простые крестьяне русской глухой деревни, напоминали героевъ прославленнаго шпильгагенскаго романа. Однимъ въ полѣ воиномъ, стоявшимъ за интересы крестьянства, былъ герой «Хроники»; одинъ онъ, подобно Лео, велъ войну съ цѣлой ордой старыхъ, возбуждавшихъ негодованіе читателя силъ: одинъ выносилъ въ душѣ своей тяжелую борьбу между стремленіемъ къ личному счастью и велѣніями долга и такъ же, подобно Лео, палъ въ борьбѣ, съ неисчислимыми силами. И такъ же, какъ у Лео, была у героя «Хроники» одна женская душа, понимавшая величіе его помысловъ, сочувствовавшая ему и, подобно Сильвіи, не вынесшая надвинувшейся на нее тяжести, покончившая самоубійствомъ. Сцена возвращенія Кряжева (героя «Хроники») домой почти повторяетъ ту сцену шпильгагенскаго романа, когда Лео находитъ тѣло утопившейся Сильвіи. Юный романтическій читатель 70-хъ годовъ, читая «Хронику села Смурина», проникался любовью и уваженіемъ къ героямъ деревни и ихъ самопожертвованію, и всѣмъ направленіемъ романа призывался къ борьбѣ. Немудрено, что книга казалась ему вполнѣ подходящей для возбужденія въ народѣ тѣхъ же самыхъ чувствъ и что изданную отдѣльно «Хронику» онъ торопился раздавать всѣмъ своимъ прозелитамъ изъ народной и рабочей среды. Немудрено, что и начальство, озабоченное противодѣйствіемъ субверсивнымъ идеямъ, увидало въ книгѣ то же самое и поторопилось изъять ее изъ обращенія, наказывая потомъ за ея распространеніе такимъ же заключеніемъ въ тюрьмѣ, какъ за распространеніе революціонныхъ брошюръ и прокламацій. Неизвѣстно, какая изъ сторонъ показала большую неосвѣдомленность въ вопросѣ о вліяніи беллетристическихъ произведеній на народную психологію. Это былъ моментъ наибольшей извѣстности Засодимскаго и наибольшаго его вліянія на читателей. Ни передъ тѣмъ, ни послѣ его сочиненія не производили уже такого впечатлѣнія, хотя писалъ П. В. много и долго. Литература рано привлекла его къ себѣ. Съ 1867 года (Засодимскій родился въ 1843 году) онъ уже писалъ въ журналахъ и газетахъ. Первое его произведеніе «Грѣшница» было принято въ «Дѣло»; за нимъ послѣдовали другія повѣсти, также помѣщавшіяся въ «Дѣлѣ». Но произведеніе, имѣвшее наибольшій успѣхъ, «Хроника села Смурина», было помѣщено въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1874 году, подписанное псевдонимомъ Вологдинъ. Въ тѣ же 70-е годы началъ онъ первые опыты и въ дѣтской литературѣ, «Заговоръ совъ», первый разсказъ, помѣщенный въ «Дѣтскомъ Чтеніи», былъ началомъ цѣлаго ряда дѣтскихъ разсказовъ. Многіе изъ нихъ собраны въ отдѣльныхъ изданіяхъ; наиболѣе виднымъ является сборникъ подъ названіемъ «Задушевные разсказы». Засодимскій писалъ для дѣтей очень много и нравился своимъ маленькимъ читателямъ. Кромѣ литературы, Засодимскій отдавалъ себя

и педагогикѣ. Съ начала 70-хъ годовъ онъ сталъ учительствовать въ народной школѣ, внося въ это дѣло много любви и энергіи, достигая, какъ онъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, многихъ хорошихъ результатовъ. П. В. скончался въ имѣніи г. Хлудова Жадины, близъ Опеченскаго посада Новгородской губерніи. Причина смерти—осложненіе грудной жабы воспаленіемъ легкихъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдом.» 1912, № 102).

† **Косоротовъ, А. И.** Скончавшійся писатель-драматургъ Александръ Ивановичъ Косоротовъ былъ особенно близокъ «Новому Времени» въ концѣ 90-хъ годовъ, когда онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ газетѣ въ качествѣ постояннаго сотрудника—автора фельетоновъ, маленькихъ фельетоновъ, разнаго рода замѣтокъ и художественныхъ рецензій. Политическая и общественная жизнь одинаково интересовала его, влекла его также сцена, но особенно увлекался покойный живописью. Будучи самъ недурнымъ художникомъ, онъ въ своихъ рецензіяхъ о современныхъ ему картинныхъ выставкахъ безпристрастно и талантливо отмѣчалъ все выдающееся. Въ 1900 г. покойный былъ парижскимъ корреспондентомъ «Новаго Времени», но прожилъ тамъ около года и вслѣдствіе болѣзни вернулся въ Петербургъ. Въ 1899 году въ «Новомъ Времени» былъ напечатанъ разсказъ «Забитая калитка» и въ томъ же году въ теченіе трехъ мѣсяцевъ печатались въ «Свѣтѣ» его очерки—исторія одной гимназіи—подъ заглавіемъ: «Вавилонское столпотвореніе». Оба эти разсказа изданы затѣмъ отдѣльной книгой. Въ послѣдніе годы покойный работалъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Руси» и «Новой Руси» А. А. Суворина, ведя отдѣлы художественной и театральной критики. Интересуясь театромъ, А. И. въ началѣ 900-хъ годовъ написалъ пьесу «Коринѳское чудо», поставленную А. С. Суворинымъ въ театрѣ Литературно-Художественнаго общества (Малый театръ) и выдержавшую съ успѣхомъ цѣлый рядъ представленій. За первой пьесой покойнаго послѣдовала вторая—четырехактный драматическій этюдъ «Весенній потокъ», шедшій въ театрѣ В. Ф. Коммиссаржевской и пользующійся понынѣ большимъ успѣхомъ въ провинціи. Затѣмъ имъ написаны драматическая фантазія въ стихахъ «Княжна Зоренька» и драма «Мечта любви», поставленная въ нынѣшнемъ сезонѣ въ театрѣ на Моховой. Какъ журналистъ, покойный откликался своимъ дарованіемъ на злобы дня, какъ писатель-драматургъ, онъ проявилъ недюжинный талантъ, отличаясь литературно-живымъ діалогомъ и умѣньемъ прекрасно обрабатывать для сцены жизненныя темы. Среди товарищей А. И. пользовался общими симпатіями за свое добродушіе, доброжелательство и талантливость. Всегда скромный, увлекающійся и сердечный, онъ оставилъ по себѣ хорошую память. Умеръ 43-хъ лѣтъ. Изъ нѣсколькихъ художественныхъ этюдовъ удачно написанный имъ портретъ С. Н. Терпигорева-Атавы пріобрѣтенъ редакціей «Новаго Времени». (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.963).

† **Лоскевичъ, С. Д.** 4-го мая скончался профессоръ технологическаго института С. Д. Лоскевичъ. Покойный С. Д., по окончаніи въ 1878 г. технологическаго института, поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, который и окончилъ черезъ три года. Въ 1886 году С. Д. былъ назначенъ преподавателемъ технологическаго института, а затѣмъ и института инженеровъ путей

сообщенія. Въ 1909 г. С. Д. былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ технологическаго института, гдѣ до послѣднихъ дней читалъ лекціи по графической статикѣ. Кромѣ того, С. Д. состоялъ начальникомъ техническаго отдѣла Рязанско-Уральской жел. дор.

† Малешевскій, Б. Ѳ. Въ своемъ имѣніи Бартодзеяхъ, Радомской губерніи, скончался послѣ тяжелой болѣзни сенаторъ, тайный совѣтникъ Болеславъ Ѳомичъ Малешевскій, бывшій въ теченіе четырнадцати лѣтъ директоромъ кредитной канцеляріи, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ министровъ финансовъ—графа С. Ю. Витте и В. Н. Коковцова. Полякъ по происхожденію, онъ родился въ 1849 году, среднее образованіе получилъ въ полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, высшее—въ варшавскомъ университетѣ, который окончилъ кандидатомъ математическихъ наукъ. Вскорѣ защитилъ диссертацію на степень магистра математики. По своей службѣ на Юго-Западныхъ дорогахъ покойный явился дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ графа С. Ю. Витте, бывшаго тогда управляющимъ этими дорогами. Б. Ѳ. было поручено управленіе коммерческой частью. Онъ вложилъ въ это дѣло свои выдающіяся математическія знанія и замѣчательную трудоспособность, чѣмъ много содѣйствовалъ увеличенію доходности дорогъ. Въ это же время имъ изданъ трудъ «Теорія и практика пенсіонныхъ кассъ» и вскорѣ опубликованы «Подробныя расчетныя таблицы для устройства пенсіонныхъ кассъ, вычисленныя при четырехпроцентномъ ростѣ на капиталъ». Эти его работы сдѣлали его имя извѣстнымъ и внесли въ организацію пенсіоннаго дѣла ясность и правильность, можно сказать, безошибочность расчета. Одновременно онъ организовалъ рядъ желѣзнодорожныхъ кассъ, построенныхъ на страховыхъ началахъ. Когда графъ С. Ю. Витте сдѣлался министромъ финансовъ, онъ предложилъ покойному, въ 1894 году, должность директора кредитной канцеляріи. Съ этого времени по 1908 годъ Б. Ѳ. находился во главѣ канцеляріи, сохранивъ свое положеніе какъ при Э. Д. Плеске, такъ и при В. Н. Коковцовѣ, И. П. Шиповѣ и вновь при В. Н. Коковцовѣ. При графѣ С. Ю. Витте онъ принималъ виднѣйшее участіе во всѣхъ реформахъ русскихъ финансовъ, требовавшихъ математическихъ основаній и выкладокъ. Особенно онъ много поработалъ по конверсіи и выпуску займовъ, вообще по реформѣ государственнаго долга и по долгосрочнымъ кредитнымъ операціямъ. Въ этой области финансоваго управленія Б. Ѳ. считался авторитетнымъ знатокомъ, съ его взглядами считались, его мнѣніями руководились. Какъ человѣкъ, Б. Ѳ. былъ очень оригиналенъ. Природный полякъ, съ своеобразнымъ польскимъ акцентомъ, онъ былъ чуждъ польскихъ тенденцій. Одно время покойный читалъ лекціи въ политехническомъ институтѣ по теоріи долгосрочныхъ операцій. Въ 1908 году Б. Ѳ. покинулъ министерство финансовъ по разстроенному здоровью и былъ назначенъ сенаторомъ. Въ сенатѣ присутствовалъ во второмъ общемъ собраніи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.981).

† Маршнеръ, Л. Х. 7-го мая скончался преподаватель центральнаго училища техническаго рисованія барона Штиглица, академикъ архитектуры Людвигъ Христофоровичъ Маршнеръ. Покойный былъ тѣсно связанъ съ центральнымъ училищемъ со дня его основанія въ 1881 году. Онъ преподавалъ рисованіе съ орнаментовъ въ первомъ классѣ и велъ курсъ черченія, руководя

съемками музейныхъ предметовъ, а также разработкой шаблоновъ. Какъ преподаватель, онъ заботился о всестороннемъ спеціальномъ развитіи своихъ учащихся и тренировалъ ихъ, какъ будущихъ ученыхъ рисовальщиковъ, съ цѣлью пріучить дѣлать точные и ясные рисунки для исполненія рабочихъ. Покойный получилъ художественное образованіе въ императорской академіи художествъ. За архитектурные проекты и работы былъ удостоенъ званія академика архитектуры. Изъ его многочисленныхъ построекъ особенно выдается дворецъ въ стилѣ XVIII вѣка, построенный въ имѣніи А. А. Половцова Рапти, Лужскаго уѣзда. Одновременно онъ былъ учителемъ рисованія въ Ксенінскомъ институтѣ. Какъ человѣкъ, Л. Х. отличался сердечностью и добротой. Умеръ онъ шестидесяти пяти лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.989).

† **Фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, графъ Николай Дмитріевичъ.** Въ Монте-Карло скончался 9 мая россійскій посолъ при императорѣ германскомъ графъ Николай Дмитріевичъ фонъ-деръ- Остенъ-Сакенъ. Покойный происходилъ изъ прибалтійскихъ дворянъ. Отецъ его, ген.-ад. Д. Е. Остенъ-Сакенъ, за рядъ боевыхъ отличій былъ возведенъ въ графское достоинство. Н. Д. родился въ 1831 г. По окончаніи курса въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ онъ поступилъ въ 1852 г. на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Черезъ два года, во время Крымской войны, былъ командированъ въ дѣйствующую армію и находился въ качествѣ дипломатическаго чиновника сперва при главнокомандующемъ на Дунаѣ князѣ Паскевичѣ, потомъ при главнокомандующемъ въ Крыму. По заключеніи мира въ Парижѣ былъ секретаремъ при миссіи въ Гаагѣ. Перебывавъ затѣмъ во второстепенныхъ должностяхъ при миссіяхъ въ Мадридѣ, Бернѣ и Туринѣ, покойный въ 1869 г. былъ назначенъ министромъ-резидентомъ въ Дармштадтѣ, въ 1880 г.—посланникомъ въ Мюнхенѣ. Наконецъ, въ 1895 г. онъ занялъ постъ посла при императорѣ германскомъ и королѣ прусскомъ. На этомъ важномъ и отвѣтственномъ посту графъ Н. Д. проявилъ замѣчательную чуткость ко всему, что касалось русскихъ интересовъ. Въ высочайшей грамотѣ 1902 г. слѣдующими словами характеризуется его дипломатическая служба въ Берлинѣ: «Вѣрное пониманіе интересовъ Россіи, беззавѣтная преданность долгу и ревностное исполненіе преподанныхъ вамъ указаній, несомнѣнно, способствовали поддержанію издавна существующихъ дружественныхъ отношеній съ сосѣднею Германскою имперіею». При его живѣйшей подготовительной работѣ состоялось въ Потсдамѣ свиданіе Его Величества Государя Императора съ императоромъ германскимъ. Какъ человѣкъ, покойный отличался сердечностью и отзывчивостью къ нуждамъ какъ своихъ подчиненныхъ, такъ и соотечественниковъ, проживающихъ въ Берлинѣ. (Некрологъ «Новое Время», 1912 г., № 12989).

† **Павленковъ, Л. Н.** 28-го апрѣля скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Леонидъ Николаевичъ Павленковъ. Л. Н. родился 4-го августа 1840 года. Онъ приходился единоутробнымъ братомъ извѣстному литератору, преподавателю словесности воронежскаго кадетскаго корпуса М. Ф. де-Пуле, много содѣйствовавшему, между прочимъ, развитію таланта поэта И. С. Никитина и автору лучшей его біографіи, и съ дѣтства былъ близокъ со многими, составившими себѣ впослѣдствіи имя въ литературѣ и журналистикѣ.

По окончаніи курса по юридическому факультету въ петербургскомъ университетѣ въ 1865 году, Л. Н. началъ службу при графѣ Барановѣ, бывшемъ тогда виленскимъ генералъ-губернаторомъ, а затѣмъ служилъ по интендантству. Въ 1897 году, послѣ смерти своего брата М. Ф. де-Пуле, Л. Н. пожертвовалъ всю его обширную библіотеку воронежскому кадетскому корпусу. Л. Н. самъ не былъ чуждъ литературѣ. Передъ турецкой кампаніей 1876—77 гг. онъ помѣстилъ нѣсколько разсказовъ («Герцеговинка» и др.) въ «Сѣверной Звѣздѣ» и печаталъ въ ней статьи по славянскому вопросу, сотрудничалъ въ «Новомъ Времени» и въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ теченіе 39 лѣтъ, начиная съ перваго года изданія и по 1909 годъ, Л. Н. былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ «Русскаго Календаря» А. С. Суворина. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Русскаго собранія со дня его основанія до послѣдняго времени—до инцидента Никольскій—Марковъ, горячо ратовалъ за основаніе собственной гимназіи собранія, много потрудился при открытіи ея и по пріобрѣтенію оборудованію помѣщенія для нея въ Кузнечномъ переулкѣ. Между прочимъ онъ выразилъ волю, чтобы на оставленную имъ съ этой цѣлью сумму были учреждены въ этой гимназіи двѣ стипендіи. Л. Н. отличался чрезвычайной отзывчивостью и всегда готовъ былъ прійти на помощь и хлопотать за другихъ. Онъ оставилъ добрую память среди всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.976).

† **Петрункевичъ. М. И.** Въ Ялтѣ скончался внезапно 3-го мая извѣстный общественный дѣятель, бывшій членъ государственной думы перваго созыва Михаилъ Ильичъ Петрункевичъ. Покойный родился въ 1845 году, образованіе получилъ въ медико-хирургической академіи. По окончаніи курса началъ свою дѣятельность земскимъ врачомъ въ Тверской губерніи и прослужилъ въ земскихъ больницахъ болѣе двадцати лѣтъ. Въ 1870 году М. И. былъ избранъ гласнымъ тверского земства, сначала уѣзднаго, затѣмъ и губернскаго, съ 1890 г. состоялъ гласнымъ тверской городской думы. Въ 1880 году онъ издавалъ въ теченіе года еженедѣльный журналъ «Тверской Вѣстникъ», закрывшійся вслѣдствіе цензурныхъ условій. Въ 1894 году онъ явился участникомъ извѣстной тверской депутаціи, ходатайствовавшей о дарованіи Россіи конституціи. Въ 1898 г. покойный переселился въ Петербургъ и здѣсь принялъ участіе въ городскомъ хозяйствѣ, будучи избранъ гласнымъ петербургской городской думы. Онъ былъ членомъ городской ревизіонной комиссіи и предсѣдателемъ городской больничной комиссіи. Въ качествѣ предсѣдателя больничной комиссіи М. И. дѣятельно заботился о расширеніи больничнаго дѣла въ столицѣ и объ улучшеніи дѣйствующихъ больницъ. Во время такъ называемаго освободительнаго движенія онъ принялъ участіе въ съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей и затѣмъ вошелъ въ составъ учредителей конституціонно-демократической партіи. Въ 1906 году былъ избранъ отъ Тверской губерніи членомъ государственной думы перваго созыва. Послѣ роспуска государственной думы онъ вмѣстѣ съ другими бывшими депутатами отправился въ Выборгъ и подписалъ пресловутое выборгское воззваніе, за что былъ судимъ и затѣмъ отбылъ трехмѣсячное тюремное заключеніе. Одновременно со своей общественной дѣятельностью покойный состоялъ членомъ правленія нѣсколькихъ промышлен-

ныхъ обществъ и компаній, русскаго общества калильнаго освѣщенія и отопленія, директоромъ товарищества юфтеваго завода «Владиміръ Савинъ въ Осташковѣ», а также принималъ дѣятельное участіе въ совѣтѣ императорскаго вольнаго экономическаго общества. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.983).

† **Пташицкій, И. Л.** Скончавшійся 17-го апрѣля заслуженный профессоръ петербургскаго университета, Иванъ Львовичъ Пташицкій, былъ хорошо извѣстенъ въ научномъ мірѣ своими изслѣдованіями и цѣнными выводами въ области высшей математики. Его работа «Объ интегрированіи въ конечномъ видѣ ирраціональныхъ дифференціаловъ» доставила ему ученую степень магистра чистой математики, «Объ интегрированіи въ конечномъ видѣ эллиптическихъ дифференціаловъ»—степень доктора математики. Съ 1882 года покойный читалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, съ 1897 года былъ экстраординарнымъ, съ 1901 года ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ чистой математики. Онъ читалъ эллиптическія функціи, аналитическую геометрію и начертательную геометрію. Одновременно состоялъ съ 1880 г. въ теченіе десяти лѣтъ преподавателемъ математики въ петергофской прогимназіи и съ 1890 году читалъ отдѣлъ интегральнаго исчисленія въ Михайловской артиллерійской академіи, въ которой, кромѣ того, былъ членомъ конференціи. Его математическія изслѣдованія печатались имъ на русскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ. Краковская академія наукъ отмѣтила его труды избраніемъ его въ свои члены-корреспонденты. Онъ состоялъ также членомъ нѣмецкаго математическаго общества и математическихъ обществъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани и Палермо. Умеръ пятидесяти семи лѣтъ. (Некрологъ: «Новое Время», 1912 г., № 12.967).

† **Его императорское высочество Георгій Максимиліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій.** Въ Парижѣ скончался 20-го апрѣля отъ крупознаго воспаленія легкихъ его императорское высочество князь Георгій Максимиліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій. Покойный былъ четвертымъ сыномъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго отъ брака съ великой княжной Маріей Николаевной, дочерью императора Николая I. Онъ родился 17-го февраля 1852 года и получилъ блестящее домашнее образованіе и воспитаніе подъ ближайшимъ надзоромъ генерала Бликса. При рожденіи былъ зачисленъ въ списки лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка, находящагося въ Варшавѣ, и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, по сформированіи же Стрѣлковаго императорской фамиліи батальона и въ его списокъ. Въ періодъ образованія посѣщалъ классы пажескаго Его Величества корпуса. Во время русско-турецкой войны 1877—1787 гг. покойный князь состоялъ въ обществѣ Краснаго Креста и принялъ дѣятельнѣйшеее участіе въ заботахъ о раненыхъ, находившихся на излеченіи въ Георгіевской общинѣ. Субалтернъ-офицеромъ онъ служилъ въ лейбъ-гвардіи Уланскомъ Его Величества полку. Владѣя двумя крупными имѣніями въ Тамбовской и Саратовской губерніяхъ, онъ особенно интересовался коневодствомъ. Его тамбовскій конскій заводъ, благодаря стараніямъ князя, увеличился и развился и въ настоящее время занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ, пользуясь прекрасной репутаціей. Завод-

скій производитель «Кряжъ» далъ цѣлый рядъ выдающихся рысаковъ. Въ саратовскомъ имѣніи было широко и продуктивно поставлено сельское хозяйство и спиртоводство. Саратовскіе погромы 1905 года разрушили три винокуренныхъ завода князя, сожгли также его экономію, и въ послѣдующіе годы покойный приложилъ немало усилій для возстановленія своего хозяйства въ прежнемъ видѣ. Его императорское высочество проводилъ послѣдніе годы зиму чаще всего за границей, лѣто же на собственной его высочества Сергіевской дачѣ близъ Стараго Петергофа. Онъ былъ дважды женатъ, имѣлъ двухъ сыновей и дочь, ихъ высочествъ князей Александра и Сергія и княжну Елену Георгіевну. Какъ человѣкъ, отличался замѣчательнымъ благородствомъ характера, необычайной добротой, сердечностью и отзывчивостью.

† **Рустицкій, О. А.** 13-го апрѣля въ Кіевѣ скончался заслуженный ординарный профессоръ университета св. Владимира по каѳедрѣ оперативной хирургіи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Осипъ Александровичъ Рустицкій. О. А. Рустицкій происходилъ изъ дворянъ. Среднее образованіе О. А. получилъ въ херсонской гимназіи, по окончаніи которой въ 1855 г. поступилъ въ университетъ св. Владимира на медицинскій факультетъ и по окончаніи курса въ университетѣ въ 1861 г. былъ удостоенъ степени лекаря. 1869 годъ онъ провелъ въ Берлинѣ, занимаясь у Лангенбека, Барделебена, Грефе и Вирхова. Въ 1870 г. покойный О. А. возвратился снова въ Кіевъ, гдѣ въ университетѣ св. Владимира защитилъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «Къ ученію о заживленіи ранъ роговой оболочки», и былъ удостоенъ степени доктора медицины. Послѣ этого О. А. Рустицкій снова отправился за границу, былъ на театрѣ франко-германской войны въ качествѣ врача, завѣдующаго лазаретомъ сперва у французовъ въ Вейсенбургѣ, а потомъ у нѣмцевъ двумя лазаретами, офицерскимъ и солдатскимъ, въ Эперне. Въ 1874 г. О. А. Рустицкій пріобрѣлъ званіе приватъ-доцента университета св. Владимира. Во время русско-турецкой войны О. А. Рустицкій былъ консультантомъ по хирургическимъ болѣзнямъ сперва въ лазаретахъ, помѣщавшихся въ саперныхъ баракахъ общества Краснаго Креста, а потомъ въ лазаретахъ того же общества, расположенныхъ въ Кіевѣ. Кромѣ того, состоялъ консультантомъ по хирургическимъ болѣзнямъ въ лазаретахъ Краснаго Креста, расположенныхъ по Фастовской линіи желѣзной дороги, а также въ военномъ лазаретѣ возлѣ Кіева. Въ 1893 году покойный О. А. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ казанскаго университета по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ топографической анатоміей, а въ 1897 году былъ произведенъ въ ординарные профессора и перешелъ въ Кіевъ въ университетъ св. Владимира, гдѣ занялъ каѳедру. Не чуждъ былъ покойный и общественной дѣятельности. Такъ, одно четырехлѣтіе съ 1902 по 1906 гг. онъ состоялъ гласнымъ кіевской городской думы, а въ послѣдніе годы принималъ живое участіе въ мѣстныхъ правыхъ организаціяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.965).

† **Соколовъ, С. И.** Московскій комитетъ по дѣламъ печати неожиданно утратилъ одного изъ старѣйшихъ своихъ членовъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Ивановича Соколова, скоропостижно скончавшагося вечеромъ 7-го мая. Покойный, сынъ сельскаго священника, родился въ 1852 году

въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи и воспитывался въ Виѳанской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ по первому разряду съ званіемъ студента въ 1872 году. Какъ питомецъ старой духовной школы, онъ съ любовью вспоминалъ о своемъ семинарскомъ воспитаніи, давшемъ ему и солидныя знанія въ области богословскихъ наукъ, и любовь къ литературнымъ занятіямъ, и тотъ твердый закалъ нравственныхъ убѣжденій, которыми почившій руководился до послѣдней минуты своей жизни. Съ особенною благодарностью С. И. относился къ двумъ своимъ лучшимъ руководителямъ: къ ректору Сергію (позже—архіепископу владимирскому) и профессору П. П. Делицыну. По окончаніи семинарскаго курса на долю покойнаго выпали занятія въ московской епархіальной библіотекѣ, гдѣ ему пришлось, по его же словамъ, «наводить порядокъ» и разбирать многія книжныя собранія, пожертвованныя лицами, сочувствующими духовному просвѣщенію, особенно коллекцію рукописей, доставленную библіотекѣ послѣ кончины митрополита Филарета и протоіерея Невоструева. Знаніе книжнаго дѣла, любовь къ дѣлу и необыкновенная аккуратность въ исполненіи порученій обратили вниманіе на ревностнаго и полнаго силъ С. И. Соколова со стороны редактора «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Каткова. Послѣдній, не разъ пользуясь книжными справками молодого библіотекаря, предложилъ ему мѣсто своего личнаго секретаря. Это было рѣдкою находкой для знаменитаго редактора и самою лучшею практикою для юнаго С. И. Соколова. Въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ покойный съ большимъ достоинствомъ исполнялъ нерѣдко весьма хлопотливыя, подчасъ довольно отвѣтственныя секретарскія обязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тогда же началъ свое сотрудничество въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», преимущественно печатая статьи по вопросамъ церкви и духовенства. Одинъ изъ его такихъ трудовъ вышелъ отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ: «По поводу нападеній на наше духовенство» (М. 1883 г., 41 стр.), и являлся сильною апологіей духовнаго сословія противъ неосновательныхъ обвиненій его въ застоѣ со стороны такъ называемаго «интеллигентнаго» общества. Послѣ кончины своего лучшаго литературнаго руководителя М. Н. Каткова, С. И. былъ назначенъ цензоромъ московскаго цензурнаго комитета и почти четверть вѣка, до послѣднихъ часовъ своей жизни являлся самымъ ревностнымъ и вполнѣ достойнымъ его членомъ, служа дѣлу «вѣрой и правдой», какъ весьма опытный и истинно-просвѣщенный человѣкъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1912 г., № 105).

† **Чаушанскій, М. В.** Въ ночь на 23-е апрѣля въ Одессѣ скончался отъ припадка грудной жабы дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ Чаушанскій, выслужившій тридцать пять лѣтъ мировымъ судьею, такъ сказать, перваго призыва. Онъ родился въ Одессѣ 6-го сентября 1844 г. Образованіе началъ въ третьей петербургской гимназіи при директорѣ Лемоніусѣ, преподавателѣ В. Стоюнинѣ и другихъ, а съ четвертаго класса обучался въ одесской второй гимназіи, гдѣ и окончилъ въ 1866 году курсъ съ отличіемъ (серебряною медаль). Вступивъ на математическій факультетъ только что открывшагося (точнѣе—преобразованнаго изъ Ришельевскаго лицея) новороссійскаго университета, онъ курса не кончилъ и сталъ заниматься юридическими науками. Въ 1870 году онъ начинаетъ службу по министерству юстиціи—по-

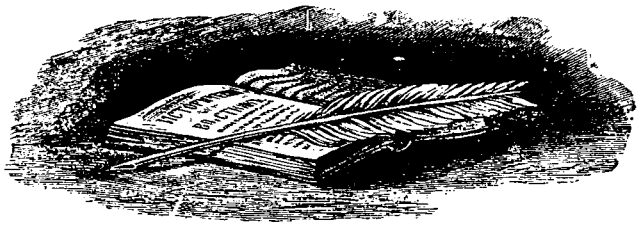
мощникомъ секретаря одесскаго уѣзднаго съѣзда мировыхъ судей. Возложенныя на него обязанности секретаря онъ исполнялъ лишь до ноября 1872 г., когда одесскимъ уѣзднымъ собраніемъ избранъ былъ мировымъ судьею и съ тѣхъ поръ удостаивался переизбранія на новыя и новыя трехлѣтія. Уже съ сентября 1874 года съѣздъ мировыхъ судей избралъ его въ непремѣнные члены, и въ этой должности онъ оставался до конца 1889 года. 1-го января 1887 года, послѣ ревизіи дѣлъ одесскаго съѣзда, произведенной самимъ министромъ юстиціи Набоковымъ, Михаилу Васильевичу высочайше пожалованъ былъ орденъ св. Владимира 4-ой степени за отличіе и въ противность всѣмъ правиламъ, ибо М. В. тогда еще вовсе не имѣлъ «шейныхъ орденовъ». Съ 1881 г. онъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьею по гор. Одессѣ. Въ октябрѣ 1889 г. М. В. получилъ назначеніе на должность мирового судьи 2-го участка гор. Риги. Тогда только что учреждены были въ Остзейскомъ краѣ новыя судебныя установленія (общія и мировыя). Въ нѣмецкій районъ требовались судьи русскіе, опытные, корректные, люди съ тактомъ и свѣдущіе. Въ числѣ весьма немногихъ, избранныхъ министромъ юстиціи изъ разныхъ концовъ нашего пространнаго отечества, оказался М. В. Чаушанскій, его зналъ уже и самъ министръ, его особенно рекомендовалъ тогдашній уважаемый прокуроръ одесской судебной палаты Владиміръ Антоновичъ Аристовъ, цѣнившій въ М. В. его трудолюбіе, знанія, необычную добросовѣстность. Въ Ригѣ М. В. и дослужилъ тридцать пять лѣтъ, пользуясь общимъ уваженіемъ. Въ 1905 году Рига съ грустью разсталась съ М. В., который рѣшилъ возвратиться въ родную Одессу. Здѣсь онъ вновь сталъ трудиться, но уже на иномъ поприщѣ, былъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта одной изъ лучшихъ женскихъ гимназій, учрежденной С.И.Видинскою, а въ послѣдніе годы—директоромъ акціонернаго южно-русскаго общества печатнаго дѣла. Ночью 23-го апрѣля, какъ уже сказано, земной судья предсталъ на судъ Небеснаго. Покойный былъ по характеру типичный сангвиникъ, безъ работы обходиться не могъ и всякій трудъ исполнялъ съ чрезвычайною быстротою и аккуратностью. Онъ былъ человѣкъ безхитростный, прямой, честнѣйшій, съ здравымъ практическимъ смысломъ, судья праведный, высоко державшій знамя судебныхъ уставовъ императора Александра II. Превосходный семьянинъ, глубоко и искреннѣйше религіозный, онъ былъ человѣкомъ «стараго вѣка» въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

† **Шаховской, М. Л., князь.** 28-го апрѣля послѣ тяжкой болѣзни скончался бывшій предсѣдатель Русскаго собранія, земскій дѣятель и писатель князь Михаилъ Львовичъ Шаховской. Покойный предсѣдательствовалъ въ Русскомъ собраніи непрерывно съ 1906 по 1910 гг. и являлся убѣжденнымъ выразителемъ національныхъ правыхъ мнѣній въ періодъ образованія политическихъ партій. Для Русскаго собранія онъ работалъ, не щадя своихъ силъ, предсѣдательствовалъ въ попечительномъ совѣтѣ гимназіи Русскаго собранія и редактировалъ «Вѣстникъ русскаго собранія». Кромѣ того, князь принималъ живѣйшее участіе въ образованіи союза правой русской печати и состоялъ предсѣдателемъ правленія этого союза. Покойный родился 6-го ноября 1846 г. По окончаніи курса въ Петровскомъ полтавскомъ корпусѣ онъ началъ военную службу въ кіевскомъ гусарскомъ полку, но вскорѣ покинулъ полкъ и посвятилъ себя земской и обще-

ственной дѣятельности. По выходѣ въ отставку князь М. Л. былъ избранъ губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ Харьковскаго и Волчанскаго уѣздовъ и три трехлѣтія подъ рядъ избирался почетнымъ мировымъ судьей. Въ концѣ 70-хъ годовъ, по приглашенію кіевскаго генералъ-губернатора А. Г. Дрентельна, онъ былъ мировымъ посредникомъ Звенигородскаго уѣзда, но вскорѣ оставилъ и эту службу, вернувшись на земскую работу въ Харьковскую губернію, гдѣ занялся преимущественно статистикой. Между прочимъ черниговское земство поручило ему завѣдываніе оцѣночно-статистическимъ бюро для выработки основаній оцѣнки недвижимыхъ имуществъ. Эту работу князь выполнилъ превосходно, создавъ планъ и программу оцѣночныхъ работъ и организовавъ бюро. Досуги своей общественной службы онъ отдавалъ литературнымъ занятіямъ. До переѣзда въ 1905 г. въ Петербургъ М. Л. состоялъ постояннымъ корреспондентомъ «Новаго Времени» въ Харьковѣ, его разсказы и земскіе очерки печатались преимущественно въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Мирномъ Трудѣ». Такъ называемую освободительную смуту съ крестьянскими возстаніями и погромами князь пережилъ въ Харьковской губерніи. Въ концѣ 1905 года онъ переселился въ Петербургъ и здѣсь принялъ боевое участіе, въ качествѣ предсѣдателя Русскаго собранія, въ борьбѣ политическихъ партій. Изъ его разсказовъ и воспоминаній назовемъ «Оригинальный случай» (эпизодъ изъ царствованія Александра II), «Дѣла давно минувшихъ дней», «Воспоминанія мирового посредника 70-хъ годовъ», «Смутное время въ Харьковѣ», «Возстаніе крестьянъ въ Харьковской губерніи», «Гапонъ и гапоновщина», изъ его земскихъ очерковъ: «Народная школа въ Харьковской губ.», «Система обезпеченія народнаго продовольствія въ земской практикѣ», «Мелкая земская единица» и др. Какъ дѣятель, покойный отличался честностью политическихъ взглядовъ, неподкупной прямотой убѣжденій и благородствомъ характера. Всѣ, кто зналъ его, цѣнили его трудоспособность и любили его, какъ добраго, милаго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.978).

† **Шидловскій, Сергѣй Владимировичъ.** Скончавшійся 4 мая профессоръ военно-медицинской академіи, академикъ Сергѣй Владимировичъ Шидловскій, пользовался заслуженной извѣстностью выдающагося гигіениста, много поработавшаго не только надъ теоретической разработкой вопросовъ гигіены, но и надъ практическимъ примѣненіемъ гигіеническихъ положеній въ обиходѣ общественной жизни. Покойный родился въ 1864 г. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи съ званіемъ лекаря онъ началъ службу чиновникомъ медицинскаго департамента и вскорѣ былъ командированъ въ Орловскую губернію для принятія мѣръ противъ холерной эпидеміи. Въ 1874 г. онъ недолго служилъ земскимъ врачомъ Тихвинскаго уѣзда и затѣмъ вновь вернулся въ медицинскій департаментъ съ прикомандированіемъ къ медицинской академіи для усовершенствованія. Когда вспыхнула русско-турецкая война 1877 г., покойный участвовалъ въ походѣ противъ горцевъ въ составѣ Ширванскаго полка и послѣ успокоенія возстанія находился во временномъ госпиталѣ взятаго Карса. Здѣсь среди тифозныхъ больныхъ онъ заразился тифомъ и счастливо перенесъ двѣ тяжелыя его формы. По выздоровленіи покойный служилъ недолго земскимъ врачомъ Новоладожскаго уѣзда. Отказъ земства въ введеніи нѣкото-

рыхъ улучшеній по организаціи земской медицины вызвалъ его уходъ съ земской службы и побудилъ отдаться всецѣло научной дѣятельности. Въ 1884 г. онъ защитилъ диссертацію «Очистка пескомъ воды для питья въ большихъ городахъ», представленную на степень доктора медицины, и затѣмъ опубликовалъ рядъ изслѣдованій: «О дезинфекціи жилищъ», «Мѣры обеззараживанія на случай появленія холеры», «О значеніи нѣкоторыхъ способовъ обеззараживанія жилищъ окислами азота», «О сѣрнистыхъ окуриваніяхъ» и др. Въ 1889 г. С. В. производилъ въ военно-медицинской академіи экзамены вмѣсто заболѣвшаго извѣстнаго гигіениста А. П. Доброславина и послѣ его смерти сталъ его замѣстителемъ въ академіи по каѳедрѣ гигіены. Съ этого времени покойный не разставался съ профессурой до 1909 г., когда покинулъ каѳедру за выслугой лѣтъ, отказавшись отъ предложеннаго почетнаго профессорства. Одновременно С. В. принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ жизни столицы, будучи приглашаемъ въ качествѣ авторитета для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ санитарнымъ и гигіеническимъ благоустройствомъ Петербурга. Особенно онъ много сдѣлалъ по выясненію неудовлетворительности въ гигіеническомъ отношеніи водоснабженія Петербурга и руководилъ между прочимъ изслѣдованіями воды Ладожскаго озера, находясь во главѣ экскурсіи. Кромѣ того, покойный состоялъ съ 1890 г. членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и долгое время былъ предсѣдателемъ гигіенической и біологической секцій общества охраненія народнаго здравія. Въ послѣдніе годы онъ избирался предсѣдателемъ общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ военно-медицинской академіи. Какъ профессоръ и человѣкъ, С. В. пользовался общими симпатіями всѣхъ знавшихъ и цѣнившихъ его. Въ родномъ ему селѣ Бирюченскаго уѣзда Воронежской губерніи онъ состоялъ попечителемъ мѣстной школы и на собственныя средства устроилъ библіотеку и организовалъ народныя чтенія при школѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 12985).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНІЯ „ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО ТОМА.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ 1912 года.

СТРАН.

Исторія одного убійства. (Романъ). (Окончаніе). **И. Я. Павловскаго.** 5, 353, 737

Страницы изъ моей жизни. (Окончаніе). **А. Е. Егорова.** 44, 388, 765

Больные. (Повѣсть). (Окончаніе). **Л. М. Добронравова.** 61

Французская артистка и русская графиня. **А. И. Соколовой.** 88

Во власти глупости. **М. А. Л—скаго.** 97, 461

Т. И. Филипповъ у себя дома. (Разсказъ бывшаго контрольнаго чиновника). **В. Г.** 123

Анекдотическій градоначальникъ. **А. Е. Кауфмана.** 132

Иллюстрація: Павелъ Алексѣевичъ Зеленой.

Газеты въ провинціи. (Воспоминанія и наблюденія). **М. Туринскаго.** . . . 151

Въ пасхальную ночь. (Изъ волжскихъ былей). **Н. Н. Оглоблина.** 177

«Гусевской бунтъ». (Воспоминанія изъ недалекаго прошлаго). **Л. А. Федосѣева.** 184

В. Н. Козловъ—ссыльно-каторжный. **П. Першина-Караксарскаго.** 193

Игнатій Платоновичъ Закревскій и введеніе судебной реформы въ царствѣ Польскомъ. (Отрывки изъ воспоминаній), **А. Е. К—та.** 206

Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятыхъ годовъ. (Продолженіе). **Б. Б. Глинскаго.** 219, 564

Гоненія старообрядцевъ на Уралѣ. **К. А. Сапѣгина.** 240

СТРАН.

Въ царствѣ тѣней и призраковъ. (Изъ прошлаго и настоящаго Литвы). **П. И. Кореневскаго.** 247

Иллюстраціи: 1) Костелъ Витовта въ Трокахъ.—2) Замковый островъ въ Трокахъ.—3) Развалины замка на Замковомъ островѣ.

На сплавѣ. **Г. Т. Сѣверцева-Полилова.** 405

За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). I—II. **В. Б. Бэргенсона.** 437, 800

Жертва времени. Разсказъ. **Н. А. Лаппо-Данилевской (Кредо).** 452

Артистическій кружокъ въ Москвѣ. (1865—1883). I—III. **П. А. Россіева.** 482, 878

Совсѣмъ сказочная быль. (Изъ архивнаго сенатскаго дѣла). **И. В. Мѣщанинова.** 499

Страничка изъ прошлаго. **К—ова.** 508

Памяти П. С. Виноовскаго. **А—ва.** 513

Протодіаконъ всея Россіи. (Семейное преданіе въ разсказѣ моей покойной матушки). **И. Г. Левкоева.** 515

Гордость Крыма. (Разбойникъ Алимъ). **М. В. Шевлякова.** 539

Воспоминанія о М. Е. Ковалевскомъ. **Е. П. Козалевскаго.** 546

Григорій Григорьевичъ Даниловичъ. **Профессора Д. В. Цвѣтаева.** 589

Русскій Крейцнахъ и Донецкая Ривьера. (Славянскія минеральныя воды и Святогорскій монастырь). **Н. А. Томина.** 596

Иллюстраціи: 1) Славянскъ. Харьковская улица и соборъ.—2) Купальни на Рѣпномъ озерѣ.—3) Паркъ Минеральныхъ водъ.—4) Курзалъ въ паркѣ Минеральныхъ водъ.—5) Святогорскій монастырь. Набережная Донца передъ гостиницей.—6) Святогорскій монастырь. Видъ обители съ запада отъ церкви св. Николая.—7) Донецкая мѣловая скала и гора Ѳаворъ.—8) Святогорскій монастырь. Часовня наверху мѣловой скалы и входъ въ подземную церковь Іоанна Предтечи.

Несчастіе отъ архіерея. **В. З. Головиной.** 780

Поняли. (Бытовой очеркъ). **К. Бурляева.** 815

И. А. Гончаровъ. (1812—1912). **Р. И. Сементковскаго.** 830

И. А. Гончаровъ за границей. **М. Ѳ. Суперанскаго.** 848

На родинѣ И. А. Гончарова. (Къ столѣтію рожденія знаменитаго романиста). **Н. А. Державина.** 869

Иллюстраціи: 1) Кандаковка, мѣсто дѣйствія романа «Обрывъ».—2) Домъ, гдѣ родился Гончаровъ въ Симбирскѣ.—3) Библіотека имени Гончарова въ Симбирскѣ.

СТРАН.

Евграфовъ. (Изъ жизни въ Туркестанѣ). **Джанура.** 902

Кавказская цензура. (Изъ недавняго прошлаго). **С. У.** 912

Ганонъ и его газета. **И. Г.** 923

Конфедератъ Савва Чаленко. 1740—1781. (Историческій очеркъ). **В. А. Алексѣева.** 933

Новая достопримѣчательность Москвы. (Къ открытію музея императора Александра III). **Князя Б. А. Щетинина.** 942

Иллюстрація: Иванъ Владимировичъ Цвѣтаевъ.

Памяти барона Нисси Токузиро. **Е. Ауз.** 947

Иллюстрація: Баронъ Нисси Токузиро.

На Южномъ Бугѣ. **В. В. Данилова.** 958

Иллюстрація: Мѣстечко Тыврово, Подольской губерніи.

Поѣздка въ Тавризъ. **Б. М. Гурьева.** 972

Иллюстраціи: 1) Джульфа. — 2) Отдѣленіе учетно-ссуднаго банка въ Джульфѣ.—2) Желѣзный мостъ черезъ р. Араксъ, соединяющій Россію съ Персіей. — 4) Станція Джульфа. — 5) Пассажирскій автомобиль у заставы Ямъ. — 6) Аджичайскій мостъ при въѣздѣ въ Тавризъ. — 7) Аджичайская станція. — 8) Армянскій кварталъ въ Тавризѣ.— 9 Тавризъ съ южной стороны.—10) Домъ управляющаго Тавризскимъ отдѣленіемъ банка.—11) Базаръ въ Тавризѣ.—12) Одинъ изъ караванъ-сараевъ.

Критика и библіографія. 269, 627, 1000

1) Отечественная война и русское общество. Редакція А. К. Дживилегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Томъ I. М. 1911. К.—2) Дмитріевъ-Мамоновы. Составили и издали А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ и В. А. Дмитріевъ-Мамоновъ. Спб. 1912. В. Рудакова.—3) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XLI. Тифлисъ. 1911. А. Хаханова.—4) Импер. царскосельск. лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. Дмитрія Кобеко. Спб 1911. Н. Л.—5) Домъ Романовыхъ. Къ трехсотлѣтнему юбилею царствованія (1613—1913 гг.). Иллюстрированный историческій очеркъ Г. Г. Попова. Спб. М. К—тъ.—6) «1812 годъ въ Калужской губерніи». Составилъ В. Ассоновъ. Калуга. 1911. Д. П. Богданова.—7) Андрей Александровичъ Титовъ. Памятка о немъ. Составилъ В. Е. Рудаковъ. Спб. 1911. Г.—8) Орестъ Семинъ. Великая годовщина. Аграрный вопросъ и крестьянская реформа на Кавказѣ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1911. А. Хахановъ.—9) Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ 38. Съ 287 рисунками. Спб. 1911. А. Миронова.—10) Кауфманскій сборникъ, изданный въ память 25 лѣтъ, истекшихъ со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанскаго края генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана I. Москва. В. М—на.—11) А. А. Танковъ. Историческій очеркъ курской Маріинской женской гимназіи. 1861—1911 гг. Курскъ. 1911. В. Р—ва.—12) Александръ Родныхъ. Исторія воздухоплаванія и летанія въ Россіи. Книга первая. Летаніе и воздухоплаваніе въ старину. Съ 54 снимками со старинныхъ рисунковъ. М—о.—13) Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдовательномъ развитіи съ приложеніемъ статей закона и высочайшихъ указовъ (съ четырьмя фотографическими таблицами). В. И. Ясевичъ-Бородаевской. Спб. 1912. Л. И.—14) А. В. Жиркевичъ. Сонное царство великихъ начинаній. Вильна. 1911. В. А—ва.—15) Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія на Западѣ и въ Россіи. Спб. Томъ I и II. В. Гр—скаго.—16) В. Е. Максимовъ. Очерки по исторіи русской литературы сороковыхъ—

шестидесятыхъ годовъ. Натуральная школа. (Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Герценъ, Некрасовъ и др. Спб. 1912.—С. А. Золотаревъ. Очерки по исторіи русской литературы. Ѳ. И. Тютчевъ, А. К. Толстой, А. А. Фетъ, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. М. Достоевскій, Л. Н. Толстой. Спб 1912. П. С.—17) Четвертый сборникъ стиховъ Вѣры Рудичъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1912. М. К—ть. — 18) Н. П. Лихачевъ. Историческое значеніе италогреческой иконописи. Изображенія Богоматери въ произведеніяхъ италогреческихъ иконописцевъ и ихъ вліяніе на композиціи нѣкоторыхъ прославленныхъ русскомъ иконъ. Спб. 1911. А. Я.—19) П. Е. Васильковскій. Чудеса растительнаго царства. (Популярные очерки изъ жизни растеній). Съ 161 рисункомъ. Спб. 1912. М—о.—20) Школа Левицкой. Спб. 1912. А. Фаресова.—21) «Родная Страна». Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ. С.— 22)Труды четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ 1908 г. Подъ редакціей графини Уваровой. Т. I, II и III. М. 1910 —1911. В. Руданова.—23) Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса.—М. Руссобтовскій. Спб. 1912. П. Майкова.—24) 1812 г. Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ. Н. П. Муратова. Тамбовъ. 1912. К.— 25) Тридцать одна книжка, изданныя книгоиздат. «Сельскаго «Вѣстника» къ столѣтію Отечественной войны. А. З. Е.—26) Храбрымъ безсмертіе. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военнаго быта и исторіи. Ч. II и III. Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ, подъ редакціею генералъ-майора Пруссака. Спб. 1912. Л. Н.—27) Русскій біографическій словарь. Щаповъ-Юшневскій. Спб. 1912. С. Н.— 28) Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ первый. (А. — Г.). Спб. 1912. В. Р—ва.— 29) В. Р. Апухтинъ. Народная военная сила. Дворянскія ополченія въ Отечественную войну. Томъ I. Спб. 1912. В.—30) Смутное время и Отечественная война (къ юбилеямъ 1613 и 1812 гг.). Подъ общей редакціей И. Н. Бородина. Т. I. О. Пирлингъ. Дмитрій Самозванецъ. Переводъ съ французскаго В. П. Потемкина. Москва. 1912. К. Кудряшова. — 13) Къ реформѣ Юліанскаго календаря. Три доклада Н. В. Степанова въ подкомиссіи по введенію въ Россіи новаго стиля при академіи наукъ. Спб. 1911. А. Хаханова. — 32) Васенко, С. В. «Годъ великаго испытанія» (Отечественная война). Для народа и начальныхъ школъ. Спб. 1911. Д. П. Богданова.— 33) Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составили Я. Г. Гуревичъ и Б. А. Павловичъ. Т. II. Спб. 1910. Т. III. Спб. 1911. А. Б.— 34) В. Адріанова. Матеріалы для исторіи цѣнъ на книги въ древней Руси XVI — XVIII вв. Памятники древн. письм. и искусства. CLXXVIII. Спб. 1912. И. А.—35) Андрей Александровичъ Титовъ. М. 1912. А. Б.—36) К. П. Покотило. Практическое руководство для начинающаго преподавателя исторіи. Спб. 1912. А. М. Ловягина. — 37) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1912 г. Составлена подъ редакціей члена-секретаря губернскаго статистическаго комитета Д. Г. Тюменева. 1912. В. Д. — 38) Baltischer historisch-geographischer Kalender. Рига. 1912. А. Мальмгрена.— 39) Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. (Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка). Съ вступительною статьею и примѣчаніями А. А. Чебышева. Спб. 1911. А. М — нз. — 40) В. И. Рѣзановъ. Трагедіи Ломоносова. Спб. 1911.—Его же. Къ исторіи русской драмы. Поэтика М. К. Сарбевскаго по рукописямъ музея кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Съ приложеніемъ чертежей. Нѣжинъ. 1911. Е. О. П.— 41) А. А. Кондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Спб. 1912. В. Данилова.—42) В. П. Авенаріусъ. Дочь посадничья. Повѣсть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы. Съ 53 рисунками. Спб. 1912. М—о.—43) В. П. Авенаріусъ. Среди враговъ (Дневникъ юноши, очевидца 1812 года). Спб. 1912. В. Гр—скаго.—44) В. В. Варнеке. Замѣтки объ Островскомъ. Одесса. 1912. П. С. — 45) Пѣтуховъ, Е. В. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Юрьевъ. 1911. Я. Бирюкова.—46) Принцесса Луиза Тосканская. Исторія моей жизни. Съ иллюстраціями. Москва. 1912. А. М. Нечаевой.—47) Н. В. Хвостовъ. Огни и отраженія. Спб. 1912. А. Фаресова.—48) В. Кутейниковъ. «Земныя пѣсни». Стихотворенія. Спб. 1912. Н. Л.—49) В. Розановъ. Уединенное. Спб. 1912. Б. Г. — 50) Бабинъ, А. В. Исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Томъ I и II. Спб. 1912. П. Б. — 51) А. Н. Львовъ. Въ странѣ Амонъ-Ра. Очерки Египта. Съ 28 акварелями А. Львовой. Спб. 1911. С. — 52) Мемуары къ исторіи бухгалтеріи и памятники священной старины. М. 1911. Н—ва.— 53) Библіотека Д. В. Ульянинскаго. Библіографическое описаніе. Томъ I. М. 1912. А. Б. — 54) Н. П. Кашинъ. Этюды объ А. Н. Островскомъ. М. 1912. В. Руданова. — 55) Ю. Новоселовъ. Латыши. Рига. 1911. А. Мальмгрена.— 56) Стародумцы и обновленцы. Составилъ гласный Ал. Пиленко. Спб. 1912. Н. Лид.—57) Кизеветтеръ, А. А. Историческіе очерки. Москва. 1912.

М. Клочкова. — 58) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по высочайшему повелѣнію императорскою археографическою комиссіею. Томъ двадцать второй. Русскій хронографъ. Часть первая. Хронографъ редакціи 1512 года. Спб. 1911. А. Я. — 59) Сенатскій архивъ. Т. XII. Спб. 1907. Т. XIII. Спб. 1909. Т. XIV. Спб. 1910. Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ. Отд. I, т. II. Спб. 1910. Отд. II, т. II. Спб. 1911. Отд. III, т. II. Спб. 1911. Матеріалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ 1-го департамента правительствующаго сената, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ, т. II. Спб. 1911. К. — 60) Е. Э. Ивановъ. Херсонесъ Таврическій. Историко-археологическій очеркъ. Съ рисунками и планомъ раскоповъ. (Изъ № 46 «Извѣстій таврической архивной комиссіи»). Симферополь. 1912. В. Рудакова. — 61) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 136-й. Протоколы конференціи при высочайшемъ дворѣ. Т. I. Спб. 1912. М. Клочкова. — 62) Васенко, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны. Съ предисловіемъ профессора С. Ѳ. Платонова. 2-е изд., съ портретами, рисунками, картами и съ копіей въ краскахъ съ картины И. Е. Рѣпина. Спб. 1912. К.— 63) Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. 25-й. Орен. 1911. Я. Бирюкова.—64) И. И. Огіенко. Изданія «Неба Новаго» Іоанникія Галятовскаго. Изъ исторіи старопечатныхъ книгъ. Кіевъ. 1912. И. А. — 65) Бѣлорусскія народныя мелодіи. Пѣсни сезонныя, обрядовыя, игорныя, танцы, духовные стихи. Бѣлорусскій сборникъ Е. Р. Романова, выпускъ седьмой. Вильна. Д. Бочкова.—66) Труды слушательницъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Т. I. вып. II подъ редакціей профессора И. А. Линниченка. Одесса. 1911. С. Авалiани. — 67) Судъ чести и дуэль въ войскахъ россійской арміи. П. А. Швейковскій. 3-е изд. исправл. и допол. полк. Вишняковымъ. Спб. 1912. Л. Н.—68) И. Алешинцевъ. Исторія гимназическаго образованія въ Россіи. Спб. 1912. П. С.—69) В. Флаголинъ. За кулисами моего театра. Спб. 1911. А. М. Нечаевой. — 70) Юліанъ Кулаковскій. Исторія Византіи. Т. II. (518—602). Съ четырьмя картами, тремя рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Кіевъ. 1912. А. М—на.—71) Валерій Брюсовъ. Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія. М. 1911. О.—72) Paul Baron Osten-Saken. Liflandische Geschichtsliteratur. 1908. Рига. 1911. А. Мальмгрена. — 73) Очеркъ исторіи Арменіи въ связи съ общимъ ходомъ событій въ передней Азіи. Періодъ I. Древняя исторія. Лекціи Г. А. Халатьянца М. 1910. А. Х. — 74) П. Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб. 1911. П. С.—75) Сборникъ работъ учащихся въ школѣ императорскаго общества поощренія художествъ. Ч. I. Вып. I и II. Г.—76) Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Слѣпая Любовь. Романъ. Спб. 1912. Р.—77) А—въ. Славный сибирякъ И. А. Худяковъ. (Библіотека сибирскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей № 1). Спб. 1911. Я. Бирюкова.—78) А. М. Якимахъ. Одинъ изъ скромныхъ героевъ Отечественной войны и второй французской кампаніи. Кіевъ. 1912. В. Р—ва.—79) L. Goertz и A. Brosse, Heimatbuch. Für die baltische Jugend. 2-я часть. Рига. 1912. А. Мальмгрена.—80) Heimatstimmen. Ein baltisches Hausbuch. Т. V, съ иллюстр. Ревель—Лейпцигъ. 1912. А. Мальмгрена.—81) Описаніе экскурсій учащихся виленскаго учебнаго округа за 1910 годъ. По порученію управленія виленскаго учебнаго округа составилъ А. И. Шестовъ. Вильна. 1911. Д. Бочкова.

Заграничныя историческія новости и мелочи 306, 672, 1035

1) Исторія — легенда, легенда — исторія. — 2) Новый безсмертный о франко-русскомъ союзѣ. — 3) Отовсюду.—4) Дипломатическая игра Екатерины II и шведскаго короля Густава III. — 5) Игальянская критика о русской музыкѣ.—6) Отовсюду.—7) Дневникъ королевы Швеціи Гедвиги-Елизаветы-Шарлотты. — 8) Отовсюду.

Смѣсь 326, 696, 1061

1) Чествованіе памяти святѣйшаго патріарха Гермогена.—2) Торжественное собраніе въ память патріарха Гермогена.—3) Въ обществѣ по изслѣдованію древнихъ памятниковъ.—4) Общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи въ Москвѣ.—5) Въ археологическомъ обществѣ.—6) Годовое собраніе юридическаго общества.—7) Открытіе тамбовскаго отдѣла императорскаго военно-историческаго общества.—8) Юбилей К. Д. Бальмонта. — 9) Къ сорокалѣтію научной дѣятельности И. Т. Тарасова.—10) Юбилей журнала «Кормчій». — 11) На выставкѣ печати.

СТРАН.

12) Общество ревнителей исторіи.—13) Засѣданіе кружка ревнителей Отечественной войны 1912 года.—14) Охрана старины.—15) Юбилеи В. А. Мазуркевича и Н. В. Корецкаго.—16) Юбилей В. В. Огрѣльской.—17) Всероссійское литературное общество.—18) Присужденіе премій Государя Императора. — 19) Отъ императорскаго вольнаго экономическаго общества.—20) Отъ комитета попечительства о трудовой помощи.—21) Призывъ императорскаго русскаго техническаго общества на помощь пострадавшимъ отъ неурожая.—22) Ломоносовъ и Елизаветинское время.—23) Двухсотлѣтіе тульскаго оружейнаго завода. — 24) Въ обществѣ защиты старины. — 25) Императорское военно-историческое общество въ Москвѣ. — 26) Общество научнаго института въ Москвѣ.—27) Чествованіе памяти И. А. Гончарова въ академіи наукъ. — 28) Чеховская комната.—29) Пятидесятилѣтіе шестой гимназіи. — 30) Чествованіе двадцатипятилѣтія служенія въ санѣ епископа митрополита Антонія.—31) 60-лѣтній юбилей В. А. Евреинова.—32) Конкурсъ имени А. Н. Островскаго. — 33) Отъ ярославской городской управы. — 34) Отъ особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года.

Некрологи 343, 713, 1076

1) Алипій, епископъ. — 2) Вѣлозерская, Н. А. — 3) Берендтсъ, А. Н., профессоръ.—4) Вадимова, Д. М.—5) Вороновъ, А. П.—6) Власьевъ, Г. А.—7) Гурій, архіепископъ. — 8) Лабутинъ, І. К.—9) Мандельштамъ, М. Е.—10) Никифоровъ, С. Г.—11) Никулинъ, В. В.—12) Рябининъ, И. М.—13) Сулима-Дмитріева, М. Г. — 14) Тургеневъ, П. Н. — 15) Халатьянцъ, Г. А.—16) Арсеньевъ, О. А. — 17) Варнекъ, Л. Н. — 18) Великая княгиня Вѣра Константиновна.—19) Воларовичъ, П. Е.—20) Громова, А. И.—21) Драшусовъ, В. А.—22) Ивановъ, В. И.—23) Иванюковъ, И. И., профес.—24) Іоасафъ, епископъ. — 25) Корсаковъ, И. А. — 26) Нагорскій, В. Ѳ.—27) Немолодышевъ, В. А.—28) Никольская, О. Я.—29) Пимоненко, Н. К.—30) Прохановъ, А. С — 31) Ратьковъ-Рожновъ, В. А. — 32) Рейнгардъ, В. В.—33) Садовскій, П. Т. — 34) Сундукьянцъ, Габріэль. — 35) Толстая, Марія Николаевна.—36) Тумановъ, В. М.—37) Ульяновъ, Г. К.—38) Философова, А. П.—39) Хрущевъ, К. Д. — 40) Читау-Огарева, А. М.—41) Шулятиковъ, В. М. — 42) Юдинъ, Г. В. — 43) Ежовъ И. Л. — 44) Засодимскій, П. В. — 45) Косоротовъ, А. И. — 46) Лосичевичъ, С. Д. — 47) Малешевскій, Б. Ф. — 48) Маршнеръ, Л. Х. — 49) Фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, графъ Николай Дмитріевичъ. — 50) Павленковъ, Л. Н. — 51) Петрункевичъ, М. И. — 52) Пташицкій, И. Л. — 53) Его императорское высочество Георгій Максиміліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій.—54) Рустицкій, О. А.—54) Соколовъ, С. И. 55) Чаушанскій, М. В. — 56) Шаховской, Л. М. — 57) Шидловскій, Сергѣй Владимировичъ.

Замѣтки и поправки 352, 735,

1) Отъ редакціи.—2) І. Опроверженіе. Московскаго градоначальника генерала-майора Адріанова. — 3) Отвѣтъ редакціи. — 4) Къ статьѣ Турнскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Игнатія Платоновича Закревскаго.—2) Михаила Евграфовича Ковалевскаго—3) Ивана Александровича Гончарова.—3) Докторъ Струэнзе. Историческій романъ III. Низе. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. (Окончаніе).—5) Пурпуръ. Историческій романъ Эдварда Штильгебауера. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-й.

Открыта подписка на роскошный художественно-литературный журналъ по образцу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій**

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и модъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизнь Европы. Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣна, Римъ и т. д.—Придворный и парламентскій бытъ.—Дипломатическій міръ.—Европейскіе университеты.—Женское движеніе.—Литература, искусство, ученые, артисты.—Уголки русской жизни заграницей.—Путешествія, романы, повѣсти.—Міръ изящнаго.—Красота на сценѣ и въ жизни.—Портреты артистокъ и красавицъ, рисунки, сцены.—Веселые наброски, юмористика.—Театры и моды.—Особый отдѣлъ: изъ міра таинственнаго, необычайныя явленія, загадки бытія.—Міръ духовъ.

Картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Галлерея Картинъ «ПАРИЖСКАГО САЛОНА».

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ роскошныхъ большихъ тетрадей парижскаго образца—**составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читаленъ.**

2 преміи ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ въ **1912** году. **2 преміи.**

„ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ".

(Художественные разсказы и интимныя признанія свѣтской женщины).

«ЕВРОПЕЙСКІЕ КУРОРТЫ»

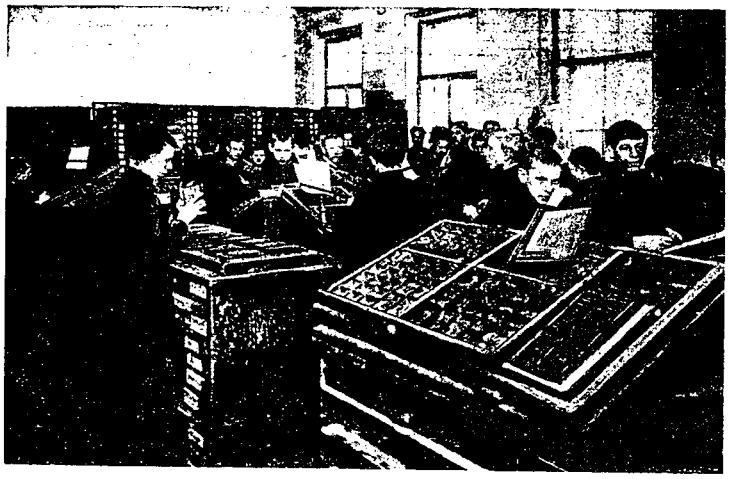
I. **Карлсбадъ.** Художественное описаніе И. Н. Потапенко съ изящными иллюстраціями и подробнымъ справочнымъ отдѣломъ для русской публики.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей **4** руб., на полгода **2** руб. Заграницу **6** руб. въ годъ (съ преміей).

Особенно роскошные (веленевые) экземпляры **6** руб. въ годъ (съ преміей).

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА УВЕЛИЧЕНЪ.

Подписка принимается въ редакціи «Европейской Жизни»: С.-Петербургъ, Невскій просп., № 94, кв. 9, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

И. Богдановъ.

НАБОРНО-ТИПОГРАФСКОЕ ДѢЛО

КРАТКІЙ КУРСЪ

ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Допущенъ Учеными Комитетами: Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Торговли и Промышленности „въ качествѣ учебнаго пособія въ промышленныя и профессіональныя учебныя заведенія въ курсъ коихъ входитъ изученіе печатнаго дѣла".

Цѣна въ переплетѣ 1 руб.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени".

Типографія А. С. Суворина. Спб., Эртелевъ, 13.